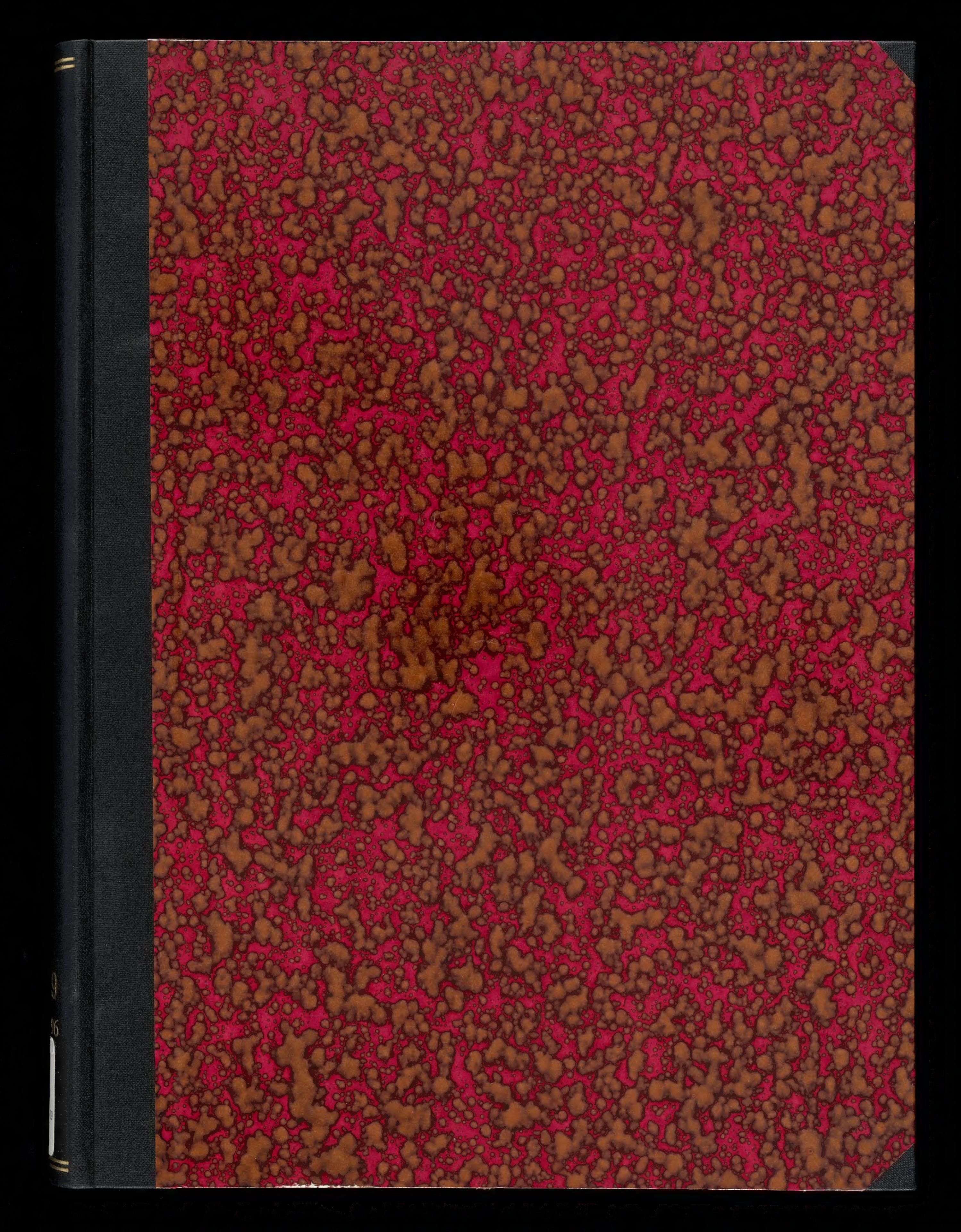

THE GETTY CENTER LIBRARY
Why ask for the moon
when we have the stars?
AS

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 18.

КУРГАНЫ ЮЖНАГО ПРИЛАДОЖЬЯ.

Н. Е. БРАНДЕНБУРГА.

СЪ XIV ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И СЪ 27 ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40).
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Приладожье только въ послѣднее время стало освѣщаться путемъ болѣе или менѣе систематическихъ изысканій въ археологическомъ отношеніи, ибо издаваемому нынѣ труду предшествовала высоко-интересная работа проф. А. Иностранцева о доисторическомъ человѣкѣ каменнаго вѣка Ладожскаго озера, появившаяся въ 1882 г., и любопытныя раскопки доктора Швиндта около Кексгольма, изданныя только въ 1893 г. Нашъ трудъ, слѣдовательно, является уже третьимъ; при всемъ томъ, однако, археологу въ Приладожьѣ еще много дѣла.

Но это не значитъ еще, чтобы упоминаемая мѣстность ранѣе представляла почву дѣвственную въ томъ же отношеніи. Напротивъ, имѣются любопытныя свѣдѣнія, что здѣсь (именно на Волховѣ) были произведены однѣ изъ первыхъ, можно даже сказать—вообще первыя археологическія раскопки въ Россіи. Такъ въ изданномъ въ 1713 г. Гюссеномъ въ Лейпцигѣ описаніи С.-Петербурга [1]) передается, что евангелическій пасторъ В. Толле [2]) еще до 1710 года совершилъ археологическую экскурсію за Шлиссельбургъ и Старую Ладогу, для производства курганныхъ раскопокъ, причемъ имъ были найдены разныя древности, которыя послѣ его смерти поступили въ собственность Паули (Генералъ-штабъ-пастора при фельдмаршалѣ баронѣ Гольцѣ), современника Гюссена. Паули была составлена и опись или реэстръ самыхъ находокъ, который въ извлеченіи также приводится Гюссеномъ [3]).

Далѣе, въ одномъ рукописномъ сочиненіи о курганахъ Россіи и Сибири, составленномъ въ 1816 г. Штрандманомъ [4]), находимъ нѣсколько указаній, что въ тѣхъ же курганахъ на Волховѣ уже въ половинѣ прошлаго столѣтія производились раскопки, хотя, повидимому, просто хищническія. Такъ Штрандманъ, передавая, что въ Старой Ладогѣ въ одномъ кур-

---

[1]) *H. G.* (*Гюссенъ*): «Exacte relation von Festung und Stadt St. Petersbourg» (см. также русскій переводъ, впрочемъ неполный, издан. въ 1860 г. Импер. Публ. Библіотекой).

[2]) Первый пасторъ реформатской церкви въ С.-Петербургѣ, прибывшій въ 1704-мъ и умершій осенью 1710 года.

[3]) По словамъ послѣдняго существовали даже рисунки, сдѣланные Толле карандашемъ съ собранныхъ имъ древностей. Изъ описи (впрочемъ неясной) видно, что Толле были найдены около Ст. Ладоги остатки трупосожженія, съ положеніемъ ихъ въ урны (которыя онъ называетъ готскими), нѣсколько монетъ и какія-то «орудія для жертвоприношенія и погребенія» (по всей вѣроятности ножи и лопатки, свойственныя курганамъ Приладожья).

[4]) «Algemeine Bemerkungen über die alten Grabhügel oder Kurgane in Russland und Sibirien», рукоп. Румянц. музея, посвященная канцлеру Румянцеву (копія въ Импер. Археологической Коммиссіи).

ганѣ еще при Сабуровѣ [1]) были выкопаны какія-то необыкновенной величины человѣческія кости, упоминаетъ далѣе объ огромномъ курганѣ ниже Ладоги, глубоко разрытомъ кладоискателями, и прибавляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что большая часть могильныхъ насыпей по Волхову, вѣроятно, была опустошена уже въ весьма древнія времена. Въ 1824 г. здѣсь же побывалъ извѣстный Ходаковскій [2]) и засталъ мѣстнаго владѣльца Томилова за раскопкой, въ которой также принялъ участіе; не найдя однако при послѣдней ничего, кромѣ углей, Ходаковскій принялся за дослѣдованіе той же огромной насыпи, о которой уже упоминалъ Штрандманъ [3]), и только на девятый день могъ добраться до ея подошвы, но найти ему удалось лишь нѣсколько костей, угли и желѣзную стрѣлу.

Затѣмъ, въ 40-хъ годахъ нѣсколько раскопокъ на р. Сяси были произведены Ушаковымъ и въ 60-хъ покойнымъ В. Прохоровымъ на Волховѣ (близь Ст. Ладоги), но о результатахъ намъ неизвѣстно, равно какъ и относительно раскопки большаго кургана въ 1879 или 1880 г., произведенной близь Ладоги же (на урочищѣ Побѣдищѣ) великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ съ покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ. Наконецъ въ исходѣ 70-хъ же годовъ еще нѣсколько кургановъ были разрыты Д. Европеусомъ, изъ коихъ два также на Волховѣ (у дер. Велеши), а другіе на рр. Валгамѣ, Воронегѣ и Свири; имъ были найдены различные предметы, аналогичные съ помѣщаемыми въ настоящемъ трудѣ и находящіеся частью въ коллекціяхъ Гельсингфорскаго университета, частью въ коллекціи Ujfalvi въ Парижѣ [4]).

Такимъ образомъ въ Южномъ Приладожьѣ уже съиздавна выслѣживается рядъ отрывочныхъ или единичныхъ работъ, предпринимавшихся съ разными цѣлями, но въ большинствѣ оставшихся для науки безплодными; онѣ въ особенности замѣтны на низовьяхъ Волхова, гдѣ уже и намъ пришлось встрѣтить лишь крайне ограниченное число могильныхъ насыпей, сохранившихся еще въ цѣлости.

Лично нами въ томъ же Приладожьѣ было въ 1878—84 г. изслѣдовано около 150 кургановъ, главнымъ образомъ по теченію р. Паши и ея притокамъ, гдѣ они оказались почти нетронутыми. Собранныя при этомъ коллекціи поступили въ собственность Императорской Археологической Коммиссіи. Что касается извлеченнаго при этомъ же матеріала краніологическаго, то всѣ найденные черепа были въ разное время переданы въ Антропологическій отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ, но, къ величайшему сожалѣнію и по причинамъ отъ насъ не зависѣвшимъ, помѣстить въ нашъ трудъ какія либо краніометрическія о тѣхъ же черепахъ данныя намъ возможности не представилось.

---

[1]) Мѣстный землевладѣлецъ, которому около 1774 г. принадлежало и извѣстное Старо-Ладожское городище.

[2]) См. его «Путешествіе по Россіи».

[3]) Этотъ громадный курганъ (на лѣвомъ берегу Волхова, ниже Ладоги) несмотря на его двукратную раскопку еще и понынѣ довольно хорошо сохранилъ свою внѣшнюю форму.

[4]) *I. Аспелинъ*, «Antiquités du nord finno-ougrien», отд. V, 223. См. также *Д. Европеуса*, Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы, по поводу раскопокъ въ финно-угорской области» (Извѣст. Рус. географич. общ., т. XV).

Относительно обработки предлагаемыхъ ниже матеріаловъ замѣтимъ, что, сознавая всю важность сравнительнаго метода въ подобныхъ работахъ, мы старались примѣнить послѣдній въ возможно широкомъ, доступномъ для насъ размѣрѣ. Извѣдавъ также на опытѣ все значеніе самыхъ журналовъ раскопокъ, недостатокъ которыхъ такъ ощутителенъ въ нашей археологической литературѣ, мы нашли необходимымъ помѣстить въ видѣ приложенія сокращенный дневникъ раскопокъ въ южномъ Приладожьѣ, какъ сторону дѣла документально-фактическую, составляющую, вмѣстѣ съ общимъ описаніемъ, основаніе всей работы; личные же наши взгляды и заключенія, какъ часть субъективную, мы предпочли выдѣлить въ особый отдѣлъ общихъ сравнительныхъ замѣчаній, съ которыми, конечно, не всѣ могутъ быть согласны.

Наконецъ считаемъ пріятной обязанностью выразить здѣсь глубочайшую признательность Ю. Е. Ананову, взявшему на себя сложный и кропотливый трудъ разбора и опредѣленія кальцинированныхъ костей разныхъ животныхъ, найденныхъ въ могилахъ съ трупосожженіемъ, въ смѣси съ человѣческими; приносимъ также благодарность гг. Ю. Б. Иверсену, барону В. Г. Тизенгаузену и Н. И. Веселовскому, за любезную ихъ помощь по опредѣленію найденныхъ въ курганахъ Приладожья монетъ западно-европейскихъ и восточныхъ.

Н. Бранденбургъ.

Введеніе.

Южное прибрежье Ладожскаго озера поставлено въ археологическомъ отношеніи въ довольно благопріятныя условія. Сохранившіеся въ этой мѣстности остатки культуръ первобытной и доисторической, даютъ возможность начинать здѣсь археологическое изученіе со временъ самой глубочайшей древности, съ первобытныхъ аборигеновъ этого края съ ихъ культурой каменнаго вѣка и затѣмъ выслѣдить доисторическій бытъ мѣстнаго населенія въ эпоху вѣка желѣзнаго, т. е. дойти такимъ образомъ по лѣстницѣ археологическихъ памятниковъ до первыхъ страницъ исторіи. Подобныя условія совпадаютъ не часто.

Когда приблизительно ступила впервые нога дикаго рыболова-охотника каменнаго вѣка на необитаемыя до тѣхъ поръ окраины Ладожскаго озера? Откуда могъ прибыть сюда этотъ первобытный насельникъ и, наконецъ, что можетъ быть сказано вообще о заселеніи Приладожья во времена доисторическія,—вотъ вопросы, невольно возникающіе при первыхъ же попыткахъ освѣтить, путемъ изученія мѣстныхъ доисторическихъ памятниковъ, утонувшее въ сотняхъ вѣковъ прошлое того же Приладожья.

Но вопросы эти, при всемъ своемъ интересѣ, ускользаютъ еще отъ болѣе или менѣе тѣснаго рѣшенія; отвѣты на нихъ не вышли еще изъ области проблемъ, за извѣстной частью которыхъ имѣются лишь свои вѣроятія, но и только. Тѣмъ не менѣе съ проблемами этими нельзя не считаться, и такъ какъ онѣ не лишены интереса, то думаемъ, что умѣстно будетъ сдѣлать здѣсь по поводу ихъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Извѣстно, что многочисленные слѣды или остатки первобытныхъ поселеній каменнаго вѣка въ южномъ Приладожьѣ, были въ послѣднее время открыты при проведеніи Сясскаго и Свирскаго каналовъ [1]), и послужили предметомъ тщательнаго изученія для одного изъ нашихъ спеціалистовъ геологовъ; профессоръ Иностранцевъ въ трудѣ своемъ [2]) дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ попытку опредѣленія степени древности упомянутыхъ культурныхъ остатковъ, съ точки зрѣнія исключительно, впрочемъ, геологической. Опредѣленіе это, если бы было установлено вполнѣ незыблемо, можетъ давать относительное представленіе, съ какимъ громаднымъ періодомъ времени приходится считаться въ вопросѣ о степени древности заселенія Приладожья: въ монографіи доказывается (на основаніи условій залеганія тѣхъ же остатковъ въ торфѣ и слоистыхъ песчаныхъ отложеніяхъ), что

[1]) Въ прошедшемъ столѣтіи таковые-же были замѣчены и при проведеніи Ладожскаго канала, но на нихъ въ то время не было обращено никакого вниманія.

[2]) «Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера», Спб. 1882 г., — трудъ весьма богатый исчерпываемымъ имъ археологическимъ матеріаломъ.

въ эпоху пребыванія здѣсь современнаго сдѣланнымъ находкамъ человѣка, Ладожское озеро еще не сообщалось ни съ Онежскимъ озеромъ, ни съ Финскимъ заливомъ, т. е. еще не существовало рѣкъ Свири и Невы; что прорывъ водъ изъ Онежскаго водоема въ Ладожскій (долиною нынѣшней Свири), поднявъ уровень послѣдняго, затопилъ ближайшія его окрестности, на которыхъ ютился первобытный обитатель рыболовъ-охотникъ, не вѣдавшій еще употребленія металловъ, и затѣмъ началось то отложеніе слоистыхъ песковъ, которые погребли подъ собою разные культурные остатки упомянутыхъ поселенцевъ. Въ послѣдующую эпоху Ладожское озеро, открывъ себѣ стокъ проливомъ въ Финскій заливъ (гдѣ позже образовалось русло Невы), снова понизилось и такимъ образомъ опять обнажило затопленныя свои прибрежья, въ нѣдрахъ которыхъ и сохранились открытыя въ наше время кости и каменныя издѣлія той глубочайшей древности.

Такова геологическая картина, уносящая первые слѣды присутствія здѣсь человѣка за невѣдомыя тысячелѣтія отъ нашей эры [1]), хотя нельзя не замѣтить, что мнѣніе автора монографіи о степени древности приладожскихъ находокъ встрѣчаетъ извѣстныя возраженія съ точки зрѣнія археологической, и нуждается еще въ поддержкѣ новыми фактами. Впрочемъ, положеніе, выставленное г. Иностранцевымъ, остается въ данномъ случаѣ пока единственнымъ, какъ построенное по крайней мѣрѣ на фактахъ болѣе или менѣе положительныхъ, хотя оно имѣетъ характеръ лишь условный. Къ существующимъ попыткамъ абсолютнаго или хронологическаго счисленія для каменнаго вѣка онъ не безосновательно относится скептически и лишь съ крайней осторожностью рѣшается указать, что, примѣняя въ Приладожьѣ пріемы, аналогичные съ употребленными швейцарскими геологами и археологами, можно-бы вычислить древность первобытныхъ поселеній въ Приладожьѣ приблизительно въ 8000—9000 лѣтъ, но что разсчетъ этотъ шатокъ. Считаемъ возможнымъ прибавить съ своей стороны, что если также допустить извѣстное вѣроятіе напр. въ томъ, что, согласно нѣкоторымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, ладожскіе аборигены предшествовали еще временамъ индо-европейскихъ переселеній [2]), то тѣмъ-же аборигенамъ можно насчитать не менѣе тысячъ десяти лѣтъ, такъ какъ сторонниками азіятской прародины индо-европейцевъ принимается приблизительно подобный періодъ для эпохи упомянутыхъ переселеній [3]). Но все это во всякомъ случаѣ не можетъ служить надежными опорными точками.

---

[1]) Въ трудѣ г. *Немирова* «Опытъ исторіи С.-Петерб. биржи» (1888 г. вып. I) приводится не безъинтересный сводъ нѣкоторыхъ геологическихъ данныхъ, имѣющихъ отношеніе сюда-же. На основаніи работъ нашихъ ученыхъ авторъ дѣлаетъ приблизительный разсчетъ времени, потребовавшагося на процессъ разъединенія общихъ ранѣе водъ Бѣлаго и Балтійскаго морей (въ послѣледниковый періодъ), путемъ постепеннаго поднятія промежуточной между ними мѣстности или образованія Бѣломорскаго-Балтійскаго перешейка, объусловившаго въ свою очередь образованіе системы озеръ, въ томъ числѣ Онежскаго и Ладожскаго, чѣмъ такимъ образомъ намѣчается и крайній предѣлъ возможности перваго появленія человѣка на ихъ прибрежьяхъ. Изъ приводимыхъ авторомъ цифръ (стр. 10) упомянемъ только, что по его разсчетамъ образованіе береговыхъ террасъ Онежскаго озера, должно было произойти въ періодъ отъ 16—13000 лѣтъ до Р. Х.

[2]) Между прочимъ еще покойный *А. Котляревскій* утверждалъ, какъ несомнѣнную истину, что вообще каменный вѣкъ и его орудія въ Европѣ относятся къ какому-то неизвѣстному племени, обитавшему въ послѣдней до прибытія индо-европейскихъ колонизаторовъ («Древности» — Труды Моск. Археол. Общ., т. I: Металлы и ихъ обработка у племенъ индо-европейск., 46—53).

[3]) *Ѳ. Кеппенъ*, «Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ индо-европейск. племени» (Журналъ Мин. Народн. Просв. 1886 г. № VIII, 202). Сторонники другихъ теорій, въ томъ числѣ и самъ *Кеппенъ* (ib. № XII, 247—48), отыскивающіе прародину индо-европейцевъ въ вост. Европѣ (на среднемъ Поволжьѣ), думаютъ, что послѣдніе

Не менѣе туманной завѣсой задернутъ вопросъ и о томъ, откуда могли явиться въ Приладожье эти первобытные его насельники. Въ послѣдній періодъ каменнаго вѣка,—говоритъ г. Ворсо въ своемъ любопытномъ этюдѣ о колонизаціи Россіи и скандинавскаго Сѣвера [1],—Европейская Россія находилась подъ вліяніемъ по крайней мѣрѣ двухъ потоковъ цивилизаціи: одинъ изъ нихъ, исходя съ юго-запада и распространившись постепенно по берегамъ Средиземнаго моря, Атлантическаго океана и морей Сѣвернаго и Балтійскаго, принесъ въ южную Россію и оттуда въ сѣверо-западныя и сѣверныя ея части цивилизацію каменнаго вѣка, уже довольно развитую; другой, исходившій, вѣроятно, съ сѣверо-востока и востока, привелъ изъ сѣверной и средней Азіи въ сѣверную Россію, Финляндію и Лапландію дикія племена, которыя состояли частью изъ охотниковъ и рыболововъ, частью изъ кочевыхъ оленеводовъ. Два эти потока раздѣлялись первоначально громадными лѣсами и пустырями внутренней Россіи, но отъ увеличенія населенія они мало по малу, повидимому, сблизились другъ съ другомъ.

Таково въ данномъ случаѣ мнѣніе одного изъ компетентныхъ судей въ вопросахъ первобытной археологіи, слѣдуя которому остается допустить, что появленіе Приладожскихъ аборигеновъ составляетъ конечный результатъ поступательнаго движенія первобытной цивилизаціи съ юга [2], такъ какъ онъ же принимаетъ, что дикія племена, увлеченныя другимъ движеніемъ цивилизаціи съ сѣверо-востока и востока, прибыли въ сѣверную Россію сравнительно уже поздно, причемъ Ворсо, не колеблясь, считаетъ ихъ принадлежавшими преимущественно къ финской расѣ.

Нѣсколько иначе смотритъ на тотъ-же вопросъ ученый авторъ «Основъ финско-угорской археологіи» [3] I. Аспелинъ, хотя и начинаетъ свое изслѣдованіе съ каменнаго вѣка (именно съ поздней его эпохи), видя такимъ образомъ въ мѣстныхъ аборигенахъ Прибалтійскаго края, Финляндіи и др., между прочимъ слѣдовательно и Приладожья, тѣхъ же финновъ [4], но не соглашается, чтобы финское племя пришло изъ средней и сѣверной Азіи, утверждая, что

могли передвинутся къ югу на Кавказъ и далѣе въ Персію, Авганистанъ и Индію лишь по осушеніи Манычскаго пролива, соединявшаго Арало-Каспійское море съ Азовскимъ и Чернымъ (уровень послѣдняго въ періодъ древняго каменнаго вѣка принимается почти на 75 саж. выше нынѣшняго); упомянутое осушеніе пріурочиваютъ къ эпохѣ примѣрно за 400 лѣтъ до Р. Х. Слѣдуетъ однако вспомнить, что одинъ изъ конечныхъ результатовъ переселеній восточныхъ арійцевъ—великій народъ индусовъ—является уже образовавшимся около 2000 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно, начало тѣхъ-же переселеній уходитъ въ невѣдомую даль за этотъ періодъ.

[1]) *Worsaae*, «La colonisation de la Russie et du nord scandinave».

[2]) За чѣмъ, быть можетъ, имѣются извѣстныя вѣроятія, въ виду напр. того, что слѣды древнѣйшаго періода каменнаго вѣка открыты у насъ около Каменецъ-Подольска, затѣмъ въ южныхъ частяхъ Польши (Мамонтова пещера въ долинѣ Рудавы), въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавск. губ., въ Воронежской губ , въ Владимірской близь Мурома (Карачарово) и пр. Но эти же факты опровергаютъ мнѣніе г. *Ворсо*, что слѣды пребыванія первобытнаго человѣка въ Россіи появляются только въ послѣдній періодъ каменнаго вѣка. Покойный графъ *А. Уваровъ*, въ главѣ V извѣстнаго своего труда (Археологія Россіи — Каменный періодъ) съ достаточнымъ основаніемъ показалъ, что Россія уже въ палеолитическую эпоху была населена до 55° сѣв. широты (до которой доходили тогда мамонты и носороги) и что геологическія условія залеганія найденныхъ мамонтовыхъ остатковъ съ древними каменными орудіями опредѣляютъ даже самую эпоху появленія человѣка (напр. въ Полтавской и Владимірской губерніяхъ), именно въ послѣ-ледниковый періодъ.

[3]) Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства 1874—76 г. (Рецензія г. *Филимонова*).

[4]) Онъ напр. указываетъ, что финны уже за 1000 лѣтъ до Р. Х. жили у Балтійскаго моря и что только одна восточная вѣтвь ихъ (Корелы Олонецк. губ.) могла явиться позже. Такого же взгляда на происхожденіе представителей культуры каменнаго вѣка въ восточной и юго-восточной Балтикѣ, держался и проф. *Гревингкъ* (Труды IV Археол. съѣзда, т. I, прил. — О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ), но считалъ ихъ пришельцами съ востока. Любопытно однако, что Гревингкъ отрицаетъ всякое сходство между каменными орудіями Финляндіи и Балтійскими,

отыскивать происхожденіе упомянутаго населенія нужно скорѣе на западѣ, чѣмъ на востокѣ [1]). Значительно далѣе и—можно сказать—смѣлѣе, идутъ въ этомъ же отношеніи нѣкоторые другіе изслѣдователи; напримѣръ, покойный финнологъ Д. Европеусъ нашелъ основанія положительно высказаться, что даже единственнымъ фактическимъ длинноголовымъ народомъ Европы были праотцы финско-угорской или финно-мадьярской семьи, что время, когда они могли населять Скандинавію, Германію, Францію и Англію, падаетъ на древнѣйшій періодъ, еще до прибытія индо-европейскаго населенія этихъ странъ, и что эти финно-угорскіе праотцы пришли въ Европу изъ юго-западной Азіи (черезъ Малую Азію и Дарданеллы), ибо только въ юго-западной Азіи финско-мадьярскіе предки могли, по крайней мѣрѣ подъ конецъ, составлять нераздѣльную группу съ праотцами индо-европейской семьи [2]).

Не безъинтересно въ свою очередь сопоставить съ этимъ и мнѣніе автора уже упоминавшейся монографіи о доисторическомъ человѣкѣ побережья Ладожскаго озера: проф. Иностранцевъ заявляетъ [3]), что—«краніологическое изслѣдованіе череповъ приладожскаго человѣка каменнаго вѣка показало, что это не славяне, не финны, не монголы, но, прибавимъ мы отъ себя (говоритъ авторъ), — это и не арійцы. У арійцевъ уже такъ много домашнихъ животныхъ, у нихъ извѣстны металлы, а нашъ приладожскій человѣкъ зналъ только камень и кость и съумѣлъ приручить только собаку. Такое сопоставленіе заставляетъ насъ отодвинуть въ глубь временъ, далеко за времена арійцевъ, человѣка каменнаго вѣка Ладожскаго побережья и видѣть въ немъ представителя еще болѣе древняго родоначальнаго племени». Любопытно однако, что рядомъ съ этимъ-же въ трудѣ г. Иностранцева читаемъ мнѣніе одного изъ компетентныхъ лицъ, изучавшаго тѣ-же приладожскія находки именно въ краніологическомъ отношеніи: проф. А. Богдановъ устанавливаетъ напротивъ, какъ наибольшую научную вѣроятность, что потомки исконнаго населенія, населявшаго Россію съ каменнаго періода, суть именно славяне-великоруссы [4]).

Наконецъ можно вспомнить, что по заключенію нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ антропологовъ (проф. Ю. Кольманъ)—русскія владѣнія въ Европѣ были населены въ VIII —

почему не видитъ возможности считать ни одну изъ балтійскихъ народностей за идентичную съ Финнами, т. е. современными обитателями Финляндіи (*Н. Харузинъ*, «Обзоръ доисторич. археологіи Балтійск. губ.»—Временникъ Эстл. губ. 1893 г. кн. I, 112).

[1]) Остается еще вспомнить мнѣніе *Ретиіуса*, который выводитъ Финновъ съ Кавказа! (Извѣстія Общества люб. естеств., антропол. и этнографіи, т. XXVII: Антропологич. выставка. т. I, 115).

[2]) *Д. Европеусъ*, «Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы, по поводу раскопокъ въ древней финско-угорской области» (Извѣстія Рус. географ. общества, т. XV, 13, 14). Подобныя-же схемы намѣчаетъ и *Ѳ. Кеппенъ*, въ своихъ «Матеріалахъ къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европ. и финно-угорск. племени» (Жур. Мин. Народ. Просв., 1886 г. № 8). Онъ принимаетъ что «повидимому, финны составляли первобытное населеніе сѣверной и частью средней Европы» (стр. 209), но поддерживая взгляды *Д. Европеуса* на первобытное родство индо-европейскаго и финскаго племени (стр. 217—219), *Кеппенъ* приходитъ къ заключенію, что необходимо допустить существованіе когда-то первобытной родины нераздѣльныхъ еще аріо-финновъ, которая по разнымъ приводимымъ имъ соображеніямъ должна была однако находиться въ восточной половинѣ Европейской Россіи, именно на среднемъ Поволжьи (ib. № 12, стр. 237 — 240). Неизвѣстныя чрезвычайныя событія (быть можетъ наступленіе послѣдней поры сильнаго пониженія температуры, или усиленно-холоднаго періода) повлекли раздѣленіе первобытныхъ аріо-финновъ на двое: одна часть (будущее финно-угорское племя) была отодвинута на востокъ (къ южнымъ отрогамъ Урала), другая-же (будущее индо-европейское племя), вѣроятно, перекочевала къ югу, и т. д. (ib. стр. 245—247).

[3]) «Доисторическій человѣкъ» и пр. стр. 237.

[4]) ibid стр. 125.

XI в. тѣми-же расами, какъ и остальная западная Европа (таковыхъ въ ней съ неолитическаго періода было пять) и что расъ этихъ въ большей части Россіи, какъ устанавливаетъ проф. Н. Зографъ, было двѣ: одна изъ нихъ, длинноголовая широколицая, есть славяно-литовская, которая происходитъ отъ стараго населенія, строившаго курганы, другая-же также широколицая, но короткоголовая—урало-алтайскяя. Послѣдняя, извѣстная также подъ именемъ финновъ, существовала здѣсь задолго до пришествія славянъ, почему и должна разсматриваться какъ племя первичное [1]).

Трудно разобраться въ подобномъ рядѣ разнорѣчій, и позволительно думать, что все это требуетъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, пока-же вопросъ остается темнымъ.

Къ тѣмъ-же упомянутымъ слѣдамъ первобытной культуры Приладожья могутъ быть отнесены и отдѣльныя находки каменныхъ орудій, сдѣланныя въ новѣйшее время на берегахъ рѣкъ Паши, Сяси и Волхова, частью на поверхности земли, частью въ составѣ мѣстныхъ курганныхъ насыпей [2]), но въ какое соотношеніе онѣ могутъ быть поставлены къ находкамъ, описаннымъ г. Иностранцевымъ, рѣшить еще трудно.

Какъ-бы то ни было, но въ общемъ продолжительность первобытной культуры въ Приладожьѣ охватываетъ огромный періодъ времени. Легко быть можетъ даже, что этотъ огромный періодъ раздѣляется извѣстнымъ промежуткомъ времени, въ теченіи котораго Приладожье снова сдѣлалось необитаемымъ, такъ какъ существуютъ научныя теоріи, въ силу которыхъ допускается возможность, что около десятаго тысячелѣтія до Р. Х. наступила послѣдняя пора, отличавшаяся сильнымъ пониженіемъ температуры, послѣдній такъ сказать отблескъ давно минувшаго ледниковаго періода [3]), и что этотъ усиленно-холодный промежутокъ могъ заставить удалиться или выселиться племена, жившія уже въ сѣверной и средней Европѣ. Продолжительность его неизвѣстна, но если вообще что либо подобное дѣйствительно имѣло мѣсто, то невозможно-ли поставить въ связь съ нимъ вопросъ о вторичномъ въ такомъ случаѣ заселеніи края уже новыми пришельцами, именно племенами угро-финскими, которыхъ большинство ученыхъ выводятъ съ востока и которыя также еще въ незапамятныя времена уже проникли въ сѣверную Россію? Въ подобной схемѣ двойственности и разновременности происхожденія приладожскаго населенія, быть можетъ могли-бы отчасти найти соглашеніе и разныя противорѣчивыя мнѣнія о происхожденіи того-же населенія съ запада или востока, ибо при этомъ исчезаетъ необходимость болѣе чѣмъ сомнительнаго отожествленія угро-финскихъ племенъ съ коренными аборигенами нашей мѣстности въ первобытномъ ея періодѣ. Но и подобная схема не идетъ далѣе лишь извѣстнаго вѣроятія.

---

[1]) Извѣстія Общества любителей естеств., антр. и этн., т. LXXX, вып. I. Дневникъ отдѣла антропологіи, статья проф. *Ю. Кольмана* о Московск. международномъ конгрессѣ 1892 г. стр. 17, 18, 23.

[2]) *Д. Европеусъ*, «Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы», стр. 13, 14. (Извѣстія Рус. геогр. Общ., т. XV).

Н. Бранденбургъ, «О слѣдахъ камен. вѣка въ южномъ Приладожьѣ» (Вѣстникъ археологіи и исторіи, издан. Археологическимъ Институтомъ, 1888 г., вып. VII).

[3]) *Ѳ. Кеппенъ*, «Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ индо-европейск. племени» (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1886 г., № 12). По новѣйшимъ возрѣніямъ возможность межледниковой эпохи допускается именно лишь для нѣкоторой части Финляндіи, Олонецкой и Прибалтійскихъ губерній (Извѣстія Общества люб. естеств., антроп. и этн. т. LXXX. вып. I. Дневникъ отдѣла антропологіи, статья проф. *Ю. Кольмана* о Московск. международномъ конгрессѣ 1892 г.).

Около начала нашей эры въ этотъ густой туманъ начинаютъ проникать слабые лучи свѣта, начинаетъ выясняться фактическое заселеніе сѣверной половины Россіи упомянутыми угро-финскими племенами. Извѣстно, что Тацитъ упоминаетъ о восточныхъ сосѣдяхъ германцевъ, которыхъ онъ называетъ *Fenni*, и хотя рисуетъ послѣднихъ стоящими на весьма низкой степени культурнаго развитія, но тѣмъ не менѣе сообщеніе его въ данномъ случаѣ весьма важно, ибо является самымъ раннимъ историческимъ указаніемъ, заявляющимъ уже въ I—II в. по Р. Х. о той народности, съ которой, какъ будетъ пояснено ниже, стоитъ въ тѣсной связи и древнее населеніе Приладожья. Въ виду того-же пріобрѣтаетъ большой интересъ и свидѣтельство Тацита о культурномъ уровнѣ современныхъ ему финновъ, у которыхъ по его словамъ—«удивительная дикость, гнусная бѣдность, нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни пенатовъ, пищей служитъ трава, на одежду шкуры, вмѣсто ложа земля; одна надежда на стрѣлы, которыя по недостатку (inopia) желѣза заостряютъ изъ костей, и та-же охота питаетъ мужчинъ и женщинъ....; единственнымъ убѣжищемъ дѣтямъ отъ звѣрей и непогоды служитъ какая нибудь плетенка изъ вѣтвей».

Вѣроятно частью на основаніи этого извѣстія установилось мнѣніе, что въ эпоху постепеннаго и продолжительнаго водворенія финновъ на Балтійскомъ побережьѣ они находились еще на весьма низкой степени цивилизаціи, не возвышаясь напр. выше культуры костяныхъ стрѣлъ, и расширили начатки послѣдней позже, черезъ соприкосновеніе съ народами, знакомыми съ земледѣліемъ, т. е. германцами, литовцами и славянами, къ каковымъ взглядамъ привели и изслѣдованія извѣстнаго Альквиста [1]). Однако многое можно высказать и противъ. Уже Ѳ. Кеппенъ не безъ основанія указалъ, что результаты, добытые въ упомянутомъ отношеніи Альквистомъ, не могутъ считаться надежными [2]); и въ такой-же опозиціи къ послѣднему стоялъ покойный финнологъ Д. Европеусъ [3]).

Далѣе, по мнѣнію О. Шрадера—факты, добытые филологической палеонтологіей, приводятъ къ заключенію, что западные финны уже при движеніи своемъ изъ Уральскихъ земель къ берегамъ Бѣлаго моря, Ботническаго и Финскаго заливовъ сотни лѣтъ находились подъ вліяніемъ своихъ болѣе образованныхъ сосѣдей, что заключается изъ присутствія въ западнофинскихъ языкахъ громаднаго количества словъ, заимствованныхъ изъ германскихъ и леттославянскихъ языковъ [4]). Проф. Доннеръ думаетъ нѣсколько иначе, именно, что волжскобалтійскіе финны жили совмѣстно долгое время послѣ отдѣленія отъ пермской группы, слегка соприкасаясь съ германскими народами, отъ которыхъ заимствовали десятичную систему счисленія и незначительное количество культурныхъ словъ; новые историческіе перевороты двинули западно-финскіе народы дальше на западъ и сѣверъ, и на это время приходится періодъ перваго значительнаго вліянія германцевъ (первыя столѣтія нашей эры); въ это время становится впервые замѣтно и литовское вліяніе [5]).

---

[1]) *Л. Майковъ*, «О древней культурѣ западныхъ финновъ», 13.

[2]) Журналъ Мин. Народ. Просв. 1886 г., № VIII, 221.

[3]) Труды II Археол. съѣзда. Дополненіе къ статьѣ объ Угорскихъ народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣвер. Россіи.

[4]) *О. Шрадеръ*, «Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія», 63.

[5]) Проф. *Смирновъ*, «Мордва» (Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этногр. при Казанскомъ университетѣ, 1892 г., т. X).

Такимъ образомъ упомянутое воззрѣніе на культуру древнихъ финновъ, не возвысившуюся даже до употребленія металловъ, возбуждаетъ извѣстныя сомнѣнія, да едва-ли и слова самого Тацита можно принимать безусловно, ибо онъ-же напр. говоритъ сначала, что у финновъ нѣтъ оружія и они питаются травой, а далѣе упоминаетъ о стрѣлахъ и питаніи финновъ-же охотою. Во всякомъ случаѣ даже изъ словъ того-же историка еще не вытекаетъ положительнаго незнакомства финновъ съ металлами, ибо, упоминая объ употребленіи ими костяныхъ стрѣлъ, онъ говоритъ, что послѣдними они пользуются въ виду *недостатка* (inopia) желѣза, но значитъ-ли здѣсь «недостатокъ» именно полное отсутствіе, или-же только сравнительную рѣдкость,—неизвѣстно. Возможно, что финны, нуждаясь въ желѣзѣ, могли прибѣгать къ костянымъ стрѣламъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, въ видахъ такъ сказать экономическихъ; по Амміану Марцелину, костяные наконечники стрѣлъ употребляли и Гунны, но это не исключало у нихъ-же вооруженія мечами [1]), а напр. Б е р ъ утверждалъ, что арійскія племена, проникшія въ сѣверную Европу, даже заимствовали обработку желѣза именно у финновъ [2]). Наконецъ незнакомство послѣднихъ съ металлами не согласуется и съ миѳами тѣхъ-же финновъ, такъ что, какъ кажется, вообще вопросъ о степени дикости ихъ, по крайней мѣрѣ во времена Тацита, нуждается еще въ пересмотрѣ, тѣмъ болѣе, что новѣйшія археологическія данныя свидѣтельствуютъ о наличности культуры такъ называемаго древняго желѣзнаго вѣка въ Прибалтійскомъ краѣ уже во времена того-же историка.

Какъ бы то ни было, но появленіе финновъ въ сѣверной половинѣ Россіи уже заявляется на страницахъ исторіи. Съ другой стороны, исландскія саги передаютъ, что сѣверныя части Россіи, Финляндіи и Скандинавіи заселяли Іотуны или Хиси (Hiisi) [3]), которыхъ новѣйшіе финнологи отожествляютъ съ древнею Югрою и такимъ образомъ получается указаніе на какое-то еще коренное населеніе, слѣды котораго и понынѣ еще сохранились въ мѣстныхъ географическихъ названіяхъ.

По причинѣ близкой связи подобныхъ указаній съ предметомъ настоящаго труда необходимо на этомъ остановиться нѣсколько болѣе.

Оставляя въ сторонѣ темный вопросъ о томъ, когда и гдѣ именно составляли упомянутые угро-финны еще единое нераздѣльное племя [4]), можно отмѣтить лишь, что по выводамъ современной финнологіи обѣ эти народности вообще являются древнѣйшими насельниками сѣверной Россіи уже лишь по своемъ полномъ разъединеніи, т. е. по распаденіи на угровъ

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, «Исторія русской жизни», 321.

[2]) *Л. Майковъ*, «О древней культурѣ западныхъ финновъ», 29.

[3]) Извѣстные у лопарей скандинавской, финляндской и русской Лапландіи подъ названіемъ Теутте, т. е. Чуди (Знаніе 1874 г. № 11 и 12: *Д. Европеусъ*—«Первобытный народъ на Сѣверѣ....» и пр.).

[4]) Гипотезы объ этомъ крайне разнообразны (см. *Кеппена*, «Матеріалы къ вопросу о первонач. родинѣ индоевропеск. и финно-угорск. племени» — Журналъ Мин. Народ. Просв. 1886 г. № 8, стр. 205—207), болѣе-же достовѣрною считалась высказанная *Кастреномъ*, что первобытная родина финно-угровъ находилась по близости Саянскаго хребта и Алтая; но и эта гипотеза нашла себѣ антагониста, въ лицѣ покойнаго финнолога *Д. Европеуса*. Послѣдній (въ дополненіи къ статьѣ своей «Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи» — см. Труды II Археол. съѣзда въ С.-Петербургѣ, также Журналъ Мин. Народ. Просв. 1868 г. Іюль: «Къ вопросу о народахъ обитавшихъ въ средн. и сѣв. Россіи до прибытія славянъ) не безъосновательно возражаетъ, что около Алтая невозможно отыскать никакихъ угро-финскихъ названій мѣстностей и что въ пользу гипотезы *Кастрена* научныхъ доказательствъ не только не имѣется, но безъ сомнѣнія никогда и не будетъ найдено! Съ своей стороны *Кеппенъ* поддерживая *Клапрота*, думаетъ примирить тѣже противорѣчія, указывая родиной финноугровъ Уральскій хребетъ.

и собственно финновъ [1]), причемъ первые принимаются за болѣе древнихъ колонизаторовъ края, позже частью оттѣсненныхъ финнами, частью добровольно покинувшихъ занятую ими территорію и переселившихся далеко на западъ и наконецъ частью имѣющихъ еще своихъ представителей понынѣ, въ составѣ инородческаго населенія сѣверной полосы Россіи [2]).

Филологическое изученіе мѣстностей послѣдней указываетъ на происхожденіе этихъ названій—однѣхъ какъ отъ бывшаго здѣсь населенія въ тѣсномъ смыслѣ угорскаго, другихъ—какъ непосредственно финскаго, причемъ полное преобладаніе остается именно за первыми. Весьма важныя и основательныя указанія въ этомъ отношеніи принадлежатъ Д. Европеусу, который, на основаніи филологическихъ изслѣдованій по тому-же вопросу, выступаетъ противъ мнѣнія, что въ до-русскія времена средняя и сѣверная Россія была занята настоящими собственно такъ называемыми финнами, оставившими будто-бы здѣсь свои курганы и названія мѣстностей [3]). На основаніи тѣхъ-же изслѣдованій, г. Европеусъ положительно утверждаетъ, что упомянутое мнѣніе совершенно невѣрно, что чисто финская область (безъ всякой примѣси угорскихъ названій) «занимаетъ только пространство около Онежскаго озера и южной половины Ладожскаго, продолжаясь неширокою полосой до Эстляндіи. На востокъ и юго-востокъ финскія названія не доходятъ до р. Онеги и Бѣлоозера, на югъ-же не переходятъ далѣе Тихвина и нынѣшней Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги, а южнѣе Невы и Финскаго залива идутъ лишь верстъ на двадцать» [4]). Въ прочихъ мѣстахъ области угорскихъ названій сѣверной и средней Россіи, по удостовѣренію его-же, нѣтъ никакихъ названій непосредственно финскаго происхожденія [5]).

Неспеціалистамъ нельзя не согласиться съ доводами г. Европеуса, въ виду фактическаго ихъ обоснованія на данныхъ, не опровергнутыхъ еще той-же финнологіей, почему нѣтъ повода не раздѣлять его положительнаго заключенія, что на сѣверѣ Россіи (отъ Ледовитаго океана до р. Оки) въ до-русскія времена жилъ многочисленный и могущественный

[1]) По мнѣнію венгерскаго академика *Буденца*, прафинское племя распалось нѣкогда на двѣ группы: сѣверную составили предки нынѣшнихъ лопарей, зырянъ съ вотяками и вогуловъ съ остяками и мадьярами, южную—мордва, черемисы и суоми («Мордва»—очеркъ проф. *Смирнова*, въ Изв. Общ. археологіи, ист. и этногр. при Казанск. универс. 1892 г. т. X).

[2]) Т. е. вогуловъ и остяковъ, которые считаются непосредственными потомками древней угорской народности и ближайшими одноплеменниками современныхъ мадьяровъ или венгровъ.

[3]) Журналъ Мин. Народ. Просв. 1868 г. Іюль: «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ».

[4]) *Д. Европеусъ*, «Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, до прибытія туда нынѣшнихъ жителей (Труды II Археол. съѣзда 1876 г.). По другимъ указаніямъ границу западныхъ или балтійскихъ финновъ проводятъ такъ: на западѣ—по берегу Балтійс. моря, отъ Рижскаго залива до сѣвернаго края Ботнич. залива и далѣе на сѣверъ-же до сѣвернаго океана; на востокѣ—по извилистой линіи, идущей отъ южной части Рижскаго залива къ южнымъ предѣламъ Чудскаго озера, далѣе къ устью Волхова, по южному побережью Ладожскаго и Онежскаго озеръ и отъ верхней оконечности послѣдняго на сѣверъ до Бѣлаго моря (*Л. Майковъ*, «О древней культурѣ финновъ», 8).

[5]) Оппонентомъ *Европеуса* выступилъ *Альквистъ*, заявившій въ свою очередь, что «въ средней Россіи, равно какъ и вездѣ около Бѣлаго моря и даже Бѣлоозера, въ до-русскіе времена жили собственно такъ называемые финны» и что результаты изслѣдованій *Д. Европеуса* не вѣрны. Нельзя не отмѣтить однако, что когда затѣмъ послѣдній сдѣлалъ г. *Альквисту* вызовъ указать въ пользу своихъ словъ хотя-бы три названія мѣстностей съ финскимъ окончаніемъ изъ того-же раіона, то *Альквистъ* ограничился въ отвѣтъ лишь условной ссылкой на прежнія мнѣнія Кастрена, Шегрена и Миллера, не прибавивъ ничего новаго, хотя въ сущности (по разъясненію *Европеуса*) упомянутые ученые ничего согласно съ ссылкой на нихъ *Альквиста* не утверждали, по крайней мѣрѣ относительно средней Россіи. (Тамъ-же, Дополненіе къ статьѣ объ угорск. народѣ и пр.).

народъ Угры, господствовавшій нѣкогда на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера. Но по ближайшему отношенію къ предмету настоящаго труда, особый интересъ и значеніе пріобрѣтаетъ вышеприведенное уже указаніе, что среди этой угорской народности южное Приладожье составляетъ часть территоріи, занятой въ до-русскія времена именно финнами, территоріи, на которой по утвержденію Д. Европеуса — «нельзя отыскать ни одного названія мѣстности съ угорскимъ окончаніемъ».

Весьма любопытенъ вопросъ, когда-же приблизительно могла заселиться этими babграми вся сѣверная половина Россіи и когда среди нихъ-же могло явиться упомянутое населеніе въ тѣсномъ смыслѣ финское? Если Тацитовскіе *Fenni* идентичны именно съ финнами, то слѣдовательно послѣдніе становятся извѣстными уже въ I — II в. нашей эры, но въ такомъ случаѣ времена предшествовавшихъ имъ угровъ отодвигаются много далѣе. Кеппенъ [1]) присоединяясь къ мнѣнію другихъ историковъ и лингвистовъ, также считаетъ положительнымъ, что передвиженіе собственно финновъ къ сѣверу и сѣверо-западу имѣло мѣсто лишь по распаденіи ихъ на три нынѣшихъ группы [2]), а ранѣе того, примѣрно до первыхъ столѣтій по Р. Х., тѣ-же финны жили еще въ видѣ нераздѣльнаго племени на средней Волгѣ, и такимъ образомъ оба эти обстоятельства какъ-бы указываютъ на начало нашей эры какъ на періодъ, къ которому приблизительно можетъ пріурочиваться передвиженіе непосредственно самихъ финновъ. Впрочемъ надо сознаться, что и это положеніе покоится еще на довольно слабыхъ основаніяхъ.

На тѣ-же переселенія собственно финновъ, совершавшіяся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, указываютъ какъ на причину постепеннаго вытѣсненія или исчезновенія упомянутыхъ выше угровъ изъ нѣкоторыхъ раіоновъ занятой послѣдними территоріи и замѣщенія ихъ финнами [3]). Очень вѣроятно, что подобныя замѣщенія могли совершаться путями весьма разными, частью насильственно, частью путемъ добровольнаго удаленія того-же угорскаго населенія, или смѣшенія съ пришельцами, частью-же и путемъ занятія финнами быть можетъ еще незаселенныхъ пространствъ, на которыхъ (какъ напр. въ южномъ Приладожьѣ) не оказывается, по изслѣдованіямъ, никакихъ географическихъ названій угорскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ о нѣкоторыхъ изъ добровольныхъ или вынужденныхъ передвиженіяхъ древней угры, вызванныхъ тѣмъ или другимъ давленіямъ, знаетъ уже и исторія. По разъясненіямъ Д. Европеуса [4]), упоминаемые греческими и латинскими историками, болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ, племена, какъ-то Унугуры, Утигуры, Сарагуры и т. п., какъ появившіяся въ тѣ времена на сѣверныхъ прибережьяхъ Чернаго моря, суть не что иное, какъ полчища угровъ [5]); но еще и до Европеуса высказывались любопытныя соображенія,

[1]) «Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени» (Журналъ Мин. Народ. Просв. 1886 г., № 8, стр. 210.

[2]) Т. е. Пермскую (Зыряне, Пермяки и Вотяки), Приволожскую (Мордва и Черемисы) и Западно-Финскую (финны въ тѣсномъ смыслѣ, Водь, Эсты и пр.).

[3]) Быть можетъ, слѣды той-же борьбы выражаются и въ финскомъ эпосѣ, въ отношеніяхъ между жителями Калевалы и населеніемъ Похьолы—страны сѣвера («Калевала» полный переводъ *Бѣльскаго*, приложенія, 609).

[4]) «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ» (Журналъ Мин. Народн. Просв., Іюль, 1868 г.).

[5]) Названія упомянутыхъ племенъ, по указанію *Европеуса*, чисто вогуло-остяцко-венгерскія: Унугуры=Великая Угра, Утигуры=Малая Угра, Сарагуры=Бѣлая Угра.

что напр. часть уральской югры, обитавшей въ первыхъ столѣтіяхъ нашей эры на Уралѣ, носившая названіе маджаръ, появилась въ верховьяхъ Яика и отчасти на берегахъ Волги, а затѣмъ вслѣдствіе тѣсныхъ сношеній съ хазарами около VII в. переселилась на Кавказъ [1]), но въ IX стол. двинулась на западъ, съ чѣмъ и совпадаетъ извѣстный фактъ прохожденія угровъ (по Европеусу унугуровъ-венгровъ) мимо Кіева, занесенный и въ нашу начальную лѣтопись [2]).

Такимъ образомъ современное состояніе вопроса о ходѣ заселенія сѣвера Россіи во времена доисторическія ставитъ и предметъ настоящаго труда въ непосредственную связь съ изученіемъ вещественныхъ памятниковъ тѣхъ-же древнихъ финно-угорскихъ народностей вообще, для уясненія которыхъ археологическій матеріалъ курганныхъ могилъ южнаго Приладожья долженъ поэтому представлять не только существенное, но и выдающееся значеніе. Съ другой стороны въ то-же Приладожье съ незапамятныхъ временъ начинаетъ проникать струя колонизаціи славянской, спускавшейся сюда съ береговъ Ильменя по Волхову. Историческія указанія на подобную роль Новгорода относятся къ XI вѣку, но по справедливому замѣчанію Е. Барсова—это еще не можетъ означать начала того-же движенія, которое, безъ сомнѣнія, возникло гораздо ранѣе, хотя и трудно присоединиться къ его-же мнѣнію, что новгородскіе славяне и ихъ значеніе въ указываемомъ отношеніи были извѣстны уже Тациту [3]), т. е. въ I — II в. по Р. Х.! Во всякомъ случаѣ, эта новгородская колонизація несомнѣнно должна была оставить свои памятники въ Приладожьѣ, что вноситъ новый интересъ въ изслѣдованіи послѣдняго.

Наконецъ не можетъ быть оставленъ безъ вниманія и третій элементъ населенія, — тѣ варяги нашей начальной лѣтописи, которые уже въ IX вѣкѣ сбирали дань съ славянъ, чуди, мерянъ и др. и вообще играли такую важную роль на первыхъ страницахъ русской исторіи. Культурные слѣды ихъ, безъ сомнѣнія, должны были также сохраниться въ Приладожьѣ.

Все это указываетъ, что изученіе археологическихъ памятниковъ послѣдняго представляетъ важное значеніе въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ, удерживаясь въ то-же время на болѣе или менѣе опредѣленной этнографической почвѣ, или въ извѣстныхъ этнологическихъ границахъ. Нельзя однако не замѣтить и того, что въ ряду относящихся сюда памятниковъ существуетъ значительный, вѣроятно даже весьма большой перерывъ, такъ какъ въ южномъ Приладожьѣ за остатками первобытной культуры каменныхъ орудій непосредственно слѣдуютъ памятники культуры, усвоившей уже себѣ на ряду съ бронзой широкое употребленіе желѣза. Другими словами—здѣсь остатки каменнаго вѣка смѣняются памятниками вѣка желѣзнаго, и притомъ позднѣйшаго періода послѣдняго, такъ что между обѣими культурами нѣтъ никакихъ посредствующихъ звеньевъ, или переходныхъ ступеней отъ камня къ

[1]) На берегахъ Кумы. Въ связь съ этими маджарами ставится и самый городъ того-же названія, развалины котораго существуютъ понынѣ.

[2]) *А. Б.*, «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» (Вѣстникъ Геогр. Общества 1855 г., ч. XIV, 186).

[3]) «Древности»—Труды Московск. археол. общества, т. XII, вып. 3: *Е. Барсовъ*—«Объ олонецкихъ древностяхъ», 222, 223.

бронзѣ, а затѣмъ къ желѣзу. Обстоятельство это весьма любопытно; оно можетъ объясняться двояко: или эта позднѣйшая, сравнительно высоко развитая культура, дѣйствительно непосредственно смѣнила грубую культуру каменныхъ орудій, или-же промежуточныхъ звеньевъ между той и другой здѣсь еще не найдено.

Въ общемъ порядкѣ человѣческаго развитія нарушеніе преемственности культуръ составляетъ однако лишь извѣстныя отступленія, обусловливавшіяся тѣми или другими исключительными причинами, которыя, какъ полагаютъ, могли имѣть мѣсто частью и въ предѣлахъ современной намъ Россіи. Такъ думаютъ напр., что вѣка каменный и желѣзный, повидимому, непосредственно соприкасались въ Украйнѣ, Подоліи и Волыни [1]), а по мнѣнію другихъ подобное заключеніе примѣнимо даже ко всему пространству между Днѣстромъ, Западнымъ Бугомъ и бассейномъ Камы [2]), въ виду того, что въ упомянутыхъ раіонахъ могилы бронзоваго вѣка совершенно отсутствуютъ. Но заключенія эти едва-ли не преждевременны. Во первыхъ самый фактъ отсутствія могилъ этого времени не можетъ считаться еще прочно установленнымъ, по ограниченности у насъ археологическихъ изысканій и возможности, что могильники бронзоваго вѣка скрываются подъ почвой, не будучи отмѣчены ничѣмъ на ея поверхности и, слѣдовательно, могутъ быть открыты лишь случайно [3]), а во вторыхъ рядъ отдѣльныхъ, нынѣ уже довольно многочисленыхъ находокъ предметовъ культуры бронзоваго вѣка въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, заходящихъ даже въ Московскую и Владимірскую губерніи [4]), не говоря уже о среднемъ Поволожьи, Приуральи и югѣ Россіи, гдѣ слѣды того-же вѣка уже ясно констатируются, также можетъ скорѣе свидѣтельствовать въ пользу существованія бронзоваго вѣка въ средней Россіи, чѣмъ объясняться одними лишь торговыми сношеніями. Такимъ образомъ прочныхъ основаній утверждать въ Россіи смѣну каменной культуры непосредственно желѣзною еще не имѣется, и при современномъ положеніи вопроса болѣе правдоподобнымъ представляется мнѣніе, что во всякомъ случаѣ въ Россіи вслѣдъ за каменнымъ періодомъ была эпоха, когда при нѣкоторомъ знакомствѣ съ желѣзомъ, мѣдь и бронза играли преобладающую роль какъ матеріалъ для выдѣлки орудій и оружія [5]). Еще менѣе вѣроятнымъ представляется прямой переходъ отъ камня къ желѣзу именно въ Приладожьѣ, связанномъ съ глубочайшей древности торговыми путями съ востокомъ [6]) и западомъ, въ особенности съ Скандинавіей, въ которыхъ бронзовый вѣкъ имѣлъ свое полное развитіе, хотя, какъ уже замѣчено, въ Приладожьѣ пока обнаружены лишь

---

[1]) *Борсо*, «La colonisation de la Russie et du nord skandinave».

[2]) Извѣстія IX Археол. съѣзда въ Вильнѣ: Сообщеніе *В. Антоновича* «о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра».

[3]) При такихъ условіяхъ была напр. открыта извѣстная могила бронзоваго вѣка близъ Александрополя, а также обнаружены подземные культурные слои бронз. вѣка въ разныхъ другихъ пунктахъ на Кавказѣ.

[4]) Извѣстія IX Археол. съѣзда въ Вильнѣ: Замѣчанія *Д. Н. Анучина* на сообщеніе *В. Антоновича* о бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра.

[5]) *Д. Анучинъ*, тамъ-же.

[6]) О чемъ напр. можетъ свидѣтельствовать находка въ 1875 г. клада Сассанидскихъ монетъ на Волховѣ (въ Ст. Ладогѣ). Къ сожалѣнію, кладъ сохранился только частью, но въ числѣ уцѣлѣвшихъ 65 монетъ оказалось 12 сассанидскихъ VI и VII ст. Ср. также *А. Лихачева*, «Слѣды бронз. вѣка въ Казанской губ.» (Труды VII Археол. съѣзда, т. II) и др.

культура каменныхъ орудій и уже высоко развитая культура желѣза, притомъ сравнительно такого поздняго времени, какъ VIII в. по Р. Х. [1]). Поэтому гораздо вѣрнѣе присоединиться къ догадкѣ, высказанной І. Аспелиномъ [2]), что слѣды промежуточной культуры здѣсь хотя не обнаружены, но могутъ быть найдены, помочь чему должна какая либо счастливая случайность [3]). Прибавимъ, что такой-же случайности обязана своимъ открытіемъ и культура каменнаго вѣка въ южномъ Приладожьѣ, сдѣлавшаяся извѣстною лишь благодаря работамъ по проведенію обходныхъ около Ладожскаго озера каналовъ.

Оканчивая этимъ замѣчанія, которыя мы сочли нелишнимъ предпослать въ видѣ вступленія къ предмету настоящаго труда, прибавимъ, что если онѣ недостаточно освѣщаютъ вопросъ о культурныхъ наслоеніяхъ Приладожья въ этнографическомъ отношеніи, то причина тому въ значительной степени лежитъ и въ недостаткѣ систематическо-археологическихъ изслѣдованій въ той же мѣстности и сосѣднихъ съ нею раіонахъ. Нижеслѣдующія страницы отчасти восполняютъ этотъ пробѣлъ, но онѣ составляютъ лишь начало тѣхъ работъ, которыя необходимы въ указываемомъ отношеніи.

---

[1]) Къ которому приблизительно могутъ быть отнесены древнѣйшія изъ курганныхъ могилъ южнаго Приладожья, судя по найденнымъ въ нихъ монетамъ. Къ VIII-же вѣку относятъ, какъ извѣстно, и начало поздняго періода желѣзнаго вѣка на скандинавскомъ сѣверѣ.

[2]) «Основы финско-угорской археологіи» (Вѣстникъ Общества древне-рус. искусства за 1874—76 г., рецензія *Г. Филимонова*).

[3]) Не безъинтересно вспомнить также о существованіи на сѣверѣ Европы, въ бронзовомъ и древнемъ желѣзномъ вѣкахъ, обычая класть въ могилы умышленно испорченное или изломанное оружіе, слѣды чего встрѣчаются и въ курганныхъ могилахъ Приладожья. Не невозможно-ли, что здѣсь они составляютъ позднѣйшій отголосокъ или остатокъ того-же обычая отъ глубочайшей древности и не намекаютъ-ли такимъ образомъ на существованіе прежняго бронзоваго вѣка въ Приладожьѣ? Или-же быть можетъ обычай этотъ въ послѣднемъ пришлый, занесенный скандинавскими колонистами?

КУРГАНЫ ЮЖНАГО ПРИЛАДОЖЬЯ.

Южное побережье Ладожскаго озера, занимаемое нынѣ Новоладожскимъ и частью Шлиссельбургскимъ уѣздами Петербургской губерніи, раздѣляется р. Волховомъ на двѣ половины: въ восточной, орошаемой рр. Сясью, Воронегой, Пашей и Оятью [1]), составлявшей нѣкогда часть Обонежской пятины Великого Новгорода, сохранились въ разныхъ мѣстахъ слѣды древнихъ языческихъ поселеній паселявшей ее народности, памятниками которой остались разсѣянныя въ пространствѣ между Волховомъ и Оятью многочисленныя могильныя насыпи; западная половина, орошаемая рр. Кабоной, Лавой, Назьей и Мгою (притокъ Невы), принадлежавшая къ Вотской пятинѣ, представляется наоборотъ вполнѣ пустынной, такъ какъ въ ней кургановъ не попадается вовсе. Такимъ образомъ теченіе Волхова служитъ въ данномъ случаѣ крайнимъ западнымъ рубежомъ, за которымъ слѣдовъ упомянутыхъ поселеній уже не встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ самому озеру окрестностяхъ.

Расположеніе кургановъ въ восточной половинѣ держится исключительно теченія рѣкъ, причемъ нигдѣ не доходитъ непосредственно до ихъ устьевъ, прекращаясь за нѣсколько верстъ отъ озера; такъ на Волховѣ первые курганы встрѣчаются у сел. Велеши (въ 12 верст. отъ озера), на Сяси—у сел. Хамонтово (въ 15-ти), на Воронегѣ—у сел. Шахново (въ 3-хъ), на Пашѣ въ 4-хъ верст. отъ ея устья — у Рязановщины и на Ояти верстахъ въ 3-хъ отъ устья—близь сел. Кузнецы.

По теченію этихъ рѣкъ курганы рѣдко группируются въ скученныя кладбища, но большею частью тянутся или цѣпями, или разбросаны по одиночкѣ, причемъ распредѣляются по тѣмъ же рѣкамъ неравномѣрно; наибольшею густотой курганныхъ поселеній выдается теченіе р. Паши, на восточномъ рубежѣ Приладожья, наименьшею—берега Сяси, гдѣ на протяженіи около 15 верстъ встрѣчается только нѣсколько единичныхъ кургановъ, до большой группы ихъ у сел. Городища, такъ что, если принять еще во вниманіе извѣстную особенность кургановъ на низовьяхъ Волхова, большинство которыхъ, какъ будетъ показано ниже, носитъ видимо иное отъ прочихъ происхожденіе, то главнымъ райономъ однородныхъ курганныхъ поселеній оказывается именно восточная окраина Приладожья. Объясненіе этому, безъ сомнѣнія, скрывается въ условіяхъ, вліявшихъ на ходъ заселенія того же края во времена

[1]) Двѣ послѣднихъ впадаютъ въ Свирь, близь ея устья

глубочайшей доисторической древности, но раскрыть ихъ поможетъ только общая совокупность дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ, если не отваживаться прибѣгать къ предположеніямъ совершенно гадательнымъ, особенно въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ произведенныя курганныя раскопки главнымъ образомъ ограничиваются предѣлами сѣверной части нынѣшней Петербургской губерніи и только лишь въ небольшомъ своемъ объемѣ захватываютъ часть смежнаго съ нею Тихвинскаго уѣзда губерніи Новгородской, т. е. не удаляются далѣе 40—50 верстъ отъ береговъ Ладожскаго озера.

О происхожденіи самыхъ кургановъ среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакого представленія, никакого отголоска отъ болѣе далекой древности. Народная память ограничивается здѣсь лишь смутной эпохой самозванцевъ и нашествіемъ поляковъ, почему кое-гдѣ можно услышать, что въ курганахъ «хоронилась Литва»; въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ курганы считались «военными батареями», такъ что до начала раскопокъ никто и не подозрѣвалъ въ нихъ могильныхъ насыпей, благодаря чему быть можетъ курганы, напр. по теченію р. Паши, и сохранились въ большинствѣ нетронутыми, чего далеко нельзя сказать ни о Сяси, ни о Волховѣ.

Какъ на любопытное топографическое совпаденіе мѣстоположенія одной изъ довольно большихъ курганныхъ группъ въ Приладожьѣ, съ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о столкновеніи новгородцевъ со шведами, нельзя не указать здѣсь на группу близь устья рѣки Воронеги, впадающей въ Ладожское озеро восточнѣе Сяси [1]): въ 1164 г. шведы, прибывъ къ Волхову на 60 шнекахъ, напали на Ладогу и затѣмъ укрылись въ устьѣ Воронеги, но подоспѣвшіе новгородцы съ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ и посадникомъ Захаріемъ нагнали ихъ и по словамъ лѣтописи [2])—«Побѣдиша ихъ въ рѣцѣ Воронаи, овѣхъ избиша, овѣхъ изимаша Мая въ 28 день». Тѣмъ не менѣе упоминаемая группа едва-ли можетъ имѣть соотношеніе съ сказаннымъ эпизодомъ, такъ какъ во первыхъ произведенныя въ ней раскопки обнаружили могилы просто лишь бытовыя, а во вторыхъ въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ-же кургановъ были найдены монеты значительно болѣе ранняго времени, именно VIII—X столѣтій.

По внѣшнему своему виду Приладожскіе курганы, называемые здѣсь «сопками», обыкновенно представляютъ небольшія сегментообразныя, сооруженныя изъ мѣстнаго песчанаго грунта и покрытыя дерномъ насыпи, до 3-хъ арш. вышиною; исключенія довольно рѣдки, и какъ на выдающуюся въ этомъ отношеніи мѣстность можно указать сел. Городище на р. Сяси, ниже котораго расположена группа изъ 8 кургановъ, рѣзко поражающихъ своими величавыми размѣрами. Кромѣ того, замѣтно отличаются своей величиной большинство кургановъ на низовьяхъ Волхова, гдѣ встрѣчаются насыпи даже въ нѣсколько саженъ вышиною [3]). Наконецъ какъ еще на нѣкоторую внѣшнюю разновидность, можно указать на курганы, обложенные кругомъ подошвы крупными валунами [4]), но таковые здѣсь составляютъ лишь

[1]) См. Журналъ раскопокъ №№ CXVIII—CXXI.
[2]) Библіотека Россійск. Историч. 1767 г., ч. I. 240.
[3]) Журналъ № CXLV.
[4]) Журналъ №№ CXIII, CXV, CXVIII, CXX, CXXII и CXXIII.

очень рѣдкія исключенія; напр. изъ 111-ти насыпей, изслѣдованныхъ собственно по теченію р. Паши, обложены камнями были только лишь двѣ.

Внутреннее устройство кургановъ даетъ замѣтить общую черту, что остатки погребеній въ нихъ всегда расположены выше материка, т. е. не встрѣчается вовсе могилъ, которыя были-бы углублены или впущены въ послѣдній. Другою общею чертою является присутствіе въ подошвѣ насыпи болѣе или менѣе характерно выраженнаго слоя пепла, какъ бы устилающаго всю площадь, занятую курганомъ, и, наконецъ, третьею, весьма распространенною особенностью — что въ серединѣ подошвы большею частью помѣщается родъ небольшого огневища или очага, изъ слоя крупнаго угля на подстилкѣ изъ гравія. Въ отдѣльности, для кургановъ на Волховѣ, можетъ быть еще указано нерѣдкое присутствіе въ насыпяхъ своеобразныхъ настилокъ изъ валуновъ. Что касается заключающихся въ курганахъ погребальныхъ остатковъ, то при обрядѣ трупосожженія кальцинированныя кости всегда встрѣчаются въ видѣ мелкихъ обломковъ, сложенныхъ нерѣдко въ нѣсколькихъ пунктахъ насыпи, небольшими отдѣльными слоями, отъ $1/2$—1 кв. арш. величиною, причемъ на поверхности и среди костей обыкновенно находятъ различные предметы бытовой обстановки покойника; при обрядѣ-же погребенія обыкновеннаго въ насыпяхъ также часто заключается нѣсколько скелетовъ, иногда на одномъ, иногда на разныхъ уровняхъ, съ разными бытовыми при нихъ предметами, причемъ въ большинствѣ случаевъ скелеты сохранились очень дурно. Иногда курганы заключали въ себѣ остатки погребенія и трупосожженія, но таковыхъ встрѣчено немного и, наконецъ, попадались насыпи, на содержавшія въ себѣ ничего, т. е. совершенно пустыя.

Хронологическое опредѣленіе кургановъ Приладожья, въ извѣстной степени, устанавливается найденными въ нихъ монетами, хотя, конечно, масштабъ этотъ можетъ быть лишь приблизительнымъ. Найденныя монеты принадлежатъ къ извѣстнымъ уже типамъ западныхъ (германскихъ, англо-саксонскихъ, богемскихъ и др.) и восточныхъ (аббасидскихъ и саманидскихъ), числомъ всего до 50-ти, а именно:

Время.	Монеты	Число: Трупосожженіе.	Число: Погребеніе.	№№ кургановъ въ Журналѣ.
VIII в.	Аббасидская	—	1 [1])	CXVIII, 1.
VIII—IX в.	Аббасидская	1	—	CIV, 1.
X в.	Аббасидскія	2	—	XCV, 3.
	Саманидскія	—	2	XVII, 2; XC, 1.
	Саманидская	1	—	LXI, 1.
	Саманидскія	—	2 [1])	CXVIII, 1.
	Аугсбургскія	—	2	CXVII, 2, 4.
	Зальцбургская	—	1	CXVII, 2.
	г. Брейзаха	—	1	XCIII, 3.
	Византійская	—	1 [1])	CXIV.

[1]) Изъ числа найденныхъ другими лицами, въ курганахъ, содержавшихъ повидимому погребеніе обыкновенное, также изъ случайныхъ находокъ.

Время.	Монеты.	Число. Трупосожженіе.	Число. Погребеніе.	№№ кургановъ въ Журналѣ.
XI в.	Страсбургская.	—	1	LIV, 2.
XI в.	г. Девентера	—	1	XLVII, 2.
XI в.	Утрехтскія	—	2	XCIII, 1.
XI в.	Фрисландская	—	1	XLVII, 3.
XI в.	Богемская	—	1	XCIII, 3.
XI в.	Саксонскія	—	3	XXV, 3; XXIX, 2; XXXII, 3.
XI в.	Англо-Саксонскія . . .	—	4	XVII, 3; XXIX, 2; LV, 4; XCI, 2.
XI в.	Германскія	—	9	XLIV, 2; XLVII, 5; LIV, 2. LVII, 1; XCIII, 1, 3.
XI в.	Неизвѣстныя	—	4	XXI; XXXVIII, 2; CXVII, 2.
Поддѣльныя.	Саманидскія	—	5	CXVII, 4.
Поддѣльныя.	Аугсбургская (XI в.). .	—	1	LIX, 1.
Поддѣльныя.	Кёльнская (XI в.) . .	—	1	XCIII, 3.
Поддѣльныя.	Германская	—	1	LIV, 2.
Поддѣльныя.	Неизвѣстная (XI в.). .	—	1	III.
Поддѣльныя.	Рижскія (XVII в.) (!) .	—	2	XLVII, 3.
		4	47	

Изъ этого перечня видно, что преобладающими монетами по количеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ и позднѣйшими, являются западныя, какъ относящіяся почти всѣ къ XI стол. (только 5 къ X); въ значительно меньшемъ же количествѣ встрѣчаются монеты восточныя, но зато болѣе раннія, относящіяся къ VIII — X в. Необходимо впрочемъ замѣтить, что указанное преобладаніе монетъ именно западныхъ, найденныхъ притомъ исключительно при скелетахъ погребенныхъ, является нѣсколько условнымъ, такъ какъ рѣдкость монетъ въ остаткахъ трупосожженія можетъ объясняться ихъ полнымъ исчезновеніемъ въ пламени, въ виду же одинаковой распространенности здѣсь обоихъ обычаевъ, могло быть довольно значительнымъ самое число подобныхъ монетъ и возможно, что именно восточныхъ, каковыя напр. единственно и были найдены въ трехъ могилахъ съ трупосожженіемъ [1]).

Какъ бы то ни было, но найденными монетами устанавливается VIII вѣкъ, какъ наиболѣе ранняя историческая дата въ данномъ случаѣ; дата эта такимъ образомъ близко совпадаетъ съ хронологической классификаціей, установленной археологіей Сѣвера для скандинавскихъ

---

[1]) Дополнительно къ сюда относящимся даннымъ не безъинтересно привести еще извѣстіе (впрочемъ неясное) о томъ-же, сохранившееся отъ начала прошлаго столѣтія. Авторъ изданнаго въ 1713 г. (на нѣмецкомъ языкѣ) Описанія Петербурга сообщаетъ между прочимъ, что нѣкоторые курганы около Старой Ладоги (на Волховѣ) были раскапываемы въ 1710 г. евангелическимъ пасторомъ Толле, который при этомъ нашелъ въ урнахъ съ золою нѣсколько монетъ: одну изъ нихъ онъ называетъ «парфянскимъ пфеннигомъ», на которомъ было видно имя Омара, а четыре другихъ именуетъ «Hol-Müntze», и полагаетъ ихъ мѣстными лифляндскими монетами. Очевидно, что одна изъ найденныхъ Толле монетъ восточная, но объ остальныхъ догадки могутъ быть разныя: быть можетъ это лишь какіе нибудь брактеаты, но не невозможно, что и чашевидныя византины.

древностей такъ называемаго желѣзнаго вѣка, съ послѣднимъ періодомъ котораго («Позднимъ желѣзнымъ вѣкомъ» VIII—XI ст.) имѣетъ столь много общаго и курганная культура Приладожья [1]). Но, конечно, тою-же датой можетъ намѣчаться лишь приблизительный предѣлъ давности курганнаго періода въ Приладожьѣ, такъ напр. фактъ находки въ 1875 г. клада Сассанидскихъ монетъ VI и VII стол. близь Старой Ладоги на Волховѣ можетъ указывать, что здѣсь пролегали торговые пути еще гораздо ранѣе упомянутаго времени.

Что касается другой стороны вопроса, т. е. позднѣйшаго предѣла для того же курганнаго періода, то таковой, конечно, связанъ со временемъ окончательнаго паденія язычества въ Приладожьѣ. Опредѣлительно установить послѣдній трудно, но имѣются факты, что въ сосѣдней Вотской пятинѣ древняго Новгорода слѣды язычества не вывелись еще даже въ половинѣ XVI стол., такъ какъ извѣстны грамоты новгородскихъ архіепископовъ Макарія и Θеодосія, одна 1534 г.—объ искорененіи языческихъ обрядовъ, похоронъ въ курганахъ, объ арбуяхъ и пр., другая 1548 г.—о разрушеніи мольбищъ и пр. [2]). Вѣроятно однако, что непосредственно въ южномъ Приладожьѣ послѣдніе слѣды язычества окончательно исчезли значительно ранѣе, въ силу хотя-бы его топографическаго положенія, но тѣмъ не менѣе не невозможно, что нѣкоторые изъ кургановъ здѣсь-же относятся къ періоду сравнительно позднѣйшему, чѣмъ тотъ, который указывается найденными монетами.

I. Погребальные обычаи.

Выше было уже указано, что въ Приладожьѣ выслѣживается параллельное или совмѣстное существованіе двухъ обрядовыхъ формъ — трупосожженія и погребенія обыкновеннаго, — почему можетъ возникать вопросъ, не обусловливалось-ли чѣмъ либо примѣненіе того и другого, въ виду ихъ столь крайней противуположности? Вопросъ однако, къ сожалѣнію, не поддающійся еще рѣшенію.

Нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что напр. трупосожженіе, какъ процессъ болѣе сложный и затруднительный, могло примѣняться къ лицамъ болѣе достаточнымъ, а погребеніе—какъ болѣе простой, къ лицамъ неимущимъ, потому что степень содержательности тѣхъ и другихъ могилъ, по вещественнымъ въ нихъ находкамъ, весьма разнообразна, и въ обоихъ случаяхъ попадаются могилы сравнительно какъ богатыя, такъ и бѣдныя. Нѣтъ основанія пріурочивать трупосожженіе и къ извѣстному возрасту умершаго, ибо сожиганію подвергались и взрослые, и дѣти, что ясно усматривается изъ находимыхъ кальцинированныхъ костей ихъ. Нѣтъ, наконецъ, основанія допускать и разновременность обоихъ обычаевъ въ данномъ случаѣ, хотя, какъ было выше указано, единичныя находки монетъ болѣе древнихъ

[1]) Сѣверными археологами принимается, что желѣзный вѣкъ въ Швеціи начался около Рожд. Хр., или немного позднѣе, причемъ его подраздѣляютъ на: Древній желѣзный вѣкъ (Le premier âge du fer) отъ Р. Х. до 450 г., Средній (Le milieu de l'âge du fer, ou le moyen âge de fer) 450—700 г., Новый (La fin de l'âge du fer, ou le dernier âge du fer) 700—½ XI в. (О. Монтеліусъ, Antiquités Suédoises, 1873, Stockholm).

[2]) Дополненія къ Актамъ историч. т. I, №№ 28 и 43.

и пріурочиваются именно къ трупосожженію, такъ какъ при условіяхъ послѣдняго подобное обстоятельство могло быть простой случайностью. Поэтому, за неимѣніемъ ясныхъ данныхъ, оба обычая остается принять какъ за совмѣстные, или такъ сказать равноправные, что въ извѣстной степени можетъ поддерживаться напр. общностью культурныхъ остатковъ въ могилахъ обоего рода, нерѣдкими случаями нахожденія кургановъ съ трупосожженіемъ и кургановъ съ погребеніемъ на одномъ и томъ же кладбищѣ [1]) и случаями совмѣстнаго нахожденія тѣхъ и другихъ могилъ въ общей погребальной насыпи [2]), причемъ иногда горѣлыя кости оказываются на верху, а скелеты погребенные—внизу, и наоборотъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя не указать, что въ могилахъ съ трупосожженіемъ бывали обнаруживаемы нѣкоторыя своеобразности, выражавшіяся напр. примѣсью сожженныхъ-же костей такихъ пресмыкающихся, животныхъ и птицъ, которыхъ не встрѣчалось въ могилахъ съ погребеніемъ; напр. можно указать на примѣсь медвѣжьихъ когтевыхъ фаланговъ, неоднократно встрѣчавшихся среди кальцинированныхъ костей человѣка и ни разу не найденныхъ при скелетахъ погребенныхъ; можно указать на примѣсь костей конскихъ и др., о чемъ подробнѣе будетъ пояснено ниже, такъ что въ этомъ въ свою очередь проглядываютъ извѣстные оттѣнки, какъ бы свойственные трупосожженію, но не выслѣживаемые при погребеніи обыкновенномъ. Къ сожалѣнію, современное положеніе матеріаловъ не даетъ еще возможности объяснить указываемыя обстоятельства, почему и мотивы примѣненія того или другого похороннаго обычая остаются пока не разгаданными.

а) *Трупосожженіе.*

Внѣшняя обрядовая сторона трупосожженія въ Приладожьѣ представляетъ нѣсколько элементовъ: одни характера болѣе общаго, другіе какъ частные, т. е. повторяющіеся рѣже. Къ первымъ должны быть отнесены: присутствіе въ подошвѣ насыпи слоя пепла, нахожденіе въ подошвѣ-же небольшихъ огневищъ или очаговъ, и размѣщеніе въ насыпи остатковъ костей сожженнаго трупа; ко вторымъ—слѣды покрыванія тѣхъ-же остатковъ въ могилѣ древесной корой или берестой, указанія на обрядъ ломанія въ могилѣ оружія покойника и, наконецъ,—слѣды совершавшихся жертвоприношеній.

Постоянное присутствіе въ подошвѣ кургановъ характернаго пепельнаго слоя даетъ право на заключеніе, что мѣсто или площадь, предназначенная для сооруженія погребальной насыпи, подвергалась предварительно извѣстной подготовкѣ. Слой этотъ, рѣзко отличающійся отъ остальнаго грунта, иногда черноватый, мажущійся, иногда бѣловато-пеплистый, но чаще всего явственно пепельный (съ частицами угля), встрѣчается большею частью толщиной около $^1/_4$ арш. и разстилается по всей подошвѣ кургана, причемъ обыкновенно къ центру выражается интенсивнѣе. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то искусственнымъ, такъ какъ хотя подобные-же характерные слѣды золы или пепла случалось наблюдать иногда и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ кургановъ вовсе не существуетъ (напр. подъ дерномъ, въ профиляхъ

[1]) См. Журналъ, группы *п*, *с*, *т*, *ч*, *вв* и др.
[2]) Журналъ №№ XI, XLV, XLIX, LXVIII, CXVI и др.

свѣжихъ обваловъ на берегахъ рѣкъ, или въ выемкахъ земли, гдѣ эти слои могутъ являться продуктами древнихъ лѣсныхъ пожаровъ), но въ данномъ случаѣ пепельная подстилка подъ курганными насыпями никогда не распространялась внѣ предѣловъ послѣднихъ (какъ то указывали пробныя ямы) и, слѣдовательно, она должна составлять несомнѣнную принадлежность самихъ кургановъ. Ближайшимъ объясненіемъ ея происхожденія было бы видѣть здѣсь остатки или слѣды того погребальнаго костра, на которомъ совершалось самое трупосожженіе, но съ этимъ не согласуется вопервыхъ характеръ подобныхъ зольниковъ, представляющихъ лишь скопленіе тонкаго пепла, безъ крупныхъ остатковъ угля, неизбѣжно остающихся на всякомъ болѣе или менѣе значительномъ кострищѣ, а во вторыхъ подобные-же слои нерѣдко замѣчались и въ курганахъ съ погребеніемъ обыкновеннымъ. Остается, слѣдовательно, допустить, что или на мѣстѣ, предназначенномъ для возведенія насыпи, предварительно (въ силу извѣстной обрядности) выжигались кусты, трава и проч., дававшіе въ результатѣ болѣе или менѣе интенсивный слой золы, или что подошва будущаго кургана усыпалась слоемъ пепла отъ погребальнаго костра, находившагося гдѣ нибудь по близости, на что быть можетъ намекаетъ присутствіе въ подошвѣ желѣзныхъ лопатъ, находимыхъ иногда положенными или воткнутыми въ томъ-же пепельномъ слоѣ [1]).

Второй элементъ — весьма частое нахожденіе огневищъ или очаговъ — связывается съ идеей о совершеніи тризны. Они обыкновенно встрѣчаются около центра подошвы, большею частью на уровнѣ послѣдней, или близь нея, и занимаютъ площадь около 1 кв. арш. (какъ исключеніе встрѣчались длиною даже до 3 арш.), представляя очевидные остатки небольшого костра, т. е. слой крупнаго угля, нерѣдко сохраняющаго даже форму головней, лежащаго на подсыпкѣ или подстилкѣ изъ крупнаго песка (гравія), которымъ явно искусственно усыпана площадка подъ огневищемъ, такъ какъ онъ ограничивается только предѣлами послѣдняго и рѣзко отличается отъ смежнаго съ нимъ грунта. На очагахъ этихъ часто не оказывается ничего кромѣ угля, но нерѣдко находятся и разные предметы домашней утвари, какъ то глиняные горшки, желѣзные котлы, сковороды и сковородники, причемъ они видимо здѣсь не брошены, а размѣщены въ порядкѣ, такъ какъ имѣютъ нормальное положеніе и даже бывали случаи находокъ горшковъ, накрытыхъ положенными на нихъ сковородами.

Любопытный образчикъ огневища встрѣченъ въ курганѣ на р. Пашѣ (Журналъ № XIX): оно имѣло до 3 арш. длины и $1^1/_4$ арш. ширины, причемъ на поверхности его были найдены два глиняные горшка, желѣзная сковорода и котелъ; послѣдній имѣлъ положеніе, ясно показывавшее, что онъ висѣлъ надъ очагомъ, а не былъ просто сюда поставленъ, такъ какъ находился на $^1/_4$ арш. выше слоя углей, имѣя дужку поднятой и поддѣтой на крюкъ цѣпи, которая отвѣсно шла вверхъ и оканчивалась другимъ большимъ крюкомъ; при этомъ самая цѣпь найдена укороченною, т. е. подхваченною своими средними звеньями на рожки послѣдняго, и такимъ образомъ ей была дана длина всего около 1 арш. (Таб. X, 4).

---

[1]) Въ пользу перваго предположенія могутъ служить сохранившіеся понынѣ слѣды древняго обычая выжигать мѣсто погребенія покойника у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, напр. у Сербовъ (*А. Котляревскій*; О погреб. обычаяхъ языч. славянъ, 221).

Исключительный примѣръ огневища почти на поверхности насыпи встрѣченъ на притокѣ Паши — р. Сязнигѣ (Журналъ № LXVIII), гдѣ оно оказалось на глубинѣ всего въ $^1/_4$ арш. и на немъ найденъ бронзовый котелокъ. Но здѣсь можно замѣтить, что во первыхъ самый курганъ имѣлъ небольшіе размѣры (всего $1^1/_2$ арш. выш.), а во вторыхъ, что и прочіе погребальные остатки находились въ немъ также близь поверхности.

Приведенныя подробности обстановки описанныхъ очаговъ и даже то обстоятельство, что они оказывались нерѣдко пустыми, приводитъ къ заключенію, что огневища не служили здѣсь выраженіемъ лишь извѣстной обрядной символики, требовавшей напр. помѣщенія въ могилу различныхъ предметовъ бытовой обстановки покойника, но имѣли практическое примѣненіе при отправленіи тризны. На это-же могутъ указывать случаи находокъ около очаговъ остатковъ костей животныхъ, какъ вѣроятные слѣды той-же тризны, хотя и весьма рѣдкіе; напр. въ одномъ курганѣ (Журналъ № CXVI) около очага былъ найденъ роговой футляръ коровы и нѣсколько обломковъ костей, а въ другомъ (Журналъ № XIX) часть таза молодого жвачнаго животнаго лежала на самомъ огневищѣ. Быть можетъ съ тѣмъ-же въ связи находятся и другіе, гораздо болѣе частые, случаи находокъ остатковъ животныхъ костей въ составѣ курганныхъ насыпей, но въ виду ихъ сомнительности они оставляются здѣсь въ сторонѣ.

Третій элементъ внѣшней обрядности выражается въ самомъ порядкѣ размѣщенія остатковъ трупосожженія, которое представляетъ два вида: 1) укладку кальцинированныхъ костей непосредственно въ насыпь и 2) предварительное помѣщеніе ихъ для того-же еще въ особые сосуды; послѣднее встрѣчается исключительно на Волховѣ. Остатки трупосожженія, сложенные прямо въ насыпь, представляютъ какъ уже сказано, разровненныя кучи или скопленія обломковъ костей, лежащихъ небольшими слоями отъ $^1/_2$—1 кв. арш. [1]), при толщинѣ до 3—4 вершковъ, но иногда и того менѣе, такъ что иногда оказываются даже въ самомъ незначительномъ количествѣ, причемъ кости эти обыкновенно уже распавшіяся, въ видѣ мелкихъ перемѣшанныхъ обломковъ, не всегда даже поддающихся опредѣленію. Такимъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что остатки трупосожженія лежатъ здѣсь сложенными по перенесеніи ихъ откуда-то, гдѣ происходилъ самый процессъ сожиганія, совершавшагося внѣ курганной насыпи. Относительно порядка ихъ размѣщенія не замѣчается, чтобы на выборъ того или другого пункта для могилы вліяли какія либо условія, такъ какъ расположеніе этихъ могилъ крайне разнообразно; онѣ встрѣчаются во всѣхъ сторонахъ насыпей и на различныхъ уровняхъ, начиная съ самой подошвы, причемъ любопытны случаи нахожденія тѣхъ же могилъ почти на самой поверхности: напр. въ шести курганахъ сожженныя кости и съ ними разныя вещи найдены лежащими даже непосредственно подъ дерномъ [2]). Неодинаково и самое число могилъ въ каждомъ курганѣ, такъ какъ по одной заключалось только въ очень немногихъ и чаще встрѣчались по двѣ (около половины всѣхъ насыпей съ трупосожженіемъ). Наконецъ нѣсколько кургановъ представляли, быть можетъ, даже родъ

[1]) Какъ на одно изъ рѣдкихъ исключеній можно указать могилу, въ которой кости занимали до 2 кв. арш. Журналъ № CXIX).

[2]) Журналъ №№ LXXII, LXXIX, XCIV, CIV, CV, CXXVIII.

коллективныхъ могильниковъ, ибо въ нихъ скопленія костей находились въ 4 отдѣльныхъ пунктахъ, въ два слоя [1]).

Что касается количества костей въ каждой отдѣльной могилѣ, то таковое колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ: отъ нѣсколькихъ фунтовъ до нѣсколькихъ золотниковъ. Напр. въ одномъ случаѣ вѣсъ ихъ былъ болѣе 7 фн., но здѣсь кости оказались конскими (Журн. № CXVI, 3), въ двухъ другихъ—болѣе 4 фн., но также смѣсь человѣческихъ съ животными (Журн. № CXXIV, 1, 2); наибольшій вѣсъ чистыхъ человѣческихъ костей, найденныхъ при весьма любопытной обстановкѣ (Журн. № CXVI, 1 и Таб. XIV, 33), составлялъ 3 фн. 85 зол., но въ другой, не менѣе интересной, могилѣ съ остатками вооруженія вѣсъ человѣческихъ-же костей былъ лишь около $1^3/_4$ фн. Вообще въ значительномъ большинствѣ вскрытыхъ могилъ количество кальцинированныхъ костей оказывалось даже менѣе 1 фунта, а иногда всего лишь нѣсколько золотниковъ, такъ что въ послѣднемъ случаѣ можно думать, не были-ли онѣ просто просыпаны при переноскѣ, подобно тому, какъ могли быть обронены и отдѣльные предметы (видимо однако общаго съ курганной могилой происхожденія), которые иногда попадаются въ составѣ грунта насыпей; но нерѣдкіе случаи совмѣстнаго нахожденія нѣсколькихъ предметовъ съ такимъ минимальнымъ количествомъ костей, какъ напр. 3—4 зол. (Журналъ №№ LXXXVIII, 3; CV, 1; CVII и др.), даютъ право видѣть въ этомъ не какую либо случайность, а быть можетъ слѣды почти полнаго уничтоженія трупа при его сожженіи, или даже сознательную раскладку остатковъ послѣдняго въ нѣсколькихъ пунктахъ. Можно прибавить, что встрѣчались и такіе курганы, въ которыхъ, не смотря на присутствіе разныхъ бытовыхъ предметовъ, слѣдовъ костей не оказалось вовсе [2]).

Въ тѣхъ же могилахъ, на остаткахъ трупосожженія, или частью съ ними смѣшанными, а иногда помѣщенными отдѣльно рядомъ, находятся обыкновенно предметы вооруженія, конскаго снаряженія, домашней утвари и разныя украшенія, очевидно бывшіе также въ пламени погребальнаго костра, такъ какъ почти всѣ носятъ на себѣ болѣе или менѣе явственные слѣды дѣйствія огня, а иные даже оказываются въ полурасплавленномъ видѣ. Во многихъ случаяхъ порядокъ размѣщенія этихъ предметовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что они сложены въ могилу отдѣльно отъ костей, т. е. расположены въ ней извѣстнымъ образомъ уже по укладкѣ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ положеніе нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ предметовъ исключаетъ всякую возможность въ этомъ отношеніи. Такъ напр. въ одномъ курганѣ (Журналъ № VII), рядомъ съ остатками трупосожженія лежали два меча и длинное копье, сложенные въ видѣ косого креста, остріями всѣ въ одну сторону; въ другомъ (Журналъ № VIII) поверхъ костей лежали двѣ половины сломаннаго шейнаго обруча такъ, что составляли правильный кругъ, внутри котораго были разложены разные прочіе предметы украшеній; въ третьемъ (Журналъ № LXIX, 5) на костяхъ найдены двѣ большихъ скорлупообразныхъ фибулы (Табл. I, 3), наложенныя одна на другую краями такъ, что составляли полный овалъ или элипсоидъ; въ четвертомъ (Журналъ № XIX) рядомъ съ костями лежалъ мечъ и были разставлены: облицованное же-

---

[1]) Журналъ №№ VIII, LX, LXIX, CXVI и др.

[2]) Журналъ №№ XIV, XXIII, LXXXVI.

лѣзомъ ведро, глиняный горшокъ и остатки окованнаго серебромъ рога для питья и т. д. Но самымъ убѣдительнымъ въ томъ-же отношеніи примѣромъ можетъ служить любопытная могила (Журналъ № CXVI, 1), въ которой на костяхъ лежалъ кольцеобразно согнутый мечевой клинокъ и внутри послѣдняго систематически размѣщены: рукоять того-же меча, съ двумя на ней ножами, копье, топоръ, пряжка и разная мелочь (Табл. XIV, 33); въ томъ-же курганѣ находилась еще могила, въ которой также найденъ цѣлый мечъ и возлѣ разложенныя въ порядкѣ стрѣлы, копье, топоръ, ножъ и пр. (Журналъ № CXVI, 8).

Подобныхъ примѣровъ можно привести довольно, но и изъ сказаннаго уже можно убѣдиться, что описанный родъ могилъ съ трупосожженіемъ не представляетъ лишь безпорядочно сваленныхъ кучъ костей, съ удѣлѣвшими среди нихъ культурными остатками, но что устройство ихъ подчинялось извѣстнымъ, освященнымъ обычаемъ правиламъ.

2) Другой видъ трупосожженія, т. е съ положеніемъ остатковъ послѣдняго въ особые сосуды, хотя и имѣетъ въ Приладожьѣ только немногихъ представителей, именно лишь нѣкоторые курганы на Волховѣ, но и въ нихъ уже можно подмѣтить извѣстные варіанты. Такъ сосуды съ костями преимущественно помѣщаются почти въ вершинѣ насыпи, но былъ случай находки одного и близь подошвы; затѣмъ иногда въ насыпи заключалось ихъ по два, а наконецъ разъ вмѣстѣ съ урной былъ рядомъ открытъ и слой сожженныхъ костей, помѣщенный непосредственно въ грунтъ насыпи, т. е. слѣдовательно, соединеніе или смѣшеніе обоихъ видовъ трупосожженія (Журналъ №№ CXL, CXLII). Тѣмъ не менѣе нормальные представители описываемаго типа даютъ замѣтить и свои рѣзкія отличія отъ прочихъ, именно отсутствіе упоминавшихся выше огневищъ или очаговъ и, наоборотъ, присутствіе въ насыпи различныхъ каменныхъ изъ валуновъ кладокъ.

Сосуды съ сожженными костями бывали находимы въ довольно разнообразныхъ положеніяхъ, что, конечно, въ иныхъ случаяхъ можетъ объясняться осадкой или перемѣщеніемъ грунтовыхъ наслоеній насыпи, но любопытно, что въ одномъ курганѣ горшокъ съ костями былъ найденъ хотя и развалившимся, но явственно лежавшимъ опрокинутымъ кверху дномъ (Журналъ № CXXXV). Иногда тѣ-же сосуды оказывались накрытыми большими обломками плитъ и видимо обличаютъ тщательность своей установки; такъ въ другомъ курганѣ, вообще выдававшемся по своему содержанію и имѣвшему кругомъ даже родъ цоколя изъ валуновъ, подобный сосудъ былъ найденъ стоящимъ въ особой нишѣ, устроенной среди отдѣльной каменной кладки (Журналъ № CXL), причемъ самыя кости помѣщались въ другомъ меньшемъ горшкѣ, вставленномъ внутрь перваго, и оба накрыты плитою. Въ упоминаемыхъ урнахъ попадаются сложенные туда-же остатки нѣкоторыхъ предметовъ бытовой обстановки, также преданные пламени, но здѣсь они бываютъ лишь въ ничтожномъ количествѣ и притомъ только отъ мелкихъ предметовъ, такъ что вещественнымъ содержаніемъ могилы эти крайне бѣдны.

Что касается здѣсь вѣса остатковъ трупосожженія, то не безъинтересно обратить вниманіе на такіе случаи, въ которыхъ съ большимъ вѣроятіемъ можетъ выражаться количество обломковъ костей, собранныхъ именно по сожженіи лишь одного трупа, т. е заключавшихся въ одномъ сосудѣ, притомъ единственномъ въ курганѣ и долженствующемъ потому вмѣщать

остатки лишь одной особи. Къ сожалѣнію, къ таковымъ условіямъ подходятъ только два факта, такъ какъ въ прочихъ обстановка могилъ не выражена съ достаточной ясностью въ желаемомъ отношеніи: одинъ разъ вѣсъ костей въ урнѣ составлялъ 1 фн. $57^1/_2$ зол., въ другой—1 фн. $29^1/_2$ зол. (Журналъ № CXL, 2; CXXXV, 1), т. е. все количество остатковъ отъ одной особи равнялось приблизительно вѣсу лишь человѣческаго черепа обыкновеннаго скелета [1]). Такимъ образомъ въ общемъ формы втораго вида трупосожженія представляются значительно проще, нежели перваго.

Второстепенные внѣшніе-же элементы описываемаго обряда выражаются, какъ уже сказано, въ слѣдахъ обычая покрыванія могилъ древесной корою или берестой, ломанія оружія и въ жертвоприношеніяхъ.

Присутствіе остатковъ коры или бересты на кальцинированныхъ костяхъ, или на находящихся съ ними предметахъ, было обнаружено въ цѣлой трети вскрытыхъ могилъ, почему здѣсь очевидно нѣтъ мѣста какой либо случайности, или явленію единичному, а указываются слѣды извѣстнаго обычая, нетолько подмѣченнаго и въ другихъ мѣстностяхъ, но не исчезнувшаго и до настоящаго времени [2]). Остатки эти встрѣчаются иногда въ самомъ незначительномъ количествѣ, иногда же цѣлыми кусками большей или меньшей величины, причемъ на нихъ бывали замѣчаемы даже отпечатки лежавшихъ подъ ними предметовъ и окраска бронзовой окисью. Въ иныхъ случаяхъ для покрышки служила болѣе грубая древесная кора, какъ напр. найденная на клинкѣ и рукояти меча (Журналъ № XIX), или на бронзовыхъ предметахъ украшенія (Журналъ LXIX, 2, 3), въ другихъ—тонкая береста (Журналъ №№ XCV, 2, 3; CIII, 1; CXVI, 1, 8 и др.), но какъ видно, эта обрядовая подробность скорѣе имѣла отношеніе именно къ самымъ предметамъ, сложеннымъ въ могилу, а не непосредственно къ останкамъ покойника; такъ напр. фрагменты бересты съ отпечатками были найдены въ могилѣ, заключавшей въ себѣ смѣсь сожженныхъ костей человѣческихъ и конскихъ (Журналъ № CXL, 5), въ другой остатками коры были покрыты куски животнаго угля, сложеннаго въ глиняномъ горшкѣ (Журналъ № CXLV, 2), наконецъ вообще подобные-же слѣды вездѣ пріурочивались лишь къ вещественнымъ находкамъ, такъ что въ могилахъ, содержавшихъ лишь однѣ кости, безъ какихъ либо вещей, не было замѣчаемо и упоминаемыхъ покрышекъ. Любопытно отмѣтить также, что слѣды послѣднихъ оказывались почти исключительно на предметахъ изъ бронзы и въ очень рѣдкихъ случаяхъ на желѣзѣ, изъ чего возможно заключать, что, вѣроятно, имѣлось въ виду прикрывать въ могилѣ предметы болѣе цѣнные.

---

[1]) По даннымъ, сообщеннымъ намъ покойнымъ *Л. К. Ивановскимъ*, средній вѣсъ человѣческаго, хорошо моцерированнаго черепа, изъ взвѣшиванія пяти череповъ, полученъ имъ 614 граммовъ (въ томъ числѣ нижняя челюсть съ зубами—74 гр.). т. е. 1,49 фн.

[2]) Такъ въ Борковскомъ могильникѣ Рязанской губ. въ двухъ могилахъ съ трупосожженіемъ на найденныхъ бронз. вещахъ были также остатки луба (Труды Рязанск. арх. ком. 1892 г., т. VII: Дневникъ раскопокъ Борковск. мог., №№ 36 и 82). У старовѣровъ еще недавно, быть можетъ и понынѣ, соблюдался обычай покрыванія берестой гроба покойника въ могилѣ; въ одномъ изъ кургановъ на устьѣ р. Ояти, занятыхъ христіанскими погребеніями новѣйшаго времени, нами была встрѣчена цѣлая серія такихъ гробовъ, покрытыхъ берестою. Не безъинтересно сопоставить и обычай трупосожженія, практикуемый по-нынѣ еще бурятами, на своихъ умершихъ шаманахъ: остатки сожженнаго трупа предаются землѣ помѣщенными въ берестяное лукошко (см. Отд. III).

Гораздо скуднѣе данныя относительно существованія обряда ломанія оружія, такъ какъ въ несомнѣнныхъ формахъ таковой выразился лишь дважды и притомъ примѣненнымъ именно къ мечамъ. Въ одномъ случаѣ (Журналъ № XLV, 1) мечъ найденъ лежавшимъ рядомъ съ слоемъ сожженныхъ костей, но клинокъ и рукоять оказались переломленными, причемъ отъ послѣдней именно отдѣлена верхняя ея шишка, которая оказалась положенною на серединѣ клинка; здѣсь видъ излома, имѣющаго характерно развороченные края, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія въ умышленной ломкѣ, посредствомъ повторительнаго перегибанія рукояти въ разныя стороны, слѣдовательно, еще до положенія меча въ могилу. Въ другомъ тотъ-же обрядъ выступаетъ еще рельефнѣе (Журналъ № CXVI, 1): мечъ оказался сломаннымъ на три части, причемъ длинный кусокъ клинка, согнутый кольцеобразно, уложенъ на слой сожженныхъ костей, а внутри его помѣщена сломанная рукоять съ остальной частью клинка, верхняя шишка рукояти также отдѣлена отъ послѣдней и положена тутъ-же (таб. XIV, 33); подобное размѣщеніе, конечно, исключаетъ всякую мысль о случайности, но такіе выдающіеся примѣры крайне рѣдки, въ другихъ-же находкахъ изломаннаго оружія умышленность порчи допускаетъ извѣстныя сомнѣнія и, слѣдовательно, можетъ быть еще оспариваема; сюда напр. относится встрѣченное въ могилѣ съ сожженными костями крюкообразно изогнутое копье (Журналъ № LXIX, 1), находка переломленнаго пополамъ меча и т. п., — обстоятельства, могущія однако объясниться и простой случайностью во время процесса трупосожженія. Бѣдность фактовъ въ разбираемомъ отношеніи можетъ указывать на ограниченность практики самого обряда, тѣмъ болѣе что рядомъ съ ними имѣются находки тѣхъ-же мечей, но въ полной цѣлости, какъ напр. въ одной могилѣ на р. Кумбитѣ (Журналъ № VII, 1), или въ курганѣ на р. Пашѣ, въ которомъ встрѣчены даже двѣ могилы съ мечами (Журналъ № CXVI, 1, 8), но въ послѣднихъ одинъ мечъ оказался сломаннымъ на три части (см. выше), другой-же найденъ совершенно цѣлымъ. Отсюда является возможнымъ предположеніе, что не былъ-ли тотъ-же обычай для Приладожья пришлымъ, нашедшимъ себѣ здѣсь лишь исключительное примѣненіе?

Болѣе близкое изученіе трупосожженія открываетъ еще другія стороны той-же обрядности.

Вещественное содержаніе могилъ можетъ указывать, что сожиганіе труповъ примѣнялось безразлично какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ, хотя нельзя не оговориться, что самое распознаваніе первыхъ нерѣдко сопряжено съ значительными затрудненіями. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое вѣроятіе сохраняетъ свою силу, почему извѣстными признаками можно руководствоваться, по крайней мѣрѣ въ случаяхъ, не возбуждающихъ прямого сомнѣнія. Но при общемъ обозрѣніи могилъ съ трупосожженіемъ вниманіе невольно останавливается на томъ обстоятельствѣ, что одиночныхъ могилъ (т. е. кургановъ съ одной могилой), кототорыя бы можно было, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, отнести съ большимъ вѣроятіемъ къ числу женскихъ, не встрѣчено вовсе, между тѣмъ какъ одиночныя мужскія, хотя и немногія, но найдены были [1]); эта ограниченность послѣднихъ (всего 5 или 6), конечно, еще недостаточна,

[1]) Журналъ №№ XIX, XLV, CIX.

чтобы можно было построить на нихъ заключеніе относительно несуществованія для женщинъ независимаго погребальнаго ритуала или самостоятельнаго курганнаго погребенія, но любопытно сопоставить съ тѣмъ-же и фактъ преобладанія кургановъ съ двумя могилами, которыхъ встрѣчено болѣе половины, изъ всего числа содержавшихъ исключительно трупосожженіе, причемъ третья часть этихъ такъ сказать парныхъ могилъ заключала въ себѣ видимо остатки мужчины и женщины, сложенныхъ хотя порознь, но въ одной насыпи. Очень вѣроятно, что такого-же характера быть можетъ и остальныя, или по крайней мѣрѣ еще многія, но, къ сожалѣнію, вещественныя находки въ нихъ не на столько ясны или типичны, по отношенію своей принадлежности тому или другому полу, чтобы можно было безошибочно заключить о принадлежности самыхъ могилъ мужчинамъ или женщинамъ.

Тѣмъ любопытнѣе, что въ числѣ вышеупомянутыхъ одиночныхъ могилъ одна встрѣчена видимо дѣтская, ибо среди слоя костей, въ ней заключавшихся, оказался молочный зубъ ребенка (Журналъ № XXIV). Вообще относительно дѣтей трупосожженіе можетъ быть констатировано неоднократно и въ обѣихъ формахъ послѣдняго (т. е. и при обрядѣ положенія костей въ сосуды), причемъ въ однихъ случаяхъ возрастъ сожженнаго трупа несомнѣнно опредѣляется природой самихъ костей (Журналъ № LXXXIV, 2), въ другихъ же характеромъ, или крайне малыми размѣрами найденныхъ съ ними предметовъ украшеній (Журналъ № XCIV, 1). Весьма интересный примѣръ трупосожженія ребенка встрѣченъ на Волховѣ (Журналъ № CXL, 2), при обстановкѣ, видимо обрисовывающей всю ту заботливость и стараніе, которыя были приложены въ устройствѣ могилы, для огражденія послѣдней отъ какихъ либо случайностей (см. стр. 10).

Другую важную сторону трупосожженія представляютъ слѣды культа жертвоприношеній, выражающіеся въ цѣломъ рядѣ фактовъ находокъ сожженныхъ костей разныхъ животныхъ, обыкновенно смѣшанныхъ съ человѣческими. Подобная примѣсь была обнаружена въ 25 могилахъ и состояла частью изъ остатковъ отъ нѣсколькихъ разныхъ животныхъ, частью-же только лишь отъ одного; вообще однако слѣды эти выражаются лишь присутствіемъ нѣсколькихъ немногихъ мелкихъ костей, или даже единичными ихъ экземплярами (какъ напр. однимъ, или двумя хвостовыми позвонками и т. п.), оказывавшимися среди кальцинированныхъ костей человѣческихъ [1]). Таковые остатки встрѣчены именно отъ лошади, медвѣдя, коровы, собаки, кошки, лисицы, россомахи, зайца и неизвѣстныхъ животныхъ (въ томъ числѣ какого-то грызуна), а кромѣ того змѣи и разныхъ птицъ, но преобладающими являются конскіе, оказавшіеся въ 8 могилахъ, и медвѣжьи—въ 9-ти; рѣже встрѣчены птичьи (всего въ четырехъ случаяхъ), находки-же остальныхъ сдѣланы или лишь по одному разу, или повторились не болѣе двухъ. Любопытною особенностью слѣдовъ медвѣжьихъ костей является то, что онѣ неизмѣнно выражаются присутствіемъ лишь сожженныхъ когтевыхъ фалангъ, которыхъ оказывалось въ могилахъ отъ 1—15, слѣды-же сожженія коней обнаруживаются болѣе разнообразно, такъ

---

[1]) Такъ наибольшій вѣсъ смѣси сожженныхъ человѣческихъ костей съ конскими, представляетъ лишь могила на Волховѣ (Журналъ № CXL, 5), въ которой ихъ оказалось болѣе $8^1/_2$ фн.; въ другой, состоявшей изъ однѣхъ сожженныхъ-же конскихъ костей (Журналъ № CXVI, 3), вѣсъ ихъ былъ $7^3/_4$ фн.; въ прочихъ случаяхъ вѣсъ тѣхъ-же смѣсей колеблется отъ 7 до 1 фн.

какъ въ могилахъ встрѣчаются иногда обломки костей, иногда-же лишь по одному хвостовому позвонку. Наконецъ выдающійся случай представила одна могила (Журналъ № CXVI, 3), заключавшая въ себѣ исключительно лишь однѣ конскія кости.

Общая группировка остатковъ упоминаемыхъ жертвоприношеній сводится къ слѣдующему:

а) *Отдѣльные.*

Лошади	Журналъ № CXVI, 3.

б) *Смѣшанные съ человѣческими.*

Лошади	Журналъ №№ CXXIV, 2; CXLII, 2.
Медвѣдя	Журналъ №№ XCV, 2; CXVI, 2; CXXIV, 1; CXXXIX, 1; CXLII, 3.
Лошади и медвѣдя	Журналъ №№ LXI, 1; CXL, 5.
Лошади (или быка), медвѣдя и и лисицы	Журналъ № LXXXIV, 1.
Лошади, медвѣдя и мелкаго животнаго	Журналъ № CXVI, 8.
Лошади, коровы, кошки и россомахи	Журналъ № CXXXVI, 2.
Коровы и собаки	Журналъ № LXV, 1.
Зайца	Журналъ №№ LXXI, 1; LXXXIV, 2.
Неизвѣстнаго грызуна . . .	Журналъ № CIII, 1.
Змѣи и птицы	Журналъ № CXL, 3.
Птицы	Журналъ №№ CII, 2; CV, 2.
Птицы и неизв. животнаго . .	Журналъ № CXXXVI, 1.
Неизвѣстнаго животнаго. . .	Журналъ №№ LXXI, 4; LXXXV, 1; CII, 4; CV, 6.

Въ большинствѣ случаевъ указанныя примѣси сожженныхъ животныхъ пріурочиваются къ могиламъ мужскимъ, или допускающимъ по крайней мѣрѣ считать себя за таковыя, судя напр. по присутствію въ нихъ предметовъ оружія, но въ нѣсколькихъ случаяхъ тѣ-же примѣси оказывались и въ могилахъ видимо женскихъ; остатковъ конскихъ костей въ послѣднихъ не обнаружено, но встрѣчались тѣ-же медвѣжьи фаланги (Журналъ №№ XCV, 2; CXVI, 2), и одинъ разъ найдены остатки какого-то грызуна, а кромѣ того въ двухъ быть можетъ женскихъ-же могилахъ оказались кости птицъ и неизвѣстныхъ животныхъ (Журналъ №№ CXXXVI, 1; CV, 6). Что касается могилъ дѣтскихъ, то любопытно отмѣтить, что въ одной изъ нихъ былъ найденъ позвонокъ змѣи и немного обломковъ мелкихъ костей отъ нѣсколькихъ птицъ, изъ какой то породы величиною съ голубя (Журналъ № CXL, 3).

Очевидно, символическій смыслъ подобныхъ примѣсей имѣетъ соотвѣтствіе и въ стилѣ нѣкоторыхъ предметовъ украшеній, находимыхъ въ тѣхъ-же могилахъ съ трупосожженіемъ, ибо среди нихъ нерѣдко можно встрѣтить предметы съ изображеніемъ конскихъ головокъ, изображенія птицъ, подвѣски въ видѣ гусиныхъ лапокъ и др.; что-же касается въ частности

медвѣжьихъ когтей, то извѣстно, что еще и въ настоящее время суевѣрное почитаніе медвѣдя составляетъ своего рода культъ, существующій среди многихъ инородческихъ племенъ нашего Сѣвера и Сибири, а на древностяхъ пермскихъ и сибирскихъ нерѣдко повторяется изображеніе того-же животнаго; у финновъ медвѣдю приписывается человѣческій разумъ и воздается особое предъ всѣми другими животными почитаніе; у древнихъ скандинавовъ медвѣдемъ олицетворялось ихъ божество — Торъ и т. п. Необходимо впрочемъ замѣтить, что въ Приладожьѣ на найденныхъ когтевыхъ фалангахъ не замѣчается какихъ либо приспособленій, напр. сверлинъ, для носки ихъ въ видѣ украшеній или амулетовъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ [1]), что можетъ указывать на ихъ тѣсное жертвенное значеніе.

Присматриваясь къ распредѣленію коллективныхъ могилъ съ трупосожженіемъ, встрѣчающихся въ одной общей насыпи, а равно и къ ихъ относительному положенію, нерѣдко приходится наталкиваться на обстоятельства, быть можетъ имѣющія еще болѣе серіозное значеніе въ вопросѣ о тѣхъ же жертвоприношеніяхъ и во всякомъ случаѣ настолько замѣтныя, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ.

Такъ выше было уже указано преобладаніе, въ общемъ числѣ кургановъ съ трупосожженіемъ, именно такихъ, въ которыхъ заключалось по двѣ могилы, причемъ относительно по крайней мѣрѣ нѣкоторой части послѣднихъ могло быть констатировано, что онѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляли могилы разнополыя, т. е. мужскую и женскую, расположенныя хотя въ разныхъ пунктахъ насыпи, но на уровнѣ одномъ и томъ-же. Подобное-же обстоятельство можетъ быть указано и въ нѣкоторыхъ курганахъ съ бо́льшимъ числомъ могилъ: такъ въ одномъ изъ нихъ, въ которомъ группы кальцинированныхъ костей были расположены въ два яруса (Журналъ № CXVI), верхній заключалъ три отдѣльныхъ могилы на одномъ уровнѣ, несомнѣнно мужскую, женскую и конскую; въ другомъ курганъ заключалъ также женскую и мужскую могилы, на одинаковой глубинѣ, а третью мужскую-же—нѣсколько выше (Журналъ № LX); наконецъ можно упомянуть еще случай, при которомъ въ курганѣ оказались могила мужская и три женскихъ, всѣ также на общемъ уровнѣ (Журналъ № VIII), изъ котораго развѣ выдѣлялась лишь одна изъ женскихъ, лежавшая немного (всего на $^3/_4$ арш.) глубже. Подобныя частыя совпаденія разнополыхъ могилъ, какъ парныхъ, такъ и коллективныхъ, невольно обращаютъ вниманіе и наводятъ на мысль объ ихъ скрытой связи между собою, въ каждомъ отдѣльно взятомъ курганѣ, или другими словами — на мысль объ ихъ тѣсной одновременности. Но установить эту связь фактически крайне трудно, ибо хотя она логически и проглядываетъ въ указанныхъ повтореніяхъ соотвѣтствія могилъ относительно глубины ихъ размѣщенія, но совпаденія эти могутъ быть приписываемы или случайности, или размѣщенію хотя и сознательному, но разновременному, т. е. неминуемо является возраженіе, съ которымъ приходится считаться, не смотря на извѣстную его натяжку. Однако обстоятельства находокъ нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ могилъ дозволяютъ весьма ослабить силу тѣхъ-же возраженій, потому что имѣются такіе варіанты, которые дѣлаютъ совсѣмъ невѣроятной

[1]) Напр. въ извѣстномъ Лядинскомъ могильникѣ Тамбовской губ., въ которомъ найдены медвѣжьи когти въ съ обдѣлкой для ихъ привѣски (Матеріалы по Археол. Россіи, № 10, стр. 6).

всякую мысль о повторительномъ погребенiи: въ одномъ изъ кургановъ на р. Пашѣ (Журналъ № XCV), вышиною въ сажень, были въ западной сторонѣ насыпи открыты четыре могилы, лежавшiя всѣ на $1^1/_2$ арш. надъ подошвою, двѣ изъ нихъ были расположены близь середины рядомъ (въ разстоянiи всего на 1 арш. другъ отъ друга) и изъ нихъ сѣверная очевидно принадлежала мужчинѣ, такъ какъ въ ней найдены топоръ, стрѣла, конскiя удила и пр., а южная, судя по остаткамъ въ ней украшенiй,—вѣроятно женщинѣ; кромѣ того близь первой, но съ другой стороны, находилась еще могила несомнѣнно женская-же и, наконецъ, четвертая была расположена отъ нихъ въ отдаленiи, какъ-бы отдѣльно. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ оказались три могилы [1]), мужская и двѣ женскихъ, расположенныя въ весьма тѣсномъ сосѣдствѣ и найденныя въ полной цѣлости, что дѣлаетъ, какъ уже сказано, почти невозможной или невѣроятной мысль о ихъ разновременности, потому что если-бы которая изъ нихъ явилась погребенiемъ повторительнымъ, то порядокъ могилы сосѣдней былъ-бы неминуемо нарушенъ. То-же самое можно сказать и о другомъ курганѣ, на р. Сяси, заключавшемъ въ себѣ также четыре могилы: двѣ изъ нихъ лежали рядомъ на одной глубинѣ, въ разстоянiи другъ отъ друга лишь $^1/_2$ арш., и ясно принадлежали мужчинѣ и женщинѣ (Журналъ № CXXIV, 2), но обѣ найдены также совершенно нетронутыми или непотревоженными, не смотря на такое близкое взаимное ихъ сосѣдство.

Къ сожалѣнiю однако, подобные поучительные случаи крайне рѣдки, въ виду чего все еще можетъ оставаться мѣсто извѣстнымъ сомнѣнiямъ, хотя самый вопросъ крайне важенъ, такъ какъ если-бы удалось совершенно незыблемо установить высказываемое положенiе объ одновременности парныхъ и коллективныхъ могилъ во многихъ тожественныхъ случаяхъ, то мы-бы встрѣтились съ фактическимъ подтвержденiемъ письменныхъ извѣстiй объ обрядѣ, въ силу котораго напр. жена или рабы умершаго должны были слѣдовать въ могилу за своимъ умершимъ хозяиномъ, т. е. имѣли-бы фактическiя доказательства бывшихъ человѣческихъ жертвоприношенiй.

Любопытный вопросъ въ области тѣхъ-же вѣрованiй, усматриваемыхъ въ курганахъ съ трупосожженiемъ, возбуждаютъ также находки быть можетъ человѣческихъ костей, съ ясными слѣдами искусственной обдѣлки послѣднихъ, и остатковъ монетъ, видимо не имѣвшихъ назначенiя служить привѣсками въ видѣ украшенiй.

Первыя изъ нихъ представляютъ хорошо сохранившую свою форму верхнюю часть головки бедра (caput femoris), нѣсколько усѣченную и просверленную насквозь (см. рис. 15), и найдены дважды: на р. Пашѣ такая кость лежала въ курганѣ, рядомъ съ остатками трупосожженiя женщины (Журналъ № XCV, 2) и на Волховѣ въ курганѣ-же—среди слоя сожженныхъ костей, составлявшихъ смѣсь человѣческихъ и животныхъ (Журналъ № CXXXVI, 2), такъ что вообще присутствiе ихъ въ могилахъ трудно объяснить случайностью, особенно въ виду еще того, что аналогичные примѣры извѣстны и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ Прила-

---

[1]) Въ общемъ поверхность, непосредственно занятая сожженными костями, ихъ составлявшими, занимала около $2^1/_4$ квадр. арш., при толщинѣ слоя около 2 верш. и совокупномъ вѣсѣ всѣхъ около $6^1/_4$ фн., что одно можетъ указывать на остатки отъ нѣсколькихъ труповъ (ср. выше, стр. 8, 9 и 10).

дожья. Гораздо важнѣе было-бы установить несомнѣнно природу тѣхъ-же фрагментовъ, въ виду разности мнѣнія специалистовъ, не рѣшающихся окончательно признать эти обломки за кости именно человѣческія или-же животнаго, такъ что вопросъ остается еще открытымъ. Во всякомъ случаѣ находки эти весьма любопытны, какъ новые слѣды извѣстныхъ вѣрованій, быть можетъ имѣющихъ близкое соотношеніе къ вышеупомянутому культу жертвоприношеній человѣческихъ [1]).

Наконецъ, что касается монетъ, то извѣстно, что въ курганахъ съ погребеніемъ обыкновеннымъ онѣ бываютъ часто находимы въ составѣ шейныхъ украшеній, а также и отдѣльными, причемъ имѣютъ приспособленія для носки (приклепанныя ушки или отверстія), но нерѣдки и такіе случаи, въ которыхъ для присутствія монетъ въ могилахъ должно искать объясненіе иное, потому что на нихъ не замѣчается упомянутыхъ приспособленій и слѣдовательно здѣсь монеты должны имѣть значеніе символическое. Въ Приладожьѣ немногія, оказавшіяся въ могилахъ съ трупосожженіемъ, монеты [2]), относятся именно къ разряду послѣднихъ, и наиболѣе любопытнымъ примѣромъ въ томъ-же отношеніи служитъ находка среди костей четвертушки Саманидскаго диргема X вѣка (Журналъ № LXI, 1), вырубленной въ видѣ сектора изъ цѣлаго экземпляра.

Изъ всего вышеизложеннаго о трупосожженіи, общая картина этого обряда получается слѣдующая. Вѣроятно гдѣ нибудь по близости мѣста, выбраннаго для возведенія кургана, устраивался погребальный костеръ, на который помѣщали трупъ покойника въ полномъ его убранствѣ, съ различными предметами бытовой его-же обстановки. Изученіе тѣхъ-же могилъ наводитъ на заключеніе, что обрядъ долженъ былъ требовать болѣе или менѣе продолжительнаго времени, что самый костеръ едва-ли могъ быть очень большихъ размѣровъ и, наконецъ, что трупъ быть можетъ помѣщался на какой либо огнеупорной подстилкѣ. Дѣйствительно, если взять во вниманіе ту высокую степень температуры, которая должна развиваться при горѣніи огромнаго костра, то едва-ли бы могли сохраниться такіе сравнительно легкоплавкіе предметы, какъ украшенія изъ бронзы, неминуемо обратившіяся-бы въ безформенные слитки металла, но однако въ могилахъ вещи эти находятъ большею частью лишь обгорѣлыми и рѣже—полурасплавленными; съ другой стороны, сложенные въ могилахъ совершенно чистые обломки кальцинированныхъ костей указываютъ, что трупосожженіе достигалось вполнѣ и было настолько совершенно, что съ остатками костей не встрѣчается даже животнаго угля, слѣдовательно, чтобы согласовать оба эти обстоятельства, необходимо допустить болѣе или менѣе продолжительный процессъ самаго сожиганія, при сравнительно низшей температурѣ, чѣмъ должны обусловливаться и размѣры самаго костра [3]). Точно также трудно себѣ пред-

---

[1]) Можно замѣтить, что вообще употребленіе человѣческихъ костей, какъ для амулетовъ, такъ и для разныхъ издѣлій, не составляетъ въ археологіи новости. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ въ этомъ родѣ примѣровъ извѣстенъ въ раскопкахъ *В. Антоновича* около Житомира; здѣсь въ курганной могилѣ былъ найденъ скелетъ, державшій въ рукѣ чашу, приготовленную изъ отпиленной верхней части человѣческаго черепа (Матеріалы по Археологіи Россіи № 11, стр. 14).

[2]) См. стр. 4.

[3]) Быть можетъ въ томъ-же слѣдуетъ искать объясненія и такихъ странныхъ случайностей, что среди обго-

ставить, какимъ образомъ послѣ окончательнаго испепеленія трупа могли быть собираемы такіе незначительные по величинѣ предметы, какъ бусы, маленькія наборныя бляшки и пуговки, мелкіе фрагменты бронзы и т. п., которые должны были смѣшаться или даже совсѣмъ затеряться въ массѣ золы и угля, остающихся отъ костра, еслибы трупъ не помѣщался на какой либо изолирующей подстилкѣ, напр. изъ глины или камней.

Вмѣстѣ съ трупомъ предавались пламени и жертвенныя животныя, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части ихъ, а по всей вѣроятности совершались и жертвоприношенія человѣческія, послѣ чего остатки трупосожженія тщательно собирались и переносились на мѣсто погребенія. Здѣсь площадь, предназначенная для насыпки кургана, предварительно выжигалась или усыпалась пепломъ отъ погребальнаго костра, и на ней въ одномъ, двухъ, или нѣсколькихъ пунктахъ, смотря по надобности, складывались кальцинированныя кости небольшими разровненными слоями, на которыхъ и рядомъ съ ними размѣщали разные предметы бытовой обстановки покойника, прикрывая ихъ иногда древесной корой или берестой, а въ нѣкоторыхъ-же мѣстностяхъ (на Волховѣ) кости предварительно помѣщали еще въ особые глиняные сосуды. Далѣе совершалась тризна, для чего въ серединѣ подошвы будущей насыпи устраивался небольшой костеръ, подъ которымъ земля усыпалась крупнымъ пескомъ и производилось приготовленіе пищи на желѣзныхъ сковородахъ и въ котлахъ, или горшкахъ, по окончаніи-же тризны приступали къ сооруженію самого кургана. Иногда впрочемъ таже тризна, а равно и укладка сожженныхъ костей, производились уже по возведеніи нѣкоторой части насыпи, такъ какъ упомянутые очаги и самыя могилы встрѣчаются также и на нѣкоторой вышинѣ надъ подошвой. Въ заключеніе, самая насыпь, вѣроятно, покрывалась свѣженарѣзаннымъ дерномъ, чѣмъ вся церемонія и заканчивалась [1]).

б) *Погребеніе обыкновенное.*

Выше было уже указано, что въ Приладожьѣ, наряду съ трупосожженіемъ, примѣнялся въ одинаковой степени и простѣйшій обрядъ погребенія обыкновеннаго, причемъ несмотря на все свое внѣшнее различіе, оба обряда представляютъ въ то-же время много аналогичнаго,

---

рѣвшихъ предметовъ иногда попадаются сохранившимися даже незначительные остатки происхожденія органическаго. Напр. въ одной могилѣ (Журналъ № XCV, 2) была среди сожженныхъ костей найдена часть маленькой бронзовой пронизки, внутри которой уцѣлѣлъ комочекъ нитокъ. Любопытно замѣтить, что въ тѣхъ-же могилахъ бывали случаи находокъ и предметовъ, совершенно избѣжавшихъ пламени: напр. въ одномъ курганѣ (Журналъ № XIX, 1) рядомъ съ костями найдены остатки рога для питья, на которыхъ слѣдовъ дѣйствія огня не видно вовсе; въ другомъ (Журналъ № CXVI, 2) среди костей оказался кусокъ пчелинаго воска,—находка дважды повторившаяся въ томъ-же курганѣ.

[1]) Любопытно сравнить съ тѣмъ-же нѣкоторыя имѣющіяся подробности о современномъ намъ трупосожженіи у Забайкальскихъ бурятъ, примѣняемомъ ими къ своимъ шаманамъ. Приготовляется четыреугольный костеръ изъ свѣжихъ срубленныхъ сосновыхъ бревенъ, сверху кладутъ сосновыя вѣтви, прикрываютъ потникомъ и кускомъ ткани, находившемся на конѣ, на которомъ везли умершаго, а на ткань помѣщаютъ покойника съ сѣдломъ подъ головою; кромѣ того у головы кладутъ узду, колчанъ съ восемью стрѣлами и лукъ, придавливаютъ сверху покойника нѣсколькими бревнами и затѣмъ костеръ зажигаютъ. На третьи сутки родственники шамана собираютъ оставшіяся послѣ сожженія кости мертвеца, складываютъ ихъ въ мѣшокъ и помѣщаютъ въ углубленіе, выдолбленное въ стволѣ толстой сосны, которое снаружи затѣмъ тщательно задѣлывается. (А. К. «Формы погребенія у современ. и древнихъ народовъ восточн. Россіи», въ Извѣстіяхъ Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казанскомъ Университетѣ, т. X, вып. II, 197).

относительно разныхъ своихъ деталей, отражающихъ какъ бы извѣстную общность внутреннихъ представленій, или одинаковую идейность въ обоихъ видахъ тѣхъ-же обрядовъ. Отсюда можно заключить, что въ основаніи ихъ покоилась не какая либо коренная разность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, но что они являлись только внѣшними видоизмѣненіями или формами одного и того-же религіознаго культа, въ зависимости отъ причинъ чисто такъ сказать житейскихъ [1]), подобно тому, какъ и въ наше время идея христіанства также не исключаетъ собою трупосожженія. Исторія человѣчества вообще даетъ не мало примѣровъ о растяжимости людскихъ понятій въ подобномъ-же отношеніи. Въ извѣстномъ Гальштатскомъ могильникѣ найдены напр. ясные слѣды сожиганія трупа лишь по частямъ, иногда одной головы, иногда которой нибудь части тѣла и пр., причемъ остальное погребено обыкновеннымъ образомъ; по свидѣтельству Житія св. Арнульфа епископа Мецскаго, въ VII вѣкѣ у одного, смертельно заболѣвшаго въ пути сановника, была отнята голова, а тѣло сожжено [2]). Въ средніе вѣка трупы знатныхъ людей, умершихъ въ походахъ, подвергались вывариванію, чтобы по отдѣленіи мяса, кости могли быть доставлены на родину: такъ были выварены кости князей, епископовъ и дворянъ, умершихъ въ войскѣ Барбароссы подъ стѣнами Рима, равно какъ и трупъ самого Барбароссы, погибшаго въ XII ст. въ Сиріи; былъ разсѣченъ и вываренъ трупъ Людовика святого, погибшаго въ XIII в. подъ Тунисомъ; тѣмъ-же путемъ моцерированы сохраняющіеся въ St. Denis останки короля Филиппа Смѣлаго, наконецъ вообще то-же практиковалось съ тѣлами рыцарей и дворянъ, погибшихъ въ рядахъ нѣмецкой арміи при вторженіяхъ въ Италію [3]). Такимъ образомъ отсюда до полнаго уничтоженія трупа путемъ сожженія лишь одинъ шагъ.

Общее число кургановъ съ погребеніемъ въ Приладожьѣ даже нѣсколько превосходитъ число содержавшихъ исключительно трупосожженіе, что можно повторить и о количествѣ самыхъ могилъ, въ нихъ заключавшихся, такъ какъ болѣе половины насыпей съ погребеніемъ заключали въ себѣ по нѣскольку скелетовъ. Въ обоихъ обрядахъ замѣчается, какъ уже сказано, извѣстная аналогія. Въ конструкціи кургановъ съ погребеніемъ усматриваются тѣ-же пріемы: въ подошвѣ насыпи, во всю ея площадь, почти всегда (за весьма рѣдкими исключеніями) оказывается также довольно характерный слой, ясно отличающійся отъ смежнаго грунта, но здѣсь онъ вообще выражается значительно слабѣе и не имѣетъ той интенсивности, представляя иногда лишь темный, иногда даже бѣловатый прослоекъ, вѣроятно, обязанный своимъ происхожденіемъ выжиганію травы и кустовъ на мѣстѣ кургана. Равнымъ образомъ повторяется и здѣсь присутствіе въ составѣ насыпей огневищъ того-же устройства и при той-же обстановкѣ, какъ и въ курганахъ съ трупосожженіемъ, т. е. съ разными предметами домашней утвари, котлами, сковородами и т. п., а также и оставленными иногда около нихъ желѣзными лопатами, причемъ близь тѣхъ-же очаговъ случались находки остатковъ костей

---

[1]) Или, какъ думаетъ *А. Котляревскій*,—отъ семейныхъ традицій (Погребальные обычаи языческихъ славянъ, 236).

[2]) *К. Невоструевъ*, Ананьинскій могильникъ (Труды 1 Арх. съѣзда II, 610, 611).

[3]) Въ связи съ этимъ, вѣроятно, находится и булла Бонифація VIII (1300 г.), угрожавшая отлученіемъ отъ церкви за разсѣченіе и вывариваніе человѣческихъ тѣлъ (*І. Гиртль*, Руководство къ анатоміи. Ср. также *А. Котляревскаго*, О погреб. обыч. языч. славянъ, 97).

*

животныхъ, могущія указывать на слѣды бывшей тризны [1]). Любопытный примѣръ въ этомъ родѣ встрѣченъ въ курганѣ на р. Пашѣ, гдѣ около огневища найдены лопата, сковорода, сковородникъ и желѣзный котелъ, съ четырьмя въ немъ обломками костей и однимъ изъ реброносныхъ позвонковъ коровы (Журналъ № CXI, 5); въ общемъ однако находки тѣхъ-же остатковъ рѣдки и представляются именно костями коровы, но однажды около огневища былъ найденъ и обломокъ челюсти свиньи (Журналъ № XXII).

Наконецъ относительно тѣхъ-же огневищъ, или очаговъ, можно еще замѣтить, что и здѣсь таковые встрѣчаются иногда на разныхъ уровняхъ, т. е. что устройство ихъ не всегда предшествовало сооруженію кургана, и что число самыхъ очаговъ никогда не бываетъ болѣе одного, хотя большинство кургановъ, сюда относящихся, заключало въ себѣ по нѣскольку погребеній.

Размѣщеніе могилъ такъ же разнообразно, какъ и при трупосожженіи; погребенные скелеты встрѣчаются на разныхъ уровняхъ и въ разныхъ сторонахъ насыпей, но въ расположеніи костяковъ видимо уже проявляется извѣстный обычай—класть ихъ головой или на Югъ, или на Западъ, потому что почти двѣ трети изъ нихъ имѣли именно это направленіе; кромѣ того въ остальной части значительное большинство ихъ-же представляетъ лишь уклоны отъ тѣхъ-же направленій, именно скелеты положены головами приблизительно на ЮВ. и ЮЗ., что быть можетъ имѣетъ также свои причины. Наконецъ лишь небольшое меньшинство найдено лежащими головами на Востокъ и на Сѣверъ (съ уклоненіями на СВ. и СЗ.), такъ что это представляется какъ-бы лишь исключеніями.

Большею частью скелеты въ могилахъ найдены въ дурномъ состояніи, вездѣ-же, гдѣ таковые сохранились лучше, они лежали вытянутыми на спинѣ, но съ положеніемъ рукъ весьма различнымъ; послѣднія чаще оказывались протянутыми вдоль туловища, но нерѣдко были скрещены на животѣ или сложены подъ грудью, иногда же обѣ лежали разно, а въ одномъ случаѣ рука оказалась даже загнутою назадъ къ плечу. Исключительное положеніе имѣлъ одинъ костякъ (Журналъ № CXIII, 2), лежавшій почти на правомъ боку, съ нѣсколько поджатыми ногами, причемъ лучше сохранившаяся лѣвая рука его была также загнута отъ локтя къ плечу. Подобный-же примѣръ извѣстенъ и въ сосѣднемъ сѣверномъ Приладожьѣ, гдѣ близь Кексгольма была найдена могила и въ ней три рядомъ скелета, изъ которыхъ средній принадлежалъ ребенку, а одинъ изъ остальныхъ лежалъ также на правомъ боку, съ нѣсколько согнутыми и поджатыми ногами, причемъ концы рукъ находились передъ шеей [2]). Эти, хотя и отдѣльные, случаи весьма любопытны въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ потому, что весьма сближаются съ однимъ изъ видовъ погребеній, открытыхъ на островѣ Борнгольмѣ [3]) въ могилахъ, относимыхъ къ первоначальному желѣзному вѣку, въ которыхъ встрѣчались скелеты, лежавшіе на правомъ боку съ слегка поджатыми ногами и согнутыми руками (кисти рукъ передъ шеей), т. е. въ положеніи совершенно сходномъ съ такъ называемымъ «утробнымъ»,

---

[1]) Журналъ №№ XXIX, XXXVIII, XLVI.

[2]) Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, 1893 г. № XIII, рис. 322).

[3]) *Ведель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager стр. 119, рис. 258.

а во вторыхъ—что та-же форма погребенія довольно часто повторяется въ курганахъ южной Россіи, хотя и здѣсь, какъ на Борнгольмѣ,—въ могилахъ болѣе глубокой древности [1]).

Присутствіе при скелетахъ разныхъ украшеній, оружія и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ свидѣтельствуетъ, что покойники погребались не только въ полномъ нарядѣ, но по возможности съ разными необходимыми, или служившими имъ при жизни, предметами бытовой обстановки, причемъ нерѣдко у головы или въ ногахъ костяка бывали находимы еще поставленные глиняные горшки, обыкновенно по одному, но иногда и по нѣсколько (Журналъ №№ XXIX, LIV и др.); горшки эти всегда оказывались пустыми, такъ что трудно утверждать, содержали-ли они пищу или питье, или-же были поставлены въ могилу пустыми—какъ необходимая домашняя утварь; въ очень рѣдкихъ случаяхъ въ ногахъ-же встрѣчались бронзовые котлы.

Наконецъ къ внѣшнимъ-же обрядностямъ погребенія относятся слѣды употребленія гробовъ и древесной коры для покрыванія трупа, или быть можетъ нѣкоторыхъ вещей, на немъ находившихся. Слѣды гробовъ обнаружены однако всего въ 12 погребеніяхъ и вообще выражены весьма слабо, именно присутствіемъ лишь незначительныхъ остатковъ совершенно истлѣвшей древесной гнили около костяковъ, и только въ двухъ случаяхъ можно было замѣтить, что для подобнаго погребенія служили какъ-бы выдолбленныя колоды, представлявшія родъ носилокъ, потому что при одной изъ таковыхъ сохранились довольно явственные слѣды поперечной перекладины, укрѣпленной у изголовья колоды (Журналъ № II); послѣднія были, повидимому, даже безъ крышъ, по крайней мѣрѣ остатки дерева непосредственно между костями были замѣчены всего лишь одинъ разъ, и на то-же можетъ намекать напр. находка скелета, который не лежалъ въ самой колодѣ, а былъ ею накрытъ сверху (Журналъ № CX). Быть можетъ варіантомъ того-же обычая являются и факты находокъ скелетовъ, частью покрытыхъ древесной корой [2]), какъ напр. въ одномъ изъ кургановъ, въ которомъ у двухъ костяковъ таковою оказалась плотно обтянута вся верхняя половина туловища, а на груди третьяго сохранились отъ нея-же болѣе или менѣе значительные остатки (Журналъ № CXVII, 2, 4); во всякомъ случаѣ слѣды той-же коры и бересты многократно бывали замѣчаемы и отдѣльно, на разныхъ вещахъ при погребенныхъ покойникахъ, и при томъ на вещахъ видимо какъ-бы болѣе цѣнныхъ, напр. бронзовыхъ и серебряныхъ предметахъ украшеній, а также монетахъ [3]). Въ одномъ курганѣ нѣсколько подобныхъ вещей вмѣстѣ были найдены сложенными совершенно отдѣльно отъ могилы (Журналъ № XLIV, 2), причемъ всетаки оказались завернутыми въ остатокъ ткани и прикрытыми кускомъ коры, изъ чего вообще возможно заключить, что берестой и корой пользовались также и для обереженія самыхъ

---

[1]) Совпаденіе интересное, невольно приводящее на память скандинавскую легенду о переселеніи Одина изъ Асгарда.

[2]) Аналогичные примѣры могутъ быть указаны и въ другихъ мѣстностяхъ. Напр. въ Рязанской губерн. при раскопкѣ Борковскаго могильника въ одномъ случаѣ найденный скелетъ былъ обвернутъ лубомъ, въ трехъ-же другихъ остатки послѣдняго находились сверху и снизу костей (Труды Рязанск. архивн. ком. 1892 г., т. VII: Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника, №№ 26, 103, 109, 111). Тотъ-же обычай извѣстенъ даже и на Руси христіанской: тѣло обертывалось въ лубъ (*А. Котляревскій*, О погребальныхъ обычаяхъ языч. славянъ, 218).

[3]) Журналъ №№ I, 3; XXIX, 2; XXXII, 3; XCI, 1; CXII, 2, 6 и др.

вещей отъ порчи, или для иныхъ цѣлей, подобное чему встрѣчалось и при обрядѣ трупосожженія [1]).

Въ погребеніи обыкновенномъ выслѣживаются также разныя обстоятельства, невольно обращающія на себя вниманіе. Присматриваясь къ распредѣленію могилъ въ курганахъ, находимъ во первыхъ, что вообще только слабое меньшинство послѣднихъ (всего почти одна четверть) содержитъ въ себѣ по одному скелету, во всѣхъ-же остальныхъ по два и болѣе, а во вторыхъ—что дѣтскихъ могилъ не встрѣчено вовсе, кромѣ одного лишь случая, но случая неяснаго и сомнительнаго (Журналъ № V).

Чему можетъ быть приписано отсутствіе послѣднихъ, рѣшить трудно, такъ какъ не невозможнымъ представляется и исчезновеніе костей отъ почвенныхъ условій [2]), но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ еще положительныхъ основаній и для безусловнаго отрицанія возможности изъятія дѣтей изъ общаго порядка погребенія. Извѣстно напр., что у Забайкальскихъ бурятъ малыхъ дѣтей хоронятъ иногда непосредственно подлѣ юртъ [3]); нѣчто аналогичное можетъ быть указано даже въ древнемъ Римѣ, въ которомъ для дѣтей, умершихъ до опредѣленнаго возраста, существовали также извѣстныя изъятія: трупы ихъ не подлежали сожженію [4]).

Подобное-же обстоятельство замѣчается и относительно одиночныхъ могилъ женскихъ, которыхъ встрѣчено всего двѣ (Журналъ №№ VI и XIII), или вѣрнѣе даже болѣе ясная всего лишь одна (Журналъ № XIII), по крайней мѣрѣ судя по найденнымъ въ ней-же предметамъ украшеній, напр. бусамъ и подвѣскамъ, но такъ какъ не всегда и этотъ критерій безошибоченъ [5]), то быть можетъ одиночныя женскія могилы въ курганахъ съ погребеніемъ отсутствуютъ даже вовсе.

Не рѣшаясь однако, на основаніи этихъ данныхъ, положительно утверждать фактъ изъятія дѣтей и женщинъ отъ погребенія въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ насыпяхъ, можно тѣмъ не менѣе провести еще параллель и съ указаннымъ уже преобладаніемъ кургановъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку погребеній. Здѣсь женскія могилы, сопутствующія мужскимъ, могутъ быть указаны въ цѣломъ рядѣ случаевъ, причемъ любопытно, что таковыя встрѣчались не болѣе какъ по одной въ каждомъ подобномъ курганѣ, тогда какъ количество мужскихъ въ нихъ-же оказывалось довольно разнообразнымъ; по крайней мѣрѣ это можно было замѣтить вездѣ, гдѣ различіе могилъ по поламъ обозначалось болѣе или менѣе ясно

---

[1]) Такіе-же слѣды луба или бересты на разныхъ предметахъ неоднократно бывали встрѣчаемы и въ языческихъ могилахъ Рязанской губ.; иногда тѣ-же предметы (бронзовые) ясно были даже обернуты лубомъ. (Труды Рязанск. архивн. коммисіи 1892 г., т. VII: Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника, №№ 21, 37, 38, 43, 45, 53, 57, 65, 68, 88, 94, 107, 110).

[2]) Такъ напр. въ одномъ курганѣ (Журналъ № II), отъ погребеннаго въ деревянной колодѣ скелета, сохранился лишь одинъ ничтожный обломокъ; въ другихъ насыпяхъ случались находки вещей при полномъ отсутствіи костей (Журналъ №№ LXII; LXXXVI), и т. д.

[3]) *А. К.*, Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ восточной Россіи (Извѣстія Общ. Археол. Ист. и Этногр. при Казанск. Унив., т. X, вып. II, 202).

[4]) Свидѣтельство объ этомъ (любезно указанное намъ гр. *А. Бобринскимъ*) находится у Плинія Младшаго, въ его Naturalis Historiae, lib I, cap. XV. Плиній говоритъ, что — «не принято сожигать (трупъ) человѣка, прежде нежели у него появятся зубы» (вторые?).

[5]) Ср. Журналъ № LXXXIX, 2: здѣсь при скелетѣ найдены напр. такіе разнохарактерные предметы, какъ браслеты, бусы и срединная щитовая бляха (umbo).

сдѣланными въ нихъ-же находками (напр. Журналь № XCIII, XXXII). Такъ нѣкоторые курганы содержали по три скелета, въ числѣ которыхъ по два съ предметами оружія (топорами и копьями) и по одному съ такими украшеніями какъ бусы, подвѣски и пр. (Журналъ №№ I, LVI, XCIX); въ другихъ найдены остатки четырехъ и пяти скелетовъ, причемъ въ числѣ послѣднихъ также лишь по одному съ бусами (Журналъ №№ XLVII, XC) и т. д. Наконецъ можно упомянуть о случаяхъ, еще болѣе любопытныхъ въ разбираемомъ отношеніи, именно о фактахъ совмѣстнаго нахожденія тѣхъ-же женскихъ могилъ, непосредственно рядомъ съ мужскими, какъ напр. въ курганѣ на р. Сязнигѣ (Журналъ № LI), гдѣ въ подошвѣ насыпи встрѣчены два лежавшихъ вмѣстѣ скелета, изъ которыхъ при одномъ найдены только пряжка, ножъ, топоръ и глиняный горшокъ, а при другомъ бусы, браслетъ и подвѣски,—находки, видимо указывающія на разный полъ погребенныхъ; точно также въ курганѣ на р. Пашѣ (Журналъ № CXVII, 4) оказались рядомъ два остова, изъ коихъ при одномъ топоръ, точильный оселокъ и пр., а на другомъ цѣлое монисто изъ бусъ съ монетами и разныя украшенія [1]).

Всѣ эти факты невольно наталкиваютъ на мысль о возможности существованія извѣстной связи между мужскими и женскими могилами, встрѣчаемыми въ общихъ насыпяхъ, или другими словами—на ту-же мысль о возможной ихъ одновременности, на что было уже указываемо и при трупосожженіи, т. е. получается поводъ предполагать и здѣсь слѣды человѣческихъ жертвоприношеній. Въ курганахъ съ погребеніемъ встрѣчаются и другія обстоятельства, невольно напрашивающіяся на подобное-же объясненіе. Напр. въ одной насыпи на р. Воронегѣ (Журналъ № CXXII), изъ числа погребенныхъ въ ней 9 скелетовъ пять оказались лежавшими рядомъ, какъ-бы особой группой, и два другихъ положенными крестообразно непосредственно одинъ на другой, причемъ любопытно, что около ногъ и таза верхняго оказались еще обгорѣлыя человѣческія-же кости. Въ другомъ курганѣ той-же мѣстности (Журналъ № CXXIII) встрѣчены также 9 скелетовъ, изъ которыхъ шесть лежали рядомъ, а остальные особо, но кромѣ того при двухъ изъ числа послѣднихъ найдены еще отдѣльные человѣческіе же черепа (при одномъ таковыхъ оказалось даже два). Подобные-же примѣры находокъ отдѣльныхъ человѣческихъ череповъ, въ насыпяхъ съ погребенными скелетами, могутъ быть также указаны не однократно [2]), почему ихъ трудно объяснить случайнымъ исчезновеніемъ прочихъ костей, вслѣдствіе какихъ либо грунтовыхъ условій, тѣмъ болѣе, что бывали примѣры и обратные, т. е. оказывались остатки скелетовъ безъ череповъ (Журналъ № LXVI). Наконецъ вниманіе можетъ заслуживать и то обстоятельство, что упоминавшіяся выше огневища или очаги,—слѣды совершавшейся тризны, никогда не встрѣчаются болѣе какъ по одному въ отдѣльномъ курганѣ, хотя-бы послѣдній заключалъ и нѣсколько погребеній, изъ

[1]) Подходящіе сюда примѣры могутъ быть указаны и въ сосѣднемъ — сѣверномъ Приладожьѣ, именно въ раскопкахъ г. *Швиндта* около Кексгольма; болѣе выдающимся случаемъ въ этомъ родѣ была здѣсь находка въ могилѣ двухъ скелетовъ, лежавшихъ одинъ на другомъ такъ, что черепъ верхняго помѣщался на груди нижняго, причемъ характеръ предметовъ, найденныхъ вмѣстѣ съ ними (разныя украшенія, въ томъ числѣ двѣ скорлупообразныхъ фибулы, ножъ въ футлярѣ, стрѣла, огниво и пр.) видимо указываетъ, что одинъ скелетъ принадлежалъ женщинѣ, другой — мужчинѣ. (Finska Fornminnesföreningens Tidskrift 1893 г., XIII, стр. 66).

[2]) Журналъ №№ XXI, XXVI, XL, XCI и др.

чего также получается какъ бы косвенное указанiе на возможную одновременность послѣднихъ.

Все это, конечно, нуждается въ еще болѣе убѣдительныхъ доказательствахъ, но тѣмъ не менѣе и съ приведенными фактами необходимо считаться, пока ихъ значенiе не будетъ категорически опровергнуто.

Въ такомъ-же смыслѣ приходится отнестись и къ вопросу о жертвоприношенiи животныхъ, немногiе слѣды чего также встрѣчаются въ курганахъ съ погребенiемъ, но въ послѣднихъ культъ этотъ, сравнительно съ трупосожженiемъ, выражается крайне бѣдно. Остатки животныхъ здѣсь встрѣчены только въ двухъ, не возбуждающихъ подозрѣнiя, случаяхъ, именно: въ одномъ курганѣ (Журналъ № XLVI, 3) близь подошвы насыпи былъ найденъ желѣзный топоръ и съ нимъ нѣсколько костей собаки, а въ другомъ (Журналъ № CX, 2), также въ подошвѣ, черепъ собаки-же и нѣсколько костей животнаго, между которыми оказался шейный позвонокъ лисицы.

Такимъ образомъ хотя повторяются слѣды жертвоприношенiй двухъ видовъ и тѣхъ-же животныхъ, которыя встрѣчались при трупосожженiи, но напр. не оказалось совсѣмъ слѣдовъ костей медвѣжьихъ и конскихъ, которыя предпочтительнѣе прочихъ попадались въ первомъ. Простая-ли это случайность, или проглядываетъ здѣсь извѣстное различiе въ обѣихъ обрядностяхъ, рѣшить можетъ лишь будущее.

Наконецъ въ курганахъ съ погребенiемъ обращаютъ на себя вниманiе находки монетъ [1]), частью служившихъ предметами украшенiй, напр. въ составѣ монистъ (Журналъ № CXVII, 2, 4), другiя-же безъ всякихъ приспособленiй для ношенiя. Тѣхъ и другихъ найдено почти поровну (именно 20 съ ушками и 24 безъ нихъ), слѣдовательно, случайность здѣсь не имѣетъ мѣста, и потому въ монетахъ послѣдняго рода остается видѣть значенiе символическое, тѣсно связанное съ языческимъ вѣрованiемъ, что человѣкъ живетъ по земному и послѣ смерти. Какъ извѣстно, обычай класть деньги въ могилу существовалъ у многихъ народовъ [2]) и даже не вывелся еще понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россiи, напр. въ Харьковской губернiи и Малороссiи [3]). Любопытно, что тѣ-же монеты въ курганахъ съ погребенiемъ принадлежатъ почти всѣ къ одному времени, именно къ XI вѣку, такъ какъ изъ 24-хъ экземпляровъ, сюда относящихся, только два X-го и два неизвѣстныхъ, между тѣмъ какъ изъ 20 монетъ, служившихъ привѣсками, одна—VIII в., шесть—X-го, шесть—XI-го и семь неизвѣстныхъ, т. е. онѣ являются довольно разнообразными. Что касается другихъ условiй ихъ находокъ, то не замѣтно, чтобы существовалъ обычай класть монеты предпочтительнѣе напр. въ руки умершаго, или у головы, ибо онѣ бывали находимы въ ногахъ, у черепа, на груди, у таза и по сторонамъ около скелетовъ. Можно прибавить еще, что въ трехъ случаяхъ монеты обоихъ родовъ оказались совмѣстно, изъ чего слѣдуетъ, что собственно монеты-привѣски попадали въ могилы исключительно какъ предметы украшенiй.

---

[1]) См. стр. 4.

[2]) *Д. Анучинъ*, Сани, ладья и кони («Древности»—Труды Московск. Арх. общ. т. XIV, 182—184).

[3]) Труды VII Археол. съѣзда, т. III, протоколы; Доклады *Х. Ящуржинскаго* и *О. Миллера*, 64 — 68. Въ Полтавской губ. бывали находимы черепа и при нихъ копѣйки Павла I.

в) *Курганы съ смѣшаннымъ погребеніемъ.*

Кромѣ вышеописанныхъ уже кургановъ, заключавшихъ въ себѣ трупосожженіе или погребеніе въ отдѣльности, въ Приладожьѣ оказалась еще небольшая часть такихъ, въ которыхъ оба обряда были совмѣстными. Подобныхъ насыпей встрѣчено всего 15, причемъ относительно взаимнаго въ нихъ размѣщенія могилъ обоего рода замѣчались иногда извѣстныя особенности. Такъ напр. въ подошвѣ одного кургана на Волховѣ (Журналъ № CXXXVI) находился довольно большой слой сожженныхъ человѣческихъ (съ примѣсью разныхъ животныхъ) костей, на одномъ краѣ котораго былъ поставленъ накрытый плитою глиняный горшокъ, также наполненный сожженными костями, а у другого края найдены остатки человѣческаго скелета.

Въ курганѣ на р. Сязнигѣ (Журналъ № LI), въ подошвѣ насыпи найдены два лежавшихъ рядомъ человѣческихъ остова, видимо мужской и женскій, причемъ съ наружной стороны перваго (у лѣваго берца его) находился глиняный горшокъ и топоръ, между которыми лежалъ слой сожженныхъ костей, приходившійся такимъ образомъ непосредственно рядомъ съ тѣмъ-же скелетомъ; кромѣ того еще слой подобныхъ костей находился на той-же глубинѣ, но отдѣльно, аршинахъ въ трехъ въ сторонѣ. Еще любопытный примѣръ представилъ третій курганъ (Журналъ № LXVIII), въ которомъ открыты два костяка рядомъ и третій отдѣльный, всѣ почти на поверхности насыпи (на глубинѣ лишь $^1/_4$—$^1/_2$ арш.), но какъ бы въ зависимости съ тѣмъ-же найденные здѣсь остатки трупосожженія оказались также на верху, именно при третьемъ костякѣ встрѣчено скопленіе кальцинированныхъ костей, лежавшихъ у его черепа.

Такимъ образомъ въ указанныхъ обстоятельствахъ проглядываетъ какъ-бы тѣсное соотношеніе между совмѣстно найденными остатками погребенія и трупосожженія. Въ другихъ случаяхъ быть можетъ извѣстная связь ихъ-же выражается и въ томъ, что могилы обоего рода хотя и расположены отдѣльно, но нерѣдко оказываются на одинаковыхъ уровняхъ, напр. въ подошвѣ, или на одной высотѣ въ серединѣ насыпи [1]); впрочемъ въ этомъ-же отношеніи встрѣчались и различныя отступленія, т. е. что иногда остатки трупосожженія оказывались выше погребенныхъ скелетовъ, иногда-же наоборотъ [2]), почему на подобные факты опираться трудно. Любопытно однако замѣтить, что въ тѣхъ-же курганахъ часто находились упоминавшіеся уже огневища или очаги, но никогда не болѣе одного, сколько-бы смѣшанныхъ могилъ ни заключалось въ той-же насыпи.

Въ общемъ, изложенныя немногія данныя не даютъ еще возможности установить болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на значеніе кургановъ съ смѣшаннымъ погребеніемъ, но послѣдніе тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія.

Остается наконецъ упомянуть еще фактъ, который быть можетъ слѣдуетъ поставить какъ нѣчто среднее между погребеніемъ обыкновеннымъ и трупосожженіемъ, именно неполное

[1]) Журналъ №№ XLIX, LXV, XCII, CII, CXVI, CXVII.
[2]) Журналъ №№ XLV, LXVI, LXXXIX, CV, CXXV.

сожиганіе труппа, встрѣченное впрочемъ всего только одинъ разъ. Въ одномъ изъ кургановъ на р. Пашѣ (Журналъ № CXIII, 2) былъ найденъ скелетъ, у котораго правая сторона черепа оказалась обгорѣвшею и разрушенною, причемъ самый скелетъ имѣлъ совершенно особое, исключительное для Приладожья положеніе (см. стр. 20); фактъ этотъ хотя въ данномъ случаѣ и стоитъ совершенно особнякомъ, но по существу своему примыкаетъ также къ извѣстному въ древности обычаю предавать погребенію останки умершаго въ полусожженномъ видѣ, обычаю не только удержавшемуся до новѣйшей эпохи современнаго намъ язычества, напр. у Забайкальскихъ бурятъ [1]), или среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія Индіи, но даже сохранившему отголосокъ о себѣ и въ нѣкоторыхъ погребальныхъ обрядностяхъ народовъ христіанскихъ [2]).

II. Культура.

Въ разборѣ культуры кургановъ южнаго Приладожья однимъ изъ наиболѣе общихъ вопросовъ является вопросъ о томъ, не существуетъ-ли въ ней какихъ либо существенныхъ различій, по отношенію къ описаннымъ выше похороннымъ обычаямъ, такого противуположнаго характера, какъ трупосожженіе и погребеніе обыкновенное, но сравнительныя наблюденія надъ содержаніемъ тѣхъ и другихъ могилъ приводятъ къ рѣшенію отрицательному; почти всѣ предметы украшеній, оружія и бытовой обстановки, повторившіеся по нѣскольку разъ, встрѣчены въ могилахъ обоихъ родовъ, и если имѣются нѣкоторыя исключенія, то таковыя видимо должны быть приписаны простой случайности, легко объясняющейся рѣдкостью тѣхъ или другихъ предметовъ, сюда относящихся. Въ общемъ культурное содержаніе всѣхъ могилъ не представляетъ болѣе или менѣе существеннаго различія.

Тѣмъ не менѣе не безъинтересно отмѣтить, что въ частности нѣкоторыя изъ выдающихся по своему характеру находокъ какъ-бы болѣе сопутствуютъ трупосожженію, какъ напр. большія овальныя фибулы (скорлупообразныя), которыя встрѣчены въ десяти могилахъ этой категоріи и только одинъ разъ въ могилѣ съ погребеніемъ, или мечи—изъ восьми найденныхъ экземпляровъ которыхъ только одинъ оказался при скелетѣ погребенномъ; то-же самое можно сказать и о конскихъ удилахъ, всѣ шесть экземпляровъ которыхъ оказались также въ трупосожженіи.

Матеріаломъ всѣхъ издѣлій является почти исключительно желѣзо и бронза; серебра встрѣчено очень мало, предметы изъ дерева и кости также весьма рѣдки; золото отсутствуетъ вовсе, и только на нѣсколькихъ единичныхъ украшеніяхъ (именно на нѣкоторыхъ изъ фибулъ и одной круглой подвѣскѣ) сохранились слѣды золоченія; янтарь неизвѣстенъ совершенно. Въ техническихъ пріемахъ выдѣлки металлическихъ предметовъ большое примѣненіе имѣетъ склепка отдѣльныхъ частей, но не безъизвѣстно также и паяніе.

[1]) *А. К.* Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ восточной Россіи (Извѣстія Общ. Археол. Ист. и Этногр. при Казанск. Унив., т. X, вып. II, 203).

[2]) *А. Котляревскій*, О погребальн. обычаяхъ языч. славянъ. 220, 221.

Что касается тканей, то таковыя сохранились только въ очень рѣдкихъ случаяхъ и притомъ въ ничтожныхъ остаткахъ, дающихъ замѣтить лишь, что матеріаломъ для одеждъ служили холстъ и два рода шерстяныхъ тканей: — болѣе грубая, которая по виду весьма сближается съ употребляемой понынѣ на малороссійскіе кафтаны (свитки), и другая, болѣе тонкая, нѣсколько подходящая даже къ современнымъ намъ шерстянымъ матеріямъ.

Любопытно, что не встрѣчено вовсе никакихъ остатковъ обуви, и единственное указаніе на послѣднюю заключаются лишь въ находкѣ желѣзнаго кочедыга, представляющаго инструментъ для плетенія лаптей.

Наконецъ обращаетъ вниманіе единственная въ своемъ родѣ находка, свидѣтельствующая о существованіи въ Приладожьѣ пчеловодства, именно находка двухъ большихъ кусковъ настоящаго пчелинаго воска. Оба найдены въ курганѣ съ трупосожженіемъ, причемъ одинъ кусокъ (вѣсомъ болѣе 10 зол.) оказался среди разныхъ перегорѣлыхъ предметовъ украшеній, въ могилѣ видимо женской, расположенной въ верхнемъ слоѣ насыпи, другой-же найденъ въ подошвѣ послѣдней, вмѣстѣ съ овечьими ножницами, но отдѣльно отъ находившейся здѣсь-же второй могилы [1]). Оба имѣли разную форму: одинъ въ видѣ плоскаго фигурнаго пласта, представляющаго отдаленное сходство съ изображеніемъ конской головы, другой-же просто въ видѣ кубическаго слитка. Можно прибавить къ этому, что о пчеловодствѣ въ Приладожьѣ свидѣтельствуютъ и историческіе документы, какъ напр. цѣлый рядъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ великими князьями тверскими XIII—XIV в., въ которыхъ повторяются условія, установленныя относительно присылки въ Ладогу великокняжескихъ медоваровъ [2]). Изъ другихъ болѣе позднихъ грамотъ къ новгородскимъ дьякамъ извѣстно, что воскъ въ XVI ст. былъ въ числѣ заповѣдныхъ, не дозволенныхъ къ заграничному вывозу товаровъ [3]).

Весьма интересенъ также вопросъ о томъ, какіе именно предметы одежды и украшенія должны быть относимы къ наряду мужскому и какіе къ женскому, но это во многихъ случаяхъ не поддается строгому разрѣшенію, потому что въ могилахъ нерѣдко смѣшиваются находки весьма разнороднаго или несоотвѣтственнаго характера, изъ чего приходится заключать, что и тѣ, и другія могли употребляться какъ мужчинами, такъ и женщинами. Напр. относительно браслетовъ уже изслѣдованіе кургановъ древней Мери привело покойнаго гр. *А. С. Уварова* къ заключенію, что этотъ родъ украшеній безразлично носился обоими полами [4]), въ настоящемъ-же случаѣ приходится повторить то-же самое и относительно древняго населенія Приладожья, въ могилахъ котораго нерѣдко браслеты встрѣчаются совмѣстно съ оружіемъ. Такъ напр. въ одной могилѣ съ трупосожженіемъ были найдены вмѣстѣ топоръ, копье, стрѣлы, два браслета и пр., въ двухъ другихъ браслеты также сопутствовались копьями и т. д. [5]), т. е. оказывались въ могилахъ, которыя нѣтъ никакого основанія принимать за женскія.

---

[1]) Журналъ № CXVI, 2, 9.

[2]) Такъ въ договорѣ 1270 г. говорится: «А въ Ладогу княже слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отца своего Ярослава» (Собраніе Госуд. грам. и догов. т. I, № 3, 6. 7. 8, 15).

[3]) Дополн. къ актамъ историч. т. I, № 61, 79.

[4]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ (Труды I Археол. съѣзда, 741).

[5]) Журналъ №№ LX, 5; LXXXVIII, 1 и др.

Но еще любопытнѣе совмѣстныя находки оружія съ такими предметами украшенія, какъ бусы: напр. болѣе 20 штукъ послѣднихъ были найдены при погребенномъ скелетѣ, вмѣстѣ съ тремя фибулами, браслетомъ, топоромъ, копьемъ, стрѣлою и желѣзной бляхой (umbo) отъ щита (Журналъ № LXXXIX, 2); въ другомъ случаѣ при скелетѣ оказались топоръ, копье, одна буса и пр.: въ третьей могилѣ съ трупосожженіемъ — топоръ, стрѣла, браслетъ и нѣсколько бусъ, въ четвертой съ трупосожженіемъ-же—буса, конскія удила, копье и пр. [1]). Такимъ образомъ находки ихъ въ могилахъ видимо однако мужскихъ являются загадочными, тѣмъ болѣе что подобное-же обстоятельство замѣчено и въ древнихъ могилахъ Скандинавіи, какъ напр. на Борнгольмѣ, въ которыхъ вмѣстѣ съ оружіемъ иногда также попадаются бусы. Здѣсь присутствіе послѣднихъ объясняется датскими археологами какъ приношенія, по всей вѣроятности, брошенныя въ могилу женщинами умершаго [2]), такъ что быть можетъ этимъ-же путемъ бусы попадали и въ упомянутыя могилы въ Приладожьѣ. Безпорядочность положенія ихъ въ тѣхъ-же могилахъ (какъ напр. въ первой изъ вышеуказанныхъ) можетъ поддерживать подобное объясненіе, но тѣмъ не менѣе оно остается лишь догадкой. Относительно такихъ типичныхъ предметовъ, какъ большія овальныя фибулы скандинавскаго типа, можно также указать, что онѣ, будучи найдены въ цѣломъ рядѣ могилъ видимо женскихъ [3]), попадаются иногда съ предметами обстановки видимо мужской, какъ напр. въ упомянутой уже могилѣ (Журналъ № LXXXIX, 2), въ которой вмѣстѣ съ двумя скорлупообразными фибулами были найдены щитовая бляха (umbo), топоръ, копье и проч.

Равнымъ образомъ иногда и условія находокъ серегъ позволяютъ думать, что послѣднія употреблялись также мужчинами, какъ напр. можно заключить изъ случая находки при одномъ скелетѣ серьги вмѣстѣ съ топоромъ [4]). Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что въ могилахъ, видимо женскихъ, оказываются иногда такіе предметы, какъ наконечники стрѣлъ. Напр. въ одномъ курганѣ встрѣчены два рядомъ (въ разстояніи аршина) скелета: первый мужской—съ топоромъ, второй—съ серебряной гривной и монистомъ на шеѣ, серебрянымъ-же зарукавьемъ, фибулой и другими украшеніями, который, судя по его обстановкѣ, конечно, принадлежалъ женщинѣ, но тѣмъ не менѣе у плеча этого послѣдняго оказался наконечникъ стрѣлы (Журналъ № CXVII, 4).

Всѣ подобныя обстоятельства дѣлаютъ иногда затруднительнымъ какъ самое распознаваніе могилъ по поламъ, такъ и болѣе близкое рѣшеніе вопроса о принадлежности тѣхъ или другихъ предметовъ украшенія именно къ наряду мужскому или женскому. Провести ясную или рѣзкую границу въ этомъ отношеніи, какъ кажется, едва-ли всегда возможно.

---

[1]) Журналъ №№ XC, 1; LXXXIX, 1; LXXXIV, 1.

[2]) *Ведель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, 235, 236.

[3]) Журналъ №№ VIII, 3; X, 2; LX, 3; XCV, 2; CXIX. 1 и др.

[4]) Журналъ № XLVII, 3. Другія находки ихъ-же сдѣланы напротивъ въ могилахъ женскихъ (Журналъ №№ I, 3; CXVII, 2; CXXV, 2).

А. Предметы одежды и украшенія.

Предметы, сюда относящіеся, могутъ быть разсмотрѣны въ двухъ группахъ: 1) къ одной изъ нихъ относятся такіе, которые по своему назначенію составляютъ болѣе полезную или существенную часть наряда, именно разнаго рода фибулы, пряжки (отдѣльныя и поясныя), застежки и пуговки; 2) къ другой могутъ быть пріурочены предметы украшенія въ тѣсномъ смыслѣ: шейныя гривны, браслеты, кольца ручныя и височныя, серьги, разнообразныя привѣски, металлическіе наборы, бусы и проч.

1. *Фибулы, пряжки, застежки и пуговки.*

а) *Фибулы.* Экземпляры фибулъ, найденныхъ въ южномъ Приладожьѣ, представляютъ настолько значительное или характерное разнообразіе, что явственно распадаются на слѣдующіе виды: фибулы чашевидныя или скорлупообразныя, щитообразныя, брошкообразныя, прямоугольныя, колесообразныя и наконецъ въ видѣ трилистника. Металлъ всѣхъ бронза, и только единственное исключеніе составляетъ фибула колесообразная, какъ серебряная.

Скорлупообразныя фибулы (Таб. I, 1, 2, 3) представляютъ извѣстный типъ, свойственный скандинавскому сѣверу, именно форму довольно большого выпуклаго овала, имѣющаго обыкновенно на поверхности своей пять характерныхъ конусообразныхъ выступовъ и весьма разнообразно орнаментированнаго, а на внутренней сторонѣ длинную шпильку на шарнирѣ и крючекъ для застегиванія. Въ конструктивномъ отношеніи разные виды этихъ фибулъ представляютъ свои особенности: однѣ иногда съ слѣдами позолоты и имѣютъ на гладкой лицевой поверхности прорѣзную элипсоидальную-же накладку, съ упомянутыми выступами (Таб. I, 3), почему таковыя могутъ быть названы составными, въ отличіе отъ другихъ, подобной накладки не имѣющихъ (Таб. I, 1) и могущихъ быть названными — сплошными; наконецъ третью конструктивную разновидность представляютъ еще овальныя-же сплошныя фибулы, но безъ выступовъ (Таб. I, 2), изготовленныя притомъ не путемъ отливки, какъ прочія, а именно штампованіемъ. На образцахъ этого рода встрѣчается весьма своеобразный орнаментъ, въ которомъ повторяются изображенія человѣческихъ рукъ (рис. 1). Кромѣ того, къ разряду тѣхъ-же сплошныхъ фибулъ (безъ накладокъ), можно отнести небольшія овальныя фибулы (Таб. II, 10), длиною всего около 5 снт., съ пятью шипами на поверхности, носимыя также попарно у плечъ, соединенными спускавшейся на грудь цѣпью (Журналъ № CXVII, 2), и представляющія нѣкоторую аналогію съ однимъ изъ видовъ простыхъ пряжекъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

Рис. 1. 2/3.

Скорлупообразныя фибулы встрѣчены въ могилахъ съ трупосожженіемъ и съ погребеніемъ, причемъ за рѣдкими исключеніми находились всегда парами и даже иногда соеди-

ненными цѣпочками. Какъ уже сказано выше, онѣ быть можетъ безразлично носились мужчинами и женщинами, но по мнѣнію другихъ тѣ-же фибулы приписываются исключительно наряду женскому, и думаютъ, что онѣ прикрѣплялись именно къ бедрамъ, какъ напр. у древнихъ Мерянъ [1]); въ общемъ однако съ этимъ согласиться нельзя, такъ какъ тѣ-же фибулы въ другихъ мѣстностяхъ бывали находимы при скелетахъ у обоихъ плечъ и на груди, или вообще въ соединеніи съ предметами нагрудныхъ украшеній [2]). Иногда на нихъ замѣчались совмѣстные слѣды холста и шерстяной ткани [3]), что можетъ также указывать на разнообразіе ихъ употребленія.

Топографическое распространеніе скорлупообразныхъ фибулъ въ предѣлахъ Европейской Россіи представляетъ свои особенности: онѣ встрѣчаются въ Финляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи [4]), но затѣмъ восточнѣе найдены только на низовьяхъ р. Сяси и Паши, т. е. въ юго-восточной части Приладожья; на Волховѣ-же, во всей остальной Петербургской губерніи и въ бассейнѣ озера Ильменя ихъ нѣтъ. Затѣмъ онѣ-же встрѣчены въ Владимірской и Ярославской губ., на земляхъ древнихъ Мерянъ [5]) и наконецъ извѣстны два случая ихъ находокъ близъ Смоленска [6]) и въ Двинскѣ [7]), на всемъ-же Югѣ и Востокѣ Россіи фибулы эти совершенно неизвѣстны. Такимъ образомъ распространеніе ихъ является весьма условнымъ, но нельзя не замѣтить, что и въ указанныхъ раіонахъ тѣ-же фибулы отличаются значительнымъ разнообразіемъ, удерживая только свой общій основной типъ, въ деталяхъ-же часто представляютъ весьма существенно различные варіанты.

Значительнымъ разнообразіемъ отличается и самый составъ ихъ металла, что также должно имѣть свое значеніе. Химическій анализъ четырехъ экземпляровъ скорлупообразныхъ фибулъ (Таб. I 3), изъ трехъ разныхъ кургановъ, далъ слѣдующіе результаты [8]).

Мѣди	76,0	83,0	83,7	88,5	Съ слѣдами золота, серебра и сѣры.
Олова	0,3	»	»	1,4	
Свинца	16,1	11,5	2,2	2,8	
Цинка.	6,1	2,8	8,9	5,0	
Желѣза	1,0	2,0	4,1	2,0	

Такимъ образомъ даже фибулы одного и того-же образца (съ ажурной накладкой)

[1]) Гр. *А. Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (Труды I Археол. съѣзда, 637).

[2]) Ср. *Бэра*, Die Gräber der Liven, т. I—IV; *Крузе*, Necrolivonica, т. I., XV и др. Также раскопки г. *Швиндта* въ сѣверн. Приладожьѣ (Finska Fornminnesför. Tidskrift, XIII, 61), а равнымъ образомъ и въ южномъ Приладожьѣ (Журналъ №№ CXVII. 2; LXXXIX, 2).

[3]) Такъ въ одной могилѣ (Журналъ № LXXXIX, 2) при остаткахъ погребеннаго скелета была найдена пара скорлупообразныхъ фибулъ, изъ которыхъ одна лежала лицемъ кверху, а другая лицемъ книзу; въ первомъ случаѣ слѣды холста были лишь на лицевой сторонѣ, во второмъ—на лицевой и внутренней, слѣды-же шерстяной ткани въ обоихъ были лишь на послѣдней.

[4]) *Аспелинъ*: Antiquités du nord finno-ougrien №№ 1631, 1635, 1657. *Бэръ*. Die Gräber der Liven, т. VII, XX. *Крузе*: Necrolivonica т. XIV, XXXV. *Ганзенъ*: Die Sammlungen inländ. Alterthümer, т. VI.

[5]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, т. XXVIII. Также колл. Историч. музея въ Москвѣ.

[6]) Около сел. Гнѣздово (коллекціи Историч. музея въ Москвѣ).

[7]) При постройкѣ дома, на глуб. 1 саж. («Древности»—Труды Моск. Арх. Общ., т. II, вып. I, проток. 80).

[8]) Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. X.

представляютъ сплавъ далеко не однородный, напр. по процентному содержанію свинца и цинка. Анализъ одной фибулы изъ вида «сплошныхъ» (Таб. I, 2) выдвигаетъ эту разницу еще замѣтнѣе, такъ какъ въ сплавѣ оказалось: мѣди — 73,5; олова — 0,5; цинка — 24,1: желѣза — 1,4; свинца и серебра малые слѣды; — составъ совсѣмъ иной. Подобныя данныя едва-ли свидѣтельствуютъ въ пользу мысли о пріуроченіи этихъ издѣлій къ какой либо исключительной, въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ, мѣстности, и если отличіе сплава въ фибулахъ «сплошныхъ» (Таб. I, 2) еще объясняется инымъ способомъ ихъ изготовленія (штампованіемъ), то относительно фибулъ перваго вида (съ накладкой)—значительныя колебанія ихъ химическаго состава могутъ указывать на различіе самаго ихъ происхожденія [1]; ихъ-же найдено и болѣе сравнительно съ прочими [2].

Второй родъ фибулъ—«щитообразныхъ», представляютъ круглые диски, отъ 3—7 снт. діам., съ шпилькой на реверсѣ (Таб. I, 6, 8, 9); онѣ также встрѣчались въ курганахъ съ погребеніемъ и трупосожженіемъ, но находились одиночными и чаще сопутствовали фибуламъ скорлупообразнымъ, причемъ можно указать, что изъ двухъ экземпляровъ щитообразныхъ фибулъ (Таб. I, 6), встрѣченныхъ при скелетахъ погребенныхъ, одинъ былъ найденъ именно съ правой стороны костяка близъ таза, такъ что быть можетъ онѣ носились около пояса. Этотъ родъ фибулъ также подраздѣляется на «составныя», т. е. имѣющія на лицевой сторонѣ прорѣзную (иногда вызолоченную) накладку, и «сплошныя»—безъ таковой, причемъ на первыхъ встрѣчаются еще придѣланныя къ нимъ проволочныя колечки съ цѣпочками. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ фибулахъ имѣется въ центрѣ характерный коническій выступъ, кромѣ одного экземпляра (Таб. I, 9), который по своимъ малымъ размѣрамъ и по орнаментаціи стоитъ совершенно особнякомъ.

Находки щитообразныхъ фибулъ въ прочихъ мѣстахъ Россіи, повторяются еще въ Финляндіи и въ Владимірской и Ярославской губерніяхъ [3]. Подобно скорлупообразнымъ, ихъ совершенно нѣтъ въ землѣ древней Води, и онѣ неизвѣстны на всемъ югѣ и востокѣ Россіи но по нѣкоторымъ указаніямъ встрѣчаются изрѣдка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, а такж, на Аландскихъ островахъ [4]. Относительно щитообразныхъ фибулъ можно сдѣлать тоже общее замѣчаніе, что между ними попадаются существенно разные варіанты, какъ и въ фибулахъ скорлупообразныхъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе и причинъ одинаковыхъ, но весьма

[1]) О бронзахъ Приладожья вообще можно замѣтить, что въ большинствѣ ихъ (по крайней мѣрѣ судя по имѣющимся анализамъ) замѣчается слабое содержаніе олова, а нерѣдко и полное его отсутствіе. Любопытно, что ту же черту сплава представляютъ куски бронзы необдѣланной, найденные въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя по всей вѣроятности и занесенные путемъ торговли (въ виду бѣдности края рудами), но тѣмъ не менѣе быть можетъ указывающіе на фактъ мѣстнаго производства нѣкоторыхъ бронз. издѣлій (*Н. Харузинъ*, «Обзоръ доист. археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ»—Временникъ Эстл. губ. 1892 г.; кн. I, 166, 167).

[2]) Именно: Фибулъ таб. I, 3, всего—13 (Журналъ №№ VIII, 3, X, 2; LX, 3; LXIX, 5; LXXXIX, 2; CII, 2, CIII, 1).
— таб. I, 2, всего— 2 (Журналъ № XCV, 2).
таб. I, 1, всего— 5 (Журналъ №№ CXVI, 2; CXIX, 1; CXXIV, 2).
— таб. II, 10, всего— 5 (Журналъ №№ LI, 4; CXVII, 2; CXIX, 1).

[3]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., № 1419, 1420. Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ быть, т. XXVII.

[4]) *Н. Харузинъ*, Обзоръ доистор. археол. въ Балт. губ. (Временникъ Эстл. губ., кн. I, 179). *Аспелинъ*, Antiquités...., № 1723.

любопытно, что близкую аналогію съ основной формой щитообразныхъ фибулъ представляютъ нѣкоторые предметы, найденные въ послѣднее время г. *Долбежевымъ* въ извѣстномъ Кобанскомъ могильникѣ на Кавказѣ, именно поясныя застежки такой-же круглой щитообразной формы, съ ушкомъ и короткимъ крючкомъ, вмѣсто шпильки на реверсѣ [1]).

Фибулъ описываемаго типа найдено въ Приладожьѣ всего пять [2]), что быть можетъ указываетъ вообще на ихъ сравнительно меньшую съ скорлупообразными употребительность, или рѣдкость; на одномъ изъ найденныхъ экземпляровъ сохранились даже слѣды грубой починки [3]), которая можетъ свидѣльствовать о продолжительности его службы, а быть можетъ и о цѣнности этого рода украшеній вообще. Любопытенъ также другой экземпляръ: на реверсѣ его нацарапано повторенное нѣсколько разъ изображеніе, въ которомъ спеціалисты находятъ аналогію съ такъ называемой въ нумизматикѣ «Соломоновой печатью» [4]).

Фибулы остальныхъ видовъ встрѣчены только по одному разу, а именно:

1) Брошкообразныя—формы продолговатой, съ вырѣзными краями, высокимъ рельефомъ и шпилькой на реверсѣ (Таб. I, 2), найдена въ могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № XCV, 2), причемъ была соединена бронзовой цѣпочкой съ большой фибулой скорлупообразной. Повторенія ихъ извѣстны въ Смоленскомъ уѣздѣ [5]), въ Финляндіи и на Аландскихъ островахъ [6]). Другой видъ ихъ, въ формѣ полутрубочки съ украшеніемъ въ родѣ городковъ по верхнему краю и съ рядомъ треугольныхъ привѣсокъ на нижнемъ (Таб. I, 7), найденъ также въ могилѣ съ трупосожженіемъ, но раззоренной (Журналъ № LXXXI, 2), варіанты-же иногда разнящіеся формою привѣсокъ, а иногда весьма близкіе, встрѣчены въ Курманскомъ могильникѣ Рязанской губ. и Лядинскомъ—Тамбовской [7]), а также въ могилахъ Владимірской и Ярославской губерній [8]), но нерѣдко въ формѣ лишь простыхъ пронизокъ, набранныхъ на ремень или шнуръ и иногда находимыхъ у пояса. Онѣ-же встрѣчаются въ уральскихъ древностяхъ, напр. въ городищахъ Пермской губерніи и въ Глазовскомъ уѣздѣ — Вятской [9]).

2) Фибула прямоугольная—въ видѣ плоской четыреугольной пластины, съ своеобразными на двухъ верхнихъ углахъ придатками, напоминающими отдаленную или выродившуюся

—

[1]) Отчетъ Имп. Археол. Коммиссіи за 1891 г., стр. 121. Также въ другихъ мѣстахъ Кавказа (Историч. музей въ Москвѣ, собраніе г. *Ольшевскаго*).

[2]) А именно: Фибулъ таб. I, 6—три (Журналъ №№ X, 2; LXXXIX, 2; CXVII, 4).
— таб. I, 8—одна (Журналъ № CII, 2).
— таб. I, 9—одна (Журналъ № LX, 3),

[3]) На краю бронзоваго диска, закрывающаго внутреннюю сторону фибулы, поставлена заплатка, которая прикрѣплена двумя сквозными заклепками, причемъ концы послѣднихъ выходятъ на лицевую сторону.

[4]) Баронъ *В. Г. Тизенгаузенъ*. Можно прибавить, что весьма близкій орнаментъ въ этомъ-же родѣ повторяется и на нѣкоторыхъ курганныхъ древностяхъ Витебск. губерніи (*А. Спицынъ*, «Люцинскій могильникъ»—Матеріалы по археологіи Россіи № 14, таб. VI, 10; XII, 5; XIII, 1).

[5]) Въ Гнѣздовскомъ курганѣ (Коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ).

[6]) *Аспелинъ*, Antiquités...., №№ 1353, 1700.

[7]) «Древности»—Труды Московск. Археол. Общ., т. XIV, таб. VIII. Матеріалы по археологіи Россіи, № 10.

[8]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, таб. XXV.

[9]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ, Пермск. уѣзда. Раскопки г. *Первухина* въ коллекціяхъ Московск. Археол. Общества.

форму конской головки (Таб. I, 5), и съ не сохранившимися привѣсками по нижнему краю;— извѣстный типъ, свойственный могиламъ древнихъ Мерянъ и принимаемый нѣкоторыми за поясныя украшенія [1]). Найдена въ Приладожьѣ въ могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № CIII, 1), вмѣстѣ съ двумя скорлупообразными фибулами. Тотъ-же типъ повторяется въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ Лядинскомъ могильникѣ Тамбовской губ. [2]), а равно встрѣчается въ болѣе или менѣе разнообразныхъ варіантахъ въ древностяхъ губерній Вятской и Пермской [3]).

3) Фибула колесообразная, въ видѣ плоскаго круглаго обода съ шестью ступицами внутри (Таб. II, 14),—единственный экземпляръ, какъ серебряный, найдена на погребенномъ скелетѣ, въ нагрудной его части, вмѣстѣ съ двумя малыми скорлупообразными фибулами (Журналъ № CXVII, 2), причемъ на реверсѣ ея сохранились остатки грубой шерстяной ткани, захваченной шпилькой. Повторенія этого типа фибулъ намъ извѣстны лишь въ Курляндской губ. [4]), но близкая аналогія съ нимъ можетъ быть указана вообще въ привѣскахъ подобной-же колесообразной формы, найденныхъ напр. въ древнихъ могилахъ Курляндіи и близь Кексгольма [5]), а также въ Пермской губерніи [6]).

4) Наконецъ послѣдній видъ фибулъ—въ видѣ трилистника или треугольника съ вогнутыми сторонами и закругленными углами, имѣетъ еще привѣски изъ двухъ бубенчиковъ на цѣпочкахъ (Табл. I, 4); на лицевой сторонѣ ея слѣды бывшей позолоты и остатки грубой шерстяной ткани, а на реверсѣ слѣды другой шерстяной же, но болѣе тонкой. Фибула эта найдена подъ однимъ изъ позвонковъ середины спины погребеннаго скелета (Журналъ № CXVII, 2), такъ что если не допустить здѣсь, трудной впрочемъ, случайности, то можно думать, что украшеніе находилось на спинѣ. Повтореніе того-же типа, но безъ привѣсокъ, встрѣчается въ мерянскихъ могилахъ Владимірской и Ярославской губерній [7]).

Такимъ образомъ разнообразіе фибулъ въ Приладожьѣ выражается семью типичными ихъ представителями, не говоря уже о болѣе частныхъ ихъ разновидностяхъ, причемъ замѣчается вообще смѣшанность или совокупность одновременнаго употребленія экземпляровъ весьма разнохарактерныхъ. Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи можетъ служить могила съ погребеннымъ скелетомъ (Журналъ № CXVII, 2), на которомъ были найдены четыре фибулы.

б) *Пряжки.* Употребленіе разнаго вида пряжекъ, очевидно, имѣло широкое примѣненіе, что указывается числомъ подобныхъ предметовъ, составляющихъ вообще находки самыя обыкновенныя; такъ въ 145 курганахъ, изслѣдованныхъ въ Приладожьѣ, ихъ найдено 89

---

[1]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, таб. XXV. Его-же, Поясныя украшенія древнихъ Мерянъ (Древности, Археолог. Вѣстникъ 1867 г., в. 2).

[2]) Въ Гнѣздовскомъ курганѣ (Коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ). Матеріалы по археологіи Россіи № 10.

[3]) Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1891 г., стр. 105. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ, Пермс. уѣзда.

[4]) Альтраденскій могильникъ около Бауска, раскопки г. *Брауна* и *Шмидта* (Выставка Археологич. Коммиссіи 1893 г.).

[5]) *Крузе*, Necrolivonica, т. XXXVI. Раскопки г. *Швиндта* (Finska Foruminnesför. Tidskrift, 1893 г., XIII, рис. 83).

[6]) *Аспелинъ* Antiquités du nord Finno-Ougrien № 632—639.

[7]) Гр. *А. Уваровъ.* Меряне и ихъ бытъ, т. XXXII.

экземпляровъ, безразлично въ могилахъ съ погребеніемъ и трупосожженіемъ. Столь-же широки и топографическія условія ихъ распространенія, ибо эти пряжки встрѣчаются какъ въ центральной, такъ и въ самыхъ противуположныхъ концахъ Россіи, напр. въ Прибалтійскомъ краѣ и на Уралѣ, въ Финляндіи и въ южныхъ губерніяхъ, и даже на Кавказѣ [1]); поэтому надо думать, что онѣ составляли самый обычный предметъ перекрестной торговли, не исчезнувшей совершенно даже до настоящаго времени [2]).

Химическіе анализы, произведенные надъ тремя видами тѣхъ-же пряжекъ [3]), показали весьма значительное колебаніе въ составѣ ихъ сплава, что можетъ наводить на мысль о весьма разныхъ центрахъ, изъ которыхъ расходились эти издѣлія. Результаты были слѣдующіе:

	Мѣдь.	Олово.	Свинецъ.	Цинкъ.	Желѣзо.	
Четырехъ пряжекъ типа Таб. II, 13.	93,0	0,7	0,2	4,3	1,3	Съ слѣдами иногда золота, серебра и сѣры.
	87,0	»	6,1	5,1	1,4	
	88,8	0,6	4,0	6,8	1,5	
	87,2	»	4,3	5,8	2,0	
Шести пряжекъ типа Таб. II, 2.	78,2	3,1	11,4	4,8	1,7	
	86,1	1,6	9,2	1,0	1,5	
	88,7	3,7	3,5	0,8	2,8	
	82,5	2,6	8,7	1,2	4,2	
	92,5	»	0,6	3,8	2,2	
	86,0	0,8	3,2	9,5	0,2	
Одной пряжки типа Таб. II, 1.	83,5	»	9,5	5,2	1,2	

Отсюда можно видѣть, что общимъ коеффиціентомъ въ составѣ сплава является только весьма слабое содержаніе олова (иногда полное его отсутствіе) въ первой и третьей группахъ, во всемъ-же остальномъ замѣчается полное разнообразіе, выражающееся для свинца въ размѣрахъ отъ 0,2—11,4% и цинка отъ 0,8—6,9%.

Почти всѣ пряжки въ Приладожьѣ бронзовыя, серебряная только одна и нѣсколько найдено желѣзныхъ (4 экземпляра, изъ которыхъ два прямоугольныхъ и два въ видѣ простыхъ колецъ); величина ихъ крайне различна, начиная отъ самыхъ малыхъ, діам. въ 1,8 снт.,

[1]) Напр. экземпляръ подобный изображенному на Таб. II, 12, найденъ въ Осетіи (Кумбульта) и пріурочивается къ VIII вѣку (Собраніе *Дзелихова*, въ коллекціяхъ Московск. Историческаго музея).

[2]) Нѣсколько лѣтъ назадъ, при посѣщеніи финской деревни Порогъ (на правомъ берегу Невы, въ верхнемъ ея теченіи), намъ довелось встрѣтить крестьянина, у котораго воротъ рубахи былъ застегнутъ небольшой кольцеобразной пряжкой (весьма близкой къ изображенной на Таб. II, 9). По его словамъ пряжки эти доставляются въ ихъ деревню (Порогъ) изъ сел. Колтуши, лежащаго сѣвернѣе Невы, на прямомъ пути изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ. Въ находящемся противъ Порога русскомъ селеніи Ивановскомъ (на лѣвомъ берегу Невы) пряжекъ этихъ не носятъ. Имѣются также указанія, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Эстляндс. губ. еще въ 60—70-хъ годахъ у эстовъ оставались въ употребленіи пряжки изъ типа подковообразныхъ, а эстами псковскими таковыя носятся и понынѣ (*Н. Харузинъ*, «Обзоръ доистор. археологіи Балтійск. губерній»—Временникъ Эстл. губ. 1893 г., кн. I, 179).

[3]) Извѣстія Имп. Рус. Арх. Общества т. X (приложенія).

свернутыхъ изъ тонкой проволоки, и кончая тяжеловѣсными литыми образцами до 10 снт. діам. Въ общемъ всѣ онѣ имѣютъ форму кольцеобразную (исключеніе составляютъ только двѣ вышеупомянутыхъ желѣзныхъ), но въ деталяхъ представляютъ замѣтные и даже типичные варіанты, въ виду которыхъ всѣ пряжки можно распредѣлить на три слѣдующихъ группы: а) собственно кольцеобразныя (Таб. II, 5, 6, 7, 9, 12, 15, 16), почти всѣ разомкнутыя, съ спиральными завитками на концахъ, причемъ въ этой группѣ вниманіе обращаютъ образцы 5 и 7, какъ имѣющіе свои особенности, и пряжка (рис. 2), какъ украшенная тремя звѣриными головками; б) подковообразныя, съ четыреугольными, шаровидными, а также и усѣченно-пирамидальными или гранеными утолщеніями на разомкнутыхъ концахъ (Таб. II, 2, 11), а иногда и на серединѣ (Таб. II, 8), причемъ типическую разновидность этой группы представляютъ пряжки съ характерными шипами на упомянутыхъ утолщеніяхъ (Таб. II, 1, 4, 17). Здѣсь весьма любопытенъ экземпляръ съ круглой серебряной напайкой на поверхности (Таб. II, 2) и другой съ изображеніемъ въ родѣ свастики (рис. 3) на тѣхъ-же утолщеніяхъ [1]; наконецъ в) вышеупомянутыя пряжки прямоугольныя (Таб. XIV, 33).

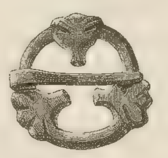

Рис 2. 1/1.

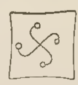

Рис. 3.

Назначеніе всѣхъ этихъ издѣлій ясно изъ самаго ихъ названія, но относительно пряжекъ прямоугольныхъ возможно думать, что таковыя относятся къ разряду поясныхъ [2]). Иногда на пряжкахъ оказывались остатки грубой шерстяной ткани, захваченной шпилькой, а въ одномъ случаѣ были найдены даже остатки двухъ какъ-бы цѣлыхъ полотнищъ ткани, соединенныхъ двумя кольцеобразными пряжками [3]). Наконецъ можно прибавить еще, что послѣднія иногда входили въ составъ нагрудныхъ украшеній, посредствомъ соединенія ихъ съ привѣсками на цѣпочкахъ (см. рис. 14).

Другой разрядъ пряжекъ относится къ числу составлявшихъ принадлежность пояса (Таб. IV, 16, 21, 22, 25, 26), почему онѣ обыкновенно имѣютъ особый придатокъ сзади. Найденные въ Приладожьѣ экземпляры этого рода не имѣютъ никакихъ характерныхъ особенностей и всѣ принадлежатъ къ типамъ обыкновеннымъ, находимымъ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи, между прочимъ въ губ. Владимірской и Ярославской, Черниговской и другихъ. Для примѣра можно указать на одинъ варіантъ ихъ (Таб. VI, 25), который повторяется на Уралѣ, въ Тверской губ. и даже на Кавказѣ (въ Осетіи) [4]).

Наконецъ совершенно своеобразный видъ представляетъ одинъ экземпляръ, найденный къ сожалѣнію въ обломкахъ, въ могилѣ уже раззоренной (Журналъ № CV, 3). Фрагменты

---

[1]) Подобное-же изображеніе найдено на одной изъ пряжекъ въ Люцинскомъ могильникѣ Витебск. губерніи (Матеріалы по археологіи Россіи, № 14).

[2]) Ср. раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, 1893 г., XIII, рис. 322).

[3]) Курманскій могильникъ, таб. XIII («Древности»—Труды Московс. Археол. Общества, т. XIV).

[4]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда, Тверскаго музея въ Твери и Историч. музея въ Москвѣ (собраніе Дзелихова).

пряжки однако ясно указываютъ, что она относится къ образцамъ крайнѣ рѣдкимъ: пряжка, изъ разряда кольцеобразныхъ, представляетъ сомкнутую, съ четырьмя квадратными на окружности выступами, рамку, на переднемъ краѣ которой съ лицевой поверхности помѣщена литая звѣриная головка и на реверсѣ литое-же ушко для привѣски, а на противуположномъ краѣ небольшой пропилъ, захватываемый основаніемъ трубчатой пряжечной шпильки; хвостъ послѣдней украшенъ плоскимъ фигурнымъ придаткомъ, и вся пряжка покрыта орнаментомъ. Единственное ея повтореніе извѣстно лишь въ находкѣ почти тожественнаго образца (нѣсколько меньшихъ размѣровъ) въ Витебской губерніи [1]), нынѣ хранящагося въ Импер. Эрмитажѣ, химическій-же анализъ Приладожскаго экземпляра показалъ составъ его сплава слѣдующій: мѣди—90,1; свинца—0,9; цинка—7,6; желѣза—1,0; серебра—0,05; золота и сѣры—слѣды [2]).

в) *Застежки.* Весьма своеобразный образецъ представляетъ единственный экземпляръ поясной бронзовой застежки, или вѣрнѣе поясного крючка, имѣющаго видъ знака безконечности (Таб. VI, 2), съ украшеніями изъ конскихъ головокъ на загнутыхъ концахъ, найденнаго въ могилѣ съ погребеніемъ (Журналъ № XLVII, 3). По стилю своему типъ этотъ совершенно аналогиченъ съ нѣкоторыми подвѣсками въ томъ-же родѣ (ср. Таб. III, 6) и повторенія его встрѣчаются у древнихъ Мерянъ и Ливовъ [3]), а также и въ Приуральи [4]), но въ послѣднемъ извѣстные намъ экземпляры сближаются съ Приладожскимъ лишь въ основной своей формѣ, не имѣя упомянутыхъ добавочныхъ украшеній.

г) *Пуговки.* Наконецъ къ этой-же группѣ предметовъ одежды могутъ быть отнесены нѣсколько экземпляровъ малыхъ бронзовыхъ пуговокъ съ ушками (Таб. IV, 8, 11), литыхъ и дутыхъ, иногда шарообразныхъ, иногда-же нѣсколько приплюснутыхъ. Нѣкоторые образцы изъ нихъ представляютъ въ сущности лишь видъ тѣхъ-же бубенчиковъ, но весьма малыхъ размѣровъ, употребленіе которыхъ имѣло вообще широкое распространеніе. Иногда пуговки эти находились парами, въ однихъ случаяхъ близь шеи, въ другихъ около поясной части скелетовъ (Журналъ № CXII, 6) и, вѣроятно, служили для застегиванія какъ верхней, такъ и исподней одежды, по крайней мѣрѣ на нихъ замѣчались слѣды какъ холста, такъ и другой ткани.

2) *Шейныя гривны, браслеты, кольца, привѣски, наборныя бляшки и пр.*

а) *Шейныя гривны.* Виды металлическихъ шейныхъ обручей или гривенъ хотя и представляютъ въ Приладожьѣ извѣстное разнообразіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти всѣ довольно грубой выдѣлки; преобладающимъ матеріаломъ ихъ является бронза, но единичные образцы встрѣчены какъ серебряные, такъ и желѣзные. Всего найдено ихъ 21 экземпляръ, изъ коихъ 17 въ могилахъ съ трупосожженіемъ и 4 на скелетахъ погребенныхъ. Бронзовыя гривны, числомъ 16 [5]), всѣ найдены въ трупосожженіяхъ и обыкновенно состоятъ изъ разомкнутаго кольца (діам.

---

1) *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матеріалы по археол. Россіи № 14, таб. VI, 15).

2) Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. X (приложенія).

3) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, Таб. XXXIII. *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. X.

4) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда.

5) Журналъ №№ VIII, 3; LXIX, 5; LXXXIX, 1; XCIV, 1; CXV, 2; CIII, 1; CV, 1; CXVI, 2; CXIX, 1; CXLXIV, 1, 2, 3; CXXV, 1.

до 18 снт.), иногда литаго, иногда согнутаго въ одинъ оборотъ изъ толстой или тонкой (круглой или четырегранной) проволоки, съ замкомъ на концахъ, т. е. приспособленіемъ изъ крючка и головки для ихъ застегиванія, причемъ послѣдняя имѣетъ видъ или простой пуговки, или форму многогранника [1]). На нѣкоторыхъ экземплярахъ имѣется простой орнаментъ, иногда въ видѣ винтовой линіи, иногда состоящій изъ мелкихъ кружковъ, но на одномъ онъ одинаковъ съ изображеннымъ ниже (рис. 5), т. е. въ видѣ городковъ. Простѣйшіе экземпляры представляютъ лишь согнутый кольцеобразно отрывокъ тонкой проволоки (толщиною съ булавочную головку), съ двумя крючками на оконечностяхъ. Болѣе интереса имѣютъ довольно массивныя литыя гривны, свернутыя въ два оборота (Таб. V, 12) и достигающія до $^2/_3$ фн. вѣсомъ, какъ образцы весьма характерные въ своемъ родѣ.

Химическій анализъ четырехъ гривенъ простѣйшей формы (въ одинъ оборотъ), показалъ составъ изъ сплава слѣдующій [2]):

Мѣди	84,9	79,5	78,9	84,4	Съ слѣдами иногда золота, серебра и сѣры.
Олова	»	»	4,5	»	
Свинца	7,2	8,2	9,6	6,7	
Цинка	6,9	9,9	5,1	6,9	
Желѣза	0,7	1,5	»	1,5	

Т. е. что въ трехъ случаяхъ сплавъ представляется какъ бы болѣе однороднымъ, именно съ содержаніемъ свинца отъ 6,7—8,2% и цинка 6,9—9,9%, при полномъ отсутствіи олова, въ четвертомъ-же онъ довольно существенно отличается отъ прочихъ.

Серебряныхъ гривенъ найдено всего 4 экземпляра, проволочные и пластинчатые. Первыя имѣютъ видъ кольца, скрученнаго изъ двухъ или болѣе проволокъ и встрѣчены дважды — одинъ разъ въ могилѣ съ погребеніемъ (Таб. V, 8), другой — съ трупосожженіемъ [3]), но въ послѣднемъ случаѣ сохранился только незначительный остатокъ (рис. 4), достаточный впрочемъ, чтобы узнать въ немъ одинъ изъ довольно распространенныхъ образцовъ подобныхъ издѣлій.

Рис. 4. $^1/_1$.

Что касается втораго, т. е. гривенъ пластинчатыхъ, то послѣднія по характеру своему стоятъ совершенно особнякомъ, представляя кольцеобразный вырубокъ изъ тонкаго листового серебра

---

[1]) Любопытно замѣтить, что почти во всѣхъ тѣхъ экземплярахъ бронзовыхъ гривенъ, у которыхъ замки сохранились въ цѣлости, упомянутые крючки оказались загнутыми наглухо (т. е. въ видѣ замкнутой петли), т. е. что гривны эти очевидно не могли застегиваться. Нѣкоторые хорошо сохранившіеся экземпляры прямо указываютъ, что гривны, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, дѣйствительно носились разстегнутыми, какъ напр. свернутыя въ два оборота (Таб. V, 12).

[2]) Извѣстія Импер. Рус. Археол. Общества X т. (приложеніе).

[3]) Журналъ №№ XXIX, 4; C, 1.

Рис. 5. 1/2.

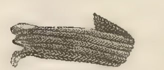

Рис. 6. 1/1.

(шир. около 1 снт.), съуживающійся къ концамъ и оканчивающійся двумя крючками (рис. 5). На обоихъ найденныхъ экземплярахъ этого рода выбитъ орнаментъ въ видѣ городковъ, и оба они находились при скелетахъ погребенныхъ [1]).

Повторенія пластинчатыхъ гривенъ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ, извѣстны по находкамъ въ могильникахъ Тамбовской губерніи [2]).

Остается еще прибавить, что въ двухъ могилахъ съ трупосожженіемъ [3]) были найдены незначительные обрывки или остатки плоскихъ шнуровъ (родъ какъ-бы довольно толстой тесьмы), сплетенныхъ изъ многихъ нитей серебряной канители, которыя быть можетъ также относятся къ числу шейныхъ гривенъ (рис. 6); по крайней мѣрѣ изъ сохранившихся цѣлыхъ экземпляровъ издѣлій этого рода, найденныхъ въ могилахъ около Кексгольма [4]), видно, что подобныя плетешки составляли шейное украшеніе, концы котораго, оканчивавшіеся металлическими петлями, приходились спереди шеи, и въ нихъ продѣвалось проволочное кольцо съ различными привѣсками.

Наконецъ гривны желѣзныя представляютъ простой желѣзный прутъ, согнутый въ кольцо, съ крючкомъ и петлей на концахъ; таковыя найдены три раза, въ могилахъ съ погребеніемъ и съ трупосожженіемъ [5]). Любопытно, что не смотря на широкую употребительность желѣза вообще въ описываемой культурѣ, гривны изъ этого металла составляли предметъ наряда наравнѣ съ подобными-же украшеніями изъ серебра, т. е. носились одновременно, какъ то указала находка ихъ на одномъ и томъ-же скелетѣ (Журналъ № CXVII, 2).

Обращаетъ на себя вниманіе также сравнительно небольшая величина нѣкоторыхъ экземпляровъ; напр. одинъ изъ образцовъ типа Таб. V, 12, не болѣе 10 снт. діам., что должно было весьма затруднить его надѣваніе и можетъ давать даже поводъ думать, что подобные экземпляры не снимались вовсе [6]).

[1]) Журналъ № CXVII, 2, 3.

[2]) Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ (Раскопки *В. Сизова*, въ Моршанск. уѣздѣ). *В. Ястребовъ*, Лядинскій могильникъ (Матеріалы по археологіи Россіи, № 10).

[3]) Журналъ №№ XCV, 3; CIV, 1,

[4]) Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornmin. Tidskrift, 1893 г. XIII, рис. 224, 239).

[5]) Журналъ №№ XLVIII; XLIX, 2; CXVII, 2.

[6]) Такъ напр. гр. *А. С. Уваровымъ* (Меряне и пр., 737) указанъ лѣтописный случай (подъ 1015 г.), что одному отроку пришлось отрубить голову, потому что иначе нельзя было снять съ шеи украшавшую его гривну.

Обычай ношенія гривенъ вообще, какъ извѣстно, довольно распространенный, почему типы, найденные въ Приладожьѣ, повторяются, за нѣкоторыми исключеніями, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ простѣйшія изъ нихъ, въ видѣ кольцеобразно согнутаго прута, найдены въ Лифляндіи и въ Тамбовской губ. [1]), а въ послѣднее время экземпляръ въ этомъ-же родѣ, но серебряный, съ поверхностью въ видѣ отлого-спиральныхъ граней, былъ найденъ и въ курганной могилѣ одного изъ древнихъ кочевыхъ племенъ въ Кіевской губерніи [2]). Но тѣ-же простѣйшіе образцы встрѣчаются и въ Пермскихъ древностяхъ [3]), причемъ нерѣдко совпадаетъ даже орнаментъ ихъ украшеній; въ Кувинской волости Соликамскаго уѣзда, былъ напр. найденъ цѣлый кладъ, состоявшій изъ серебрянаго кувшина восточной работы, нѣсколькихъ таковыхъ-же блюдъ и десяти серебряныхъ гривенъ упоминаемаго образца [4]), съ орнаментомъ въ видѣ винтовой линіи, встрѣчающимся и въ Приладожьѣ. Точно также извѣстны и повторенія гривенъ, свитыхъ изъ двухъ или нѣсколькихъ толстыхъ проволокъ, находки которыхъ могутъ быть указаны къ Финляндіи, Лифляндіи, въ древностяхъ Мерянскихъ, а равно и на Уралѣ (Пермс. у.) [5]). Наконецъ нѣсколько рѣже встрѣчаются находки массивныхъ гривенъ въ два оборота, которыя намъ извѣстны лишь въ Финляндіи и въ Оханскомъ уѣздѣ Пермской губерніи [6]).

Любопытно, что на нѣкоторыхъ экземплярахъ бронзовыхъ гривенъ имѣются слѣды древней грубой починки, посредствомъ склепыванія разломанныхъ частей, изъ чего можно заключать, что вѣроятно эти предметы были болѣе или менѣе цѣнными.

б) *Браслеты.* Число найденныхъ браслетовъ довольно значительно, такъ какъ достигаетъ 55 экземпляровъ, но всѣ они довольно грубой работы, бронзовые, и исключеніе составляютъ лишь два серебряныхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе найдены въ могилахъ съ трупосожженіемъ и съ погребеніемъ обыкновеннымъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ повторяются иногда даже и въ формахъ почти тожественныхъ. Относительно технической стороны дѣла всѣ они могутъ раздѣляться на болѣе массивные, изготовленные литьемъ, и легкіе—свернутые изъ листовой бронзы, или просто изъ проволоки, иногда въ передней части расплющенной, причемъ литые всѣ разомкнутые, а среди прочихъ встрѣчаются и глухіе.

Браслеты литые всѣ бронзовые (Таб. IV, 3, 6, 7, 14, 16, 17, 18, 22), въ большинствѣ отличаются значительной массивностью, достигая почти $^1/_2$ фн. вѣса (есть болѣе 39 зол.) и почти всѣ украшены характернымъ литымъ-же орнаментомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на свою относительную тяжеловѣсность, настолько вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсны (менѣе 6 снт. въ поперечникѣ) и притомъ съ такими узкими просвѣтами (почти сомкнутые), что въ нихъ

---

[1]) *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. IV, V. Матеріалы по археол. Россіи, № 10 (Лядинскій могильникъ). Также *Аспелинъ*, Antiquités. .., № 893.

[2]) Коллекціи Историческ. Артиллерійскаго музея въ Петербургѣ.

[3]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., № 674. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ, Пермскаго уѣзда.

[4]) Каталогъ выставки VIII Археол. съѣзда въ Москвѣ, 1890 г., стр. 124, № 1. Также Извѣстія Общ. любит. Естеств., Антроп. и Этногр. при Московск. Унив., т. XXXI, 360.

[5]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., № 1667. *Крузе*, Necrolivonica, т. III. Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXI. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермск. уѣзда.

[6]) *Аспелинъ*, Antiquités..., № 1645. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ селъ Ильинскомъ.

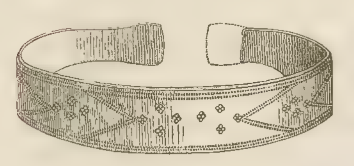
могла пройти только очень маленькая рука, но въ то-же время они едва-ли могли быть и дѣтскими, судя напр. по находкамъ вмѣстѣ съ ними большихъ скорлупообразныхъ фибулъ [1]); въ другихъ разомкнутые концы имѣютъ пролетъ довольно широкій, закрывавшійся видимо застежкой на шарнирѣ (Таб. IV, 12). Весьма интересный по отдѣлкѣ браслетъ найденъ въ могилѣ съ трупосожженіемъ, такъ какъ на немъ сохранились ячейки, или гнѣзда отъ набора, вѣроятно изъ серебряныхъ пуговокъ, совершенно впрочемъ въ огнѣ выгорѣвшихъ (Журналъ № CXXV, 3).

Химическіе анализы четырехъ литыхъ браслетовъ извѣстны слѣдующіе [2]):

	Мѣди.	Олова.	Свинца.	Цинка.	Желѣза.	
Типа Таб. IV, 18.	81,5	м. сл.	13,3	2,1	2,4	Съ слѣдами иногда золота, серебра и сѣры.
	76,8	0,3	12,9	8,7	1,0	
ibid. Таб. IV, 3.	72,7	»	19,0	5,3	2,4	
ibid. Таб. IV, 22.	76,1	0,5	16,4	1,5	1,5	

Т. е. что сплавъ также характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ олова, но съ значительнымъ содержаніемъ свинца отъ 12,9—19,0%. Любопытно, что даже два анализа браслетовъ тожественнаго образца значительно разнятся между собой содержаніемъ цинка, котораго въ одномъ экземплярѣ заключается въ четверо менѣе, чѣмъ въ другомъ! [3]).

Браслеты пластинчатые и проволочные найдены изъ бронзы и серебра. Первые (пластинчатые) всѣ разомкнутые, иногда совершенно гладкіе, иногда-же украшенные рѣзнымъ орнаментомъ (Таб. IV, 23), причемъ между ними встрѣчаются экземпляры на столько миніатюрные (около 3½ снт. въ поперечникѣ), что могли годиться лишь для малыхъ дѣтей (Журналъ № XCIV, 1). На нѣкоторыхъ образцахъ орнаментъ просто наколотый (рис. 7). Своеобразный типъ представляетъ серебряный пластинчатый браслетъ, найденный лишь однажды, на рукѣ погребеннаго скелета (Журналъ № CXVII, 4), и имѣвшій видъ плоскаго обручика, съ крючками для застегиванія; на немъ повторяется орнаментъ украшающій одну изъ вышеописанныхъ шейныхъ гривенъ (см. стр. 38 рис. 5), и судя по размѣрамъ этого браслета, онъ видимо долженъ былъ надѣваться на верхнюю часть руки. Подобное-же назначеніе, вѣроятно, имѣлъ и одинъ изъ экземпляровъ проволочныхъ (Таб. V, 7), діам. котораго около 8½ снт., но въ послѣднемъ концы соединены на глухо. Не безъинтересно, что про-

Рис. 7. 1/1.

[1]) Журналъ №№ LXIX, 5; XCV, 2.
[2]) Извѣстія Импер. Рус. Арх. Общества, т. X.
[3]) Не безъинтересно въ томъ-же отношеніи сравнить составъ сплава подобныхъ-же литыхъ браслетовъ изъ кургановъ сосѣдней съ Приладожьемъ древней Вотской пятины. Здѣсь напр. оказалось содержаніе свинца почти вдвое меньше, именно отъ 6—10%! (Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общества т. X. Труды Коммиссіи по производству химико-техническихъ анализовъ древнихъ бронзъ: анализы №№ 92 и 93).

волочныхъ браслетовъ найдено вообще сравнительно немного (около 10 штукъ), причемъ болѣе затѣйливые экземпляры изъ нихъ представляютъ кольца (иногда въ два оборота), свитыя изъ нѣсколькихъ бронзовыхъ или серебряныхъ проволокъ; между этими образцами имѣется одинъ, не превышающій толщиною всего двухъ миллиметровъ.

Химическій анализъ пластинчатыхъ и проволочныхъ браслетовъ далъ результаты слѣдующіе [1]).

	Мѣди.	Олова.	Свинца.	Цинка.	Желѣза.	
Пластинчатый (типа Таб. IV, 23).	89,5	1,1	5,1	2,2	1,4	Съ слѣдами серебра и сѣры.
Проволочн. простой.	84,9	сл.	9,0	3,8	1,6	
Проволочн. крученый	85,0	сл.	4,9	7,9	1,5	

Т. е. что сплавъ браслетовъ этой группы отличается отъ браслетовъ литыхъ (см. стр. 40) приблизительно вдвое меньшимъ содержаніемъ свинца [2]).

По общеупотребительности украшеній этого рода, по крайней мѣрѣ болѣе простѣйшихъ видовъ ихъ, напр. браслетовъ пластинчатыхъ и проволочныхъ, а равно и нѣкоторыхъ изъ литыхъ, они встрѣчаются въ весьма разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ нѣкоторые типы браслетовъ изъ Приладожья сходны въ общихъ чертахъ съ находимыми во Владимірской и Ярославской губерніяхъ [3]), но они-же (напр. плоскіе и свернутые изъ толстой проволоки, а равно и крученые) повторяются на Уралѣ и частью въ Лифляндіи [4]); изъ браслетовъ, отличающихся своей массивностью, нѣкоторые (Таб. IV, 12, 18) также встрѣчаются частью въ могилахъ Мерянскихъ, частью въ Кареліи близъ Кексгольма [5]), причемъ въ послѣдней повторяется [6]) повидимому и тотъ оригинальный типъ съ наборомъ изъ серебряныхъ блестокъ, о которомъ уже говорено выше (см. стр. 40).

в) *Кольца (височныя и ручныя) и серьги.*

Такъ называемыя височныя кольца, одинъ изъ самыхъ обычныхъ предметовъ украшенія головы у многихъ народностей, найдены въ Приладожьѣ въ могилахъ съ трупосожженіемъ и съ погребеніемъ; почти всѣ бронзовыя, но встрѣчаются и серебряныя. Величина ихъ разная, отъ $1^1/_2$—$3^1/_2$ снт. діам., составъ-же сплава по анализу одного изъ такихъ колецъ [7]) оказался заключающимъ въ себѣ: мѣди—82,6; свинца—4,1; цинка—11,4; желѣза—1,3%, съ незначительными слѣдами серебра и сѣры и полнымъ отсутствіемъ олова. Изъ нѣкоторыхъ случаевъ

[1]) Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. X.

[2]) Анализы браслетовъ пластинчатыхъ и крученыхъ проволочныхъ, изъ кургановъ сосѣдней съ Приладожьемъ древней Водской пятины, дали еще меньшее содержаніе свинца и значительно большій процентъ цинка (Тамъ-же т. X, Труды Коммиссіи по производству химико-техническихъ анализовъ древнихъ бронзъ: анализы №№ 75, 78, 81 и др.)

[3]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXI, XXXII. *Аспелинъ* Antiquités du nord..., № 1022.

[4]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ. *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. XIII.

[5]) *Аспелинъ*: Antiquités..., № 1019. Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 508).

[6]) Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornmin. Tids. XIII, 509).

[7]) Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. X.

находокъ височныхъ колецъ можно замѣтить, что ихъ иногда носили набранными на кожу (рис. 8).

Что касается колецъ ручныхъ, которыхъ найдено 19 экземпляровъ (въ томъ числѣ пять перстней), то они отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Нѣкоторые образцы болѣе простые (Таб. IV, 20, 21) представляютъ иногда лишь кусокъ согнутой бронзовой проволоки, другіе имѣютъ форму спиралей (Таб. IV, 13, 19), наконецъ третьи относятся къ разряду перстней, иногда литыхъ (Таб. IV, 15), иногда-же пластинчатыхъ (Таб. IV, 9, 10), суживающихся сзади и связанныхъ проволокой (рис. 9); большею частью всѣ бронзовыя, серебряныхъ-же найдено только два. Вообще всѣ они видимо широко разносились торговлей, потому что нерѣдко весьма близкіе, или даже тожественные образцы ручныхъ колецъ встрѣчаются въ разныхъ концахъ Россіи. Такъ напр. форма и даже орнаментъ перстня Таб. IV, 9 повторяется въ Лифляндіи, Владимірской и Ярославской губ. и на Уралѣ [1]); спиральныя кольца (Таб. IV, 19) въ тѣхъ-же мѣстностяхъ и кромѣ того въ губерніяхъ Витебской, Тамбовской, Смоленской и даже на Кавказѣ [2]), а нѣкоторые (напр. Таб. IV, 13) также и на Уралѣ [3]).

Рис. 8. 1/1.

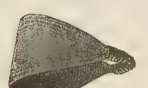

Рис. 9. 1/1.

Число найденныхъ образцовъ серегъ, напротивъ того, довольно ограниченно, такъ какъ ихъ оказалось всего 7 экземпляровъ, между которыми, повидимому, лишь два серебряныхъ. Изъ нихъ четыре кольцеобразной формы, согнутыя изъ проволоки (Таб. IV, 2, 4, 5), съ надѣтыми одной или нѣсколькими металлическими нанизками, а иногда съ бусой, пятый-же экземпляръ (Таб. IV, 1) представляетъ родъ полукруглой пластинки съ проволочной полукруглой-же дужкой, т. е. довольно близко напоминаетъ одинъ изъ образцовъ простыхъ пластинчатыхъ серегъ, употребляемыхъ понынѣ въ нашемъ народѣ. Работа всѣхъ довольно грубая, но на одномъ нанизка имѣетъ видъ филиграни. Всѣ серьги найдены при скелетахъ погребенныхъ и оказывались большею частью по одной (двѣ встрѣчены только однажды), причемъ встрѣчались иногда съ правой, иногда съ лѣвой стороны костей, т. е., какъ видно, носились преимущественно въ одномъ ухѣ, но безразлично въ которомъ. Болѣе рѣдкимъ образцомъ является серьга пластинчатая, по крайней мѣрѣ намъ извѣстно лишь ея единственное повтореніе въ

---

[1]) *Крузе*, Necrolivonica, т. XIII. Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXI. Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ.

[2]) *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи, № 14). *В. Ястребовъ*, Лядинскій могильникъ (ibid № 10). Коллекціи истор. музея въ Москвѣ (изъ сел. Гнѣздова и аула Чми).

[3]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ.

древностяхъ пермскихъ [1]), остальные-же экземпляры встрѣчаются въ губ. Калужской [2]), въ могилахъ Мерянскихъ, а въ нѣкоторыхъ варіантахъ также и на Уралѣ [3]).

г) *Привѣски*. Въ числѣ предметовъ украшеній одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ различнаго рода бронзовыя, изрѣдка серебряныя, привѣски, вообще весьма свойственныя курганной культурѣ всей сѣверной половины Россіи и встрѣчавшіяся въ Приладожьѣ иногда отдѣльными экземплярами, иногда-же въ составѣ цѣлыхъ нагрудныхъ украшеній, а также шейныхъ монистъ, вмѣстѣ съ ожерельями изъ бусъ. По своимъ формамъ и назначенію всѣ эти привѣски могутъ быть разсматриваемы въ трехъ группахъ: однѣ съ характеромъ такъ сказать эмблематическимъ, къ каковымъ могутъ быть отнесены болѣе или менѣе отдаленные варіанты изображеній животныхъ и птицъ; другія—какъ простыя украшенія, не заключающія въ себѣ никакой символики и наконецъ третьи — какъ привѣски, имѣвшія практическое примѣненіе.

Предметы, входящіе въ первую группу, представляютъ, повидимому, выраженіе извѣстнаго культа, въ которомъ болѣе замѣтную роль играетъ воспроизведеніе формъ гуся или утки и которыхъ найдено въ Приладожьѣ девять экземпляровъ, безразлично въ могилахъ съ погребеніемъ и трупосожженіемъ; тотъ-же культъ можетъ усматриваться и въ образцахъ хотя другихъ типовъ, но съ прицѣпленными къ нимъ отдѣльными гусиными лапками на цѣпочкахъ, а иногда тѣхъ-же лапокъ въ видѣ украшеній самостоятельныхъ. Кромѣ того, но рѣже, встрѣчаются изображенія коней, или другія привѣски, украшенныя лишь конскими головками и, наконецъ, такъ называемые баранчики.

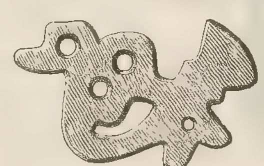

Рис. 10. 1/1.

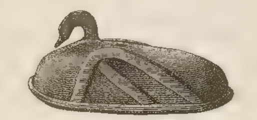

Рис. 11. 1/1.

Простѣйшей и болѣе употребительной формой являются плоскія прорѣзныя изображенія гуськовъ, длиною около 5 снт., довольно впрочемъ характерныя, не смотря на грубость своей отдѣлки (см. рис. 14); почти всѣ онѣ одной общей шаблонной формы, но попадаются изрѣдка и болѣе или менѣе разнящіеся варіанты (рис. 10). Другой видъ ихъ представляютъ литыя, полыя внутри изображенія гуськовъ, варіантовъ которыхъ найдено всего пять (рис. 11); наконецъ сюда-же можно присоединить подобныя же привѣски, частью полыя, частью плоскія, характера однако нѣсколько иного, именно изображающія повидимому не гуськовъ, а какую-то другую птицу, быть можетъ подобіе пѣтушковъ (рис. 12) и курочекъ, хотя и эти имѣютъ привѣшенныя къ нимъ на цѣпочкахъ гусиныя лапки; таковыхъ найдено четыре экземпляра (Таб. III, 1, 12, 16).

[1]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., № 679.
[2]) Раскопки г. *Булычева* въ Мосальск. уѣздѣ (Выставка Импер. Археол. Ком. 1893 г.).
[3]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXI, XXXV. Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермск. у.

Любопытно, что различію указанныхъ привѣсокъ по ихъ внѣшности какъ-бы соотвѣтствуетъ и существенная разница въ химическомъ составѣ ихъ сплава, а именно:

	Мѣди.	Олова.	Свинца.	Цинка.	Желѣза.	
Прорѣзная плоская (рис. 10).	74,2	0,8	10,5	12,5	1,2	Съ слѣдами иногда золота, серебра и сѣры [1]).
Литая полая (рис. 11).	73,1	слѣды	14,1	11,5	1,1	
Литая полая (Таб. III, 12).	88,6	7,8	слѣды	2,2	1,0	

Отсюда видно, что въ однихъ (типа гуськовъ) находится значительное количество свинца и цинка, при маломъ содержаніи олова, въ другихъ-же (типа курочекъ) наоборотъ—преобладающей примѣсью къ мѣди является олово, свинца-же и цинка очень мало. Подобное обстоятельство даетъ поводъ думать, не шли-ли эти издѣлія въ Приладожье изъ разныхъ мѣстъ и не составляли ли онѣ даже два самостоятельныхъ вида?

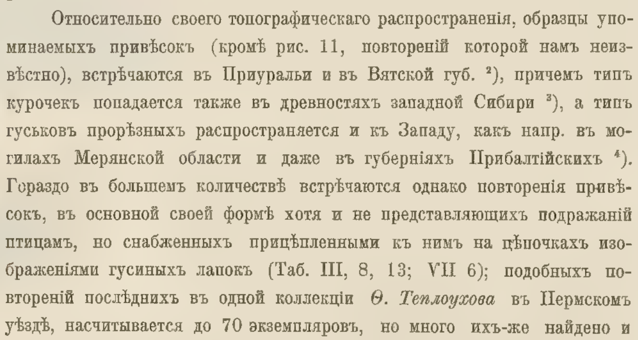
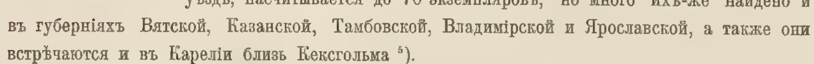

Рис. 12. 1/1.

Относительно своего топографическаго распространенія, образцы упоминаемыхъ привѣсокъ (кромѣ рис. 11, повтореній которой намъ неизвѣстно), встрѣчаются въ Приуральи и въ Вятской губ. [2]), причемъ типъ курочекъ попадается также въ древностяхъ западной Сибири [3]), а типъ гуськовъ прорѣзныхъ распространяется и къ Западу, какъ напр. въ могилахъ Мерянской области и даже въ губерніяхъ Прибалтійскихъ [4]). Гораздо въ большемъ количествѣ встрѣчаются однако повторенія привѣсокъ, въ основной своей формѣ хотя и не представляющихъ подражаній птицамъ, но снабженныхъ прицѣпленными къ нимъ на цѣпочкахъ изображеніями гусиныхъ лапокъ (Таб. III, 8, 13; VII 6); подобныхъ повтореній послѣднихъ въ одной коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ Пермскомъ уѣздѣ, насчитывается до 70 экземпляровъ, но много ихъ-же найдено и въ губерніяхъ Вятской, Казанской, Тамбовской, Владимірской и Ярославской, а также они встрѣчаются и въ Кареліи близь Кексгольма [5]).

Другой видъ тѣхъ же украшеній, характера эмблематическаго, представляютъ изображенія коней, или вообще привѣски съ прибавленіемъ конскихъ головокъ, но найденныя въ Приладожьѣ всего лишь три раза. Самый оригинальный типъ ихъ въ видѣ плоскаго, грубо

1) Извѣстія Импер. Рус. Археол. Общ., т. X.

2) *Аспелинъ,* Antiquités du nord..., №№ 676, 704. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильнскомъ Пермскаго уѣзда. Раскопки г. *Первухина* въ коллекціяхъ Импер. Московск. Археол. Общества.

3) Раскопки г. *Патканова* въ Тобольск. окр. (Историч. музей въ Москвѣ)

4) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXV. *Крузе,* Necrolivonica, т. XVI.

5) Раскопки г. *Первухина* (Коллекціи Московск. Археол. Общества). *А. Спицынъ*, Приуральскій край, т. XII (Матеріалы по археологіи восточн. губерній, вып. I). Отчеты Импер. Археологич. Коммиссіи 1890 г., стр. 67 и 1891 г., стр. 104. Коллекціи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи (Билярскъ). *Лихачевъ*, Памятники Вел. Булгаріи, т. I (Труды II Археолог. Съѣзда). *В. Ястребовъ*, Лядинскій и Томниковскій могильники (Матеріалы по Археолог. Россіи, № 10). Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXV. *Аспелинъ*, Antiquités..., №№ 703, 705, 708, 817—819, 874, 883, 891, 996. Раскопки г. *Швиндта* (Finska Forumin. Tidskrift, XIII, рис. 268, 271, 340).

исполненнаго подобія всадника, сидящаго не верхомъ, а бокомъ на лошади (Таб. III, 2) и какъ бы держащагося обѣими руками за ея гриву и спину, причемъ конь всѣми четырьмя ногами стоитъ на узкой искривленной полоскѣ, передній конецъ которой, загибаясь кверху, смыкается съ концомъ его морды. На нѣкоторыхъ, лучше выдѣланныхъ, но вообще весьма рѣдкихъ повтореніяхъ того-же типа изъ другихъ мѣстностей, видно, что полоска эта изображаетъ змѣю, или быть можетъ аспида, голова которой упирается въ морду коня, но на единственномъ Приладожскомъ экземплярѣ, найденномъ на груди погребеннаго скелета (Журналъ LI, 1), фигуры змѣи незамѣтно. Находки таковыхъ же изображеній мы можемъ указать единственно на Уралѣ [1]) и въ Вятской губ., причемъ подобные предметы иногда достигаютъ значительной величины,—втрое болѣе найденнаго въ Приладожьѣ, который всего 7 снт. длиною.

Извѣстенъ еще другой типъ тѣхъ-же конеобразныхъ привѣсокъ, хотя найденный въ Приладожьѣ также лишь въ одномъ экземплярѣ, но имѣвшій широкое распространеніе въ другихъ мѣстностяхъ, именно литыя, плоскія-же изображенія однихъ коньковъ (безъ всадниковъ), величиною всего около 3 снт. (см. рис. 14); находки ихъ извѣстны какъ на Западъ до Балтійскаго моря [2]), такъ и въ Приуральи [3]), а равно и въ губерніяхъ Минской, Витебской, Смоленской, Калужской, Владимірской и Ярославской [4]). На нѣкоторыхъ экземплярахъ (напр. изъ Смоленской и Лифляндской губ.) коньки эти имѣютъ на ногахъ по бубенчику, а въ древностяхъ пермскихъ извѣстны также варіанты конскихъ изображеній, выбитые рельефомъ на бронзовыхъ пластинахъ [5]). Наконецъ къ этому-же разряду примыкаютъ довольно характерныя привѣски, съ украшеніями въ видѣ двухъ, обращенныхъ въ разныя стороны конскихъ головокъ и спускающимися внизъ цѣпочками съ колокольчиками (Таб. III, 6); таковыя также весьма свойственны Приуралью,—напр. въ коллекціи Ѳ. Теплоухова ихъ находится до 25 экземпляровъ [6]), причемъ среди нихъ имѣется одинъ даже парный, т. е. состоящій изъ двухъ подобныхъ привѣсокъ, соединенныхъ вмѣстѣ цѣпочкой; извѣстны также повторенія въ Казанской губ., напр. въ Булгарахъ и Билярскѣ, но онѣ-же попадаются и на далекомъ Кавказѣ, въ Пятигорскомъ округѣ [7]).

Оригинально, что нѣкоторые образцы упоминаемыхъ привѣсокъ представляютъ смѣшеніе съ уже описанными, воспроизводящими формы птицъ, такъ какъ къ первымъ присоединены не колокольчики, а гусиныя лапки. Заслуживаетъ вниманія также, что химическій анализъ привѣски (Таб. III, 6), найденной въ Приладожьѣ въ могилѣ съ трупосожженіемъ, показалъ составъ ея сплава снова неоднородный, сравнительно напр. съ привѣсками птицеподобными,

---

[1]) Три экземпляра въ коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда, изъ коихъ два серебряныхъ, найденные въ Соликамскомъ уѣздѣ.

[2]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord № 1207. *И. Даниловъ*, Раскопки въ Гдовскомъ и Лугскомъ уѣздахъ (Сборн. Археологич. Института, кн. III). *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. X. *Крузе*, Necrolivonica, т. XVI. *Ганзенъ*, Die Sammlungen inländischer Alterthümer, т. III.

[3]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ. *Аспелинъ* Antiquités du nord..., № 642.

[4]) Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи 1892 г., стр. 48. *А. Спицынъ* Люцинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи, № 14). Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ (Бѣльск. уѣзда Смоленской губ.). Раскопки г. *Булычева* въ Мосальск. уѣздѣ (Выставка Импер. Археол. Ком. 1893 г.). Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXIII.

[5]) *Аспелинъ*, Antiquifés du nord..., № 543.

[6]) Въ сел. Ильинскомъ Пермск. уѣзда. Варіанты также у *Аспелина*, Antiquités.... № 677, 693, 695, 697, 698.

[7]) *Лихачевъ*, Памятники Вел. Булгаріи (Труды II Археол. Съѣзда, таб. I); его-же: Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ (Труды VI Археол. Съѣзда, стр. 176, 184, таб. II).

такъ какъ въ немъ оказалось: мѣди — 82,4; олова — 3,9; свинца — 2,9; цинка — 8,8 и желѣза—1,4% [1]).

Подобное-же смѣшеніе встрѣчается и на послѣднемъ видѣ описываемыхъ эмблематическихъ привѣсокъ, такъ называемыхъ «баранчикахъ» (Таб. III, 9, 14), представляющихъ впрочемъ весьма отдаленное или неполное подобіе своего оригинала; къ нѣкоторымъ изъ нихъ прицѣплены короткія цѣпочки съ колокольчиками, въ другихъ же послѣдніе замѣняются гусиными лапками, но не смотря вообще на далекое уклоненіе этихъ «баранчиковъ» отъ своего прототипа, они настолько своеобразны, что едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ, что подобныя изображенія представляютъ лишь эволюцію основной формы птицы, какъ думаетъ напр. г. *Аспелинъ* [2]); въ культурѣ костеносныхъ городищъ Вятской губерніи извѣстны напр. предметы, съ украшеніями весьма въ общихъ чертахъ близкими къ вышеупомянутому типу двуглавыхъ коньковъ (Таб. III, 6), но тамъ вмѣсто послѣднихъ видимо изображены головы бараньи [3]), такъ что скорѣе возможно сближеніе именно этихъ двухъ типовъ, нежели первое. Какъ-бы то ни было, но любопытно, что тѣ-же баранчики были найдены и въ Сибири, въ окрестностяхъ Акмолинска [4]), а также въ Приуральи [5]) и далѣе къ западу въ курганахъ Мерянскихъ, въ Смоленской губ. и въ Кареліи [6]), причемъ на нихъ, равно какъ и на найденныхъ въ Приладожьѣ, весьма часто повторяется тотъ-же орнаментъ (въ видѣ ломаной линіи), который встрѣчается и на другихъ древностяхъ непосредственно сибирскаго происхожденія [7]).

Другую группу привѣсокъ могутъ составлять, какъ уже сказано, простыя украшенія, лишенныя всякаго символическаго значенія. Сюда относятся:

1) Сложныя полукруглыя привѣски, съ колокольчиками на короткихъ массивныхъ цѣпочкахъ (Таб. III, 3; VII, 8). Въ Приладожьѣ онѣ рѣдки, такъ какъ ихъ найдено всего два экземпляра, оба на погребенныхъ скелетахъ [8]), повторенія-же, иногда совершенно тожественныя (особенно Таб. III, 3), иногда же въ близкихъ варіантахъ, хотя довольно многочисленны, но, сколько намъ извѣстно, ограничиваются лишь Сибирью, Приуральемъ и Казанской губерніей [9])

---

[1]) Извѣстія Импер. Рус. Археол. Общества, т. X.

[2]) *I. Аспелинъ.* О потребностяхъ изученія формъ предметовъ въ доисторическихъ временахъ (Труды VI Археол съѣзда, т. I, 10).

[3]) *А. Спицынъ,* Приуральскій край (Матер. по археол. восточн. губерній, вып. I, т. XI, 6).

[4]) *Ujfalvy,* Expedition française en Russie .., т. VI. таб. XII.

[5]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова,* въ сел. Ильинскомъ, Пермск. уѣзда. *Аспелинъ,* Antiquités du nord..., № 702. Раскопки *Н. Первухина* въ Вятской губ. (Коллекціи Импер. Московскаго Археол. Общества).

[6]) Гр. *А. Уваровъ,* Меряне и пр., т. XXV. Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ (изъ Ельнинск. и Юхновск. уѣздовъ). Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 340, 341).

[7]) *В. Радловъ,* Сибирскія древности (Матеріалы по археол. Россіи, т. I вып. I таб. I, 1, 3, 5; ibid. вып. 2, стр. 48).

[8]) Журналъ № XCI, 1; CX, 1.

[9]) *Д. Клеменцъ,* Древности Минусинскаго музея. Коллекціи Университета въ Томскѣ. Раскопки г. *Патканова* въ Тобольск. округѣ (Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ). Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермск уѣзда (болѣе 10 экз.). Раскопки *Н. Первухина* въ Вятск. губ. (Коллекціи Импер. Археолог. Общества). *Ujfalfy,* Expedition française en Russie, т. VI, таб. VI. *Аспелинъ,* Antiquités du nord..., № 707. *Лихачевъ,* Памятники Вел. Булгаріи (Труды II Археол. съѣзда, таб. I; Труды IV Археол. съѣзда, таб. X).

2) Подвѣски въ видѣ крестовъ (Таб. VII, 2, 3, 4), съ слѣдами на нѣкоторыхъ, повидимому, поливы; всѣ три найденныхъ экземпляра бронзовые и, подобно цѣлому ряду такихъ-же находокъ въ другихъ мѣстностяхъ, очевидно, составляли лишь предметъ украшенія, безъ всякой связи съ культомъ христіанства. Подобныя-же крестовидныя привѣски въ различныхъ варіантахъ, могутъ быть указаны какъ въ древностяхъ Сибири и Приуралья [1]), такъ и на западѣ, въ курганахъ древней Мери, Води и Кареліи [2]), а равно и въ губерніяхъ Витебской, Лифляндской и на островѣ Эзелѣ [3]), но ихъ-же можно встрѣтить и въ Скандинавіи, — иногда даже съ грубымъ изображеніемъ Распятія [4]), гдѣ, какъ напр. въ Норвегіи, фигура креста попадается и на древнихъ пряжкахъ. Такое разсѣяніе крестовидныхъ привѣсокъ даетъ поводъ заключить, что онѣ, составляя одинъ изъ предметовъ мелкой торговли, могли имѣть весьма разнообразное происхожденіе, хотя нѣкоторые склонны думать, что подобныя издѣлія были привозимы именно изъ Византіи [5]).

3) Круглые брактеаты, штампованные изъ тонкаго серебра; нѣкоторые также съ изображеніями рельефныхъ крестовъ (Таб. VII, 12), другіе съ простымъ тисненнымъ орнаментомъ. Употребленіе ихъ какъ привѣсочныхъ украшеній можетъ быть поставлено рядомъ съ назначеніемъ для той-же цѣли подражаній нѣкоторымъ типамъ монетъ, также обращенныхъ въ привѣски (напр. Таб. VII, 1 — Венденская поддѣлка германской монеты). Въ Приладожьѣ встрѣчены подобныя-же поддѣлки монетъ и восточныхъ, которыхъ вообще, повидимому, расходилось довольно, такъ какъ извѣстенъ даже случай находки (въ Витебской губ.) каменной формы, для отливки подражаній куфическимъ монетамъ [6]).

4) Сюда-же примыкаютъ дискообразныя бронзовыя подвѣски (рис. 13) съ ушками, найденныя въ составѣ шейныхъ украшеній, въ перемежку съ бусами и монетами, или поддѣлками послѣднихъ, т. е. украшеній, составляющихъ собою родъ монистъ (Журналъ № CXVII, 2, 4); подвѣски эти также грубой работы, но иногда на нихъ замѣчаются слѣды позолоты (Таб. VII, 5).

Рис. 13. 1/1.

5) Привѣски луннообразныя, въ видѣ полумѣсяца, обращеннаго внизъ рогами (Таб. III, 24),—типъ, хотя повторяющійся во многихъ мѣстностяхъ, но встрѣченный въ Приладожьѣ лишь однажды. По всей вѣроятности основные образцы его имѣли родиной мусульманскій востокъ, на что можетъ указывать и техника этого рода издѣлій, какъ напр. образцы, найденные въ

[1]) Раскопки г. *Патканова* въ Тобольскомъ округѣ (Коллекціи историч. музея въ Москвѣ). Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермск. уѣзда.

[2]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXIV. *Ujfalvy*, Expedition française, т. VI, таб. VI. Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 225 — 230). Употребленіе ихъ-же выслѣживается и въ Калевалѣ: Герой послѣдней, Вейнемейненъ, обращаясь къ дѣвѣ Айво, говоритъ: «Для меня носи, дѣвица — золотой носи ты крестикъ»; въ другомъ мѣстѣ мать послѣдней также повторяетъ: «Ты надѣнь блестящій жемчугъ,— золотой на шею крестикъ» и т. д. («Калевала», полн. переводъ *Бѣльскаго*, 49, 53).

[3]) *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи, № 14). *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. X, XII, XX. *Крузе*, Necrolivonica, т. XVII. *А. Благовѣщенскій*, Островъ Эзель и его древности (Сборникъ Археолог. Инст., кн. V).

[4]) *I. Undset*, Norska Oldsager, стр. 64.

[5]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., стр. 721.

[6]) Отчетъ Импер. Археолог. Коммиссіи 1891 г., стр. 129.

мерянскихъ могилахъ, съ характеромъ филигранной работы [1]), но извѣстные также варіанты лунообразныхъ привѣсокъ съ изображеніемъ креста, какъ напр. въ курганахъ древней Води [2]), даютъ вѣроятіе мнѣнію скандинавскихъ археологовъ, принимающихъ издѣлія съ характерными изображеніями полулунія вообще за вывезенные изъ Византіи [3]). Легко быть можетъ даже, что въ виду распространенности варіантовъ тѣхъ же привѣсокъ, начиная съ Сибири и Урала и кончая Скандинавіей [4]), а равно и повторенія ихъ въ другихъ губерніяхъ средней Россіи, какъ-то Ярославской, Рязанской, Калужской, Смоленской и Минской [5]), часть тѣхъ-же привѣсокъ составляла и продуктъ домашняго подражанія привознымъ образцамъ.

6) Привѣски въ видѣ двулистника и четыреугольная (Таб. III, 21, 22) представляютъ также единичныя находки, повтореній которыхъ намъ неизвѣстно. Въ ушкахъ ихъ сохранились обрывки ремешковъ, указывающихъ на назначеніе этихъ предметовъ.

7) Привѣска кольцеобразная (Таб. VII, 9)—экземпляръ весьма любопытный по частнымъ деталямъ, напоминающимъ нѣкоторые предметы скандинавскихъ образцовъ [6]), но, къ сожалѣнію, сильно пострадавшій при трупосожженіи. Повтореніе его извѣстно въ мордовскихъ древностяхъ [7]).

8) Къ этой-же группѣ простыхъ украшеній должны быть причислены еще привѣски бутылкообразныя (Таб. III, 7) и коническая съ подвѣшенными къ ней на короткихъ цѣпочкахъ колокольчиками (Таб. III, 17). Изъ нихъ представляетъ интересъ послѣдняя, по украшающему ее орнаменту, совершенно одинаковому съ имѣющимся на описанныхъ выше «баранчикахъ», который, какъ уже сказано, встрѣчается на бронзовыхъ ножахъ и кинжалахъ сибирскаго происхожденія. Повторенія ея извѣстны въ Сибири (въ окрестностяхъ Акмолинска) и въ Приуральи [8]), а также въ курганахъ древней Води, причемъ видно, что совершенно такія-же коническія привѣски прицѣпляются попарно къ упомянутымъ баранчикамъ, образуя съ ними одну цѣлую подвѣску [9]).

9) Наконецъ сюда же можно отнести фрагментъ привѣсочнаго украшенія въ видѣ прямого желѣзнаго прутка (длиною 8 снт.), обмотаннаго бронзовой проволокой, съ двумя бронзовыми-же бубенчиками на оконечностяхъ (Таб. III, 20), но, къ сожалѣнію по этому

---

[1]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., стр. 661; также т. XXXI.

[2]) Раскопки *Л. Ивановскаго* (*Ujfalvy*, Expedition française en Russie, VI, таб. V).

[3]) *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, стр. 13.

[4]) Раскопки г. *Патканова* въ Тобольск. округѣ (Коллекціи историч. музея въ Москвѣ). *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., № 760. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермск. уѣзда. *О. Монтеліусъ*, Antiquités suéd. 589. Memoires de la soc. des antiq. du Nord 1866—71, стр. 283.

[5]) Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ (изъ Рыбинскаго уѣзда). Гр. *Ѳ. Уваровъ*, Курманскій могильникъ («Древности»—Труды Импер. Московск. Археолог. Общества, т. XIV, таб. IX). Раскопки г. *Булычева* въ Мосальск. уѣздѣ (Выставка Импер. Археолог. Ком. 1893 г.). Раскопки *А. Спицына* въ Смоленск. губ. (ibid). Раскопки г. *Завитневича* (ibid).

[6]) Напр. у *Монтеліуса* (Antiq. suéd. 529), но здѣсь изображенъ родъ кольцеобразной застежки (Ringspänne), въ соединеніи съ булавкой. Весьма любопытный экземпляръ кольцеобразной пряжки скандинавскаго стиля, напоминающій ладожскую привѣску, находится въ Новгородск. музеѣ (Труды VII Археолог. съѣзда, т. II, 270).

[7]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., 889.

[8]) *Ujfalvy*, Expedition française en Russie, VI, таб. XII. Раскопки *Н. Первухина* въ Глазовск. уѣздѣ Вятской губ. (Коллекціи Императ. Московскаго Археолог. Общ.).

[9]) Тамъ-же, VI, таб. IX и X.

остатку нельзя еще судить о полной формѣ всего украшенія, какъ видно, типа довольно оригинальнаго. Что касается самыхъ бубенчиковъ, то они представляютъ, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и разнообразно примѣнявшихся предметовъ, какъ въ качествѣ привѣсокъ отдѣльныхъ, такъ и въ соединеніи съ другими украшеніями. Въ Приладожьѣ ихъ найдено до 60 экземпляровъ, въ могилахъ съ трупосожженіемъ и съ погребеніемъ обыкновеннымъ; почти всѣ простой круглой формы, съ крестообразнымъ прорѣзомъ въ нижней сторонѣ и большею частью съ гремушкой внутри, но нѣсколько экземпляровъ встрѣчены и формы грушеобразной. Наиболѣе рѣдкими образцами являются бубенчики, состоящіе изъ двухъ, соединенныхъ на фальцѣ, отдѣльныхъ половинокъ, изготовленныхъ изъ очень тонкой листовой бронзы (Таб. III, 4), или, вѣрнѣе сказать, изъ чистой мѣди, такъ какъ по химическому анализу въ нихъ оказалось 95,4% послѣдней, съ незначительной примѣсью олова, свинца и цинка. Анализы шести экземпляровъ круглыхъ-же бубенчиковъ, но литыхъ, хотя и обнаружили въ своемъ сплавѣ то-же отсутствіе олова, какое нерѣдко замѣчалось въ другихъ вышеописанныхъ издѣліяхъ, но относительно прочихъ примѣсей дали результаты довольно разнообразные, именно—что въ четырехъ случаяхъ значительное содержаніе свинца отъ 12—14,2% сопровождалось присутствіемъ цинка въ размѣрѣ 2,5 — 8,7%, въ одномъ-же наоборотъ — свинца оказалось всего 5,4, а цинка 12,4% и наконецъ еще въ одномъ тѣ-же примѣси найдены почти въ равномъ между собою отношеніи — 6,2 и 6,6% [1]. Обстоятельство это можетъ имѣть свое значеніе, какъ указывающее на разнообразіе техники выдѣлки упоминаемыхъ украшеній, вѣроятно, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ пунктовъ ихъ изготовленія.

Послѣднюю группу привѣсокъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя, независимо отъ своей роли какъ украшеній, имѣли еще извѣстное спеціальное назначеніе, примыкая такимъ образомъ отчасти къ отдѣлу предметовъ домашняго обихода. Сюда относятся уховертки, игольники, ключи и ложечки.

Уховертки—въ видѣ вытянутыхъ пластинокъ съ кольцомъ или отверстіемъ для привѣшиванія на одномъ концѣ и родомъ маленькой закругленной лопаточки — на другомъ (Таб. V, 2, 10), служившей для чистки ушей. Онѣ были найдены въ количествѣ 11 экземпляровъ, бронзовыя, желѣзныя и костяныя, въ могилахъ съ трупосожженіемъ и погребеніемъ обыкновеннымъ. Нѣкоторые образцы довольно массивные и болѣе нарядны, такъ какъ украшены литымъ орнаментомъ и даже боковыми на короткихъ цѣпочкахъ привѣсками (Таб. V, 2), но есть и такіе, которые просто вырѣзаны изъ тонкой листовой бронзы; одинъ экземпляръ уховертки согнутъ подъ прямымъ угломъ. Изъ нѣкоторыхъ случаевъ находокъ видно, что онѣ носились въ составѣ нагрудныхъ украшеній.

Подобныя-же уховертки, бронзовыя и костяныя, извѣстны въ древностяхъ Приуралья и въ Казанской губ., причемъ въ Пермской губерніи среди нихъ встрѣчаются и экземпляры съ вышеупомянутыми боковыми подвѣсками, иногда имѣющими форму гусиныхъ лапокъ [2].

---

[1]) Извѣстія Импер. Рус. Археолог. Общ. т. X.

[2]) Коллекціи Ѳ. *Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ, Пермскаго уѣзда. Коллекціи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи въ Казани (Билярскъ).

Весьма любопытный образецъ, съ изображеніемъ на верхнемъ концѣ его сидящей птицы, найденъ также въ Лифляндіи [1]) и наконецъ еще повторенія могутъ быть указаны въ древностяхъ Кареліи около Кексгольма [2]). Такимъ образомъ распространеніе привѣсокъ этого рода является какъ-бы довольно ограниченнымъ и условнымъ.

Игольники,—иногда въ видѣ простой короткой трубочки, съ надѣтымъ на нее кольцомъ для привѣшиванія (Таб. V, 6, 15), иногда-же въ видѣ трубочки съ большимъ плоскимъ приливомъ по верхнему краю и рядомъ подвѣсокъ по нижнему (Таб. V, 4, 16); носились видимо на груди, вмѣстѣ съ другими привѣсками (Таб. VII, 7). Назначеніе ихъ доказывается случаемъ находки въ одномъ изъ подобныхъ экземпляровъ настоящей иголки съ ушкомъ (Журналъ № XLIX, 2). Всего таковыхъ игольниковъ найдено въ могилахъ съ трупосожженіемъ и погребеніемъ семь штукъ, именно пять бронзовыхъ, одинъ желѣзный и одинъ сдѣланный изъ птичьей кости (Таб. V, 13). Аналогичныя съ изображенной на Таб. V, 16 привѣски могутъ быть указаны въ Лифляндіи [3]), впрочемъ лишь по внѣшнему сходству, а также въ коллекціяхъ Эстонскаго Ученаго Общества въ Юрьевѣ.

Бронзовые ключи (Таб. VIII, 16, 17) съ кольцеобразной ручкой и квадратной бородкой, украшенной иногда изображеніемъ креста, найдены только дважды, въ могилахъ съ погребеніемъ, причемъ въ одномъ случаѣ ихъ оказалось при склепѣ три экземпляра, всѣ, вѣроятно, висѣвшіе на поясѣ (Журналъ № LVI, 4), въ другомъ-же ключъ находился въ составѣ нагруднаго украшенія (Таб. VII, 7). Обращаетъ на себя вниманіе образецъ совсѣмъ безъ ручки (Таб. VIII, 17), но съ отверстіемъ въ стеблѣ для подвѣшиванія, почему онъ едва-ли могъ служить для практическаго употребленія, представляя лишь значеніе символическое. Повторенія этихъ предметовъ встрѣчаются въ древностяхъ Эстляндіи и Лифляндіи [4]), а также извѣстны и по находкамъ въ Смоленской губерніи [5]).

Бронзовая ложечка (Таб. VII, 7), круглая, длиною всего около $6^1/_4$ снт., встрѣчена въ Приладожьѣ только одинъ разъ и, вѣроятно, лишь какъ предметъ украшенія, судя по малымъ ея размѣрамъ. Подобные-же экземпляры, иногда серебряные, изрѣдка бывали находимы въ курганахъ древнихъ Мерянъ, а также въ Смоленской и Лифляндской губерніяхъ [6]).

д) *Металлическіе наборы.* Независимо отъ отдѣльныхъ привѣсокъ, предметами украшеній служили еще различнаго рода металлическіе наборы, одна часть которыхъ представляется образцами наборныхъ бляшекъ, прикрѣплявшихся наглухо къ ремню или тесьмѣ, посредствомъ заклепокъ или усиковъ, другую-же составляютъ разнаго рода пронизки, носившіяся нанизанными на шнуры, ремешки и даже проволоку. Какъ тѣ, такъ и другія, за рѣдкими исключеніями, всѣ бронзовыя.

[1]) *Крузе*, Necrolivonica, т. XII.
[2]) Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornminnesför. Tidskrift, XIII, рис. 280—285).
[3]) *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. II, IV. *Крузе*, Necrolivonica, т. XV.
[4]) *Ганзенъ*, Die Sammlungen inländischer Alterthümer, т. III, *Крузе*, Necrolivonica, т. XV.
[5]) Раскопки г. *Булычева* въ Ельнинскомъ уѣздѣ (Выставка Импер. Археол. Ком. 1893 г.).
[6]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXIII. Раскопки *А. Спицына* и г. *Булычева* въ Ельнинскомъ уѣздѣ (Выставка Импер. Археол. Ком. 1893 г.). Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ (Бѣльскій уѣздъ). *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. XII. *Крузе*, Necrolivonica, т. LIII.

Наборныя бляшки (дробницы) по величинѣ и по формѣ весьма различны (Таб. VI, 1, 3—20, 22—24, 27—29); между ними встрѣчаются квадратныя, пятиугольныя, круглыя, сердцевидныя и пр., причемъ большинство украшено литымъ орнаментомъ, но есть и совершенно гладкія. Нѣкоторые образцы, очевидно, представляютъ наконечники поясовъ (Таб. VI, 8, 10, 12), въ другихъ можно видѣть украшеніе отъ конской сбруи (Таб. VI, 6, 11, 18, 20), потому что послѣднія, независимо отъ нѣкоторыхъ своихъ особенностей, найдены всѣ вмѣстѣ въ могилѣ съ трупосожженіемъ, содержавшей въ себѣ смѣшанныя кости человѣческія и конскія (Журналъ № CXL, 5), прочія-же дробницы составляютъ, очевидно, остатки поясныхъ наборовъ. Изъ болѣе полныхъ находокъ этихъ бляшекъ цѣлыми группами можно замѣтить [1]), что напр. въ одномъ случаѣ ременный поясъ на погребенномъ скелетѣ состоялъ изъ 14 дробницъ, наконечника и пряжки (Таб. VI, 3, 10, 25), а въ другомъ — также изъ маленькой пряжки, наконечника и 40 дробницъ, повидимому серебряныхъ (Таб. VI, 12), въ двухъ-же могилахъ съ трупосожженіемъ [2]) одинъ разъ найдены 4 бляшки большихъ и 11 малыхъ (Таб. VI, 1, 9), а другой—12 бляшекъ пятиугольныхъ, 1 круглая (вѣроятно, съ середины пояса) и наконечникъ (Таб. VI, 27, 14, 8).

Не смотря на свое сравнительное разнообразіе, почти всѣ виды упомянутыхъ дробницъ болѣе или менѣе повторяются и въ другихъ мѣстностяхъ, но чаще прочихъ встрѣчаются именно сердцевидныя, съ орнаментомъ и гладкія (Таб. VI, 29, 28, 23). Находки послѣднихъ въ различныхъ варіантахъ извѣстны напр. въ области древнихъ Мерянъ, въ губ. Тверской, Тамбовской, Смоленской, Витебской и Курляндской [3]), а также въ Приуральи, Финляндіи и даже въ Швеціи [4]), гдѣ тотъ-же типъ встрѣчается и въ видѣ украшеній на оружіи, напр. на рукояти одного меча, убранной сердцевидными бляшками, хранящагося въ Бергенскомъ Музеѣ [5]). Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе дробницы пятиугольныя (Таб. VI 1, 9, 5), форма которыхъ повторяется также въ Смоленской губ., Приуральи и въ курганахъ Мерянскихъ, причемъ въ послѣднихъ найдены подобные-же образцы, на которыхъ вмѣсто орнамента помѣщены восточныя надписи [6]). Любопытно, что по имѣющимися химическимъ анализамъ, составъ сплава дробницъ пятиугольной формы отличается большимъ содержаніемъ свинца и отсутствіемъ олова, сравнительно съ нѣкоторыми другими, а именно [7]):

	Мѣди.	Олова.	Свинца.	Цинка.	Желѣза.
Таб. VI, 1 . . .	74,0	—	11,2	13,6	0,8.
Таб. VI, 9 . . .	80,2	м. сл.	9,9	5,7	1,1.
Таб. VI, 3 . . .	88,6	2,5	4,9	1,6	1,6.
Таб. VI, 27 . . .	92,6	3,6	0,9	1,9	0,5.

[1]) Журналъ №№ LXXXIX, 2; CXII, 6.

[2]) Журналъ №№ LX, 1; LXV, 1.

[3]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, т. XXXII. Коллекціи Тверскаго музея. *В. Ястребовъ*, Лядинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи. № 10). Коллекціи Истор. музея въ Москвѣ (сел. Гнѣздово, Смоленскаго уѣзда). *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матеріалы по археол. Россіи, № 14). *Крузе*, Necrolivonica, т. XXXIX.

[4]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., №№ 682, 1436. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ, Пермскаго уѣзда. *О. Монтеліусъ*, Antiquités suéd., 514.

[5]) *A. Lorange*, Samlingen.... i Bergens Mus., стр. 143.

[6]) Гр. *А. Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ, стр. 660; таб. XXXII.

[7]) Извѣстія Импер. Рус. Арх. Общества, т. X.

Наконецъ нѣкоторыя особенности представляетъ еще экземпляръ наборной бляшки съ своеобразнымъ орнаментомъ (Таб. VI, 4), принимаемымъ нѣкоторыми за византійскій [1]), и экземпляръ круглой бляшки, съ припаяннымъ ушкомъ на реверсѣ (Таб. VI, 7), какъ въ своемъ родѣ единственный; изъ остальныхъ-же большей типичностью выдѣляется еще образецъ Таб. VI, 13, цѣлый наборъ которыхъ въ видѣ пояса найденъ въ Приуральи, но подобныя-же дробницы извѣстны и въ древностяхъ Витебской губерніи [2]).

Другой родъ металлическихъ наборовъ составляютъ бронзовыя пронизки, весьма впрочемъ простыхъ формъ, какъ-то бутылкообразныя (найдено до 15 экз.), коническія, трубчатыя и пр. (Таб. III, 5, 10, 11, 19, 15; Таб. VII, 11). Нѣкоторые образцы изъ нихъ употреблялись видимо въ качествѣ обыкновенныхъ привѣсокъ, какъ напр. бутылкообразныя и коническія (Таб. VI, 5, 19), внутри которыхъ иногда оказывались сохранившимися завязанные узелкомъ концы ремешковъ, или остатки проволоки, но иногда тѣ-же пронизки бывали находимы и на отрывкахъ кожи, почему, быть можетъ, нашивались на послѣднюю. Изъ другихъ образцовъ, какъ напр. трубчатыхъ съ шарообразными утолщеніями (Таб. III, 15; VII, 11), составлялись, вѣроятно, цѣлые наборы въ видѣ сложныхъ украшеній, какъ то можно заключить изъ аналогичныхъ находокъ въ иныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ впрочемъ экземпляры подобныхъ пронизокъ имѣютъ еще добавочныя, прикрѣпленныя къ нимъ привѣски въ видѣ колокольчиковъ и гусиныхъ лапокъ [3]). Вообще нѣкоторые образцы тѣхъ-же предметовъ весьма свойственны Приуралью, такъ какъ напр. въ коллекціи г. Теплоухова въ Пермскомъ уѣздѣ находится бутылкообразныхъ пронизокъ не менѣе 25 штукъ, а варіантовъ трубчатыхъ—болѣе 80-ти, но первыя встрѣчаются еще въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ [4]). Интересно, что химическій анализъ ихъ-же имѣетъ аналогію съ вышеописанными пятиугольными дробницами, по почти полному отсутствію олова, значительному содержанію свинца и разнообразной примѣси цинка, а именно [5]):

	Мѣди.	Олова.	Свинца.	Цинка.	Желѣза.
Бутылкообразныя пронизки (типа Таб. III, 5).	82,1	м. сл.	12,6	3,3	1,4
	81,8	»	8,9	7,8	0,7
	79,0	0,1	10,7	8,7	1,4
	90,9	2,0	0,5	0,3	2,5

Наконецъ третій родъ металлическихъ наборовъ представляютъ разнообразныя бронзовыя спирали (въ видѣ трубочекъ отъ 3—7 миллим. діам.), какъ ленточныя, такъ и проволочныя, безъ сомнѣнія, нанизывавшіяся на шнуры или что либо подобное, но къ сожалѣнію оказав-

[1]) *S. Müller*, Dyreornamentika i Norden, гл. VI, стр. 370 (Aarböger for nordisk Oldkyndighed og Historie, 1880 г.). Болѣе или менѣе близкія повторенія бляшекъ этого типа извѣстны у Мерянъ (Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., т. XXXII), а также въ Тверск. музеѣ.

[2]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ. *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матеріалы по археол. Россіи, № 14).

[3]) Раскопки *г. Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, XIII, рис. 266 — 275) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ, Пермс. уѣзда.

[4]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., № 830. Гр. *Ѳ. Уваровъ*, Курманскій могильникъ («Древности»—Труды Импер. Московск. Археол. Общ.. XIV, Таб. X).

[5]) Извѣстія Импер. Рус. Археол. Общ. т. X.

шіяся въ Приладожьѣ исключительно лишь въ обломкахъ, и только рѣдкія находки нѣсколькихъ фрагментовъ тонкихъ проволочныхъ спиралей, соединенныхъ напр. съ трубчатой пронизкой (Таб. VII, 11), а также сохранившихся иногда въ пронизкахъ бутылкообразныхъ, указываютъ на одинъ изъ мелкихъ варіантовъ ихъ практическаго примѣненія. Извѣстенъ однако цѣлый рядъ находокъ тѣхъ-же спиралей при болѣе благопріятныхъ условіяхъ: напр. въ древностяхъ Лифляндіи онѣ-же встрѣчены въ качествѣ набора (въ видѣ горизонтальныхъ круговъ) на головныхъ покрытіяхъ [1]), а въ Тамбовской губ. открыты головныя украшенія въ родѣ вѣнчиковъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ горизонтальныхъ рядовъ тѣхъ-же спиралей, набранныхъ на шнуры и мѣстами перехваченныхъ широкими лопастями [2]); быть можетъ одинаковое назначеніе (или какъ украшеній шейныхъ) имѣли подобные-же наборы въ видѣ кольцеобразныхъ жгутовъ съ хвостами, или безъ нихъ, найденные въ Гродненской и Витебской губерніяхъ [3]); наконецъ тѣ-же спирали встрѣчаются въ видѣ нашивокъ на шерстяныхъ тканяхъ, образуя родъ узорчатой каймы или борта, любопытные образцы которыхъ извлечены г. Швиндтомъ изъ древнихъ могилъ около Кексгольма [4]). Вообще примѣненіе ихъ къ различнымъ украшеніямъ, какъ видно, было весьма разнообразно, потому что тѣ-же спирали встрѣчаются въ качествѣ разныхъ нанизокъ даже на металлическихъ шейныхъ гривнахъ [5]). Онѣ-же наконецъ извѣстны и въ древностяхъ Финляндіи [6]).

е) Бусы. Послѣдними представителями предметовъ украшенія являются различные типы бусъ (Таб. XIV, 1—32), найденныхъ въ довольно значительномъ количествѣ какъ въ могилахъ съ трупосожженіемъ, такъ и въ видѣ цѣлыхъ ожерельевъ на скелетахъ погребенныхъ. Форма и матеріалъ ихъ весьма разнообразны: круглыя, призматическія, граненыя, двойныя, тройныя и т. п., изъ композиціи, сердолика, кварца, аметиста, стекловидныя (иногда съ позолотой) и металлическія (серебряныя), янтарныхъ нѣтъ вовсе. Граненыя бусы почти исключительно изъ горныхъ породъ, какъ-то сердоликовыя, кварцевыя и аметистовыя (Таб. XIV, 1, 2, 4—7), но изрѣдка встрѣчаются такія-же и изъ композиціи (Таб. XIV, 31, 32), причемъ значительное количество первыхъ, которыхъ найдено болѣе 100 экземпляровъ (главнымъ образомъ сердоликовыхъ), можетъ указывать на развитіе торговли Приладожья съ западомъ, принимаемымъ за родину издѣлій этого рода [7]), и гдѣ дѣйствительно извѣстны лучшія мѣсторожденія тѣхъ минераловъ. Другіе типы, какъ напр. бусы металлическія (Таб. XIV, 8—10) и стекловидныя (Таб. XIV, 12, 13, 20, 24), часто съ позолотой, по всей вѣроятности, про-

---

1) *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. V. *Крузе*, Necrolivonica, т. XIX.

2) *В. Ястребовъ*, Лядинскій могильникъ, прилож. стр. 17. (Матеріалы по археологіи Россіи, № 10).

3) *Н. Авенаріусъ*, Дрогичинъ Надбужскій, таб. V (Матер. по археол. Россіи, № 4). *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ, таб. I, II (ibid. № 14).

4) Finska Forminnens. Tidskrift, XIII, рис. 353—363.

5) *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. V.

6) *Аспелинъ*, Antiquités...., № 1397.

7) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, стр. 715.

8) Напр. имѣются положительныя извѣстія, что въ средней Азіи мѣстное стеклянное производство существовало уже въ V вѣкѣ по Рожд. Хр. (Зап. Восточн. Отд. Импер. Русскаго Археол. Общ. 1893 г., т. VIII: *Н. Веселовскій*— Замѣтки о стеклян. производствѣ въ средней Азіи, № 137).

исхожденія восточнаго [3]), среди-же бусъ изъ композиціи любопытны экземпляры съ мозаичнымъ изображеніемъ креста (Таб. XIV, 27). Вообще торговля этими предметами украшеній должна была имѣть широкое распространеніе, такъ какъ многіе образцы ихъ повторяются въ Приуральи, на Кавказѣ, въ Швеціи и разныхъ мѣстахъ внутренней Россіи [1]). Обращаетъ на себя вниманіе, что число найденныхъ бусъ въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ крайне разнообразно: встрѣчались напр. ожерелья, составленныя изъ однихъ болѣе или менѣе крупныхъ бусъ, въ количествѣ 25 — 35 экземпляровъ, но встрѣчались и такія могилы, въ которыхъ тѣхъ-же бусъ оказывалось не болѣе четырехъ штукъ, обстоятельство, быть можетъ указывающее на сравнительную цѣнность этихъ издѣлій [2]). Однако чаще встрѣчались остатки ожерельевъ изъ смѣси бусъ крупныхъ съ мелкими, причемъ число ихъ, конечно, значительно увеличивалось; напр. въ одной могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № CIII, 1) число бусъ достигало до 170 (въ томъ числѣ около 70 однихъ крупныхъ).

Остается замѣтить еще, что и въ Приладожьѣ были встрѣчены тѣ бусообразныя, но крупныя (отъ $2^1/_2$—3 снт. діам.) нанизки изъ красноватаго шифера или глины (Таб. XIV, 3), назначеніе которыхъ остается еще неяснымъ, хотя таковыя и носятъ обыкновенно названіе пряслицъ,—типъ также весьма извѣстный по своимъ повтореніямъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, а равно и на западѣ. Очень возможно, что эти «пряслицы» дѣйствительно составляли принадлежность веретена, но, вѣроятно, онѣ-же служили и однимъ изъ предметовъ украшенія, такъ какъ напр. въ могилахъ древнихъ Мерянъ, по замѣчанію гр. *А. С. Уварова* [3]), большинство подобныхъ пряслицъ были найдены въ числѣ бусъ, на шеѣ погребенныхъ скелетовъ.

Независимо отъ изложеннаго выше, относительно каждаго изъ предметовъ украшеній въ отдѣльности, представляется вопросъ о сочетаніи тѣхъ-же предметовъ въ цѣлые, болѣе или менѣе сложные уборы. Къ сожалѣнію, данныхъ для этого въ Приладожьѣ встрѣчено весьма мало, чему способствовало большое развитіе здѣсь обрядности трупосожженія, при которомъ подобные уборы неминуемо распадались на части или совершенно разрушались отъ дѣйствія пламени. Сохранилось лишь очень немного образцовъ ихъ на скелетахъ погребенныхъ, но и тѣ не вполнѣ, такъ что вообще относительное размѣщеніе многихъ привѣсокъ остается невыясненнымъ. На уцѣлѣвшихъ образцахъ составныхъ украшеній видно, что существенную роль въ нихъ играли бронзовыя цѣпочки, къ которымъ прикрѣплялись упоминаемыя привѣски, причемъ наиболѣе обыкновеннымъ типомъ этихъ цѣпочекъ являются составныя изъ мелкихъ колецъ (Таб. V, 1), согнутыхъ въ два и болѣе оборотовъ изъ тонкой проволоки, но имѣются образцы и болѣе сложной конструкціи, какъ-бы сплетенные въ видѣ шнуровъ, изъ изогнутыхъ въ формѣ знака безконечности отрѣзковъ проволоки; есть также экземпляры болѣе грубые, какъ кольчатые, такъ и колѣнчатые. Какъ видно изъ Таб. VII, 7, одно изъ

---

[1]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ. Раскопки *В. Миллера* въ горной Кабардѣ (Коллекціи Импер. Московск. Археол. Общ.). *Монтеліусъ*, Antiquités suéd. и др.

[2]) Извѣстенъ напр. разсказъ *Ибнъ-Фодлана* о томъ, что Руссы платили даже по цѣлому диргему за одну зеленую бусу (*А. Гаркави*, Сказанія мусульманск. писателей о Славянахъ и Русскихъ, 94).

[3]) Меряне и ихъ бытъ, 738.

найденныхъ украшеній состояло изъ цѣпочки, къ которой были подвѣшены бронзовые игольникъ, ключъ, ложечка и курочка или гусекъ (Журналъ № I, 3). Другой подобный же уборъ (рис. 14 и 2) состоялъ изъ кольцеобразной пряжки, украшенной литыми изображеніями звѣриныхъ головокъ, къ которой на двухъ колѣнчатыхъ цѣпочкахъ подвѣшены: плоскій прорѣзной гусекъ, конекъ, уховертка, три бубенчика и быть можетъ костяной черенокъ ножа (Журналъ № LIV, 2). Наконецъ третій экземпляръ украшенія на груди скелета (Журналъ № XCIII 1) состоялъ изъ простого бронзоваго кольца съ остатками обвязки изъ ремешковъ и тремя концами цѣпочекъ, изъ которыхъ только на среднемъ уцѣлѣлъ привѣшенный бубенчикъ, что-же было на остальныхъ—неизвѣстно, но, очень вѣроятно, сюда-же была присоединена подвѣска въ видѣ двулистника (Таб. III, 21), какъ найденная по близости въ нагрудной-же части скелета и также сохранившая на себѣ слѣды ременной обвязки.

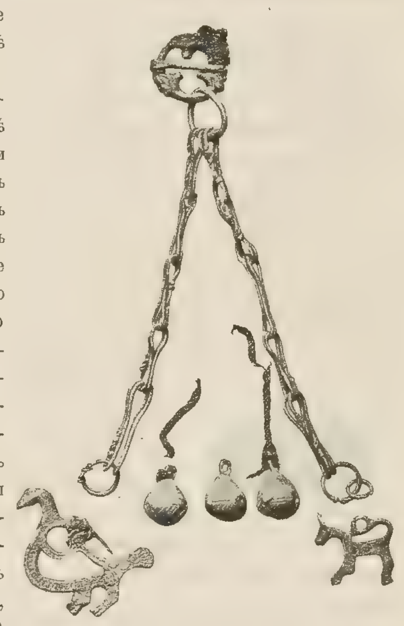

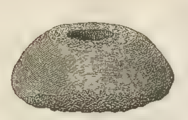
Рис. 14. ½.

Эти немногіе образцы могутъ впрочемъ давать нѣкоторое понятіе объ общемъ характерѣ тѣхъ-же уборовъ, какъ довольно простыхъ и грубыхъ, даже сравнительно съ находимыми въ въ другихъ современныхъ имъ культурныхъ раіонахъ, напр. въ областяхъ древнихъ Мерянъ и Води, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и даже въ сѣверномъ Приладожьѣ, гдѣ они гораздо разнообразнѣе. Вообще въ курганахъ южнаго Приладожья оказалось очень немного могилъ (по крайней мѣрѣ съ погребеніемъ обыкновеннымъ), которыя-бы выдавались сравнительнымъ обиліемъ найденныхъ въ нихъ украшеній, но и въ этихъ главную роль играютъ собственно не привѣски, а другіе предметы убранства. Такъ въ одной изъ наиболѣе богатыхъ могилъ (Журналъ № CXVII, 2) все убранство скелета заключалось въ слѣдующемъ: въ правомъ ухѣ серебряная серьга (Таб. IV, 1), на шеѣ двѣ гривны — серебряная (рис. 5) и желѣзная и монисто изъ нѣсколькихъ рядовъ бусъ (въ томъ числѣ до 30 большихъ крупныхъ), трехъ серебряныхъ монетъ и двухъ плоскихъ круглыхъ бронзовыхъ привѣсомъ съ ушками (см. рис. 13); на груди серебряная колесообразная фибула (Таб. II, 14) и у обоихъ плечъ еще двѣ небольшихъ бронзовыхъ фибулы (типа Таб. II, 10), соединенныхъ длинной, спускавшейся внизъ кольчатой цѣпочкой, а кромѣ того у праваго плеча еще маленькая кольцеобразная пряжка. Вѣроятно, къ упомянутой цѣпочкѣ были прикрѣплены, найденные отва-

лившимися (около таза): бронзовый, повидимому, игольникъ (Таб. V, 15), подвѣска (типа Таб. Ш, 21), бронзовая пронизка (Таб. Ш, 11), еще маленькая пронизка грушевидной формы, складной гребешекъ изъ кости и небольшой желѣзный ножичекъ; наконецъ подъ спиной скелета находилась еще бронзовая фибула (Таб. I, 4), съ двумя привѣшенными къ ней на цѣпочкахъ бубенчиками. Въ другой могилѣ (Журналъ № CXVII, 4) число привѣсокъ было еще менѣе, такъ какъ въ ней найдены только четыре бубенчика, но за то на шеѣ скелета была такая-же серебряная гривна, какъ и выше, монисто изъ бусъ (въ томъ числѣ до 20 крупныхъ) съ шестью серебряными монетами и маленькая кольцеобразная пряжка; еще двѣ такихъ-же пряжки находились—одна у правой ключицы, другая—на нижней части груди; а на животѣ серебряное зарукавье, серебряный перстень (Таб. IV, 15) и желѣзный ножикъ; наконецъ у таза найдена бронзовая щитообразная фибула съ цѣпочкой (Таб. I, 6) и у праваго плеча желѣзный наконечникъ стрѣлы.

Въ заключеніе этого отдѣла культуры, остается еще упомянуть о нѣсколькихъ предметахъ, которые по своему матеріалу или отдѣлкѣ хотя и возможно отнести къ группѣ украшеній, но тѣмъ не менѣе точное назначеніе ихъ остается неяснымъ. Сюда относятся нѣсколько вещей изъ кости и изъ бронзы, а именно:

1) Сегментообразный дискъ изъ оленьяго рога (Таб. V, 14), діам. около 4,2 снт. и толщиною въ серединѣ до 1,2 снт., съ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ; дискъ украшенъ на выпуклой сторонѣ орнаментомъ изъ расположенныхъ по окружности треугольныхъ ячеекъ, а на плоской—круговыми концентрическими дорожками. Онъ найденъ въ могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № XCV, 2) и представляетъ экземпляръ совершенно законченный, но любопытно, что въ той-же могилѣ оказался еще кусокъ кости, какъ-бы подготовленной для вырѣзки подобнаго-же предмета и оставшійся не додѣланнымъ, именно головка человѣческаго или животнаго бедра [1]) — Caput Femoris, сверху срѣзанная и по оси насквозь просверленная (рис. 15). Экземпляры подобныхъ-же издѣлій изъ кости могутъ быть указаны въ Приуральи и въ Кіевской губерніи [2]), а также въ Даніи и на Борнгольмѣ [3]), что-же касается ихъ назначенія, то большинство склонно видѣть въ нихъ родъ пряслицъ (Spindestene по *Вебелю*, disques de fuseaux), въ чемъ однако можно усомниться, такъ какъ основаніемъ для этого заключенія служитъ, повидимому, лишь извѣстная аналогія тѣхъ-же дисковъ съ находимыми варіантами изъ камня и бронзы, довольно впрочемъ отдаленными. Не невозможно допустить и то, что въ упомянутыхъ издѣлія мы имѣемъ дѣло съ какими нибудь амулетами (ср. стр. 16).

Рис. 15. $^1/_1$.

---

[1]) Мнѣнія спеціалистовъ въ этомъ отношеніи нерѣшительны.

[2]) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ. Коллекціи Историческаго Артиллерійскаго музея въ С.-Петербургѣ.

[3]) *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, № 464. *Vebel*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager рис. 191, 192.

2) Костяныя-же, довольно толстыя, но короткія шпильки, или родъ небольшихъ шильевъ, украшенныхъ рѣзными головками драконовъ (Таб. V, 5, 9). Найдены въ Приладожьѣ два раза, въ могилахъ съ трупосожженіемъ [1]).

3) Неизвѣстный предметъ изъ оленьяго рога, украшенный прямолинейнымъ орнаментомъ (Таб. V, 11); найденъ вмѣстѣ съ привѣсками, около таза погребеннаго скелета (Журналъ № LVI, 4).

4) Родъ толстой бронзовой булавки съ крючкообразной головкой (Таб. III, 18), слегка орнаментированная рядами мелкихъ кружковъ или точекъ и найденная у праваго плеча погребеннаго скелета (Журналъ № CXII, 2); представляетъ, быть можетъ, экземпляръ булавки для волосъ? Повторенія ея встрѣчаются въ могилахъ древнихъ Мерянъ [2]), и довольно близкій варіантъ найденъ также на островѣ Борнгольмѣ [3]).

5) Неизвѣстный предметъ въ видѣ массивной бронзовой подвѣски (Таб. III, 23), найденный въ могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № CXVI, 8). Повторенія его извѣстны въ Приуральи и въ Финляндіи [4]).

6) Наконецъ еще родъ прорѣзной рамчатой привѣски изъ бронзы (Таб. III, 25), принадлежащій впрочемъ къ числу случайныхъ находокъ [5]); любопытно, что предметъ этотъ найденъ вмѣстѣ съ единственной для Приладожья византійской монетой (X вѣка).

Б. Предметы вооруженія и конскаго снаряженія.

Довольно многочисленныя находки предметовъ, сюда относящихся, въ могилахъ Приладожья могутъ указывать, что въ бытѣ его древняго населенія оружіе играло значительную роль и что условія самаго быта далеко лишены были исключительно мирнаго характера, въ зависимости какъ отъ географическаго положенія мѣстности, такъ и отъ наклонностей самого населенія. Найденное оружіе состоитъ изъ мечей, боевыхъ топоровъ, копій и стрѣлъ, но вооруженія охранительнаго, т. е. какихъ либо доспѣховъ въ родѣ панцырей или кольчугъ, а также головныхъ покрытій не встрѣчено вовсе, и только находки въ двухъ курганахъ остатковъ щитовъ могутъ указывать на извѣстность послѣднихъ. Впрочемъ полное отсутствіе слѣдовъ охранительнаго вооруженія не составляетъ чего-либо исключительнаго именно для Приладожья, такъ какъ оно неизвѣстно вообще въ курганахъ сѣверной половины Россіи. За то холодное оружіе достигаетъ значительнаго развитія, и образцы его въ Приладожьѣ отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Что касается предметовъ конскаго снаряженія, то таковые представляются единственно лишь находками нѣсколькихъ экземпляровъ желѣзныхъ удилъ, слѣдовъ-же употребленія стременъ не встрѣчено вовсе.

---

1) Журналъ №№ CXVI, 9; CXXVIII.
2) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., таб. XXXIII.
3) *Вебель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, рис. 377.
4) Коллекціи *Θ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ. *Аспелинъ*, Antiquités..., № 1379.
5) Журналъ №№ CXIV, примѣч.

1) *Мечи.*

Мечей въ Приладожьѣ встрѣчено всего восемь [1], причемъ любопытно, что въ одной изъ могилъ ихъ оказалось даже два экземпляра; однако, принимая во вниманіе вообще рѣдкость этого рода оружія, упомянутое число должно признать значительнымъ, такъ какъ оно приходится всего на 145 кургановъ, между тѣмъ какъ напр. въ области древнихъ Мерянъ, гдѣ послѣднихъ разрыто болѣе 7.000, мечей найдено только лишь три [2]) и столько же въ 3.000 курганахъ древней Води (т. е. въ раіонѣ, сосѣднемъ съ Приладожьемъ) [3]). Подобная рѣдкость мечей вообще можетъ отчасти объясняться извѣстіями древнихъ писателей, что этотъ родъ оружія иногда передавался изъ колѣна въ колѣно по наслѣдству. Напр. Мирхондъ сообщаетъ, что у Руссовъ въ обычаѣ все имущество отдавать преемственно дочерямъ, а сыновьямъ только мечъ [4]); то-же самое встрѣчаемъ и, въ имѣющемъ близкое соотношеніе къ Приладожью, финскомъ эпосѣ: въ Калевалѣ [5]) одинъ изъ ея героевъ, Лемминкейненъ, собираясь въ дальній путь, говоритъ своей матери: «Принеси вооруженье, — Подниму я мечъ отцовскій, — Долго онъ лежалъ холодный, — Тосковалъ, безъ дѣла лежа».

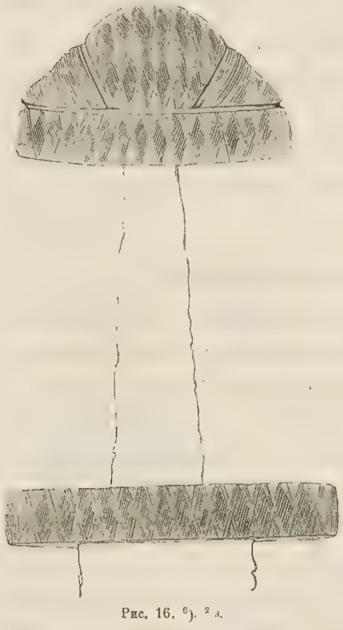

Рис. 16. [6]). 2/3.

Всѣ Приладожскіе мечи двухлезвійные, т. е. обоюдно-острые, съ широкими, заостренными къ концу клинками, длиною безъ рукояти отъ 74,5—83 снт. (Таб. XI, 2, 4); рукояти большія, массивныя, составленныя изъ трехъ отдѣльныхъ частей, нагнанныхъ на стебель или пятку клинка, т. е. состоятъ изъ прямой нижней крестовины, насаженной на основаніе стебля, и другой — утвержденной близь его верхняго конца, на которую еще нагонялся такъ называемый набалдашникъ, т. е. верхняя шишка рукояти, обыкновенно простой полукруглой формы, но иногда и болѣе затѣйливой, съ перехватами на окружности. Остающаяся затѣмъ свободною часть рукояти (крыжъ) обдѣлывалась деревомъ и иногда обвивалась тонкой про-

[1]) Журналъ №№ VII, 1 (два экз.); XIX, 1; XLV, 1; LX, 2; CXVI, 1, 8 (два экз.); CXII, 6.
[2]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., 756.
[3]) Труды IV Археол. съѣзда, т. I, протоколы стр. XCVII.
[4]) *Д. Хвольсонъ*, Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ... и Руссахъ, стр. 154.
[5]) Полный переводъ *Бѣльскаго*, руна XXVI, 337.
[6]) Журналъ №№ CXVI, 8.

волокой, какъ по крайней мѣрѣ можно видѣть на единственномъ экземплярѣ меча, найденномъ въ могилѣ съ погребеніемъ (рис. 18) и потому сохранившемъ нѣкоторыя подробности, исчезнувшія на остальныхъ, испорченныхъ пламенемъ при трупосожженіи. Составленныя такимъ образомъ рукояти получались длиною отъ 13—18 снт., и на нѣкоторыхъ сохранились слѣды насѣчекъ, довольно разнообразныхъ: въ одномъ случаѣ насѣчка состояла изъ простыхъ вертикальныхъ серебряныхъ полосокъ, въ другомъ имѣла видъ косыхъ шахматныхъ клѣтокъ (рис. 16), въ третьемъ на рукояти сохранились ясные слѣды бронзоваго оклада съ наведеннымъ на немъ подражаніемъ насѣчкѣ, въ видѣ сложныхъ серебристыхъ, какъ бы скрученныхъ полосокъ (рис. 17) и, наконецъ, въ четвертомъ рукоять была украшена наборомъ, вѣроятно, изъ серебряныхъ пуговокъ, къ сожалѣнію совершенно выплавившихся при трупосожженіи, но слѣды которыхъ указываются присутствіемъ рядовъ ячеекъ на крестовинѣ.

Изъ числа тѣхъ-же мечей одинъ видимо выдѣляется своими иными формами, именно относительно меньшими размѣрами клинка, длиною 67 снт. [2]), и нѣсколько другой формой рукояти, имѣющей крестовину не прямую, а дугообразную (Таб. XI, 3); найденъ въ могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № XLV, 1).

Наконецъ весьма любопытный экземпляръ представляетъ мечъ, открытый въ могилѣ съ скелетомъ погребеннымъ (Журналъ № CXII, 6), хотя очень испорченный ржавчиной (рис. 18). На рукояти его, длиною 17 снт., сохранились слѣды серебрянаго оклада, крыжъ сплошь увитъ простой и крученой серебряной проволокой, на клинкѣ же замѣтны остатки деревянныхъ ножонъ, съ прорѣзнымъ бронзовымъ наконечникомъ; чѣмъ были обтянуты ножны, рѣшить трудно, такъ какъ на нихъ сохранились лишь ничтожные слѣды чего-то, въ родѣ пропитаннаго ржавчиной холста, или быть можетъ кожи [3]). Вся длина меча въ ножнахъ 1 метръ, причемъ обращаетъ на себя вниманіе, что размѣры его вовсе не соотвѣтствовали величинѣ лежавшаго рядомъ съ нимъ скелета, который былъ всего лишь на полъаршина съ небольшимъ длиннѣе!

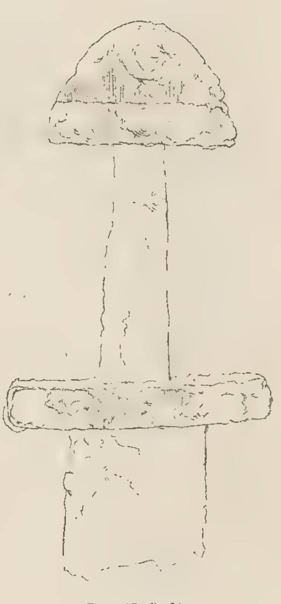

Рис. 17. [1]). ½.

Что касается способа ношенія самыхъ мечей, то могилы съ трупосожженіемъ не даютъ на это никакихъ указаній, потому что въ нихъ сохранились единственно лишь голые клинки;

[1]) Журналъ №№ VII. 1.

[2]) Экземпляръ впрочемъ не совсѣмъ полный, такъ какъ конецъ меча нѣсколько обломанъ; тѣмъ не менѣе онъ видимо долженъ быть короче всѣхъ прочихъ; рукоять его также лишь 13 снт.

[3]) Судя по «Калевалѣ», древніе финны употребляли на это повидимому кожу съ шерстью, по крайней мѣрѣ въ одной рунѣ говорится: «Мечъ онъ огненный свой вынулъ, — изъ ноженъ покрытыхъ шерстью». (Калевала, полный перев. *Бѣльскаго*, стр. 356).

Рис. 18 [1]. 1/5 и 4/5

даже упомянутый мечъ, найденный при погребенномъ скелетѣ, не объясняетъ ничего въ томъ же отношеніи, такъ какъ оказался очевидно отцѣпленнымъ отъ портупеи, ибо лежалъ съ правой стороны, рукоятью у плеча скелета, и на немъ не видно никакихъ приспособленій для соединенія съ перевязью, а на самомъ костякѣ оказались только остатки обыкновеннаго кожанаго пояса съ металлическимъ наборомъ (Таб. VI, 12), охватывавшаго тазъ покойника. Впрочемъ, по свидѣтельству графа *А. Уварова*, въ курганахъ древней Мери имъ была одинъ разъ встрѣчена могила, въ которой ясно обнаруживалось, что мечъ посредствомъ большой желѣзной пряжки былъ привѣшенъ къ кожаному поясу на скелетѣ, но въ другихъ случаяхъ имъ-же констатируется, что мечи носились на плечевыхъ портупеяхъ, т. е. по способу, существовавшему у Скандинавовъ, у которыхъ для подобной перевязи существовало даже особое названіе «lindi» [2]).

Находки мечей вообще, приблизительно той-же эпохи, хотя сравнительно и рѣдкія, могутъ быть указаны въ очень разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи; онѣ извѣстны напр. въ Приладожьѣ сѣверномъ, въ землѣ древней Води, въ губерніяхъ Прибалтійскихъ [3]), Смоленской, Кіевской, Черниговской [4]), Витебской, Орловской, Рязанской, Владимірской и Ярославской [5]), а также на Востокѣ—въ губ. Казанской и Вятской [6]), но найденные образцы не могутъ быть сводимы всѣ къ одному типу, въ виду замѣчаемыхъ въ нихъ довольно существенныхъ отличій, какъ въ конструкціи и формѣ рукоятей, такъ

---

[1]) Журналъ №№ CXII, 6.

[2]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., 756. Судя однако по даннымъ, встрѣчающимся въ разныхъ мѣстахъ Калевалы, можно заключить, что у древнихъ финновъ мечи, какъ видно, носились именно на поясѣ; такъ напр. въ одной изъ рунъ прямо говорится: «Медъ въ избѣ мужчины пили, — Были всѣ они въ оружьи,—Всѣ у пояса съ мечами» (Полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 576).

[3]) Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift. XIII). Раскопки *Л. Ивановскаго*, въ Имп. Археол. Коммиссіи. *Крузе*, Necrolivonica. *Бэръ*, Die Gräber der Liven.

[4]) Раскопки *В. Сизова* и г. *Кусцинскаго* близь сел. Гнѣздова (Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ). Коллекція Историческаго Артиллерійскаго музея въ С.-Петербургѣ. Раскопки *Д. Самоквасова* (въ Московскомъ Историческомъ музеѣ).

[5]) *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи, № 14). *В. Тизенгаузенъ*, Норманскій мечъ («Древности»—Труды Московск. Археол. Общ., т. III, вып. 2). Труды Рязанск. архивн. коммиссіи 1892 г. т. VII. Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника. Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., 756.

[6]) Извѣстія Общества Археол., Ист. и Этногр. при Казанск. Унив., 1892 г., т. X, вып. 2 (статья А. Штукенберга). Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи за 1891 г., стр. 104.

и самыхъ клинковъ [1]), между которыми попадаются напр. небольшие однолезвійные [2]), а также повидимому и тупоносые. Разнообразіе это можетъ впрочемъ отчасти объясняться дошедшими до насъ указаніями, откуда вообще въ древней Руси могли получаться тѣ-же образцы: извѣстно, что напр. въ древній Новгородъ доставлялись цѣлыя партіи мечей валландской (франкской) работы [3]); арабскіе писатели X вѣка подтверждаютъ то-же самое, передавая, что мечи Руссовъ были издѣлія западнаго [4]), но нѣкоторые изъ тѣхъ-же писателей сообщаютъ также и о вывозѣ въ Приволжье мечей изъ Ховарезма (т. е. нынѣшней Хивы), хотя впрочемъ послѣднее извѣстіе комментируется не всѣми учеными согласно [5]). Накопецъ существуетъ мнѣніе о возможности собственной домашней выдѣлки мечей у Славяно-Руссовъ, мнѣніе, покоящееся на показаніи Рубруквиса о существованіи между послѣдними мастеровъ искусныхъ въ этомъ дѣлѣ [6]), по крайней мѣрѣ въ XIII стол., и какъ-бы поддерживаемое извѣстной лѣтописной легендой о дани—«по мечу съ дыма», взимавшейся съ полянъ Хозарами, легендой, указывающей на широкую употребительность этого рода оружія среди славянскаго племени Полянъ.

Тѣмъ не менѣе въ разнообразныхъ образцахъ древнѣйшихъ мечей, найденныхъ въ Россіи, могутъ быть указаны и такіе, которые весьма близки къ приладожскимъ. Сюда относится напр. почти тожественный экземляръ, найденный въ курганѣ близь Смоленска [7]), на рукояти котораго имѣются даже такія-же ячейки, отъ бывшей инкрустаціи, какъ и на одномъ изъ Приладожья (Журналъ № XIX, 1); второй такой-же мечъ (клинокъ котораго длиною 77 снт. и рукоять—13 снт.) съ ячейками найденъ около 1892 г. въ Спаскомъ уѣздѣ Казанской губ., въ курганѣ съ трупосожженіемъ [8]). Съ другимъ приладожскимъ мечемъ (Таб. XI, 2) почти совершенно совпадаетъ найденный въ Лифляндіи [9]), имѣющій съ послѣднимъ одинаковую рукоять и насѣчку (Журналъ № VII, 1); много общаго съ нѣкоторыми изъ приладожскихъ же мечей представляютъ также образцы изъ раскопокъ *Д. Я. Самоквасова* въ Черниговѣ (въ

---

[1]) Ср. напр. *Крузе*, Necrolivonica, т. V, 3; т. XL, 1. Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 29). Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи за 1891 г., стр. 104. Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр. таб. XXX, 30, 32. *Д. Анучинъ*, О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей (Труды VI Археол. Съѣзда, т. 1), и др.

[2]) Напр. однолезвійный мечъ (клинокъ котораго длиною около 71 снт.), выкопанный въ 1869 г. въ Бирюченск. уѣздѣ Воронежской губ. и хранящійся нынѣ въ Императ. Эрмитажѣ: могила, его заключавшая, была въ своемъ родѣ изъ рѣдчайшихъ, такъ какъ въ ней сверхъ того найдены—желѣзн. шлемъ съ остатками личины въ видѣ желѣзнаго носа, остатки кольчуги, золотыя и серебряныя украшенія и двѣ золотыя монеты VIII в. (*Н. Кондаковъ*, Указатель Импер. Эрмитажа, по Отд. среднихъ вѣковъ, 272). Подобный-же однолезвійный мечъ былъ найденъ въ недавнее время г. *Макаревичемъ*, въ курганѣ Каневскаго уѣзда и подаренъ имъ Историческому Артиллерійскому музею въ С.-Петербургѣ.

[3]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей 1860 г., кн. III.

[4]) *А. Гаркави*, Сказанія мусульманск. писателей о Славян. и Русскихъ, 93.

[5]) *Френъ*, Ibn Fozlans und anderer Araber Berichte и пр. Ср. *Д. Хвольсона*, Извѣстія Ибнъ-Даста о Хазарахъ и пр. 181, 185, 190.

[6]) *Д. Анучинъ*, О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей (Труды VI Археол. съѣзда, т. I).

[7]) Раскопки *В. Сизова* около сел. Гнѣздова (въ коллекціяхъ Московск. Историч. музея); рисунокъ у Д. Анучина. О нѣкоторыхъ формахъ мечей, въ Трудахъ VI Археол. съѣзда, т. I, таб. XIII, 1.

[8]) *А. Штукенбергъ*, Древняя курганная могила около сел. Белымеръ (Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казанскомъ Унив., 1892 г., т. X, вып. 2). Въ томъ-же родѣ одинъ изъ мечей, найденныхъ *Д. Самоквасовымъ* въ Черниговѣ, въ курганѣ Гульбище (Извѣст. Импер. Общ. любителей Естествознанія, т. XXXV—Антропол. Выставка, т. III, Указатель, стр. 10).

[9]) *Крузе*, Necrolivonica, т. V, 2.

курганахъ Черная могила и Гульбище), а также *г. Швиндта* около Кексгольма [1]) и извѣстный экземпляръ (орнаментированный какъ-бы въ скандинавскомъ стилѣ), найденный въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, къ сожалѣнію лишь въ остаткахъ [2]), и др.

2) *Боевые топоры.*

Число желѣзныхъ топоровъ, найденныхъ безразлично какъ въ могилахъ съ трупосожженіемъ, такъ и съ погребеніемъ, достигаетъ въ Приладожьѣ до 88 штукъ, причемъ формы ихъ отличаются замѣтнымъ разнообразіемъ. Наиболѣе распространенный типъ представляютъ топоры съ прямымъ переднимъ срѣзомъ и характерной полукруглой выемкой на заднемъ (Таб. XIII, 8), который въ различныхъ варіантахъ является вполнѣ преобладающимъ, прочіе-же виды (Таб. XIII, 3, 4, 9) составляютъ незначительное меньшинство, и наконецъ есть экземпляры совершенно единичные (Таб. XIII, 7); въ общемъ всѣ самой простой выдѣлки, безъ всякихъ слѣдовъ украшеній и величины довольно различной. Въ главной группѣ топоровъ встрѣчаются даже такіе экземпляры, которые по своимъ размѣрамъ не могли имѣть никакого практическаго примѣненія: напр. былъ найденъ топорикъ, длиною лишь $7^1/_2$ и шириною въ нижней части всего $3^1/_2$ снт., очевидно могшій имѣть только значеніе символическое, но встрѣченный лишь однажды (Журналъ № CXVI, 10).

Другую группу топоровъ составляютъ образцы съ долотообразными, или также въ видѣ молотковъ, придатками на обухахъ (Таб. XII, 4, 11; таб. XIII, 2), которыхъ найдено лишь пять [3]) и которые, по всей вѣроятности, представляютъ образцы оружія почетнаго, на что можетъ указывать и малая величина по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, у коихъ имѣются удлиненные молоткообразные обухи (Таб. XII, 11; Таб. XIII, 2). Любопытно, что на топорахъ этой группы (Таб. XII, 11), встрѣчающихся вообще и въ другихъ мѣстностяхъ, нерѣдко замѣчается высверленное въ серединѣ небольшое отверстіе, неизвѣстнаго назначенія [4]), повторяющееся иногда и на вышеупомянутыхъ миніатюрныхъ топорикахъ символическихъ [5]). Можно замѣтить еще, что въ двухъ случаяхъ топорамъ той же группы сопутствовали находки мечей [6]). Рукоятей или топорищъ вообще не сохранилось, и только иногда незначительные слѣды дерева оказывались въ отверстіяхъ топоровъ, причемъ одинъ разъ они оказались въ бронзовой втулкѣ, а въ двухъ случаяхъ вмѣстѣ съ ними были найдены небольшіе желѣзные клинья. Уясненіе формы топорищъ было бы однако важно въ томъ отношеніи, что могло дать указаніе, какіе изъ топоровъ служили боевымъ орудіемъ, такъ какъ многіе образцы послѣднихъ, безъ сомнѣнія, имѣли назначеніе лишь для домашняго обихода.

Общеупотребительность ихъ-же, какъ повторяющихся во всей центральной и сѣверной Россіи, не исключая и Приуралья, не даетъ интереса вопросу о топографическомъ распро-

---

[1]) Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 28.

[2]) Коллекціи Император. Эрмитажа (рисунокъ въ «Древностяхъ»—Труды Импер. Московск. Арх. Общ. т. III, вып. 2, Таб. XIV).

[3]) Журналъ №№ X, 4; XLV, 4; LIX, 4; CXVI, 1, 8.

[4]) Ср. подобные-же образцы у Мерянъ (Труды I Археол. съѣзда, атласъ таб. XXIX, 5, 7, 9).

[5]) Ср. *А. Лихачева,* Памятники Вел. Булгаріи (Труды II Археол. съѣзда, таб. II, 4).

[6]) Журналъ №№ CXVI, 1, 8; также таб. XIV, 23.

страненіи оружія этого вида, но можно отмѣтить, что экземпляры топоровъ, пріурочивающіеся къ оружію почетному, заходятъ гораздо южнѣе, такъ какъ напр. типы, близкіе къ изображенному на Таб. XII, 11, встрѣчаются въ Полтавской губерніи и даже на сѣверномъ Кавказѣ [1]).

3) *Копья и стрѣлы.*

Образцы желѣзныхъ копій, найденныхъ въ Приладожьѣ въ количествѣ 42 экземпляровъ, представляютъ одни въ тѣсномъ смыслѣ оружіе холодное, другіе-же могутъ быть отнесены къ оружію метательному.

Копья перваго рода имѣютъ двѣ довольно характерныхъ формы: ланцетовидную (Таб. XI, 6, 7; XII, 13) и листовидную (Таб. XI, 5, 8, 9), причемъ нѣкоторые экземпляры выдаются своими массивными размѣрами (Таб. XI, 7), другіе-же напротивъ значительно менѣе и иногда настолько узки, что представляютъ подобіе заостреннаго граненаго стержня (Таб. XI, 1); по большей части всѣ они съ трубками (тулеями) для насадки, но встрѣчаются и съ хвостами для укрѣпленія въ древкѣ (Таб. XII, 13). Такія-же видоизмѣненія представляютъ и малыя копья, принадлежащія къ разряду метательныхъ, или сулицъ (Таб. XII, 1), къ которымъ повидимому слѣдуетъ отнести и наконечники, изображенные на Таб. XII, 5, 10, судя по толщинѣ ихъ частей, которымъ придана прочность, излишняя для простыхъ стрѣлъ [2]). Нѣкоторые образцы сулицъ имѣютъ на тыльѣ наконечника два ерша или уса, т. е. сближаются своей формой съ гарпунами. Любопытенъ экземпляръ листовиднаго копья, по украшающему его тулею орнаменту (Таб. XI, 9), повторенія котораго встрѣчаются въ древностяхъ Финляндіи, Эстоніи и Кареліи [3]).

Что касается стрѣлъ, то характеристикой ихъ для Приладожья является лишь плоская форма, такъ какъ другихъ видовъ здѣсь не встрѣчено. Въ остальномъ найденные экземпляры представляютъ варіанты весьма разные: ланцетовидные (Таб. XII, 7, 9, 12), узкіе листовидные (Таб. XII, 8) и также съ ершами на тыльѣ (Таб. XII, 3); къ сравнительно рѣдкимъ образцамъ принадлежатъ стрѣлы съ прямымъ или вогнутымъ лезвіемъ вмѣсто острія (Таб. XII, 6, 2), извѣстные въ древней Руси подъ названіемъ срѣзней. Всѣ найденные наконечники желѣзные и въ общемъ представляютъ извѣстные типы, принадлежащіе къ числу наиболѣе обыкновенныхъ курганныхъ находокъ въ сѣверной и центральной Россіи, не исключая и Приуралья.

4) *Щиты.*

Остатки щитовъ въ курганной культурѣ вообще составляютъ исключительную рѣдкость, и въ Приладожьѣ встрѣчены лишь два раза: въ могилѣ съ трупосожженіемъ и съ погребеніемъ обыкновеннымъ [4]); въ обоихъ случаяхъ они выразились лишь въ находкахъ срединныхъ щитовыхъ бляхъ (такъ называемыхъ *umbo*), т. е. полыхъ внутри желѣзныхъ полушарій, съ круго-

---

[1]) *В. Сизовъ,* Восточное побережье Чернаго моря (Матеріалы по археологіи Кавказа, т. II, 126, 127).

[2]) Въ древностяхъ Лифляндіи встрѣчаются подобные-же образцы, но еще значительно большей величины (*Крузе,* Necrolivonica, т. V и VI).

[3]) *Аспелинъ* Antiquités du nord..., №№ 1295, 1369, 1464, 1938. Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 494).

[4]) Журналъ №№ XLV, 1; LXXXIX, 2.

вымъ бортомъ, причемъ въ одномъ экземплярѣ сохранилась и желѣзная заклепка, служащая для прикрѣпленія umbo къ щиту (Таб. XIII, 6). Къ сожалѣнію, тѣ-же находки не даютъ указаній какъ о формѣ, такъ и матеріалѣ послѣднихъ, и можно только догадываться, что вѣроятно они были деревянные [1]), во-первыхъ по полному отсутствію какихъ либо другихъ остатковъ отъ щита въ могилѣ съ трупосожженіемъ, а во вторыхъ по слабымъ слѣдамъ дерева на нѣсколькихъ малыхъ обломкахъ желѣза вь могилѣ съ погребеніемъ, представляющихъ, повидимому, остатки желѣзныхъ скрѣпъ отъ щита-же. Вышеупомянутая заклепка въ бляхѣ, длиною 4½ снт., указываетъ на толщину самыхъ щитовъ, что-же касается ихъ формы, то о ней можно составить понятіе лишь по даннымъ сравнительнымъ, какъ напр. принимая во вниманіе щиты норманскіе, въ близкомъ соотношеніи къ которымъ должны стоять и экземпляры, найденные въ Приладожьѣ. На древнихъ норманскихъ изображеніяхъ [2]) первые имѣютъ выпукло-продолговатую форму, причемъ сверху закруглены, а снизу заострены, но существовали щиты и круглые (быть можетъ, образцы болѣе древніе), на что имѣются указанія во-первыхъ въ эпическихъ произведеніяхъ скандинавовъ (напр. извѣстное обращеніе Оссіана къ солнцу: — «О ты, великолѣпное свѣтило, круглое, какъ щитъ моихъ отцовъ»), а во-вторыхъ остатки круглыхъ деревянныхъ щитовъ (около 1 метра діам.), съ обивкой изъ ярко-красной кожи, найденные въ древнихъ могилахъ на Борнгольмѣ [3]). Такіе же образцы, конечно, были и въ Приладожьѣ, причемъ любопытно вспомнить, что о красномъ цвѣтѣ щитовъ у древнихъ Руссовъ имѣются указанія и въ нашихъ отечественныхъ источникахъ (Слово о полку Игоревѣ).

Повторенія находокъ тѣхъ-же предметовъ, какъ уже сказано, очень немногочисленны, и кромѣ Смоленской и Кіевской губерній (см. выше) онѣ-же, сколько намъ извѣстно, встрѣчены еще лишь при раскопкахъ Д. Я. Самоквасова въ Черниговѣ [4]).

5) *Предметъ неизвѣстнаго назначенія.*

Наконецъ, быть можетъ къ оружію-же слѣдуетъ отнести еще неизвѣстный предметъ, или вѣрнѣе остатки таковаго, представляющій видъ желѣзнаго стержня (длиною 29½ снт.) съ кольцомъ, на которое надѣты двѣ фигурныхъ желѣзныхъ-же привѣски и двустворчатая пластинка или обойма (Таб. IX, 5). Стержень весь сплошной, т. е. безъ приспособленія для насадки на что либо, напротивъ того, судя по двумъ заклепкамъ, сохранившимся въ упомянутой обоймѣ, слѣдуетъ заключать, что послѣдняя была прикрѣплена къ чему-то (быть можетъ къ ремню?). Описанный экземпляръ былъ найденъ лишь однажды, вмѣстѣ съ мечемъ и другимъ оружіемъ въ могилѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № CXVI, 8), почему отъ него со-

---

[1]) Слѣды употребленія дерева для щитовъ извѣстны и въ другихъ находкахъ, напр. встрѣчены *В. Сизовымъ* въ курганѣ близь сел. Гнѣздово Смоленскаго уѣзда (Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ), въ курганѣ «Перепетовкѣ» Васильковскаго уѣзда Кіевской губ. (Древности, издан. Временной Коммис. для разбора древн. актовъ при Кіевск. ген.-губ., 1846 г.) и проч.

[2]) Напр. на извѣстномъ коврѣ или пеленѣ Матильды, супруги Вильгельма Завоевателя и серебр. скандинавск. чашѣ XI—XII в. въ Импер. Эрмитажѣ (*Оленинъ*: Опытъ объ одеждѣ и обычаяхъ Славянъ).

[3]) *Вебель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, 232.

[4]) Извѣстія Общ. любителей Естеств., Антропол. и Этнографіи, т. XXXV (Антропологическая Выставка, т. III, 349).

хранились только упомянутыя металлическія части, точное назначеніе которыхъ остается однако не выясненнымъ. Двѣ аналогичныхъ находки извѣстны въ Мерянскихъ курганахъ [1]), причемъ одна представляетъ экземпляръ даже тожественный съ вышеописаннымъ, другая-же, хотя и близкая, но въ ней стержень имѣетъ трубчатый видъ и обѣ, по мнѣнію гр. А. Уварова [2]), суть не что иное, какъ остатки боевыхъ кистеней; если это справедливо, то въ такомъ случаѣ образецъ кистеня, найденный въ Приладожьѣ, быть можетъ, имѣлъ деревянную рукоять, соединявшуюся съ упомянутой выше обоймой, но за предлагаемымъ объясненіемъ можно признать лишь извѣстное вѣроятіе.

6) *Предметы конскаго снаряженія.*

Представителями ихъ являются въ Приладожьѣ исключительно желѣзныя удила, найденныя въ количествѣ шести экземпляровъ. Образцы ихъ распадаются на два типа: одинъ болѣе простой (Таб. XIII, 10), повторенія котораго встрѣчаются какъ въ Кареліи, Финляндіи, на Аландѣ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ и на Уралѣ [3]), другой — болѣе сложный, съ поперечинами на концахъ (Таб. XIII, 1, 5), повтореній котораго извѣстно менѣе [4]). Любопытно, что всѣ шесть экземпляровъ найдены въ могилахъ съ трупосожженіемъ [5]), а также, что въ Приладожьѣ не было ни одного случая находокъ стремянъ, которыя однако въ курганной культурѣ вообще не безъизвѣстны.

В. Прочіе предметы бытовой обстановки.

Кромѣ вышеуказанныхъ образцовъ оружія и украшеній, могильный инвентарь Приладожья заключаетъ въ себѣ еще разныя вещи, относящіяся къ бытовой обстановкѣ, которыя могутъ быть распредѣлены на три группы: 1) Отдѣльные мелкіе предметы домашняго обихода вообще 2) Домашняя утварь въ частности: котлы, посуда и проч. и 3) Предметы неизвѣстнаго назначенія.

1. *Мелкіе предметы домашняго обихода*: ножи и точильные бруски, огнива, замки, вѣсы, гребни, ножницы, хозяйственные или рабочіе инструменты.

а) *Ножи.* Къ числу самыхъ обычныхъ находокъ въ курганныхъ могилахъ относятся желѣзные ножи, обыкновенно довольно толстые и небольшихъ размѣровъ (Таб. VIII, 7, 11, 13, 18), хотя изрѣдка встрѣчаются и величины значительно большей (Таб. VIII, 9, 10). На нѣкоторыхъ сохранились остатки деревянныхъ и костяныхъ черенковъ, на другихъ остатки грубыхъ футляровъ, иногда съ бронзовыми обложками и цѣпочками для привѣшиванія (Таб. VIII, 15); повидимому, фрагментъ такой-же обложки представляетъ фигурная, двустворчатая оковка изъ бронзы, съ остатками въ ней кожи (Таб. VII, 10), назначеніе которой вы-

---

[1]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, таб. XXX, 26, 27.

[2]) Тамъ-же, стр. 760.

[3]) Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 77, 78). *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., № 1370, 1720, 1744. Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ селѣ Ильинскомъ.

[4]) Могутъ быть указаны напр. въ Ярославской и Владимірской губерніяхъ (*Аспелинъ*, Antiquités..., № 965) и въ Тамбовской (Матеріалы по археологіи Россіи, № 10, таб. X).

[5]) Журналъ №№ X, 3; LXV, 1; LXIX, 1, 3; XCV, 1; CXVI, 3.

ясняется изъ находки подобной-же оковки на ножевомъ футлярѣ въ одной изъ могилъ Витебской губерніи [1]). Приладожскій экземпляръ любопытенъ въ томъ отношеніи, что рисунокъ его повторяется на серебряномъ окладѣ, украшающемъ остатки рога для питья (Таб. IX, 4), найденные въ той-же мѣстности, въ курганѣ, заключавшемъ мечъ и топоръ явственно скандинавскихъ типовъ (Журналъ № XIX, 1); въ послѣднемъ оказался и ножъ, совершенно исключительной по размѣрамъ своего черенка формы (Таб. VIII, 9). Вообще ножи видимо безразлично носились какъ мужчинами, такъ и женщинами и, по всей вѣроятности, обычное ихъ мѣсто было на поясѣ, такъ какъ при скелетахъ погребенныхъ они въ большинствѣ находились около бедеръ или у таза, но изрѣдка оказывались также въ ногахъ, на груди и въ головахъ.

б) Къ ножевымъ принадлежностямъ можно отнести *точильные оселки* изъ глинистаго сланца, плоскіе и призматическіе, различной величины (отъ 5—9 снт. длиною), съ отверстіемъ въ концѣ для привѣски, вѣроятно, къ поясу-же, причемъ въ нѣкоторыхъ сохранились остатки придѣланныхъ къ нимъ колѣнчатыхъ желѣзныхъ цѣпочекъ (Таб. VIII, 12); встрѣчаются экземпляры и въ видѣ простыхъ брусковъ (безъ отверстій), изъ которыхъ одинъ длиною въ 30 снт. Подобные-же оселки съ отверстіями извѣстны въ Ананьинскомъ могильникѣ, въ находкахъ Минусинскаго округа, у Мерянъ и въ другихъ мѣстахъ [2]).

в) *Огнива* найдены двухъ видовъ: кольцеобразныя и пластинчатыя съ отогнутыми назадъ концами (Таб. VIII, 2, 3); въ одномъ экземплярѣ сохранился кусокъ прикипѣвшаго къ нему кремня, при другомъ—звено придѣланной желѣзной колѣнчатой цѣпи (Таб. VIII, 14), вѣроятно, также для ношенія на поясѣ. Тѣ и другія извѣстны по находкамъ ихъ въ разныхъ концахъ Россіи, напр. въ Приуральи, Рязанской, Кіевской и Гродненской губерніяхъ, а также въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, Финляндіи и Кареліи [3]).

Повидимому, къ огнивамъ-же должны быть отнесены и разной величины простыя желѣзныя пластинки съ ушками (Таб. VIII, 21), при которыхъ иногда также оказывались остатки колѣнчатыхъ цѣпочекъ.

г) *Замки.* Образцы желѣзныхъ привѣсныхъ замковъ, найденные въ четырехъ могилахъ [4]) всѣ одинаковой, приблизительно кубической формы, но разной величины—отъ 2—4 снт. въ поперечникѣ (Таб. VIII, 5). Одинъ изъ нихъ настолько хорошо сохранился, что въ немъ можно ясно видѣть все внутреннее устройство: онъ представляетъ желѣзную коробку (рис. 19), на одной сторонѣ которой снаружи находится вертикальное трубчатое гнѣздо, а на противоположной—особый крестообразный пропилъ. Замокъ запирается посредствомъ вставленія въ ко-

[1]) *А. Спицынъ*, Люцинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи, № 14, т. XII, 1).

[2]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., №№ 428—430, 955. Раскопки г. *Кузнецова* въ коллекціяхъ Историческаго музея въ Москвѣ.

[3]) Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда. Гр. *Ѳ. Уваровъ*, Курманскій могильникъ («Древности»—Труды Моск. Археол. Общ. т. XIV). Коллекціи Истор. Артил. музея въ С.-Петербургѣ. *Н. Авенаріусъ*, Дрогичинъ Надбужскій (Матер. по археол. Россіи. № 4, стр. 9). *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. XV. *Крузе*, Necrolivonica, т. 2. *Аспелинъ*, Antiquités du nord... №№ 1376, 1468, 1469. Раскопки г. *Швиндта* (Finska Fornmin. Tidskrift, рис. 85).

[4]) Журналъ №№ XIX, 1; LXXXIX, 2; CI, 1; CXVI, 8 (два экз.).

робку сверху особаго двуножнаго вкладыша такъ, чтобы одна нога его вошла въ упомянутое наружное гнѣздо, а другая внутрь замка; къ нижнему концу послѣдней придѣланы двѣ расходящіяся кверху прямыя пружины, образующія родъ разогнутой вилки, которыя при вставкѣ вкладыша, проходя сквозь имѣющееся въ крышкѣ коробки отверстіе, сжимаются и затѣмъ, попавъ внутрь замка—снова принимаютъ прежнее положеніе, не допускающее обратно вынуть вкладышъ, безъ помощи особаго ключа. Послѣдній (рис. 20) имѣетъ видъ плоской лопаточки, съ прорѣзомъ въ нижней части, которая вводится въ замокъ черезъ упомянутый выше пропилъ въ стѣнкѣ коробки и затѣмъ въ горизонтальномъ положеніи поднимается кверху, причемъ захваченныя ея прорѣзомъ обѣ пружины снизу, снова постепенно сжимаются и наконецъ сходятся вплотную, почему вкладышъ снова можетъ быть вынутъ и замокъ такимъ образомъ будетъ открытъ [1]). Быть можетъ нѣчто подобное-же представляетъ, повидимому, ключъ (Таб. VIII, 8), найденный въ могилѣ вмѣстѣ съ двумя привѣсными замками (Журналъ № CXVI, 8), но имѣющій нѣсколько иную конструкцію.

Замки описаннаго устройства были, повидимому, довольно распространены, по крайней мѣрѣ находки ихъ могутъ быть указаны въ весьма разныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Финляндіи, въ губерніяхъ Эстляндской и Тамбовской [2]), а также въ Кіевской [3]), Вятской и въ Приуральи [4]). Любопытно, что обычай класть замки въ особыхъ случаяхъ въ могилу съ умершимъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западнаго края даже понынѣ; такъ въ Виленской губерніи крестьяне при повтореніи смертныхъ случаевъ съ дѣтьми въ одной и той-же семьѣ, кладутъ въ могилу на грудь умершему ребенку запертый замокъ, для прегражденія смерти дальнѣйшаго доступа въ ту-же семью [5]).

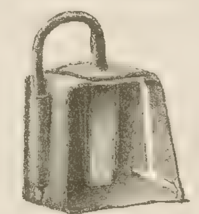

Рис. 19. ²/₃.

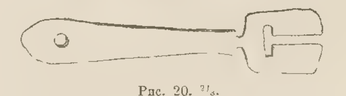

Рис. 20. ²/₃.

д) *Вѣсы.* Любопытную сторону могильнаго инвентаря составляютъ находки въ курганахъ небольшихъ складныхъ вѣсковъ, которые видимо были въ употребленіи и въ Приладожьѣ, судя по найденнымъ здѣсь нѣсколько разъ вѣсовымъ гирькамъ, хотя образцовъ самыхъ вѣсковъ и не сохранилось. Гирьки эти всѣ имѣютъ видъ усѣченныхъ съ двухъ сторонъ шариковъ (Таб. VIII, 6), откованныхъ изъ желѣза и обтянутыхъ тонкой бронзой, причемъ на плоскихъ сторонахъ ихъ обозначены штемпеля, изъ рядовъ точекъ, расположенныхъ по окружности [6]).

---

¹) Ср. Матеріалы по археол. Россіи № 10, стр. 54.

²) *Аспелинъ,* Antiquités du nord... №№ 1443, 1965, 864.

³) Такъ экземпляръ подобнаго же замка былъ, какъ намъ извѣстно, найденъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ Каневскаго уѣзда *О. И. Макаревичемъ,* въ курганѣ близь сел. Шубовки, заключавшемъ въ себѣ двѣ могилы: взрослаго и ребенка; замокъ найденъ положеннымъ на груди послѣдняго.

⁴) Раскопки г. *Первухина* въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губ. (Коллекціи Импер. Московск. Археол. Общ.). Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда.

⁵) Сообщено мѣстнымъ обывателемъ г. *Макаревичемъ.*

⁶) Ср. *А. Черепнина,* Древнія рязанскія гирьки (Труды Рязанской Архивн. Коммиссіи 1892 года, т. VII, №№ 6—8).

Таковыхъ гирекъ было въ 4 могилахъ найдено 13 экземпляровъ разной величины [1]), но, къ сожалѣнію, дурно сохранившихся, почему вѣсъ ихъ не можетъ быть опредѣленъ съ требуемой точностью.

Весьма интересенъ вопросъ о назначеніи подобныхъ вѣсковъ, такъ какъ вообще, по ихъ малымъ размѣрамъ, они не могли служить для взвѣшиванія болѣе или менѣе тяжеловѣсныхъ предметовъ; но вопросъ этотъ остается открытымъ, хотя и существуютъ разныя догадки, между прочимъ напр. та, что образцы таковыхъ вѣсковъ, найденные въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, служили для взвѣшиванія дани, взимавшейся съ мѣстныхъ жителей Норманами [2]), но легко быть можетъ однако, что онѣ принадлежали тѣмъ-же воинствующимъ купцамъ, которые, по свидѣтельству сагъ [3]), занимались одновременно и торговлей, и морскими разбоями. Во всякомъ случаѣ можно замѣтить, что во всѣхъ четырехъ могилахъ въ Приладожьѣ, въ которыхъ найдены упомянутыя гирьки, вмѣстѣ съ послѣдними оказались и предметы оружія, а въ двухъ случаяхъ даже мечи; могилы эти были разныхъ типовъ: двѣ съ трупосожженіемъ и двѣ съ погребеніемъ, причемъ по составу и характеру находокъ особенно любопытна одна изъ первыхъ (Журналъ № XIX, 1), въ которой предметы оружія представляютъ ясно скандинавскіе образцы и въ которой вмѣстѣ съ ними оказались 5 вѣсовыхъ гирекъ.

Находки послѣднихъ, а равно и вѣсковъ, извѣстны въ Владимірской и Ярославской губерніяхъ, а также въ Казанской, Рязанской и Смоленской, въ Финляндіи и—какъ уже указано—въ губерніяхъ Прибалтійскихъ [4]).

е) *Гребни.* Образцы костяныхъ гребней, или вѣрнѣе гребенокъ, почти всѣ складные и величины неодинаковой (длиною до 10½ снт.), обыкновенно украшенные орнаментомъ изъ кружковъ съ точками, или довольно своеобразнымъ—изъ прямыхъ перекрещивающихся черточекъ (Таб. V, 3), но найдены также образцы и совершенно простые (одна длиною 10½ снт.), безъ всякихъ украшеній. Онѣ встрѣчались и въ трупосожженіи, и въ погребеніи, причемъ въ послѣднемъ случаѣ одинъ разъ гребенка лежала на груди скелета, другой-же—у бедра близь таза, но, вѣроятно, была также привѣшена къ нагрудному украшенію, судя по придѣланному къ ней колечку съ сохранившимся остаткомъ ремешка [5]). Оба эти скелета, повидимому, женскіе, но остатки складной гребенки были встрѣчены и въ могилѣ съ трупосожженіемъ, несомнѣнно мужской, вмѣстѣ съ оружіемъ и мечами (Журналъ № VII, 1). Обращаетъ вниманіе, что на повтореніяхъ ихъ-же, извѣстныхъ въ Пермской, Владимірской, Ярославской, Витебской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ [6]), встрѣчается тотъ-же самый орнаментъ изъ прямыхъ черточекъ или кружковъ съ точками.

---

1) Журналъ №№ XIX, 1; LXXXIX, 2; XC, 1; CXVI, 8.

2) *Н. Харузинъ,* Обзоръ доисторич. археологіи въ Балт. губерніяхъ (Временникъ Эстляндск. губ. 1893 г., стр. 187, 188).

3) Тамъ-же, стр. 91.

4) Гр. *А. Уваровъ,* Меряне и пр., 755. Труды Рязанск. архивной ком. 1892 г. т. VII, №№ 6—8. *Аспелинъ,* Antiquités du nord... №№ 1390, 1663. *Крузе,* Necrolivonica, т. 53, 54.

5) Журналъ №№ CXXV, 2; CXVII, 2.

6) *Аспелинъ,* Antiquités du nord... №№ 691, 973. Гр. *А. Уваровъ,* Меряне и пр., таб. XXVII, 9. *А. Спицынъ,* Люцинскій могильникъ (Матеріалы по археологіи Россіи, № 14). Извѣстія Общ. любит. Естеств., Антроп. и Этногр., т. XXXV (Антрополог. Выставка т. III, Указатель, стр. 11).

ж) *Ножницы для стрижки овецъ.* Оба найденнныхъ экземпляра (Таб. VIII, 1), одинъ въ могилѣ съ трупосожженіемъ, другой — съ погребеніемъ [1]), представляютъ общеизвѣстный типъ, встрѣчающійся въ Кареліи, Финляндіи, губерніяхъ Прибалтійскихъ и Смоленской, въ области древнихъ Мерянъ и др. [2]); въ могилѣ съ погребеннымъ скелетомъ вмѣстѣ съ ножницами оказались и предметы оружія.

з) *Рабочіе инструменты.* Желѣзный стругъ, или скобель, въ видѣ нѣсколько согнутаго лезвія, съ двумя поперечными хвостами для укрѣпленія въ рукояткахъ (Таб. VIII, 19); встрѣченъ лишь одинъ разъ, въ курганѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ CXXIV, 2) и повторенія его извѣстны намъ только въ Вятской губерніи [3]).

Желѣзный-же кочедыкъ—инструментъ для плетенія лаптей изъ лыка (Таб. VIII, 20), также найденъ лишь однажды въ могилѣ съ трупосожженіемъ; любопытно, что вмѣстѣ съ нимъ находились предметы оружія и въ томъ числѣ мечъ (Журналъ № LX, 2).

Желѣзные лопаты, двухъ видовъ: съ хвостами для укрѣпленія въ рукояти и съ трубками для насадки (Таб. IX, 8, 9); обыкновенно оказывались положенными отдѣльно, въ подошвѣ курганной насыпи.

2. *Домашняя утварь: котлы, посуда и пр.*

а) Къ металлическимъ предметамъ, сюда относящимся, принадлежатъ желѣзные и бронзовые котлы, бронзовыя чаши и желѣзныя-же сковороды и сковородники.

Котлы, найденные въ количествѣ 7 экземпляровъ [4]), всѣ довольно толстые, клепаные, съ дужками, отъ 24½ — 34½ снт. діам., преимущественно полушарной формы, но иногда усѣченно-конической (Таб. X, 4, 2). Принадлежностью ихъ служили цѣпи, съ двумя крюками на оконечностяхъ, очевидно служившія для подвѣски тѣхъ-же котловъ, но иногда попадавшіяся и совершенно отдѣльно; въ одномъ случаѣ даже былъ найденъ только крюкъ отъ подобной-же, въ другомъ лишь котельная дужка. Желѣзные котлы обыкновенно оказывались не въ самыхъ могилахъ, а отдѣльно въ той-же курганной насыпи, преимущественно на очагахъ или огневищахъ, находки ихъ извѣстны также въ Тамбовской губерніи [5]).

Бронзовые котелки отличаются своею цилиндрообразною формою, сравнительно меньшей вышиною (Таб. X, 9) и тонкостью, причемъ на нихъ не замѣчается склепыванія. Найдены всего въ двухъ экземплярахъ [6]) разной величины (отъ 20—25 снт. діам.), но оба смятые и дурно сохранившіеся; одинъ лежалъ въ ногахъ погребеннаго скелета, другой былъ поставленъ на очагъ. Назначеніе ихъ очевидно одинаковое съ желѣзными, т. е. для приготовленія пищи, такъ какъ на днѣ обоихъ сохранились слѣды копоти. Особыми размѣрами и формой выдается

---

[1]) Журналъ №№ XV, 2; CXVI, 9.

[2]) Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, рис. 70). *Аспелинъ,* Antiquités du nord..., №№ 1226, 1372, 1477. *Крузе,* Necrolivonica, т. IX, XXIV. *Бэръ,* Die Gräber der Liven, т. XVI. Раскопки *В. Сизова* около сел. Гнѣздова, Смоленскаго уѣзда (Коллекціи Историч. музея въ Москвѣ).

[3]) Раскопки г. *Первухина* въ Глазовскомъ уѣздѣ (Коллекціи Императ. Московск. Археол. Общ.).

[4]) Журналъ №№ X, 1; XVIII, XLVII, 6; LXIV, 2; LXVII, 2; CXI, 5; CXVI, 11.

[5]) *В. Ястребовъ,* Лядинскій могильникъ (Матеріалы по Археол. Россіи, № 10).

[6]) Журналъ №№ LXVIII, 2; XC, 3.

образецъ Таб. IX, 11, найденный въ курганѣ крестьянами (Журналъ № CXV, примѣч.) и не имѣющій дужки, быть можетъ однако утраченной. Находки бронзовыхъ котелковъ вообще повторяются въ Финляндіи и Кареліи [1]), но онѣ-же не безъизвѣстны и на югѣ, напр. въ Кіевской губерніи.

Бронзовая низкая чаша, или родъ круглаго съ плоскимъ бортомъ тазика (Таб. IX, 3), діам. около 22 снт., найденная только однажды (также крестьянами, въ курганѣ съ вышеупомянутымъ котелкомъ). Подобныя-же чаши встрѣчаются въ могилахъ сѣвернаго Приладожья [2]).

Желѣзныя сковороды сегментообразной формы, отъ 19—26 снт. діам., каковыхъ встрѣчено до 15 экземпляровъ, поставленными на курганныхъ огневищахъ. Принадлежностью ихъ служили желѣзные-же сковородники, въ видѣ стержня съ прорѣзомъ на концѣ и иногда съ трубкой для насадки на другомъ (Таб. IX, 2, 10). Интересенъ образчикъ сковородника длиною 65 снт., снабженнаго на другомъ концѣ лопаткообразной сѣчкой (Таб. IX, I).

б) Къ предметамъ домашней утвари не металлическимъ относятся деревянныя ведра, остатки, повидимому, рога для питья и посуда изъ глины.

Деревянное ведро, найденное лишь однажды, въ курганѣ съ трупосожженіемъ (Журналъ № XIX, I), представляло собою видъ цилиндра, около 26,5 снт. діам. и вышиною, съ четырьмя кольцеобразными ручками, приклепанными на верхнемъ краѣ (Таб. IX, 7). На наружной поверхности его имѣлась желѣзная облицовка, съ выпуклыми поясками и рядами маленькихъ треугольныхъ отверстій, внутри-же сохранились слѣды дерева.

Въ той-же могилѣ встрѣчены фрагменты рога для питья и разные предметы оружія (мечъ, копье, топоръ и пр.), причемъ первые обращаютъ вниманіе по сохранившейся на нихъ фигурной серебряной оковкѣ, въ родѣ прорѣзнаго оклада (Таб. IX, 4); такая-же оковка найдена и въ одномъ изъ кургановъ Смоленскаго уѣзда, вмѣстѣ съ разнымъ оружіемъ, какъ-то мечемъ, щитомъ, шлемомъ и пр. [3]). Любопытно, что мотивы узора того-же оклада повторяются и на ножевыхъ футлярахъ въ могильникахъ Витебской губерніи [4]).

Главный инвентарь курганной посуды заключается въ обиліи простыхъ глиняныхъ, разной величины горшковъ, общей чертой которыхъ является отсутствіе ручекъ, причемъ всѣ они плоскодонные, за исключеніемъ лишь одного съ закругленной нижней частью (Таб. X, 6). Формы всѣхъ вообще однообразныя, обыкновенно съ болѣе или менѣе развалистыми закраинами (Таб. X, 1, 7, 8), но иногда и съ прямыми (Таб. X, 5), а въ двухъ экземплярахъ сохранились на закраинахъ слѣды желѣзныхъ обручей, ихъ стягивавшихъ. Всѣ горшки выдѣланы при помощи гончарнаго круга и довольно хорошо обожжены, но лишь съ поверхности, такъ какъ въ изломѣ мѣсиво обыкновенно сохраняетъ черный цвѣтъ и обнаруживаетъ примѣсь крупнаго песку; исключеніе составляетъ впрочемъ одинъ горшокъ, вылѣпленный, повидимому, просто руками и украшенный рядомъ грубыхъ углубленій или ямокъ, выдавленныхъ пальцами (Таб. X, 3). Любопытно, что именно этотъ образецъ найденъ въ той-же могилѣ, въ которой

[1]) *Аспелинъ,* Antiquités du nord..., № 1357. Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, XIII, рис. 92).

[2]) Раскопки г. *Швиндта,* тамъ-же, рис. 95.

[3]) Раскопки *В. Сизова* близъ сел. Гнѣздова (Кол. Историч. музея въ Москвѣ).

[4]) *А. Спицынъ,* Люцинскій могильникъ (Матер. по археол. Россіи, № 14, таб. XII).

были вышеупомянутые ведро и остатки рога съ серебряной оковкой, — предметы, очевидно, довольно цѣнные.

Что касается орнаментаціи горшковъ, то таковая исключителъно состоитъ изъ рядовъ горизонтальныхъ концентрическихъ дорожекъ, перемежающихся съ волнообразными, и варьируется только числомъ и размѣрами послѣднихъ. Волнообразный орнаментъ этотъ, не смотря на свою древность [1]), встрѣчается даже и въ наше время, на горшечныхъ издѣліяхъ въ Кіевской губерніи, въ курганную-же эпоху онъ имѣлъ широкое распространеніе, и повторенія его извѣстны въ находкахъ на Эзелѣ, въ Лифляндіи, Кареліи, въ губерніяхъ Владимірской, Ярославской, Казанской и даже на Кавказѣ [2]).

3) *Предметы неизвѣстнаго назначенія.*

Изъ находокъ, сюда относящихся, наибольшій интересъ привлекаетъ желѣзный предметъ, имѣющій видъ стержня (36 снт. длин.), съ продѣтымъ въ него кольцомъ на верхнемъ концѣ и трубчатообразнымъ гнѣздомъ въ нижнемъ, причемъ на кольцѣ надѣты четыре небольшихъ, ланцетовидныхъ или ножевидныхъ, пластинки и родъ желѣзной скрученной петли (Таб. IX, 6). Инструментъ этотъ вообще извѣстенъ намъ только въ одномъ экземплярѣ (Журналъ № XLV, 2) и, какъ кажется, въ немъ должно видѣть не что иное, какъ коновальный наборъ. Быть можетъ въ какомъ нибудь соотношеніи съ нимъ стоятъ тѣ миніатюрныя бронзовыя привѣски, въ видѣ подобныхъ-же ланцетовидныхъ пластинокъ, которыя найдены въ Калужской губерніи [3]), но болѣе ничего для сравненія не имѣется.

Другая находка, также единичная (Журналъ № XXXIV, 1), представляетъ подобіе серпа или косы, въ видѣ довольно толстаго дугообразнаго вырѣзка (около 30 снт. діам.) или желѣзной пластины, заостренной по внутреннему краю. Ширина ея у одного конца 5 снт., къ другому же она съуживается до 1 снт. и здѣсь имѣетъ короткій, загнутый перпендикулярно къ плоскости пластины отростокъ (всего въ 1 снт.), какъ-бы родъ маленькаго хвоста, быть можетъ для укрѣпленія ручки. Дѣйствительно-ли это серпъ, или коса, рѣшить однако трудно.

Наконецъ остается еще упомянуть объ одномъ образцѣ небольшихъ желѣзныхъ скрѣпъ, въ виду его характерности и неоднократнаго при разныхъ условіяхъ повторенія въ курганахъ. Скрѣпы эти имѣютъ форму короткой заклепки, съ шляпкой на одномъ концѣ и желѣзной-же накладкой или бляшкой—на другомъ (рис. 21), причемъ длина ихъ отъ 3—5½ снт. Таковыя были найдены въ шести курганахъ, въ могилахъ какъ съ трупосожженіемъ, такъ и съ погребеніемъ [4]), но лишь по одному или по два экземпляра, и въ трехъ случаяхъ вмѣстѣ съ ними встрѣчены предметы оружія; одна изъ находокъ указала, что подобныя скрѣпы служили между прочимъ

---

[1]) Извѣстенъ напр. на бронзовыхъ чашахъ скиѳскаго типа (Отчетъ Император. Археологич. Коммиссіи 1890 года, стр. 115).

[2]) *А. Благовѣщенскій,* Островъ Эзель и его древности, рис. 3 и 4 (Сборникъ Археол. Института, кн. V). *Крузе,* Necrolivonica, т. XXVI. Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift, рис. 100, 156, 433). Гр. *А. Уваровъ,* Меряне и пр., т. XXVII. Труды VII Археол. съѣзда, т. II, 198. Матер. по археол. Кавказа, вып. I, таб. V.

[3]) Раскопки г. *Булычева* 1892 г., въ Импер. Археолог. Коммиссіи.

[4]) Журналъ №№ XIX, 4; XLV, 1; LXI, 1; LXXXIX, 2; CXXXIII, 2; CXXXIX, 2.

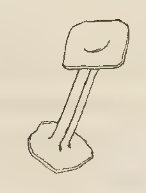

Рис. 21. ²/₃.

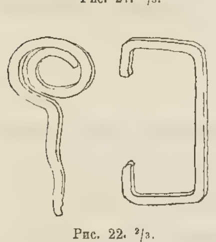

Рис. 22. ²/₃.

для прикрѣпленія къ щитамъ металлическихъ бляхъ *umbo* (См. Таб. XIII, 6), но назначеніе ихъ этимъ исчерпываться не можетъ, такъ какъ во первыхъ тѣ-же скрѣпы оказывались и въ могилахъ безъ оружія, а во вторыхъ имѣется примѣръ находки ихъ-же въ количествѣ до 100 штукъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими (очень немногими) экземплярами скрѣпъ другаго вида (рис. 22), въ насыпи одного кургана, въ которомъ всѣ онѣ были разсѣяны на протяженіи почти пяти сажень (Журналъ № XIX, 4) и лежали совершенно отдѣльно отъ заключавшейся въ курганѣ могилы. Очевидно, здѣсь назначеніе ихъ было совершенно иное, къ сожалѣнію остающееся неяснымъ.

Одинаковые съ рис. 21 образцы скрѣпъ найдены (вмѣстѣ съ шлемомъ, мечемъ, остатками щита, и проч.) также въ извѣстномъ Гнѣздовскомъ курганѣ Смоленскаго уѣзда [1]) и повторяются въ Финляндіи, Кареліи [2]) и древностяхъ Скандинавіи [3]).

III. Общія сравнительныя замѣчанія.

Изъ всего вышеизложеннаго о погребальныхъ обычаяхъ и культурѣ курганнаго періода въ южномъ Приладожьѣ уясняется въ извѣстной степени бытъ его древняго населенія въ отношеніи этнографическомъ, но остается вопросъ не менѣе существенный: какое положеніе, на основаніи тѣхъ же данныхъ, можетъ занять населеніе края въ смыслѣ этнологическомъ, т. е. другими словами—какой народности слѣдуетъ приписать культуру приладожскихъ кургановъ?

Рѣшеніе можетъ быть въ значительной степени подготовлено сравнительнымъ изученіемъ послѣдней, насколько это доступно по имѣющимся археологическимъ матеріаламъ.

А. Погребальные обычаи.

Сравненіе погребальныхъ обычаевъ представляетъ одну изъ любопытныхъ сторонъ задачи, но въ данномъ случаѣ носитъ характеръ вполнѣ условный: съ одной стороны, главныя внѣшнія формы похороннаго ритуала, т. е. погребеніе и трупосожженіе вообще, повторяются въ разныя времена и у совершенно чуждыхъ другъ другу народностей, съ другой—у племенъ даже родственныхъ погребальные обычаи представляютъ нерѣдко значительныя видоизмѣненія и даже существенныя отличія, какъ вѣроятный результатъ склада жизни, чуждыхъ вліяній, этнографическаго смѣшенія и прочихъ бытовыхъ условій.

---

[1]) Раскопки *В. И. Сизова*, въ Историч. музеѣ въ Москвѣ.

[2]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., №№ 1371, 1448, 1449. Раскопки г. *Швиндта* около Кексгольма (Finska Fornmin. Tidskrift., XIII, рис. 63, 64.

[3]) *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, № 478. Подобныя-же скрѣпы были найдены и въ курганѣ около Упсалы, съ могилой викинга, погребеннаго на кораблѣ (*Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, 403).

Въ частности для Приладожья, подобная условность выступаетъ еще рельефнѣе, такъ какъ здѣсь погребеніе и трупосожженіе выражены въ чертахъ весьма несложныхъ: въ первомъ случаѣ найденные скелеты имѣли всѣ самое обыкновенное положеніе, во второмъ же остатки трупосожженія сложены непосредственно въ насыпь, даже безъ помѣщенія ихъ въ урны или сосуды, за исключеніемъ единственно нѣкоторой части кургановъ на Волховѣ. Въ виду этого для сравненія пріобрѣтаютъ бóльшее значеніе детали второстепенныя, имѣющія въ Приладожьѣ извѣстныя характерныя особенности, какъ-то: присутствіе слоя золы или пепла, устилающаго подошву курганной насыпи, нахожденіе на этомъ слоѣ небольшихъ огневищъ или очаговъ, съ разставленными на нихъ предметами домашней утвари, и, наконецъ, размѣщеніе самыхъ могилъ всегда надъ почвою, т. е. въ курганной насыпи, а не въ материкѣ; кромѣ того, въ частности, для трупосожженія еще можетъ быть указана та ясно выраженная обрядность, что покойникъ предавался пламени гдѣ-то внѣ кургана, который служилъ лишь для помѣщенія остатковъ трупа послѣ сожженія.

Нельзя не отмѣтить также, что формы погребальныхъ обрядовъ въ Приладожьѣ отличаются вообще значительной устойчивостью, т. е. что отступленій отъ описанныхъ типовъ могилъ почти не встрѣчается; рѣдкія исключенія составляютъ немногіе курганы, подошва которыхъ была обнесена валунами, и такіе, въ которыхъ изрѣдка отсутствовали вышеупомянутые очаги; но подобныхъ примѣровъ очень мало.

Такимъ образомъ, въ виду указанныхъ причинъ, приходится остановиться на заключеніи, чтó въ данномъ случаѣ для сравненія должна служить исходнымъ пунктомъ вся совокупность подробностей похороннаго ритуала и притомъ въ сопоставленіи съ такими племенными группами, погребальные обычаи которыхъ также отличаются извѣстной устойчивостью, т. е. сохранились болѣе или менѣе неизмѣнившимися, или не подпавшими чуждымъ вліяніямъ. Къ сожалѣнію, выполненіе подобныхъ условій, при современномъ состояніи нашихъ археологическихъ матеріаловъ, является недостижимымъ, такъ какъ для этого требуется обладаніе большимъ запасомъ сконцентрированныхъ наблюденій, чего еще далеко не имѣется: наша археологическая литература хотя довольно богата въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе весьма неполна и отрывочна, бѣдна необходимыми подробностями, журналами раскопокъ и пр.

Въ виду этого, возможнымъ является только намѣтить лишь немногія отдѣльныя параллели, замѣчаемыя между нѣкоторыми сторонами погребальныхъ обычаевъ въ Приладожьѣ и таковыми-же въ нѣсколькихъ изъ племенныхъ группъ, наиболѣе въ количественномъ отношеніи (по числу раскопокъ) обслѣдованныхъ.

Такъ изъ нѣсколькихъ тысячъ кургановъ, разрытыхъ въ области древняго финскаго племени Мери [1]), извѣстно, что Меряне покойниковъ своихъ также погребали и сожигали, но въ послѣднемъ случаѣ остатки трупосожженія почти всегда встрѣчаются сложенными въ глиняныхъ сосудахъ. Дальнѣйшія подробности не ясны,— можно думать, что сожженіе трупа

[1]) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (Труды I Археологическаго съѣзда, т. II, 687, 688).

производилось внѣ могильной насыпи и что подошва послѣдней устилалась слоемъ золы отъ погребальнаго костра.

О другой огромной группѣ раскопокъ, на территоріи финскаго-же племени Води, пока имѣются краткія и неясныя указанія: констатируется совмѣстность погребенія съ трупосожженіемъ, причемъ первое представляетъ значительные варіанты (часть могилъ надъ почвой, другая—въ материкѣ). Въ курганахъ съ надпочвенными могилами подошву насыпи покрываютъ «остатки кострища» (вѣроятнѣе однако, просто слой пепла или золы), и въ нихъ-же часто оказываются остатки трупосожженія, повидимому, безъ положенія въ сосуды (о которыхъ по крайней мѣрѣ не упоминается) [1].

Въ курганныхъ могилахъ Прибалтійскихъ губерній иногда также замѣчаются черты, сходныя съ Приладожьемъ, какъ напр. въ иныхъ случаяхъ сожиганіе трупа внѣ погребальной насыпи, помѣщеніе остатковъ послѣдняго иногда въ сосуды, иногда-же непосредственно въ насыпь, совмѣстное нахожденіе нѣсколькихъ могилъ съ трупосожженіемъ въ одномъ и томъ же курганѣ, присутствіе въ подошвѣ насыпей слоя пепла и пр. [2]). Но тѣ-же черты здѣсь нерѣдко переплетаются съ другими, совершенно Приладожью не свойственными.

Весьма любопытно наконецъ провести въ томъ-же отношеніи параллель съ современными похоронными обычаями у нѣкоторыхъ народовъ восточной Россіи, напр. у Бурятъ Забайкальской Области. По имѣющимся сообщеніямъ [3])—обрядъ сожженія, употребляемый теперь только при похоронахъ шамановъ, нѣкогда составлялъ общераспространенный обычай, примѣнявшійся и къ простымъ бурятамъ. Устраивали костеръ, на которомъ раскидывался потникъ, и на послѣдній клали тѣло, съ сѣдломъ подъ головою, оружіе, съѣстные припасы и всѣ предметы, подлежавшіе вмѣстѣ съ трупомъ сожженію, послѣ котораго на третій день собирали перегорѣлыя кости и, сложивъ въ берестяное лукошко, зарывали въ землю. Иногда вмѣстѣ съ покойникомъ сожигали и его коня, или убивали на могилѣ любимую лошадь, на которой былъ сюда привезенъ трупъ умершаго, и сжигали отдѣльно, или оставляли такъ. Въ настоящее время буряты, въ силу русскаго вліянія, трупы закапываютъ въ землю, даже иногда шамановъ и если при этомъ покойниковъ хоронятъ безъ гроба, то въ могильной ямѣ сооружаютъ ему такое-же ложе, какъ и на кострѣ; могилу роютъ глубокую, въ которую (кое-гдѣ даже и понынѣ) бросаютъ убитую лошадь, что дѣлается и при погребеніи женщинъ; иногда-же конь сжигается на кострѣ подлѣ могилы. У бурятъ ламаитовъ тѣла ламъ и другихъ иногда сожигаютъ, и пепелъ въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ на вершинѣ холма или горы; умерщвленія лошади не бываетъ, такъ какъ обычай этотъ замѣненъ отдачей коня умершаго въ дацанъ (ламайскій монастырь).

Извѣстія эти въ данномъ случаѣ пріобрѣтаютъ тѣмъ большій интересъ, что по нѣкоторымъ указаніямъ понятія и воззрѣнія Балтійскихъ финновъ древнѣйшихъ временъ (до усвоенія

---

[1]) *Л. Ивановскій*, Матер. для изученія курганнаго періода Вотской пятины (Труды IV Археол. съѣзда, т. I, протоколы, XCVII). Ср. также Извѣстія Импер. Рус. Археол. Общ., т. X.

[2]) *Н. Харузинъ*, Обзоръ доисторич. археологіи въ Балтійск. губерніяхъ (Временникъ Эстляндск. губ. 1893 г., стр. 142, 143, 157).

[3]) *А. К.*, Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ восточной Россіи (Извѣстія Общ. Археол. Истор. и Этногр. при Казанск. Унив., т. X, вып. 2, 197—203).

ими многихъ новыхъ чертъ у культурныхъ арійскихъ народовъ вблизи Балтійскаго моря), были также основаны на системѣ шаманизма, въ виду того, что древнѣйшая религія финновъ была шаманская, общая всѣмъ урало-алтайскимъ народамъ [1]).

Но въ связи съ данными, какъ-бы свидѣтельствующими о нѣкоторой общности или повтореніи отдѣльныхъ деталей погребальныхъ обычаевъ Приладожья, въ областяхъ древнихъ финскихъ народностей, нельзя однако не указать, что подобное-же совпаденіе можно встрѣтить и на нѣкоторыхъ древнихъ территоріяхъ племенъ славянскихъ. Такъ довольно многочисленными изслѣдованіями въ области древнихъ Дреговичей обнаружено, что здѣсь въ числѣ нѣсколькихъ типовъ курганныхъ могилъ находятся могилы съ погребеніемъ и трупосожженіемъ, расположенныя на почвенномъ слоѣ, причемъ на послѣднемъ замѣчается систематическое подсыпаніе золы, а остатки трупосожженія оказываются иногда непосредственно въ насыпи, иногда же кромѣ того и въ урнахъ [2]). Въ серіи кургановъ, изслѣдованныхъ въ Черниговской губерніи, приписываемыхъ славянскому племени Сѣверянамъ, также оказывались такія, въ которыхъ были сложены остатки трупосожженія, совершавшагося гдѣ-то внѣ могильной насыпи, но остатки эти были заключены въ урнахъ [3]), и пр.

Все это можетъ показывать, что изъ повторенія лишь отдѣльныхъ деталей погребальнаго ритуала еще не почерпается ничего, что позволило бы на пути сравненій пойти далѣе отрывочныхъ аналогій [4]), тѣмъ болѣе, что послѣднія могутъ быть продолжены напр. и на скандинавскомъ Сѣверѣ. Одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ, представляетъ особый видъ могилъ съ трупосожженіемъ, во множествѣ встрѣчаемыхъ на Борнгольмѣ, именно такъ называемыя датскими археологами «Brandpletter» (Dépôts cinéraires), т. е. небольшія, вырытыя въ почвѣ ямы (всего отъ 1—2 фт. діам. и около 1 фт. глубиною), наполненныя пепломъ съ остатками трупосожженія и сверху забросанныя землей, а иногда прикрытыя плоскими камнями [5]). Эти такъ сказать пепловмѣстилища, насчитываемыя здѣсь тысячами, если не десятками тысячъ, по большей части соединяются въ цѣлыя кладбища и представляютъ погребальную форму, господствовавшую на Борнгольмѣ приблизительно до начала V столѣтія. Содержаніе ихъ составляетъ черная пыль, перемѣшанная съ пескомъ, мелкимъ углемъ, обгорѣлыми обломками камешковъ и фрагментами сожженныхъ человѣческихъ костей, а также разными предметами оружія, украшеній и бытовой обстановки, какъ-то: изломанными мечами, щитовыми бляхами (umbo), фибулами, шейными и другими украшеніями, бусами, ножами, сосудами и пр., на которыхъ замѣчаются ясные слѣды пребыванія въ огнѣ. Все это, сложенное въ полномъ безпорядкѣ, несомнѣнно указываетъ, что сюда свалены остатки трупосожженія, перенесенныя откуда-то изъ погребальнаго костра, причемъ содержаніе каждаго изъ таковыхъ пепловмѣстилищъ принадлежитъ лишь одному индивидууму.

---

[1]) *Л. Майковъ*, О древней культурѣ западныхъ Финновъ, 80, 89.

[2]) Раскопки г. *Завитневича* въ Минской губ. (Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи 1890 г., 63.

[3]) *Д. Самоквасовъ*, Вещественные памятники древности въ Малороссіи (Извѣстія Общ. любителей Естеств. Антроп. и Этногр. при Московск. Унив., т. XXXV: Антропологич. выставка, т. III, 349).

[4]) Ср. *А. Котляревскаго*, О погребальн. обычаяхъ языческихъ славянъ, 236.

[5]) *E. Vebel*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, 225—229.

Подобная обстановка весьма напоминаетъ каждую отдѣльно взятую могилу съ трупосожженіемъ въ Приладожьѣ, въ которыхъ повторяется въ частности то-же, что и въ описанныхъ Brandpletter'ахъ.

Любопытно, что въ послѣднихъ встрѣчаемся также съ повтореніемъ обряда ломанія оружія передъ помѣщеніемъ его въ могилу, т. е. съ обычаемъ, слѣды котораго обнаружены и въ Приладожьѣ. Послѣдній впрочемъ извѣстенъ во многихъ мѣстностяхъ на Западѣ и въ Россіи: напр. на островѣ Феръ былъ найденъ согнутый и переломленный мечъ, лежавшій на погребальной урнѣ съ сожженными человѣческими костями [1]); разные образцы несомнѣнно съ умысломъ испорченнаго оружія и даже стременъ находятся въ музеѣ въ Христіаніи [2]); перегнутый въ три оборота мечъ имѣется въ римско-германскомъ музеѣ въ Майнцѣ [3]) и т. д., въ Россіи подобныя-же находки извѣстны также въ Финляндіи, Лифляндіи и даже въ Казанской губерніи [4]).

Такимъ образомъ въ общемъ сравненіе погребальныхъ обычаевъ Приладожья должно составить еще задачу будущаго, когда окончательно установятся ясно опредѣленные основные ихъ типы въ разныхъ племенныхъ группахъ и систематизація матеріаловъ дастъ возможность разобраться среди множества уже накопившихся варіантовъ.

Б. Культура.

Нѣсколько иначе, или въ лучшихъ условіяхъ, стоитъ вопросъ о культурѣ кургановъ Приладожья, такъ какъ сравнительное изученіе предметовъ, сюда относящихся, даетъ замѣтить въ общемъ составѣ ихъ присутствіе такихъ элементовъ, которые частью на основаніи внѣшнихъ признаковъ, частью по географическимъ условіямъ распространенія, могутъ быть болѣе или менѣе явственно классифицированы относительно происхожденія своихъ основныхъ типовъ.

Но не переходя еще къ послѣднему нельзя не остановиться на обстоятельствѣ, что весьма любопытную сторону могильнаго инвентаря Приладожья представляетъ ясная аналогія его съ вещественной обстановкой быта древнихъ финновъ, по ихъ эпическимъ сказаніямъ (рунамъ), составляющимъ извѣстную «Калевалу» [5]). Считаемъ поэтому умѣстнымъ ознакомиться здѣсь хотя-бы съ самымъ краткимъ изложеніемъ фабулы «Калевалы», насколько оно касается лишь упомянутой обстановки.

---

[1]) *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, рис. 499.

[2]) Aarböger for nordisk Oldkyndighed og Historie, 1877 г., стр. 185—187.

[3]) *Линденшмитъ*, Die Alterthümer unserer heidn. Vorzeit, ч. IV, т. 38.

[4]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., №№ 1298, 1310, 1312—1314, 1685. *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. XXI. *Крузе* Necrolivonica, т. VIII. Раскопки г. *Пономарева* въ Спасскомъ уѣздѣ (Извѣстія Общества Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унивср., т. X, вып. 2).

[5]) Нельзя не оговориться однако, что руны эти передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, путемъ лишь устной передачи пѣвцами, что нѣкоторыя ихъ части считаются однѣ древнѣе, другія новѣе, что самое собираніе ихъ, записываніе и изданіе началось не болѣе полустолѣтія тому назадъ и что наконецъ въ нихъ иногда встрѣчаются слова даже новѣйшаго происхожденія. Но по справедливому замѣчанію Лепрота (Калевала — полный переводъ *Бѣльскаго* 1889 г., приложеніе, 608), слова и языкъ составляютъ лишь внѣшнюю оболочку рунъ, которая подвержена измѣненіямъ, но это еще не даетъ права на заключеніе о позднемъ возникновеніи самыхъ рунъ.

Вѣковѣчный заклинатель пѣвецъ Вейнемейненъ сажаетъ дубъ, но послѣдній, разросшись, закрылъ землю отъ солнца; пѣвецъ ищетъ человѣка, который могъ-бы срубить дерево, и къ нему является карликъ съ мѣднымъ топорикомъ, превращающійся затѣмъ въ великана; послѣдній натачиваетъ свой топоръ на семи точильныхъ камняхъ и срубаетъ дубъ. Слава Вейнемейнена достигаетъ дальняго сѣвера, и оттуда выѣзжаетъ состязаться въ пѣснопѣніи съ нимъ лапландецъ Юкагайненъ; оба встрѣчаются на дорогѣ, и послѣдній вызываетъ перваго на бой мечами, но побѣжденъ заклинаніями Вейнемейнена. Мечъ Юкагайнена съ золотой рукоятью обращается въ молнію, раскрашенный лукъ—въ радугу; онъ проситъ пощады, предлагаетъ выкупъ за себя—свои луки, лодки и пр., но Вейнемейненъ говоритъ, что у него у самого всѣ стѣны луками увѣшаны; наконецъ пощада получается за обѣщаніе отдать въ жены послѣднему красавицу Айно, сестру Юкагайнена.

Айно встрѣчается въ лѣсу съ пріѣхавшимъ Вейнемейненомъ, но не желаетъ идти за него замужъ, срываетъ съ себя разныя украшенія: съ груди золотой крестикъ, съ пальцевъ золотыя кольца, съ шеи жемчугъ, съ пояса серебряныя застежки, ленту, пряжку, налобникъ и уходитъ домой; мать Айно держитъ однако сторону Вейнемейнена и посылаетъ дочь въ кладовую, что-бы вновь достать такіе-же предметы украшенія, а также золотыя запястья и подвѣски, и нарядится въ нихъ, но Айно, исполнивъ это, уходитъ изъ дома и, сѣвъ на камень у моря, погружается навсегда въ волны. Заяцъ приноситъ вѣсть о гибели Айно и передаетъ, что погибла красавица вмѣстѣ съ монистомъ оловяннымъ, съ серебряной застежкой и пояскомъ, обшитымъ мѣдью.

Горюя о своей невѣстѣ, Вейнемейненъ разъ поймалъ какую-то чудесную рыбку и уже хотѣлъ ее зарѣзать оправленнымъ въ серебро ножемъ, висѣвшимъ у него въ свѣтлыхъ ножнахъ на поясѣ, но рыбка вырвалась и бросилась въ море, сказавъ, что она его возлюбленная Айно и болѣе теперь уже не вернется. Вейнемейненъ отправляется въ далекую Похьолу, искать себѣ другую жену, но его на дорогѣ ждетъ засада. Побѣжденный имъ Юкагайненъ сдѣлалъ себѣ прекрасный лукъ, приготовилъ стрѣлы съ желѣзнымъ наконечникомъ, оперенныя перьями, надѣлъ колчанъ и засѣлъ на дорогѣ, чтобы убить врага. Пущенная стрѣла попала въ коня Вейнемейнена, и послѣдній упалъ въ море, но былъ спасенъ прилетѣвшимъ орломъ и принесенъ имъ въ Похьолу. Здѣсь его нашла одна дѣвушка работница, отличавшаяся своимъ проворствомъ: она еще до восхода солнца успѣвала выстричь овецъ, вынести соръ на лопаткѣ и пр.; она привозитъ его къ старой Лоухи — хозяйкѣ сѣвера, которая, продержавъ у себя нѣсколько времени Вейнемейнена, отпускаетъ его домой, обѣщая даже отдать ему свою дочь, если онъ пришлетъ въ Похьолу брата своего—вѣковѣчнаго кузнеца Ильмаринена, чтобы сдѣлать для Лоухи дивное сокровище «Сампо». Дорогой Вейнемейненъ увидѣлъ красавицу дочь Лоухи: она сидѣла на небесной радугѣ и ткала золотую, украшенную серебромъ одежду. Вейнемейненъ зоветъ ее къ себѣ, она-же бросаетъ ему обломки веретена и катушки, чтобы онъ изъ нихъ сдѣлалъ лодку, и тотъ принимается за работу, но, нечаянно ранивъ себѣ топоромъ ногу, уѣзжаетъ.

Другой герой Калевалы—Леммипкейненъ, задумалъ жениться на красавицѣ Килликки и, похитивъ ее, привезъ къ себѣ въ домъ. Мать, увидѣвъ невѣстку, говоритъ, что послѣдняя будетъ у нея прясть веретеномъ, ткать и валять войлокъ; молодые условились, чтобы Килликки не выходить изъ дома въ село, а Лемминкейнену — не бывать въ битвахъ, но первая не сдержала слова, и Лемминкейненъ собирается на войну въ Похьолу. Онъ надѣваетъ желѣзную рубашку (кольчугу), стальной поясъ, привѣшиваетъ къ боку мечъ въ кожаныхъ ножнахъ и взываетъ къ Укко (богу неба), чтобы онъ помогъ ему заклясть враговъ съ ихъ мечами, стрѣлами и ножами. Прибывъ въ Похьолу, онъ предпринимаетъ охоту на лося, беретъ колчанъ, лукъ, стрѣлы и дротикъ, но охота не удается, и онъ взываетъ о помощи къ Мьеликки (божеству лѣса), у которой на чреслахъ золотые ключи, и къ другимъ, говоря между прочимъ, что онъ видѣлъ хозяйку лѣса въ золотомъ браслетѣ, серьгахъ съ кольцами на пальцахъ и жемчугомъ на шеѣ. На слѣдующей охотѣ Лемминкейнена постигаетъ несчастіе: одинъ изъ враговъ, избѣгнувшихъ его заклятій, подкарауливаетъ его, убиваетъ и, разрубивъ мечемъ трупъ на куски, бросаетъ въ воду.

Мать Лемминкейнена, узнавъ о гибели сына, обращается къ вѣковѣчному кователю Ильмаринену, чтобы онъ ей сдѣлалъ огромныя грабли и отправляется искать въ водѣ трупъ сына, при содѣйствіи солнца, которое усыпило все населеніе Похьолы—юношей съ мечами, стариковъ съ дубинами и копьеносцевъ; найдя наконецъ куски трупа, она складываетъ ихъ и проситъ разныхъ богинь спрясть веретеномъ новыя жилы сыну, сшить ихъ оловянной иголкой, проситъ пчелу принести душистаго меду и цѣлебной мази изъ дальнихъ странъ, гдѣ послѣдняя уже изготовлена въ глиняныхъ сосудахъ, мѣдныхъ котлахъ и серебряныхъ кувшинахъ и, съ помощью этихъ средствъ ожививъ сына, возвращается съ нимъ домой.

Вейнемейненъ, предпринимая новую поѣздку въ Похьолу, задумалъ построить лодку; нарубивъ топоромъ и киркой лѣса, онъ почти изготовилъ ее, но недоставало трехъ таинственныхъ словъ для ея окончанія, за которыми онъ и отправляется къ великану Випунену; одна часть пути къ послѣднему пролегала по концамъ иголокъ, другая по концамъ мечей и третья по лезвіямъ сѣкиръ, почему Вейнемейненъ упросилъ Ильмаринена выковать ему сапоги и рубашку изъ желѣза и такимъ образомъ пробирается къ великану, но, войдя въ пасть послѣдняго, по неосторожности проваливается въ его чрево; чтобы освободиться, онъ устроилъ въ послѣднемъ кузницу и началъ ковать желѣзо, несмотря на угрозы великана, что онъ позоветъ героевъ съ мечами и самого бога Укко съ его мечемъ огненнымъ, чтобы выгнать Вейнемейнена, но послѣдній упорно требуетъ открытія трехъ завѣтныхъ словъ, которыя наконецъ узнавъ, покидаетъ великана и, возвратясь домой, доканчиваетъ лодку.

Въ Похьолу Вейнемейненъ ѣдетъ свататься вторично за дочь Лоухи и по дорогѣ встрѣчаетъ сестру Ильмаринена Анники, которой говоритъ, что ѣдетъ на войну, но она не вѣритъ и отвѣчаетъ, что когда отецъ ея отплывалъ на битвы, то по краямъ лодокъ висѣли луки, а по скамьямъ щиты. Вейнемейненъ открываетъ правду, и Анники

спѣшитъ къ брату съ новостью, требуя за это, чтобы онъ ей выковалъ крестикъ, нѣсколько колецъ, сережекъ и подпоясокъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Ильмариненъ также снаряжается въ путь, и оба ѣдутъ свататься въ Похьолу.

Старуха Лоухи, узнавъ объ ихъ поѣздкѣ, велитъ дочери влить медъ въ кружку съ двумя ушками и поднести тому, кого она выберетъ въ мужья; выборъ падаетъ на Ильмаринена, но Лоухи требуетъ отъ послѣдняго еще выполнить три порученія: вспахать поле змѣй, привести изъ царства мертвыхъ медвѣдя и волка и поймать безъ всякихъ снастей огромную щуку. Ильмариненъ сдѣлалъ изъ золота и серебра сошникъ, металлическую обувь и поножи, взялъ желѣзную рубашку, поясъ изъ стали и исполнилъ первое порученіе; затѣмъ нашелъ медвѣдя и волка, которыхъ связалъ желѣзными цѣпями и наконецъ, устроивъ изъ огня огромнаго орла, у котораго языкъ былъ длиною въ шесть копій, а когти въ пять косъ, изловилъ съ его помощью щуку, языкъ которой также былъ въ двѣ сѣкиры. Послѣ этого дочь Лоухи становится его невѣстой, и въ Похьолѣ начинаются приготовленія къ свадебному пиру; готовится пиво въ бочкахъ, кушанья въ котлахъ и на сковородахъ и разсылаются всюду приглашенія. Невѣстѣ даютъ совѣты, какъ вести хозяйство у мужа, какъ выбивать огонь при помощи кремня, огнива и трута, мыть ушки у горшечковъ, полоски у кружекъ, чашки, ложки, какъ прясть шерстяныя и льняныя нитки, мѣшать солодъ сѣчкой и пр.

Не получилъ приглашенія на свадьбу только одинъ Лемминкейненъ, но онъ собирается туда-же и безъ зова, не смотря на отговоры матери, указывающей ему на множество ожидающихъ его опасностей. Онъ отвѣчаетъ, что вѣдь на немъ надѣтъ поясъ и застежка мужа, что онъ носитъ пряжку героя и требуетъ, чтобы ему принесли вооруженіе — военную рубашку, отцовскій мечъ, сѣкиру, снимаетъ съ стѣны лукъ и отправляется въ путь. На рубежѣ Похьолы онъ встрѣчаетъ заборъ съ столбами изъ копій, оплетенныхъ змѣями, но, вынувъ ножъ изъ ноженъ, уничтожаетъ эту преграду, а затѣмъ и прочія, и является на свадебный пиръ. Хозяинъ Похьолы говоритъ, что онъ долженъ былъ остановиться у порога, гдѣ стоитъ котелъ возлѣ трехъ крюковъ котельныхъ, но Лемминкейненъ съ гордостью отвѣчаетъ, что никогда отецъ его не останавливался на такомъ мѣстѣ, а садился на скамью, ставилъ коня въ стойло и вѣшалъ мечъ на стѣну. Хозяинъ вызываетъ его на бой; Лемминкейненъ снимаетъ съ перевитаго кушака свой мечъ, вынимаетъ его изъ ноженъ, покрытыхъ шерстью, и мѣряетъ длину его съ хозяйскимъ: чей длиннѣе, тому принадлежитъ первый ударъ. Начинается бой, но въ избѣ оказывается тѣсно, и выходятъ на дворъ, гдѣ оба становятся на постланную коровью шкуру и продолжаютъ поединокъ; Лемминкейненъ отрубаетъ врагу голову, втыкаетъ на одинъ изъ сотни кольевъ, стоявшихъ на дворѣ съ насаженными на нихъ черепами, и спасается бѣгствомъ, такъ какъ старуха Лоухи, узнавъ о развязкѣ, создала несмѣтную толпу мужей, вооруженныхъ мечами, чтобы убить его.

Вернувшись домой, онъ говоритъ матери, что долженъ скрыться, такъ какъ ожидаетъ нападенія изъ Похьолы, гдѣ на него уже готовы мечи и завостриваютъ копья, и та ему совѣтуетъ искать убѣжища на одномъ дальнемъ островѣ. Лемминкейненъ уѣзжаетъ, но, проживъ долгое время на островѣ, онъ возбудилъ противъ себя вражду всѣхъ мужчинъ и увидѣлъ наконецъ, что ему готовится погибель—вездѣ оттачиваютъ мечи и точатъ топоры, чтобы убить его, почему отправляется въ обратный путь домой; въ его долгое отсутствіе враги опустошили его родину, всѣ уничтожилъ мечъ, всѣхъ убила сѣкира, и только послѣ долгихъ поисковъ онъ наконецъ находитъ свою мать, съ которой и поселяется въ новомъ жилищѣ. Желая однако отмстить врагамъ, онъ снова собирается въ Похьолу и приглашаетъ своего боеваго товарища Тьеру; послѣдній немедленно надѣваетъ поясъ, хватаетъ копье, которое, сначала бросивъ, вонзаетъ въ землю, затѣмъ ударяетъ имъ о копье Лемминкейнена и оба товарища отправляются въ дорогу. Однако, узнавъ объ ихъ намѣреніи, старуха Лоухи навела такіе морозы, что оба путника едва едва успѣли спастись и возвратились обратно.

Въ рунахъ 31—36 является еще новое дѣйствующее лицо — Куллерво. Два сосѣда, Унтамойненъ и Калерво, враждуютъ между собою. Первый собираетъ своихъ людей, вооружаетъ ихъ мечами, копьями и топорами, нападаетъ, на втораго и, разоривъ его владѣнія, уводитъ въ плѣнъ его маленькаго сына Куллерво, а когда послѣдній выросъ, то продаетъ его Ильмаринену за два старыхъ котла, три крюка и пять старыхъ косъ. Ильмариненъ сдѣлалъ его пастухомъ, но послѣдній сгубилъ все стадо, въ отмщеніе за то, что жена его хозяина запекла ему въ хлѣбъ камень. Куллерво, вынувъ ножъ изъ ноженъ, началъ хлѣбъ рѣзать и сломалъ ножикъ, доставшійся ему еще отъ отца. Жена Ильмаринена, узнавъ о гибели стада, обращается съ мольбой къ Укко (богу неба), чтобы тотъ поразилъ пастуха стрѣлой изъ своего огненнаго лука, но съ такой-же мольбой обращается и Куллерво; Укко поражаетъ первую, послѣ чего Куллерво уходитъ на родину. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, онъ въ одну изъ своихъ поѣздокъ встрѣтилъ дѣвицу въ оловянныхъ украшеніяхъ и соблазнилъ ее разными драгоцѣнностями, въ томъ числѣ покрытымъ серебромъ поясомъ, но оказалось, что это была сестра его-же, когда-то похищенная въ дѣтствѣ. Куллерво, считая виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдъ Унтамойнена, собирается отмстить ему и, исполнивъ это, возвращается снова домой, но семья его уже вся умерла, и онъ съ горя рѣшается на самоубійство: воткнувъ мечъ рукоятью въ землю, кидается на него и погибаетъ.

Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Леммикейненъ отправляются въ лодкѣ въ Похьолу, чтобы похитить сокровище «Сампо», скрытое за девятью замками въ скалѣ, гдѣ много мѣди. Въ морѣ они сталкиваются съ громадной щукой, но, снявъ мечи съ поясовъ, убиваютъ ее, и Вейнемейненъ вынувъ изъ ноженъ ножикъ, бывшій при бедрѣ его, распластываетъ щуку, а изъ костей ея устраиваетъ родъ гуслей—«кантеле»; дивной игрой на нихъ онъ усыпляетъ всѣхъ жителей Похьолы и затѣмъ похищаетъ «Сампо».

Хозяйка Похьолы, старуха Лоухи, пускается за ними въ погоню, собравъ мужей съ мечами и луками, и догоняетъ въ морѣ Вейнемейнена; тогда послѣдній вынимаетъ изъ мѣшечка кремень и трутъ и бросаетъ ихъ въ воду, причемъ кремень обращается въ скалу, на которую попадаетъ лодка Лоухи; злая старуха устраиваетъ изъ лодки

себѣ крылья, а изъ желѣзныхъ косъ и мотыгъ — когти, поднимается орломъ на воздухъ со всѣми своими людьми и настигаетъ лодку Вейнемейнена, но, успѣвъ вырвать отъ послѣднихъ «Сампо», роняетъ сокровище въ воду и послѣднее исчезаетъ.

Вейнемейненъ съ товарищами возвратились на родину, а Лоухи въ Похьолу; Лоухи чарами пытается наслать разныя бѣдствія на Калевалу; посылаетъ напр. медвѣдя для истребленія коней и стадъ, но Вейнемейненъ обращается къ кователю Ильмаринену, чтобы тотъ ему сдѣлалъ копье съ тремя концами, и убиваетъ звѣря; по поводу этого устраивается пиръ, варятъ мясо медвѣдя въ мѣдномъ котлѣ, подаютъ медъ и пиво въ кружкахъ, мѣдныя блюда, серебряныя ложки, золотые ножи, а на пиру Вейнемейненъ передаетъ въ пѣснѣ миѳъ о происхожденіи на свѣтѣ медвѣдей и разсказываетъ о своей послѣдней охотѣ, говоря между прочимъ, что онъ не бросалъ въ медвѣдя копьемъ, не стрѣлялъ въ него изъ лука и пр.

Въ послѣднихъ рунахъ передается, какъ та-же злобная Лоухи похитила съ неба солнце и мѣсяцъ, какъ произошелъ на землѣ ленъ, какъ Вейнемейненъ снова возвратилъ похищенныя свѣтила и какъ наконецъ послѣдній, облагодѣтельствовавъ свою родину, исчезъ изъ нея навсегда.

Таково въ самомъ сжатомъ видѣ содержаніе «Калевалы», или вѣрнѣе сказать—лишь нѣсколько наиболѣе существенныхъ для настоящей цѣли обрывковъ той канвы, на которой поэзія финновъ создала цѣлую поэму, сложенную изъ 50 рунъ и занимающую въ русскомъ переводѣ ея до 600 страницъ. Въ ней, какъ уже замѣчено, встрѣчаемъ почти весь могильный инвентарь Приладожья, и подобная аналогія должна имѣть свое немаловажное значеніе въ вопросѣ объ этнографическомъ анализѣ курганной культуры того-же края.

а) *Предметы одежды и украшенія.*

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся предметовъ этой группы, безъ сомнѣнія, являются фибулы, и между ними типъ наиболѣе распространенный въ Приладожьѣ—фибулы скорлупообразныя. За послѣдними установилось мнѣніе, что онѣ всѣ вообще происхожденія скандинавскаго, но, какъ кажется, подобное положеніе едва-ли можетъ быть принято безусловно, въ виду того значительнаго разнообразія въ ихъ орнаментаціи и нерѣдкомъ отсутствіи какихъ либо характерныхъ особенностей скандинавскаго стиля, которыя замѣчаются на экземплярахъ этого типа изъ различныхъ мѣстностей; имѣетъ свое значеніе и разность въ составѣ сплава тѣхъ-же фибулъ. Отсюда можетъ являться предположеніе, что не всѣ находимые въ нашемъ отечествѣ экземпляры послѣднихъ суть непосредственныя произведенія скандинавскаго Сѣвера, а что быть можетъ нѣкоторыя представляютъ не болѣе какъ лишь подражаніе основнымъ образцамъ, занесеннымъ съ Запада [1]), подобно тому какъ напр. попадаются въ курганныхъ могилахъ свои домашнія подражанія западнымъ и восточнымъ монетамъ [2]).

Сравненіе фибулъ приладожскихъ съ образцами скандинавскими, приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

Скорлупообразныя составныя фибулы, имѣющія ажурную накладку съ литымъ орнаментомъ (Таб. I, 3), хотя не носятъ на себѣ характерныхъ чертъ скандинавскаго стиля, какъ

[1]) *Вебель* въ Recherches arch. dans l'ile de Bornholm (Memoires de la Société des antiquités du Nord, 1890 г.), отличаетъ три стиля чашеобразныхъ фибулъ (fibules cupulaires): Германскій—какъ наиболѣе древній (V — VIII в.), Ирландскій—VIII—IX в. и Каролингскій—IX—XI в. Фибулы послѣдняго стиля, по его мнѣнію, вообще бо́льшихъ размѣровъ, хотя, конечно, относительная величина ихъ не можетъ еще служить безусловнымъ критеріумомъ; онѣ находятся въ большомъ количествѣ на всемъ сѣверѣ и вездѣ, куда въ эту эпоху проникли скандинавскіе викинги.

[2]) Быть можетъ въ этомъ-же слѣдуетъ искать объясненія довольно странному обстоятельству, что не смотря на многочисленныя раскопки въ области древней Води, т. е. между р. Волховомъ и Лугой, скорлупооброзныхъ фибулъ здѣсь не найдено вовсе, хотя послѣднія распространены на Востокъ и на Западъ отсюда, т. е. въ Приладожьѣ и Прибалтійскихъ губерніяхъ. Если эти издѣлія всѣ шли изъ Скандинавіи, то почему онѣ обходили такіе водные пути, какъ Волховъ и Лугу, встрѣчаясь между тѣмъ на Зап. Двинѣ, Сяси, Пашѣ и др.?

напр. переплетенныхъ въ составѣ орнамента головъ фантастическихъ животныхъ, змѣй, человѣческихъ рукъ и пр., но тѣмъ не менѣе имѣютъ совершенно тожественныхъ представителей, найденныхъ непосредственно въ Скандинавіи. Онѣ встрѣчаются напр. въ Швеціи при погребенныхъ скелетахъ, а также и на Борнгольмѣ [1]), и указываются сѣверными археологами какъ типъ, весьма въ Швеціи распространенный, пріурочиваемый къ Каролингскому стилю, слѣдовательно, къ періоду не ранѣе второй половины VIII столѣтія. Въ виду этого, совершенно одинаковыя съ ними фибулы въ Приладожьѣ, или по крайней мѣрѣ часть ихъ, должны быть признаны за издѣлія скандинавскія. Этого-же типа фибулы сплошныя, безъ накладки (Таб. I, 1), съ орнаментомъ, имѣющимъ характеръ рѣзной работы, одинаково повторяются въ Швеціи, ибо совершенно такіе же образцы были найдены въ могилахъ съ трупосожженіемъ [2]), а варіанты имѣютъ еще болѣе широкое распространеніе.

Въ Норвегіи былъ случай находки двухъ такихъ фибулъ, которыя были сложены вмѣстѣ, и внутри ихъ помѣщены двѣ арабскія монеты конца IX вѣка, съ нѣсколькими мелкими серебряными вещами; извѣстна также находка пары ихъ въ Шотландіи, при погребенномъ скелетѣ [3]). Судя по этому, происхожденіе подобныхъ фибулъ можетъ быть съ большимъ вѣроятіемъ пріурочено къ Скандинавіи-же. Что касается другаго вида послѣднихъ (Таб. I, 2) изготовленныхъ повидимому штампованіемъ, то въ орнаментѣ, ихъ покрывающемъ, встрѣчаются характерныя особенности, не оставляющія сомнѣнія относительно родины этихъ издѣлій, именно изображенія человѣческихъ рукъ (см. стр. 29, рис. 1), свойственныя вышеупомянутому Каролингскому стилю [4]). Онѣ дѣйствительно были найдены въ Швеціи, иногда совершенно тожественныя съ приладожскимъ экземпляромъ и по орнаменту, иногда-же съ примѣсью къ послѣднему еще другихъ чертъ скандинавскаго стиля, напр. звѣриныхъ головокъ и пр. [5]). Близкіе варіанты съ такими-же изображеніями рукъ извѣстны и въ находкахъ на островѣ Борнгольмѣ [6]).

Изъ фибулъ щитообразныхъ весьма ясно выдѣляются образцы съ ажурной накладкой (Таб. I, 6), какъ представляющія полную параллель въ конструктивномъ отношеніи съ составными-же фибулами скорлупообразными (Таб. I, 3), и имѣющія сверхъ того въ своей орнаментировкѣ нѣкоторыя характерныя черты, какъ-то изображенія рукъ и головокъ. Этимъ можетъ указываться общность ихъ скандинавскаго происхожденія, но кромѣ того почти тожественные образцы извѣстны въ числѣ древностей Швеціи [7]). Что касается щитообразныхъ фибулъ безъ накладки (Таб. I, 8), то по характеру своего выполненія и орнаментаціи, онѣ становятся рядомъ съ сплошными скорлупообразными фибулами (Таб. I, 1), съ которыми имѣютъ извѣстную аналогію; находки ихъ на Западѣ намъ неизвѣстны, и только болѣе отда-

---

[1]) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, рис. 551, 554. *Вебель*, Recherches dans l'ile de Bornholm, рис. 32 (Mémoires de la Soc. des antiq. du nord, 1890 г.).

[2]) *Монтеліусъ*, рис. 577.

[3]) Kongl. Vitter. Hist. ocb Antiq. Akademiens Mönadsblad, 1873, Дек. стр. 182—193.

[4]) *Мюллеръ*, Dyreornamentiken i Norden, гл. V (Aarböger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1880).

[5]) *Монтеліусъ*, Antiquités suédois, рис. 547, 563, 565.

[6]) *Вебель*, Recherches arch. dans l'ile de Bornholm, рис. 29 (Memoires de la Société des antiq. du nord, 1890).

[7]) *Монтеліусъ*, рис. 579.

ленный прототипъ можно указать въ числѣ древностей венгерскихъ [1]). Наконецъ о малой щитовидной фибулѣ (Таб. I, 9) можно замѣтить лишь, что она только напоминаетъ своей общей формой и размѣрами подобный-же образецъ, найденный въ Швеціи [2]), но орнаментъ на нихъ совершенно разный.

Оба экземпляра фибулъ брошкообразныхъ имѣютъ, повидимому, происхожденіе не одинаковое. Одинъ изъ нихъ, съ высокимъ рельефомъ и безъ привѣсокъ (Таб. I, 2), повторяется въ Швеціи и на Борнгольмѣ [3]), но лишь въ болѣе или менѣе близкихъ варіантахъ, почему быть можетъ имѣетъ свою родину на Западѣ, другой же съ привѣсками (Таб. I, 7), какъ свойственный восточной полосѣ Россіи, между прочимъ встрѣчаемый на Уралѣ и не имѣющій даже параллельныхъ варіантовъ на скандинавскомъ Сѣверѣ, долженъ вести свое происхожденіе съ финскаго Востока [4]). Послѣднее заключеніе можетъ быть примѣнено и къ фибулѣ прямоугольной (Таб. I, 5), по тѣмъ-же мотивамъ, ибо тожественные образцы и разнообразные варіанты ея имѣютъ довольно широкое распространеніе у такихъ племенъ финской народности, какъ Меряне, Мордва и пр., не исключая и Урала, и совершенно неизвѣстны на Западѣ. Наконецъ, что касается фибулы колесообразной (Таб. II, 14), то имѣющіяся данныя относительно ея топографическаго распространенія не позволяютъ еще остановиться на какомъ-либо болѣе или менѣе опредѣленномъ заключеніи.

Послѣдній видъ Приладожскихъ фибулъ — въ видѣ трилистника (Таб. I, 4)—представляетъ своеобразный образецъ, быть можетъ, также относящійся къ числу скандинавскихъ издѣлій. Эта типичная форма встрѣчается въ Швеціи [5]), Даніи [6]) и на Борнгольмѣ [7]), но съ иной орнаментаціей, въ которой большею частью повторяются изображенія рукъ и головъ животныхъ,—стилевыя особенности, которыхъ нѣтъ на Приладожской. Однако нѣкоторое указаніе въ пользу западнаго происхожденія послѣдней даютъ слѣды бывшей на ней позолоты, остатки которой замѣчаются также на нѣкоторыхъ фибулахъ изъ типа скорлупообразныхъ, происхожденія несомнѣнно скандинавскаго.

Пряжки. Повсемѣстная распространенность употребленія пряжекъ обыкновеннаго типа, простота отдѣлки (отсутствіе орнаментировки) большинства ихъ и крайнее разнообразіе варіантовъ создаютъ условія, почти исключающія возможность этнографической классификаціи, хотя существуютъ предположенія, что напр. пряжки, отличающіяся тонкими формами и ма-

---

[1]) *Гампель,* Alterthümer in Ungarn, таб. *c*, № 25.

[2]) *Монтеліусъ,* Antiquités suédoises, рис. 578.

[3]) Тамъ-же, рис. 564, 566. *Вебель,* Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, стр. 182, рис. 369.

[4]) Быть можетъ, нѣчто въ этомъ же родѣ представляютъ нѣкоторые виды тѣхъ «застежекъ», о которыхъ не разъ упоминается въ Калевалѣ, безразлично у мужчинъ и женщинъ. Напр. въ миѳѣ о происхожденіи ехидны говорится, что пасть послѣдней произошла изъ застежки, данной богиней Сюойятеръ; въ другой рунѣ заяцъ, принеся извѣстіе о гибели дѣвы Айно, говоритъ, что красавица исчезла вмѣстѣ съ бывшей на ней серебряной застежкой; въ миѳѣ о происхожденіи желѣза, къ послѣднему обращается вѣковѣчный ковäтель Ильмариненъ съ словами: «Станешь ты мечемъ для мужа,—И застежками для женщинъ» и пр. (Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 347, 60, 95, 334). Необходимо впрочемъ замѣтить, что въ той-же Калевалѣ встрѣчается упоминаніе и о застежкахъ поясныхъ.

[5]) *Монтеліусъ,* Antiquités suédoises, рис. 552; также Antiquarisk Tidskrift für sverige....., 1890 года, стр. 82—90.

[6]) *Ворсо,* Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, № 416. Также *Ундзетъ,* Norske Oldsager стр. 54, гдѣ таковая отнесена къ исландскимъ древностямъ.

[7]) *Вебель,* Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, стр. 182, рис. 373, 374.

лыми размѣрами, относятся къ издѣліямъ восточнымъ [1]). Быть можетъ это и справедливо для образцовъ болѣе типичныхъ, но по отношенію къ пряжкамъ Приладожья, отличающимся крайней простотой своихъ формъ и отдѣлки, упомянутое заключеніе едва-ли приложимо. По нашему мнѣнію, изъ всей серіи пряжекъ, найденныхъ въ Приладожьѣ, болѣе характерными образцами являются — кольцеобразная пряжка съ украшеніями изъ трехъ звѣриныхъ головокъ (стр. 35, рис. 2), другая—съ весьма длиннымъ языкомъ или шпилькой (Таб. II, 5 и быть можетъ аналогичная съ ней II, 7) и еще нѣкоторыя изъ пряжекъ подковообразныхъ, именно снабженныя своеобразными шипами на утолщеніяхъ (Таб. II, 1, 3, 4, 17). Относительно первой изъ нихъ можно указать, что на ней замѣчаются ясные элементы скандинавскаго стиля, что-же касается второй, то хотя повторенія этого вида извѣстны намъ единственно въ древностяхъ Приуралья [2]), но за то весьма близкіе-же образцы имѣются въ Швеціи и Даніи [3]), причемъ одинъ изъ нихъ, найденный на Готландѣ, украшенъ даже орнаментомъ, весьма аналогичнымъ съ имѣющимся на экземплярѣ Приладожскомъ (Таб. II, 5), и кромѣ того на немъ-же помѣщены изображенія звѣриныхъ головокъ; въ виду этого является основаніе видѣть въ обоихъ образцахъ упоминаемыхъ пряжекъ происхожденіе скандинавское.

Относительно подковообразныхъ пряжекъ съ шипами можно также замѣтить, что онѣ встрѣчаются сравнительно рѣдко и притомъ повторенія ихъ извѣстны только въ Финляндіи и Лифляндіи [4]). Обстоятельство это, въ связи съ неизвѣстностью подобныхъ-же образцовъ въ древностяхъ скандинавскаго Сѣвера, даетъ поводъ склоняться къ предположенію, что быть можетъ они представляютъ лишь мѣстный варіантъ, выработавшійся у нѣкоторыхъ группъ финскихъ народностей, тѣмъ болѣе, что вообще самыя пряжки, какъ предметъ наряда мужскаго и женскаго, неоднократно упоминается и въ Калевалѣ; напр. въ одной рунѣ дѣва Айно говоритъ сестрѣ: «Оттого-то я и плачу,—У меня пропала пряжка»; въ другой — воронъ обращается къ Куллерво съ такимъ сравненіемъ: «Бѣдный ты, златая пряжка», и т. д. [5]). Любопытно, что тѣ-же характерныя детали (шипы) повторяются и на нѣкоторыхъ разновидностяхъ фибулъ скорлупообразныхъ, какъ въ Приладожьѣ (Таб. II, 10), такъ и въ Лифляндіи [6]), а иногда и на щитообразныхъ въ Финляндіи [7]), т. е. встрѣчаются въ тѣхъ-же раіонахъ, гдѣ и самыя пряжки упоминаемаго типа.

Застежки и пуговки. Изъ предметовъ, сюда относящихся, вниманіе обращаетъ своеобразной формы поясной крючекъ съ конскими головками (Таб. VI, 2), который, какъ уже замѣчено, ясно примыкаетъ къ группѣ аналогичныхъ съ нимъ подвѣсокъ съ тѣми-же характерными украшеніями. Быть можетъ, онъ также имѣетъ связь съ культурой финскаго Востока, но по изложеннымъ ниже соображеніямъ (см. привѣски) не невозможно и другое его происхожденіе. Предметы въ томъ же родѣ упоминаются и въ Калевалѣ: дѣва Айно объ-

---

1) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и пр., стр. 740.
2) Коллекціи *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда.
3) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, № 591. *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, № 410.
4) *Аспелинъ*: Antiquités du nord, №№ 1374, 1412,, 1646. *Бэръ*. Die Gräber der Liven, т. VIII.
5) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 50, 421.
6) *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. VIII.
7) *Аспелинъ*. Antiquités...., №№ 1419, 1420.

ясняетъ отцу причину своихъ слезъ тѣмъ, что — «Потеряла съ шеи крестикъ, — Съ пояска мои застежки» [1]).

Шейныя гривны. Въ числѣ экземпляровъ этого рода украшеній выдающимися представляются только два образца: остатки гривны, сплетенной изъ серебряныхъ проволокъ, и гривна пластинчатая, въ видѣ круговой вырѣзки изъ листоваго серебра (стр. 37 и 38, рис. 4 и 5). Оба пріобрѣтаютъ интересъ въ томъ отношеніи, что первый (извѣстный впрочемъ по неоднократнымъ находкамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи) имѣетъ почти тожественныхъ представителей и среди древностей Скандинавіи, какъ напр. датскихъ [2]), что-же касается втораго, то за орнаментомъ, его украшающимъ, современная археологія признаетъ вообще происхожденіе восточное. Послѣдній, дѣйствительно, встрѣчается напр. даже у бурятъ и имѣетъ широкое распространеніе на разныхъ издѣліяхъ, находимыхъ какъ въ древностяхъ Сибири, пермскихъ, мерянскихъ, такъ и въ Финляндіи [3]) и Лифляндіи [4]); любопытно однако, что его-же можно встрѣтить и въ Скандинавіи, напр. въ Даніи, а также на Борнгольмѣ [5]). Онъ-же повторяется и на одномъ изъ простѣйшихъ видовъ бронзовыхъ гривенъ Приладожья, состоящемъ изъ свернутой въ одинъ оборотъ четырегранной проволоки.

Такимъ образомъ, относительно большинства шейныхъ гривенъ Приладожья можно скорѣе склоняться къ мысли, что, вѣроятно, прототипы ихъ идутъ изъ Приуралья или съ Востока вообще, а нѣкоторые экземпляры (какъ напр. гривны въ видѣ шнуровъ изъ серебряной канители (см. стр. 38, рис. 6) даже непосредственно съ Востока азіятскаго.

Браслеты. Въ группѣ браслетовъ наиболѣе типичными представителями для Приладожья являются массивные литые экземпляры изъ бронзы, украшенные характернымъ литымъ-же орнаментомъ въ видѣ поперечныхъ извилистыхъ или волнообразныхъ углубленій (Таб. IV, 7, 17, 18), и единственный образецъ серебрянаго зарукавья въ формѣ тонкаго обруча съ орнаментомъ изъ городковъ. Относительно первыхъ можно думать, что въ виду ограниченности ихъ распространенія и притомъ почти полномъ совпаденіи съ таковыми-же образцами, находимыми въ Швеціи, Даніи и на Борнгольмѣ [6]), происхожденіе ихъ можетъ идти изъ Скандинавіи; вѣроятно, связь съ послѣднею имѣетъ также экземпляръ съ слѣдами набора на немъ изъ серебряныхъ пуговокъ (стр. 40), судя по повторенію подобныхъ-же украшеній на мечахъ, найденныхъ въ Швеціи; что-же касается зарукавья серебрянаго, то хотя тожественные съ нимъ образцы и встрѣчаются въ датскихъ древностяхъ [7]), но характерный орнаментъ, его украшающій, заставляетъ искать прототиповъ ихъ на Востокѣ, подобно тому, какъ выше было указано относительно одной изъ шейныхъ гривенъ, съ которой упо-

---

[1]) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 50.

[2]) *Крузе*, Necrolivonica, т. II. *Бэръ*, Die Gräber der Liven, т. XX.

[3]) *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, 450. *Вебель*, Bordholms Oldtidsminder og Oldsager, рис. 379.

[4]) *Ворсо*, Сѣверн. древности музея въ Копенгагенѣ, № 454.

[5]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord...., № 1666, 1670, 1031, 1032, 1042, 1043, 979, 671.

[6]) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, № 599. *Ворсо*, Сѣверныя древности музея въ Копенгагенѣ, № 451. *Вебель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, стр. 168, рис. 351.

[7]) *Ворсо*, Сѣверн. древн. въ Копенгагенѣ, № 450.

минаемое зарукавье представляетъ близкую аналогію и найдено даже въ одной съ нею могилѣ (Журналъ № CXVII, 4).

Употребленіе браслетовъ, какъ предметовъ украшенія женщинъ, выслѣживается и въ финской миѳологіи. Одинъ изъ героевъ Калевалы, описывая видѣнное имъ божество лѣса Мьеликки, говоритъ, что послѣдняя: «Въ золотомъ была браслетѣ,—Въ золотыхъ на пальцахъ кольцахъ,—А въ ушахъ златыя серьги». Въ другой рунѣ мать приказываетъ дочери нарядиться въ слѣдующихъ словахъ: «Заплети получше косы,—Не забудь кольцо на пальцѣ,—Золотыя вынь запястья», и т. д. [1]).

Кольца и серьги. Распространенность употребленія ручныхъ колецъ вообще и простота формъ, при незатѣйливости отдѣлки образцовъ ихъ въ Приладожьѣ, не даютъ достаточныхъ основаній для какихъ-либо заключеній, откуда могли приходить эти издѣлія, хотя нѣкоторые изъ нихъ (напр. Таб. IV, 13) имѣютъ тожественныхъ представителей въ древностяхъ Даніи [2]). Что касается серегъ, то можно думать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые образцы ихъ должны имѣть происхожденіе восточное, какъ указывалъ въ своемъ трудѣ и гр. А. Уваровъ [3]), замѣтившій вмѣстѣ съ тѣмъ, что вообще количество этого рода украшеній въ курганахъ уменьшается по мѣрѣ удаленія къ Западу. Къ такимъ образцамъ можно пріурочить серьгу съ филигранной нанизкой (Таб. IV, 5), а быть можетъ и пластинчатую (Таб. IV, 1), какъ повторяющуюся единственно на Уралѣ.

Оба вида тѣхъ-же украшеній встрѣчаются и въ миѳологіи финновъ (см. выше).

Привѣски. Среди разнообразныхъ предметовъ этого отдѣла мелкихъ украшеній особое вниманіе привлекаютъ привѣски характера символическаго, въ которыхъ, какъ уже замѣчено, могутъ выражаться слѣды извѣстнаго культа, именно представляющія воспроизведеніе формъ нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ; между ними съ особой рельефностью выступаютъ предметы, такъ или иначе связанные съ представленіемъ о формахъ гуся или утки. Не смотря на кажущуюся разбросанность образцовъ украшеній послѣдняго типа, распространеніе ихъ является не безусловнымъ, такъ какъ ни гуськовъ, ни предметовъ съ характерными изображеніями отдѣльныхъ гусиныхъ лапокъ неизвѣстно на всемъ югѣ Россіи, а равно и на скандинавскомъ Сѣверѣ; съ другой стороны нельзя не обратить вниманія, что находки ихъ главнымъ образомъ пріурочиваются къ территоріямъ, занятымъ тѣми или другими племенами именно финской народности, что повтореніе тѣхъ-же привѣсокъ особенно свойственно Приуралью и таковыя заходятъ даже въ Сибирь. Все это даетъ основаніе связывать упоминаемый культъ съ финскимъ Востокомъ и искать прародину типа относящихся сюда украшеній именно на послѣднемъ [4]). Извѣстно напр., какую первостепенную роль играетъ утка въ самой миѳологіи финновъ по Калевалѣ: птицѣ этой обязана своимъ происхожденіемъ вселенная, такъ какъ изъ яйца

[1]) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 152, 53.

[2]) *Ворсо,* Сѣверн. древн. музея въ Копенгагенѣ, № 435

[3]) Меряне и ихъ бытъ, стр. 736.

[4]) Любопытно, что не смотря на указанныя обстоятельства, существуетъ мнѣніе о тѣхъ-же привѣскахъ, какъ элементахъ происхожденія скиѳскаго! (См. *А. Лихачева,* Скиѳскіе элементы въ древностяхъ Казанской губерніи, стр. 175, 183, въ Трудахъ VI Археол. съѣзда, т. I).

утки вышли земля, небо, свѣтила и тучи. Въ той-же Калевалѣ утки и курочки служатъ постояннымъ объектомъ для ласкательнаго уподобленія имъ людей: Лемминкейненъ, похитивъ свою невѣсту на одномъ островѣ, прощается съ послѣднимъ слѣдующими словами: «Ну, прощайте, лугъ Саари,—Корни сосенъ и пни елей,—Гдѣ ходилъ я этимъ лѣтомъ,—Эту курочку искавши,—Все за уточкой гоняясь». Миѳическая хозяйка Сѣвера Лоухи, отдавая свою дочь кователю Ильмаринену, также говоритъ: «Эту уточку драгую,—Птичку нѣжную, вручаю,—Будетъ дней твоихъ подругой,—Будетъ курочкой любимой», или въ другомъ мѣстѣ повторяетъ: «Ужъ готова дорогая,—Наша уточка одѣта», и т. д. [1]).

Къ той-же группѣ привѣсокъ, по всей вѣроятности, долженъ примыкать и типъ привѣсокъ «баранчиковъ» (Таб. III, 9, 14), въ виду характерности украшающаго ихъ орнамента и повторяющагося нерѣдко соединенія этихъ баранчиковъ съ изображеніями гусиныхъ лапокъ.

Нѣсколько въ другомъ свѣтѣ представляется вопросъ о происхожденіи изображеній, посвященныхъ воспроизведенію формъ коней, такъ какъ онъ стоитъ въ менѣе опредѣленныхъ условіяхъ, въ силу уже того, что этотъ культъ вообще имѣлъ широкое распространеніе въ древнѣйшія времена и у многихъ народностей, въ томъ числѣ у славянъ, германцевъ и скандинавовъ. Точно также выдающееся значеніе имѣетъ конь и въ миѳологическихъ представленіяхъ племенъ финскихъ. Напр. въ одномъ мѣстѣ Калевалы злобная Лоухи, похитивъ съ неба солнце и мѣсяцъ, говоритъ, что послѣднія никогда болѣе не освободятся, если она сама ихъ не выпуститъ вмѣстѣ съ девятью конями [2]). Извѣстно, что изображеніе коня на древнихъ гробницахъ являлось вообще символомъ души усопшаго, символомъ побѣды надъ смертью и утвердилось даже какъ талисманъ противъ всякаго зла [3]). Наконецъ ясные слѣды того же культа сохранились даже до нашихъ дней, выражаясь какъ въ современныхъ народныхъ обычаяхъ, такъ и образцахъ или деталяхъ народнаго зодчества восточной и западной Европы.

Въ виду подобнаго развитія символики изображенія коня, образцы украшеній, воспроизводящихъ его форму, могли имѣть различное происхожденіе въ курганной культурѣ Приладожья. Напр. аналогичныя издѣлія, въ видѣ привѣсокъ съ украшеніями изъ двуглавыхъ коньковъ, хранящіяся въ Майнцскомъ музеѣ, встрѣчены въ могилахъ Меровингскаго періода [4]); на островѣ Біорко (Стокгольмскаго архипелага) были найдены около 1874 года до 300 коньковъ, сдѣланныхъ изъ бычачьихъ и конскихъ костей [5]), и т. д. Но если самъ основной типъ конеобразныхъ украшеній имѣлъ такое широкое распространеніе, то нѣкоторые варіанты его-же могутъ въ свою очередь замѣтно спеціализироваться по болѣе опредѣленнымъ раіонамъ, и таковой варіантъ, по исключительной его своеобразности, представляетъ именно привѣска въ видѣ коня съ сидящимъ на немъ всадникомъ (Таб. III, 2), происхожденіе которой, по всей вѣроятности, идетъ съ финскаго Востока и которая повторяется единственно въ Приуральи.

---

[1]) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 21, 127, 230, 262.
[2]) Тамъ-же, стр. 553.
[3]) Гр. *А. Уваровъ*, Поясныя украшенія мерянъ («Древности» Археолог. Вѣстникъ 1867 г., вып. II, 49).
[4]) *Линденшмитъ*, Die Alterthümer unserer heidn. Vorzeit, ч. II, т. VI, 4, 5.
[5]) «Древности»—Труды Импер. Моск. Арх. Общ. т. IX, вып. I, проток. стр. 15.

Изъ числа прочихъ привѣсокъ вниманіе обращаютъ также бронзовые ключи (Таб. VIII, 16, 17). По миѳическимъ представленіямъ древнихъ финновъ, желѣзными ключами обладалъ самъ богъ неба Укко, но они-же упоминаются въ финскихъ рунахъ какъ бы въ видѣ привѣсокъ; такъ въ Калевалѣ передается о дѣвѣ Марьяттѣ, что, живя у отца—«Шесть колецъ она истерла,—Что съ отцовскими ключами — На груди ея блестѣли» [1]). Повидимому, нѣкоторую обособленность представляютъ еще сложныя полукруглыя привѣски съ колокольчиками (Таб. III, 3; VII, 8) и коническая (Таб. III, 17); происхожденіе этихъ обоихъ типовъ, какъ извѣстныхъ въ числѣ древностей сибирскихъ и группирующихся, судя по имѣющимся даннымъ, близъ Приуралья, представляется возможнымъ пріурочить также къ финскому Востоку, куда, по всей вѣроятности, должны примыкать и различные образцы уховертокъ (Таб. V, 2, 10), служившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ привѣсками, иногда даже украшенными тѣми характерными изображеніями гусиныхъ лапокъ, о которыхъ уже упоминалось выше и которыхъ происхожденіе едва-ли можетъ подвергаться сомнѣнію. Любопытно однако замѣтить, что употребленіе тѣхъ-же уховертокъ выслѣживается и въ древностяхъ Швеціи, гдѣ экземпляръ въ родѣ изображеннаго на Таб. V, 2 (но безъ боковыхъ подвѣсокъ и иначе орнаментированный), былъ найденъ вмѣстѣ съ овальной фибулой [2]).

Кромѣ того, выдается по своей оригинальности экземпляръ привѣски кольцеобразной (Таб. VII, 9), который весьма сближается съ нѣкоторыми аналогичными издѣліями скандинавскаго Сѣвера.

Не безъинтересно замѣтить и то, что многія, хотя въ большинствѣ неясныя, указанія на употребительность разныхъ металлическихъ уборовъ, въ томъ числѣ и привѣсокъ, разсѣяны въ финскомъ эпосѣ вообще. По Калевалѣ, Вейнемейненъ, воспѣвая красоту жены Ильмаринена, говоритъ: «Убрана подружка славно,—Шея съ цѣпью съ золотою»; а далѣе въ одной изъ рунъ, описывающихъ новое похищеніе тѣмъ-же Ильмариненомъ второй своей невѣсты, пѣсня выражается: «Плачетъ бѣдная дѣвица,—Вся въ блестящихъ украшеньяхъ». Дѣва Айно, готовясь одѣваться: «Выбираетъ что получше—и подвѣски золотыя»; когда-же она утонула, то матери передаютъ, что: «Вѣдь красавица погибла,—И съ монистомъ оловяннымъ». Любопытно, что въ той-же Калевалѣ неоднократно встрѣчаются глухія упоминанія вообще о какихъ-то дѣвичьихъ уборахъ, именно изъ олова: напр. мать Лемминкейнена, предупреждая сына объ опасности, говоритъ, что если-бы онъ обратился даже въ ягоду, то и тогда его постигнетъ бѣда: «Тамъ сорвутъ тебя дѣвицы, — Въ оловянныхъ украшеньяхъ»; въ такихъ-же уборахъ изображаетъ Калевала и сестру вѣчнаго кователя Ильмаринена и пр. [3]). Изъ всего этого можно заключить, что древнимъ финнамъ были даже въ значительной степени свойственны вообще составные металлическіе уборы, напр. изъ цѣпей съ разными привѣсками и т. п.

Что касается наконецъ предметовъ неизвѣстнаго назначенія, то изъ нихъ выдаются костяныя подобія какъ-бы короткихъ шильевъ, украшенныхъ рѣзными головками драконовъ

---

[1]) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 223, 583.
[2]) Kongl. Vitter. Hist. och Antiq. Akad. Mönadsblad, 1880 г. Февр., рис. 16.
[3]) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 326, 462, 55, 59, 364, 207.

(Таб. V, 5, 9), напоминающими нѣкоторыя изъ характерныхъ чертъ скандинавскаго стиля; такія-же изображенія встрѣчаются и на болѣе древнихъ типахъ фибулъ, напр. арбалетообразныхъ [1]), относимыхъ сѣверными археологами къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. Можно однако замѣтить, что весьма аналогичныя издѣлія, но изъ бронзы, украшенныя головками драконовъ, повторяются и въ Ананьинскомъ могильникѣ [2]); вообще-же изображенія послѣднихъ весьма свойственны и древностямъ Приуралья [3]).

б) *Вооруженіе.*

Мечи. По внѣшнимъ своимъ формамъ образцы ихъ, найденные въ Приладожьѣ, представляютъ двѣ разновидности: большіе мечи съ массивными рукоятями, имѣющими прямыя крестовины, и болѣе легкіе—съ крестовинами дугообразными (Таб. XI, 2, 4, 3), но послѣднихъ найденъ лишь одинъ экземпляръ. Безъ сомнѣнія, тѣ и другіе происхожденія западнаго гдѣ встрѣчаются образцы совершенно имъ тожественные, не только въ отношеніи конструктивномъ (напр. по устройству составныхъ рукоятей), но и совершенно одинаково орнаментированные. Такъ мечъ, одинаковый съ однимъ изъ экземпляровъ перваго вида и съ такой-же серебряной насѣчкой (въ видѣ полосокъ на рукояти), былъ найденъ на Рейнѣ въ окрестностяхъ г. Шпейера и хранится въ Майнцскомъ музеѣ [4]), другой-же экземпляръ приладожскаго меча, съ рядами гнѣздъ или ячеекъ отъ инкрустаціи на рукояти (Журналъ №№ XIX, 1), повторяется въ числѣ древностей шведскихъ [5]) и найденъ при однородныхъ-же условіяхъ (т. е. съ остатками трупосожженія), но въ лучшей сохранности, такъ какъ на немъ сохранились инкрустаціи изъ серебряныхъ кружковъ. Равнымъ образомъ могутъ быть указаны тожественныя повторенія и мечей втораго вида (съ крестовиной дугообразной), какъ напр. въ древностяхъ Бергенскаго музея [6]); что-же касается экземпляра, найденнаго въ Приладожьѣ въ могилѣ съ скелетомъ погребеннымъ (Журналъ № CXII, 6), то на западное его происхожденіе можетъ указывать характеръ орнаментаціи бронзоваго наконечника на ножнахъ (стр. 60, рис. 18), признаваемый за кельтическій.

Такимъ образомъ большинство приладожскихъ мечей обнаруживаютъ болѣе или менѣе ясные признаки сближенія съ образцами скандинавскими и западно-европейскими, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ финскомъ эпосѣ употребленію этого-же оружія не только отводится выдающееся значеніе, но возводится даже въ число религіозныхъ миѳовъ, ибо по Калевалѣ огненнымъ мечемъ владѣетъ самъ богъ неба Укко, и напр. герой поэмы Вейнемейненъ взываетъ къ послѣднему, чтобы тотъ своимъ блестящимъ клинкомъ провелъ его лодку [7]).

---

[1]) *Монтеліусъ*, Das Alter der Runenschrift in Norden, 163. (Archiv für Antropologie 1888 г., ч. 18).
[2]) *Аспелинъ*, Antiquités du nord..., № 470.
[3]) Коллекція *Ѳ. А. Теплоухова*, въ сел. Ильинскомъ Пермскаго уѣзда.
[4]) *Линденшмитъ*, Die Alterthümer unserer heidn. Vorzeit, ч. III, т. IV, № 1.
[5]) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, № 500. Ср. *Д. Анучина*, О нѣкоторыхъ формахъ древн. русск. мечей (Труды VI Археол. съѣзда, т. I, 244, рис. 1).
[6]) *A. Lorange*, Samlingen of norske Oldsager i Bergens—Museum, рис. 1204.
[7]) Калевала, полный переводъ *Бѣльскаго*, стр. 554, 479.

Топоры, копья, стрѣлы, щиты и предметы конскаго снаряженія.

Изъ числа топоровъ особой типичностью выдается однажды лишь встрѣченный въ Приладожьѣ экземпляръ (Журналъ № XIX, 1), изображенный на Таб. XIII, 7, который почти совпадаетъ съ формой древнихъ датскихъ сѣкиръ, принимаемыхъ обыкновенно за норманскія [1]), и повторяющійся въ древностяхъ Швеціи [2]), почему за нимъ можетъ быть признано происхожденіе скандинавское. Изъ другихъ образцовъ вниманіе обращаютъ еще топоры съ молоткообразными и долотообразными обухами (Таб. XII, 4, 11; Таб. XIII, 2), которые наоборотъ, по справедливому замѣчанію гр. А. С. Уварова [3]), совершенно несвойственны современнымъ имъ образцамъ скандинавскаго Сѣвера, почему онъ допускаетъ происхожденіе ихъ изъ Германіи. Вѣроятнѣе однако, какъ кажется, видѣть прототипы этого почетнаго оружія на азіятскомъ востокѣ, съ чѣмъ быть можетъ въ связи находятся и находки его въ Ананьинскомъ могильникѣ и около Билярска въ Казанской губерніи [4]), хотя они же встрѣчаются и на югѣ Россіи.

Въ серіи копій также выдается одинъ экземпляръ, съ выбивнымъ, довольно характернымъ орнаментомъ на тулеѣ (Таб. XI, 9); послѣдній повторяется на нѣкоторыхъ образцахъ копій въ Скандинавіи [5]), а также—въ почти тожественныхъ чертахъ—на двухъ найденныхъ въ германскихъ и франкскихъ могилахъ и хранящихся въ коллекціяхъ Виртембергскаго общества древностей въ Штутгардтѣ [6]), почему въ приладожскомъ экземплярѣ можно видѣть представителя этого рода оружія происхожденія западнаго. Любопытно, что и одинъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ копій метательныхъ (Таб. XII, 1), съ ершами на тыльѣ, также встрѣчается въ древностяхъ Швеціи [7]), причемъ оба оказались въ могилахъ съ погребеніемъ обыкновеннымъ (Журналъ № LVI, 3); но можно замѣтить, что типъ этотъ встрѣчается и въ центральной Россіи, какъ напр. въ Рязанской и Тамбовской губ., а равно и въ Приуральи [8]). Что касается встрѣченныхъ въ Приладожьѣ слѣдовъ употребленія щитовъ, о которыхъ можно судить лишь по сохранившимся ихъ срединнымъ бляхамъ (umbo), то въ виду тожественности послѣднихъ съ скандинавскими образцами, напр. въ Даніи и Швеціи [9]), а также съ найденными въ Германіи [10]), едва-ли можно сомнѣваться въ ихъ происхожденіи съ запада-же. Въ общемъ, однако, употребленіе боевыхъ топоровъ, копій простыхъ и метательныхъ, лука и щитовъ является наравнѣ съ мечами весьма свойственнымъ и древнимъ финнамъ, ибо всѣ эти предметы повторяются и въ Калевалѣ.

---

1) Гр. *А. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ, стр. 718.

2) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, № 483.

3) Меряне и пр., стр. 758.

4) *Аспелинъ*, Antiquités du nord....., №№ 411, 412, 414, 767.

5) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, № 503.

6) *Линденшмитъ*, Die Alterthümer unserer heidn. Vorzeit, ч. I, т. V, № 3 и 4.

7) *Монтеліусъ*, № 274; ср. также № 273.

8) Гр. *Ѳ. Уваровъ*, Курманскій могильникъ («Древности»—Труды Москов. Импер. Археол. Общества, т. XIV). *В. Ястребовъ*, Лядинскій могильникъ (Матеріалы по археологіи Россіи, № 10). Коллекція *Ѳ. Теплоухова* въ сел. Ильинскомъ.

9) *Ворсо*, Сѣверныя древности въ музеѣ въ Копенгагенѣ, № 340. *Монтеліусъ*, Antiq. suéd., рис. 517. Также на Борнгольмѣ: *Вебель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, рис. 314.

10) Коллекціи Романо-германскаго музея древностей въ Майнцѣ.

Наконецъ, относительно предметовъ конскаго снаряженія или, вѣрнѣе, собственно желѣзныхъ удилъ, можно прибавить, что одинъ изъ экземпляровъ ихъ (Таб. XIII, 10) имѣетъ прототипъ свой въ числѣ сибирскихъ бронзъ [1]), что связываетъ его именно съ финскимъ востокомъ.

в) *Прочіе предметы бытовой обстановки.*

Предметы, сюда относящіеся, какъ уже замѣчено выше и какъ можно видѣть изъ приведеннаго краткаго содержанія «Калевалы», почти всѣ встрѣчаются въ послѣдней, изъ чего является поводъ заключить, что по крайней мѣрѣ большинство ихъ было свойственно бытовой обстановкѣ древнихъ финновъ. Но нельзя не указать, что въ тѣхъ-же предметахъ замѣчаются и нѣкоторыя точки соприкосновенія съ современной имъ культурой запада.

Такъ одинъ изъ двухъ типовъ огнивъ, найденныхъ въ Приладожьѣ (Таб. VIII, 3), извѣстенъ и въ древностяхъ Швеціи [2]). Въ западномъ происхожденіи небольшихъ вѣсковъ, или вѣрнѣе сказать — слѣдовъ ихъ, выразившихся въ находкахъ шарообразныхъ вѣсовыхъ гирекъ (Таб. VIII, 6), согласно существующему уже взгляду, едва-ли можно сомнѣваться, и таковыя дѣйствительно повторяются въ Швеціи и Норвегіи, даже сдѣланныя изъ тѣхъ-же матеріаловъ [3]), т. е. желѣзныя съ бронзовой оболочкой. Въ Норвегіи находка одной изъ подобныхъ гирекъ была сдѣлана при особенно любопытныхъ условіяхъ, такъ какъ послѣдняя, вмѣстѣ съ арабскими монетами IX вѣка, оказалась помѣщенною въ пустотѣ между двумя наложенными одна на другую скорлупообразными фибулами [4]). Равнымъ образомъ встрѣчаемъ въ Скандинавіи-же и костяныя гребенки (Таб. V, 3), съ орнаментомъ изъ прямыхъ перекрещивающихся черточекъ на накладкахъ, придѣланныхъ бронзовыми заклепками [5]), а также ножницы для стрижки овецъ (Таб. VIII, 1) и желѣзные полушарные котлы (Таб. X, 4); любопытно, что такія-же ножницы и котелъ были найдены въ извѣстномъ курганѣ близь Упсалы, заключавшемъ въ себѣ типичную могилу норманскаго викинга, погребеннаго на кораблѣ, вмѣстѣ съ двумя конями, оружіемъ и пр. [6]).

Такимъ образомъ въ курганной культурѣ Приладожья выражается болѣе или менѣе ясно преобладаніе типовъ, пріурочивающихся къ финскому востоку и скандинавскому сѣверу, съ сравнительно слабой примѣсью элементовъ происхожденія западнаго и восточно-азіятскаго. Подобный составъ ея, безъ сомнѣнія, долженъ имѣть свое значеніе въ вопросѣ объ этнологическомъ составѣ мѣстнаго, современнаго ей населенія, такъ какъ если, съ одной стороны, нѣкоторые предметы индустріи могли быть заносимы путемъ простой торговли, то съ другой — объяснять все лишь одной послѣдней было-бы обратной крайностью.

---

[1]) *Ujfalvy*, Expedition française, т. VI, таб. XIII.
[2]) *Монтеліусъ*, Antiquités suédoises, № 490.
[3]) Тамъ-же, № 645.
[4]) Kongl. Vitter. Hist. och Antiq. Akademiens Mönadsblad, 1873, Дек., 193.
[5]) *Монтеліусъ*, № 526.
[6]) Тамъ-же, № 402, 477.

Подобныхъ діаметрально противуположныхъ взглядовъ держались напр. первые изслѣдователи древностей Прибалтійскихъ губерній Крузе, Бэръ и др., но Бэръ, увлекаясь желаніемъ видѣть въ мѣстной культурѣ полную самостоятельность и отвергая всякія заимствованія или чуждыя вліянія, проводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстныхъ предѣлахъ вѣрную, по нашему мнѣнію, мысль, что сходство многихъ предметовъ съ находимыми въ сосѣднихъ странахъ можетъ объясняться сформированіемъ основныхъ типовъ тѣхъ-же предметовъ еще въ періодъ болѣе глубокой древности, въ прародинѣ мѣстныхъ племенъ [1]). Едва-ли можно также согласиться вполнѣ и съ тѣмъ, что вопросъ о національности долженъ быть совершенно разобщенъ съ вопросомъ о происхожденіи предметовъ, какъ полагаютъ нѣкоторые и какъ въ 70-хъ годахъ широко утверждалъ даже Вирховъ — что на основаніи археологическаго матеріала, доставляемаго могилой, невозможно дѣлать какія-бы то ни было заключенія о племенномъ ея происхожденіи [2]). Намъ думается, что всѣ подобныя отрицанія много-бы выиграли, если-бы не дышали такой абсолютностью, крайней противуположностью которой въ свою очередь является увлеченіе недостаточно обоснованными обобщеніями. Съ нашей точки зрѣнія, извѣстная часть даннаго культурнаго инвентаря несомнѣнно должна стоять въ связи съ колонизаціей края и потому имѣть отношеніе къ племенному составу послѣдняго.

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго, остается намѣтить тѣ результаты, къ которымъ можетъ приводить изученіе кургановъ Южнаго Приладожья относительно ихъ народности.

Бросая общій взглядъ на характеръ здѣсь могильныхъ насыпей, по отношенію ихъ конструкціи и топографическаго распредѣленія, замѣчается довольно ясно та обособленность, которою отличаются курганы, расположенные именно на Волховѣ: на послѣднемъ встрѣчаемъ во первыхъ иной типъ похороннаго ритуала—трупосожженіе съ положеніемъ остатковъ его въ урны, во вторыхъ присутствіе въ насыпяхъ каменныхъ грудъ или кладокъ, т. е. обстановку исключительную, остальному Приладожью несвойственную; она указываетъ, что передъ нами какая-то особая группа могилъ, имѣющая иное отъ прочихъ происхожденіе, которая потому должна быть выдѣлена особо. Вопросъ о народности этой группы былъ уже болѣе подробно разсматриваемъ нами въ другомъ трудѣ [3]), почему здѣсь достаточно ограничиться краткимъ повтореніемъ, что, принимая въ соображеніе топографію этихъ кургановъ на такомъ прямомъ и ближайшемъ водномъ пути съ береговъ Ильменя (ядра сѣверно-славянск. поселеній), какъ Волховъ, по которому несомнѣнно стремилась струя славянской колонизаціи и у устья котораго съ незапамятныхъ временъ стоялъ новгородскій пригородъ Ладога (обращенный въ новгородскую твердыню уже въ началѣ XII стол.); что, руководясь замѣтной аналогіей тѣхъ-же кургановъ съ нѣкоторыми изслѣдованными насыпями на притокѣ того-же Ильменя— р. Ловати, на которой также безъ сомнѣнія лежали поселенія славянскихъ насельниковъ, а равно и указываемой извѣстнымъ Ходаковскимъ параллелью между курганами около

[1]) *Н. Харузинъ,* Обзоръ доисторич. археологіи Балтійскихъ губерній (Временникъ Эстлянд. губерн. 1893 г., кн. I, 164, 165).

[2]) Тамъ-же, 196, 221.

[3]) *Н. Бранденбургъ,* О признакахъ могилъ языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи (Труды VII Археол. съѣзда).

Ладоги и Новгорода; наконецъ, сближая обрядъ положенія сожженныхъ костей въ урны съ таковымъ-же, существовавшимъ по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ у Радимичей, Сѣверянъ, Вятичей и Кривичей, племенъ славянскихъ-же,—все это даетъ основаніе видѣть въ обособленной группѣ волховскихъ кургановъ, или по крайней мѣрѣ въ большей части послѣднихъ, могилы нечьи иныя, какъ языческихъ Славянъ, ничего общаго съ остальнымъ Приладожьемъ не имѣющихъ.

Остальная, господствующая по количеству, часть кургановъ, расположенная главнымъ образомъ по теченію р. Паши, представляетъ большую группу, за немногими исключеніями почти вполнѣ однородную. Болѣе чѣмъ вѣроятно однако, что въ составѣ ея, какъ быть можетъ и на Волховѣ, заключается еще посторонній элементъ, именно могилы варяжскія, элементъ, конечно, хотя и слабый, но который нельзя оставлять совершенно безъ вниманія. Къ сожалѣнію, могилы эти не представляютъ никакихъ ясныхъ особенностей для своего распознаванія, такъ какъ по похоронному ритуалу совершенно сливаются съ прочими, и только въ рѣдкихъ случаяхъ о присутствіи ихъ можно догадываться по нѣкоторымъ особымъ находкамъ. Въ нашей археологической литературѣ было высказываемо мнѣніе [1]), что между прочимъ въ указываемомъ отношеніи могутъ имѣть значеніе находки тѣхъ большихъ скорлупообразныхъ фибулъ, которыя столь типичны для періода норманскихъ викинговъ, но это едва-ли примѣнимо въ широкомъ смыслѣ и, во всякомъ случаѣ, тѣ могилы въ Приладожьѣ, въ которыхъ подобныя фибулы найдены, ничѣмъ въ остальномъ не отличались отъ прочихъ. Здѣсь только одинъ курганъ особо выдѣляется изъ другихъ, въ виду того, что въ немъ, повидимому, заключалась болѣе существенная черта норманскихъ обычаевъ—слѣды какого-то, вѣроятно, деревяннаго сооруженія, или быть можетъ лодки, такъ какъ въ насыпи найдено до 100 штукъ короткихъ желѣзныхъ скрѣпъ [2]), разсѣянныхъ на протяженіи въ длину около 5 саж., въ ширину 2 саж. и въ глубину до 2 аршинъ [3]), хотя никакихъ остатковъ дерева при нихъ не сохранилось (Журналъ № XIX, 4); въ курганѣ кромѣ того, отдѣльно въ сторонѣ, находилась могила съ трупосожженіемъ, въ которой найдены мечъ и боевая сѣкира скандинавскихъ образцовъ, остатки рога для питья, оправленнаго въ серебро, нѣсколько вѣсовыхъ гирекъ и пр. Присутствіе лодки въ могильныхъ насыпяхъ, дѣйствительно, составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей скандинавскаго погребенія [4]), нѣкоторые-же склонны причислять

[1]) Гр. *А. Уваровъ,* Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, 694.

[2]) Почти всѣ представляли родъ заклепокъ, съ шляпками на обоихъ концахъ, но между ними были еще три небольшихъ скобки, двѣ скрѣпы съ головками въ видѣ спиральныхъ завитокъ и немного простыхъ гвоздей (стр. 72, рис. 21, 22).

[3]) Въ размѣщеніи ихъ, повидимому, проглядываетъ извѣстный порядокъ: въ прокопѣ указанныхъ размѣровъ онѣ главнымъ образомъ располагались по обѣимъ длиннымъ сторонамъ его (какъ-бы въ родѣ двухъ стѣнокъ), причемъ наибольшее число ихъ (до 80 штукъ) найдены на протяженіи 8 аршинъ въ средней части; между стѣнками ихъ встрѣчалось мало.

[4]) Хотя и не исключительно, такъ какъ извѣстно, что подобное-же примѣненіе лодокъ существуетъ у современныхъ представителей древнихъ Угро-Финновъ, напр. у вогуловъ и остяковъ. Любопытнѣйшія находки въ этомъ родѣ сдѣланы въ Швеціи и Норвегіи. Въ курганѣ около Ультуны найдена лодка съ погребеннымъ въ ней человѣческимъ скелетомъ, при которомъ лежали мечъ, шлемъ, остатки щита, нѣсколько стрѣлъ, желѣзный клепаный котелъ, кости свиньи, гуся и остатки двухъ конскихъ остововъ. Подобная-же обстановка встрѣчена въ могилахъ въ сѣверной Упландіи, а также въ южной Норвегіи въ курганѣ у Туне, причемъ въ послѣднемъ найдено судно, длиною около

сюда-же и вообще всякія деревянныя сооруженія, слѣды коихъ иногда замѣчаются въ тѣхъ-же насыпяхъ [1]), поэтому, принимая во вниманіе характеръ находокъ, сдѣланныхъ въ упомянутомъ курганѣ, получаются основанія отнести его именно къ числу варяжскихъ, но, безъ сомнѣнія, тѣ-же норманскія могилы могли находиться и безъ подобныхъ существенноважныхъ признаковъ. У самихъ скандинавовъ формы похоронныхъ обрядовъ далеко неодинаковы: рядомъ съ сожженіемъ практиковалось и погребеніе; человѣческимъ костямъ нерѣдко сопутствуютъ конскія; сожженіе иногда въ ладьѣ, иногда на сушѣ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ остатки трупосожженія или бросались въ море, или помѣщались въ сосуды и закапывались въ насыпь, и т. д. [2]), такъ что подъ эти условія могутъ подходить и другіе курганы въ Приладожьѣ. Вообще въ вопросѣ о норманскихъ могилахъ разобраться крайне трудно, хотя присутствіе нѣкотораго числа ихъ здѣсь едва-ли можетъ подвергаться сомнѣнію, въ виду данныхъ какъ историческихъ, такъ и культурныхъ, ясно свидѣтельствующихъ о значительности здѣсь-же вліянія скандинавскаго.

Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о народности всей остальной, главной части кургановъ южнаго Приладожья намѣчается само собою. Элементъ славянскій выразился въ своихъ особыхъ могилахъ, которыхъ кромѣ Волхова болѣе не встрѣчено; предположеніе о происхожденіи всѣхъ, или даже значительной части остальныхъ, какъ памятниковъ вообще норманскихъ, не имѣетъ подъ собой не только почвы фактической, но противно простой логикѣ, слѣдовательно, третьимъ, основнымъ элементомъ могла быть народность только финская. О томъ-же свидѣтельствуетъ общность многихъ чертъ курганной культуры Приладожья съ культурой, обнаруженной въ другихъ областяхъ, занятыхъ издревле финскими-же племенами, какъ Меря, Водь, Корелы и пр., связь ея-же съ Приуральемъ, слѣды ея въ древнемъ финскомъ эпосѣ и, наконецъ, выводы сравнительной филологіи относительно мѣстныхъ топографическихъ названій.

Положенія, выставленныя покойнымъ финнологомъ Д. Европеусомъ, коснуться которыхъ мы уже имѣли случай въ введеніи къ настоящему труду, достаточно убѣдительны въ указанномъ отношеніи. На своей картѣ древнихъ мѣстъ жительства финско-венгерскихъ народовъ по названіямъ мѣстностей [3]) онъ отводитъ чистымъ финнамъ всю окрестность Ладожскаго и Онежскаго озеръ, до сѣверныхъ окраинъ обоихъ, въ томъ числѣ и все южное Приладожье, а затѣмъ позже развиваетъ дальнѣйшіе мотивы, доказывая на почвѣ сравнительнаго языко-

45 футовъ, съ человѣч. скелетомъ въ оружіи и остатками двухъ лошадей. Замѣчательную находку представилъ извѣстный курганъ у Гокстада, въ которомъ сохранился родъ цѣлаго корабля въ 75 фут. длиною и 16 фут. ширины съ устроенной на немъ деревянной погребальной камерой, заключавшей человѣческій скелетъ, къ сожалѣнію, уже ограбленный; тѣмъ не менѣе нѣкоторые предметы уцѣлѣли, въ томъ числѣ мѣдный котелъ и пр., а также кости нѣсколькихъ лошадей и собакъ (Д. Анучинъ, «Сани, ладья и кони»;—«Древности»—Труды Импер. Моск. Археол. Общ., XIV, 171, 172, 156—161).

[1]) Гр. *А. Уваровъ*. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, 694.

[2]) *Д. Анучинъ*, Сани, ладья и кони («Древности» — Труды Импер. Московск. Археол. Общества, т. XIV, 154, 155). Ср. также «Древности» т. IX, вып. I, проток. стр. 14. *Монтеліусъ*, Antiquités suéd, 500. *Вебель*, Bornholms Oldtidsminder og Oldsager, 225—237. *Н. Харузинъ*, Обзоръ доисторич. археологіи Балтійск. губерній (Временникъ Эстл. губ. 1893 г., кн. I, 194, 195.

[3]) Труды II Археолог. съѣзда (атласъ).

знанія несомнѣнную архаичность діалекта населенія южныхъ притоковъ р. Свири, въ томъ числѣ рр. Ояти и Паши (въ верхнемъ теченіи которыхъ еще до сихъ поръ живетъ первобытная финская Чудь), т. е. населенія, именующагося Обонежской Чудью, область которой, древняя и новая, не имѣетъ никакой примѣси мѣстныхъ именъ не чисто финскаго происхожденія (за исключеніемъ, конечно, позднѣйшихъ русскихъ названій), тогда какъ большая часть Финляндіи и другія земли сѣверной и средней Россіи наполнены множествомъ древне-угорскихъ мѣстныхъ названій. Эта Обонежская Чудь, по свидѣтельству Европеуса, сама себя называетъ Вепсами (Wepsäläiset), представители которыхъ до сихъ поръ живутъ въ Лодейнопольскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ (удерживая свой архаическій финскій діалектъ), братьевъ которыхъ составляютъ первобытные жители окрестностей рѣкъ Ояти и Паши и которыхъ наконецъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Весью нашей начальной лѣтописи [1]).

Всѣ изложенные доводы, взаимно поддерживающіе другъ друга, едва-ли могутъ оставлять мѣсто сомнѣнію въ финской народности главной, наибольшей части кургановъ южнаго Приладожья; тѣмъ страннѣе однако встрѣчаться съ возраженіями такого рода, что тѣ-же курганы могутъ быть славянскими [2])! На какихъ основаніяхъ покоятся эти возраженія, мы рѣшительно недоумѣваемъ. Покойный Гревингкъ, руководясь разными соображеніями (между прочимъ низкимъ якобы уровнемъ туземныхъ финскихъ племенъ), правда доказывалъ, что вообще производителями и распространителями бронзовыхъ украшеній курганнаго періода, шедшихъ въ Прибалтійскій край и далѣе на Смоленскъ, Псковъ и Новгородъ, были именно Балтійскіе-же славяне [3]), но слѣдуетъ-ли изъ этого, что-бы самые курганы, гдѣ таковые предметы встрѣчаются, были непремѣнно славянскими? Это было-бы одной изъ указанныхъ выше крайностей, въ которыя впадали тѣ, кто стремился объяснять всю курганную культуру исключительно одной торговлей, или исключительно лишь племеннымъ составомъ того или другаго населенія, т. е. абсолютно принадлежавшей послѣднему индустріей. Если-бы Гревингкъ былъ и правъ, то почему-же предметы, которыми вели торгъ славяне, должны были расходиться исключительно между славянами-же, или другими словами — быть открываемы нынѣ только въ ихъ-же могилахъ? — Но и самъ Гревингкъ впослѣдствіи поступился своими воззрѣніями, допустивъ къ участію въ торговлѣ бронзой, а также и желѣзными издѣліями Германію, Готландъ, азіятскій востокъ и пр. [4]), а кромѣ того не естественно-ли ожидать, что, въ случаѣ мнимаго славянства приладожскихъ кургановъ, культура послѣднихъ должна была-бы

---

[1]) *Д. Европеусъ,* Нѣсколько соображеній о древнихъ обитателяхъ Европы (Извѣстія Географическаго Общества т. XV).

[2]) Труды VII Археол. съѣзда, т. III, проток., стр. 58, 59. «Древности»—Труды Импер. Московск. Археол. Общ., т. XIV, стр. 214.

[3]) *Н. Харузинъ,* Обзоръ доисторич. археологіи Балтійск. губерній (Временникъ Эстлянд. губ. 1893 года, кн. I. 224).

[4]) *Н. Харузинъ,* Обзоръ доисторич. археологіи, 226. Да и какъ-же иначе-бы объяснить такіе факты, какъ находку въ Приладожьѣ клада Сассанидскихъ и куфическихъ монетъ, да и вообще восточныхъ монетъ въ могилахъ той-же мѣстности. Какъ объяснять, что въ корельскомъ языкѣ купецъ и теперь еще называется *сакса,* какъ воспоминаніе о нѣмецкихъ торговцахъ, посѣщавшихъ въ средніе вѣка Балтійское побережье и прилегавшія къ нему страны. (*Л. Майковъ,* О древней культурѣ западн. финновъ).

повторяться и въ бассейнѣ Ильменя, заселенномъ также славянами, но здѣсь встрѣчаемъ не то. Правда, что относительно Ильменя извѣстно еще немногое, но уже имѣющееся не представляетъ подобной аналогіи и, во всякомъ случаѣ, пока вопросъ о культурѣ Ильменскихъ славянъ не выяснится надлежащимъ образомъ, толковать о славянствѣ приладожскихъ кургановъ совершенно преждевременно.

Къ сожалѣнію, упоминаемый вопросъ почти еще не тронутъ, и могильныя насыпи нашихъ ближайшихъ предковъ тщетно, въ теченіи многихъ лѣтъ, ожидаютъ того-же вниманія, которое выпало на долю другихъ, хотя новгородскіе славяне, казалось бы, должны были для насъ имѣть значеніе никакъ не меньшее.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Краткій журналъ курганныхъ раскопокъ въ южномъ Приладожьѣ (Новоладожскій и Тихвинскій уѣзды) 1878—1886 г.

А. *Курганы при устьѣ р. Ояти (впадающей въ Свирь).*

Группа на лѣвой сторонѣ рѣчки Малой (Кислой) Ояти[1]), между дер. Кузнецы и Чалыхъ, состоящая изъ 9 скученныхъ насыпей[2]).

I. Курганъ окружностью 40 шаговъ, вышиной 1 арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ средины на В. въ 1 арш., на четверть выше подошвы насыпи, остатки человѣческаго скелета головой на Ю. (съ небольшимъ уклономъ къ З.); у ногъ съ лѣвой стороны небольшіе слѣды гнилого дерева. При скелетѣ: у праваго бедра топоръ, обломокъ ножа, огниво и кусочекъ кремнистаго сланца; въ ногахъ черепки горшка. 2) Отъ середины на З. въ 2 арш., на той же глубинѣ, остатки другого скелета, головой на Ю.; съ правой стороны вдоль всего костяка слѣды дерева (какъ бы доски ребромъ). При немъ: у праваго бедра огниво съ кускомъ кремня (Табл. VIII. рис. 2), обломокъ ножа въ чехлѣ и наконечникъ стрѣлы; у праваго берца — топоръ. 3) Отъ середины на Ю.-З. въ 1 арш. концы ногъ и остатки костей третьяго скелета, головой на З.; кругомъ костей слѣды дерева, съ очертаніями гроба. При немъ: у лѣвой стороны черепа 6 височныхъ колецъ и, повидимому, серьга (Табл. IV, рис. 4); на животѣ найдены (лежавшія вмѣстѣ, между двухъ обрывковъ шерстяной ткани, подъ кускомъ древесной коры)—сложенная въ видѣ свертка или кома бронзовая цѣпочка, у концовъ которой находились бронзовые же ключъ, игольникъ, маленькая ложечка и подвѣска въ видѣ гуська (Табл. VII, рис. 7), а у перегиба небольшой пучекъ короткихъ тонкихъ ремешковъ. На обломкѣ праваго локтя плоскій бронзовый браслетъ съ остатками шерстяной ткани; у лѣвой ключицы малая бронзовая кольцеобразная пряжка и до 40 мелкихъ бусъ, а у таза два бронзовыхъ кольца (одно витое); наконецъ около ноги—маленькій желѣзный ножикъ. 4) Въ центрѣ кургана въ подошвѣ—огневище изъ слоя углей (около $1^{1}/_{2}$ кв. арш.) на уколоченной землѣ.

II. Той же группы курганъ неправильной формы, вышиной около $1^{1}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. Въ подошвѣ насыпи, близь середины остатки деревянной колоды (гроба), въ направленіи съ С. на Ю., длиною $3^{1}/_{4}$, шириною $1^{1}/_{4}$ арш., со слѣдами поперечной перекладины у одного конца (какъ бы родъ носилокъ); съ восточной стороны колоды узкая полоса мелкаго угля. Кости въ гробѣ совершенно истлѣли (лишь одинъ маленькій обломокъ). Въ колодѣ, въ южномъ концѣ ея, найдены: двѣ бронзовыя подвѣски съ гусиными лапками (Табл. III, рис. 8; Табл. VII, рис. 6), бронзовый же игольникъ (Табл. V, рис. 16), маленькій обрывокъ кожи, ножикъ съ костянымъ черенкомъ, бронзовая кольце-

---

[1]) Рукавъ р. Большой Ояти, впадающій въ Свирь ниже Сермаксы.

[2]) Изъ нихъ 3, наибольшія, заняты христіанскими погребеніями новѣйшаго времени (старовѣрческими).

образная пряжка и бутылкообразная пронизка, обломокъ тонкаго браслета съ грубымъ выдавленнымъ орнаметомъ, разломанное серебряное височное кольцо, гладкое бронзовое кольцо, нѣсколько безцвѣтныхъ небольшихъ бусъ со слѣдами ткани и немного обломковъ спиралей изъ бронзовой проволоки. Въ другомъ (сѣверномъ) концѣ колоды найденъ желѣзный топоръ и ножикъ съ остатками дерева на черенкѣ.

III. Той же группы курганъ окружностью 30 шаговъ, вышиной 1 арш., грунтъ песокъ. Въ подошвѣ во многихъ мѣстахъ прослойки мелкаго угля.

Въ западной сторонѣ насыпи найдены только два бронзовыхъ бубенчика, прикипѣвшіе къ обломку кости (на послѣдней слѣды ткани), серебряная монета (подделка XI вѣка), обломокъ человѣческаго ребра и два стоявшихъ рядомъ небольшихъ горшка.

IV. Той же группы курганъ окружностью 40 шаговъ, вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. Сѣверная пола насыпи круче прочихъ. Близь середины въ подошвѣ насыпи слѣды деревянной колоды (гроба) и около нихъ нѣсколько небольшихъ обломковъ желѣза (изъ нихъ одинъ отъ ножа). Подъ колодой слой пепла, а восточнѣе слой угля. Костей не оказалось.

V. Той же группы курганъ весьма неправильной формы, вышиной 1 арш.; грунтъ песокъ. Въ серединѣ насыпи безпорядочная груда человѣческихъ костей и два черепа; немного выше еще 5 черепов и нѣсколько костей, быть можетъ дѣтскихъ. По близости около череповъ два обломка ножей черепки горшка и обломокъ огнива.

VI. Той же группы курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. На поверхности насыпи слѣды бывшихъ ямъ. 1) Въ западной сторонѣ, на $^1/_2$ арш. выше подошвы, остатки скелета головой на Ю.; на обломкѣ руки бронзовый браслетъ (Табл. IV, рис. 23) и около обломокъ ножа и два куска сплавленныхъ въ огнѣ бусъ. 2) Въ восточной сторонѣ найденъ отдѣльно браслетъ изъ толстой бронзовой проволоки. 3) Въ центрѣ подошвы огневище въ видѣ слоя крупнаго угля, около котораго два обломка костей.

Б. *Курганы по р. Пашѣ (впадаетъ въ Свирь) и ея притокамъ.*

а) Группа по рѣчкѣ Кумбитѣ (рукавъ р. Паши близь устья) изъ 11 насыпей, разбросанныхъ по ея теченію.

VII. На лѣвомъ берегу между селеніями Кашинымъ и Семеновщиной, курганъ окружностью 67 шаговъ, вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 5 арш., на подошвенномъ пеплѣ слой сожженныхъ костей въ $1^1/_2$ квадр. аршина; на костяхъ и среди нихъ найдены сложенными сюда же разные предметы, съ явственными на нихъ слѣдами дѣйствія огня, а именно: 3 желѣзныхъ топора (Табл. XIII, рис. 8), 2 копья, 4 наконечника стрѣлъ 3 ножа, призматическій оселокъ, огниво, 2 тонкихъ бронзовыхъ перстня (Табл. IV, рис. 10), 23 бронзовыхъ наборныхъ бляшки (Табл. VI, рис. 5, 17, 19, 29), бронзовый наконечникъ пояса съ пряжкой (Табл. VI, рис. 16), бронзовыя пряжки подковообразная и кольцеобразная и подвѣска въ видѣ прутка съ бубенчиками на концахъ (Табл. III, рис. 20); кромѣ того здѣсь же находилось довольно много желѣзныхъ обломковъ въ видѣ узкихъ оковокъ или оправокъ съ заклепками, отъ неизвѣстныхъ предметовъ, обломки небольшихъ обоймъ съ кольцами и заклепками, звено желѣзной колѣнчатой цѣпочки, нѣсколько желѣзныхъ колецъ, пластинка съ ушкомъ и остатки расплавившейся въ огнѣ бронзовой пряжки, а также фрагменты перегорѣлыхъ костяныхъ издѣлій, какъ-то: гребня, орнаментированнаго кружками съ точками, и повидимому ножеваго черенка (въ видѣ просверленнаго цилиндрика съ обвивкой тонкой серебряной проволокой). Рядомъ съ могилой (съ сѣверной стороны) отдѣльно отъ нея

лежали крестообразно сложенные 2 желѣзныхъ меча и длинное копье (Табл. XI, рис. 2, 8). 2) Въ сѣверной сторонѣ насыпи, на той же глубинѣ—другой слой сожженныхъ костей, въ 1 кв. арш., но въ немъ найденъ лишь одинъ бронзовый бубенчикъ. 3) Въ центрѣ подошвы огневище, изъ слоя крупнаго угля, на усыпанной гравіемъ глиняной подмазкѣ; на огневищѣ найдена желѣзная сегментообразная сковорода.

VIII. Той же группы (а), рядомъ съ предъидущимъ, курганъ окружностью 63 шага, вышиной около 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 3 арш., на 1 арш. выше подошвы, небольшой слой сожженныхъ костей; на костяхъ и среди ихъ найдены сложенными сюда же разные предметы, съ явственными на нихъ слѣдами дѣйствія огня, а именно: желѣзные—топоръ, копье, ножикъ, колѣнчатая цѣпочка съ обоймой на концѣ (имѣющей заклепку) и пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, огниво). Двѣ бронзовыя наборныя бляшки (Табл. VI, рис. 13) и остатокъ третьей, бронзовый наконечникъ пояса съ пряжкой (Табл. VI, рис. 22), обломки костянаго гребня, орнаментированнаго кружками съ точками, и глиняный черепокъ. 2) Въ такомъ же разстояніи на З. и на той же глубинѣ, другой слой сожженныхъ костей, въ 1 кв. футъ; съ ними найдены: бронзовая подковообразная пряжка, остатки двухъ бронзовыхъ браслетовъ и бронзовой цѣпочки, обломокъ желѣзнаго ножа и до 40 обгорѣлыхъ бусъ изъ композиціи (1 изъ кварца). 3) Около этой могилы (§ 2), но на $^3/_4$ арш. глубже, третій отдѣльный слой сожженныхъ костей, съ которыми найдены: двѣ половинки бронзоваго шейнаго обруча (гривны), положенныя такъ, что составляли цѣлый кругъ, внутри котораго еще находились: бронзовая скорлупообразная фибула (Табл. I, рис. 3) и остатки другой такой же, два литыхъ бронзовыхъ браслета (Табл. IV, рис. 22) и обломокъ третьяго, бронзовая бочкообразная пронизка, остатки двухъ бронзовыхъ пряжекъ, обломки спиралей изъ бронзовой проволоки, желѣзный ножикъ, четыре звена желѣзной колѣнчатой цѣпочки и до 100 обгорѣлыхъ бусъ изъ сердолика, кварца и композиціи. Сверхъ того еще нѣсколько фрагментовъ расплавившейся бронзы и остатковъ сплавившихся бусъ. 4) Отъ середины на Ю. въ 4 арш., на 1 арш. выше подошвы, четвертый слой сожженныхъ костей, въ которыхъ найдены: бронзовый проволочный браслетъ и остатки другого (плоскаго), бронзовая уховертка, кольцеобразная бронзовая пряжка, желѣзный ножикъ и нѣсколько обгорѣлыхъ бусъ. 5) Въ центрѣ, нѣсколько выше подошвы, огневище въ 1 кв. арш., состоявшее изъ слоя крупнаго угля на подсыпкѣ изъ гравія; около огневища найденъ глиняный черепокъ.

IX. Той же группы (а), на лѣвомъ берегу р. Кумбиты, около 1 версты выше дер. Кашиной, курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на Ю. въ 5 арш., близь подошвы, остатки скелета головой на З.; съ лѣвой стороны костей желѣзный топоръ, у головы 2 желѣзныхъ гвоздя, а въ ногахъ 2 глиняныхъ горшка (Табл. X, рис. 5) и нѣсколько обломковъ дерева (вѣроятно, деревянной чаши), украшенныхъ прямоугольными серебряными пластинками въ видѣ оковокъ, и слой угля, простиравшійся на В. почти до края насыпи. 2) Близь середины подошвы, въ западной сторонѣ, огневище (до двухъ аршинъ въ поперечникѣ) изъ слоя крупнаго угля на подсыпкѣ изъ гравія; на огневищѣ черепки двухъ горшковъ, а около него два обломка ножей, обломокъ, повидимому, желѣзнаго котла, гвоздь и еще нѣсколько горшечныхъ черепковъ.

X. Той же группы (а), на лѣвомъ берегу р. Кумбиты, въ 1 верстѣ выше дер. Исаевой, курганъ окружностью 65 шаговъ, вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. 1) Въ вершинѣ кургана, на глубинѣ 1 арш., слой угля, рядомъ съ которымъ желѣзный полушарый котелъ съ дугообразной ручкой. 2) Отъ середины на В. въ 2 арш., на глубинѣ $1^1/_2$ арш., слой сожженныхъ костей въ 1 кв. арш., съ которыми найдены: бронзовая подковообразная пряжка (Табл. II, рис. 3), двѣ бронзовыя скор-

лупообразныя фибулы, круглая бронзовая фибула щитообразная, два бубенчика, желѣзный ножикъ и до 35 бусъ изъ композиціи. 3) Отъ середины на Ю. въ 4 арш., на мѣстной глубинѣ въ 1 арш., другой слой сожженныхъ костей, на которыхъ найдены желѣзныя конскія удила и 2 бронзовыхъ бубенчика. 4) Отъ середины на С. въ 4 арш., на мѣстной глубинѣ 1³/₄ арш., нѣсколько горшечныхъ черепковъ, немного черной обугленной массы и три полусожженныхъ бусы, а въ двухъ аршинахъ далѣе найдены разбросанными: желѣзный топоръ (Табл. XII, рис. 4), обломокъ оселка, ножикъ, круглая бронзовая подвѣска (Табл. VII, рис. 5) со слѣдами на ней позолоты и нѣсколько обломковъ бронзы, въ томъ числѣ одинъ отъ проволочной спирали.

XI. Той же группы (а), на правомъ берегу р. Кумбиты, у сел. Прилуки, курганъ окружностью 56 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на С.-З. въ 3 арш., на ³/₄ арш. выше подошвы остатки скелета, лежавшаго головой на З.; при немъ: у лѣвой стороны шеи бронзовая кольцеобразная пряжка, съ остатками въ ней грубой шерстяной ткани, а кругомъ шеи нѣсколько бусъ изъ сердолика, кварца и композиціи. 2) Въ серединѣ подошвы, на покрывавшемъ ее пепельномъ слоѣ, найдена желѣзная, воткнутая въ пепелъ лопата, а близь нея съ южной стороны слой сожженныхъ костей, въ которомъ находились: 3 бронзовыхъ бубенчика, нѣсколько перегорѣлыхъ въ пламени бусъ, обрывки бронзовой кольчатой цѣпочки и обломки бронзы, въ числѣ которыхъ одинъ отъ проволочной спирали. Еще южнѣе, около 5 арш., черепки положеннаго вверхъ дномъ горшка, подъ которыми немного сожженныхъ костей. 3) Отъ середины на З. въ 2 арш., на томъ же пепельномъ слоѣ — два глиняныхъ горшка (Табл. X, рис. 8) и близь нихъ кусокъ сплавившихся бусъ. 4) Отъ середины на С.-З. въ 1 арш., на томъ же уровнѣ, другой слой сожженныхъ костей, безъ вещей. 5) Отъ середины на В. въ 2 арш., на томъ же уровнѣ,—огневище (около 1 арш. въ поперечникѣ) изъ слоя крупнаго угля на подсыпкѣ изъ гравія; на немъ горшокъ (Табл. X, рис. 6), накрытый желѣзной сегментообразной сковородой и нѣсколько сложенныхъ кучею камней.

XII. Той же группы (а), на правомъ берегу р. Кумбиты, выше дер. Исаевой (противъ № X), курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 2¹/₂ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Въ западной части насыпи слѣды стараго заплывшаго прокопа. Отъ середины на Ю. въ 2 арш., близь подошвеннаго слоя пепла, немного сожженныхъ костей, съ которыми найденъ бронзовый бубенчикъ, обломки двухъ желѣзныхъ ножей, нѣсколько горшечныхъ обломковъ, четыре обгорѣлыхъ бусы изъ сердолика и композиціи и нѣсколько бронзовыхъ проволочныхъ колечекъ. Восточнѣе въ 2 арш. еще слой сожженныхъ костей, въ которомъ также бронзовый бубенчикъ.

б) Группа на лѣвомъ берегу р. Паши у сел. Рочевщины, изъ 6 тѣсно скученныхъ насыпей.

XIII. Курганъ окружностью 46 шаговъ, вышиной 1¹/₄ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Въ сѣверной части насыпи слѣды небольшого стараго прокопа. Въ серединѣ, на глубинѣ 1 арш., остатки дурно сохранившагося скелета, головой на З. Близь черепа ножъ, 2 бусы изъ композиціи и бронзовое проволочное кольцо, а надъ костями въ разныхъ мѣстахъ разбросаны въ пескѣ: двѣ бронзовыя подвѣски въ видѣ гуська и баранчика (Табл. III, рис. 9, 12), толстое бронзовое кольцо, бронзовая бутылкообразная пронизка, желѣзный ножъ съ деревяннымъ черенкомъ, немного обломковъ бронзовой проволочной спирали и до 40 маленькихъ бронзовыхъ колечекъ (частью нанизанныхъ вмѣстѣ) вѣроятно служившихъ бусами же.

XIV. Той же группы (б), курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной 2¹/₄ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Въ вершинѣ насыпи заплывшая яма.

Остатковъ погребенія не встрѣчено, но въ южной части близь подошвы найдены желѣзный топоръ, обломокъ огнива и черепки глинянаго горшка.

XV. Той же группы (б), курганъ окружностью 65 шаговъ, вышиной 1$^{3}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 4 арш., на $^{1}/_{2}$ арш. надъ подошвеннымъ слоемъ пепла, остатки дурно сохранившагося скелета, головой на Ю.-З., и при немъ: у таза съ правой стороны обломки проволочнаго колечка и въ ногахъ желѣзный наконечникъ стрѣлы. 2) Отъ середины на С. въ 2 арш., на той же глубинѣ, въ безпорядкѣ лежащіе остатки человѣческаго скелета; при нихъ: съ южной стороны—желѣзныя ножницы для стрижки овецъ и витой браслетъ изъ бронзовой проволоки, а съ западной—обломокъ деревяннаго ножеваго черепка. 3) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, огневище (около 1 кв. арш.) изъ слоя крупнаго угля, съ подсыпкой изъ гравія.

в) Група на правомъ берегу р. Паши, ниже впаденія въ нее р. Большой Рыбежки, изъ 7 тѣсно скученныхъ насыпей (противъ сел. Рыбижны).

XVI. Курганъ окружностью 42 шага, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на Ю. въ 3 арш., на глубинѣ 1$^{3}/_{4}$ арш., остатки дурно сохранившагося скелета, головой на З.; при немъ близь черепа глиняный горшокъ. 2) Отъ середины на З. въ 2 арш., на той же глубинѣ, остатки человѣческаго черепа, около котораго костяной черенокъ ножа и черепки горшка. 3) Въ сѣверной сторонѣ близь середины, на глубинѣ 1 арш. большой слой крупнаго угля (огневище ?), западнѣе котораго найдена желѣзная лопата и еще черепки горшка.

XVII. Той же группы (в), остатокъ на половину обвалившагося въ рѣку кургана, вышиной 1$^{1}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. 1) Въ уцѣлѣвшей (южной) части насыпи, въ подошвѣ, остатки скелета головой на З. При немъ на аршинъ въ сторонѣ отъ черепа найдены: бронзовая подвѣска съ гусиными лапками (Табл. III, рис. 13), бубенчикъ и два глиняныхъ горшка, а около шеи: бронзовая пронизка (Табл. III, рис. 10), два бронзовыхъ кольца (изъ нихъ одно височное), 4 бусы, нѣсколько маленькихъ бронзовыхъ колечекъ (вѣроятно, служившихъ бусами же) и немного обломковъ бронзовыхъ спиралей. 2) На два аршина ближе къ серединѣ и на $^{1}/_{2}$ арш. выше, остатки другого скелета, также головой на З. Около него маленькая подковообразная бронзовая пряжка, серебряная монета [1]) съ приклепаннымъ ушкомъ и длинный обломокъ желѣза въ родѣ рога отъ вилы. 3) Отъ середины на З. въ 3 арш., на той же глубинѣ, нѣсколько мелкихъ костей и съ ними серебряная монета [2]), завернутая въ обрывокъ кожи (быть можетъ, остатокъ кошелька). 4) Въ грунтѣ отдѣльно найдено полированное долото изъ глинистаго песчаника, вѣроятно, случайно попавшее въ составъ насыпи.

XVIII. Противъ той же группы (в), но на другомъ (лѣвомъ) берегу, близь сел. Рыбижны, остатки отдѣльно стоящаго кургана, окружностью 40 шаговъ, вышиной 1$^{1}/_{2}$ арш. Насыпь испорчена ямами и опахана. При дослѣдованіи насыпи, въ серединѣ ея, на глубинѣ 1 арш. встрѣчено огневище (въ два кв. аршина) изъ слоя крупнаго угля, на подсыпкѣ изъ гравія; на огневищѣ цилиндрическій желѣзный клепаный котелъ съ дугообразной ручкой и желѣзная сегментообразная сковорода. Въ трехъ аршинахъ сѣвернѣе найдена бронзовая оковка съ кольцомъ (Табл. VI, рис. 26); костей не найдено [3]).

г) Група на лѣвомъ берегу р. Большой Рыбежки (притокъ р. Паши съ

---

[1]) Саманидскій диргемъ, битый въ 933 году.

[2]) Англо-Саксонская XI в., повидимому Этельреда II.

[3]) Могила, вѣроятно, раззорена; крестьянами бывали здѣсь выпахиваемы кости.

правой стороны) у сел. Усть-Рыбижны, изъ 9 насыпей тѣсно скученныхъ и двухъ расположенныхъ вмѣстѣ, но совершенно отъ нихъ отдѣльно.

XIX. Отдѣльно стоящій курганъ, окружностью 105 шаговъ, вышиной 3¼ арш., грунтъ суглинистый песокъ. По всей подошвѣ проходитъ черноватый слой. На поверхности насыпи въ двухъ мѣстахъ слѣды старыхъ поврежденій, но неглубокихъ. 1) Отъ середины на В. въ 9 арш., въ подошвѣ небольшой слой сожженныхъ костей (около ⅓ кв. арш.), на которыхъ положено желѣзное копье и рядомъ съ нимъ ножъ съ длиннымъ черенкомъ (Табл. VIII, рис. 9), а среди костей найдены: желѣзный привѣсной замокъ (Табл. VIII, рис. 5), бронзовая пуговка въ видѣ маленькаго бубенчика, обломокъ, повидимому, стрѣлы, пять шарообразныхъ вѣсовыхъ гирекъ, желѣзныхъ, обтянутыхъ бронзой (Табл. VIII, рис. 6), небольшой желѣзный ножикъ, бронзовое кольцо, часть бронзоваго бубенчика, призматическій оселокъ, обрывокъ скрученной бронзовой проволоки и немного обломковъ неизвѣстныхъ желѣзныхъ и бронзовыхъ предметовъ. Рядомъ съ костями съ сѣверной стороны лежалъ большой желѣзный мечъ, съ остатками на немъ дерева или коры и слѣдами бывшей на рукояти инкрустаціи, отъ которой сохранились лишь гнѣзда или ячейки, а у конца его желѣзный топоръ или сѣкира (Табл. XIII, рис. 7) и нѣсколько въ сторонѣ обломокъ плоскаго оселка. Съ западной стороны костей стоялъ большой деревянный, облицованный желѣзомъ сосудъ, въ родѣ ведра съ четырьмя кольцеобразными ручками (Табл. IX, рис. 7), и здѣсь же остатки рога для питья съ оковками изъ серебряныхъ пластинокъ (Табл. IX, рис. 4) и глиняный грубый горшокъ (Табл. X, рис. 3). Еще западнѣе, въ 3 арш. отъ костей, но значительно выше, найдена отдѣльно серебряная кольцеобразная пряжка. 2) Въ западной части насыпи, почти въ 4 саж. отъ середины, близь подошвы, найдены отдѣльно маленькая желѣзная обойма съ ушкомъ и часть огнива съ звеномъ желѣзной колѣнчатой цѣпи (Табл. VIII, рис. 14). 3) Въ серединѣ кургана на ¾ арш. выше подошвы большое огневище (до 3 арш. длиною и 1¼ арш. шириною), состоявшее изъ слоя глины, усыпанной гравіемъ и покрытаго крупнымъ углемъ съ головнями; на огневищѣ находилась желѣзная сегментообразная сковорода, два глиняныхъ горшка и обломокъ таза какого-то жвачнаго животнаго, а немного выше (на ¼ арш.) надъ огневищемъ стоялъ желѣзный полушарный котелъ съ дужкой, подхваченной на крюкъ желѣзной цѣпи, которая имѣла вертикальное положеніе и какъ бы висѣла на чемъ-то (положеніе цѣпи см. на табл. X, рис. 4). 4) Кромѣ того въ средней части насыпи найдено до 100 штукъ желѣзныхъ короткихъ скрѣпъ въ родѣ заклепокъ, между которыми было нѣсколько гвоздей, скобокъ и какъ бы спиральныхъ колецъ съ хвостами (рис. 21, 22). Скрѣпы эти найдены въ направленіи съ С. на Ю. на пространствѣ длиною 14, шириною — 6 и глубиною отъ поверхности до 2 арш., причемъ онѣ группировались главнѣйшимъ образомъ по восточному и западному краямъ того же пространства и притомъ гуще въ серединѣ тѣхъ же окраинъ, такъ что здѣсь на протяженіи 8 арш. ихъ собрано до 80 штукъ, въ глубину же онѣ были расположены довольно равномѣрно. Слѣдовъ дерева не замѣчено. 5) Въ грунтѣ сѣверной части насыпи найденъ отдѣльно разломанный на двѣ части топоръ изъ слюдистаго песчаника и кремневый скребокъ, вѣроятно, случайно попавшіе въ составъ насыпи.

XX. Той же группы (г), изъ числа вмѣстѣ скученныхъ, курганъ окружностью 58 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на В. въ 3 арш., близь подошвы остатки дурно сохранившагося скелета, головой на Ю., въ ногахъ котораго глиняный горшокъ, а съ правой стороны желѣзный ножикъ; у груди и головы остатки волосъ (какъ бы отъ косы), а кругомъ костей слѣды дерева, повидимому, гроба. 2) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, найдены лежавшими вмѣстѣ желѣзная лопата и сегментообразная сковорода.

д) Группа на лѣвомъ берегу р. Паши, у сел. Балдино, изъ 8 скученныхъ и 3-хъ отдѣльно стоявшихъ насыпей [1]).

XXI. Курганъ окружностью 64 шага, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ бѣловато-пеплистый слой. 1) Отъ середины на С.-В. въ 3 арш., въ подошвѣ насыпи скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю.-Ю.-В. При немъ у праваго плеча, повидимому, желѣзный наконечникъ стрѣлы, на тазѣ—два бронзовыхъ наконечника пояса съ пряжками, а подъ тазомъ бронзовое кольцо; у правой стороны таза ножикъ, желѣзный пробой съ кольцомъ и двѣ серебряныя монеты XI вѣка (неизвѣстныхъ); съ южной стороны черепа (въ $1^1/_2$ арш.) глиняный горшокъ. 2) Отъ середины на С. въ 2 арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы остатки лежавшихъ рядомъ двухъ берцовыхъ костей. 3) Отъ середины на Ю.-В. въ 3 арш., въ подошвѣ обломки человѣческаго черепа и шейный позвонокъ. 4) Отъ середины на С.-З.-З. въ 3 арш., на 1 арш. выше подошвы черепки горшка. 5) Въ серединѣ въ подошвѣ огневище (въ $1^1/_2$ кв. арш.) изъ слоя угля на подсыпкѣ изъ гравія.

XXII. Той же группы (д), курганъ окружностью 45 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ бѣловатый слой. 1) Отъ середины на С.-В. въ 4 арш., въ подошвѣ найдены обломки челюстей коровы и барана и обломки трубчатой кости. 2) Въ серединѣ, на $^1/_2$ арш. выше подошвы, огневище (длиной 2 арш., шириной 1 арш.) изъ слоя угля на подсыпкѣ изъ гравія. На огневищѣ желѣзный сковородникъ, черепки горшка и родъ большого тонкаго желѣзнаго обруча съ петлей и крючкомъ на концахъ (быть можетъ, обтяжка глинянаго сосуда или горшка); около огневища съ западной стороны обломокъ челюсти свиньи. Остатковъ человѣческихъ костей не встрѣчено вовсе.

XXIII. Той же группы (д), курганъ окружностью 42 шага, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная покатость насыпи значительно круче прочихъ. Въ западной сторонѣ, въ подошвѣ у самаго края насыпи три вмѣстѣ глиняныхъ горшка, изъ которыхъ два стоятъ вверхъ дномъ. Въ серединѣ въ подошвѣ огневище изъ слоя угля на подсыпкѣ изъ гравія. Остатковъ костей не встрѣчено.

XXIV. Той же группы (д), курганъ окружностью 70 шаговъ, вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Отъ середины на В. въ 3 арш., на глубинѣ $1^1/_4$ арш., небольшой слой сожженныхъ костей, въ которыхъ нѣсколько обломковъ желѣза (между ними части ножика). Въ числѣ костей молочный зубъ ребенка. Около середины въ подошвѣ огневище изъ слоя угля на подсыпкѣ изъ гравія.

е) Группа изъ двухъ отдѣльно стоящихъ кургановъ на правомъ берегу р. Паши, противъ сел. Большая Нововесь [2]).

XXV. Остатки кургана (часть южной стороны срыта), имѣвшаго въ окружности около 56 шаг. и вышиною $1^3/_4$ арш., грунтъ суглинистый песокъ, по всей подошвѣ черноватый слой. 1) Отъ середины на З. въ 3 арш., на 1 арш. выше подошвы обломокъ трубчатой кости и бронзовая наборная бляшка, прикипѣвшая къ обломку желѣза. 2) Въ серединѣ, на $^1/_2$ арш. выше подошвы два обломка человѣческихъ костей, при которыхъ маленькій желѣзный топорикъ и черепки глинянаго горшечка. Около еще двѣ кости животнаго. 3) Отъ середины на Ю.-З. въ $2^3/_4$ арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы остатки въ безпорядкѣ лежавшаго скелета, головой на Ю.-З. Съ лѣвой стороны костей желѣзный топоръ и обломокъ ножа, а у черепа саксонская монета XI вѣка.

ж) Группа на правомъ берегу р. Паши, съ версту ниже дер. Новой (за вто-

[1]) Кладбище подмывается рѣкою, вслѣдствіе чего часть его уже ранѣе обрушилась въ воду.
[2]) Одинъ уже уничтоженъ, другой сохранился лишь частью.

рымъ ручьемъ) изъ многихъ малыхъ (болѣе 40) насыпей разной величины (нѣкоторыя даже едва замѣтны).

XXVI. Курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый пеплистый слой. Отъ середины на С. въ $2^1/_2$ арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы остатки скелета головой на З., безъ вещей. Отъ середины на Ю.-В., на 1 арш. выше подошвы человѣческій черепъ и нѣсколько костей въ безпорядкѣ. Отъ середины на Ю. въ 2 арш., близь подошвы, еще обломки человѣческаго черепа.

XXVII. Той же группы (ж), курганъ окружностью 36 шаговъ, вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ Ю.-З. сторонѣ, въ подошвѣ, остатки скелета головой на З.; кости не въ порядкѣ.

XXVIII. Той же группы (ж), курганъ окружностью 30 шаг., вышиной 1 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой. Насыпь не содержала въ себѣ ничего.

з) Группа на правомъ берегу р. Паши, въ полуверстѣ ниже дер. Новой (за первымъ ручьемъ), изъ 10 скученныхъ насыпей.

XXIX. Курганъ окружностью 57 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Отъ середины на В. въ 2 арш., въ подошвѣ, остатки скелета головой на Ю., но черепа не доставало. У правой ноги желѣзный топоръ, а въ ногахъ два глиняныхъ горшка и обломокъ желѣза. 2) Отъ середины на В.-В.-Ю. въ $1^3/_4$ арш. выше подошвы остатки человѣческаго черепа безъ прочихъ костей (ср. § 1). Сѣвернѣе его въ $1^1/_2$ арш., на той же глубинѣ, разбитый горшокъ, а между нимъ и черепомъ найдены: саксонская серебряная монета XI в. [1]), съ слѣдами на ней бересты, другая англо-саксонская монета XI в. [2]), съ приклепаннымъ бронзовымъ ушкомъ, бронзовый крестикъ (Табл. VII, рис. 4), ножикъ и нѣсколько желѣзныхъ обломковъ. 3) Отъ середины на С.-В. въ 2 арш., въ подошвѣ, обломки челюсти коровы. 4) Отъ середины на Ю. въ $1^3/_4$ арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы, отдѣльный человѣческій черепъ, безъ прочихъ костей; при немъ: 2 серебряныхъ височныхъ кольца съ остаткомъ ткани, шейный обручъ (гривна) изъ серебряной скрученной проволоки (Табл. V, рис. 8) и до 17 бусъ изъ сердолика и композиціи. Еще южнѣе, въ $1^1/_4$ арш. отъ черепа, въ самой подошвѣ, желѣзный топоръ. 5) Отъ середины на Ю.-З. въ $2^1/_2$ арш., въ подошвѣ, еще обломки отдѣльнаго человѣческаго черепа, а еще въ $2^1/_2$ арш. далѣе черепки горшка. 6) Въ серединѣ, на 1 арш. выше подошвы, огневище, изъ небольшаго слоя угля, на подсыпкѣ изъ гравія; рядомъ съ нимъ съ сѣверной стороны найдены: бронзовая подковообразная пряжка и небольшая буса.

XXX. Той же группы (з), курганъ окружностью 54 шага, вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ южной части близь подошвы обломки отдѣльнаго человѣческаго черепа, безъ прочихъ костей, а въ сѣверной и сѣверо-западной черепки двухъ глиняныхъ горшковъ.

XXXI. Той же группы (з), курганъ окружностью 52 шага, вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ западной сторонѣ, близь подошвы, человѣческій черепъ съ обломками костей рукъ и при немъ черепки горшка, а нѣсколько сѣвернѣе и южнѣе, на той же глубинѣ, еще два горшка. Въ серединѣ, на $^1/_2$ арш. выше подошвы, огневище изъ слоя угля.

XXXII. Той же группы (з), курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ пе-

---

[1]) Этельреда II, 978—1016 г.

[2]) Германа, герцога Саксонскаго († 1086 г.).

сокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Восточная часть насыпи круче прочихъ. 1) Отъ середины на Ю. въ $2^{1}/_{2}$ арш., на $^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы, остатки скелета головой на Ю.-З.; при немъ: въ ногахъ горшокъ, у конца правой ноги желѣзный топоръ и у таза (между ногъ) — ножъ. 2) Еще южнѣе на $^{3}/_{4}$ арш., на той же глубинѣ, остатки другого скелета, но головой на Ю.-В.; при немъ у таза (между ногъ) обломки желѣзнаго ножа. 3) Отъ середины на З. въ 4 арш., на той же глубинѣ, остатки третьяго скелета, головой на Ю.; при немъ: на лѣвомъ вискѣ бронзовое височное кольцо, у правой стороны челюсти еще два такихъ же кольца; около шеи 15 стекловидныхъ бусъ, у таза съ лѣвой стороны саксонская серебряная монета XI в. [1]), прикрытая кусочкомъ бересты, у праваго бедра тонкій браслетъ изъ скрученной бронзовой проволоки, съ остатками на немъ ткани и древесной коры, и между ногъ (у таза) родъ желѣзной короткой трубочки; въ ногахъ скелета черепки горшка.

XXXIII. Той же группы (з), курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $1^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная сторона насыпи круче прочихъ. 1) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ $2^{1}/_{2}$ арш., въ подошвѣ, человѣческій черепъ и незначительные остатки скелета, лежавшаго головой на Ю.; при костяхъ найдены: три бусы изъ сердолика и композиціи, маленькій обрывокъ бронзовой кольчатой цѣпочки, бронзовая уховертка и серебряное ручное колечко. Здѣсь же, но на $^{1}/_{2}$ арш. выше, еще обломки другого человѣческаго черепа и съ ними двѣ бусы. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ $2^{1}/_{2}$ арш., на той же глубинѣ, скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю.; при немъ: на правомъ локтѣ подковообразная бронзовая пряжка, съ слѣдами на ней коры и бересты, а въ головахъ обломокъ желѣзнаго ножа.

XXXIV. Той же группы (з), курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $1^{3}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Сѣверо-западная сторона насыпи круче прочихъ; на поверхности слѣды бывшихъ ямъ. 1) Отъ середины на Ю.-В. въ $2^{1}/_{2}$ арш., въ подошвѣ, скелетъ головой на Ю. (рукъ и таза нѣтъ); при немъ: у праваго колѣна топоръ и вдоль берцовой кости желѣзный предметъ въ родѣ желѣзной косы или широкаго серпа, между бедрами обломки ножа, въ ногахъ глиняный горшокъ. 2) Отъ середины на Ю.-Ю.-В., на той же глубинѣ, человѣческій черепъ и кости ногъ въ безпорядкѣ. 3) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ $3^{1}/_{2}$ арш., на $^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы, еще обломки человѣческаго черепа и въ 2 арш. далѣе глиняный горшокъ. 4) Въ серединѣ, на $^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы, небольшое огневище изъ слоя угля, около котораго (въ 2 арш.) съ западной стороны желѣзная лопата и желѣзный сковородникъ.

XXXV. Той же группы (з), курганъ окружностью 48 шаговъ, вышиной $1^{1}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Сѣверная сторона насыпи круче прочихъ. 1) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ 3 арш., въ подошвѣ, обломки черепа и незначительные остатки костей скелета, лежавшаго головой, повидимому, на З.-З.-Ю. При костяхъ найдены: бронзовое ручное кольцо (Табл. IV, рис. 21), буса и маленькая кольцеобразная бронзовая пряжка, съ слѣдами на ней бересты. Въ 2 арш. за черепомъ, въ томъ же направленіи — черепки горшка. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ $1^{3}/_{4}$ арш., на той же глубинѣ, черепъ и кости ногъ скелета, головой на Ю.-Ю.-З. 3) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, небольшое огневище изъ слоя угля, съ западной стороны котораго желѣзная лопата и желѣзный сковородникъ. 4) Въ грунтѣ насыпи найдены отдѣльно: небольшой каменный плоскій дискъ (діаметромъ около 2 дюйм.), съ отверстіемъ въ центрѣ, и горшечный чере-

---

[1]) Германа, герцога Саксонскаго († 1086 г.).

покъ съ орнаментаціей изъ круглыхъ ячеекъ и четыреугольныхъ точекъ (встрѣчаемой и на глиняныхъ издѣліяхъ каменнаго вѣка),—предметы, вѣроятно, попавшіе случайно въ составъ насыпи.

и) Группа на правомъ берегу р. Паши, выше дер. Новой, изъ 12 насыпей, расположенныхъ цѣпью вдоль берега и большею частью уже раззоренныхъ

XXXVI. Курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Въ серединѣ въ подошвѣ огневище (длиною 1 арш., шириною $^1/_2$ арш.) изъ слоя углей, въ видѣ головней. Остатковъ погребенія не встрѣчено.

XXXVII. Той же группы (и) курганъ окружностью 42 шага, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ западной сторонѣ насыпи слѣды заплывшей ямы. 1) отъ середины на З. въ 2 арш., на 1 арш. выше подошвы человѣческій черепъ, нѣсколько глубже котораго остатки кости и обломокъ, повидимому, желѣзнаго огнива. 2) Въ серединѣ въ подошвѣ огневище, изъ слоя угля (около 1 кв. арш.). На немъ желѣзный сковородникъ и нѣсколько сѣвернѣе глиняный горшокъ.

XXXVIII. Противъ той же группы (и), на другомъ (лѣвомъ) берегу Паши, курганъ [1]) окружностью 54 шага, вышиной $2^3/_4$ арш., грунтъ суглинокъ. По всей подошвѣ темный слой. Въ сѣверной части насыпи слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на С. въ $1^1/_2$ арш., на $1^3/_4$ арш. выше подошвы человѣческій черепъ и нѣсколько въ безпорядкѣ лежавшихъ костей скелета, при которыхъ обломокъ проволочнаго колечка. 2) Отъ середины въ 2 арш. на Ю., въ подошвѣ, найдены лежавшія вблизи другъ отъ друга желѣзный топоръ и копье; здѣсь же нѣсколько обломковъ черепа коровы, подъ которыми крупный уголь. Нѣсколько восточнѣе и немного выше — бронзовый бубенчикъ и остатки неизвѣстной серебряной монеты (совершенно стертые), съ слѣдами бронзоваго на ней ушка. 3) Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище (около $1^1/_2$ арш. въ поперечникѣ) изъ слоя угля, на подсыпкѣ изъ гравія; съ южной стороны его воткнутая вертикально желѣзная лопата, а съ западной—сегментообразная желѣзная сковорода. На аршинъ выше огневища — желѣзная цѣпь для подвѣски котла.

к) Группа на правомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши съ лѣвой стороны), близь ея устья, ниже дер. Щуковщины; состоитъ изъ 3 насыпей въ одну линію.

XXXIX. Курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Отъ середины на Ю. въ 3 арш., на поверхности насыпи (подъ дерномъ) найденъ обломокъ человѣческаго черепа и около него, повидимому, желѣзный наконечникъ стрѣлы. 2) Въ западной сторонѣ, близь середины, выше подошвы около 1 арш., огневище изъ слоя угля (около 1 кв. арш.), на подсыпкѣ изъ гравія, причемъ собственно одна подсыпка продолжалась еще на 4 арш. къ З. и надъ ней (ближе къ серединѣ насыпи) найдены двѣ бедряныхъ человѣческія кости, около которыхъ желѣзный колѣнчатый гвоздь (родъ крючка), топоръ и желѣзный же крюкъ, вѣроятно, для подвѣшиванія котла. На западномъ концѣ подсыпки находился еще слой крупнаго угля, въ видѣ поперечной (съ С. на Ю.) полосы, длиною 2 арш. и шириною 1 арш., на сѣверномъ концѣ котораго стоялъ глиняный горшокъ, а на южномъ черепки другаго, и длинный желѣзный сковородникъ (Табл. IX, рис. 1). На томъ же слоѣ угля найдены еще 5 большихъ гвоздей.

XL. Той же группы (к), курганъ окружностью 45 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ.

---

[1]) Здѣсь же рядомъ еще остатки двухъ раззоренныхъ насыпей, а ранѣе существовали еще двѣ, нынѣ окончательно распаханныя.

По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Въ серединѣ, на 1 арш. выше подошвы, отдѣльный человѣческій черепъ. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ 3 арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы человѣческій черепъ и двѣ кости рукъ, при которыхъ желѣзный топоръ. 3) Въ южной сторонѣ огневище, изъ слоя угля, длиною 1 арш., шириною $^1/_2$ арш., съ небольшой подсыпкой изъ гравія на западномъ краѣ.

л) Группа на лѣвомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши), ниже дер. Сязниги, изъ двухъ находящихся по близости насыпей.

XLI. Курганъ окружностью 42 шага, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ.

Не найдено ничего.

XLII. Той же группы (л), курганъ окружностью 64 шага, вышиной $2^1/_2$ арш.. грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пепельный слой.

Не найдено ничего.

м) Группа на правомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши) при дер. Щуковщинѣ (выше ея), изъ двухъ отдѣльно стоящихъ насыпей.

XLIII. Курганъ неправильной формы (опаханъ), вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная сторона насыпи круче. 1) Отъ середины на В. въ 4 арш., на глубинѣ $^3/_4$ арш., скелетъ головой на Ю.; кости не полны; при немъ: у праваго бедра ножъ, у таза бронзовый наконечникъ пояса съ пряжкой (Табл. VI, рис. 21) и бронзовое кольцо. 2) Отъ середины въ 2 арш. на Ю., на 1 арш. выше подошвы, огневище (длиною $1^1/_2$ арш., шириною $^1/_2$ арш.) изъ слоя крупнаго угля, на сѣверномъ концѣ котораго черепки горшка, а на западномъ—желѣзный сковородникъ; на 1 арш. въ сторонѣ, съ той же западной стороны немного обломковъ костей и еще черепки горшка.

XLIV. Той же группы (м), курганъ окружностью 54 шага, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Отъ середины на З. въ $1^1/_4$ арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы, немногіе остатки человѣческаго скелета. 2) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ 4 арш., въ подошвѣ найдены сложенными вмѣстѣ (повидимому, завернутыми въ ткань и прикрытыми древесной корой) нѣсколько отдѣльныхъ бронзовыхъ предметовъ и часть нагруднаго украшенія; въ числѣ первыхъ были: плоская прямоугольная подвѣска съ ушками (Табл. III, рис 22), бутылкообразная пронизка, три пронизки конусообразныхъ, подвѣска въ видѣ плоскаго гуська, кольцеобразная пряжка, 4 звена колѣнчатой цѣпочки, обломокъ желѣзнаго ножика и 3 серебряныя монеты XI в. [1]), а нагрудное украшеніе состояло изъ нераспавшихся еще бронзовыхъ цѣпочекъ, съ прикрѣпленными къ нимъ подвѣской (въ видѣ пѣтушка съ гусиными лапками) и конусообразной пронизки. На 1 арш. южнѣе упомянутыхъ предметовъ стояли два глиняныхъ горшка, а на 3 арш. сѣвернѣе — желѣзная лопата (Табл. IX, рис. 9). 3) Отъ середины на В. въ 3 арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы, нѣсколько въ безпорядкѣ лежавшихъ человѣческихъ костей и около нихъ съ западной стороны — желѣзное копье (Табл. XI, рис. 7). 4) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, огневище (около 1 кв. арш.) изъ слоя крупнаго угля, на глиняной смазкѣ, усыпанной гравіемъ.

н) Группа на лѣвомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши), нѣсколько выше дер. Сязниги, противъ сел. Щуковщины, изъ двухъ рядомъ стоящихъ насыпей.

XLV. Курганъ окружностью 75 шаговъ, вышиной $3^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ

---

[1]) Времени Оттона III.

слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 6 арш., въ подошвѣ, небольшой слой сожженныхъ костей (въ $^1/_2$ кв. арш.), на которомъ найдены: желѣзный наконечникъ стрѣлы, два ножика, небольшой точильный оселокъ съ отверстіемъ, родъ небольшой цилиндрической оправки изъ толстаго желѣза, бронзовый бубенчикъ, желѣзный топоръ, копье (Табл. XI, рис. 1), маленькая подковообразная бронзовая пряжка, обломочекъ обдѣланной кости (быть можетъ, ножевого черепка), желѣзная прямоугольная пластинка съ ушкомъ и остаткомъ кольца (вѣроятно, огниво) и немного обломковъ продолговатыхъ бронзовыхъ оковокъ съ гвоздиками или заклепками. У сѣвернаго края костей лежалъ желѣзный мечъ (Табл. XI, рис. 3), шишка рукояти котораго была отломана и положена на серединѣ клинка, вмѣстѣ съ другимъ топоромъ, а рядомъ съ мечемъ съ обѣихъ сторонъ были разложены: копье, еще наконечникъ стрѣлы и желѣзная полушарная бляха (umbo) отъ щита (Табл. XIII, рис. 6), въ бортѣ которой сохранилась довольно большая желѣзная заклепка. 2) Въ двухъ аршинахъ западнѣе описанной могилы, но на 1 арш. выше, найденъ обломокъ человѣческой челюсти (не кальцинированной) и небольшой серебряный шейный обручъ (гривна), близь которыхъ (въ 2 арш. на С.) отдѣльно лежали еще—топоръ и, повидимому, коновальный наборъ (Табл. IX, рис. 6), въ видѣ желѣзнаго стержня съ кольцомъ и надѣтыми на послѣднее четырьмя обоюдо-острыми ножичками. 3) Отъ середины на Ю. въ 2 арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, обломки человѣческаго черепа и незначительные остатки истлѣвшаго скелета, лежавшаго головой на Ю.; восточнѣе черепа въ $1^1/_2$ арш. и на $^1/_2$ арш. глубже, найденъ большой плоскій наконечникъ стрѣлы, съ лезвіемъ вмѣсто острія (Табл. XII, рис. 2), а южнѣе черепа на 2 арш. и на $^1/_4$ арш. глубже—черепки опрокинутаго вверхъ дномъ горшка. Еще южнѣе (отъ середины въ 8 арш.), но на $^1/_2$ арш. выше подошвы,—другой глиняный горшокъ. 4) Отъ середины на З. въ 4 арш., на $^1/_2$ арш. выше подошвы, найдены отдѣльно лежавшими: большое (до 3 дюйм. въ діам.) разомкнутое кольцо изъ бронзовой проволоки (быть можетъ, тонкій браслетъ) съ остатками на немъ ткани, обломокъ, повидимому, серьги изъ серебряной проволоки, бронзовый наконечникъ пояса съ пряжкой и маленькій желѣзный молотокъ-топорикъ; еще далѣе на 2 арш. къ З.—желѣзный ножъ. 5) въ серединѣ, на $^3/_4$ арш. выше подошвы, кругловатое огневище (до 2 арш. въ діам.), изъ слоя крупнаго угля, на глиняной, усыпанной гравіемъ смазкѣ; на немъ черепки горшка, а около (съ западной стороны)—вертикально воткнутая желѣзная лопата.

XLVI. Той же группы (н) курганъ окружностью 78 шаговъ, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Въ западной сторонѣ насыпи, на 1 арш. выше подошвы, черепъ и нѣсколько въ безпорядкѣ лежавшихъ костей человѣческаго скелета, съ одной стороны которыхъ слѣды гнилого дерева. У черепа обломокъ горшка, а около костей найдены маленькая кольцеобразная бронзовая пряжка и 2 небольшихъ серебряныхъ височныхъ кольца. 2) Отъ середины на Ю.-Ю.-З. въ 7 арш., въ подошвѣ,—каменная пряслица и въ сторонѣ отъ нея—четырехъ-конечный бронзовый крестикъ съ ушкомъ (Табл. VII, рис. 2). 3) Отъ середины на С.-С.-В. въ 6 арш., близь подошвы — желѣзный топоръ, а около него и подъ нимъ (въ подошвѣ) нѣсколько костей собаки. 4) Въ сѣверной сторонѣ, на 1 арш. выше подошвы, нѣсколько костей коровы. 5) Въ серединѣ, на $^3/_4$ арш. выше подошвы огневище, въ видѣ слоя угля (полосой длиною $1^3/_4$ арш., шириной $^1/_2$ арш.) на подсыпкѣ изъ гравія; съ западной стороны огневище, желѣзная сегментообразная сковорода и сковородникъ (Табл. IX, рис. 2), а далѣе въ сторонѣ—желѣзная лопата.

о) Группа на лѣвомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши), въ 1 верстѣ выше дер. Сязниги, изъ четырехъ насыпей.

XLVII. Курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ

пеплистый слой. Близь вершины насыпи слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на В. въ 2 арш., около 1 арш. выше подошвы, нѣсколько въ безпорядкѣ лежавшихъ человѣческихъ костей, при которыхъ бронзовая коническая пронизка и 6 мелкихъ бусъ. 2) Отъ середины на В. же въ 3 арш., близь подошвы, скелетъ головой на Ю., въ вытянутомъ положеніи; при немъ: у праваго локтя обломокъ, повидимому, наконечника стрѣлы, а у таза родъ небольшой желѣзной втулки, съ остатками въ ней дерева; у лѣваго берца—топоръ и свернутый обломокъ листовой бронзы, съ остаткомъ внутри ткани; между бедеръ у таза: желѣзное огниво въ видѣ вытянутаго кольца, серебряная монета XI в. [1]), небольшая бронзовая пластинка съ отверстіемъ на концахъ и обломокъ желѣза съ слѣдами на немъ холста и ткани. 3) Еще восточнѣе въ 2 арш., близь подошвы, другой скелетъ, въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю.; при немъ: съ правой стороны близь таза бронзовая серьга (Табл. IV, рис. 5), у праваго бедра—топоръ, на пальцѣ правой руки бронзовое проволочное кольцо и у кисти двѣ серебряныя монеты XVII вѣка [2]); у лѣвой локтевой кости (съ внутренней стороны ея) — бронзовый поясной крючекъ, украшенный изображеніями конскихъ головокъ (Табл. VI, рис. 2), обломокъ желѣза и небольшой обрывокъ кожи, а съ наружной—ножъ; между бедеръ (у таза)—кольцо изъ бронзовой проволоки и въ ногахъ (между берцами)—серебряная монета XI в. [3]). 4) Отъ середины на Ю.-Ю.-З. въ $1^{3}/_{4}$ арш., на $^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы незначительные остатки человѣческаго скелета, лежавшаго, повидимому, головой на С.; у головы черепки горшка. 5) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ 5 арш., на той же глубинѣ, отдѣльный человѣческій черепъ безъ прочихъ костей [4]); сѣвернѣе его въ 3 арш. серебряная монета XI в. [5]), а далѣе на сѣверъ же одинъ за другимъ два глиняныхъ горшка (Табл. X, рис. 7) и желѣзный гвоздь. 6) Въ серединѣ, въ подошвѣ, найдена желѣзная лопата (Табл. IX, рис. 8) сѣвернѣе которой въ 4 арш. и на $^{1}/_{2}$ арш. выше желѣзный полушарный клепаный котелъ съ дугообразной ручкой, еще глиняный горшокъ и обломокъ желѣза въ видѣ двурогой скобки.

XLVIII. Той же группы (о) курганъ окружностью 34 шага, вышиной $1^{1}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Отъ середины на Ю. въ 3 арш., въ подошвѣ, небольшой слой сожженныхъ костей (около $^{1}/_{4}$ кв. арш.) [6]), на которыхъ лежали: желѣзный шейный обручъ (гривна), плоскій бронзовый браслетъ и часть другого такого же, остатокъ бронзовой кольцеобразной пряжки, желѣзная трубочка съ ушкомъ на серединѣ и продѣтымъ въ него проволочнымъ колечкомъ (вѣроятно, игольникъ) и перегорѣлая буса. Въ двухъ аршинахъ сѣвернѣе костей, но немного выше, грубый глиняный горшокъ.

XLIX. Той же группы (о) курганъ окружностью 35 шаговъ, вышиной $1^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Въ восточной сторонѣ, близь середины, на $^{1}/_{4}$ арш. выше подошвы, скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой на В. (съ небольшимъ уклономъ къ С.); лѣваго берца недостаетъ, вещей нѣтъ. Восточнѣе черепа въ $1^{1}/_{2}$ арш., но на $^{1}/_{2}$ арш. выше, черепки горшка. 2) Отъ середины на З. въ $3^{1}/_{2}$ арш., въ подошвѣ, небольшой слой сожженныхъ костей (около $^{1}/_{4}$ кв. арш.), съ которыми найдены: желѣзный шейный обручъ (гривна), такой же игольникъ въ видѣ

---

[1]) Епископа Бернольда, города Девентеръ, до 1054 г.

[2]) Рижскія поддѣльныя. Одинъ изъ любопытныхъ и необъяснимыхъ фактовъ случайности попаданія позднѣйшихъ предметовъ въ могилу несомнѣнно древнѣйшую и притомъ видимо не разоренную.

[3]) Бруно Ш, графа Фрисландскаго, 1038—1057 г.

[4]) Выше надъ этимъ мѣстомъ слѣды бывшей ямы, почему кости быть можетъ выброшены.

[5]) Германская, времени Оттона Ш.

[6]) Вѣроятно, дѣтскихъ, судя по крайней мѣрѣ потому, что между ними найденъ сохранившійся суставъ пальца, весьма малый и тонкій. Общій вѣсъ костей = $89^{1}/_{2}$ зол.

трубки съ надѣтымъ на нее ушкомъ, причемъ въ немъ сохранилась тонкая желѣзная же иголка, звено желѣзной колѣнчатой цѣпочки, бронзовый браслетъ и обломокъ другого такого же и нѣсколько кусочковъ обгорѣлыхъ бусъ. 3) Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище, изъ слоя крупнаго угля съ подсыпкой изъ гравія.

L. Той же группы (о) курганъ окружностью 30 шаговъ, вышиной 1 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой. Въ серединѣ огневище, изъ слоя крупнаго угля съ подсыпкой изъ гравія, а южнѣе его на 2 арш.—черепки глинянаго горшка. Костей не встрѣчено вовсе.

п) Группа на лѣвомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши), въ $^1/_2$ верстѣ выше группы предъидущей; состоитъ изъ 4 насыпей.

LI. Курганъ окружностью 48 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Въ серединѣ, въ подошвѣ, незначительные остатки человѣческаго скелета, головой на В. При немъ: около шеи—до 20 крупныхъ бусъ изъ сердолика, кварца и композиціи, довольно много мелкихъ стекловидныхъ и двѣ бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки; у груди плоская бронзовая подвѣска въ видѣ коня, съ грубымъ изображеніемъ сидящаго на немъ всадника (Табл. III, рис. 2), небольшая бронзовая подковообразная пряжка и два бронзовыхъ же бубенчика; у таза бронзовый орнаментированный браслетъ (Табл. IV, рис. 17). 2) Рядомъ съ тѣмъ же скелетомъ, съ южной стороны, остатки весьма дурно сохранившагося другого скелета, головой на востокъ же. При немъ: между бедеръ (у таза) — ножикъ съ костянымъ черенкомъ, около груди — бронзовая кольцеобразная пряжка (Табл. II, рис. 12), у лѣваго берца—желѣзный топоръ и у конца ноги—разбитый горшокъ. Рядомъ съ послѣдними, съ южной стороны слой сожженныхъ костей [1]). 3) Отъ середины на Ю.-З. въ 3 арш., на 1 арш. выше подошвы, незначительныя остатки человѣческаго скелета, въ направленіи съ В. на З., состоявшіе изъ таза и костей ногъ, причемъ у таза оказалась часть черепа. Вещей нѣтъ. 4) Отъ середины на З. въ 3 арш., въ подошвѣ, слой сожженныхъ костей, въ которыхъ найдены: небольшая бронзовая овальная фабула (Табл. II, рис. 10), бронзовая бутылкообразная пронизка (Табл. III, рис. 5) и двѣ того же типа, но меньшихъ, бронзовая пронизка (Табл. III, рис. 11), бронзовый игольникъ въ видѣ трубки съ ушкомъ на серединѣ, маленькая кольцеобразная пряжка, бубенчикъ, два обломка тонкихъ бронзовыхъ спиралей и три куска, спекшихся въ огнѣ бусъ, нанизанныхъ на бронзовую проволоку.

LII. Той же группы (п) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на С. въ 3 арш., въ подошвѣ, слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), на которыхъ желѣзный топоръ, а среди костей найдены ножикъ и наконечникъ стрѣлы, съ плоскимъ лезвіемъ вмѣсто острія. 2) Въ серединѣ, въ подошвѣ же, огневище, изъ слоя угля (около 1 кв. арш.) съ подсыпкой изъ гравія.

LIII. Той же группы (п), курганъ окружностью 40 шаг., вышиной 1 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля, на подмазкѣ изъ глины; на западной сторонѣ его два черепка горшка. Костей нѣтъ.

р) Группа на правомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши), верстахъ въ $3^1/_2$ выше сел. Щуковщины; состоитъ изъ 4 насыпей.

LIV. Курганъ окружностью 38 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на З. на $1^1/_2$ арш. выше подошвы, черепъ и незначительные остатки

---

[1]) Близъ берца, между упомянутыми топоромъ и горшкомъ, такъ что топоръ частью лежалъ на самомъ слоѣ костей.

человѣческаго скелета, головой на Ю. При немъ: у головы (съ западной стороны) глиняный горшокъ и подъ головой еще другой маленькій; въ ногахъ также два горшка рядомъ (большой же и малый), а у берца два колечка изъ бронзовой проволоки. Около остатковъ скелета слѣды дерева. 2) Почти рядомъ съ нимъ съ западной стороны, въ подошвѣ, остатки другого, дурно сохранившагося скелета, въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю. же. При немъ: на обломкѣ лѣваго луча витой браслетъ изъ бронзовой проволоки, съ остатками ткани; въ грудной части — серебряная привѣска въ видѣ тонкаго кружка съ ушкомъ и выбитымъ на ней большимъ крестомъ (Табл. VII, рис. 12), двѣ серебряныя монеты [1]), до 24 малыхъ бусъ изъ композиціи и много мелкихъ стекловидныхъ, суставъ пальца съ надѣтымъ на немъ бронзовымъ проволочнымъ колечкомъ и немного остатковъ ткани; у нижней части груди—кольцеобразная бронзовая пряжка (украшенная тремя звѣриными головками), съ спускавшимися отъ нея къ тазу двумя колѣнчатыми бронзовыми цѣпочками, у концовъ которыхъ находились три бубенчика и двѣ подвѣски (въ видѣ конька и гуська) (рис. 14 на стр. 45), а ближе къ пряжкѣ подъ одной цѣпочкой найдена бронзовая уховертка, подъ другой же костяной черенокъ (отъ ножа), быть можетъ, также входившіе въ составъ упомянутаго нагруднаго украшенія; кромѣ того, на правой половинѣ таза найдена локтевая кость руки, съ надѣтымъ на нее бронзовымъ проволочнымъ браслетомъ, а ниже (у бедра)—два сустава пальцевъ съ бронзовыми на нихъ колечками, слѣды ткани и обломокъ германской серебряной монеты XI вѣка. У лѣвой стороны таза обломокъ желѣза. На костяхъ и около нихъ остатки дерева. 3) Отъ середины на В. около 1 арш., въ подошвѣ, остатки третьяго скелета, въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю.; руки соединены на животѣ. При немъ: у праваго бока обломокъ желѣза, а около костей съ лѣвой стороны остатки дерева. Южнѣе его на 1 арш., на той же глубинѣ, остатки двухъ отдѣльныхъ человѣческихъ череповъ, а восточнѣе около 1 арш.—двѣ человѣческія же кости, разбитый горшокъ и желѣзный топоръ. 4) въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище, изъ слоя крупнаго угля (около 1 кв. арш.), съ подсыпкой изъ гравія.

LV. Той же группы (р) курганъ окружностью 44 шага, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Близь вершины насыпи слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на В. въ 1 арш., выше подошвы также на аршинъ, остатки истлѣвшаго скелета (только концы ногъ и черепъ), головой на В., около которыхъ слѣды дерева и съ правой стороны обломокъ желѣза. 2) Отъ середины на Ю. въ 3 арш., на $^1/_2$ арш. выше подошвы, остатки скелета головой на В.; при немъ: на пальцѣ тонкое колечко изъ бронзовой проволоки; между колѣнъ часть деревяннаго ножеваго черенка, обвитаго бронзовой проволокой, и обломокъ желѣзнаго ножа; у головы—черепки горшка. Немного ближе къ серединѣ и на той же глубинѣ, еще два человѣческихъ черепа, изъ которыхъ при одномъ кость руки. 3) Отъ середины на Ю.-З. въ 3 арш., въ подошвѣ, остатки скелета, но въ безпорядкѣ (лишь кости ногъ и сбоку ихъ черепъ); при нихъ: у конца ногъ два глиняныхъ горшка, а сбоку—желѣзный топоръ, съ слѣдами на немъ грубой ткани; у черепа—бронзовая кольцеобразная пряжка, 6 довольно крупныхъ бусъ изъ композиціи и сердолика и много мелкихъ безцвѣтныхъ. 4) Отъ середины на З. въ 2 арш., нѣсколько выше подошвы, найдена кость отъ таза и серебряная англо-саксонская монета XI вѣка [2]). 5) Отъ середины на С. въ 2 арш. на $1^1/_4$ арш. выше подошвы, черепъ и немногіе остатки скелета, лежавшаго головой на З. 6) Въ серединѣ, на 1 арш. выше подошвы, огневище изъ слоя крупнаго угля.

---

[1]) Изъ нихъ одна Страсбургская, Генриха II, до 1024 г., а другая Венденская — подражаніе германскимъ монетамъ (Табл. VII, рис. 1).

[2]) Канута, до 1035 г.

LVI. Той же группы (р) курганъ окружностью 37 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Близь вершины насыпи слѣды двухъ заплывшихъ ямъ. 1) Почти въ серединѣ (немного на Ю.-З.), въ подошвѣ, слѣды огневища изъ крупнаго разбросаннаго угля, на западной сторонѣ котораго (у сѣвернаго конца)—желѣзная лопата, а на южной—сегментообразная сковорода (перевернутая къ верху дномъ) и сковородникъ. Здѣсь же найдена бронзовая кольцеобразная пряжка. 2) Рядомъ съ огневищемъ, съ западной стороны, скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой на Ю.; кости довольно крѣпки, но обѣихъ рукъ недоставало; около костей слѣды дерева и у правой ноги желѣзный топоръ. 3) Рядомъ съ огневищемъ съ восточной стороны (въ 2 арш. отъ скелета § 2) другой скелетъ, головой на Ю. же; кости не всѣ (лѣвой руки и лѣваго берца недостаетъ). При немъ: у праваго берца длинное желѣзное копье и у конца ноги другое копье изъ типа метательныхъ (Табл. XII, рис. 1). 4) Рядомъ съ огневищемъ съ южной стороны, третій скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой на В.; правой плечевой кости недостаетъ. Около костей и между ними слѣды дерева. При немъ: съ правой стороны таза браслетъ изъ скрученной бронзовой проволоки, надѣтый на остатокъ локтя; между бедеръ у таза два бронзовыхъ ключа (Табл. VIII, рис. 16) и черенкообразный кусокъ оленьяго рога, украшенный орнаментомъ (Табл. V, рис. 11), а нѣсколько выше (т. е. на животѣ) — еще бронзовый ключъ (Табл. VIII, рис. 17) и бубенчикъ, съ остатками или слѣдами продѣтыхъ въ нихъ шнурковъ, и бронзовая же орнаментированная уховертка (Табл. V, рис. 10); кромѣ того у лѣвой ноги—обломокъ, повидимому, ножа съ костянымъ черенкомъ, а около шеи много мелкихъ бусъ стекловидныхъ и изъ композиціи.

LVII. Той же группы (р) курганъ окружностью 46 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Отъ середины на В. въ 3 арш., въ подошвѣ, человѣческій черепъ безъ прочихъ костей (сохранилась лишь еще одна ключица); около него найдены: обломки двухъ серегъ, въ видѣ серебряныхъ колечекъ съ надѣтыми на нихъ — на одномъ серебрянымъ же (дутымъ) шарикомъ и бусой, на другомъ—маленькими металлическими обручиками; плоская бронзовая подвѣска въ видѣ уточки (рис. 10 на стр. 43) и германская серебряная монета XI в. [1]). 2) Отъ середины на Ю.-З. въ 1 арш., въ подошвѣ, двѣ кости человѣческихъ ногъ. 3) Отъ середины на З. въ 4 арш., въ подошвѣ, найдена еще бронзовая плоская подвѣска въ видѣ уточки. 4) Въ серединѣ, на 3/4 арш. выше подошвы, огневище изъ слоя крупнаго угля, въ видѣ полосы съ С. на Ю., длиною до 2 1/2 арш.; на немъ сложенная въ комъ желѣзная цѣпь и желѣзный крюкъ, вѣроятно, для подвѣшиванія котла. 5) Кромѣ того близь поверхности насыпи (на глубинѣ 3/4 арш.), въ 2 арш. отъ середины на Ю. найдены черепки двухъ глиняныхъ горшковъ, около которыхъ также слѣды угля.

c) Группа на лѣвомъ берегу р. Сязниги (притокъ р. Паши), въ 4 верстахъ выше дер. Сязниги; состоитъ изъ десяти расположенныхъ цѣпью насыпей и двухъ отдѣльныхъ еще выше въ 1 верстѣ.

LVIII. Курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной 1 1/2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 1 арш., въ подошвѣ, слой сожженныхъ костей (въ 1 кв. арш.), съ которыми найдены: 2 желѣзныхъ копья, 3 топора (Табл. XIII, рис. 4), 4 ножа, наконечникъ стрѣлы, огниво и продолговатая пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, также огниво); кромѣ того бронзовыя: массивное разомкнутое кольцо, утоняющееся къ концамъ, два обломка толстыхъ гладкихъ колецъ, остатки трехъ бубенчиковъ и нѣсколько фрагментовъ мелкихъ оковокъ неизвѣстнаго назначенія. 2) Отъ середины на Ю. въ 2 арш., въ подошвѣ, другой слой сожженныхъ костей (около 1/2 кв. арш.),

---

[1]) Имп. Конрада 1024—1039 года.

въ которомъ находились двѣ бронзовыя подковообразныя пряжки и немного остатковъ обгорѣлыхъ и сплавившихся бусъ, а немного выше двѣ бусы цѣлыхъ; западнѣе же костей въ $1^1/_2$ арш.—черепки глинянаго горшка. 3) Отъ середины на З. въ 1 арш., на $^1/_2$ арш. выше подошвы, огневище изъ слоя крупнаго угля (около 1 кв. арш.), у котораго съ южной стороны найдены 4 цѣлыхъ бусы изъ композиціи, а западнѣе огневища на 1 арш., но выше (близь поверхности насыпи) — бронзовая бутылкообразная пронизка.

LIX. Той же группы (с) курганъ окружностью 61 шагъ, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ. Въ вершинѣ насыпи заплывшая яма. 1) Отъ середины на З. въ 4 арш., близь подошвы, остатки скелета головой на Ю. При немъ: на груди—кольцеобразная пряжка изъ серебряной проволоки (Табл. II, рис. 15), бронзовая уховертка, 4 бубенчика, поддѣльная серебряная Аугсбургская монета XI вѣка съ ушкомъ для привѣски и бронзовая птичка (Табл. III, рис. 16), а у правой стороны груди—небольшой желѣзный топоръ; въ головахъ — продолговатая желѣзная пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, огниво) и небольшой желѣзный гвоздь съ слѣдами на немъ дерева. Кромѣ того съ правой же сто-стороны скелета найденъ родъ небольшаго чехла или футляра, съ бронзовой по краю его оковкой и слѣдами внутри его желѣза (вѣроятно, отъ ножа). На два аршина ближе къ серединѣ, но нѣсколько выше, находились еще двѣ бедряныя человѣческія кости и съ ними черепки двухъ глиняныхъ горшковъ. 2) Отъ середины на З. же въ $5^1/_2$ арш., близь подошвы, незначительные остатки другого, дурно сохранившагося скелета, головой на С. При немъ: около праваго бедра—обломокъ деревяннаго черенка (вѣроятно, отъ ножа) съ обвивкой изъ бронзовой проволоки, три развалившихся бубенчика и нѣсколько обломковъ желѣза (изъ нихъ одинъ отъ ножа); съ лѣвой стороны — копье, топоръ и обломокъ желѣзной трубки съ остатками внутри его дерева, а у шеи—три желѣзныхъ наконечника стрѣлъ и въ головахъ черепки горшка. Подъ костями слѣды дерева. 3) Отъ середины на В. въ 4 арш., близь подошвы, остатки дурно сохранившагося скелета, головой на Ю.; на правомъ колѣнѣ его желѣзный топоръ (Табл. XIII, рис. 9). На аршинъ южнѣе скелета, еще два человѣческихъ же черепа и немного сгнившихъ костей. 4) Отъ середины на В. же въ 5 арш., на той же глубинѣ, скелетъ головой къ Ю.; руки вытянуты, но кисти на животѣ. При немъ: на груди—остатки истлѣвшей ткани, съ бронзовой кольцеобразной пряжкой на лѣвомъ плечѣ, а у праваго бедра — желѣзный топоръ съ цилиндрическимъ молоткомъ на обухѣ. Съ лѣвой стороны скелета черепки глинянаго горшка. 5) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, горшокъ, накрытый желѣзной сегментообразной сковородой, и близь него желѣзная лопата.

LX. Той же группы (с) курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ. На поверхности насыпи слѣды нѣсколькихъ заплывшихъ ямъ. Остатки трупосожженія встрѣчены въ двухъ слояхъ насыпи, а именно: а) В ъ в е р х н е м ъ: 1) Отъ середины на В. въ 2 арш., на глубинѣ $^3/_4$ арш. отъ поверхности, слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), по краямъ котораго лежали: съ одной стороны большое копье, съ другой—желѣзная полукруглая дужка отъ котла; между ними среди костей найдены: желѣзный топоръ, наконечникъ стрѣлы (Табл. XII, рис. 9), ножикъ, еще два наконечника стрѣлы, два обломка гвоздей, бронзовая уховертка, 15 таковыхъ же наборныхъ бляшекъ (Табл. VI, рис. 1, 9), обломки расплавившейся бронзы и желѣзной колѣнчатой цѣпочки и два фрагмента перегорѣлой обдѣланной кости. 2) Немного юго-восточнѣе того же слоя и на $^1/_2$ арш. глубже, другой слой сожженныхъ костей (около 1 кв. арш.), въ которомъ найдены: мечъ, два ножа, длинный точильный оселокъ, наконечникъ стрѣлы (Табл. XII, рис. 8) или быть можетъ небольшаго метательнаго копья, топоръ, копье, еще обломокъ оселка съ отверстіемъ и три наконечника стрѣлъ (изъ коихъ одинъ съ лезвіемъ вмѣсто острія), небольшой обломокъ дерева, окованный листовой брон-

зой, желѣзный кочедыкъ для плетенія лаптей (Табл. VIII, рис. 20), бронзовая подковообразная пряжка, костяной черепокъ отъ шила или ножа, желѣзная продолговатая пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, огниво), четыре фрагмента кости съ слѣдами рѣзьбы (изъ нихъ три, быть можетъ, отъ гребня и одинъ, вѣроятно, отъ черенка) и два обломка желѣза. 3) Отъ середины на З. въ 2 арш., на глубинѣ $1^1/_4$ арш., третій слой сожженныхъ костей (около 1 кв. арш.), въ которомъ найдены: бронзовыя — длинная кольчатая цѣпочка изъ проволоки (Табл. V, рис. 1), двѣ обгорѣвшія скорлупообразныя фибулы, двѣ уховертки, два плоскихъ браслета, остатки двухъ бубенчиковъ, маленькая щитообразная фибула (Табл. I, рис. 9), конусообразная пронизка, подвѣска въ видѣ уточки, два звена цѣпочки, еще двѣ пронизки (изъ которыхъ въ одной остатокъ проволочной спирали) (Табл. VII, рис. 11), два тонкихъ проволочныхъ колечка и нѣсколько остатковъ сплавленной бронзы; желѣзныя—кольцеобразная пряжка, обломокъ ножа и обломки колѣнчатой цѣпочки. Кромѣ того 35 бусъ изъ сердолика, композиціи и стекловидныхъ (синихъ) и обломокъ точильнаго оселка съ отверстіемъ. б) В ъ н и ж н е м ъ: 4) Отъ середины на В. въ 2 арш., на глубинѣ $2^1/_2$ арш. (подъ § 1) — желѣзный топоръ и при немъ незначительное количество обломковъ сожженныхъ костей. 5) На той же глубинѣ (подъ § 2) слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), въ которомъ: желѣзные — топоръ, копье, ножъ, части колѣнчатой цѣпочки, два наконечника стрѣлъ (изъ нихъ одинъ съ лезвіемъ вмѣсто острія) и продолговатая пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, огниво); бронзовые — наборная бляшка (Табл. VI, рис. 24), два проволочныхъ браслета, въ передней половинѣ расплющенныхъ, большая кольцеобразная пряжка (Табл. II, рис. 5) и остатки сплавленной бронзы; кромѣ того перегорѣлые фрагменты складного костяного гребня и рѣзной кости и два обломка точильнаго оселка. Рядомъ съ костями найденъ футляръ рога коровы. 6) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля, на подмазкѣ изъ глины; на западной сторонѣ его желѣзная сегментообразная сковорода, а на восточной — черепки глинянаго горшка. Кромѣ того въ южной части насыпи, на глубинѣ около 2 арш., найдена лежавшею отдѣльно въ пескѣ, желѣзная трубочка съ двумя на ней обоймами въ видѣ ушковъ,—повидимому, игольникъ.

LXI. Той же группы (с) курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Въ вершинѣ слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на В. въ 3 арш. на $1^1/_4$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.) и частью повидимому, лошади [1]), съ которыми найдены: серебряная подковообразная пряжка, желѣзный топоръ, копье, точильный оселокъ съ отверстіемъ, въ которое продѣто желѣзное колечко съ звеномъ цѣпочки, 4 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, два ножа, 2 желѣзныя скрѣпы или заклепки (рис. 21 на стр. 72) и четвертушка саманидскаго диргема X вѣка. 2) Отъ середины на З. въ 4 арш., на $^1/_2$ арш. выше подошвы, незначительное количество сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми: 3 бронзовыхъ подковообразныхъ пряжки, бронзовый плоскій браслетъ (судя по величинѣ его, вѣроятно, дѣтскій), бубенчикъ, до 40 разной величины бусъ стекловидныхъ и изъ композиціи, остатокъ неизвѣстнаго предмета изъ кожи (вѣроятно, ножеваго футляра), съ фигурной оковкой изъ листовой бронзы и колечкомъ для привѣски (Табл. VII, рис. 10), и маленькій обломокъ дерева, съ набитой на него бронзовой пластинкой. Здѣсь же, но на $^1/_2$ арш. глубже, найденъ грубый черепокъ отъ глинянаго горшка.

LXII. Той же группы (с) курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной $1^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Отъ середины на З. въ 4 арш., близь подошвы найдены 4 крупныхъ

---

[1]) Въ нихъ же оказался еще фалангъ медвѣдя.

бусы и бронзовая бочкообразная пронизка, безъ всякихъ слѣдовъ костей, а въ восточной части насыпи лишь скопленіе крупнаго угля.

LXIII. Той же группы (с) курганъ окружностью 47 шаг., вышиной $1^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на З. въ $3^1/_2$ арш., близь подошвы, черепки горшка, немного сѣвернѣе котораго незначительное количество сожженныхъ костей и съ ними: два обломка бронзоваго шейнаго обруча (гривны), бронзовый браслетъ, бубенчикъ и нѣсколько обгорѣлыхъ бусъ стекловидныхъ, изъ сердолика и изъ композиціи. 2) Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище изъ слоя глины, осыпанной гравіемъ, на которомъ желѣзная сегментообразная сковорода съ кусками крупнаго угля. Восточнѣе огневища на аршинъ найденъ обломокъ точильнаго оселка.

LXIV. Той же группы (с) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. 1) Почти въ серединѣ, на $1^1/_4$ арш. выше подошвы, человѣческій черепъ и немногіе (въ безпорядкѣ) остатки скелета, головой на Ю.; у головы черепки глинянаго горшка. 2) Въ серединѣ, на той же глубинѣ, огневище, изъ слоя угля, въ видѣ неправильнаго круга до 2 арш. въ діаметрѣ; на сѣверномъ краѣ его желѣзный полушарный котелъ съ плоской дужкой (Табл. X, рис. 4) и при немъ длинная желѣзная цѣпь, съ двумя крюками на концахъ, а на аршинъ западнѣе котла—сегментообразная сковорода, сковородникъ и нѣсколько отдѣльныхъ человѣческихъ костей; у восточнаго края огневища, но на $^1/_4$ арш. выше, еще нѣсколько человѣческихъ же костей и при нихъ желѣзное копье.

LXV. Той же группы (с) курганъ окружностью 40 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 3 арш., въ подошвѣ, слой сожженныхъ человѣческихъ костей, въ которомъ найдены: желѣзныя — кольцо, наконечникъ стрѣлы, 2 топора, копье, 2 ножа, 2 небольшихъ точильныхъ оселка съ отверстіями, 3 обломка неизвѣстнаго предмета изъ листового желѣза; бронзовыя—бубенчикъ, наконечникъ пояса (Табл. VI, рис. 8), 11 наборныхъ бляшекъ (Табл. VI, рис. 14 и 27) и одна бляшка круглая (Табл. VI, рис. 14). Еще на аршинъ восточнѣе и немного сѣвернѣе отсюда, на той же глубинѣ, другой слой сожженныхъ костей, частью человѣческихъ, частью животныхъ (въ томъ числѣ собаки и коровы); въ костяхъ найдены желѣзныя удила (Табл. XIII, рис. 10). 2) Отъ середины на З. въ $3^1/_2$ арш., въ подошвѣ же, третій слой сожженныхъ костей, въ которомъ найдены: серебряная наборная бляшка (Табл. VI, рис. 7) съ припаяннымъ на оборотѣ ушкомъ, и кусокъ спекшихся бусъ, а восточнѣе костей въ $1^1/_2$ арш., найдены отдѣльно двѣ цилиндрическихъ и одна шаровидная бронзовыя пронизки. 3) Отъ середины на С.-З. въ 3 арш., въ подошвѣ обломокъ человѣческаго черепа и въ безпорядкѣ лежавшія незначительные остатки скелета. 4) Отъ середины на Ю. въ $1^1/_2$ арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы, найдена желѣзная лопата, а немного глубже подъ нею топорикъ съ молоткомъ на обухѣ (Табл. XIII, рис. 2); еще южнѣе на аршинъ—желѣзное копье (Табл. XII, рис. 13).

LXVI. Той же группы (с) курганъ окружностью 52 шага, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на С.-З. въ 3 арш., на 1 арш. выше подошвы, слой сожженныхъ костей, съ которыми найдена лишь одна бронзовая небольшая пронизка. 2) Отъ середины на С.-З. же, нѣсколько далѣе, но въ подошвѣ насыпи—черепъ и кости рукъ человѣческаго скелета. 3) Отъ середины на В. въ 2 арш., въ подошвѣ—нѣсколько человѣческихъ же костей въ безпорядкѣ (черепа нѣтъ) и около нихъ желѣзный топоръ; немного далѣе еще часть человѣческаго скелета, также безъ черепа. 4) Отъ середины въ 3 арш. на Ю., въ подошвѣ, отдѣльный человѣческій черепъ.

LXVII. Той же группы (с) отдѣльно стоящій курганъ, окружностью 70 шаг., вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ суглинистый песокъ. По всей подошвѣ слой пепла. 1) Въ серединѣ, на 1 арш. выше подошвы найдено человѣческое бедро. 2) Въ серединѣ, въ подошвѣ, большое огневище, изъ слоя крупнаго

угля (до 3 арш. длиною и 2-хъ шириною) на глиняной подмазкѣ, усыпанной гравіемъ. Въ центрѣ его желѣзный полушарный котелъ, около котораго съ западной стороны — три глиняныхъ горшка, а съ южной—желѣзная сегментообразная сковорода.

LXVIII. Той же группы (с), другой отдѣльно стоящій курганъ, окружностью 54 шага, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Отъ середины на Ю. въ $1^1/_2$ арш., близъ поверхности (на глубинѣ $^1/_2$ арш.), въ безпорядкѣ лежащія кости человѣческаго скелета, при которыхъ желѣзное копье, топоръ и глиняный горшокъ; рядомъ съ ними слой сожженныхъ костей, въ которыхъ найдена перегорѣлая сердоликовая буса, а глубже на 1 арш. (въ подошвѣ)—желѣзная лопата. 2) Въ серединѣ, близъ поверхности (на глубинѣ около $^1/_4$ арш.) огневище, изъ слоя крупнаго угля на глиняной подмазкѣ, съ подсыпкой изъ гравія; на немъ тонкій бронзовый котелъ (Табл. X, рис. 9). Рядомъ съ огневищемъ съ юго-восточной стороны, два рядомъ же человѣческихъ скелета, головами на Ю.-Ю.-В.: при одномъ изъ нихъ—близъ оконечности правой ноги небольшой желѣзный топоръ и глиняный горшечекъ, при другомъ же—у праваго бедра топоръ, у лѣваго ножъ, между бедеръ (у таза) продолговатая желѣзная пластинка (вѣроятно, огниво) и у шеи—бронзовая кольцеобразная пряжка.

т) Группа на правомъ берегу р. Паши, съ $^1/_2$ версты выше сел. Вихмесъ, изъ 6 насыпей, расположенныхъ рядомъ цѣпью, и трехъ отдѣльныхъ, стоящихъ нѣсколько далѣе.

LXIX. Курганъ окружностью 84 шага, вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Въ западной сторонѣ слѣды заплывшей ямы. Остатки трупосожженія встрѣчены въ двухъ слояхъ насыпи: а) Въ верхнемъ: 1) Отъ середины на В. въ $4^1/_2$ арш., близъ поверхности (на глубинѣ около $^1/_2$ арш.), слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), съ которыми найдены: изогнутое въ видѣ крюка желѣзное копье, ножъ, удила (Табл. XIII, рис. 5) и остатокъ бронзовой подковообразной пряжки. Близъ того же слоя (на $^1/_2$ арш. западнѣе), но немного глубже, найдены лежавшими вмѣстѣ: другое большое копье, ножъ и обломокъ желѣза, при которыхъ также нѣсколько обломковъ сожженныхъ человѣческихъ же костей. б) Въ нижнемъ: 2) Отъ середины на С.-В. въ 5 арш., на мѣстной глубинѣ въ 1 арш., второй слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.) и съ ними: желѣзный ножъ и большая бронзовая подковообразная пряжка (Табл. II, рис. 4), съ слѣдами на ней древесной коры. 3) Отъ середины на В. въ 4 арш., на мѣстной глубинѣ въ $1^1/_4$ арш., третій слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около 1 кв. арш.), въ которыхъ найдены: желѣзныя удила (Табл. XIII, рис. 1), большое копье, ножъ съ прикипѣвшими къ нему большимъ бронзовымъ полукольцомъ и остатками фигурной оковки изъ листовой бронзы, еще ножъ, бронзовая кольцеобразная пряжка (Табл. VII, рис. 9), полурасплавленная бронзовая пронизка, два бубенчика, бронзовая пуговка и немного фрагментовъ перегорѣлой обдѣланной кости, бронзы и желѣза. При вещахъ найдены также незначительные остатки древесной коры, съ вдавленными въ нее слѣдами бронзовой окиси. 4) Отъ середины на Ю. около 5 арш., на мѣстной глубинѣ въ 1 арш., еще немного сожженныхъ костей и съ ними желѣзный ножъ. 5) Отъ середины на З. въ 6 арш., на мѣстой глубинѣ $1^1/_2$ арш., четвертый слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.) и съ ними: бронзовыя—остатокъ шейнаго обруча (гривны), двѣ сложенныхъ вмѣстѣ перегорѣлыхъ скорлупообразныхъ фибулы, два массивныхъ браслета (Табл. IV, рис. 18), три боченкообразныхъ пронизки, подковообразная пряжка (съ остаткомъ при ней ткани) и немного обломковъ перегорѣлой бронзы; кромѣ того, желѣзный ножикъ.

LXX. Той же группы (т) курганъ окружностью 70 шаговъ, вышиной $2^3/_4$ арш., грунтъ песокъ;

по всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная часть насыпи круче прочихъ. Въ западной и сѣверной сторонахъ насыпи, близь поверхности (на глубинѣ $^1/_2$ арш.), найдены въ незначительномъ количествѣ остатки сожженныхъ человѣческихъ костей, безъ всякихъ при нихъ вещей. въ серединѣ же въ подошвѣ огневище, изъ слоя угля на подсыпкѣ изъ гравія.

LXXI. Той же группы (т) курганъ окружностью 68 шаг., вышиной $3^1/_2$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная часть насыпи круче прочихъ. Остатки трупосожженія встрѣчены въ двухъ слояхъ: а) Въ верхнемъ: 1) Отъ середины на В. въ 4 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^1/_2$ арш.) слой сожженныхъ человѣческихъ костей [1]), въ которыхъ найдены: желѣзные—2 ножа, огниво и наконечникъ стрѣлы; бронзовыя—подковообразная пряжка, проволочное колечко и продолговатый обломокъ неизвѣстнаго предмета; кромѣ того, обгорѣлые фрагменты костяного гребня. б) Въ нижнемъ: 2) Почти въ серединѣ (на 1 арш. къ З.), на глубинѣ 1 арш., незначительные остатки сожженныхъ человѣческихъ костей и съ ними 3 бронзовыхъ боченкообразныхъ пронизки. а южнѣе на 1 арш., отдѣльно, —еще 2 подковообразныхъ пряжки (Табл. II, рис. 1). 3) Отъ середины на З. въ 4 арш., на той же глубинѣ въ 1 арш., отдѣльно найденъ плоскій бронзовый браслетъ. 4) Отъ середины на В. въ 4 арш., на мѣстной глубинѣ въ $1^1/_2$ арш., другой слой сожженныхъ костей (человѣческихъ, съ примѣсью мелкихъ животныхъ), въ которыхъ найдены: желѣзные—5 наконечниковъ стрѣлъ, ножъ, еще наконечникъ стрѣлы (Табл. XII. рис. 3) и огниво; бронзовыя—подковообразная пряжка. остатки другой таковой же. 2 ручныхъ кольца (Табл. IV. рис. 19) и проволочное колечко; кромѣ того обгорѣлые фрагменты костяного гребня и, быть можетъ, ножеваго черенка. 5) Отъ середины на С. въ 6 арш., на мѣстной глубинѣ въ $1^1/_4$ арш.—часть желѣзной оковки отъ неизвѣстнаго предмета, съ двумя въ ней гвоздями.

LXXII. Той же группы (т) курганъ окружностью 56 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная часть насыпи круче прочихъ. 1) Отъ середины на З. въ 2 арш.. близь поверхности (на глубинѣ $^1/_4$ арш.), незначительное количество сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми найдены: бронзовыя — подковообразная пряжка, колѣнчатая цѣпочка съ привѣской въ видѣ гусиной лапки, обрывокъ цѣпочки изъ проволочныхъ колецъ. нѣсколько обломковъ спирали, бубенчикъ (Табл. III. рис. 4) изъ очень тонкой листовой бронзы и остатки еще двухъ такихъ же, тонкое проволочное колечко и квадратная обтяжка, вѣроятно, отъ ножевого черенка. кромѣ того, нѣсколько сплавившихся бусъ и маленькій желѣзный ножикъ. 2) Отъ середины на В. въ 3 арш., также близь поверхности (отъ $^1/_4$—$^1/_2$ арш.) немного сожженныхъ человѣческихъ костей, разбросанныхъ на пространствѣ около 1 кв. арш., съ которыми найдены: огниво (Табл. VIII, рис. 3), наконечникъ стрѣлы, ножъ и обломокъ тонкой бронзовой спирали. 3) Отъ середины на С. въ 5 арш. также близь поверхности. еще немного сожженныхъ костей. разбросанныхъ на пространствѣ около 1 кв. арш.; кости. повидимому. животнаго (судя по найденному въ нихъ большому зубу).

LXXIII. Той же группы (т) курганъ окружностью 60 шаговъ. вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ слой пепла.

Не найдено ничего.

LXXIX. Той же группы (т). курганъ окружностью 56 шаговъ, вышиной $2^1/_2$ арш. грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Отъ середины на В. въ $2^1/_2$ арш., близь поверхности (подъ самымъ дерномъ), немного сожженныхъ костей. въ которыхъ лишь небольшіе слѣды бронзовой

---

[1]) Въ числѣ ихъ оказалась сожженная пяточная кость зайца.

окиси. 2) Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля (длиною до 2 арш.), съ подсыпкой изъ гравія.

LXXX. Той же группы (т), изъ числа отдѣльностоящихъ — курганъ окружностью 45 шаговъ, вышиной 1$^3/_4$ арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на Ю. въ 4 арш., въ подошвѣ, остатки человѣческаго скелета, головой на Ю.-В.; лѣваго бедра и обѣихъ локтевыхъ костей нѣтъ. При немъ у праваго плеча бронзовая кольцеобразная пряжка. Ближе къ серединѣ на 2 арш., въ подошвѣ же, огневище изъ слоя угля, съ подсыпкой изъ гравія. 2) Отъ середины на В. въ 3 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^1/_2$ арш.) — желѣзное копье (Табл. XI, рис. 5), вертикально воткнутое въ грунтъ, и около него одна буса. 3) Отъ середины на Ю.-В. въ 3 арш., отдѣльный человѣческій черепъ, безъ прочихъ костей.

у) Группа на правомъ берегу р. Паши, у Воскресенскаго ручья (немного выше группы *т*), изъ трехъ насыпей, по обѣимъ сторонамъ ручья.

LXXXI. Курганъ окружностью 40 шаговъ, вышиной 2$^1/_2$ арш., грунтъ суглинистый песокъ; въ восточной сторонѣ насыпи слѣды заплывшаго прокопа. При дослѣдованіи насыпи найдены: 1) Отъ середины на З. въ 6 арш., близь подошвы желѣзный топоръ (Табл. XIII, рис. 3). 2) При расчисткѣ прокопа бронзовая фибула (Табл. I, рис. 7), обломокъ, повидимому, ножа, 12 бусъ изъ композиціи, кварца и стекловидныхъ и нѣсколько разбросанныхъ обломковъ сожженныхъ костей.

LXXXII. Той же группы (у) курганъ окружностью 45 шаговъ, вышиной 1$^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой.

Не найдено ничего.

LXXXIII. Той же группы (у) курганъ окружностью 32 шага, вышиной 1$^3/_4$ арш., грунтъ суглинистый песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Отъ середины на С. въ 1 арш., въ подошвѣ, незначительные остатки (лишь двѣ бедряныхъ кости) скелета, головой на В.; около нихъ (съ восточной стороны) черепки горшка. 2) Отъ середины на Ю.-Ю.-В. въ 2 арш., на 1 арш. выше подошвы, черепки другого горшка. 3) Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля, съ подсыпкой изъ гравія; рядомъ съ нимъ еще черепки большого горшка.

ф) Группа на правомъ берегу р. Паши, у Кучевицкаго ручья (около версты выше группы *у*), изъ 4 насыпей, стоящихъ попарно, правѣе ручья.

LXXXIV. Курганъ окружностью 64 шага, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пепельный слой. Въ восточной и сѣверной сторонахъ слѣды заплывшихъ прокоповъ. 1) Близь середины (на 1 арш. къ В.), на 2 арш. выше подошвы, слой сожженныхъ костей человѣческихъ и животныхъ [1]), въ видѣ полосы (длиною до 2 арш. и шириною около $^1/_2$ арш.) направлявшихся къ В. На западномъ концѣ слоя найдены сложенными: желѣзное копье съ орнаментомъ на тулеѣ (Табл. XI, рис. 9), ножъ, удила, два обломка большихъ бронзовыхъ подковообразныхъ пряжекъ и обгорѣлая буса, а на восточномъ—обломокъ бронзовой трубочки и небольшой желѣзный клинышекъ (вѣроятно, отъ топорища). 2) Отъ середины на Ю. въ 4 арш., на той же глубинѣ, небольшой слой сожженныхъ костей ребенка, въ числѣ которыхъ нѣсколько обломковъ костей зайца, и съ ними бронзовая подковообразная пряжка. 3) Отъ середины на Ю.-Ю.-З. въ 4 арш., на той же глубинѣ, третій слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.) и съ ними обломокъ тонкаго бронзоваго браслета.

---

[1]) Въ числѣ ихъ 15 перегорѣлыхъ медвѣжьихъ фаланговъ (когтевыхъ), 2 хвостовыхъ позвонка лошади или быка и 3 кости лисицы.

LXXXV. Той же группы (ф) курганъ окружностью 62 шага, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ, по всей подошвѣ слой пепла. Въ восточной части слѣды заплывшаго прокопа. 1) Отъ середины на Ю.-Ю.-В. въ 3 арш., на 2 арш. выше подошвы, слой сожженныхъ костей (около $^{1}/_{2}$ кв. арш.) человѣческихъ и мелкаго животнаго, въ которыхъ найдены желѣзный ножикъ и небольшой наконечникъ стрѣлы, а немного западнѣе и выше — нѣсколько мелкихъ бусъ. 2) Отъ середины на З. въ $2^{1}/_{4}$ арш., на $1^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы, небольшое количество сожженныхъ костей, съ которыми также нѣсколько мелкихъ бусъ, въ томъ числѣ одна бронзовая. 3) Въ сѣверной сторонѣ, близь середины, въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля.

LXXXVI. Той же группы (ф) курганъ окружностью 50 шаг., вышиной $1^{3}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Въ южной части, близь середины, на 1 арш. выше подошвы найдены разбросанными: плоская бронзовая пряжка (Табл. II, рис. 6), два простыхъ бронзовыхъ браслета, желѣзный ножъ и два наконечника стрѣлъ. Костей не встрѣчено.

LXXXVII. Той же группы (ф) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $2^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная сторона насыпи круче прочихъ. Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля. Костей не встрѣчено.

х) Группа на правомъ берегу р. Паши, ниже дер. Кирилиной (между нею и Кучевицкимъ ручьемъ), изъ 7 разбросанныхъ насыпей, частью близь берега, частью до $^{1}/_{2}$ версты отъ него въ отдаленіи.

LXXXVIII. Курганъ окружностью около 50 шаговъ, вышиной $2^{1}/_{2}$ арш., грунтъ суглинокъ. Половина насыпи уже обрушилась въ рѣку. 1) Отъ середины на С.-В. въ 4 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^{1}/_{2}$ арш.), слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^{3}/_{4}$ кв. арш.), въ которомъ найдены: половина бронзоваго браслета и остатокъ расплавившейся, повидимому, пряжки, желѣзный наконечникъ большого металлическаго копья и другой—малаго (Табл. XII, рис. 10), большой ножъ съ выпуклымъ лезвіемъ, желѣзная пряжка трапеціональной формы и обломокъ желѣзной же трубочки съ продольнымъ прорѣзомъ. Въ томъ же направленіи на С.-В., но нѣсколько ближе къ серединѣ, еще немного сожженныхъ костей и съ ними —небольшое желѣзное копье, 2 ножа, бронзовое колечко и еще половина бронзоваго браслета. 2) Отъ середины на С. въ 2 арш., почти на поверхности (подъ дерномъ), найденъ желѣзный наконечникъ стрѣлы, съ вогнутымъ лезвіемъ вмѣсто острія. 3) Отъ середины на З. въ $1^{1}/_{2}$ арш., также подъ дерномъ, нѣсколько обломковъ сожженныхъ костей, и съ ними: бронзовая кольцеобразная плоская пряжка (Табл. II, рис. 9), нѣсколько обломковъ бронзовыхъ проволочныхъ височныхъ колецъ, кусокъ спекшихся въ огнѣ бусъ и маленькій обрывокъ, повидимому, кожи.

LXXXIX. Той же группы (х) курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 3 арш., грунтъ суглинокъ. Въ серединѣ и въ западной сторонѣ насыпи слѣды двухъ заплывшихъ ямъ. Остатки погребеній встрѣчены въ двухъ слояхъ: а) Въ верхнемъ: 1) Отъ середины на С. въ 2 арш., близь поверхности (на глубинѣ около $^{3}/_{4}$ арш.), немного разбросанныхъ сожженныхъ костей, съ которыми найдены: бронзовыя — разломанный на двѣ части тонкій шейный обручъ (гривна), 6 бубенчиковъ, маленькій (вѣроятно, дѣтскій) плоскій браслетъ, полурасплавленная подвѣска въ видѣ уточки и нѣсколько проволочныхъ височныхъ колецъ; кромѣ того небольшой желѣзный топоръ, ножикъ и обломокъ еще другого, желѣзный наконечникъ стрѣлы, фрагменты костяного гребня и нѣсколько обгорѣлыхъ бусъ изъ композиціи. б) Въ нижнемъ: 2) Въ серединѣ, на глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш., незначительные остатки скелета (лишь немногіе обломки черепа, реберъ, позвонковъ, таза и верхняя часть бедра), положеннаго, повидимому, головой на В.; при нихъ найдены: у остатковъ черепа—желѣзная

полушарная бляха (umbo) отъ щита, съ нѣсколькими мелкими обломками желѣза, на которыхъ слѣды дерева (вѣроятно, скрѣпъ отъ щита же), бронзовая кольцеобразная пряжка, 8 бусъ и обломокъ желѣза въ деревянной оправѣ (быть можетъ, отъ ножа), а нѣсколько въ сторонѣ (около 1 арш.)—желѣзная заклепка (также съ слѣдами дерева) отъ упомянутой щитовой бляхи. Въ грудной части — бронзовая щитообразная фибула, съ слѣдами на ней ткани, и два звена колѣнчатой цѣпочки изъ бронзовой проволоки, двѣ бронзовыхъ же фибулы скорлупообразныхъ, съ остатками на нихъ холста и шерстяной ткани (а на одной кромѣ того и древесной коры) и 16 крупныхъ бусъ изъ кварца и композиціи. Ниже грудной части и на мѣстѣ таза — колѣнчатая цѣпочка изъ бронзовой проволоки (такая же, какъ и выше), желѣзный ножъ съ остатками деревяннаго, обмотаннаго проволокой черенка и чехла, или футляра, два бронзовыхъ наконечника пояса (Табл. VI, рис. 10, 25) и 9 наборныхъ бляшекъ (Табл. VI, рис. 3), съ слѣдами на нихъ шерстяной ткани и кожи. Здѣсь же по близости найдено желѣзное копье, а нѣсколько далѣе къ западу—футляръ рога коровы. Съ правой стороны остатковъ скелета найдены — бронзовый браслетъ, желѣзный наконечникъ стрѣлы, призматическій оселокъ съ отверстіемъ, топоръ, маленькій привѣсный желѣзный замокъ и обломокъ желѣза. Кромѣ того кругомъ скелета (въ разстояніи отъ него 2—3 арш. и частью немного глубже) подобраны еще отдѣльно: съ сѣверной, восточной и западной сторонъ — пять наборныхъ бляшекъ, двѣ шарообразныхъ вѣсовыхъ гирьки, обрывокъ кожи, еще обломокъ бронзовой бляшки и бронзовая подковообразная пряжка, а съ восточной же стороны въ 4 арш., но нѣсколько выше, — бронзовый браслетъ (Табл. IV, рис. 3) и крупная буса. 3) Наконецъ въ серединѣ же, на глубинѣ также $1^3/_4$ арш., около упомянутой могилы находилось огневище, изъ слоя угля съ подсыпкой изъ гравія.

XC. Той же группы (x) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ темный слой съ слѣдами угля. Южный скатъ насыпи гораздо отложе прочихъ. 1) Отъ середины на С.-В. въ $1^1/_2$ арш., въ подошвѣ, незначительные остатки скелета (черепъ и кости лѣвой руки), положеннаго, повидимому, головой на В.; при немъ съ правой стороны: у головы—желѣзный топоръ и бронзовая подковообразная пряжка; у груди—4 шарообразныхъ вѣсовыхъ гирьки, обломки желѣза, буса, обломки серебряной монеты X в. (Саманидской) и нѣсколько далѣе—желѣзное копье; съ лѣвой стороны — бронзовое проволочное кольцо, уховертка и бутылкообразная пронизка, плоскій точильный оселокъ и два обломка желѣза (быть можетъ, ножа). 2) Отъ середины на Ю. въ 1 арш., на $^3/_4$ арш. отъ поверхности, кости ногъ скелета (черепа и прочихъ не было) въ направленіи на З.; у одного конца ихъ найденъ топоръ, у другого—обломки копья. На $^1/_2$ арш. южнѣе и немного глубже — еще два обломка костей и при нихъ черепки грубаго горшка. 3) Еще южнѣе (отъ середины въ $3^1/_4$ арш.), въ подошвѣ, остатки третьяго скелета, головой на В.-В.-С.; при немъ: около черепа—13 очень мелкихъ бусъ и двѣ граненыхъ изъ композиціи, два обломка тонкой бронзовой спирали и плоское бронзовое ручное колечко, а въ ногахъ цилиндрическій бронзовый котелокъ, опрокинутый вверхъ дномъ. 4) Отъ середины на Ю.-В. въ 3 арш., въ подошвѣ же, еще немного обломковъ человѣческихъ костей и съ ними бронзовая кольцеобразная пряжка, съ слѣдами на ней ткани.

XCI. Той же группы (x) курганъ окружностью 54 шага, вышиной $1^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пепелистый слой. Сѣверная часть насыпи значительно круче прочихъ. 1) Отъ середины на С. въ 2 арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы, незначительные остатки скелета (черепъ, тазъ и правое бедро), головой на З.; при немъ: у черепа—до 25 бусъ (большею частью изъ кварца, по нѣсколько изъ композиціи и 6 металлическихъ) и три бронзовыхъ височныхъ кольца съ остатками кожи и ткани; въ грудной части—обломки, повидимому, кольцеобразной бронзовой пряжки, большая

подвѣска изъ бѣлой бронзы (Табл. III, рис. 3), съ остатками на ней древесной коры, и бронзовое кольцо. 2) Отъ середины на З. въ 5 арш., въ подошвѣ, остатки другого скелета, головой на Ю.; при немъ: на груди—англо саксонская монета XI в. [1]), въ ногахъ—обломокъ ножа, продолговатая пластинка желѣза и бронзовая обложка, съ остатками внутри ея, повидимому, кожи (быть можетъ, наконечникъ широкаго пояса); ближе къ серединѣ на 3 арш., отдѣльно найденъ желѣзный наконечникъ стрѣлы. 3) Отъ середины на Ю.-З. въ 4 арш., въ подошвѣ же, отдѣльный человѣческій черепъ, безъ прочихъ костей.

XCII. Той же группы (x) курганъ окружностью 40 шаговъ, вышиной $1^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Сѣверная сторона насыпи гораздо круче прочихъ. 1) Отъ середины на Ю. въ 6 арш., близъ подошвы, немногіе остатки скелета, головой на З., при немъ: около черепа—бронзовая кольцеобразная пряжка; у таза съ правой стороны—желѣзный топоръ и въ ногахъ глиняный горшокъ. 2) Отъ середины на В.-В.-Ю. въ 4 арш. — отдѣльно желѣзный топоръ. 3) Отъ середины на Ю.-З. въ 3 арш., близъ подошвы, незначительное количество сожженныхъ костей, съ которыми полурасплавленная пряжка и 3 обгорѣлыхъ бусы (стекловидная и изъ композиціи). 4) Въ серединѣ, на 1 арш. выше подошвы, огневище, изъ слоя угля съ подсыпкой изъ гравія. На немъ желѣзный сковородникъ (Табл. IX, рис. 10) и лопата.

XCIII. Той же группы (x) курганъ окружностью 75 шаговъ, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная сторона насыпи гораздо круче прочихъ. 1) Отъ середины на Ю.-З. въ 5 арш., близъ подошвы, немногіе остатки скелета, головой на Ю.; при немъ: у лѣваго виска остатокъ кожи, съ прикрѣпленными къ ней четырьмя бронзовыми кольцами; кругомъ шеи ожерелье изъ бусъ (стекловидныхъ, изъ кварца и изъ композиціи) и изъ двухъ серебряныхъ германскихъ монетъ XI в. [2]), съ придѣланными къ нимъ ушками; на пальцѣ правой руки серебряный перстень (Табл. IV, рис. 9). На груди найдено украшеніе, состоявшее изъ бронзоваго кольца (съ остатками матеріи и продѣтыми въ него ремешками), отъ котораго спускались три цѣпочки, съ прикрѣпленнымъ къ одной изъ нихъ бубенчикомъ; кромѣ того здѣсь же найдены лежавшими отдѣльно: маленькая кольцеобразная пряжка, каменная пряслица, бутылкообразная бронзовая пронизка (Табл. III, рис. 7), двѣ серебряныя монеты г. Утрехта XI в. [3]), плоская бронзовая подвѣска въ видѣ двулистника (Табл. III, рис. 21) съ обвязкой изъ ремешка, и черенокъ ножа, а нѣсколько ниже къ тазу — двѣ бронзовыя пронизки (коническая и бутылкобразная), бронзовая уховертка съ ремешкомъ въ ушкѣ и обломки бронзовыхъ спиралей (набранныхъ на ремешки же), съ остатками ткани и кожи. На правой локтевой кости бронзовый проволочный браслетъ, также съ остатками кожи и ткани, и у таза бронзовый трубчатый игольникъ (Табл. V, рис. 6) съ кольцомъ и ремешкомъ. 2) Немного далѣе въ томъ же направленіи на Ю.-З. (отъ середины въ 6 арш.), на глубинѣ 1 арш. выше подошвы—отдѣльный человѣческій черепъ (безъ прочихъ костей), близъ котораго тонкая бронзовая пряжка (Табл. II, рис. 16) и бронзовая конусообразная пронизка (Табл. III, рис. 19), съ проволочнымъ, продѣтымъ внутрь ея, ушкомъ и слѣдами на ней ткани. 3) Въ южной части, въ подошвѣ, еще человѣческій черепъ и нѣсколько обломковъ костей, восточнѣе котораго въ 2 арш. глиняный горшокъ и желѣзный топоръ; при остаткахъ скелета: у черепа—богемская монета XI в. [4]) съ ушкомъ, слѣды ткани и обломокъ бронзовой проволоки; съ правой стороны — бронзовый наконечникъ пояса и три серебряныхъ германскихъ монеты X и XI столѣтій [5]), а

[1]) Короля Этельреда, до 1016 г.

[2]) Конрада II, до 1039 г. и Генриха V, до 1026 г.

[3]) Еписк. Бернольда, до 1054 г. или еписк. Вильгельма, до 1076 г.

[4]) Врачислава I, до 1055 г.

[5]) Города Брейзаха X в., Генриха III (1039—1056 г.) и поддѣлка Кельнской монеты XI в.

съ лѣвой — желѣзный ножъ (съ слѣдами на немъ чехла или футляра), обломокъ оселка и проволочное колечко. 4) Въ серединѣ, на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, огневище, изъ слоя крупнаго угля (въ длину $1^{1}/_{2}$ и въ ширину 1 арш.) на подсыпкѣ изъ гравія; на западномъ краѣ огневища глиняный горшокъ и опрокинутая вверхъ дномъ желѣзная сегментообразная сковорода.

XCIV. Той же группы (х) курганъ окружностью 42 шага, вышиной $1^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. 1) Въ серединѣ, почти на поверхности (подъ дерномъ), нѣсколько обломковъ сожженныхъ костей и съ ними: бронзовая шейная гривна, согнутая изъ тонкой проволоки, къ концу которой приплавилось нѣсколько бусъ, 10 бубенчиковъ, два маленькихъ браслета (дѣтскихъ), согнутыхъ изъ бронзовыхъ пластинокъ и нѣсколько бусъ изъ композиціи. 2) Отъ середины на В. въ $1^{1}/_{2}$ арш. на $^{3}/_{4}$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^{1}/_{2}$ кв. арш.), безъ всякихъ вещей. 3) Близь середины, въ западной сторонѣ, въ подошвѣ, огневище, изъ слоя крупнаго угля (въ 1 кв. арш.), на подсыпкѣ изъ гравія.

ц) Группа на правомъ берегу р. Паши, между впадающей въ нее р. Конбежкой и сел. Костинымъ, состоящая изъ 6 насыпей рядомъ (цѣпью) и двухъ отдѣльныхъ сѣвернѣе и южнѣе ея.

XCV. Курганъ (изъ отдѣльныхъ, сѣверный) при устьѣ р. Конбежки, окружностью 68 шаговъ, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Поверхность насыпи изрыта ямами. 1) Отъ середины на С.-З. въ 2 арш., на глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^{3}/_{4}$ кв. арш.), въ которыхъ найдены: желѣзный топоръ, ножъ, наконечникъ стрѣлы (Табл. XII, рис. 12), большія удила, кольцо съ надѣтымъ на него крючкомъ и двумя продолговатыми обоймами, въ которыхъ сохранились заклепки (Табл. VIII, рис. 4) и серебряная подковообразная пряжка (Табл. II, рис. 17). 2) Еще далѣе на 2 арш., въ томъ же направленіи на С.-В., и на той же глубинѣ, другой слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^{3}/_{4}$ кв. арш.), въ которыхъ найдены пять медвѣжьихъ когтевыхъ фаланговъ. На костяхъ лежала бронзовая шейная гривна, внутри которой сложены — бронзовая скорлупообразная фибула, соединенная цѣпочкой съ другой малой фибулой брошкообразной (Табл. I, рис. 2), и другая скорлупообразная же фибула отдѣльная, причемъ на всѣхъ предметахъ сохранились остатки бересты, которою они видимо были покрыты. Кромѣ того среди костей: два бронзовыхъ браслета (Табл. IV, рис. 16), часть бутылкообразной пронизки (съ уцѣлѣвшимъ внутри ея комкомъ нитокъ), бронзовое же ручное колечко (Табл. IV, рис. 13) и два кольца изъ тонкой проволоки, два желѣзныхъ ножа, обломокъ въ родѣ шила и желѣзное разомкнутое кольцо (діаметромъ около $2^{1}/_{2}$ дм.), съ крючкомъ и петлей на концахъ, сегментообразный дискъ изъ оленьяго рога (Табл. V, рис. 14), съ отверстіемъ въ центрѣ, и до 25 обгорѣлыхъ бусъ изъ кварца и сердолика. Рядомъ съ костями найдена еще головка быть можетъ человѣческаго бедра, съ одной стороны срѣзанная и просверленная насквозь. 3) Близь середины съ западной стороны (на 1 арш. южнѣе § 1), на глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш. выше подошвы, третій слой сожженныхъ человѣческихъ костей, въ которыхъ: бронзовое ручное колечко, остатки тонкихъ серебряныхъ спиралей и тонкихъ плетешекъ изъ серебряной канители, еще ручное бронзовое же колечко (Табл. IV, рис. 20), остатки двухъ Аббасидскихъ монетъ X в., два желѣзныхъ ножа и обломки крученой бронзовой проволоки; съ вещами найдены также куски бересты. 4) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ 7 арш., на той же глубинѣ, четвертый слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^{3}/_{4}$ кв. арш.) и съ ними бронзовая подковообразная пряжка. 5) Въ серединѣ подошвы огневище изъ слоя крупнаго угля.

Примѣчаніе. Въ грунтѣ насыпи найденъ отдѣльно родъ плоскаго заточеннаго долотца, изъ глинистаго сланца, вѣроятно, случайно попавшаго въ составъ насыпи.

XCVI. Той же группы (ц) курганъ окружностью 35 шаговъ, вышиной $1^3/_4$ арш., грунтъ суглинистый песокъ.

Не найдено ничего.

XCVII. Той же группы (ц) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой.

Не найдено ничего.

ч) Группа на правомъ берегу р. Паши, при дер. Костиной, состоящая изъ 7 насыпей, рядомъ въ двѣ линіи, и одного отдѣльнаго кургана — южнѣе.

XCVIII. Курганъ (отдѣльный) окружностью 46 шаговъ, вышиной $1^1/_2$ арш., грунтъ суглинистый песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Почти въ серединѣ, близь подошвы, найдена лишь одна человѣческая кость, при которой желѣзный ножъ и точильный оселокъ.

XCIX. Той же группы (ч) курганъ окружностью 47 шаговъ, вышиной $2^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. 1) Въ южной части (отъ середины въ 2 арш.), на глубинѣ $1^1/_4$ арш. выше подошвы, небольшой скелетъ головой на З.; руки скрещены на животѣ, вещей нѣтъ. Въ ногахъ его другой скелетъ въ такомъ же направленіи (головой на З.), но неполный (берцовыхъ костей нѣтъ) и съ руками, сложенными поперегъ туловища; вещей также нѣтъ. 2) Глубже ихъ, въ подошвѣ, третій скелетъ въ вытянутомъ положеніи, головой также на З.; при немъ: на правой ключицѣ бронзовая подковообразная пряжка съ остатками ткани, у праваго локтя — ножъ, у таза между бедеръ еще подковообразная пряжка (Табл. II, рис. 11), у праваго бедра—желѣзный топоръ и у лѣваго берца—копье. 3) Отъ середины на С. въ 2 арш., въ подошвѣ же, еще скелетъ въ вытянутомъ положенія, головой на З.; лѣваго локтя не достаетъ. При немъ: около шеи до 56 мелкихъ бусъ изъ композиціи, а между ключицъ—желѣзная кольцеобразная пряжка, съ слѣдами на ней холста. 4) Близь середины подошвы большое огневище (да 2-хъ кв. арш.), изъ слоя крупнаго угля на подсыпкѣ изъ гравія; на немъ глиняный горшокъ и желѣзная дужка отъ котла.

C. Той же группы (ч) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Въ вершинѣ насыпи слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на З. въ 3 арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, слой сожженныхъ костей (длиной 1 арш., шириной $^1/_2$ арш.), съ которыми найдены: бронзовая подковообразная пряжка и два кольца, небольшіе остатки шейнаго обруча (гривны), сплетенаго изъ серебряной проволоки, довольно много мелкихъ бусъ (изъ композиціи, стекловидныхъ синихъ и двѣ, повидимому, серебряныхъ), два маленькихъ желѣзныхъ ножичка (Табл. VIII, рис. 18) и обломокъ небольшой желѣзной обоймы. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ 4 арш., на той же глубинѣ въ 1 арш., немного сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми желѣзный топорикъ, ножичекъ и бронзовый бубенчикъ, а сѣвернѣе, отдѣльно отъ нихъ—плоскій кусокъ дерева (повидимому, орѣховаго), окованный листовой бронзой съ сквозными заклепками; на послѣднемъ остатки бересты и около немного разбросанныхъ обломковъ перегорѣлыхъ костей. 3) Въ серединѣ огневище, изъ слоя углей съ подсыпкой изъ гравія, на сѣверной сторонѣ котораго грубый глиняный горшокъ.

CI. Той же группы (ч) курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 3 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. 1) Отъ середины на В. въ 4 арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), на которомъ найдены: большая бронзовая кольцеобразная пряжка (Табл. II, рис. 7), украшенная орнаментомъ, желѣзные—топоръ, копье, ножъ, два наконечника стрѣлъ, продолговатая пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, огниво), еще два наконечника стрѣлъ (Табл. XII, рис. 5) и желѣзный же привѣсный замокъ (рис. 19), съ остатками на немъ бересты и особой

формы ключемъ. Кромѣ того въ костяхъ найденъ большой желѣзный гвоздь, а сѣвернѣе въ $1^1/_2$ арш. отдѣльно — другое копье, воткнутое въ землю. 2) Отъ середины на З. въ 4 арш., на глубинѣ $1^1/_2$ арш. выше подошвы, кольцеобразная бронзовая пряжка и съ нею двѣ бусы. 3) Въ серединѣ огневище, изъ слоя крупнаго угля (въ 1 кв. арш.) на подсыпкѣ изъ гравія.

CII. Той же группы (ч) курганъ окружностью 50 шаговъ, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ слой пепла. 1) Въ юго западной сторонѣ, близь середины, на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, остатки человѣческаго скелета въ безпорядкѣ, головой на Ю.; рукъ не достаетъ. При немъ у черепа найдена буса. 2) Нѣсколько далѣе на Ю.-З. (отъ середины въ 3 арш.), на той же глубинѣ, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (въ числѣ ихъ также одна птичья), въ которыхъ найдены: желѣзный топоръ, ножъ (Табл. VIII, рис. 13), копье и бронзовая кольцеобразная пряжка. Непосредственно рядомъ съ нимъ лежалъ другой слой сожженныхъ же костей (частью человѣческихъ; въ числѣ ихъ, повидимому, суставъ пальца ребенка), въ которомъ: бронзовыя—двѣ скорлупообразныхъ фибулы (изъ нихъ одна съ желѣзной кольчатой цѣпью) и круглая фибула щитообразная (Табл. I, рис. 8), съ остатками на нихъ бересты, часть браслета, скрученнаго изъ проволоки и проволочная же оправка, повидимому, отъ ножеваго черепка; кромѣ того желѣзный ножикъ, костяная уховертка и много перегорѣлыхъ бусъ, большею частью изъ композиціи, а нѣсколько, повидимому, изъ кварца. 3) Отъ середины на С.-З. въ 3 арш., немного глубже § 2. третій слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), безъ всякихъ вещей. 4) Отъ середины на В. въ 3 арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, еще нѣсколько обломковъ сожженныхъ костей (въ числѣ ихъ одинъ животнаго), близь которыхъ восточнѣе лежали отдѣльно—желѣзный топорикъ, буса, обломокъ копья, наконечникъ стрѣлы и человѣческій черепъ (съ нѣсколькими шейными позвонками, но безъ прочихъ костей); около черепа найдена бронзовая кольцеобразная пряжка и обломокъ другой, съ остатками на нихъ древесной коры. 5) Наконецъ въ серединѣ, на той же глубинѣ (1 арш. выше подошвы), огневище, изъ слоя крупнаго угля, на подсыпкѣ изъ гравія, съ южной стороны котораго стояли два грубыхъ глиняныхъ горшка (послѣдніе находились около конца ногъ скелета § 1). Кромѣ того въ 3 арш. отъ огневища на С.-З., но глубже (въ подошвѣ насыпи), найдена желѣзная лопата.

ш) Группа на правомъ берегу р. Паши, при дер. Подъелье, изъ 9 насыпей ниже ея и 1 отдѣльный — выше.

CIII. Курганъ окружностью 60 шаг., вышиной $2^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. Южная сторона насыпи значительно отложе прочихъ. 1) Отъ середины на З. въ 7 арш., близь подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (съ примѣсью сожженныхъ же костей какого-то грызуна), на которомъ лежалъ бронзовый шейный обручъ (гривна) (Табл. V, рис. 12) и внутри послѣдняго уложены: двѣ бронзовыя же скорлупообразныя фибулы, толстая цѣпочка (въ видѣ шнура, сплетеннаго изъ бронзовыхъ проволочныхъ колечекъ), довольно много обломковъ спиралей изъ бронзовой проволоки, два массивныхъ бронзовыхъ браслета (Табл. IV, рис. 12) и остатки третьяго расплавившагося въ огнѣ, бронзовая обтяжка и желѣзный ножикъ. На всѣхъ вещахъ остатки бересты, видимо ихъ покрывавшей. Кромѣ того среди костей были еще найдены: бронзовыя — подвѣска украшенная двумя конскими головками (Табл. III, рис. 16), остатокъ большой ажурной привѣски въ видѣ плоскаго прямоугольника съ орнаментаціей (Табл. I, рис. 5), длинная сплюснутая трубочка, остатокъ подвѣски въ видѣ гусиной лапки на цѣпочкѣ, 5 бутылкообразныхъ пронизокъ и остатокъ шестой, въ которой сохранилась часть бронзовой проволочной спирали, и двѣ обгорѣлыхъ подковообразныхъ пряжки; желѣзный ножикъ, остатокъ, повидимому, игольника, изъ птичьей кости, съ бронзовымъ колечкомъ и до 170 обгорѣлыхъ бусъ изъ кварца, сердолика и композиціи. Въ томъ же направленіи на З., но на 1 арш. ближе къ серединѣ и близь поверхности (на глу-

бинѣ $^1/_2$ арш.) найдены еще 10 сплавленныхъ мелкихъ бусъ изъ композиціи и желѣзный ножикъ. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ 2 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^1/_2$ арш.), нѣсколько обломковъ сожженныхъ человѣческихъ костей и съ ними два обломка костей коровы или лошади (несожженныхъ). 3) Въ серединѣ, на глубинѣ $1^1/_2$ арш., огневище, изъ слоя угля (въ 1 кв. арш.) на подсыпкѣ изъ гравія.

CIV. Той же группы (ш) курганъ окружностью 70 шаговъ, вышиной $1^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Сѣверная и восточная стороны насыпи гораздо круче остальныхъ. 1) Отъ середины на В. въ 4 арш., почти на поверхности (подъ дерномъ), слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), на которомъ: бронзовая подковообразная пряжка и обломокъ скрученной проволоки, огниво съ звеномъ колѣнчатой цѣпочки (Табл. VIII, рис. 21), желѣзное копье, ножъ, наконечникъ стрѣлы, точильный оселокъ съ отверстіемъ, фрагменты костянаго гребня, незначительный остатокъ плетешки изъ серебряной канители и остатокъ серебряной Аббасидской монеты VIII—IX в. 2) Отъ середины на Ю. въ 2 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^3/_4$ арш.), другой слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), въ которомъ найдены: большая серебряная подковообразная пряжка (Табл. II, рис. 2), и бубенчикъ, съ слѣдами на нихъ бересты; желѣзный топоръ, два наконечника стрѣлы, копье (Табл. XI, рис. 6), ножъ, точильный оселокъ съ звеномъ желѣзной колѣнчатой цѣпочки (Табл. VIII, рис. 12) и нѣсколько фрагментовъ костяного гребня. Еще далѣе на Ю. (отъ середины въ 4 арш.), на той же глубинѣ, нѣсколько обломковъ сожженныхъ человѣческихъ костей и съ ними: бронзовая подковообразная пряжка и бубенчикъ, съ слѣдами на нихъ бересты, желѣзный ножикъ и буса.

CV. Той же группы (ш) курганъ окружностью 60 шаговъ, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Сѣверная сторона насыпи гораздо круче прочихъ и въ восточной части слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на С.-З. въ 3 арш., близь поверхности (почти подъ дерномъ), немного сожженныхъ человѣческихъ костей и съ ними: небольшой бронзовый шейный обручъ (гривна) и подковообразная пряжка (Табл. II, рис. 8), съ остатками на нихъ бересты, нѣсколько мелкихъ бусъ изъ композиціи и обломокъ желѣзнаго ножа. Въ томъ же направленіи на С.-З., но на 2 арш. ближе къ серединѣ, на глубинѣ $^1/_2$ арш., отъ поверхности, немного мелкихъ сожженныхъ костей животнаго, съ которыми нѣсколько бусъ изъ композиціи и бронзовый бубенчикъ (!). 2) Почти въ серединѣ насыпи (на 1 арш. къ В.), на глубинѣ 1 арш., другой слой сожженныхъ человѣческихъ костей (въ 1 кв. арш.), съ примѣсью птичьихъ, въ которомъ нѣсколько обломковъ желѣза, немного же сѣвернѣе, отдѣльно—желѣзный топоръ. 3) Отъ середины на В. въ $3^1/_2$ арш., въ подошвѣ (подъ находившейся здѣсь старой ямой) найдены слѣды раззоренной могилы, именно—немного разбросанныхъ костей человѣческихъ и собаки, съ которыми оказались остатки бронзовой фигурной пряжки, обломки желѣза и, вѣроятно, костяного ножевого черенка.

CVI. Той же группы (ш) курганъ окружностью 52 шага, вышиной $1^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Сѣверная сторона насыпи гораздо круче прочихъ.

Не найдено ничего.

CVII. Той же группы (ш) курганъ окружностью 52 шага, вышиной 2 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Сѣверная сторона насыпи гораздо круче прочихъ. Въ западной сторонѣ, близь середины, на глубинѣ 1 арш., нѣсколько обломкомъ сожженныхъ костей и съ ними немного остатковъ бронзовыхъ спиралей.

CVIII. На лѣвомъ берегу р. Паши, нѣсколько выше предъидущей группы (ш) и урочища Царевщины, отдѣльный курганъ, окружностью 60 шаг., вышиной 3 арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Въ южной и западной сторонахъ насыпи ямы. Отъ середины на З. въ 3 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^3/_4$ арш.), небольшой слой сожженныхъ человѣческихъ костей, въ которомъ

найденъ родъ бронзовой трубчатой пронизки, съ тремя на ней шарообразными утолщеніями (Табл. III. рис. 15), и одна буса.

щ) Группа на лѣвомъ берегу р. Шижни (притокъ р. Паши), выше сел. Саньково (Тихв. уѣзда), состоящая изъ двухъ отдѣльныхъ насыпей.

CIX. Курганъ окружностью 62 шага, вышиной $2^1/_4$ арш., грунтъ суглинокъ; по всей подошвѣ слой пепла. Въ серединѣ насыпи слѣды заплывшей ямы. 1) Отъ середины на З. въ 3 арш., близь подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около 1 кв. арш.), на которомъ уложены: желѣзный топоръ, копье, ножъ и два наконечника стрѣлъ, а среди костей найдены еще — 4 обгорѣлыхъ бронзовыхъ наборныхъ бляшки (Табл. VI, рис. 23, 28), двѣ бронзовыя пуговки (Табл. IV, рис. 8), бронзовая подковообразная пряжка, огниво, желѣзный трубчатый наконечникъ въ родѣ небольшой пешня, съ отверстіемъ съ боку, и нѣсколько обломковъ сплавленной бронзы. Съ костями найдены слѣды бересты. 2) Отъ середины на В. въ 3 арш., въ подошвѣ,—желѣзная лопата.

CX. Той же группы (щ), остатки большого кургана, окружностью около 80 шаговъ, вышиной до 3 арш. Вся поверхность насыпи изрыта ямами [1]). 1) При дослѣдованіи кургана, у восточнаго края подошвы встрѣчены уцѣлѣвшіе остатки человѣческаго скелета, головой на Ю.; кости не полны (всей правой руки и лѣвой локтевой кости не достаетъ) и покрыты лишь сверху деревянной крышей, въ родѣ колоды; при немъ: между бедеръ у таза — кусокъ кремня и огниво, а около таза бронзовая поясная пряжка и небольшое желѣзное кольцо. Въ 4 арш. южнѣе скелета, на $^1/_2$ арш. выше подошвы, найдены отдѣльно — плоская бронзовая подвѣска въ видѣ гуська (Табл. III, рис. 1) и другая подвѣска въ видѣ решетчатаго полукруга, съ подвѣшенными къ нему на цѣпочкахъ гирьками и ушкомъ (Табл. VII, рис. 8); въ послѣднемъ остатокъ ремешка для привязки. На обѣихъ подвѣскахъ слѣды шерстяной ткани. 2) Въ 3 арш. западнѣе скелета, въ подошвѣ, найденъ черепъ собаки и еще нѣсколько костей животныхъ, между которыми шейный позвонокъ лисицы. 3) Близь середины насыпи, на 1 арш. выше подошвы, — черепки простого горшка.

ю) Группа на правомъ берегу р. Паши, выше сел. Леонова (Тихвинскаго уѣзда), изъ 5 насыпей рядомъ.

CXI. Курганъ окружностью 50 шаг., вышиной $2^3/_4$ арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на Ю. въ 3 арш., близь поверхности (на глубинѣ $^3/_4$ арш.), остатки дурно сохранившагося скелета, головой почти на З. (съ небольшимъ уклономъ къ Ю.); въ ногахъ его глиняный горшокъ. 2) Отъ середины на С.-З. въ 4 арш., на той же глубинѣ, отдѣльно найдена гладкая прямоугольная бляха изъ листовой бронзы, съ отверстіями на краяхъ, въ которыхъ сохранились бронзовые же гвоздики. 3) Близь середины (въ 1 арш. на З.), на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, кости ногъ скелета, положеннаго головой на Ю. (черепа и прочихъ костей не было); въ $1^1/_2$ арш. на Ю.-З. и $^3/_4$ арш. выше, найдены еще обломокъ кости и часть человѣческаго черепа. 4) Отъ середины на Ю.-Ю.-З. въ $3^1/_2$ арш., на $^3/_4$ арш. выше подошвы, концы ногъ скелета, лежавшаго головой на Ю.-В.; при немъ: на груди остатокъ маленькой бронзовой кольцеобразной пряжки и въ ногахъ горшокъ, съ остатками скрѣплявшаго послѣдній желѣзнаго кольца, или обруча. 5) Въ серединѣ, на 2 арш. выше подошвы, огневище (около 1 кв. арш.) съ углемъ и подсыпкой изъ гравія. На 1 арш. сѣвернѣе его найдена желѣзная лопата, а нѣсколько далѣе за нею и на 1 арш. глубже—желѣзная опрокинутая вверхъ дномъ сковорода и сковородникъ; еще далѣе за ними въ 2 арш. на С. же, на той же глубинѣ, черепки глиняннаго горшка. Около того же огне-

[1]) Здѣсь рядомъ съ курганомъ, былъ въ прежніе годы найденъ крестьянами кладъ серебряныхъ вещей, что и послужило поводомъ къ дальнѣйшей порчѣ насыпи.

вища, съ юго-восточной стороны найденъ желѣзный клепаный котелъ (Табл. X, рис. 2), въ которомъ четыре обломка костей и реброносный позвонокъ коровы.

CXII. Той же группы (ю), курганъ окружностью 70 шаговъ, вышиной $3^1/_4$ арш., грунтъ песокъ. 1) Близь середины (въ 1 — 2 арш.) съ сѣверо-восточной и восточной стороны, на глубинѣ около $^1/_2$ арш., нѣсколько разбросанныхъ человѣческихъ костей. 2) Отъ середины на Ю. въ $4^1/_2$ арш., на глубинѣ около 2 арш. выше подошвы, немногіе остатки скелета, головой на З.; при немъ: около шеи—2 стекловидныхъ голубоватыхъ бусы, бубенчикъ и два кусочка дерева съ серебряными на нихъ оковками; у праваго плеча — обломокъ ножа съ роговымъ черенкомъ и остатками чехла или футляра родъ слегка искривленнаго бронзоваго шила (Табл. III, рис. 18), съ крюкообразной головкой и остатками на немъ древесной коры, и обломокъ желѣза съ слѣдами на немъ ткани; на лѣвой сторонѣ груди—серебряное разомкнутое колечко, въ видѣ плоскаго обручика съ орнаментомъ изъ городковъ, и наконецъ въ ногахъ (нѣсколько сѣвернѣе) — глиняный горшокъ. На 1 арш. западнѣе скелета и на $^3/_4$ арш. глубже, найденъ футляръ рога коровы, а на $1^1/_2$ арш. отъ него же восточнѣе — еще человѣческій черепъ и нѣсколько реберъ. 3) Отъ середины на С.-З. въ 3 арш., на глубинѣ $2^1/_4$ арш. выше подошвы, немногіе остатки другого скелета, головой на С.; руки вдоль туловища. При немъ: у шеи—обломокъ бронзовой бутылкообразной пронизки (съ остатками въ ней ремешка) и въ ногахъ (нѣсколько западнѣе)—черепки небольшого горшка. Близь черепа (въ $1^1/_2$ арш. на С.-З. же), но на 1 арш. глубже, найдены еще два горшка. 4) Отъ середины на С.-З. же, около $1^1/_2$ арш., на глубинѣ $1^3/_4$ арш. выше подошвы, незначительные остатки третьяго скелета, головой на Ю.-Ю.-В.; въ ногахъ его небольшой орнаментированный горшечекъ (Табл. X, рис. 1), близь котораго сердоликовая буса. 5) Отъ середины на С.-С.-В. въ 4 арш., на глубинѣ $1^1/_2$ арш. выше подошвы, найдено отдѣльно серебряное височное кольцо. 6) Отъ середины на Ю. въ 4 арш., въ подошвѣ, остатки четвертаго скелета, головой на Ю.-В.; кости неполны (всей правой ноги и лѣваго берца нѣтъ, равно какъ и обѣихъ рукъ, но нѣсколько суставовъ пальцевъ сохранились около таза; въ черепѣ надъ лѣвымъ глазомъ пробоина), руки, повидимому, были сложены поперегъ живота. При скелетѣ найдены: на правой ключицѣ — серебряная кольцеобразная пряжка (Табл. II, рис. 13), съ остатками шерстяной ткани; на одномъ изъ пальцевъ — серебряное разогнутое колечко изъ проволоки и близь нихъ (на позвоночномъ столбѣ) — двѣ бронзовыя пуговки (Табл. IV, рис. 11), съ слѣдами ткани и холста, а у таза (съ лѣвой стороны позвоночнаго столба)—родъ проволочнаго бронзоваго браслета (Табл. V, рис. 7), также съ остатками ткани. Подъ тазомъ и на тазѣ остатки кожанаго пояса, съ серебряной пряжкой, наконечникомъ и наборомъ изъ бляшекъ (Табл. VI, рис. 12), при чемъ подъ поясомъ въ двухъ мѣстахъ слѣды холста (вѣроятно, рубахи), а на лицевой сторонѣ бляшекъ слѣды черной и темнокрасной шерстяной ткани, и въ концѣ пояса продѣтый насквозь ремешокъ, вѣроятно, для привѣски чего нибудь. Всѣ эти остатки пояса были прикрыты древесной корою, а нѣсколько выше надъ ними найдена отдѣльно еще наборная же бляшка, но другого вида (Табл. VI, рис. 15), съ слѣдами на ней также черной ткани. У лѣваго бедра снаружи—ножъ и обломокъ другого, костяной черепокъ: кусокъ коры съ бронзовой пронизкой (въ видѣ двухъ соединенныхъ шариковъ и слѣдами на ней черной ткани) и желѣзный топоръ, а на 1 арш. въ сторонѣ отъ бедра—три наконечника стрѣлъ (изъ коихъ одинъ съ лезвіемъ вмѣсто острія), обломки продолговатой желѣзной пластинки (вѣроятно, огниво), а немного глубже—два футляра роговъ коровы; кромѣ того на мѣстѣ берцовой кости найдено желѣзное копье. Наконецъ съ правой стороны скелета лежалъ большой мечъ (длиной 1 арш. $6^1/_4$ вер.), рукоятью у плеча; на рукояти слѣды серебряной насѣчки и крыжъ обвитъ тонкой серебряной проволокой, а на клинкѣ остатки деревянныхъ ноженъ съ

бронзовымъ фигурнымъ наконечникомъ (рис. 18 на стр. 60). 7) Въ серединѣ насыпи, на глубинѣ 1³/₄ арш. выше подошвы, большое огневище, изъ слоя крупнаго угля (въ видѣ полосы съ З. на В., длиною до 2¹/₂ и шириной около 2 арш.) на подсыпкѣ изъ гравія; въ центрѣ огневища найденъ длинный желѣзный сковородникъ, а съ южной стороны—желѣзная лопата.

я) Группа на правомъ берегу р. Паши, у дер. Середки (Тихвинскаго уѣзда) ниже ея, изъ 3 рядомъ насыпей; двѣ изъ нихъ какъ бы соединены вмѣстѣ присыпкой въ видѣ сѣдловины между ними.

CXIII. Курганъ неправильной кругловатой формы, окружностью около 60 шаговъ, вышиной 2³/₄ арш., грунтъ суглинистый песокъ. Насыпь обложена рядомъ валуновъ, но значительно выше подошвы; на поверхности слѣды нѣсколькихъ заплывшихъ ямъ. 1) Отъ середины на С. въ 8 арш., въ подошвѣ, скелетъ головой на В.; руки вытянуты вдоль туловища; при немъ: у таза съ правой стороны—огниво въ видѣ продолговатаго кольца, кусокъ кремня, обломокъ желѣзнаго ножа и часть точильнаго оселка. Вдоль костей съ этой же стороны полоса угля. 2) Отъ середины на С.-С.-З. въ 7 арш., въ подошвѣ же, другой скелетъ, лежащій почти на правомъ боку, головой на В.-В.-Ю.; правая нога слегка согнута, лѣвая же согнута гораздо болѣе и поджата; руки отъ локтя загнуты къ плечамъ. На правой половинѣ черепа видимы слѣды дѣйствія огня, такъ какъ она обгорѣла и разрушилась. При немъ около черепа сломанный ножъ. 3) Отъ середины на В. въ 2 арш., въ подошвѣ же, отдѣльная кость руки, близь которой глиняный горшокъ, окруженный остатками дерева.

CXIV. Той же группы (я) курганъ рядомъ съ предшествовавшимъ, съ которымъ соединенъ присыпью въ видѣ сѣдловины; окружность кургана около 48 шаговъ, вышина 2 арш., грунтъ суглинистый песокъ. 1) Отъ середины на Ю.-З. въ 5 арш., въ подошвѣ, остатки скелета головой на З.; при немъ у черепа грубый глиняный горшокъ. 2) Въ южной части насыпи, близь подошвы, найдены разбросанныя три отдѣльныя кости ногъ человѣка, около одной изъ которыхъ черепки горшка, а около другой—бронзовый бубенчикъ съ слѣдами на немъ шерстяной ткани. 3) Въ серединѣ, почти на поверхности (на глубинѣ ¹/₄ арш.), слой угля (въ 1 кв. арш.), въ которомъ черепки горшка.

Примѣчаніе. Въ той же дер. Середкѣ, мѣстнымъ крестьяниномъ были найдены (при перекопкѣ земли на берегу рѣки) нѣсколько предметовъ курганныхъ типовъ, изъ числа которыхъ у него сохранился лишь одинъ—родъ прорѣзной наборной бронзовой бляхи (Табл. III, рис. 25) и византійская монета X в. (Цимисхія).

ѳ) Группа на правомъ берегу р. Паши, ниже дер. Вахрушевой (Тихвинскаго уѣзда), состоящая изъ 4 насыпей.

CXV. Курганъ окружностью 40 шаговъ, вышиной 2¹/₂ арш., грунтъ песокъ. На поверхности близь середины слѣды заплывшей ямы.

Не найдено ничего.

Примѣчаніе. Другой курганъ съ нимъ рядомъ, обложенный по подошвѣ валунами, былъ разрытъ мѣстными крестьянами, нашедшими въ немъ родъ цилиндрическаго бронзоваго котла и плоскій бронзовый же сосудъ въ родѣ чаши (Табл. IX, рис. 3, 11), а также желѣзную сегментообразную сковороду, цѣпь для подвѣски котла и длинный сковородникъ, съ расширеніемъ на концѣ въ видѣ лопатки.

ѵ) Группа на правомъ берегу р. Паши, выше дер. Вахрушевой (Тихвинскаго уѣзда), изъ 7 скученныхъ насыпей и двухъ расположенныхъ далѣе отдѣльно.

CXVI. Курганъ окружностью 80 шаговъ, вышиной 4 арш., грунтъ песокъ. Остатки погребеній встрѣчены въ двухъ слояхъ: а) Въ верхнемъ: 1) Отъ середины на В. въ 6 арш., на глубинѣ $2^1/_4$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей, на которомъ лежала согнутая кольцеобразно часть мечеваго клинка и внутри ея сложены въ порядкѣ (Табл. XIV, рис. 33): костяной гребешокъ, рукоять того же меча съ остальной частью клинка и отломанною головкой крыжа, 2 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, 2 ножа, копье, большая бронзовая подковообразная пряжка (съ орнаментомъ на шипахъ въ родѣ свастики), на которой остатки бересты, желѣзный же топорикъ съ удлиненнымъ цилиндрическимъ обушкомъ (Табл. XII, рис. 11), 2 костяныхъ ножевыхъ черенка, родъ костяного шила, украшеннаго рѣзной головкой дракона (Табл. V, рис. 9), остатокъ точильнаго оселка, 2 желѣзныя пряжки, 5 бронзовыхъ наборныхъ бляшекъ (Табл. VI, рис. 4), звено желѣзной цѣпочки и нѣсколько обломковъ желѣза и бронзы. 2) Отъ середины на Ю.-Ю.-З. въ 3 арш., на глубинѣ 2 арш. выше подошвы, другой слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), въ которыхъ также 3 медвѣжьихъ когтевыхъ фаланга. Съ костями найдены: небольшая бронзовая скорлупообразная фибула съ обрывкомъ кольчатой цѣпочки, бронзовый трубчатый игольникъ и остатокъ плоской подвѣски въ видѣ гуська (скипѣвшіеся съ обрывкомъ такой же цѣпочки), костяная гребенка (длиной около 3 верш.), обломокъ пряжки, еще три обгорѣлыхъ плоскихъ подвѣски въ видѣ гуськовъ, 3 бронзовыя боченкообразныя пронизки, бубенчикъ, бронзовый браслетъ и остатокъ другого, обломки бронзоваго перстня и проволочныхъ спиралей, полурасплавленная монетообразная подвѣска изъ серебра, бронзовое колечко (быть можетъ, ручное), еще остатки двухъ бронзовыхъ подвѣсокъ, кольцеобразная бронзовая пряжка, обломокъ тонкой проволочной гривны, перегорѣлыя бусы изъ композиціи, и нѣсколько сердоликовыхъ, довольно большой кусокъ пчелинаго воска (sic), вѣсомъ $10^1/_3$ золотн. и нѣсколько обрывковъ перегорѣлой бронзовой цѣпочки. 3) Отъ середины на С.-С.-В. въ 6 арш., на глубинѣ $2^1/_2$ арш. выше подошвы, третій слой сожженныхъ костей конскихъ (около $^3/_4$ кв. арш.), на которыхъ найдены желѣзныя удила и бронзовый бубенчикъ. 4) Отъ середины на Ю.-В. въ 5 арш., на глубинѣ $1^3/_4$ арш. выше подошвы, немного обломковъ сожженныхъ костей, безъ всякихъ вещей. 5) Отъ середины на С.-С.-З. въ 5 арш., на глубинѣ 2 арш. выше подошвы, скелетъ головой на Ю.; концы рукъ на тазѣ; вещей нѣтъ. 6) Отъ середины на З. въ 3 арш., на той же глубинѣ, что и выше, отдѣльно часть человѣческаго черепа. 7) Въ серединѣ, почти на поверхности (подъ дерномъ), еще отдѣльный человѣческій черепъ и обломокъ другого, а нѣсколько въ сторонѣ на Ю.-Ю.-З.—обломокъ кости ноги. б) Въ нижнемъ: 8) Отъ середины на В.-В.-Ю. въ 7 арш., на глубинѣ $^1/_2$ арш. выше подошвы, четвертый слой сожженныхъ костей (смѣшанныхъ: человѣка, лошади, медвѣдя и еще какого-то мелкаго животнаго; въ томъ числѣ 9 медвѣжьихъ когтевыхъ фаланговъ); на костяхъ и частью въ нихъ найдены сложенными въ порядкѣ: желѣзный мечъ съ серебряной насѣчкой на рукояти (Табл. XI, рис. 4 и рис. 16 на стр. 58), желѣзный инструментъ неизвѣстнаго назначенія, состоящій изъ стержня съ кольцомъ, на которое надѣта обойма съ заклепкой и двѣ фигурныхъ привѣски (Табл. IX, рис. 5), два желѣзныхъ топора (изъ нихъ одинъ съ плоскимъ долотообразнымъ обухомъ, копье, 3 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, ножъ, остатокъ довольно большого кольца изъ скрученной серебряной проволоки, два малыхъ привѣсныхъ желѣзныхъ замочка и, повидимому, замочный же ключъ (Табл. VIII, рис. 8), остатокъ большой бронзовой подковообразной пряжки, плоскій бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія (Табл. III, рис. 23), 2 шарообразныхъ вѣсовыхъ гирьки, обломокъ точильнаго оселка и часть быть можетъ вѣсовой чашки изъ листовой бронзы. На нѣкоторыхъ предметахъ (бронзовыхъ) сохранились слѣды бересты. 9) Отъ середины на З.-З.-Ю. въ 5 арш., въ подошвѣ, отдѣльно—желѣзныя овечьи ножницы (Табл. VIII, рис. 1)

и еще кусокъ пчелинаго воска. 10) Въ западной же части насыпи найденъ миніатюрный желѣзный топорикъ. 11) Въ серединѣ, въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля, въ видѣ полосы съ С. на Ю. (длиной до $3^1/_2$, шириной около 1 арш.), на подсыпкѣ изъ гравія. На сѣверномъ концѣ его два глиняныхъ горшка (изъ которыхъ одинъ стянутъ по ободку желѣзнымъ обручемъ, съ крючкомъ и петлей, и накрытъ обороченной вверхъ дномъ сковородой) и большой желѣзный котелъ съ цѣпью, а нѣсколько въ сторонѣ отъ послѣдняго футляръ рога коровы и немного обломковъ костей. Съ западной стороны огневища лежала желѣзная лопата.

Примѣчаніе. Кромѣ того въ составѣ насыпи (въ восточной сторонѣ) найдено маленькое шлифованное каменное долото, вѣроятно, случайно сюда попавшее.

CXVII. Той-же группы (v), курганъ окружностью 66 шаговъ, вышины $3^1/_2$ арш., грунтъ песокъ по всей подошвѣ слой пепла. Сѣверная сторона насыпи круче прочихъ.

1) Отъ середины на Ю.-З. въ 3 арш., на глуб. 2 арш. выше подошвы, найдены отдѣльно желѣзный топоръ и бронзовый бубенчикъ. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ 4 арш., близь подошвы (на $^1/_2$ арш. выше), немногіе остатки скелета, головой на Югъ; при немъ: около праваго уха—плоская серебряная серьга (Табл. IV, рис. 1), а на шеѣ остатки двухъ шейныхъ обручей и монисто изъ бусъ съ монетами и подвязками. Одинъ изъ обручей желѣзный (въ видѣ кольцеобразно согнутаго прута), другой серебряный—въ видѣ тонкой круговой пластинки, украшенной орнаментомъ изъ городковъ (рис. 5 на стр. 38), монисто-же составляли три серебр. монеты (изъ нихъ двѣ германскихъ X в. [1]), а третья неизвѣстная (испорчена), двѣ плоскихъ круглыхъ бронзовыхъ подвѣски съ ушками (въ послѣднихъ слѣды ремешковъ), изъ которыхъ на реверсѣ одной остатки холста, и нѣсколько рядовъ мелкихъ бусъ изъ композиціи, въ перемежку съ крупными стекловидными и изъ сердолика. У обоихъ плечъ (ниже ключицъ)—по небольшой бронзовой фибулѣ (типа скорлупообразныхъ), соединенныхъ длинной, спускавшейся ниже груди, кольчатой цѣпью, съ остатками на нихъ шерстяной ткани, причемъ рядомъ съ правой находилась еще маленькая бронзовая кольцеобразная пряжка, а на груди—еще фибула серебряная колесообразнаго вида (Табл. II, рис. 14) и при обѣихъ остатки такой-же ткани. Все это (т. е. вся верхняя часть туловища скелета) было покрыто древесной корой, сохранившей на себѣ отпечатки перечисленныхъ украшеній. У праваго бедра скелета (у таза) найдены отдѣльно бронзовая трубочка съ нагнанными на ней кольцами и ушкомъ,—вѣроятно, игольникъ (Табл. V, рис. 15), съ слѣдами на немъ, повидимому, холста и остатками древесной коры; бронзовая боченкообразная пронизка, съ остатками въ ней ремешка, еще пронизка грушевидной формы, плоская подвѣска въ видѣ двулистника, складной костяной гребешокъ съ колечкомъ и остаткомъ ремешка, небольшой желѣзный ножикъ съ слѣдами на немъ чехла или футляра и нѣсколько обломковъ желѣза. Все это, по всей вѣроятности, было привѣшено на цѣпочкѣ, соединявшей двѣ упомянутыхъ уже выше фибулы. Кромѣ того подъ позвоночнымъ столбомъ скелета (близь оконечностей лопатокъ) найдена еще бронзовая, съ слѣдами позолоты, фибула, формою въ видѣ трилистника, съ двумя подвѣшенными къ ней на цѣпочкахъ бубенчиками (Табл. I, рис. 4) и остатками на ней ткани, а у лѣваго берца—еще бубенчикъ и обломокъ тонкой бронзовой спирали. 3) Еще далѣе на Ю.-З. (отъ середины въ 6 арш.), на $^1/_2$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей, въ которыхъ найденъ лишь обломокъ бронзовой проволоки. Почти рядомъ съ нимъ (на $^1/_2$ арш. восточнѣе), но на 1 арш. выше подошвы, другой слой сожженныхъ-же костей и въ немъ: плоскій бронзовый браслетъ и обломки другого, обломки двухъ желѣзныхъ ножей, нѣсколько пере-

---

[1]) Одна Аугсбургская: епископа Линтольфа 987—996 г.; другая—Зальцбургская: герцога Генриха 995—1002 г.

горѣлыхъ бусъ и, повидимому, остатки простой шейной гривны изъ бронзовой проволоки. Съ вещами найдены также слѣды бересты. 4) Отъ середины на Ю.-В. въ 5 арш., на той-же глубинѣ, что и выше (1/2 арш. надъ подошвой), немногіе остатки другого скелета, также головой на Ю.; при немъ: на шеѣ плоскій шейный обручъ въ видѣ серебряной круговой пластинки (такой же, какъ и выше), съ слѣдами на немъ бересты, монисто изъ бусъ (сердоликовыхъ и изъ композиціи) съ пятью восточными монетами и одной Аугсбургской X в. [1]) и маленькая кольцеобразная бронзовая пряжка. На правой сторонѣ верхней части груди другая кольцеобразная-же пряжка, ниже которой лежали одинъ за другимъ 3 бубенчика и обломки желѣза, а у середины нижней части груди—третья такая-же пряжка, съ остаткомъ на ней ткани. Еще ниже (на мѣстѣ живота) находились обломки кости руки, на которыхъ найденъ (въ остаткахъ) родъ большого тонкаго браслета, въ видѣ согнутаго изъ узкой серебряной ленты обруча, съ застежками на концахъ, и слѣды ткани, а далѣе къ тазу еще одинъ бубенчикъ; съ правой стороны упомянутаго браслета на 1/4 аршина, найденъ серебряный перстень (Табл. IV, рис. 15), а правѣе бубенчика (и нѣсколько ниже)—желѣзный ножикъ, съ обтяжкой изъ серебряной проволоки на черенкѣ и слѣдами чехла или футляра. Кромѣ того съ правой-же стороны скелета найдены: у плеча—желѣзный наконечникъ стрѣлы, а у таза—щитообразная бронзовая фибула съ цѣпочкой (Табл. I, рис. 6) и остатки ткани. На всей нагрудной и ниже до таза части скелета, а равно и на боковой, остатки древесной коры, на которой сохранились отпечатки перечисленныхъ предметовъ. Рядомъ съ описаннымъ скелетомъ, въ разстояніи отъ него на 1 арш. къ западу, лежалъ въ такомъ же положеніи (головой на югъ), еще другой дурно сохранившійся скелетъ, при которомъ найдены: у праваго плеча—бронзовая подковообразная пряжка, съ остатками на ней коры и шерстяной ткани; между грудью и тазомъ—также остатки коры, двѣ бронзовыя пуговки съ слѣдами ткани, бронзовое кольцо (съ частицами, повидимому, холста) и поясная пряжка, а у таза маленькій точильный оселокъ съ отверстіемъ. Кромѣ того съ лѣвой стороны скелета: у бедра —часть ножа въ футлярѣ, съ проволочной обтяжкой на черенкѣ, а близь плеча (въ разстояніи 1 арш.)—желѣзный топоръ. 5) Въ серединѣ, на 1/2 арш. выше подошвы, огневище изъ слоя угля, въ видѣ полосы съ сѣвера на югъ (длина 2, ширина 3/4 арш.), на подсыпкѣ изъ гравія; на южномъ концѣ огневища грубый горшокъ и рядомъ съ послѣднимъ—желѣзное копье.

B. *Курганы на рѣкѣ Воронегѣ (впадающей въ Ладожское озеро между рр. Пашей и Сясью).*

аа) Группа на правомъ берегу рѣки Воронеги (верстахъ въ 3-хъ выше устья), противъ деревни Шахновой, состоящая изъ 30 насыпей разной величины, частью скученныхъ вмѣстѣ, частью разбросанныхъ, причемъ нѣкоторыя обложены по подошвѣ валунами [2]).

CXVIII. Остатки кургана окружностью 60 шаговъ, вышины 2 арш., грунтъ песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой (видимо горѣлой земли) и кругомъ подошвы рядъ валуновъ. 1) Упоминаемая насыпь, а равно и нѣкоторыя другія здѣсь же, были раскапываемы мѣстнымъ землевладѣльцемъ г. Извековымъ, но не надлежащимъ образомъ; имъ были найдены слѣдующіе предметы [3]): бронзовые—лунообразная подвѣска (Табл. III, рис. 24), часть конической подвѣски съ гирьками на

[1]) Епископа Линтольфа 987—996; восточныя-же представляютъ поддѣлки монетъ Саманидскихъ.
[2]) Курганы съ каменьями почти всѣ разрыты въ 1880 г., покойнымъ Европеусомъ.
[3]) Къ сожалѣнію неизвѣстно, всѣ-ли именно въ этомъ курганѣ, или еще и въ другихъ той-же группы.

цѣпочкахъ (Табл. III. рис. 17), двѣ подвѣски въ видѣ баранчиковъ съ гусиными на цѣпочкахъ лапками (Табл. III, рис. 14) и третья въ видѣ баранчика же, но съ привѣсками изъ гирекъ; уховертка съ боковыми фигурными привѣсками (Табл. V, рис. 2), полукруглая решетчатая подвѣска (вѣроятно, игольникъ), также съ рядомъ фигурныхъ привѣсокъ на цѣпочкахъ (Табл. V, рис. 4), маленькій крестикъ (Табл. VII, рис. 3), плоскій браслетъ (рис. 7 на стр. 40), ручное колечко, еще подвѣска въ видѣ гуська съ лапками на цѣпочкахъ и подковообразная пряжка. Кромѣ того—серебряный перстень, 4 таковыхъ же височныхъ кольца, нѣсколько бусъ изъ кварца и композиціи, желѣзный топоръ и три серебряныя восточныя монеты VIII и X в. [1]). 2) При изслѣдованіи насыпи, въ западной ея сторонѣ, въ подошвѣ, найдены остатки скелета, положеннаго головой на югъ; при немъ: у праваго бедра снаружи—огниво (въ видѣ продолговатаго кольца) и кусокъ кремня, ножъ съ слѣдами на немъ чехла или футляра и желѣзн. топоръ; въ ногахъ скелета глиняный горшокъ.

CXIX. Той-же группы (аа), курганъ окружностью 54 шага, вышины $1^3/_4$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ черноватый пеплистый слой. 1) Отъ середины на Ю.-В. въ 3 арш., въ подошвѣ, слой сожженныхъ человѣческихъ костей, въ видѣ полосы (длина 2, ширина 1 арш.) съ В. на З.; въ серединѣ его лежала шейная гривна, согнутая изъ бронзовой проволоки, внутри которой сложены бронзовыя-же: двѣ скорлупообразныя фибулы, соединенныя длинной цѣпью (Табл. I, рис. 1), еще маленькая скорлупообразная-же фибула, подковообразная пряжка, браслетъ (Табл. IV, рис. 14) и пуговка; кромѣ того кусокъ спекшихся въ огнѣ бусъ и 16 бусъ цѣлыхъ (изъ композиціи и сердолика). Рядомъ съ гривной еще найдены—2 желѣзныхъ ножа, желѣзная трубочка и, повидимому, остатокъ обгорѣлаго бубенчика, а на восточномъ концѣ слоя — другая проволочная гривна, маленькая скорлупообразная фибула (такая-же, какъ и выше) и остатки трехъ обгорѣлыхъ бронзовыхъ браслетовъ. 2) Отъ середины на С. въ 5 арш., почти на поверхности (подъ дерномъ), найдена большая желѣзная пряжка (въ видѣ кольца) и съ нею немного мелкихъ обломковъ костей.

CXX. Той-же группы (аа), едва замѣтный по своей незначительной вышинѣ, курганъ, обложенный кругомъ рядомъ валуновъ; грунтъ песокъ. На глубинѣ 1 арш. встрѣчены немногіе остатки скелета, при которомъ желѣзный ножъ, съ слѣдами на немъ чехла или футляра.

CXXI. Той-же группы (аа), курганъ окружностью 50 шаговъ, вышина $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. Въ серединѣ, близь поверхности, немного остатковъ сожженныхъ костей, а въ нижней части—два тонкихъ обломка какъ бы большого желѣзнаго кольца.

бб) Группа на правомъ берегу рѣки Воронеги, у деревни Подбережье, изъ 3 насыпей и четвертой отдѣльной на другомъ берегу рѣки.

CXXII. Курганъ неправильной формы (опаханъ), окружностью 45 шаговъ, вышины до $2^1/_4$ арш., грунтъ песокъ; на поверхности насыпи слѣды нѣсколькихъ заплывшихъ ямъ и кругомъ подошвы рядъ валуновъ. 1) Отъ середины на В. въ $1^1/_2$ арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, остатки дурно сохранившагося скелета, головой на Ю.; при немъ: у праваго бедра — желѣзный топоръ, ножъ и обломокъ точильнаго оселка, а въ ногахъ—глиняный горшокъ. Непосредственно на костяхъ того-же скелета, наискось его, лежалъ другой скелетъ, головой на ЗЗ.-Ю.; правая рука отъ локтя къ тазу. У таза и груди его найдены нѣсколько обгорѣлыхъ человѣческихъ-же костей. 2) Отъ середины на З. въ $1^1/_2$ арш., на глубинѣ нѣсколько менѣе 1 арш. выше подошвы, только слѣды третьяго скелета. лежавшаго, повидимому, головой на Ю.; при нихъ: бронзовая кольцеобразная пряжка, два ножа, обломокъ, повидимому, кольцеобразнаго огнива, часть точильнаго оселка и желѣз-

---

[1]) Аббасидская, халифа Мегди, 775—785 г., и двѣ Саманидскихъ X в.

ный топоръ; кромѣ того, съ сѣверной стороны найденъ глиняный горшокъ. 3) Въ сѣверной части, на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, лежали (начиная отъ середины) рядомъ одинъ за другимъ еще 5 скелетовъ, головами на З.; многія кости въ безпорядкѣ, вещей нѣтъ. Далѣе за ними на 1 арш. и на той-же глубинѣ, еще скелетъ, головой на Ю.-З.; лѣвая рука вдоль туловища, правая— отъ локтя наискось живота; вещей также нѣтъ.

CXXIII. Той-же группы (бб), курганъ окружностью 36 шаговъ, вышиною $1^1/_2$ арш., грунтъ песокъ. Кругомъ подошвы рядъ валуновъ. 1) Отъ середины на В. въ 2 арш., въ подошвѣ, черепъ скелета, лежащаго головой на Ю.; правая рука отъ локтя поперегъ груди, лѣвая отъ локтя наискось живота; съ правой стороны его отдѣльный человѣческій черепъ, безъ прочихъ костей. 2) Отъ середины на С.-В. въ $1^1/_2$ арш., на глубинѣ $^1/_2$ арш. выше подошвы, еще черепъ скелета, лежащаго головой почти на Ю. (съ небольшимъ уклономъ къ З.); руки отъ локтей сложены подъ грудью, поперегъ туловища. Рядомъ съ нимъ на З., но нѣсколько выше (на 1 арш. надъ подошвой), одинъ за другимъ еще 5 скелетовъ въ томъ же направленіи, но сохранившіеся только въ остаткахъ. 3) Отъ середины на Ю.-В. въ 1 арш., на глубинѣ $^1/_2$ аршина выше подошвы, черепъ и остатки скелета, лежавшаго головой на З.; около таза его (съ сѣверной стороны) — два отдѣльныхъ человѣческихъ черепа. 4) Наконецъ отъ середины на ЮЮВ. въ $1^1/_2$ арш. въ подошвѣ, еще черепъ и остатки скелета, лежащаго головой на ССЗ. Вещей вообще не найдено никакихъ.

Г. *Курганы на р. Сяси.*

вв) Группа на правомъ берегу р. Сяси, при деревнѣ Городищѣ (Тихвинскаго уѣзда), изъ 26 насыпей скученныхъ вмѣстѣ (выше селенія) и 10 разбросанныхъ отдѣльно около него.

CXXIV. Курганъ окружностью 55 шаговъ, вышина 2 арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на С. въ 2 арш., на глубинѣ $1^1/_4$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ костей, въ видѣ полосы (длиною $1^1/_2$, ширина $^1/_2$ арш.) по направленію на С.-В.; кости человѣческія, съ примѣсью медвѣжьихъ. На поверхности ихъ, у сѣвернаго конца слоя найдены: большой желѣзный топоръ, наконечникъ стрѣлы (Табл. XII, рис. 7), огниво, ножъ, родъ плоскаго маленькаго подковнаго гвоздя съ лопаткообразной головкой, бронзовый бубенчикъ, обломокъ точильнаго оселка съ продѣтымъ въ него желѣзнымъ колечкомъ и обломокъ обдѣланной кости въ родѣ толстаго кривого шила. Близь середины слоя, также на поверхности: бронзовыя—двѣ пряжки (подковообразная и кольцеобразная), часть трубчатой оправки съ продольнымъ прорѣзомъ и остатками при ней бересты, браслетъ (Табл. IV, рис. 6) и остатки согнутаго въ два оборота шейнаго обруча (гривны); желѣзные—большой наконечникъ стрѣлы, съ плоскимъ лезвіемъ вмѣсто острія (Табл. XII, рис. 6), два ножа, прутъ или тонкій стержень (длина около 4 вершковъ) съ продѣтымъ на концѣ его кольцомъ и плоскій точильный оселокъ съ отверстіемъ. Кромѣ того внутри слоя найдены еще: остатки, повидимому, черенка изъ кости, обломокъ бронзоваго колечка и нѣсколько костяныхъ же фрагментовъ со слѣдами обдѣлки. 2) Отъ середины на Ю.-В. въ 2 арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, другой слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), въ числѣ которыхъ оказался также хвостовой позвонокъ лошади. Съ ними найдены: желѣзный топоръ, ножъ, наконечникъ стрѣлы, скобель (Табл. VIII, рис. 19), часть желѣзной трубчатой оправки, съ продольнымъ прорѣзомъ и остатками при ней бересты, и немного фрагментовъ костяного орнаментированнаго гребня. Рядомъ (на $^1/_2$ арш. восточнѣе), на той-же глубинѣ, третій слой сожженныхъ костей (около $^1/_4$ кв. арш.), съ которыми:

разломаный шейный обручъ (гривна), согнутый изъ бронзовой проволоки, остатки двухъ перегорѣлыхъ скорлупообразныхъ фибулъ (съ слѣдами бывшей на нихъ бересты), причемъ у одной сохранилась желѣзная колѣнчатая цѣпочка, бронзовый браслетъ, ножъ съ бронзовымъ колечкомъ на хвостѣ, большая подковообразная пряжка, перстень изъ бронзовой пластинки съ орнаментомъ и до 80 обгорѣлыхъ бусъ изъ кварца и композиціи. 3) Наконецъ отъ середины на Ю. въ 2 арш., близъ подошвы (на $^{1}/_{2}$ арш. выше), еще немного сожженныхъ костей, съ которыми найденъ только кусокъ спекшихся бусъ и незначительные обломки желѣза и бронзы, (повидимому, отъ шейной гривны).

CXXV. Той-же группы (вв), курганъ окружностью 67 шаговъ, вышины $2^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. 1) Отъ середины на З., въ 3 арш., на глубинѣ $1^{3}/_{4}$ арш. выше подошвы, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (длина 1, ширина $^{1}/_{2}$ арш.), съ которыми найдены: два плоскихъ бронзовыхъ браслета, бронзовая подвѣска въ видѣ гуська, желѣзный ножикъ, бронзовая оправа отъ ножевого чехла или футляра (Табл. VIII, рис. 15), 20 бусъ изъ сердолика, кварца и композиціи, разломаная бронзовая шейная гривна [1]), съ крючкомъ и петлей на концахъ, и нѣсколько обломковъ желѣза. 2) Отъ середины, на В. въ 2 арш., на глубинѣ 1 арш. выше подошвы, остатки скелета головой на С.; руки вытянуты вдоль туловища. При немъ: у шеи—маленькая бронзовая кольцеобразная пряжка (съ остатками въ ней ткани) и два обрывка тонкихъ ремешковъ; на груди—складная костяная гребенка (Табл. V, рис. 3), у лѣваго плеча—серьга, въ видѣ бронзоваго колечка съ надѣтой на него красноватой бусой (Табл. IV, рис. 2) и двѣ отдѣльныхъ маленькихъ стекловидныхъ бусы. 3) Почти рядомъ съ тѣмъ-же скелетомъ (на 1 арш. восточнѣе), но на $1^{1}/_{2}$ аршина выше подошвы. второй слой сожженныхъ человѣческихъ костей (длина 1, ширина $^{1}/_{2}$ арш.), съ которыми: массивный бронзовый браслетъ, съ глубокими ячейками на поверхности (вѣроятно, отъ расплавившихся украшеній въ видѣ серебряныхъ пуговокъ или чего нибудь подобнаго); еще литой-же массивный браслетъ, украшенный орнаментомъ (Табл. IV, рис. 7), кусокъ спекшихся бусъ и нѣсколько обломковъ расплавленной бронзы.

CXXVI. Той-же группы (вв), курганъ окружностью 37 шаговъ, вышина $1^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ. Въ серединѣ, въ подошвѣ, слой сожженныхъ человѣческихъ костей (длина 1, ширина $^{1}/_{2}$ арш.), съ которыми: бронзовая кольцеобразная пряжка, продолговатая желѣзная пластинка съ ушкомъ (вѣроятно, огниво), точильный оселокъ съ отверстіемъ, ножикъ и двѣ долотообразно заточенныхъ небольшихъ желѣзныхъ пластинки. У сѣвернаго края костей находился слой крупнаго угля, подъ которымъ найденъ топоръ, съ сохранившимся въ обухѣ его небольшимъ желѣзнымъ клиномъ отъ топорища.

CXXVII. Той-же группы (вв), курганъ окружностью 77 шаговъ, вышина $2^{1}/_{4}$ арш., грунтъ песокъ. 1) Отъ середины на С. въ $1^{1}/_{2}$ арш., близъ подошвы (на $1^{1}/_{2}$ арш. выше), слой сожженныхъ человѣческихъ костей (около $^{1}/_{2}$ кв. арш.), съ которыми: желѣзный ножъ, точильный оселокъ съ отверстіемъ, огниво и немного фрагментовъ складного костяного гребня. 2) Отъ середины на Ю. въ 2 арш., въ подошвѣ, огневище изъ слоя крупнаго угля (около 1 кв. арш.).

CXXVIII. Той-же группы (вв), курганъ окружностью 40 шаговъ, вышина $1^{1}/_{4}$ арш., грунтъ, песокъ. По всей подошвѣ пеплистый слой. Близъ середины (въ 1 арш. на З.), на поверхности (подъ дерномъ) немного сожженныхъ костей, съ которыми: большой желѣзный топоръ, родъ тонкаго

[1]) На ней видны слѣды древней починки: близъ мѣста излома гривна опилена и въ ней просверлено отверстіе, вѣроятно, для заклепки

желѣзнаго полукольца (діаметръ около 3 дм.), заостреннаго на одномъ концѣ и украшеннаго мелкими кружками на другомъ (тупомъ концѣ), и остатокъ рѣзной кости (въ родѣ шила), украшенной головкой дракона (Табл. V, рис. 5).

CXXIX. Той-же группы (вв), курганъ окружностью 40 шаговъ, вышина $1^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ; по всей подошвѣ пеплистый слой. Не найдено ничего.

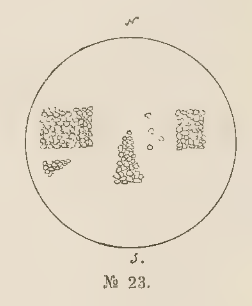
CXXX. Той-же группы (вв), курганъ окружностью 50 шаговъ, вышина $1^{1}/_{2}$ арш., грунтъ песокъ. Въ насыпи, на глубинѣ $^{3}/_{4}$ арш. выше подошвы, въ нѣсколькихъ пунктахъ 5 отдѣльныхъ скелетовъ, изъ которыхъ 2 лежали головами на С., съ руками скрещенными на животѣ, а 3 — головами на С.-З.; изъ числа послѣднихъ у одного руки въ такомъ-же положеніи, какъ и выше, а у двухъ сложены подъ грудью, поперегъ туловища. Вещей не найдено никакихъ.

Д. Курганы на р. Волховѣ.

гг) Группа на лѣвомъ берегу Волхова, между сел. Старой Ладогой и дер. Велешей, состоящая изъ 13 насыпей разной величины, частью расположенныхъ рядомъ цѣпью вдоль берега, частью разбросанныхъ отдѣльно, или парами. Почти всѣ уже раззорены въ прежнее время.

CXXXI. Курганъ окружностью 70 шаговъ, вышины $4^{1}/_{2}$ арш., грунтъ суглинистый песокъ; сѣв.-зап. сторона насыпи круче прочихъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ серединѣ, въ подошвѣ, груда валуновъ, вышиною до 2 арш., съ южной стороны которой въ подошвѣ-же тонкій слой угля, а съ западной—нѣсколько разбросанныхъ костей животнаго (въ числѣ ихъ два шейныхъ позвонка коровы). Вещей не найдено никакихъ.

CXXXII. Той-же группы (гг), курганъ окружностью 95 шаговъ, вышины 8 арш., грунтъ суглинистый песокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Отъ середины на Ю.-В. въ 2 арш. близь поверхности (на глубинѣ $^{1}/_{2}$ арш.), скопленіе разбросанныхъ сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми три горшечные черепка и обломокъ небольшого бронзоваго колечка. 2) Въ южной половинѣ насыпи, въ подошвѣ, три отдѣльныхъ каменныхъ площадки, или помоста, сложенныхъ изъ валуновъ; средняя изъ нихъ неправильной треугольной формы, длиною (съ С. на Ю.) до 6 арш. и шириною около 2 арш., начиналась отъ середины и мѣстами состояла изъ камней въ два и три яруса; вторая—прямоугольная (3×2 арш.)—находилась отъ середины на В. въ 6 арш. и третья—прямоугольная-же (3×5 арш.)—отъ середины на З. также въ 6 аршинахъ. Немного южнѣе послѣдней еще отдѣльная площадка, но меньшихъ размѣровъ ($1^{1}/_{2}\times2$ арш.), сложенная изъ валуновъ также въ два яруса (см. рис. 23).

№ 23.

CXXXIII. Той-же группы (гг), курганъ на лѣвомъ берегу р. Ладожки (впадающей въ Волховъ), окружностью около 60 шаговъ, вышины 2 арш., грунтъ черноземлистый суглинокъ, смѣшанный съ мелкими камнями. 1) Въ восточной сторонѣ насыпи, на глубинѣ 1 арш., пять скелетовъ, головами на З., лежащихъ вблизи другъ отъ друга. Положеніе рукъ различно: у одного обѣ скрещены на животѣ; у другого—лѣвая подъ грудью поперегъ туловища, правая отъ локтя къ тазу; у третьяго—правая отъ локтя загнута къ плечу, лѣвая неизвѣстно (въ обломкахъ); прочіе скелеты сохранились

дурно. При одномъ изъ нихъ бронзовый браслетъ, въ видѣ разомкнутаго, заостреннаго къ концамъ, кольца, и желѣзный ножикъ; при двухъ другихъ лишь по ножу. 2) Въ грунтѣ насыпи найдены двѣ желѣзныя скрѣпы, въ родѣ заклепокъ (рис. 21 на стр. 72).

CXXXIV. Той-же группы (гг), курганъ на лѣвомъ берегу р. Ладожки (рядомъ съ предшествовавшимъ), окружностью около 50 шаговъ, вышина до $1^1/_2$ арш.; грунтъ черноземлистый суглинокъ, съ примѣсью мелкихъ камней. 1) Въ серединѣ, на глубинѣ $^3/_4$ арш. отъ поверхности, скелетъ головой на З.; правая рука отъ локтя поперегъ туловища, кисть лѣвой на тазѣ. 2) Въ восточной сторонѣ насыпи, на той-же глубинѣ, еще три скелета, головами на З.; положеніе рукъ различно: у одного кисти рукъ на тазѣ, у другого—обѣ руки отъ локтей загнуты къ плечамъ; у третьяго—лѣвая отъ локтя поперегъ туловища, правая—отъ локтя наискось груди. Вещей не найдено никакихъ.

дд) Группа на правомъ берегу Волхова, противъ сел. Старой Ладоги, состоящая изъ 3 насыпей рядомъ.

CXXXV. Курганъ окружностью 70 шаговъ, вышина 4 арш., грунтъ суглинокъ. Въ вершинѣ насыпи слѣды заплывшей ямы, около 1 арш. глубиною. По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Въ серединѣ, подъ дномъ ямы встрѣченъ родъ каменной настилки (2×1 арш.) изъ неправильныхъ плитъ и двухъ большихъ валуновъ, на которой слѣды угля и горѣлой земли (см. рис. 24). Съ западной стороны ея лежалъ развалившійся (опрокинутый вверхъ дномъ) глиняный горшокъ и подъ нимъ разбросанныя сожженныя кости, съ которыми найденъ лишь маленькій обломокъ бронзовой проволочной спирали. 2) Отъ середины на Ю.-З. въ 5 арш., почти на поверхности (подъ дерномъ), небольшой согнутый ножикъ. 3) Почти по всей западной половинѣ подошвы, еще родъ каменной настилки (но не сплошной) изъ крупныхъ валуновъ, занимавшей протяженіе съ С. на Ю. до 11 арш.; въ восточной половинѣ подошвы, около края насыпи, найденъ еще желѣзный широкій ножъ.

№ 24.

ее) Група на лѣвомъ берегу Волхова (нѣсколько выше впадающей въ послѣдній р. Ладожки), между сел. Старой Ладогой и Никольскимъ монастыремъ, но въ отдаленіи съ $^1/_2$ версты отъ берега, состоящая изъ 7 скученныхъ малыхъ насыпей и 1 большой, расположенной отдѣльно (сѣвернѣе).

CXXXVI. Курганъ (отдѣльный) окружностью около 60 шаговъ, вышины 3 арш., грунтъ песокъ. Насыпь овалообразная и въ сѣверной части гораздо круче. По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Отъ середины на Ю.-В. въ 3 арш., въ подошвѣ, полуразвалившійся глиняный горшокъ, наполненный сожженными человѣческими костями (съ примѣсью птичьихъ и неизвѣстнаго животнаго) и накрытый кускомъ плиты. Въ горшкѣ среди костей найдены обгорѣлые остатки костяного гребня и точильнаго оселка съ отверстіемъ, нѣсколько мелкихъ бусъ и родъ желѣзной трубчатой оправки съ продольнымъ прорѣзомъ и ушкомъ на концѣ; кромѣ того рядомъ съ горшкомъ найденъ еще обломокъ кости животнаго (несожженный). 2) Непосредственно рядомъ съ тѣмъ-же вершкомъ (съ Ю.-В. стороны его), лежалъ большой слой сожженныхъ костей, занимавшій секторовидную площадь (въ $^1/_4$ круга) до $1^1/_2$ арш. длиною и шириною, примыкавшую вершиною къ горшку. Кости представляли смѣсь человѣческихъ и разныхъ животныхъ (между прочимъ 2 хвостовыхъ позвонка кошки, 2 обломка костей разсомахи и малые остатки костей коровы и лошади), въ кото-

рыхъ найдены только незначительные обломки желѣза и остатокъ обдѣланной головки бедра (быть можетъ, человѣческаго). 3) Отъ середины на ВВ.-Ю въ 4 арш. (т. е. близь сѣверо-восточнаго края слоя костей § 2), въ подошвѣ-же, остатки человѣческаго скелета, въ направленіи, повидимому, головой на З., но въ безпорядкѣ и безъ всякихъ вещей. 4) Отъ середины на С. въ 6 арш., въ подошвѣ, желѣзный ножъ. 5) Кромѣ того въ С.-В. и С.-З. сторонѣ насыпи, близь подошвы, найдены три отдѣльныхъ зуба животнаго и нѣсколько крупныхъ валуновъ.

CXXXVII. Той же группы (ее) курганъ окружностью 43 шага, вышиной 1½ арш., грунтъ песокъ.

Не найдено ничего, кромѣ нѣсколькихъ крупныхъ валуновъ въ подошвѣ насыпи.

CXXXVII. Той же группы (ее) курганъ окружностью 43 шага, вышиной 1½ арш., грунтъ песокъ. Въ серединѣ насыпи куча камней и около нея тонкій слой угля. Остатковъ костей не встрѣчено.

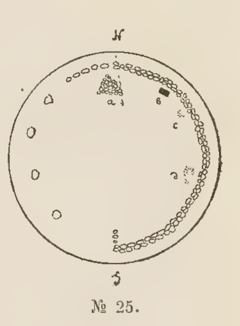
CXXXIX. Той же группы (ее) курганъ окружностью 43 шага, вышиной 1½ арш., грунтъ песокъ. 1) Въ серединѣ, въ подошвѣ, слой сожженныхъ человѣческихъ костей и въ нихъ три медвѣжьихъ когтевыхъ фаланга. 2) Отъ середины на С.-В. въ 1 арш., близь подошвы, еще немного сожженныхъ человѣческихъ же костей, въ которыхъ найденъ фрагментъ кости съ рѣзьбою и желѣзная скрѣпа въ родѣ заклепки (рис. 21 на стр. 72). 3) Въ подошвѣ нѣсколько разбросанныхъ валуновъ и часть плиты, около которыхъ слѣды угля.

жж) Группа на лѣвомъ берегу Волхова, выше сел. Старой Ладоги и Никольскаго монастыря, на урочищѣ Побѣдищѣ, изъ 8 насыпей цѣпью вдоль берега и 4 также рядомъ, но расположенныхъ отъ нихъ отдѣльно (ниже).

CXL. Курганъ (изъ отдѣльныхъ) окружностью 85 шаговъ, вышиной 6 арш., грунтъ суглинокъ; по всей подошвѣ черноватый слой съ частицами угля. Насыпь весьма крутая. 1) Въ серединѣ, на глубинѣ 1 арш., немного разбросанныхъ сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми найденъ большой бронзовый бубенчикъ. 2) Еще глубже на 1 арш.—родъ настилки изъ крупныхъ валуновъ (до 15 штукъ), расположенныхъ группами въ одинъ слой. На ½ арш. надъ нею, въ южной сторонѣ (отъ середины въ 5 арш. на Ю.), полуразвалившійся глиняный горшокъ, накрытый довольно большимъ обломкомъ плиты и наполненный сожженными человѣческими костями, въ которыхъ найденъ желѣзный ножъ (Табл. VIII, рис. 11), нѣсколько кусковъ спекшихся бусъ (въ числѣ ихъ обломокъ сердоликовой) и три обломка полурасплавленной бронзы. На той же глубинѣ, но у сѣверо-восточнаго края насыпи, найденъ отдѣльно еще костяной черенокъ ножа. 3) Еще глубже на 3 арш. (или на глубинѣ 1 арш. выше подошвы), находился родъ короткой стѣнки, около 1 арш. выше, расположенной съ З. на В. и сложенной изъ ряда валуновъ въ два и три яруса; среди камней, ее составлявшихъ, было устроено небольшое помѣщеніе, отгороженное съ одной стороны вертикально поставленной плитою, и въ немъ поставленъ небольшой глиняный горшокъ, также накрытый плитою. Внутри послѣдняго оказался другой маленькій горшечекъ, наполненный сожженными костями ребенка, съ которыми были также кости нѣсколькихъ птицъ[1]) и одинъ позвонокъ змѣи. Въ костяхъ найдены слѣды перегорѣлыхъ бусъ и нѣсколько проволочныхъ колечекъ отъ бронзовой цѣпочки. 4) Въ самой подошвѣ, по окружности ея, внутри насыпи находился родъ круговой стѣнки (вышиной около 1 арш.), сложенной изъ крупныхъ и мелкихъ валуновъ въ два и три яруса, причемъ

[1]) Породы величиною съ голубя.

во всей восточной половинѣ она составляла сплошной полукругъ (съ короткимъ заворотомъ на южномъ концѣ внутрь насыпи), въ западной же половинѣ была лишь обозначена отдѣльно уложенными валунами. Внутри стѣнки, у сѣверной стороны ея, небольшая, вымощенная валунами же площадка, а восточнѣе послѣдней—родъ огневища, изъ слоя угля (около 1½ арш. въ діаметрѣ) съ перегорѣлыми каменьями (см. рис. 25). 5) Отъ середины на В. въ 6 арш. (или въ 3 арш. внутрь отъ той же стѣнки), въ подошвѣ, большой слой сожженныхъ костей (около 1½ арш. въ поперечникѣ) человѣческихъ, смѣшанныхъ съ конскими, и съ ними также 7 медвѣжьихъ когтевыхъ фаланговъ; въ костяхъ найдены: остатки, повидимому, конскаго набора, именно — двѣ полушарныхъ (діаметромъ около 1 дiам.), изъ тонкой листовой бронзы бляхи, съ поперечнымъ въ нихъ прорѣзомъ, еще довольно большая бронзовая бляха трехконечная (Табл. VI, рис. 11), съ остатками при ней бересты, и два какъ бы наборныхъ наконечника (Табл. VI, рис. 18) съ продольными прорѣзами; кромѣ того еще нѣсколько мелкихъ наборныхъ же бронзовыхъ бляшекъ, именно: три плоскихъ круглыхъ, одна сердцевидная, четыре круглыхъ же съ лучеобразнымъ орнаментомъ (Табл. VI, рис. 20), пять продолговатыхъ (Табл. VI, рис. 6); остатокъ желѣзной четыреугольной пряжки; нѣсколько фрагментовъ обдѣланной кости, довольно много обломковъ перегорѣлой бронзы и желѣза. Большая часть всѣхъ предметовъ сохранилась только лишь въ остаткахъ. Нѣсколько сѣвернѣе того же слоя найдено еще немного сожженныхъ костей и съ ними: двѣ бронзовыя оковки съ заклепками, кольцеобразная обтяжка и нѣсколько тонкихъ листовидныхъ бронзовыхъ же обломковъ. 6) Отъ середины на В., въ самомъ краѣ подошвы (за стѣнкой), найденъ подъ дерномъ ножъ, съ широкимъ хвостомъ, въ которомъ сохранились бронзовыя заклепки (Табл. VIII, рис. 10).

№ 25.

CXLI. Той же группы (жж) курганъ (изъ отдѣльныхъ) окружностью 87 шаговъ, вышиной около 5 арш., грунтъ суглинокъ. Насыпь весьма крутая; по всей подошвѣ черноватый слой. Въ серединѣ кургана, въ подошвѣ, груда камней, въ видѣ невысокой, довольно правильной сферовидной кучи (вышиной 1, въ діаметрѣ 3 арш.), сложенной изъ валуновъ и наклонно положенныхъ плитъ, какъ бы покрывавшихъ небольшую земляную насыпь, или составлявшихъ на ней родъ каменной выпуклой настилки. Слѣдовъ погребенія не оказалось, но близь поверхности кургана, около середины, найдены два горшечныхъ черепка, съ орнаментомъ курганнаго типа (въ видѣ волнообразныхъ дорожекъ).

CXLII. Той же группы (жж) курганъ окружностью 90 шаг., вышиной 6 арш., грунтъ суглинистый песокъ. Насыпь весьма крутая. По всей подошвѣ черноватый слой. 1) Въ серединѣ, на поверхности (подъ дерномъ), слой сожженныхъ человѣческихъ костей (въ 1 кв. арш.), въ которомъ найдены черепки горшка, немного обломковъ бронзы и 4 перегорѣлыхъ бусы. 2) Отъ середины на В. въ 3 арш., также на поверхности (подъ дерномъ), разбросанные обломки сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми: два малыхъ обломка бронзы, буса, желѣзный ножъ (Табл. VIII, рис. 7), и немного фрагментовъ обдѣланной кости (повидимому, ножевого черенка). Еще восточнѣе на 1 арш., но немного глубже (на ¾ арш. отъ поверхности), также нѣсколько разбросанныхъ сожженныхъ человѣческихъ костей, съ которыми найденъ горшечный черепокъ; около нихъ съ южной стороны, еще немного таковыхъ же обломковъ костей, въ которыхъ также черепокъ горшка, обломокъ перегорѣлой сердоликовой бусы и хвостовой позвонокъ лошади. 3) Отъ середины на Ю. въ 2½ арш., близь поверхности (на глубинѣ ½ арш.), скопленіе разбросанныхъ сожженныхъ человѣческихъ

костей, съ которыми черепокъ горшка, небольшой обломокъ бронзовой пластинки и два когтевыхъ медвѣжьихъ фаланга. 4) Отъ середины на Ю. въ 3 арш., на глубинѣ отъ поверхности $2^3/_4$ арш., обломокъ черепа барана и три обломка костей. 5) Отъ середины на Ю.-З. въ 2 арш., въ подошвѣ, полукруглый рядъ валуновъ въ нѣсколько ярусовъ, образующій родъ кривой стѣнки (вышиной около $^3/_4$ и въ діаметрѣ до $1^1/_2$ арш.); рядомъ съ нею снаружи кость животнаго.

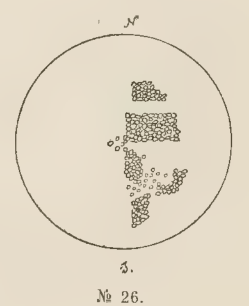
CXLIII. Той же группы (жж) курганъ окружностью 80 шаговъ, вышиной до 5 арш., грунтъ песокъ. Поверхность насыпи частью уже снесена мѣстными крестьянами. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ серединѣ, въ подошвѣ, нѣсколько валуновъ и довольно большой обломокъ плиты, уложенные въ видѣ прямого угла; въ отверстіи послѣдняго найденъ развалившійся человѣческій черепъ и два остатка костей, а по близости ихъ обломки желѣза (повидимому, ножа).

зз) Группа на правомъ берегу Волхова, при сел. Лопино (выше), изъ 4 насыпей.

CXLIV. Курганъ окружностью 100 шаговъ, вышиной 6 арш., грунтъ суглинокъ. По всей подошвѣ черноватый слой. Въ серединѣ, въ подошвѣ, полукруглый рядъ валуновъ въ два яруса, образующій родъ кривой стѣнки (вышиной около $^3/_4$, въ діаметрѣ до $1^1/_2$ арш.); съ юго-западной стороны ея нѣсколько большихъ каменьевъ, расположенныхъ двумя группами. Остатковъ погребенія не встрѣчено (около стѣнки найденъ лишь одинъ зубъ).

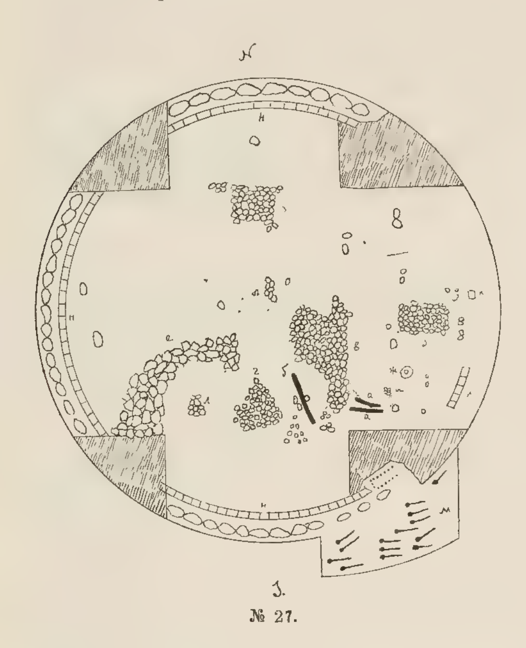
ии) Группа на лѣвомъ берегу Волхова, у сел. Михаилъ-Архангелъ (выше его), изъ 2 большихъ, отдѣльно стоящихъ насыпей.

CXLV. Курганъ окружностью 46 саж., вышиной $4^1/_2$ саж., грунтъ суглинокъ; по всей подошвѣ черный слой съ незначительными слѣдами угля. Насыпь въ восточной сторонѣ нѣсколько повреждена, но очень крутая (въ видѣ усѣченнаго конуса), съ площадкой на верху въ 3 саж. діам. 1) Около середины, на глубинѣ $1^1/_4$ арш., немного разбросанныхъ сожженныхъ костей, съ которыми обломокъ желѣза и бронзовой проволоки. 2) На глубинѣ отъ вершины 5 арш., въ юго-западной половинѣ насыпи двѣ отдѣльныхъ каменныхъ настилки, въ видѣ плоскихъ кучъ (вышиной $^1/_2$—1 арш.) валуновъ, и третья изъ уложенныхъ въ одинъ слой обломковъ плитъ; всѣ три неправильной формы, отъ $1^1/_2$—3 арш. въ поперечникѣ и расположены въ одну линію, по направленію съ Ю.-В. на С.-З Около крайней (сѣверо-западной), но на 1 арш. глубже, черепки развалившагося горшка, съ которыми куски черной обугленной массы (животнаго угля) и остатки древесной коры, вѣроятно, покрывавшей тотъ же горшокъ. 3) На глубинѣ 8 арш., въ восточной половинѣ насыпи, также три каменныхъ настилки, въ видѣ плоскихъ кучъ (вышиной 1 — $2^1/_2$ арш.) валуновъ въ два яруса. Первая, длиною (съ З. на В.) около 5 арш. и шириной до 2-хъ, начиналась у середины насыпи; вторая ($3 \times 1^1/_2$ арш.) лежала нѣсколько сѣвернѣе первой; третья (неправильной формы), длиною до 8 арш., начиналась также близь середины и отсюда тянулась на Ю., причемъ въ свою очередь состояла какъ бы изъ трехъ группъ камней, между которыми были разбросаны отдѣльные валуны (см. рис. 26). 4) Въ подошвѣ насыпи въ разныхъ ея пунктахъ, еще до семи подобныхъ же отдѣльныхъ грудъ, изъ большихъ (частью даже огромныхъ) валуновъ; нѣкоторыя изъ этихъ грудъ представляли какъ бы родъ каменныхъ помостовъ, до 3 арш. вышиной и нѣсколько кв. саженъ въ основаніи, другія же въ видѣ плосковатыхъ каменныхъ кучъ меньшихъ размѣровъ.

№ 26.

Между ними въ трехъ мѣстахъ остатки обгорѣлыхъ бревенъ (длиною 2 — 3 арш.) и дерева, а въ юго-восточной сторонѣ подошвы (отъ середины въ 4 саж. на В.-В.-Ю.) — слой сожженныхъ костей (около $^1/_2$ кв. арш.), въ которомъ не найдено ничего. Наконецъ кругомъ подошвы, внутри насыпи, былъ выведенъ каменный цоколь до 2 арш. толщиною, наружную сторону котораго составлялъ рядъ огромныхъ валуновъ, опоясывавшихъ окружность насыпи, а внутреннюю—тонкая (около $^1/_2$ арш. толщиною и до $1^1/_2$ арш. вышиной) круговая же стѣнка, сложенная на сухо изъ небольшихъ плитъ, промежутокъ же между валунами и стѣнкой забитъ мелкими камнями съ щебенкой и сверху покрытъ уложенными плашмя плитами. Въ восточной сторонѣ насыпи отъ цоколя сохранились лишь нѣкоторые слѣды и, какъ видно, здѣсь онъ уже раззоренъ мѣстными обывателями, бравшими изъ кургана песокъ и камни для своихъ надобностей. (см. рис. 27). 5) Съ юго-восточной стороны кургана, непосредственно съ нимъ рядомъ, обнаруженъ родъ могильника, заключавшаго въ себѣ 14 скелетовъ, погребенныхъ въ нѣсколько рядовъ, головами на З. и Ю.-З., на глубинѣ 1—$1^1/_2$ арш. отъ поверхности почвы. Скелеты всѣ въ вытянутомъ положеніи, но положеніе рукъ различно: у нѣкоторыхъ одна на груди, другая поперегъ туловища, или кистью на тазѣ, у другихъ обѣ скрещены на животѣ, у третьихъ загнуты отъ локтей къ плечамъ, и проч. Въ числѣ скелетовъ три видимо женскихъ, одинъ старика и одинъ юноши; при нѣкоторыхъ слѣды дерева и нѣсколько гвоздей, одинъ же былъ обставленъ обломками плитъ и камнями. Изъ вещественныхъ находокъ при нихъ найдены бусы, а при остальныхъ: довольно большая бронзовая пряжка отъ пояса (съ слѣдами на ней бересты), три желѣзныхъ ножа съ остатками на нихъ чехловъ или футляровъ, 2 желѣзныхъ кольца, костяной гребень, 6 колецъ височныхъ изъ бронзовой проволоки, 2 такихъ же кольца ручныхъ, фрагментъ кости съ рѣзьбою и обломокъ вендской монеты XI вѣка.

№ 27.

Примѣчаніе. Судя по относительному положенію нѣкоторыхъ скелетовъ, они, повидимому, были погребены разновременно, и по всей вѣроятности, въ періодъ болѣе поздній, сравнительно съ сооруженіемъ самаго кургана, происхожденіе котораго (судя по его размѣрамъ и характеру постройки) должно относиться къ эпохѣ полнаго господства язычества въ данной мѣстности.

6. Наконецъ въ материкѣ, подъ насыпью кургана, обнаружено нѣсколько небольшихъ углубленій, заполненныхъ вязкимъ чернымъ грунтомъ, въ которыхъ найдены остатки рыбьихъ костей и въ одномъ черепокъ горшка. Кромѣ того въ составѣ курганной насыпи, въ разныхъ пунктахъ были еще найдены отдѣльно: два каменныхъ долота, желѣзная пряжка, каменный дискъ съ отверстіемъ въ центрѣ, обломокъ желѣзныхъ удилъ, два, повидимому, какихъ-то инструмента (желѣзныхъ же) неизвѣстнаго назначенія, фрагментъ костяной трубочки съ орнаментомъ и обломокъ, повидимому, ножевого костяного черенка.

II. Дополнительныя замѣчанія.

Не желая упустить представившійся случай подвергнуть непосредственному изученію собранную раскопками Н. Е. Бранденбурга интересную коллекцію во всемъ ея составѣ, мы рѣшились предпринять самостоятельную обработку всего добытаго г. Бранденбургомъ археологическаго матеріала путемъ цифровой характеристики его, и главнѣйшіе результаты своего труда предлагаемъ въ видѣ дополнительной замѣтки къ настоящему изданію. Такъ какъ, принявъ для своей работы общій титулъ: «Курганы южнаго Приладожья», Н. Е. Бранденбургъ вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнимъ образомъ объединилъ въ ней столь разнородные памятники древности, какъ курганы чудскіе и Волховскіе, что, какъ намъ кажется, иногда можетъ привести читателя къ недоразумѣніямъ, то наше изложеніе имѣетъ также цѣлью нагляднѣе отдѣлить одну культуру отъ другой. Обстоятельства позволили намъ дать пока цифровую характеристику лишь чудскихъ приладожскихъ кургановъ

А. Спицынъ.

Обряды погребенія.

Всѣхъ кургановъ съ трупосожженіями раскопано 36 (№№ 7, 8, 10, 12, 19, 24, 48, 52, 58, 60, 61, 63, 69, 70, 71, 79, 81, 84, 85, 88, 94, 95, 100, 101, 103, 104, 107 — 109, 119, 121, 124, 126 —128), что составляетъ меньше трети всѣхъ раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ кургановъ даннаго типа (120). Наибольшія группы кургановъ съ трупосожженіями обнаружены на р. Пашѣ (д. Кумбита, Вихмесъ, Сязнига, Костина) и у д. Городище на Сяси, причемъ замѣчено, что они располагаются обыкновенно правильными линіями, вдоль рѣчного берега. Въ другихъ случаяхъ эти курганы соединяются въ отдѣльныя неправильныя группы по нѣскольку насыпей въ каждой, или же входятъ одиночными насыпями въ группы позднѣйшихъ кургановъ, среди которыхъ обыкновенно сразу выдаются своими сравнительно большими размѣрами.

Нормальная высота насыпей 2 арш., но при ярусныхъ погребеніяхъ она доходитъ до 3 арш. и выше. Высоту въ $1^1/_2$ арш. имѣютъ 10 кургановъ (48, 52, 58, 63, 94, 104, 119, 121, 126, 128), изъ которыхъ одинъ, видимо, дѣтскій, а два (104 и 128) не кончены [1]); быть можетъ даже большая часть невысокихъ кургановъ съ трупосожженіями не кончена, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ лишь по одному ярусу погребеній (кромѣ № 58, 94 и 104, заключающихъ по 2 погребальные яруса). Насыпи отличаются вообще необыкновенной отлогостью скатовъ: кажется, что діаметръ основанія кургана, при высотѣ его въ 2 арш., можно принять до 5 саж. и больше. Такая расплывчатость кургановъ должна быть объяснена, по всей вѣроятности, кромѣ другихъ причинъ, также слабостью песчанаго грунта, изъ котораго они насыпаны, и отсутствіемъ основательной задерновки. Въ 5-ти случаяхъ (№ 70—72, 104 и 105) за-

---

[1]) Это видно изъ того, что курганъ № 104 при діаметрѣ около 8 саж. имѣетъ вышины всего $1^3/_4$ арш., а въ курганѣ № 128 погребеніе находится почти подъ дерномъ, вышина же его только $1^1/_4$ арш.

мѣчено, что сѣверная пола кургана круче другихъ; въ курганахъ съ погребеніемъ это явленіе замѣчается чаще. Оно не случайно, но остается непонятнымъ; въ зависимости отъ того, закончена или нѣтъ насыпь кургана, оно, повидимому, не находится. Весьма вѣроятно, что причины этого явленія, замѣченнаго и въ другихъ мѣстностяхъ, заключаются въ атмосферическихъ дѣятеляхъ.

Въ основаніи кургана, въ силу какого-то обычая, въ большинствѣ случаевъ залегаетъ прослоекъ пепла. Какой смыслъ имѣетъ этотъ прослоекъ, мы не знаемъ; намъ не достаточно ясно и образованіе его: трудно уяснить, получался-ли онъ отъ особаго костра, разведеннаго посрединѣ основанія будущей насыпи, или же его брали отъ погребальнаго костра, разложеннаго въ сторонѣ, или, наконецъ, онъ являлся результатомъ обжиганія, освященія огнемъ мѣста кургана. Второе мало вѣроятно потому, что пепельный слой встрѣчается и въ курганахъ, не содержащихъ трупосожженій. Какое предположеніе изъ двухъ остальныхъ вѣрнѣе, это могло бы разъясниться на основаніи того, гдѣ именно въ основаніи насыпи наблюдается горѣлая (красная) земля: въ центрѣ только или же по всему основанію, и какую толщину имѣетъ пепельный прослоекъ въ разныхъ случаяхъ, но необходимыхъ указаній на это въ дневникъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга занесено, вѣроятно, по трудности наблюденія, немного: «въ основаніи слой горѣлой земли и пепла, въ которомъ встрѣчались (грунтовые) горѣлые камни» (№ 70), «въ основаніи толстый слой пепла, въ центрѣ его горѣлая земля съ каменьями, занимавшая пространство около сажени» (№ 71), «въ основаніи кургана толстый пепельный слой, въ которомъ попадались горѣлые разной величины камни» (№ 69). Въ большинствѣ случаевъ отмѣчается просто: «по всему основанію слой пепла», иногда съ прибавленіемъ, что пепелъ смѣшанъ съ частицами угля. Указаній на толщину пепельнаго слоя въ дневникѣ не находится никакихъ, а также на сравнительную интенсивность его въ разныхъ пунктахъ основанія и плоскостную правильность его. Естественнѣе всего думать, что мѣсто будущаго кургана подвергалось обжиганію при помощи хвороста, причемъ огонь сосредоточивался преимущественно въ срединѣ избранной площадки, и что по окончаніи этого процесса съ площадки сбрасывались остатки крупныхъ углей, но ничего положительнаго въ защиту этого мнѣнія нельзя привести. Въ дневникѣ мы нашли однажды замѣчаніе, что пепельный слой шелъ «*почти* по всему основанію» (№ 8), но если допустить, что насыпи осѣдали, то это должно бы встрѣчаться чаще. Совершенно необъяснимо присутствіе пепельныхъ прослоекъ выше основного пепельнаго слоя, замѣченныхъ въ разныхъ мѣстахъ насыпи въ курганахъ № 12, 69, 87 и подъ самымъ дерномъ въ курганѣ № 72. «Пеплистый» основной слой замѣняется иногда «бѣловатымъ съ угольками» (№ 63) и «черноватымъ» (№ 19, 119, 104). Про послѣдній въ дневникѣ раскопокъ не разъ указывается, что онъ смѣшанъ съ угольками и къ серединѣ постепенно густѣетъ, или же переходитъ въ пепельный [1]). Очевидно, что этотъ черноватый слой не есть остатокъ истлѣвшаго дерна, а представляетъ собою результатъ горѣнія. Любопытно что обжиганіе площадки будущей насыпи въ курганахъ съ трупосожженіями не составляло обязательнаго обычая, такъ какъ изъ 33 случаевъ его не оказалось въ 10-ти (№ 10, 60, 63, 81, 88, 103, 121, 124, 126, 127).

Непосредственно на пепельномъ слоѣ сооружался очагъ, форма и устройство котораго намъ ясны. Наиболѣе парадный очагъ состоялъ изъ слоя глины, въ діаметрѣ отъ 1 до 2 арш., наложенной сверхъ пепельнаго слоя и усыпанной сверху галькой (№ 45, 7, 60), но чаще онъ располагался только на одной «подсыпкѣ» из гальки (11 случаевъ), а иногда обходился и безъ послѣдней (№ 60, 10,

---

[1]) «Въ основаніи черноватый слой, замѣтно густѣвшій и чернѣвшій къ центру; въ слоѣ замѣчались обломки углей, перемѣшанные съ жженою землею. Ниже этого слоя въ $^{1}/_{4}$ арш. проходилъ слой голышей и затѣмъ шелъ плотнякъ» (№ 119). Общее указаніе на характеръ пепельнаго слоя см. на стр. 6 настоящаго изданія.

85, 95, 127), такъ что костеръ очага помѣщался непосредственно на пепельномъ слоѣ. Особенно нарядные очаги имѣли вблизи сковородку, сковородникъ, котелокъ, лопату или горшокъ (№ 7, 19, 58, 60, 63, 100). На всѣхъ очагахъ замѣчаются остатки углей, иногда въ видѣ длинныхъ головней, расположенныхъ съ С. на Ю. (№ 79, 94). Очевидно, что зажиганіе костра на очагѣ служило въ такой же мѣрѣ къ подготовленію мѣста для погребенія, какъ и насыпаніе пепельнаго слоя. Такъ какъ при очагахъ, кромѣ хозяйственныхъ принадлежностей, были находимы и раздробленныя кости животныхъ, то возможно, что погребеніе сопровождалось какими-нибудь поминками. Н. Е. Бранденбургъ уже обратилъ вниманіе на тотъ интересный случай, когда котелъ такъ и засыпанъ былъ въ висячемъ положеніи на цѣпи. Разъ вмѣсто очага встрѣчена одна лишь желѣзная лопатка (№ 109). Очагъ всегда бываетъ одинъ, но любопытно, что онъ помѣщается не всегда въ самой подошвѣ насыпи, а также и выше, иногда даже надъ самими погребеніями (изъ всѣхъ раскопанныхъ кургановъ въ №№ 10, 19, 29, 31, 43, 58), и что въ половинѣ насыпей очаговъ не оказалось вовсе (въ 17-ти случаяхъ). Въ очень незначительномъ количествѣ кургановъ съ описываемымъ обрядомъ погребенія вовсе не оказалось ни очаговъ, ни пепельнаго слоя (№ 88, 121, 124, 126, 128).

Несомнѣнно, что трупъ покойника (одѣтаго, быть можетъ, въ лучшій нарядъ) сожигался въ сторонѣ отъ кургана, причемъ топоры, мечи и вообще вещи, не относящіяся къ одеждѣ и украшеніямъ, на костеръ, видимо, не были помѣщаемы. Остатки костей съ кострища вмѣстѣ съ вещами, а иногда съ угольками и пепломъ (№ 7, 11, 12) переносились въ курганъ, иногда въ горшкѣ (№ 11), но чаще, быть можетъ на берестѣ и корѣ, по крайней мѣрѣ слѣды послѣднихъ на вещахъ въ курганахъ съ трупосожженіями встрѣчаются нерѣдко. Кости и вещи каждаго костяка помѣщались въ курганѣ особо отъ другихъ, и самымъ предметамъ при этомъ давалось возможно симметричное положеніе. Тутъ же къ нимъ были присоединяемы не бывшіе на кострѣ предметы, иногда въ преднамѣренно попорченномъ видѣ. На кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигались, повидимому, и животныя или ихъ части, особенно въ мужскихъ погребеніяхъ (см. стр. 13 и 14), а разъ встрѣчены кости коня отдѣльно отъ костей человѣка; вѣроятно, онѣ были отдѣльно и сожжены (№ 116). Такъ какъ предметы мужского и женскаго наряда въ курганахъ среди сожженныхъ костей вмѣстѣ почти не встрѣчаются (какъ въ № 10 и 58), то изъ этого слѣдуетъ, что обычай человѣческихъ жертвоприношеній при погребеніяхъ врядъ-ли существовалъ. Пережженныя кости безъ вещей похоронены въ курганахъ № 72, 94 и 99, а одни вещи безъ костей въ курганахъ № 10 (4), 19 (2), 14, 71 (3), 101 (2). Вещи оказались разбросанными безпорядочно въ курганахъ № 10, 60, 94, 101, 104 и 128. Горшки въ курганахъ съ трупосожженіемъ составляютъ рѣдкость (VIII, 1; XII; XIX, 1; LVIII, 2).

Остатки сожженныхъ костей размѣщались обыкновенно въ 3—4 арш. отъ огневища или центра насыпи. По приблизительному разсчету, это выходитъ почти половина радіуса основаній кургановъ. Наибольшее разстояніе отъ очага—5 арш., наименьшее 2 арш.; вѣроятно, чѣмъ погребеніе въ насыпи выше, тѣмъ оно ближе къ центру.

Погребенія мужскія въ курганахъ находятся почти всегда на восточной сторонѣ, женскія же на западной; если погребенія три, то одно изъ нихъ помѣщается обыкновенно въ южной или сѣверной сторонѣ. Въ курганѣ № 69 было въ 3-хъ ярусахъ 3 мужскія погребенія, и всѣ они лежали правильно другъ надъ другомъ. Исключенія незначительны: одно мужское погребеніе лежало на западной сторонѣ (№ 109), четыре на С. (№ 52, 95, 124, 127), одно женское на В. (№ 10) и одно же на Ю.-В. (№ 69); на все число погребенныхъ по способу трупосожженія (65) это составляетъ менѣе $^1/_{10}$ части.

Въ 19 курганахъ, т. е. въ половинѣ всего числа, встрѣтилось всего по одному погребенію. Въ остальныхъ 17 обнаружено по 2, по 3, по 4 и даже по 5 погребеній, въ одномъ или нѣсколькихъ ярусахъ. Замѣчается, что болѣе трехъ погребеній въ одномъ ярусѣ не бываетъ и что вообще преобладаетъ разноярусность погребеній. По 3 погребенія въ одномъ ярусѣ встрѣчены въ курганахъ № 84, 88, 95, по два—въ курганахъ № 58, 72, 85 и 100; по 2 по гребенія въ разныхъ ярусахъ встрѣчено въ 5 курганахъ (№ 10, 61, 94, 103, 124), по 3 погребенія въ 3-хъ ярусахъ въ курганѣ № 71 и въ 2-хъ ярусахъ въ курганѣ № 104, и погребенія встрѣчены въ 2-хъ ярусахъ (№ 8) и пять погребеній въ 4-хъ и 3-хъ ярусахъ въ двухъ курганахъ (№ 60 и 69). Разстояніе между ярусами погребеній — $^1/_2$, $^3/_4$ и 1 арш. Итакъ, только въ 9 курганахъ съ труппосожженіями, т. е. въ $^1/_4$ части всего ихъ количества, встрѣчены парныя погребенія по 2 и по 3 въ одномъ горизонтѣ, съ непремѣннымъ присутствіемъ женскаго погребенія. Такія явленія въ столь спорадической формѣ повторяются въ курганахъ разныхъ мѣстностей, и объяснять ихъ непремѣнно обрядомъ сожиганія съ господиномъ его жены и рабовъ врядъ ли неизбѣжно. Одновременны или разновременны наблюдаемыя въ Приладожскихъ курганахъ сложныя погребенія, пока трудно рѣшить. За одновременность говоритъ, повидимому, нахожденіе погребеній въ одной плоскости, а за разновременность—замѣчаемая вообще не достаточная симметричность расположенія погребеній по отношенію къ очагу, общее стремленіе къ разноярусности погребеній и вообще сравнительная неправильность ихъ расположенія въ насыпи, а также обнаруженіе кургановъ видимо не законченныхъ. Если допустить разновременность сложныхъ погребеній, придется допустить, что курганныя насыпи время отъ времени вскрывались для помѣщенія въ нихъ новыхъ покойниковъ. Въ общемъ получается представленіе о курганной насыпи какъ о своего рода семейномъ склепѣ, что очень подходитъ идеѣ дома, жилого помѣщенія, лежащей, какъ намъ кажется, въ основѣ чудского Приладожскаго кургана: по серединѣ, на полу, очагъ, по одну сторону котораго мѣсто хозяина, по другую хозяйки. Члены семьи, умирающіе позднѣе, располагаются въ томъ же порядкѣ въ другомъ ярусѣ насыпи: по одну сторону мужчины, по другую женщины [1]).

Трупосожженіе представляется болѣе древнимъ погребальнымъ обрядомъ въ чудскихъ Приладожскихъ курганахъ, чѣмъ погребеніе обыкновенное. Это доказывается различіемъ между вещами, находимыми въ тѣхъ и другихъ погребеніяхъ, а еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе—монетами. Изъ найденныхъ при трупосожженіяхъ трехъ монетъ IX и X вв. (CIV, 1; XCV, 3; LXI, 1) двѣ оказались при мужскихъ погребеніяхъ и, слѣдовательно, могутъ быть признаны точными хронологическими опредѣлителями; между тѣмъ въ обыкновенныхъ погребеніяхъ найдены, почти исключительно, монеты XI в., монеты же X в. встрѣчены въ этихъ погребеніяхъ лишь на ожерельяхъ и только одна найдена у пояса, да и то вмѣстѣ съ монеткой XI в. (XCIII, 3).

Погребенія. Средняя высота курганныхъ насыпей, заключающихъ погребенія обыкновенныя, считая въ томъ числѣ и курганы пустые,—$1^2/_3$ арш., т. е. въ общемъ они ниже кургановъ съ трупосожженіями. Впрочемъ по величинѣ курганы эти рѣзко раздѣляются на 2 группы: курганы низкіе 1—$1^1/_2$ арш. вышины, съ немногими погребеніями, и курганы отъ 2 арш. и выше съ погребеніями сложными [2]).

Всѣхъ кургановъ описываемаго типа 59, а если прибавить къ нимъ 13 пустыхъ, то—72. Расположены они также преимущественно въ линіи, почти всегда по берегамъ рѣкъ. Форму они имѣютъ такую же расплывчатую.

---

[1]) Если идти еще далѣе по пути предположеній, то мы считаемъ не излишнимъ указать на возможность того, что погребенія совершались на остаткахъ предварительно сожженной юрты и что курганъ представляетъ подобіе той же юрты. Подтвердить или отвергнуть это предположеніе могутъ лишь новыя раскопки кургановъ того же типа.

[2]) Самые высокіе курганы № 16, 36, 38, 39, 42, 46, 55, 59, 64, 67, 87, 93, 99, 110, 111 и сюда же примыкаетъ наиболѣе высокій курганъ изъ чудской Приладожской группы, № 112, доходящій до $3^1/_4$ арш. вышины.

Въ половинѣ всѣхъ кургановъ съ погребеніемъ въ основаніи обнаруженъ слой пепла, въ 1/7—черноватый слой, въ одномъ бѣловатый (№ 22), въ одномъ—темный, и не оказалось такихъ слоевъ въ 20 курганахъ, т. е. почти въ 1/4, что составляетъ тотъ же процентъ, какъ и въ курганахъ съ трупосожженіемъ. Очаги встрѣчены въ большемъ количествѣ, именно ихъ не оказалось лишь въ 1/3 насыпей. Составъ очаговъ тотъ же; въ 3-хъ курганахъ вмѣсто очаговъ встрѣченъ одинъ уголь и въ 3-хъ же только вещи, обыкновенно сопровождающія очагъ. Вещей этихъ въ курганахъ съ погребеніемъ вообще оказалось больше не только абсолютно, но и относительно. Можно подмѣтить, что очаги отсутствуютъ почти исключительно въ курганахъ пустыхъ и въ курганахъ съ костяками, лежащими головою на З., т. е. позднѣйшихъ. Не встрѣчено ни пепельнаго слоя, ни очага въ 7 курганахъ (№ 2, 5, 17, 41, 96, 110, 115), т. е. въ 1/10 части, что составляетъ почти тотъ же процентъ, какъ и въ курганахъ съ трупосожженіемъ. Никакой связи между отсутствіемъ пепла и очаговъ и какими-либо особенностями въ обрядахъ погребенія не замѣчается.

Костяки полагались въ томъ же разстояніи отъ центра кургана, головою на Ю. (42 случая) или же на З. (26 случаевъ). Положеніе на Ю. мы рѣшаемся признать древнимъ языческимъ, а положеніе на З. — болѣе новымъ, христіанскимъ. Изъ 88 ясныхъ случаевъ, наблюдаемыхъ во всѣхъ курганахъ съ погребеніемъ обыкновеннымъ и смѣшанныхъ, погребеніе головою на В. встрѣтилось въ 13 случаяхъ (преимущественно мужскія) и головою на С. въ 7 случаяхъ, что въ общемъ составляетъ почти 1/4 всего числа погребеній. Эти исключенія не могутъ-ли быть объяснены замѣченнымъ неоднократно въ разныхъ мѣстностяхъ обычаемъ полагать женскіе трупы въ обратномъ положеніи къ мужскимъ?

Въ древнѣйшихъ курганахъ съ погребеніемъ обыкновеннымъ еще сохраняется для мужскихъ и женскихъ труповъ ихъ прежнее опредѣленное положеніе къ очагу (для первыхъ восточная, для вторыхъ западная сторона), но затѣмъ сознаніе необходимости такого порядка утрачивается, а при усиленіи обычая погребать покойниковъ головою на З. они даже начинаютъ помѣщаться, какъ и естественно, не на В. и З., а на С. и Ю. сторонахъ насыпи и наконецъ появляются даже по срединѣ ихъ.

Руки въ большинствѣ случаевъ протянуты вдоль туловища, но у нѣсколькихъ скелетовъ онѣ оказались сложенными на животѣ. Встрѣчено сравнительно большое количество скелетовъ въ безпорядочномъ положеніи (V; XV, 2; XXV, 3; XXVI; XXXIV, 2; XLIV, 3; XLVI, 1; XLVII, 1; LV, 3; LXIV, 1), лежащихъ головою и на Ю. и на З. Причина такого явленія непонятна. Повидимому, это уже позднѣйшія погребенія, можетъ быть впущенныя въ насыпь впослѣдствіи; нѣкоторыя изъ нихъ, быть можетъ, потревожены кладоискателями, но во всякомъ случаѣ никакого опредѣленнаго сужденія о нихъ, на основаніи имѣющихся данныхъ, мы не можемъ составить. Естественнымъ третьимъ предположеніемъ является то, что быть можетъ такіе костяки представляютъ остатки труповъ, погребенныхъ въ разрушенномъ состояніи. Еще болѣе непонятнымъ является нахожденіе въ курганахъ отдѣльныхъ человѣческихъ череповъ, какъ при цѣлыхъ костякахъ, такъ и въ одиночку [1]. Можно лишь замѣтить, что такіе черепа встрѣчаются, повидимому, лишь въ позднѣйшихъ погребеніяхъ.

Въ двухъ погребеніяхъ (№ II и IV) найдены при костякахъ ясные слѣды деревянныхъ колодъ; изъ нихъ одна прикрывала костякъ сверху. Въ 10 другихъ случаяхъ при костяхъ оказались слѣды

---

[1]) XXIX, 2, 4 и 5; XXX; XXXI; XXXIII, 1; XXXIV, 2 и 3; XXXVII, 1; XXXVIII; XL, 1 и 2; XLVII, 5; LIV, 3; LV, 2; LVII, 1; LIX, 3; LXXX, 3; XC, 3; XCIII, 2; CXI, 3; CXII, 2; CXVI, 6 и 7.

такихъ же гробовъ или просто досокъ, иногда съ одной стороны (I, 1 и 2; LIV, 3; XLVI, 1), иногда кругомъ костей (I, 3; XX; LIV; LV, 1; LVII, 2 и 4). Въ этихъ погребеніяхъ попадались монеты XI в. Скелеты въ нихъ лежали головами безразлично на Ю. и на З.

Въ трупосожженіяхъ слѣды горшковъ найдены лишь въ 5 случаяхъ, да и то, кажется, почти исключительно на очагахъ или вблизи нихъ. При погребеніяхъ горшковъ найдено уже 25, т. е. въ $^2/_7$ всего числа погребеній, причемъ въ 9 случаяхъ они встрѣчены парами (исключительно въ мужскихъ погребеніяхъ). При женскихъ погребеніяхъ горшки встрѣчены только въ 7 случаяхъ (XII; XVII, 1; XXXII, 3; XXXV, 1; XLIV, 2; XLVI, 1, CXII, 1). У головы сосуды поставлены въ 11-ти случаяхъ, у ногъ—въ 4-хъ, и слѣва въ 1-мъ.

Замѣчено присутствіе при погребенныхъ скелетахъ угля: у головы (№ 11, 13 и 56), отъ ногъ (№ 9), надъ черепомъ (№ 116) и выше погребенія (№ 16). Какое значеніе имѣетъ въ этихъ случаяхъ уголь, трудно догадаться.

Ярусныя погребенія въ описываемыхъ курганахъ встрѣчены въ нѣсколько меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ (въ 22 случаяхъ изъ 59, считая за отдѣльное погребеніе даже лежащій въ другой плоскости черепъ или однѣ вещи). По 2 яруса встрѣчено въ 16 курганахъ, по 3 – въ трехъ (№ 29, 47 и 54), по 4 — въ двухъ (№ 55 и 111), по 6 — въ одномъ (№ 112). По два погребенія въ ярусѣ встрѣчено въ 5 случаяхъ (№ 15, 33, 35, 90, 99), по три — въ трехъ (№ 1, 32 и 56), по четыре—въ одномъ (№ 59) и по пяти—въ одномъ (№ 130); въ остальныхъ 48 случаяхъ каждый ярусъ имѣлъ лишь одно погребеніе. Въ связи съ столь примѣтнымъ уменьшеніемъ количества ярусныхъ погребеній въ насыпяхъ этого типа находится видимое уменьшеніе размѣровъ послѣднихъ.

Изъ другихъ особенностей погребенія въ описываемыхъ курганахъ отмѣтимъ нахожденіе въ насыпяхъ вещей, лежащихъ отдѣльно, безъ костей (№ 6, 22, 23, 44, 50, 53, 62 и 87), и присутствіе костей животныхъ (№ 22, 29, 46, 50, 110 и 112).

Выше изложены основанія, на которыхъ чудскіе Приладожскіе курганы съ погребеніемъ обыкновеннымъ можно относить къ XI в. Можно идти далѣе и отличать между ними болѣе новые и болѣе старые; приблизительными признаками первыхъ, кромѣ присутствія въ нихъ при костякахъ серегъ, височныхъ колецъ и чудскихъ привѣсокъ, можно считать: положеніе головою на З., бѣдность костяковъ и присутствіе признаковъ гроба.

Кургановъ со смѣшанными погребеніями насчитывается 12 (№ 11, 45, 49, 51, 65, 66, 68, 89, 92, 102, 105 и 125). Ничего своеобразнаго въ своей конструкціи они не представляютъ.

Сохранившійся въ Вотской пятинѣ еще въ XVI в. обычай погребать нѣкоторыхъ покойниковъ «по курганамъ», быть можетъ, имѣлъ мѣсто и въ Приладожьѣ. Впускныя могилы наблюдаются въ раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ курганахъ неоднократно, хотя общаго числа ихъ по журналу невозможно уловить. Самый интересный примѣръ такой могилы встрѣченъ въ курганѣ № 47, въ которомъ погребенъ былъ костякъ съ двумя монетами XVII в.

Такъ какъ въ большинствѣ тринадцати пустыхъ кургановъ (№ 28, 30, 41, 42, 50, 53, 73, 82, 96, 97, 106, 115 и 129) встрѣчены очаги и пепельные слои, то это можетъ служить основаніемъ относить и ихъ къ числу Приладожскихъ чудскихъ курганныхъ насыпей. Какое они имѣютъ значеніе, остается неизвѣстнымъ.

Кургановъ съ валунами въ основаніи Н. Е. Бранденбургомъ раскопано

такъ мало (всего пять, въ д. Середкѣ, на Воронегѣ и въ Подберезьѣ, № 113, 118, 120, 122 и 123), что трудно составить понятіе объ ихъ устройствѣ и содержаніи.

Камни расположены кругомъ подошвы насыпи; у № 113 они лежатъ значительно выше подошвы. Очаговъ нѣтъ вовсе, но по всей подошвѣ обыкновенно идетъ черноватый слой. Въ основаніи кургана № 118 этотъ слой, видимо горѣлый, имѣлъ близъ центра слѣды угольковъ; подъ нимъ лежалъ тонкій слой крупнаго песку, а затѣмъ шелъ материкъ. Въ курганахъ № 122 и 123 погребенія расположены въ 2 этажа, въ остальныхъ они лежатъ на поверхности почвы, недалеко отъ центра. Три костяка головами лежатъ на Ю. и два на В., руки вытянуты вдоль туловища. Въ ногахъ трехъ костяковъ находились горшки, у одного костяка (№ 113. 1) съ правой стороны шла полоса угля. По собраннымъ свѣдѣніямъ въ курганахъ этого типа были находимы тѣ же предметы, какъ и въ сосѣднихъ чудскихъ, но раскопки самого Н. Е. Бранденбурга не представили въ этомъ отношеніи рѣшающихъ данныхъ. Находки въ 5 раскопанныхъ курганахъ были очень бѣдны: у 6 костяковъ изъ 8 найдены ножи (2 со слѣдами чехловъ), у 3-хъ—топоры, у 3-хъ—огнива, у 3-хъ же—оселки и у одного мѣдная пряжка. На Воронегѣ курганы съ валунами встрѣчены въ общихъ группахъ; кажется, что отдѣльныхъ группъ они никогда не составляютъ.

Предметы.

Украшенія головы. Височныя кольца встрѣчены 2 раза въ трупосожженіяхъ (LXXXVIII, 3 и LXXXIX, 1) и 10 въ погребеніяхъ (I, 3; II; XIII; XVII, 1; XXIX, 4; XXXII, 3; XLV, 4; XLVI, 1; XCI, 1; XCIII, 1), исключительно на женскихъ костякахъ. Кольца эти умѣренной величины и толщины, иногда съ простыми спиральными завитками, иногда безъ завитковъ и безъ заходящихъ другъ на друга концовъ. Разъ или два встрѣчены малыя височныя кольца древлянскаго типа, но здѣсь они, повидимому, имѣютъ значеніе исключительно ручныхъ колецъ (№ XLVII).

Серьги встрѣчены исключительно въ погребеніяхъ и только на женскихъ костякахъ (IX, 3; XLVII, 3; LVII, 1; CXVII, 2). Форма ихъ представляетъ повтореніе типовъ, находимыхъ въ славянскихъ курганахъ [1]), кромѣ № 1 на Табл. IV, который представляетъ поломанную сережку камскаго чудского типа. Быть можетъ, височныя кольца имѣли также значеніе сережекъ; изрѣдка такія кольца встрѣчаются и по нѣскольку (рис. 8 на стр. 42).

Шейныя украшенія. Обычныхъ мѣдныхъ витыхъ шейныхъ гривенъ съ гранчатыми колбочками на концахъ встрѣчено 5 экз. (безразлично въ трупосожженіяхъ и погребеніяхъ), витыхъ гривенъ съ шипами на концахъ — 2 экз. (въ трупосожженіяхъ), витыхъ, орнаментированныхъ зубцами (концы гладкіе)—1 экз., витыхъ съ шарниромъ (на концахъ петля и головка съ шипами)—1 экз., серебряныхъ рѣдко-витыхъ — 1 экз. (въ погребеніи), тонкихъ проволочныхъ — 1 экз., гранчатыхъ съ кружковымъ орнаментомъ, наиболѣе часто встрѣчаемыхъ въ курганахъ радимическихъ—2 экз., серебряныхъ пластинчатыхъ съ зубчатымъ орнаментомъ—2 экз.; изъ другихъ шейныхъ гривенъ любопытны: гладкая серебряная съ суженными концами, обработанная на 4 грани, и желѣзная съ плоскими расширенными концами (въ трупосожженіи). Изъ этого перечня видно, что никакихъ преобладающихъ или характерныхъ типовъ шейныхъ гривенъ въ Приладожскихъ чудскихъ курганахъ нѣтъ; наиболѣе оригинальны три послѣдніе типа.

[1]) 2 экз. проволочныхъ серегъ съ филигранными бусами, 1 экз. такихъ же серегъ съ 3 бусами, связанными въ видѣ узла, и 2 экз. проволочныхъ же сережекъ съ напущенными на нихъ коричневой и посеребреной бусами.

Бусы встрѣчены исключительно при женскихъ костякахъ. Типы ихъ весьма разнообразны и ничего самостоятельнаго не представляютъ. Одинаково часто при погребеніяхъ и трупосожженіяхъ встрѣчаются бусы мелкія разноцвѣтныя, сердоликовыя большія продолговатыя гранчатыя (59 экз.) и сердоликовыя же меньшихъ размѣровъ гранчатыя по угламъ (32 экз.). Весьма часто въ трупосожженіяхъ и очень рѣдко въ погребеніяхъ встрѣчаются свѣтло-желтыя стекляныя бусы (мелкихъ 107 экз., такихъ же двойныхъ—35 экз., крупныхъ дыневидныхъ 16 экз., гладкихъ удлиненныхъ 1 экз.). Исключительно въ трупосожженіяхъ найдено 10 экз. мелкихъ ярко-золотистыхъ и серебристыхъ бусъ и нѣкоторое количество небольшихъ двойныхъ бусъ синихъ и вишневаго цвѣта. Крупныя хрустальныя круглыя бусы встрѣчены безразлично въ трупосожженіяхъ (11 экз.) и при погребеніяхъ (17 экз.), но такія же бусы удлиненныя (2 экз.) и гранчатыя по угламъ (7 экз.) найдены только въ трупосожженіяхъ; иногда эти бусы имѣютъ видъ битыхъ. Большія бусы дыневидныя матовыя (15 экз.) и хрустальныя битыя (6 экз.) встрѣчены лишь въ курганахъ со смѣшанными погребеніями. Только въ трупосожженіяхъ оказалось 5 экз. стекляныхъ бусъ средняго размѣра сѣрыхъ съ темными и коричневыми продольными полосками и нѣсколько желтыхъ и черныхъ бусъ съ крупными пестрыми глазками. Лишь въ курганахъ смѣшанныхъ и съ погребеніемъ встрѣчены крупныя черныя бусы съ характернымъ орнаментомъ изъ косыхъ крестовъ свѣтлыхъ цвѣтовъ (до 12 экз.) и разной формы (гранчатыя удлиненныя, гладкія удлиненныя, гранчатыя по угламъ, бочковидныя) палевыя большія бусы съ красивыми пестрыми маленькими глазками. Въ курганахъ смѣшанныхъ найдено 6 экз. сравнительно крупныхъ дыневидныхъ фарфоровыхъ бусъ, покрытыхъ сине-зеленою поливой, 7 экз. бусъ гладкихъ удлиненныхъ сердоликовыхъ и 2 экз. сердоликовыхъ же въ видѣ подвѣсокъ треугольной формы. Исключительно при погребеніяхъ найдены: 25 экз. цилиндрическихъ посеребреныхъ бусъ съ бѣлыми каймами по бокамъ, 7 экз. большихъ пестрыхъ бусъ съ безпорядочно расположенными полосками, по 1 экз. бусы: большая темная съ желтыми глазками, двойная сѣрая съ черными полосками, средняго размѣра бѣлая съ черными продольными полосками, 4 экз. мѣдныхъ и серебряныхъ бусъ цилиндрическихъ съ рядами выпуклыхъ точекъ на поверхности, 2 экз. мѣдныхъ бусъ, имѣющихъ видъ узла. Еще встрѣчены бусы слѣдующихъ типовъ: крупныя желтыя, блѣдно-зеленыя, голубыя, коричневыя съ коричневыми глазками въ бѣлой каймѣ (8 экз.), такія же бѣлыя съ черными и коричневыми глазками (7 экз.), такія же черныя съ бѣлыми глазками въ пестрыхъ каймахъ (4 экз.), такія же желтыя съ коричневымъ глазкомъ въ пестрой каймѣ (1 экз.), свѣтло-синія и темно-синія сплющенныя (19 экз.), двѣ связки изъ двойныхъ малыхъ синихъ бусъ, 13 связокъ очень мелкихъ бусъ синихъ, зеленыхъ и желтыхъ, связка въ 22 малыя сплющенныя зеленыя бусы, синія дыневидныя (3 экз.), синія боченкомъ (1 экз.), прозрачно-желтыя цилиндрическія выпуклыя съ пузырьками внутри (4 экз.), малыя коричневыя (1 экз.), грязно-зеленыя цилиндрическія выпуклыя и дыневидныя (8 экз.), небольшія черныя съ зеленымъ глазкомъ въ желтой каймѣ (1 экз.), связка изъ 25 мѣдныхъ бусъ съ колечкомъ, наконецъ 13 экз. мѣдныхъ бусъ чудского типа, именно сплющенныхъ съ трубочкой, 6 экз. двойныхъ и тройныхъ пронизокъ, 2 экз. пронизокъ гладкихъ съ рубчиками по краямъ и 1 большая тройная пронизка, всѣ чудского типа.

Подвѣски къ ожерельямъ: четырехъ-конечный крестъ съ желтой эмалью (типа, появившагося, повидимому, лишь въ XI в. и имѣвшаго большое распространеніе) и такой же крестъ другого типа, 2 тонкіе серебряные браслета, круглыя подвѣски, орнаментированныя такъ называемымъ скандинавскимъ узоромъ (3 экз.), крупные бубенчики съ одимъ расщепомъ, совершенно круглые или же конусовидные съ круглою нижнею частью. Бубенчики попадаются главнымъ образомъ въ трупосожженіяхъ.

Нагрудныя украшенія. Скорлупообразныя фибулы встрѣчены исключительно на женскихъ костякахъ и, кромѣ одного случая, всѣ въ трупосожженіяхъ. Между ними преобладаютъ экземпляры большой величины съ накладкой (10 экз.), что составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей культуры Приладожскихъ кургановъ. Большихъ фибулъ безъ накладокъ найдено 4, средней величины—1, и малыхъ—4 экз. Круглыхъ фибулъ встрѣчено 4 экз.; къ нижней части одной изъ нихъ прикрѣплена короткая двойная цѣпочка, на которой что-нибудь висѣло. Повидимому, это болѣе позднія фибулы, равно какъ и трехлопастныя. Фибулы Табл. I, № 7 есть не болѣе какъ случайно попавшая изъ средней Россіи подвѣска, снабженная иглой, а ажурная бляха Табл. I, № 5 есть обыкновенное нагрудное украшеніе того же происхожденія. Малыя скорлупообразныя фибулы Табл. II № 10 встрѣчаются очень часто въ древностяхъ Прибалтійскаго края X—XI в.

Большинство пряжекъ имѣетъ въ діаметрѣ приблизительно 3 и $4^1/_2$ сант. Самый употребительный типъ ихъ—пряжки со спиральными концами; изъ нихъ 4 экз. въ разрѣзѣ круглыя, 3 экз.—почти квадратныя и 22 обычныя плоскія, обработанныя сверху на 2 грани (между послѣдними 2 экз. серебряные). Пряжки крупныхъ и среднихъ размѣровъ съ гранчатыми головками встрѣчены также въ значительномъ количествѣ, именно 27 экз. Между ними выдаются: огромная серебряная пряжка Табл. II, № 2 и 9 экз. пряжекъ съ шипами на головкахъ; большинство пряжекъ этого типа имѣетъ въ діаметрѣ до 6 сант. Пряжекъ съ четырехъ-угольной, съуженной въ основаніи головкой найдено 12 экз. (изъ нихъ 2 довольно большіе, 4 средніе и 6 малыхъ), большихъ пряжекъ того же типа съ угловатыми колбочками—2 экз. Остальныя пряжки встрѣтились всего лишь по одному экземпляру, именно: великолѣпная серебряная пряжка Табл. II, № 5 и подражаніе ей изъ желѣза, широкая пластинчатая особаго типа (Табл. II, № 6), малая пластинчатая съ сомкнутыми концами (Табл. II, № 9), круглая гладкая съ кувшинчатыми концами, прекрасная пряжка съ такъ называемымъ скандинавскимъ орнаментомъ (см. стр. 36), маленькая неопредѣленная желѣзная и пряжка, орнаментированная тремя головками (см. рис. 2 на стр. 35). Кромѣ того, встрѣчено еще 5 экз. маленькихъ проволочныхъ пряжекъ съ завязанными концами (Табл. II, № 15 и 16). Пряжки типовъ Табл. II, № 11, 13, 15 и 16 встрѣчены исключительно въ погребеніяхъ. Большія пряжки найдены только при мужскихъ костякахъ, малыя встрѣчены безразлично при мужскихъ и женскихъ, преимущественно у шеи и праваго или лѣваго плеча.

Нагрудныя цѣпочки встрѣчаются довольно рѣдко, исключительно при женскихъ погребеніяхъ, чаще въ трупосожженіяхъ. Хорошій экземпляръ найденъ лишь однажды (Табл. I, № 1). Разъ встрѣчена проволочная колѣнчатая цѣпочка Люцинскаго типа; изрѣдка встрѣчаются обрывки красиво перевитыхъ сложныхъ цѣпочекъ.

Не перечисляя другихъ нагрудныхъ украшеній, упомянемъ, что ажурныхъ подвѣсокъ-гуськовъ встрѣчено 7 экз. (рис. 14 на стр. 55), уточекъ съ тонкой головкой и восьмеркой внизу (рис. 11, стр. 43) — 3 экз., полыхъ пѣтушковъ (рис. 12, стр. 44) — 2 экз., баранчиковъ—4 экз. Остальныя подобныя привѣски встрѣчены по одному экземпляру. Конусовидныхъ подвѣсокъ типа Табл. III, № 5 встрѣчено 14 экз., типа Табл. III, № 19 — 5 большихъ и 2 малыя, кажется, только при женскихъ погребеніяхъ. Пуговицъ встрѣчено всего 8 экз., и всѣ при мужскихъ погребеніяхъ. Въ небольшомъ количествѣ встрѣчены длинныя и тонкія спиральки. Всѣ нагрудныя подвѣски обще-чудского типа (Табл. III, № 1 — 3, 6, 8, 13, Табл. VII, № 6 и 8) встрѣчены лишь въ одиночныхъ экземплярахъ въ женскихъ погребеніяхъ и, кажется, исключительно въ погребеніяхъ. Изъ числа этихъ привѣсокъ три найдены впервые (Табл. III. № 8 и 13, Табл. VII, № 6). Также впервые встрѣчены двухлопастныя привѣски типа Табл. III, № 21 (2 экз.). Красивые пластинчатые наигольники (Табл. V,

№ 4 и 16) встрѣчены въ количествѣ 3-хъ экз., простые наигольники въ видѣ трубочки съ ушкомъ—также въ 3-хъ экз., всѣ при женскихъ погребеніяхъ. Уховертокъ найдено 8 экз., подвѣсокъ ключей — не болѣе 3 экз., при женскихъ погребеніяхъ.

Поясныя украшенія. Поясной наборъ представляетъ обычные типы, между которыми, видимо, нѣтъ излюбленныхъ. Встрѣчается исключительно при мужскихъ костякахъ, какъ въ трупосожженіяхъ, такъ и въ погребеніяхъ. Промежуточныя поясныя кольца встрѣчены въ 6 случаяхъ.

Къ поясамъ привѣшивались: огнива, ножи и, быть можетъ, гребни. Изъ четырехъ типовъ огнивъ (Табл. III, № 23; Табл. VIII, № 2, 3 и 14) наиболѣе любопытенъ послѣдній, какъ новый. Огнива Табл. VIII, № 2 встрѣчены исключительно въ погребеніяхъ. У 12 экз. ножей оказались оковки или слѣды ножонъ, не представляющіе впрочемъ новыхъ типовъ. 10 экз. гребней встрѣтились въ трупосожженіяхъ и лишь 1 экз. въ погребеніи, всѣ при мужскихъ костякахъ, кромѣ CXVI, 2 и CXVII, 2.

Украшенія рукъ. Браслеты найдены только въ женскихъ погребеніяхъ. Характерныхъ массивныхъ браслетовъ (Табл. IV) встрѣчено довольно много—11 экз.; изъ нихъ два снабжены шарнирами. Пластинчатые браслеты встрѣчены слѣдующихъ типовъ: 1) съ продольной бороздкой (Табл. IV, № 14)—8 экз., 2) гладкіе съ зубчатымъ орнаментомъ по краямъ (ср. атласъ Аспелина, № 2184), 3) гладкіе съ завязанными концами (ср. у Аспелина № 1692), 4) слегка выпуклые съ слабо выраженнымъ орнаментомъ (Табл. IV, № 23)—10 экз., 5) выпуклый широкій съ съуженными концами и поясным орнаментомъ. Проволочные витые браслеты съ завязанными концами встрѣчены въ количествѣ 6 экз.; изъ нихъ одинъ съ перевитью, два — серебряные. Три экземпляра узкихъ браслетовъ съ схематическими головками на концахъ. Четыре дѣтскіе пластинчатые браслета. По 1 экз. встрѣчены браслеты: толстый проволочный съ несомкнутыми концами, гранчатый браслетъ съ выступающимъ прямымъ рыльцемъ, массивный полый съ отпавшими украшеніями (ср. атласъ Аспелина № 1639 и г. Швиндта № 509 на стр. 55).

Перстни и ручныя кольца. Перстней найдено сравнительно немного, и всѣ очень разнообразныхъ типовъ: 3 экз. гладкихъ широкихъ (Табл. IV, № 21), 2 экз. гладкихъ узкихъ, 3 экз. пластинчатыхъ съ завязанными узкими концами (Табл. IV, № 9 и 10), 2 экз. пластинчатыхъ съ закрученными проволочными концами (Табл. IV, № 19), нѣсколько круглыхъ, 1 экз. узкій пластинчатый, свернутый въ 3 оборота (Табл. IV, № 13), 1 экз. интереснаго перстня, орнаментированнаго рубчатыми жгутиками (Табл. IV, № 15); изъ числа 9 колецъ типа височныхъ (проволочныя съ спиралью на одномъ концѣ) нѣсколько экземпляровъ было найдено на пальцахъ. Перстни отчасти встрѣчаются и въ мужскихъ погребеніяхъ.

Предметы вооруженія. Топоры въ курганахъ съ трупосожженіями встрѣчаются сравнительно рѣдко. Положеніе ихъ при костякѣ весьма разнообразно. Чаще они встрѣчены у праваго бедра (6 случаевъ) и у правой ноги (4 случая); въ единичныхъ случаяхъ они оказались у праваго или лѣваго берца, у головы, близь плеча, у таза, справа у груди. Три экземпляра топоровъ встрѣчены въ погребеніи LVIII, 1 и два—въ погребеніи LXV, 1. Въ 8 случаяхъ они оказались при женскихъ погребеніяхъ (II; XXIX, 4; XLVII, 3; LXXXIX, 1; C, 2; CII, 4; CXVI, 1 и 10). Малые топорики встрѣчены дважды (XXV и XLV, 4).

Копья найдены въ 26 погребеніяхъ, исключительно мужскихъ. Положеніе ихъ при костякѣ разнообразно и, видимо, не подчиняется особому обычаю. Наконечники стрѣлъ найдены въ 31 погребеніи, среди которыхъ три (LXXXVI, 2; LXXXIX, 1; CXVII, 4) оказались женскими. Положеніе

ихъ при костякахъ также весьма разнообразное: у праваго плеча, у шеи, въ ногахъ, у праваго локтя. Въ пяти случаяхъ стрѣлы встрѣчены по нѣскольку экземпляровъ.

Различные другіе предметы. Вѣсовыя гирьки встрѣчены только при мужскихъ погребеніяхъ (XIX, 1; LXXXIX, 2; XC, 1; CXVI, 8), равно какъ и замки. Любопытно, что гирьки и замки найдены въ однихъ и тѣхъ же погребеніяхъ, вмѣстѣ; нѣтъ замка лишь при погребеніи XC, 1 и безъ гирекъ замокъ найденъ въ погребеніи CI, 1. Серпъ найденъ при мужскомъ костякѣ XXXIV, 1, токарная стамеска (?) (Табл. VIII, № 20) также при мужскомъ LX, 2. Одинъ экземпляръ ножницъ найденъ при женскомъ погребеніи XV, 2, другой при мужскомъ CXVI, 8. Точильные оселки встрѣчены лишь въ мужскихъ погребеніяхъ, за исключеніемъ одного женскаго (LX, 3), и, кажется, исключительно въ трупосожженіяхъ.

Изъ 60 экз. ножей 18 найдены при женскихъ погребеніяхъ; расположены они бываютъ довольно безпорядочно, но чаще встрѣчаются у таза и у праваго бедра.

Находимыя при кострищахъ сковородки (см. атласъ Аспелина № 1092) не служили-ли для печенія хлѣбныхъ лепешекъ, а желѣзныя лопаточки не назначались-ли для сгребанія углей въ очагѣ или для другой какой-либо подобной надобности?

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что мужскія и женскія погребенія въ чудскихъ Приладожскихъ курганахъ довольно легко различимы по находимымъ при нихъ предметамъ. Надежнымъ признакомъ погребеній женскихъ служитъ присутствіе въ нихъ височныхъ колецъ, серёжекъ, шейныхъ гривенъ, бусъ, большихъ фибулъ, браслетовъ, наигольниковъ, ключей и различныхъ нагрудныхъ подвѣсокъ, а для мужскихъ -наличность предметовъ вооруженія, поясного набору, большихъ пряжекъ, оселковъ, гирекъ, гребней и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Полъ погребенныхъ не опредѣлимъ только тамъ, гдѣ найдено лишь очень незначительное количество вещей или же вовсе ихъ не оказалось (особенно въ курганахъ позднѣйшихъ), да еще въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ приходится погребеніе считать смѣшаннымъ, т. е. тамъ, гдѣ при покойникѣ кромѣ вещей, принадлежавшихъ ему, положены вещи другого лица.

Общія замѣчанія.

Возможно тщательно произведенный анализъ вещей изъ чудскихъ Приладожскихъ кургановъ показываетъ, что обнаруженная раскопками въ нихъ культура должна быть обособлена отъ сосѣдственныхъ культуръ того же времени. Къ курганнымъ древностямъ новгородскихъ славянъ, къ такъ называемой культурѣ мерянской, къ древностямъ Водской пятины и Прибалтійскаго края вещи Приладожскихъ кургановъ не имѣютъ тѣснаго отношенія; вѣроятно, то же можно сказать и про древности р. Сухоны, съ которыми мы впрочемъ совершенно еще не знакомы. Съ древностями Финляндіи (см. IV вып. атласа Аспелина) Приладожскіе курганы имѣютъ уже болѣе близкую связь, а ближе всего они къ древностямъ Аландскихъ острововъ и Готланда (см. атласъ Аспелина № 1685—1731). Очевидно, что населеніе, расположенное по берегамъ Ладожскаго озера въ X и XI вв., въ культурномъ отношеніи тянуло не на Ю. и В., а на сѣверо-западъ.

Районъ распространенія культуры, основательно затронутой раскопками Н. Е. Бранденбурга, съ точностью еще не можетъ быть опредѣленъ. На З. онъ граничитъ съ Сясью, на Ю.—вѣроятно, примыкаетъ къ р. Тихвинкѣ (раскопки г. Аспелина), на В. онъ, быть можетъ, граничитъ съ рѣзко проходящимъ здѣсь водораздѣломъ, такъ какъ по рѣчкамъ Волжскаго бассейна въ Новгородской губ. встрѣчена уже культура мери (раскопки г. Панина и коллекція Новгородскаго музея).

Какъ далеко описываемая культура простирается на С., неизвѣстно; мы несомнѣнно знаемъ лишь то, что на Свири она продолжается (находки 1894 г. въ Лодейно-Польскомъ у.). Наиболѣе характерными предметами этой культуры должно признать: особенное обиліе большихъ скорлупообразныхъ фибулъ, шейныя гривны и пряжки съ головками, украшенными шипами, массивные браслеты особаго типа, сковородки, желѣзныя пластинчатыя огнива, наигольники и пр.

Съ древностями Прибалтійскихъ губерній близки или тождественны особенно слѣдующіе предметы Приладожскихъ кургановъ: Табл. II, 10 и 14; III, 22; IV, 19; V, 6 и 16; VI, 2; VII, 4 и 10. Отъ славянъ или мери заимствованы височныя кольца и серьги. Бляшки Табл. I, 5 и 7 происходятъ изъ Окскаго бассейна. Культурѣ чудской вычегодско-камской, т. е. пермской, чуди принадлежитъ довольно много отдѣльныхъ предметовъ, именно: Табл. III, 1—3, 6, 9, 11, 14, 15, 17, 28; IV, 1; V, 2 и 4; VII, 8; привѣски Табл. III, 8, 12 и 13 и VII, 6 представляютъ новость для упомянутой чудской культуры. Сравнительное обиліе предметовъ пермской чуди въ Приладожскихъ курганахъ невольно заставляетъ предполагать, что гдѣ-нибудь не очень далеко отъ послѣднихъ должно оказаться промежуточное историческое звено между Пермью и Ладожскимъ озеромъ, напр. на р. Сухонѣ. Такъ какъ всѣ позаимствованія Приладожской культуры изъ чудской относятся исключительно къ XI в., то отсюда истекаетъ второй интересный выводъ, что именно къ этому времени нужно относить начало болѣе тѣснаго общенія между ними.

При пользованіи атласомъ, приложеннымъ къ настоящему изданію, во избѣжаніе ошибокъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что вещи Табл. VI, 6, 11, 18 и VIII, 7, 9—11 добыты изъ Волховскихъ сопокъ, а предметы Табл. III, 14, 17, 24 и 25; V, 2 и 4; VII, 3 составляютъ случайныя находки *).

---

*) Результаты раскопокъ Н. Е. Бранденбурга въ Приладожскихъ курганахъ были отчасти уже изложены въ слѣдующихъ его работахъ:

1) «Нѣсколько замѣчаній по поводу погребальныхъ обычаевъ, обнаруживаемыхъ въ курганахъ съ трупосожженіями по южному побережью Ладожскаго озера» въ Трудахъ Тифлисскаго Съѣзда стр. 10—18 и LXX—LXXII (1887 г.).

2) «О черепахъ изъ раскопокъ у Ладожскаго озера»—въ Трудахъ Антропологическаго Отдѣла т. XI в. 1 стр. 181 и 182; вып. 3, стр. 489—491.

3) «Къ вопросу о типахъ фибулъ» въ Трудахъ Одесскаго Съѣзда т. I, стр. 208—215.

4) «О признакахъ курганныхъ могилъ языческихъ славянъ въ сѣверной полосѣ Россіи» въ Трудахъ Ярославскаго Съѣзда т. I, стр. 1—23.

5) «О слѣдахъ каменнаго вѣка въ южномъ Приладожьѣ» въ Вѣстн. Археол. Инстит. XII в., стр. 12—27.

Отчетъ о раскопкѣ г. Бранденбургомъ предполагаемой Олеговой могилы, см. въ Отчетахъ Импер. Археолог. Коммиссіи за 1886 г. стр. CL—CLVI и въ Вѣстн. Археол. Инстит. въ VIII, 165—169. Краткое увѣдомленіе о раскопкахъ 1883 г. находится въ Записк. Импер. Русск. Археол. Общ. т. I, стр. XXXIX. Въ X т. Извѣстій Импер. Русск. Археолог. Общества въ статьѣ «Извлеченіе изъ протоколовъ Коммиссіи по производству химико-техническихъ анализовъ древнихъ бронзъ» помѣщены, между прочимъ, анализы различныхъ предметовъ изъ находокъ г. Бранденбурга, сдѣланные г. Сабанѣевымъ.

III. Перечень помѣщенныхъ на таблицахъ рисунковъ съ указаніемъ костяковъ, при которыхъ соотвѣтственные предметы были найдены.

№ рисунка.	№ костяка.	№ рисунка.	№ костяка.	№ рисунка.	№ костяка.	№ рисунка.	№ костяка.
I, 1	CXIX, 1	III, 6	CIII, 1	IV, 12	CIII, 1	VI, 4	CXVI, 1
I, 2	XCV, 2	III, 7	XCIII, 1	IV, 13	XCV, 2	VI, 5	VII, 1
I, 3	VIII, 3	III, 8	II	IV, 14	CXIX, 1	VI, 6	CXL, 5
I, 4	CXVII, 2	III, 9	XIII	IV, 15	CXVII, 4	VI, 7	LXV, 2
I, 5	CIII, 1	III, 10	XVII, 1	IV, 16	XCV, 2	VI, 8	LXV, 1
I, 6	CXVII, 4	III, 11	LI, 4	IV, 17	LI, 1	VI, 9	LX, 1
I, 7	LXXXI, 2	III, 12	XIII	IV, 18	LXIX, 5	VI, 10	LXXXIX, 2
I, 8	CII, 2	III, 13	XVII, 1	IV, 19	LXXI, 4	VI, 11	CXL, 5
I, 9	LX, 3	III, 14	CXVIII, 1	IV, 20	XCV, 3	VI, 12	CXII, 6
II, 1	LXXI, 2	III, 15	CVIII	IV, 21	XXXV, 1	VI, 13	VIII, 1
II, 2	CIV, 2	III, 16	LIX, 1	IV, 22	VIII, 3	VI, 14	LXV, 1
II, 3	X, 2	III, 17	CXVIII, 1	IV, 23	VI, 1	VI, 15	CXII, 6
II, 4	LXIX, 2	III, 18	CXII, 2	V, 1	LX, 3	VI, 16	VII, 1
II, 5	LX, 5	III, 19	XCIII, 2	V, 2	CXVIII, 1	VI, 17	VII, 1
II, 6	LXXXVI	III, 20	VII, 1	V, 3	CXXV, 2	VI, 18	CXL, 5
II, 7	CI, 1	III, 21	XCIII, 1	V, 4	CXVIII, 1	VI, 19	VII, 1
II, 8	CV, 1	III, 22	XLIV, 2	V, 5	CXXVIII	VI, 20	CXL, 5
II, 9	LXXXVIII, 3	III, 23	CXVI, 8	V, 6	XCIII, 1	VI, 21	XLIII, 1
II, 10	LI, 4	III, 24	CXVIII, 1	V, 7	CXII, 6	VI, 22	VIII, 1
II, 11	XCIX, 2	III, 25	CXIV, 3	V, 8	XXIX, 4	VI, 23	CIX, 1
II, 12	LI, 2	IV, 1	CXVII, 2	V, 9	CXVI, 1	VI, 24	LX, 5
II, 13	CXII, 6	IV, 2	CXXV, 2	V, 10	LVI, 4	VI, 25	LXXXIX, 2
II, 14	CXVII, 2	IV, 3	LXXXIX, 2	V, 11	LVI, 4	VI, 26	XVIII
II, 15	LIX, 1	IV, 4	I, 3	V, 12	CIII, 1	VI, 27	LXV, 1
II, 16	XCIII, 2	IV, 5	XLVII, 3	V, 13	CIII, 1	VI, 28	CIX, 1
II, 17	XCV, 1	IV, 6	CXXIV, 1	V, 14	XCV, 2	VI, 29	VII, 1
III, 1	CX, 1	IV, 7	CXXV, 3	V, 15	CXVII, 2	VII, 1	LIV, 2
III, 2	LI, 1	IV, 8	CIX, 1	V, 16	II	VII, 2	XLVI, 2
III, 3	XCI, 1	IV, 9	XCIII, 1	VI, 1	LX, 1	VII, 3	CXVIII, 1
III, 4	LXXII, 1	IV, 10	VII, 1	VI, 2	XLVII, 3	VII, 4	XXIX, 2
III, 5	LI, 4	IV, 11	CXII, 6	VI, 3	LXXXIX, 2	VII, 5	X, 4

№ рисунка.	№ кургана.	№ рисунка.	№ кургана.	№ рисунка.	№ кургана.	№ рисунка.	№ кургана.
VII, 6	II	VIII, 15	CXXV. 1	X, 4	LXIV, 2	XII, 6	CXXIV, 1
VII, 7	I, 3	VIII, 16	LVI, 4		и XIX, 2	XII, 7	CXXIV, 1
VII, 8	CX, 1	VIII, 17	LVI, 4	X, 5	IX, 1	XII, 8	LX, 2
VII, 9	LXIX, 3	VIII, 18	C, 1	X, 6	XI, 5	XII, 9	LX, 1
VII, 10	LXI, 2	VIII, 19	CXXIV, 2	X, 7	XLVII, 5	XII, 10	LXXXVIII, 1
VII, 11	LX, 3	VIII, 20	LX, 2	X, 8	XI, 3	XII, 11	CXVI, 1
VII, 12	LIV, 2	VIII, 21	CIV, 1	X, 9	LXVIII, 2	XII, 12	XCV, 1
VIII, 1	CXVI, 9	IX, 1	XXXIX, 2	XI, 1	XLV, 1	XII, 13	LXV, 4
VIII, 2	I, 2	IX, 2	XLVI, 5	XI, 2	VII, 1	XIII, 1	LXIX, 3
VIII, 3	LXXII, 2	IX, 3	CXV	XI, 3	XLV, 1	XIII, 2	LXV, 4
VIII, 4	XCV, 1	IX, 4	XIX, 1	XI, 4	CXVI, 8	XIII, 3	LXXXI, 1
VIII, 5	XIX, 1	IX, 5	CXVI, 8	XI, 5	LXXX, 2	XIII, 4	LVIII, 1
VIII, 6	XIX, 1	IX, 6	XLV, 2	XI, 6	CIV, 2	XIII, 5	LXIX, 1
VIII, 7	CXLII, 2	IX, 7	XIX, 1	XI, 7	XLIV, 3	XIII, 6	XLV, 1
VIII, 8	CXVI, 8	IX, 8	XLVII, 6	XI, 8	VII, 1	XIII, 7	XIX, 1
VIII, 9	XIX, 1	IX, 9	XLIV, 2	XI, 9	LXXXIV, 1	XIII, 8	VII, 1
VIII, 10	CXL, 6	IX, 10	XCII, 4	XII, 1	LVI, 3	XIII, 9	LIX, 3
VIII, 11	CXL, 2	IX, 11	CXV	XII, 2	XLV, 3	XIII, 10	LXV, 1
VIII, 12	CIV, 2	X, 1	CXII, 4	XII, 3	LXXI, 4	XIV, 33	CXVI, 1
VIII, 13	CII, 2	X, 2	CXI, 5	XII, 4	X, 4		
VIII, 14	XIX, 2	X, 3	XIX, 1	XII, 5	CI, 1		

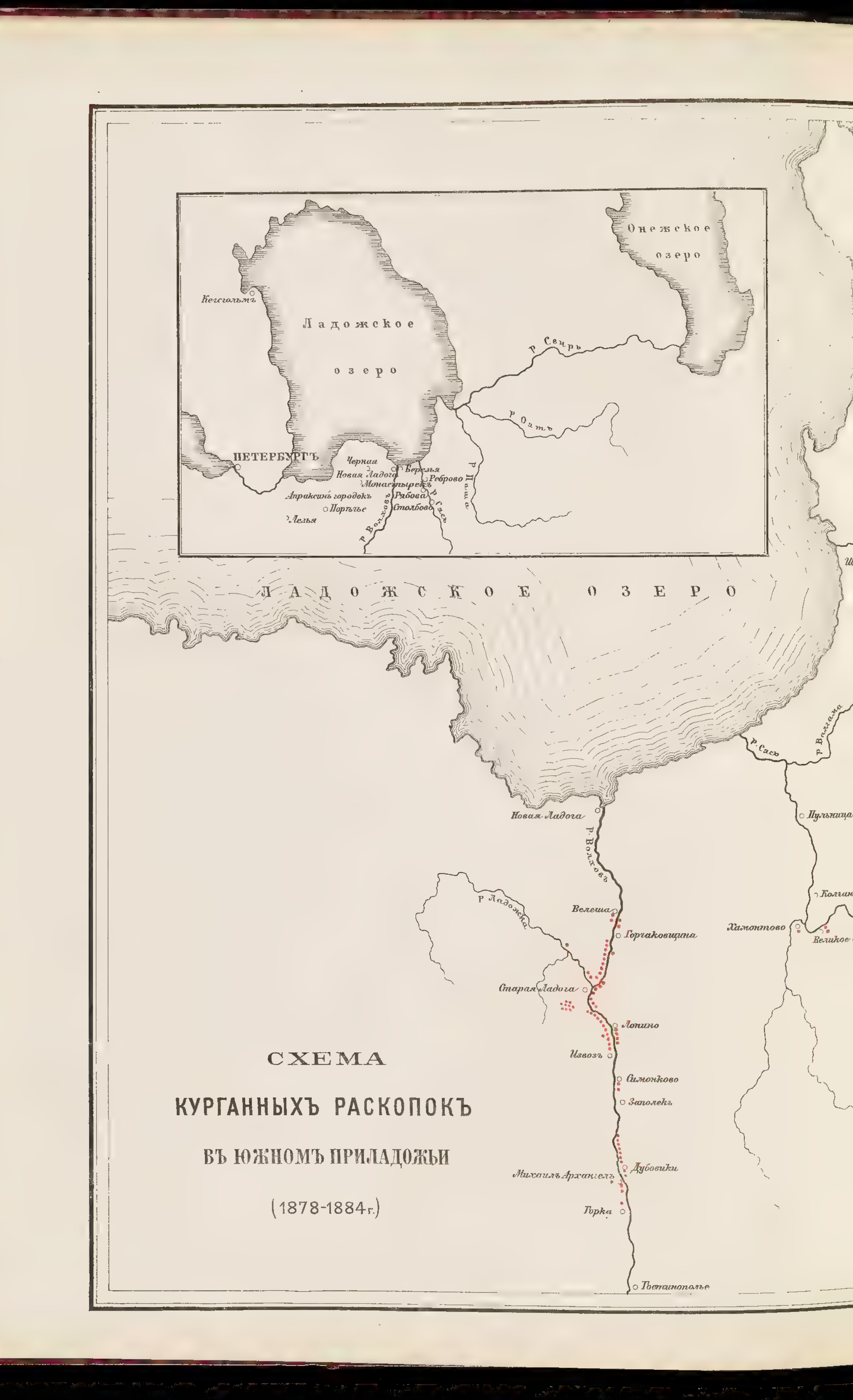
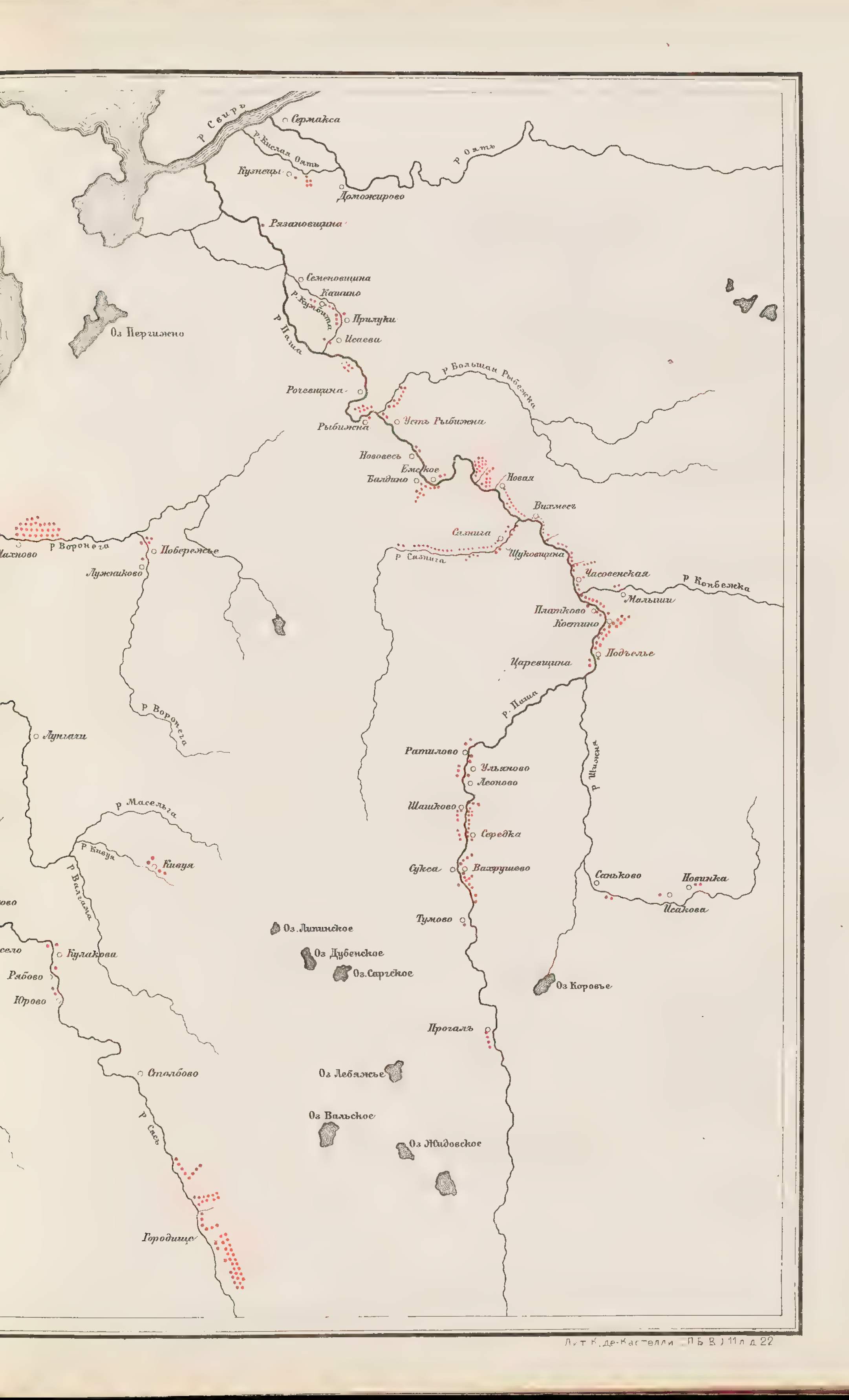

СХЕМА
КУРГАННЫХЪ РАСКОПОКЪ
ВЪ ЮЖНОМЪ ПРИЛАДОЖЬИ
(1878-1884 г.)

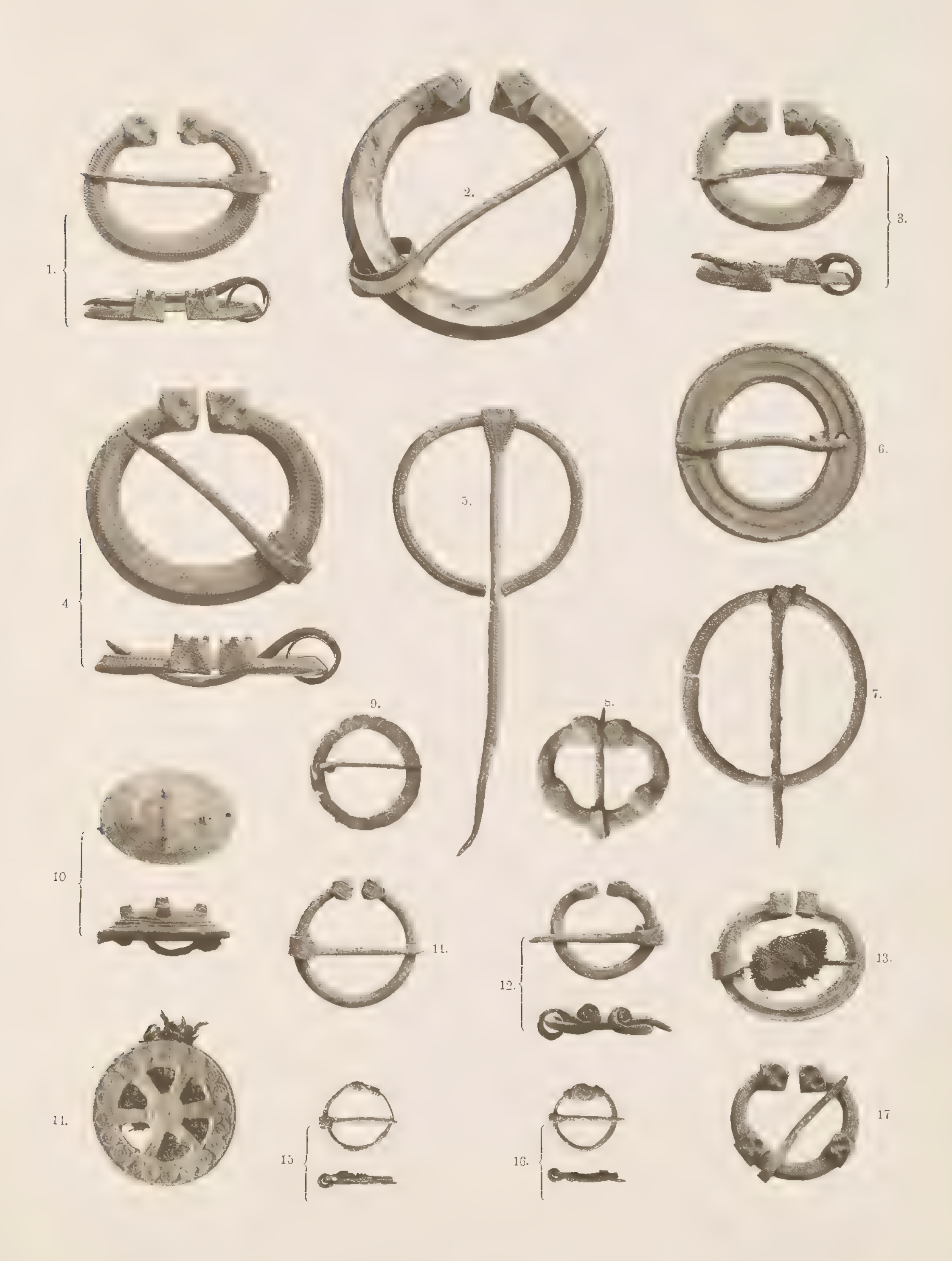

Лит К. де-Кастелли, СПБ В. О. 11 л. д. 22

Всѣ въ $^2/_3$ наст. велич.

Металлъ бронза.

Всѣ въ $^2/_3$ наст. велич.

№ 2 — бронза и серебро. № 14 — Серебро. Прочіе бронза.

Всѣ въ наст. величину.

№ 24 — серебро(?). Прочіе — бронза.

Всѣ въ наст. велич.

№№ 1 и 9 серебро. № 5 — бронза и серебро. Прочіе — бронза.

Всѣ въ $^2/_3$ наст. велич.

№ 8 — серебро. №№ 3, 5, 9 - кость и бронза. №№ 11 и 14 — оленій рогъ(?). Прочіе — бронза.

Всѣ въ настоящ. велич.

Металлъ бронза.

Всѣ въ наст. велич

№№ 1 и 12 серебро. Прочіе — бронза.

Всѣ въ ²/₃ наст. велич.

№№ 15—17 бронза. № 6 — желѣзо и бронза. № 12 — камень и желѣзо. Прочіе — желѣзо.

№ 4 въ наст. велич. № 8 и 9 въ $^1/_2$ наст. вел. № 1, 2, 5, 6, 7 и 10 въ $^1/_3$ наст. вел. № 3 и 11 въ $^1/_4$ наст. вел.
№ 4—рогъ и серебро. № 3 и 11 бронза.

X.

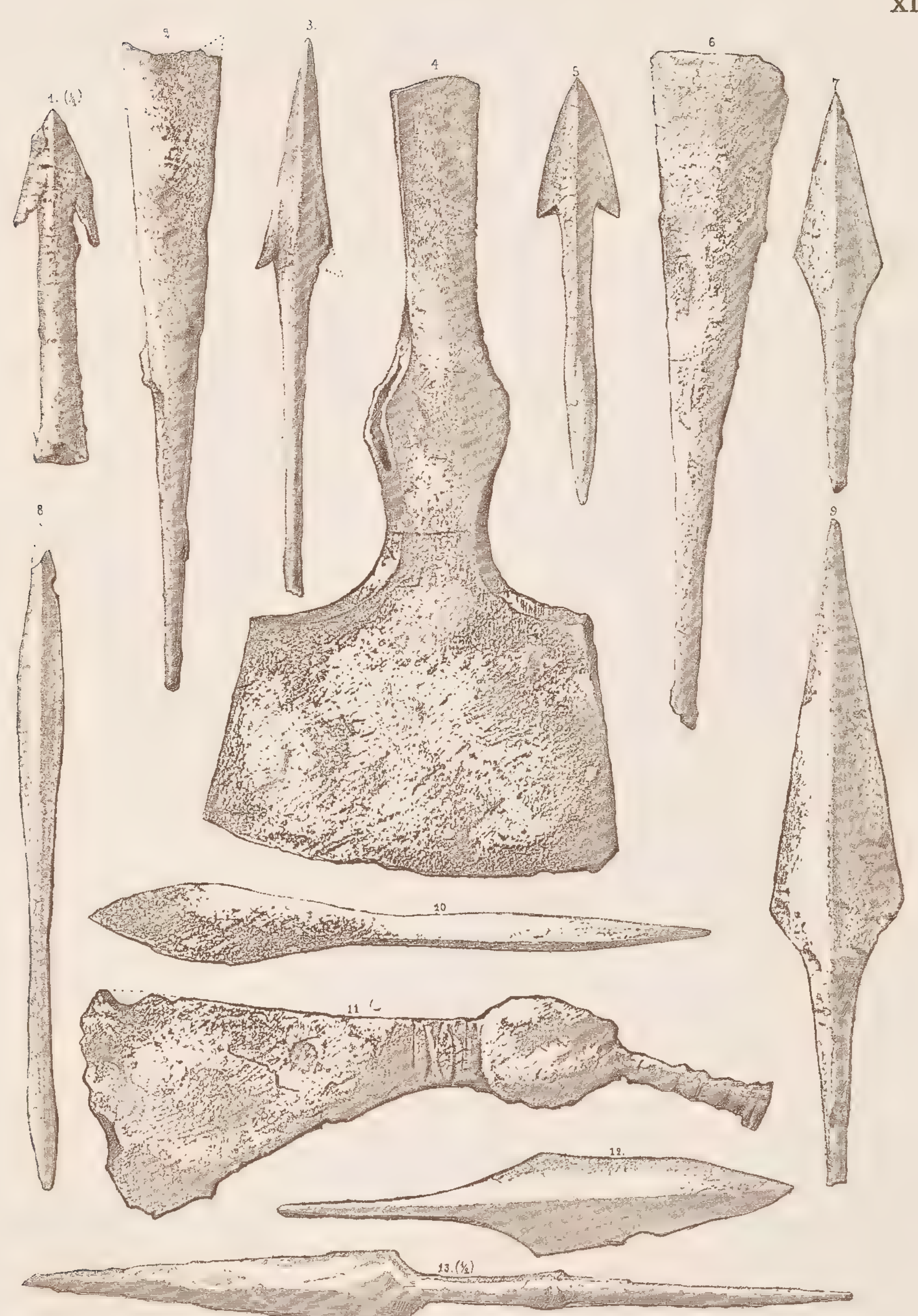
№ 2 и 4 въ 1/8 наст. велич. № 9 въ 1/4 наст. вел. Прочіе въ 1/2 наст. велич.
№ 9 бронза, № 2 и 4 желѣзо, прочіе глина.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ

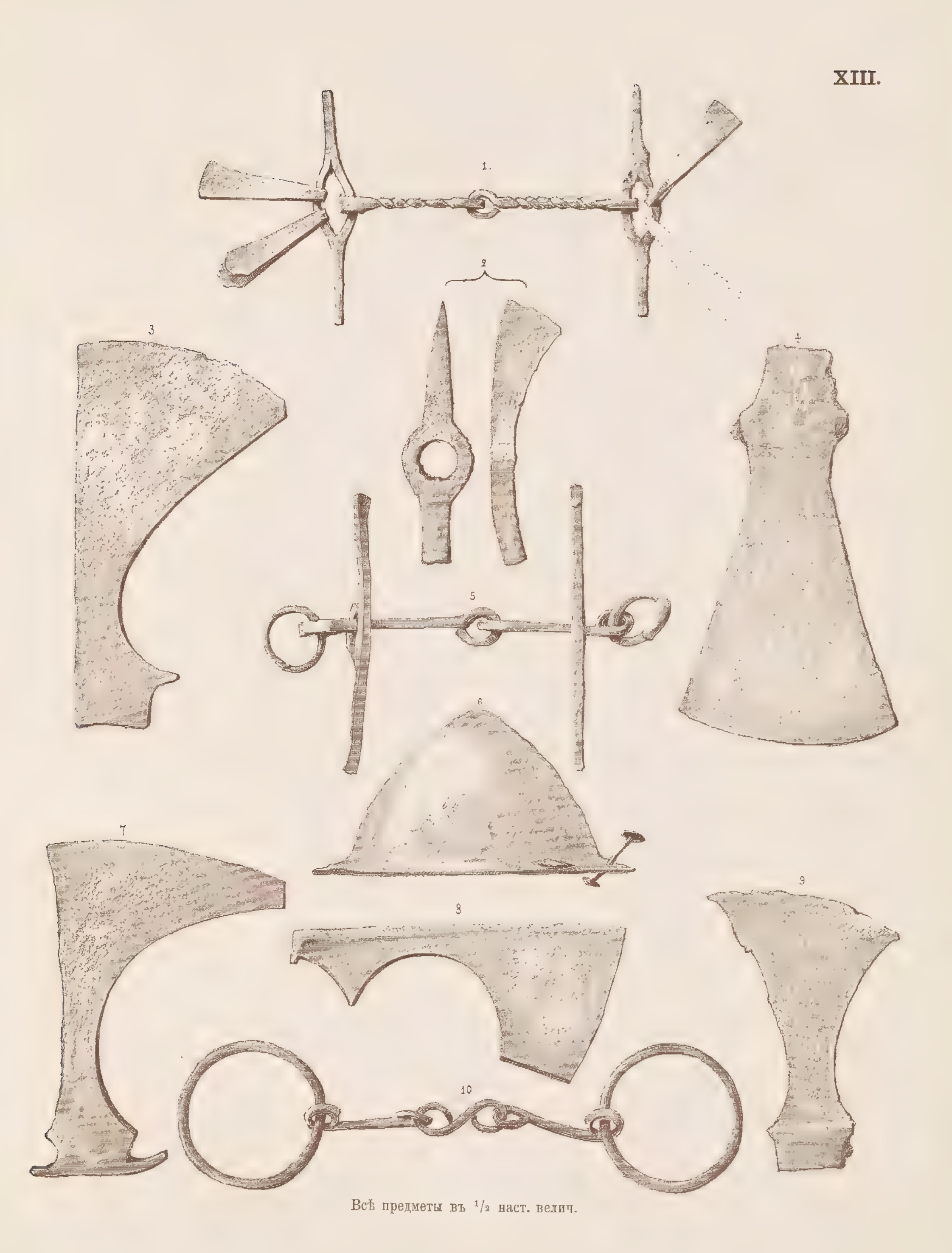
№ 2, 3, 4 въ 1/4 наст. вел. № 1, 5—9 въ 1/2 наст. вел.
№ 4 желѣзо и бронза, прочіе желѣзо.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВН. О УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ

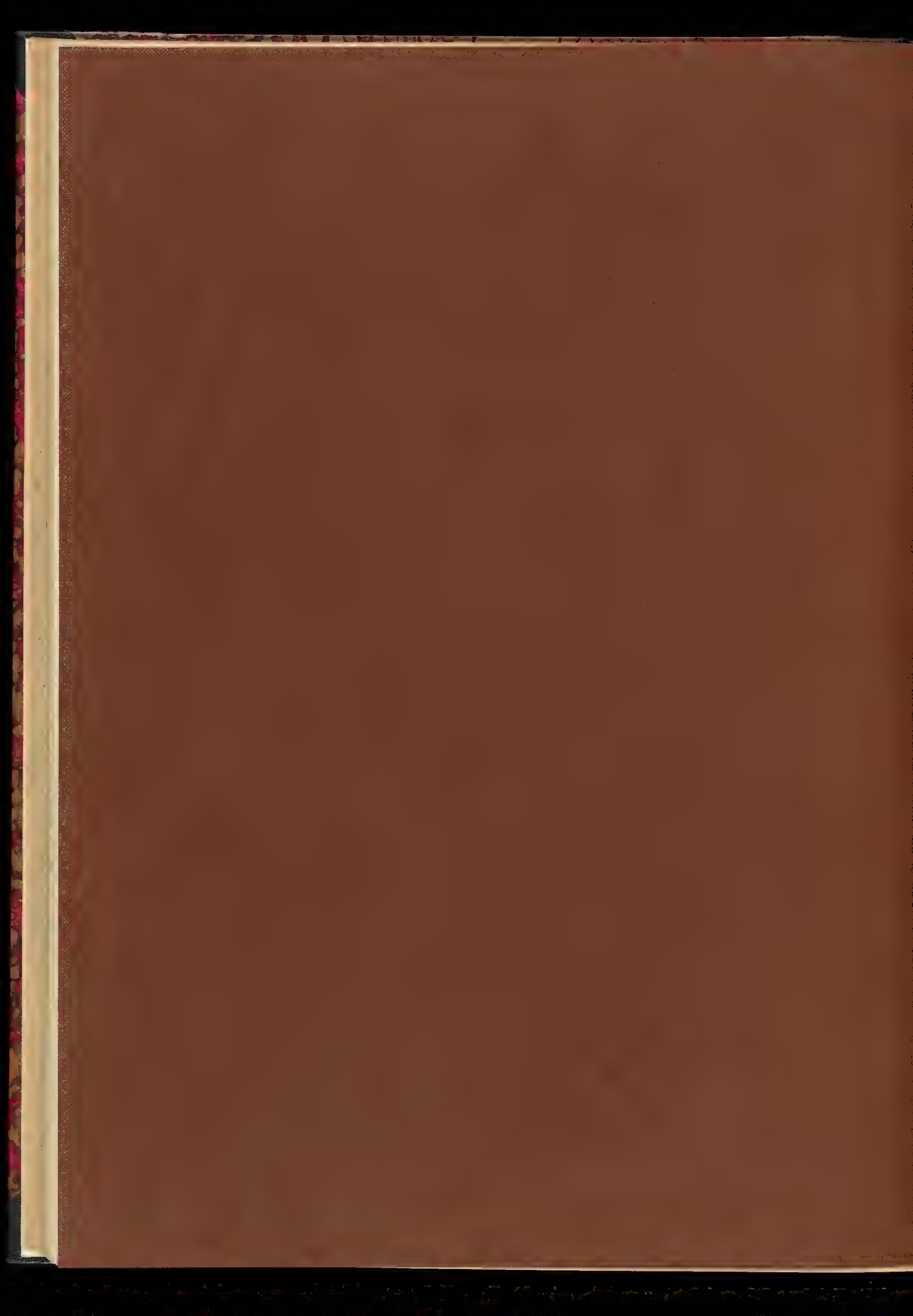
Всѣ предметы, кромѣ № 1 и 13, въ натур. велич.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ

Всѣ предметы въ 1/2 наст. велич.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.
22.
23.
24.
25.
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
33.

Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie, publiés par la Commission Impériale Archéologique. № 19. **Antiquités de la Russie méridionale. Deux catacombes de Kertch avec fresques. Supplément: Catacombe chrétienne découverte à Kertch en 1895.** Investigation de M-r **J. Koulakovsky.** St.-Pétersbourg. 1896. 72 pages 4°, 14 planches et 14 polytypages.

Contenu: I (p. 1—15). Catacombes du Bosphore. Exposé chronologique. Origine des fresques murales et historique de cet art au Bosphore.

II (p. 16—25). Plan et description de l'extérieur de la catacombe de Sorak. Caractère général de ses peintures murales. Eléments de la composition générale des peintures. Sujets libres introduits dans les ornements des murs de la catacombe.

III (p. 26—33). Epitaphe de Sorak.

IV (p. 34—43). Catacombe avec fresques découverte en 1891. Lieu de la découverte et plan. Caractère général de ces peintures et quelques détails d'adoption.

V (p. 44—58). Scènes représentant un repas, peintes à l'intérieur des catacombes et représentées sur quelques stèles à Panticapée, Phanagorie, Chersonèse et Olbia. Caractère rituel du sujet. Explication de ce dernier. Commentaires de M. Stéphani. Critique de ses arguments. Vrai sens du sujet et ses rapports avec les croyances religieuses en la vie d'outre-tombe. Altération de l'ancien caractère rituel de ce sujet sur les monuments du Bosphore. Conclusion générale concernant le caractère des peintures dans les catacombes et l'ordre chronologique des monuments publiés actuellement.

Supplément (p. 59 -67). Catacombe chrétienne découverte en 1895. Sa situation et son plan. Inscriptions aux murs. Remarques paléographiques et exposé chronologique du monument.

Explication des planches. A. Plan d'une partie du versant nord du mont Mithridate. I. Plan et coupe de la catacombe de Sorak.—II. Coupe T—U de la partie nord.—III. Peintures murales f—f.—IV. Peintures murales g—g et c—c.—V. Peintures murales d—d et e—e.—VI. Peintures murales b—b et h—h.—VII. Inscription.—VIII. Plan et coupe de la catacombe découverte en 1891.—IX. Peintures murales b—b.—X. Peintures des murs latéraux c—c et d—d.—XI. Peintures du mur du fond a—a.—XII. Plan et coupe de la catacombe chrétienne découverte en 1895.—XIII. Inscriptions.

Explication des dessins Mustrant le texte: 1) Catacombe avec fresques, découverte en 1867.—2) Tête de méduse trouvée dans cette catacombe.—3 et 4) Deux coupes latérales de la catacombe découverte en 1872. — 5 et 6) Peintures de la catacombe découverte en 1875. — 8) Masque de Démèter en terre cuite. — 9) Ornement de ceinture en argent.—10 et 14) Dalles tumulaires avec inscriptions.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 19.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ДВѢ КЕРЧЕНСКІЯ КАТАКОМБЫ СЪ ФРЕСКАМИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ХРИСТІАНСКАЯ КАТАКОМБА, ОТКРЫТАЯ ВЪ 1895 ГОДУ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Юліана Кулаковскаго,

ординарнаго профессора Императорскаго Университета св. Владиміра, члена-корреспондента Императорской Археологической Коммиссіи.

СЪ 14 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 14 ПОЛИТИПАЖАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40).
1896.

Напечатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предстоящее изслѣдованіе имѣетъ своимъ предметомъ фрески двухъ катакомбъ, изъ которыхъ первая открыта въ маѣ мѣсяцѣ 1890 г., а вторая въ августѣ 1891 г. на сѣверномъ склонѣ горы Митридата въ Керчи. Первая находка сдѣлана была случайно: на нее наткнулись люди, ломавшіе камень не вдалекѣ отъ предмѣстья города Керчи, Татарской слободки. Тогдашній директоръ Керченскаго музея, Ѳ. И. Гроссъ, извѣщенный объ этой находкѣ однимъ изъ рабочихъ, немедленно принялъ мѣры къ охранѣ этого памятника и занялся затѣмъ срисовкой росписи, сохранившейся на стѣнахъ камеры. Лѣтомъ того-же года Императорской Археологической Коммиссіи угодно было поручить мнѣ провѣрку рисунковъ на мѣстѣ и ближайшее обслѣдованіе памятника для предполагавшагося и нынѣ выполняемаго изданія его [1]). Въ виду обнаружившихся неточностей въ рисункахъ, Коммиссія приняла рѣшеніе озаботиться вторичнымъ воспроизведеніемъ фресокъ. По разнымъ обстоятельствамъ исполненіе этого дѣла затянулось до лѣта 1892 года, и осуществлено было, подъ ближайшимъ наблюденіемъ нынѣшняго директора Керченскаго музея, К. Е. Думберга, бывшей ученицей школы техническаго рисованія бар. Штиглица, г-жей Васильевой.

Вторая катакомба открыта была мною въ раскопкахъ, которыя я велъ, по порученію Коммиссіи, лѣтомъ 1891 года. Срисовка фресокъ была поручена г-жѣ Васильевой, которая и выполнила эту задачу подъ совмѣстнымъ наблюденіемъ г. Думберга и моимъ.

Хотя снимки съ фресокъ обѣихъ катакомбъ находились, такимъ образомъ, въ распоряженіи Коммиссіи уже въ концѣ 1892 года, но по разнымъ причинамъ нельзя было немедленно приступить къ изданію этихъ памятниковъ, и дѣло было отложено до текущаго года.

[1]) Краткія свѣдѣнія о фрескахъ этой катакомбы и текстъ надписи, нарисованной на одной изъ ея стѣнъ, были опубликованы въ «Извѣстіяхъ Таврической Архивной Коммиссіи», выпускъ X, 1890, стр. 111—113, г. Ящуржинскимъ, имѣвшимъ случай видѣть этотъ памятникъ вскорѣ послѣ его открытія. Въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1890 г. дано краткое описаніе этой катакомбы, на стр. 21 — 22, гдѣ приведена также и надпись по рисунку г. Гросса, но въ немъ, къ сожалѣнію, допущены были нѣкоторыя погрѣшности и неточности.

Мѣстонахожденіе обѣихъ катакомбъ, а равно и другихъ, посѣщенныхъ или раскопанныхъ мною лѣтомъ 1890, 1891 и 1894 годовъ, обозначено на планѣ Митридатовой горы, который хранится въ Керчи для постепеннаго пополненія его новыми данными. Уменьшенная копія съ части этого плана помѣщена на прилагаемой таблицѣ А.

Когда наше изслѣдованіе было уже сдано въ типографію, въ Керчи была открыта христіанская катакомба, аналогичная той, которая была издана въ 6-мъ выпускѣ «Матеріаловъ» Императорской Археологической Коммиссіи. Описаніе этого новаго христіанскаго памятника присоединено къ издаваемымъ нынѣ находкамъ 1890 и 1891 годовъ въ «Приложеніи».

I.

Катакомбы на Боспорѣ.

Катакомбы съ фресками.—Хронологическая ихъ датировка.—Происхожденіе фресковой росписи стѣнъ и судьбы этого вида искусства на Боспорѣ.

Типъ погребальныхъ сооруженій, къ которому относятся издаваемые нынѣ памятники, носитъ въ нашей археологической литературѣ наименованіе катакомбъ. Констатировка этого погребальнаго типа на почвѣ древней Пантикапеи принадлежитъ первому изслѣдователю керченскихъ древностей, Дюбруксу, и относится къ 1816—17 году [1]). Подъ этимъ-же именемъ знаетъ его ученый путешественникъ по Кавказу и югу Россіи, Дюбуа де-Монперэ, посѣтившій Керчь въ 1832 и 1834 годахъ. Въ описаніи своего путешествія онъ сооообщаетъ краткія свѣдѣнія о памятникахъ этого рода и приводитъ планъ одного изъ нихъ [2]). Тѣмъ не менѣе, первый директоръ керченскаго музея, заслуженный въ свое время изслѣдователь боспорскихъ древностей, Ашикъ, приписываетъ себѣ заслугу открытія катакомбъ и даетъ точную дату самаго факта.

Въ одномъ изъ своихъ археологическихъ трудовъ онъ утверждаетъ слѣдующее: «до 1834 г. ни одинъ изыскатель древностей не подозрѣвалъ, чтобы въ Пантикапеѣ были такъ же, какъ и въ Италіи, изсѣченныя въ скалѣ катакомбы, открытіе которыхъ собственно мнѣ принадлежитъ» [3]). Помимо неправильнаго утвержденія о первенствѣ открытія сооруженій этого рода на Боспорѣ, слова Ашика вызываютъ также на замѣчаніе и относительно указываемой имъ аналогіи керченскихъ катакомбъ съ существующими въ Италіи. Въ текстѣ названнаго труда Ашикъ сравниваетъ керченскіе памятники, какъ съ римскими христіанскими

[1]) Свѣдѣніе объ этомъ сообщено во введеніи къ изданію «Древности Босфора Киммерійскаго» на стр. LXXXVIII, гдѣ помянуто о собственноручной запискѣ Дюбрукса, находившейся въ рукахъ акад. Кеппена. Вѣроятно, это та самая записка, которая была издана въ переводѣ на русскій языкъ бар. Тизенгаузеномъ въ Трудахъ Одесскаго Археологическаго съѣзда, т. II, стр. 135—139: «Нѣсколько замѣтокъ о различныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи».

[2]) *Dubois de Montpéreux*, Voyage autour du Caucase, t. V. Paris, 1843, p. 184. Въ атласѣ къ этому сочиненію IV-e série, pl. 13, fig. 3,—приведены планъ и разрѣзы катакомбы, открытой 11 іюля 1834 года.

[3]) *Антонъ Ашикъ*, Керченскія древности. О пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками. Одесса, 1845, стр. 1.

катакомбами, такъ и съ этрусскими погребальными камерами, не дѣлая никакого различія между этими двумя послѣдними, существенно различными, типами погребальныхъ сооруженій, съ которыми онъ, очевидно, не имѣлъ непосредственнаго знакомства. Нельзя не отмѣтить также и неправильнаго утвержденія Ашика, будто керченскія катакомбы «изсѣчены въ скалѣ», что находится въ противорѣчіи съ геологическими данными мѣста. Керченскія катакомбы не «высѣчены» въ скалѣ, а вырыты въ слоѣ глины, лежащемъ ниже слоя пористаго известняка, черезъ который пробивали колодцы для спуска въ эти камеры. Позднѣе найдены были аналогичныя сооруженія, высѣченныя въ скалѣ, но это относится уже къ другимъ мѣстностямъ Крыма, а именно: окрестностямъ древняго Херсонеса. Терминъ, принятый Ашикомъ, вѣроятно, отъ своего предшественника, избранъ, къ сожалѣнію, неудачно. Наименованіе «катакомбы», которое *исторически* установилось за древнѣйшими христіанскими кладбищами въ окрестностяхъ Рима [1]), имѣетъ свое спеціальное значеніе и характеризуется признаками, которые отсутствуютъ въ погребальныхъ сооруженіяхъ древняго боспорскаго населенія, носящихъ въ нашей археологической литературѣ тоже самое названіе. Римскія катакомбы суть подземныя галлереи, тогда какъ одноименныя имъ сооруженія на Боспорѣ суть отдѣльныя камеры, устраивавшіяся каждая съ особымъ входомъ и въ полной особности одна отъ другой. Общаго между ними лишь то, что тѣ и другія суть сооруженія подземныя, устроенныя на извѣстной глубинѣ въ материкѣ. Къ сожалѣнію, неудачно избранный въ самомъ началѣ изслѣдованія керченскихъ древностей терминъ не вызвалъ противъ себя возраженій ни тогда, ни впослѣдствіи, и въ настоящее время онъ является традиціей, утвержденной авторитетомъ всѣхъ русскихъ археологическихъ изданій [2]). Считая для себя обязательнымъ сдѣлать здѣсь оговорку о неудачномъ выборѣ термина, мы сами, тѣмъ не менѣе, вынуждены подчиниться установившемуся въ нашей ученой литературѣ словоупотребленію въ отношеніи къ издаваемымъ нынѣ памятникамъ.

---

[1]) *Rossi*, Roma Sotterranea. I, стр. 83 и сл. Слово catacumbae въ значеніи общаго термина установилось уже въ IX вѣкѣ. Этимологія слова остается спорной, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно первоначально было топографическимъ терминомъ. In catacumbas, ad catacumbas называлась мѣстность по Via Appia, гдѣ былъ циркъ Максенція и памятникъ Цециліи Метеллы. По близости отсюда находятся катакомбы Каллиста.

[2]) Разумѣемъ прежде всего: Древности Босфора Киммерійскаго, Пропилеи и Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи. — Не имѣя ни малѣйшаго желанія выступать съ полемикой противъ почтеннаго изслѣдователя одной изъ керченскихъ катакомбъ съ фресками, г. Стасова, мы позволимъ себѣ отмѣтить свое полное несогласіе съ его равнодушіемъ къ археологической терминологіи. Своимъ ученымъ и авторитетнымъ изслѣдованіемъ о катакомбѣ 1872 года онъ не только утвердилъ этотъ терминъ въ приложеніи къ керченскимъ погребальнымъ пещерамъ, но и далъ ему въ своемъ изложеніи гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ какое онъ имѣлъ въ археологической литературѣ. Такъ, на стр. 251 Отчета за 1872 годъ онъ пишетъ: «вся малая Азія покрыта катакомбами; Фригія и Ликія на Западѣ и Югѣ, Галатія въ центрѣ, Каппадокія и Понтъ на Востокѣ и Сѣверѣ, представляютъ цѣлые некрополи, строенные по этой системѣ». Тѣ изслѣдователи, которые констатировали въ названныхъ странахъ памятники, которые разумѣетъ въ данномъ случаѣ г. Стасовъ, никогда не прилагали къ нимъ термина «катакомбы». Изслѣдователь Малой Азіи, *Perrot*, на трудъ котораго «Exploration archéologique de la Gaule et de Bithynie» etc. Paris, 1872, ссылается г. Стасовъ, называетъ найденныя имъ гробницы Галатіи, Понта, Фригіи—терминами tombes, tombeaux, но никогда catacombes. Въ нѣмецкой ученой литературѣ употребляются для этого типа сооруженій термины Gräber, Grabkammern. Сошлюсь для примѣра на статью Ross'a, Archäologische Zeitung, 1851. B. IX, p. 321 сл. Phönizische Gräber auf Cypern. (На относящейся сюда таблицѣ XXVIII даны планы и разрѣзы памятниковъ, каковые г. Стасовъ зоветъ катакомбами). Невѣрно и самое опредѣленіе катакомбъ, которое г. Стасовъ даетъ на стр. 250: «Катакомбы... это небольшія пустыя пространства, или комнатки, вырытыя въ горѣ некрѣпкаго геологическаго строенія». Это опредѣленіе не подходитъ даже къ керченскимъ, такъ называемымъ, катакомбамъ, такъ какъ и тамъ имѣются «катакомбы», расположенныя не въ почвѣ горы Митридата, а на равнинѣ глинища, о которыхъ поминаетъ и самъ г. Ста-

Хотя катакомбы извѣстны были, такимъ образомъ, уже первому изслѣдователю керченскихъ древностей, Дюбруксу, но о его раскопкахъ памятниковъ этого рода сохранилось очень мало свѣдѣній [1]). Его ближайшій преемникъ, Ашикъ, началъ раскапывать катакомбы въ 1834 г. и тогда же открылъ ихъ до двадцати. Всѣ онѣ оказывались ограбленными, и притомъ уже въ древности. Грабители новаго и новѣйшаго времени, посѣщавшіе эти подземныя сооруженія, прибавляли къ ограбленію и разореніе. Такъ какъ отдѣльныя камеры часто лежатъ на одной глубинѣ и въ непосредственномъ между собою сосѣдствѣ, то грабители пробивали отдѣляющую ихъ толщу почвенной глины, и черезъ такіе проломы проникали изъ одной камеры въ другую. Ашикъ нашелъ въ одномъ мѣстѣ пять соединенныхъ такимъ именно способомъ катакомбъ [2]), но онъ, повидимому, не замѣтилъ насильственности этого соединенія; а послѣдующихъ изслѣдователей, преемниковъ Ашика, Карейшу и Бѣгичева, это обстоятельство утверждало даже въ представленіи сходства между керченскими и римскими катакомбами, съ которыми они, повидимому, были совершенно незнакомы. Доставленныя этими лицами свѣдѣнія и планы легли въ основаніе того сообщенія о катакомбахъ, которое изложено въ текстѣ роскошнаго изданія «Древности Босфора Киммерійскаго» [3]).

совъ на стр. 241. Не подходитъ оно и къ малоазіатскимъ «катакомбамъ», ибо онѣ высѣчены большею частью въ твердой скалѣ и являются часто надземными сооруженіями, какова и знаменитая гробница Мидаса. (*Texier*, Description de l'Asie Mineure. I. Paris. 1833, p. 56). А что еще важнѣе: опредѣленіе г. Стасова не обнимаетъ собою катакомбъ κατ᾽ ἐξοχήν, христіанскихъ киметеріевъ въ Римѣ, для обозначенія каковыхъ установился этотъ терминъ еще съ IX вѣка. Полную аналогію керченскимъ катакомбамъ представляютъ этрусскія гробницы, къ которымъ Итальянцы примѣняютъ терминъ camera sepolcrale, Нѣмцы—Grabkammer, Французы — tombe à chambre, chambre sépulcrale.

[1]) «Записка» Дюбрукса, составленная не раньше 1830 года, заключаетъ въ себѣ слѣдующее сообщеніе о катакомбахъ.—«Могилы, открытыя мною въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, относятся, кажется мнѣ, къ тѣмъ временамъ, когда Скиѳы утвердились на развалинахъ киммерійскихъ и греки стали торговать въ этой странѣ. Онѣ находятся на глубинѣ 2-хъ и даже 3-хъ саженъ подъ материкомъ, вырублены въ скалѣ, имѣютъ предъ входомъ родъ спуска со ступеньками, а внутри лежанки вырубленныя также въ скалѣ, на которыя клались покойники... 35 такихъ могилъ, открытыхъ мною, всѣ были ограблены въ прежнее время... Я нашелъ въ нихъ бронзовые наконечники стрѣлъ такого вида и такой величины, какъ тѣ, которые найдены въ Кульобскомъ курганѣ. Въ нихъ оказались также кусочки сердцеобразныхъ золотыхъ листковъ, кости человѣческія и остовы лошадей, изъ которыхъ одинъ лежалъ на каменной лежанкѣ у входа. Въ этомъ подземельѣ, насупротивъ входа, была большая лежанка во всю длину катакомбы, а по обѣимъ сторонамъ находились двѣ меньшія лежанки; всѣ онѣ вырублены въ скалѣ. Это та самая катакомба, которую я имѣлъ счастіе показывать Его Величеству блаженной памяти Императору Александру I въ бытность его въ Керчи въ 1818 году и въ которую соизволилъ спускаться со мною Его Высочество Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ въ 1817 г. Въ одной изъ этихъ маленькихъ катакомбъ, хотя и ограбленныхъ, остовы человѣческіе не были потревожены. Ихъ было всего 7; изъ нихъ 4 лежали на 3 лежанкахъ, а 3 на полу у входа. Два остова, лежавшіе на широкой лежанкѣ противъ входа, заключались въ гробахъ, сколоченныхъ изъ тонкихъ узенькихъ можжевеловыхъ досокъ. Подъ головами ихъ находились подушки; на одномъ одежда была совершенно цѣла, хотя кости при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ разсыпались въ прахъ. Одежда состояла изъ матеріи, сдѣланной изъ верблюжьей шерсти и имѣла форму нынѣшней черкесской одежды... Остовъ, лежавшій на лѣвой лежанкѣ, былъ покрытъ матеріею съ золотыми цвѣтками, которые хорошо видны были при свѣтѣ горящей свѣчи. На остовѣ правой лежанки былъ куній мѣхъ, шкура котораго совершенно истлѣла. Надъ катакомбами были насыпаны болѣе или менѣе высокіе курганы. Въ четырехъ изъ такихъ кургановъ, которые я вскрылъ по срединѣ, оказались погребальныя урны, содержащія прахъ и жженыя кости. Это доказываетъ, что скиѳскія могилы служили въ то время вмѣстѣ съ тѣмъ кладбищемъ для грековъ, торговавшихъ въ Пантикапеѣ». Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. II, стр. 136 — 137. Само собою разумѣется, что историческія соображенія, высказанныя Дюбруксомъ по поводу открытыхъ имъ катакомбъ, не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Во всемъ этомъ сообщеніи интересенъ и важенъ лишь самый фактъ констатировки Дюбруксомъ этого типа погребенія на горѣ Митридата.

[2]) о. l. стр. 3.

[3]) Древности Босфора Киммерійскаго, Спб. 1851, стр. LXXXVI. «Всѣ раскапыватели керченскихъ кургановъ и первый между ними Дюбруксъ утверждаютъ о существованіи катакомбъ на сѣверномъ скатѣ Митридатовой горы. Вдоль склона ея до Золотаго кургана протягивается земляное возвышеніе въ видѣ хребта неодинаковой вышины, и

Въ правительственныхъ раскопкахъ послѣдующаго времени, которыя велись въ Керчи почти непрерывно изъ года въ годъ директорами музея и посѣщавшими Керчь членами Императорской Археологической Коммиссіи, открыто было въ общей сложности до 200 катакомбъ, расположенныхъ по преимуществу на сѣверномъ склонѣ горы Митридата [1]). Такъ какъ эти сооруженія не давали цѣнныхъ вещественныхъ находокъ, то они и не привлекали къ себѣ спеціальнаго интереса изслѣдователей; а потому многіе существенные археологическіе вопросы, которые естественно было-бы поставить по отношенію къ нимъ, остаются и доселѣ почти безъ отвѣта. Разумѣемъ прежде всего районъ ихъ расположенія и время, съ какого существовалъ въ Пантикапеѣ этотъ типъ погребальныхъ сооруженій. Находки этого рода не были наносимы на планъ, хотя мысль объ этомъ возникала неоднократно [2]), а то, что сдѣлано въ этомъ направленіи въ самое послѣднее время, еще слишкомъ незначительно, чтобы дать хотя приблизительный отвѣтъ на первый изъ указанныхъ двухъ общихъ вопросовъ. Что же до втораго, то монеты, которыя иногда были находимы въ катакомбахъ и христіанская катакомба 491 года, открытая мною въ 1890 году [3]), позволяютъ лишь утверждать, что этотъ типъ погребенія существовалъ на Боспорѣ въ I вѣкѣ нашей эры и затѣмъ непрерывно до конца V-го, а вѣроятно и позднѣе [4]). Вопросъ о томъ, существовалъ ли онъ до начала нашей эры, остается пока безъ отвѣта.

Предметомъ спеціальнаго изслѣдованія были, кромѣ помянутой христіанской катакомбы 491 года, лишь тѣ немногія изъ общаго ихъ числа, которыя, какъ и двѣ издаваемыя нынѣ, представляли особый интересъ фресками, украшавшими ихъ стѣны. Находокъ такого рода было сдѣлано сравнительно очень немного, а именно восемь, къ которымъ присоединяются въ настоящее время еще двѣ.

Первая по времени открытія катакомба съ фресками была найдена въ 1841 году тогдашнимъ директоромъ керченскаго музея, Ашикомъ. Состоявшій въ ту пору при музеѣ рисовальщикъ, Стефанскій, исполнилъ подъ наблюденіемъ Ашика снимки съ ея фресокъ, которыя и были изданы на 12 таблицахъ въ приложеніи къ краткому тексту, содержащему въ себѣ описаніе находки и изъясненіе рисунковъ [5]). Издатель былъ увѣренъ въ томъ, что

подъ поверхностью земли проходитъ каменный слой, имѣющій подъ собой слой глины. По удостовѣренію гг. Карейши и Бѣгичева, воспользовались этимъ естественнымъ хребтомъ, чтобы вырыть въ немъ катакомбы, которыя, проходя подъ каменнымъ слоемъ, образуютъ рядъ погребальныхъ камеръ; почти всѣ онѣ сообщаются между собой проходами, идущими изъ одной камеры въ другую, въ большей части коихъ устроены въ стѣнахъ углубленія или ниши. Вдоль естественныхъ стѣнъ этихъ камеръ и въ углубленіяхъ стѣнъ разставлены, по удостовѣренію тѣхъ лицъ, деревянные гробы съ цѣльными остовами покойниковъ или костями. Эти гробы, при вскрытіи катакомбъ, обыкновенно распадались отъ прикосновенія наружнаго воздуха. Катакомбы сіи, раздѣляясь на множество гробницъ, расположенныхъ группами, можетъ быть племенныхъ или семейныхъ, образуютъ довольно обширную некрополисъ, которая, судя по составленнымъ г. Бѣгичевымъ планамъ и разрѣзамъ, имѣетъ, какъ намъ кажется, большое сходство съ катакомбами Сиракузъ».

[1]) См. Отчеты Импер. Арх. Ком., съ 1859 по 1888 гг.

[2]) Такъ, составленіе подробной карты рекомендовалъ еще *Беккеръ* въ своей статьѣ: «Керчь и Тамань въ іюлѣ мѣсяцѣ 1852 года»—«Пропилеи», томъ III, стр. 363.

[3]) Матеріалы изд. Имп. Арх. Ком., выпускъ 6. На стр. 21 сопоставлены нами свѣдѣнія о монетныхъ находкахъ въ катакомбахъ по сообщеніямъ Отчетовъ Имп. Арх. Коммиссіи и другимъ источникамъ. Прибавимъ, что въ черновой рукописи дневника раскопокъ за 1867 годъ, хранящейся въ архивѣ Керченскаго музея, упомянуто два раза о находкѣ въ катакомбахъ монетъ автономной Пантикапеи (раскопки съ 9 апрѣля по 14 мая и съ 15 по 28 мая).

[4]) Проф. *Кондаковъ*, Древне-христіанская патера изъ керченскихъ катакомбъ (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, томъ XI, стр. 67—73).

[5]) Заголовокъ этого изданія приведенъ выше, стр. 3, прим. 3.

рисунки Стефанскаго представляютъ «настоящій fac simile, сходный съ оригиналомъ даже въ самыхъ мелкихъ частяхъ». Но къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ вовсе не такъ, и рисунки Стефанскаго даютъ лишь общее представленіе о сюжетахъ фресокъ и притомъ далеко не точное. По богатству и разнообразію сюжетовъ своихъ фресокъ эта катакомба остается и по нынѣ наиболѣе интересной изъ всѣхъ десяти, открытыхъ до настоящаго времени. Дѣломъ большой важности было-бы найти опять эту катакомбу и воспроизвести съ полной точностью ея фрески. Но во время Ашика еще не думали о возможности археологической карты, а въ своемъ описаніи онъ обозначилъ мѣстонахожденіе этой катакомбы такъ неопредѣленно, что вторичная ея находка можетъ быть лишь дѣломъ счастливой случайности [1]).

Вторымъ по времени открытія памятникомъ того-же рода была катакомба, найденная въ 1852 году. Къ сожалѣнію, о ней не имѣется никакихъ свѣдѣній, кромѣ краткаго упоминанія въ статьѣ Беккера «Керчь и Тамань въ 1852 г.», напечатанной въ III томѣ «Пропилеевъ» Леонтьева. Свидѣтельствуя о плохой сохранности росписи въ этой катакомбѣ, Беккеръ даетъ слѣдующее ея описаніе: «на стѣнѣ противъ входа до сихъ поръ еще видны, но неясно,

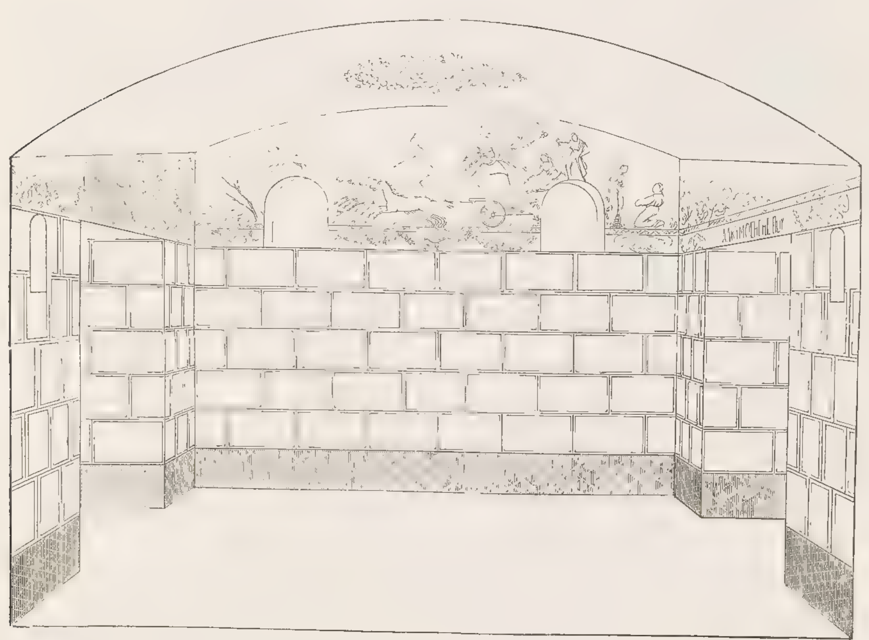

Рис. 1.

[1]) Г. *Стасовъ* (Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1872 годъ, стр. 255, прим. 3) поминаетъ о безуспѣшности розысканій директора Керченскаго музея, Люценко. Позднѣе также безуспѣшно искалъ эту катакомбу проф. *Кондаковъ*; см. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1878—79 годы, стр. XV.

контуры двухъ всадниковъ, а на одной изъ боковыхъ стѣнъ нѣсколько птицъ. Квадраты изъ черныхъ линій, пересѣкающихся подъ прямыми углами, занимали, кажется, всѣ стѣны и въ каждомъ было по птицѣ. Судя по скуднымъ остаткамъ, можно заключить, что это были простыя, но съ большимъ вкусомъ сдѣланныя украшенія» [1]).

Рис. 2.

Третья катакомба съ фресками найдена была въ 1867 г. Ея роспись издана была академикомъ Стефани въ рисункахъ безъ красокъ въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1868 г. [2]), которые мы здѣсь воспроизводимъ (рис. 1 и 2). Въ верхней части задней стѣны этой катакомбы изображенъ миѳологическій сюжетъ: похищеніе Коры Плутономъ. Надъ правой отъ входа нишей помѣщена надпись, обозначающая имя владѣльца, Алкимъ, сынъ Гегесип(п)а [3]), и въ плафонѣ женская голова.

Въ 1872 году найдена была обширная катакомба съ разнообразной и обильной росписью стѣнъ и плафона (Табл. А, литера *c*). Изданіе этой находки поручено было г. Стасову, который провѣрилъ на мѣстѣ снимки, исполненные немедленно послѣ открытія катакомбы, и издалъ ихъ съ приложеніемъ обширнаго и весьма подробнаго изслѣдованія [4]). Среди рисунковъ въ росписи этой катакомбы, на ряду съ изображеніями чисто декоративными, есть также и композиціи, имѣющія характеръ бытовыхъ сценъ изъ жизни туземцевъ, а именно: битвы и охота. Воспроизводимъ здѣсь два разрѣза этого интереснаго памятника (рис. 3 и 4).

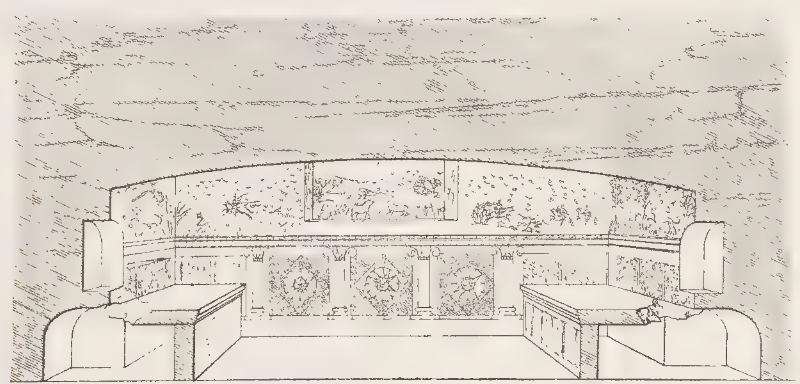

Рис. 3.

[1]) Стр. 364.
[2]) Стр. 114—116.
[3]) *Латышевъ*, Inscriptiones Regni Bosporani, n. 120.
[4]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1872 годъ, стр. 235 — 330 и 18 таблицъ, съ рисунками въ краскахъ; по поводу фресокъ этой катакомбы сдѣлано было нѣсколько замѣчаній покойнымъ проф. *Усовымъ* въ Московскомъ Археологи-

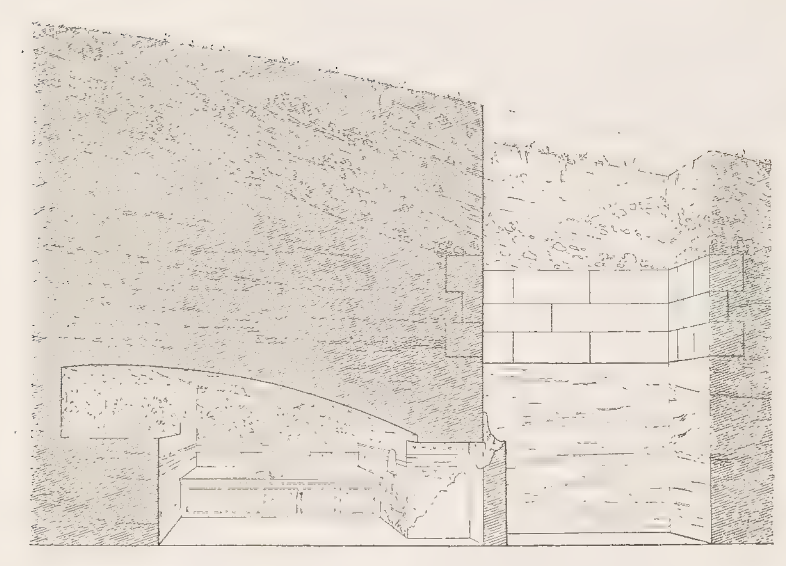

Рис. 4.

Въ 1873 году открыты были двѣ катакомбы съ фресками, расположенныя въ непосредственномъ сосѣдствѣ между собою, а поэтому и оказавшіяся соединенными, такъ какъ грабители пробили толщу раздѣлявшаго ихъ слоя почвы [1]). Роспись уцѣлѣла довольно плохо, такъ какъ во многихъ мѣстахъ штукатурка была отбита грабителями, а кромѣ того она пострадала отъ проникшей туда воды. Эти фрески, довольно грубой работы съ сюжетами декоративнаго и бытоваго характера, изданы были Стефани съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ въ Отчетѣ за 1874 г. [2]).

Седьмая по счету катакомба съ фресками открыта была въ 1875 г. Въ мусорѣ на полу ея найдены были, въ числѣ оставленныхъ или незамѣченныхъ грабителями мелкихъ вещей,

---

ческомъ Обществѣ (Засѣданіе 3 марта, 1876 г.). Докладъ этотъ былъ помѣщенъ въ VI-мъ томѣ «Древностей» (Труды Имп. Моск. Арх. Общ.), Библ., стр. 27 — 34, и перепечатанъ въ недавно вышедшемъ II-мъ томѣ «Сочиненій С. А. Усова», Москва, 1892, стр. 1 — 9. Замѣтимъ, впрочемъ, что для ученой славы автора не представлялось надобности публиковать это фантастическое quasi—«объясненіе». Въ томъ-же томѣ «Древностей», Библ., стр. 23—26, помѣщена замѣтка *Котляревскаго* объ изданіи г. Стасова, а также и статья г. *Иловайскаго* «Нѣсколько замѣчаній о времени и народности керченскихъ фресокъ», ib. стр. 34 — 40. О фрескахъ этой катакомбы высказался также и *Бурачковъ*, въ IX-мъ томѣ Записокъ Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн., стр. 107 и сл. Бурачковъ относитъ этотъ памятникъ къ IX или X вѣку и приводитъ эти фрески въ связь со стилемъ и сюжетомъ изображеній, сохранившимся на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго Собора. Во всемъ его разсужденіи такъ много произвольнаго и ни на чемъ не основаннаго, что было бы совершенно излишне входить въ разсмотрѣніе этихъ соображеній.

[1]) Мѣстонахожденіе этихъ катакомбъ было забыто; но въ моихъ раскопкахъ 1891 г. мнѣ удалось вновь найти ихъ. Теперь онѣ нанесены на планъ горы Митридата. См. Табл. А, литеры *d* и *e*.

[2]) Стр. 112—118.

Рис. 5.

Рис. 6.

двѣ мѣдныя монеты царей Риметалка и Евпатора (131—171 г. по Р. X.) [1]). Какъ видно на прилагаемыхъ рисункахъ, въ росписи этой катакомбы преобладаетъ архитектурный мотивъ; самостоятельныя композиціи помѣщены лишь въ верхней части боковыхъ стѣнъ (такъ называемая «семейная трапеза» — на правой стѣнѣ и бытовой сюжетъ—на лѣвой). Въ Отчетѣ за 1876 годъ Стефани издалъ роспись этой катакомбы съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ [2]). (Рис. 5 и 6).

Послѣдняя изданная катакомба съ фресками, восьмая по счету находокъ этого рода, была открыта въ 1877 году [3]). Какъ и въ катакомбѣ 1867 года, на стѣнѣ ея написано имя владѣльца, именовавшагося Антестерій, сынъ Гегесиппа [4]). Композиціи, украшавшія ея стѣны, имѣютъ характеръ бытовыхъ сценъ тогдашняго населенія Боспора. Наиболѣе интересные рисунки изданы были въ краскахъ на первой таблицѣ атласа къ Отчету за 1878—79 годы, съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ Стефани [5]).

Къ перечисленнымъ восьми катакомбамъ присоединяются въ настоящее время еще двѣ, роспись которыхъ будетъ въ дальнѣйшемъ предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

Кромѣ этихъ десяти памятниковъ, слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ, которые были найдены въ той же самой мѣстности и могутъ быть поставлены въ ближайшую связь съ ними.

[1]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1875 г., стр. XXV—XXVI.

[2]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1876 г., стр 218 222.

[3]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1877 г., стр. XIV—XV. Эту катакомбу мнѣ посчастливилось найти вновь лѣтомъ 1891 г. См. Табл. А. литера *f*. Она находится на усадьбѣ керченскаго мѣщанина Власія Ермакова, который сначала устроилъ въ ней себѣ погребъ. (Участокъ этотъ на планѣ Керченской Управы значится подъ № 414 а). Отъ фресокъ оставались лишь отдѣльныя пятна красокъ, пострадала и надпись въ правомъ своемъ концѣ. Но во время моего пребыванія въ Керчи лѣтомъ 1894 г., я узналъ, что Ермаковъ уничтожилъ свой погребъ, выломалъ каменный слой, служившій сводомъ катакомбѣ, и завалилъ ее землей и мусоромъ. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ исчезъ совершенно.

[4]) *Латышевъ*, Insc. Reg. Bosp., n. 123.

[5]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1878—79 гг., стр. 5—10.

Разумѣемъ двѣ гробницы, стѣны которыхъ, сложенныя изъ штучнаго камня, были украшены фресками. Первая изъ нихъ была открыта въ 1832 году въ раскопкахъ Карейши, «по близости отъ втораго скалистаго возвышенія горы Митридата», вторая—въ 1856 году, во время занятія Керчи союзными войсками, въ раскопкахъ Макъ-Ферсона, и находилась, повидимому, въ той-же мѣстности. Оба эти памятника были разрушены вскорѣ послѣ своего открытія, и камни ихъ стѣнъ были растасканы туземцами на свои нужды. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о первомъ является Дюбуа де-Монперэ [1]), о второмъ — Макъ-Ферсонъ въ своемъ трудѣ о керченскихъ древностяхъ [2]).

Гробница, открытая Карейшей въ 1832 году, представляла собою камеру съ такъ называемымъ египетскимъ сводомъ. Роспись произведена была по штукатуркѣ, покрывавшей стѣны и сводъ. Площадь стѣнъ снизу и до начала свода раздѣлена была на семь полосъ большей и меньшей высоты, которыя были затѣмъ раздѣлены на равные въ каждой полосѣ прямоугольники. Квадраты самой верхней полосы служили какъ-бы рамами для помѣщеннаго въ нихъ ряда группъ, изображающихъ сцены борьбы пигмеевъ съ журавлями. Выше этого ряда шли по нижней половинѣ свода двѣ полосы, уже не раздѣленныя на прямоугольники а декорированныя сплошь, нижняя — лиственными гирляндами, а верхняя — стилизованнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ. Верхнія угловыя пространства на передней и задней стѣнѣ, образованныя двумя верхними рядами сходящихся камней свода, были заполнены отдѣльными композиціями: на передней стѣнѣ — летящая крылатая фигура съ корзиной цвѣтовъ въ рукахъ, на задней — два обращенные головами другъ къ другу павлина, пьющіе воду изъ стоящаго между ними сосуда.

Гробница, открытая въ 1856 году, состояла изъ двухъ камеръ и къ ней велъ ходъ также облицованный штучнымъ камнемъ. Передняя камера, меньшая по размѣрамъ, имѣла 6 футовъ длины и 4 — ширины, задняя — 14 футовъ въ обоихъ направленіяхъ. Въ первой камерѣ на задней стѣнѣ, по обѣ стороны надъ входомъ въ дальнѣйшую, изображены были двѣ стоящія человѣческія фигуры съ львиными головами. Стѣны внутренней камеры были разрисованы въ квадраты. Вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ на высотѣ карниза шла полоса, орнаментированная птицами, гротесками и цвѣтами. На задней, противуположной входу стѣнѣ изображены были два всадника на коняхъ съ копьями въ рукахъ, а задній изъ нихъ, кромѣ того, съ колчаномъ. Эта группа воспроизведена у Макъ-Ферсона въ черномъ рисункѣ. Прибавимъ, что это тотъ самый сюжетъ, который встрѣчается на множествѣ могильныхъ стелъ въ рельефѣ.

Таковы памятники фресковой живописи, найденные на территоріи древней Пантикапеи [3]). Прежде чѣмъ приступить къ детальному разсмотрѣнію издаваемыхъ нынѣ фресокъ двухъ

---

[1]) *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase. T. V 1843. pp. 182—184, рисунокъ—IV-me Série, pl. 18, f. 2. *Ашикъ* (Боспорское Царство. II, § 43, стр. 51, рисунокъ pl. VII) представилъ лишь сокращеніе изложенія Дюбуа. Составитель введенія къ «Древностямъ Босфора Киммерійскаго» ограничился однимъ лишь упоминаніемъ объ этомъ памятникѣ, стр. XL, гдѣ отмѣтилъ, между прочимъ, въ примѣчаніи, что планъ и рисунокъ Карейши не достаточно точны, поправить же дѣло невозможно, въ виду того, что самый памятникъ разрушенъ.

[2]) *Mac Pherson*, The Antiquities of Kertsch. London. 1857, стр. 76.

[3]) Въ этой связи слѣдуетъ упомянуть о росписи склепа въ курганѣ «Большая Близница» на Таманскомъ полуостровѣ. Стѣны корридора въ гробницу, а также и самой усыпальницы, были росписаны въ верхней своей части изящ-

катакомбъ, мы должны коснуться общаго вопроса относительно хронологическихъ опредѣленій изданныхъ до сего времени памятниковъ этого вида искусства.

Одна изъ перечисленныхъ восьми катакомбъ, а именно: открытая въ 1875 г., можетъ быть точно датирована на основаніи свидѣтельства найденныхъ въ ней монетъ половины II вѣка по Р. Х.; по отношенію къ шести остальнымъ мы можемъ лишь сопоставить заключенія ихъ издателей. Катакомба, открытая въ 1872 г., пріурочена г. Стасовымъ, много потрудившимся надъ ея изданіемъ, къ III вѣку нашей эры [1]). Къ тому-же времени готовъ пріурочить Стефани двѣ катакомбы, открытыя въ 1873 г. [2]). Катакомбу, открытую въ 1877 г., тотъ-же авторитетный изслѣдователь пріурочиваетъ «къ I или II вѣку по Р. Х.» [3]). Съ этой послѣдней естественно сблизить и катакомбу, открытую въ 1867 году, такъ какъ владѣльцы обѣихъ, Антестерій и Алкимъ, называютъ своего отца однимъ и тѣмъ-же именемъ, Гегесиппъ. Хронологически сблизить эти двѣ катакомбы позволяетъ, что еще важнѣе, сродство въ характерѣ ихъ росписи, а именно: преобладаніе въ ней архитектурнаго мотива. Наконецъ, что касается катакомбы Ашика, то нельзя не видѣть, что въ самыхъ сюжетахъ ея росписи даны нѣкоторыя хронологическія указанія. Разумѣемъ изображенія гладіаторовъ разныхъ видовъ вооруженія. Какъ извѣстно, знакомство съ этимъ видомъ народнаго увеселенія распространилось на востокѣ только уже подъ вліяніемъ римскаго владычества и относится къ первымъ вѣкамъ нашей эры [4]). О томъ, чтобы гладіаторскіе бои проникали на Боспоръ, нѣтъ у насъ никакихъ свидѣтельствъ; но весьма естественно предположить, что, при живыхъ сношеніяхъ Боспора съ городами Малой Азіи [5]), этотъ римскій обычай могъ оттуда стать извѣстнымъ и боспорскому населенію. Гладіаторскіе бои въ Римѣ, по своему началу, стояли въ связи съ погребальнымъ обрядомъ и давались во время похоронъ. Среди памятниковъ римскаго искусства попадаются изображенія гладіаторскихъ боевъ, между прочимъ, и на стѣнахъ гробницъ [6]), подобно тому, какъ здѣсь они изображены въ погребальной пещерѣ. Такимъ образомъ, катакомбу Ашика мы въ правѣ пріурочить къ тому времени, когда римскіе нравы уже проникли на востокъ и утверждались тамъ, а принимая въ соображеніе отдаленность Боспора, датировать ее не раньше, какъ II вѣкомъ нашей эры.

нымъ цвѣточнымъ орнаментомъ, а на плитѣ, замыкавшей сводъ склепа, нарисовано было «поясное изображеніе en face женщины прекраснѣйшей и благороднѣйшихъ формъ, съ темными, каштановаго цвѣта волосами и карими глазами. Съ задней части ея головы ниспадаетъ красноватое покрывало. Въ лѣвое ухо продѣта желтая серьга, на шеѣ монисто изъ желтыхъ бусъ». Въ правой рукѣ она держитъ пучекъ цвѣтовъ и вся голова окружена цвѣтами. — См. виньетку заглавнаго листа Отчета Имп. Арх. Ком. за 1865 г. и описаніе на стр. 14 и слѣд. Образцы орнамента стѣнъ даны на стр. 14. Акад. Стефани пріурочиваетъ этотъ склепъ къ IV вѣку до Р. Х.

1) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1872 г., стр. 323. Г. Стасовъ выражается нѣсколько неопредѣленно: «періодъ времени между началомъ II и концомъ IV столѣтія по Р. Х.».

2) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1874 г., стр. 112.

3) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1878—79 гг., стр. 6.

4) *Friedländer*, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. 5 изд. II, стр. 552—584, гдѣ собраны свидѣтельства объ амфитеатрахъ въ восточныхъ провинціяхъ Имперіи.

5) Свидѣтельствуютъ объ этомъ многочисленныя надгробныя надписи гражданъ малоазіатскихъ городовъ, найденныя на территоріи Пантикапея.

6) На стѣнѣ одной изъ гробницъ Скавровъ въ Помпеяхъ, относящейся къ половинѣ I вѣка по Р. Х. (41—59 г.), изображены въ рельефѣ на мраморѣ бои гладіаторовъ между собою и съ дикими звѣрями. Рисунокъ см. у *Mazois*. Ruines de Pompei, I, pl. XXXII, а также: *Overbeck*, Pompei, 4 изд., стр. 420, гдѣ приведенъ тотъ-же рисунокъ въ маломъ масштабѣ.

Итакъ, всѣ доселѣ открытыя катакомбы съ фресками являются памятниками болѣе позднихъ вѣковъ культурной жизни на Боспорѣ, принадлежатъ временамъ царей съ династическимъ именемъ Тиберіевъ Юліевъ и зависимости ихъ царства отъ Рима.

Опредѣливъ эпоху, которой принадлежатъ наши катакомбы и сохранившіяся въ нихъ фрески, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность искать для этихъ послѣднихъ аналогій въ современныхъ имъ памятникахъ и затѣмъ, путемъ выясненія сродныхъ чертъ, если таковыя окажутся, подойти къ рѣшенію вопроса о томъ, какое именно культурное вліяніе вызвало на Боспорѣ существованіе этого вида античнаго искусства.

Въ первые вѣка нашей эры фресковая живопись была повсемѣстно распространена въ античномъ мірѣ. Сохранившіеся образцы ея принадлежатъ, за немногими исключеніями, Италіи. На стѣнахъ домовъ города Помпей сохранился и до нынѣ неисчерпаемый музей произведеній этого вида искусства. Нѣсколько образцовъ росписи стѣнъ уцѣлѣло и въ самомъ Римѣ. Такова роспись триклиніума въ такъ называемомъ домѣ Германика на Палатинѣ, а также и разнообразная роспись стѣнъ въ одномъ богатомъ домѣ, открытомъ въ половинѣ 80-хъ годовъ на правомъ берегу Тибра. Сюда относится, далѣе, нѣсколько надгробныхъ памятниковъ, сохранившихся въ окрестностяхъ Рима, и наконецъ, — стѣнная живопись въ римскихъ христіанскихъ катакомбахъ. Фресковая роспись стѣнъ не была туземнымъ произведеніемъ Рима или Италіи. Но какъ въ ту пору, когда она явилась и получила широкое примѣненіе въ этрусскихъ гробницахъ [1]), такъ и позднѣе, когда она повсемѣстно распространилась въ Италіи, она проникла на эту территорію, какъ одно изъ проявленій культурнаго воздѣйствія со стороны греческаго востока. Общепринятымъ въ наукѣ является въ настоящее время положеніе, что центромъ, изъ котораго распространялся обычай примѣнять фресковую живопись для декораціи стѣнъ, а также и самые способы и формы этого вида искусства, была столица Птолемеевъ, Александрія [2]). Въ Римѣ знали этотъ способъ украшенія жилища уже въ III вѣкѣ до Р. X., а древнѣйшіе, уцѣлѣвшіе и до сего времени образцы росписи стѣнъ, принадлежатъ II вѣку до Р. X. [3]). На Востокѣ создавались и вырабатывались разные стили въ области примѣненія этого вида искусства и уже въ готовомъ видѣ переходили на итальянскую почву [4]). Въ теченіе вѣковъ этотъ видъ искусства привился и сталъ туземнымъ въ Италіи,

[1]) *Jules Martha*, L'art étrusque. Paris, 1889, стр. 421 и слѣд.

[2]) *W. Helbig*, Untersuchungen über die campanische Wandmalerei. Leipzig. 1873. Cap. XV. Die Decorationsweise. стр. 122—139; *August Mau*, Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji. Berlin. 1882.—Гельбигъ резюмируетъ свое заключеніе въ такихъ словахъ: Somit spricht alle Wahrscheinlichkeit dafür, dass die durch die römische Weltherrschaft über den ganzen orbis antiquus verbreitete Decorationsweise von dem hellenisirten Aegypten, man darf wohl bestimmt sagen von Alexandreia ausging (стр. 137).

[3]) *Helbig*, o. c. p. 182.

[4]) Таковъ выводъ самаго авторитетнаго въ настоящее время знатока помпейскихъ росписей, Августа Мау, утвержденный имъ въ цитованномъ выше сочиненіи и повторенный недавно въ новѣйшей его работѣ въ такихъ словахъ: «Zwar haben sich ohne Zweifel diese vier Decorationsweisen durch allmähliche Uebergänge auseinander entwickelt, und die Spuren einer solchen Entwickelung sind für den aufmerksamen Beobachter erkennbar; aber diese Entwickelung fand nicht in Rom, nicht in Italien statt, sondern in den Hauptstädten des hellenistichen Ostens, namentlich wolh in Alexandrien. Nur in längeren Zwischenraumen, nachdem inzwischen grössere Fortschritte gemacht, ein neuer Stil entwickelt worden war, fanden die neuen Formen ihren Weg nach Westen. So kommt es, dass wir von der Geschichte der Wanddecorationen dieser Periode eine weniger vollständige, aber übersichtlichere und leichter zu handhabende Kenntniss besitzen, als es unter anderen Umständen der Fall sein konnte». *J. Lessing* und *A. Mau*. Wand-und Deckungsschmucke eines römischen Hauses aus der Zeit des Augustus. Berlin. 1891. стр. 6.

а большинство памятниковъ, сохранившихъ его до нашего времени въ Италіи, принадлежатъ тѣмъ вѣкамъ, что и наши керченскія катакомбы.

Воспоръ, находившійся искони въ сферѣ вліянія эллинской культуры [1]), могъ познакомиться съ этимъ видомъ искусства черезъ посредство Малой Азіи, съ городами которой онъ находился въ живыхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ [2]). Одновременность памятниковъ боспорскихъ и итальянскихъ позволяетъ намъ искать аналогій въ образцахъ данной вѣтви искусства между памятниками, уцѣлѣвшими на территоріяхъ, столь далеко разстоящихъ.

Позволимъ себѣ прежде всего указать на нѣкоторыя общія характерныя черты примѣненія фресковой росписи стѣнъ, которыя были констатированы путемъ детальнаго изученія образцовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сохранились въ наибольшемъ обиліи, т. е. въ Помпеяхъ, и указать аналогичныя явленія въ росписи керченскихъ катакомбъ.

Наиболѣе авторитетный изслѣдователь помпейской стѣнной живописи, нѣмецкій ученый, вся жизнь котораго принадлежитъ Риму, Августъ Мау, установилъ, какъ прочный научный фактъ, послѣдовательную смѣну въ декораціи помпейскихъ домовъ четырехъ стилей, которымъ онъ далъ такія наименованія: инкрустаціонный, архитектурный, орнаментальный и декоративный. Послѣдовательная смѣна ихъ, совершившаяся въ Помпеяхъ въ теченіе почти трехъ столѣтій, не была явленіемъ туземной жизни этого вида искусства. Какъ самое происхожденіе фресковой росписи стѣнъ, такъ и выработка этихъ стилей, принадлежатъ греческому генію, совершались на Востокѣ, въ культурныхъ центрахъ эллинизма и особенно въ главномъ изъ нихъ, Александріи.

По своему началу фресковая роспись стѣнъ была подражаніемъ роскошнаго обычая облицовки стѣнъ плитами цвѣтнаго мрамора. Въ связи съ этимъ въ древнѣйшемъ стилѣ по штукатуркѣ стѣны воспроизводятся ряды разноцвѣтныхъ прямоугольниковъ, идущихъ полосами и отдѣленныхъ другъ отъ друга пластически, т. е. углубленіемъ въ штукатуркѣ. Архитектурное чувство въ этой декораціи выражается, во первыхъ, въ томъ, что цоколь выдѣляется изъ остального поля стѣны, представляя собою одноцвѣтную полосу. Декорируемая площадь стѣны надъ цоколемъ дѣлится на двѣ части; нижняя, $^2/_3$ или $^3/_5$ вышины стѣны, украшенная подражаніемъ облицовкѣ плитами, заканчивается карнизомъ, который отдѣляется пластически и выдается внутрь. Самая верхняя часть стѣны представляетъ обыкновенно одноцвѣтное поле. Въ эту декорацію, которая является въ общемъ подражаніемъ наружной стѣнѣ зданія, приходитъ еще одинъ архитектурный мотивъ, а именно: колонны или пилястры, которые стоятъ на цоколѣ и возвышаются до потолка, или до карниза.

Дѣленіе стѣны на три части, какъ основа ея декораціи, остается живымъ и дѣйствующимъ моментомъ во всѣхъ дальнѣйшихъ стиляхъ, развившихся исторически на основѣ этого

---

[1]) Непосредственныя сношенія Боспора съ Аѳинами засвидѣтельствованы во множествѣ памятниковъ аттическаго искусства (вазы, золотыя издѣлія, рѣзные камни), найденныхъ въ такомъ изобиліи на почвѣ Пантикапея. Акад. Стефани въ своихъ изслѣдованіяхъ о памятникахъ искусства, найденныхъ въ Керчи, постоянно указывалъ на связь Боспора съ Аѳинами. См. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1864 г., стр. 144; за 1872 г., стр. 108; за 1873 г., стр. 37 и мн. др.

[2]) Помимо надписей, свидѣтельствуютъ о томъ также и памятники искусства. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать на прекрасное изслѣдованіе проф. *Шварца*: Къ исторіи древне-греческихъ рельефовъ на золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ южной Россіи. Москва. 1892. (Отдѣльный оттискъ изъ XV тома «Древностей», издаваемыхъ Имп. Моск. Арх. Обществомъ).

древнѣйшаго; что-же до пластическаго элемента въ ней, то онъ скоро исчезъ совершенно. Архитектурное чувство, опредѣленно сказывающееся въ этомъ способѣ разрисовки стѣны, повело за собою живое развитіе основнаго архитектурнаго мотива. Поверхъ колоннъ появились связанныя съ ними архитектурныя части, которыя и стали получать свои обычныя украшенія и вызвали также появленіе въ верхней части стѣны разныхъ новыхъ, по преимуществу также архитектурныхъ, орнаментовъ. Верхняя часть стѣны стала трактоваться, какъ просвѣтъ въ даль, и на болѣе свѣтломъ ея фонѣ начали изображать верхнія части зданій различнаго вида. Нижняя часть стѣны, между цоколемъ и карнизомъ, трактовалась, какъ глухая. На ней появились картины. Введеніе картины въ декорацію этого поля оживило дѣленіе его на прямоугольники, и ряды прямоугольниковъ уцѣлѣли лишь въ самой верхней части, непосредственно подъ карнизомъ. Оживленіе это отразилось также на колоннахъ и пилястрахъ этой части стѣны, которые стали трактоваться, какъ рама для картины, и постепенно терять свою архитектурную реальность.

Таковъ былъ второй помпейскій стиль, за которымъ Мау установилъ названіе архитектурнаго въ виду обилія и разнообразія архитектурныхъ мотивовъ въ системѣ декораціи [1]).

Преобладаніе орнамента надъ архитектурой и превращеніе архитектурныхъ мотивовъ въ декоративные, какъ напр. замѣна колоннъ канделябрами, чрезмѣрное утонченіе колонны и украшеніе ея листьями, а также и замѣна архитектурныхъ частей разнообразно орнаментированными полосами, характеризуютъ собою третій стиль, господствовавшій въ Помпеяхъ въ самомъ началѣ нашей эры.

Четвертый стиль имѣетъ своимъ основнымъ признакомъ возстановленіе архитектурныхъ мотивовъ декораціи, но не въ живой формѣ реальнаго значенія и отношенія архитектурныхъ частей, какъ во второмъ стилѣ, а лишь въ значеніи орнамента.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ выводы, установленные авторитетнымъ изслѣдователемъ помпейскихъ стѣнныхъ декорацій.

Обращаясь теперь къ образцамъ стѣнной росписи, сохранившимся на Боспорѣ, мы можемъ съ полной увѣренностью утвердить, что, какъ въ общемъ характерѣ ея, такъ и въ нѣкоторыхъ основныхъ мотивахъ, живо и наглядно сказывается общность источника ихъ происхожденія.

Такъ, прежде всего, принципъ дѣленія стѣны на три части выдержанъ въ росписи большей части катакомбъ, а выдѣленіе цоколя сохранилось даже и тамъ, гдѣ забыто уже различіе между верхней и нижней частями стѣны. Далѣе, основной и исконный мотивъ росписи—подражаніе облицовкѣ стѣнъ плитами мрамора, въ строгой выдержанности и полной опредѣленности, встрѣчается въ катакомбѣ 1867 г. (См. рис. 1). Поверхъ цоколя, идущаго въ видѣ темной полосы вдоль всѣхъ стѣнъ камеры, произведена раскраска стѣнъ въ видѣ дѣленія на прямоугольники, расположенные параллельными рядами. Эту часть декораціи заканчиваетъ карнизъ, разрисо-

---

[1]) Роспись въ домѣ Германика на Палатинѣ и въ томъ богатомъ домѣ на правомъ берегу Тибра, о которомъ было упомянуто выше, принадлежатъ къ этому второму стилю. *Mau*, Geschichte d. dec. W — M., стр. 167 и слѣд., атласъ, tab. IX; *Lessing und Mau*, W. u D—S., атласъ изъ 16 таблицъ.

ванный гирляндами и птичками, и лишь самыя верхнія части стѣнъ заняты свободными композиціями, одна — миѳологическаго характера (похищеніе Коры Плутономъ — на задней стѣнѣ), остальныя—чисто декоративныя. Итакъ, кромѣ тожественности основнаго мотива въ этой декораціи, съ первымъ помпейскимъ стилемъ роднитъ ее также и то, что декорируемая площадь стѣнъ дѣлится на три части. Съ основнымъ мотивомъ стѣнной росписи встрѣчаемся мы также и въ катакомбѣ 1877 года, а также и въ той, которая открыта въ 1891 году и будетъ предметомъ подробнаго разсмотрѣнія въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Въ катакомбѣ Ашика на цоколѣ поставлены колонны съ іоническими капителями, поднимающіяся до потолка. Вдоль всѣхъ стѣнъ идетъ поверху карнизъ, украшенный овами, въ который и упираются колонны. Дѣленіе стѣны на верхнюю и нижнюю часть выдержано повсюду, но оба эти поля заняты разнообразными композиціями, которыя идутъ, такимъ образомъ, на всѣхъ стѣнахъ въ два ряда. Лишь на одной стѣнѣ [1]) нижняя часть ея не имѣетъ картины и украшена въ простѣнкахъ колоннъ мотивами, заимствованными изъ архитектуры. Архитектурный моментъ сказывается также и въ декораціи катакомбы 1872 г. (См. рис. 3 и 4). Поверхъ цоколя, нижняя часть стѣны украшена архитектурнымъ образомъ, есть и колонны. Верхнее поле стѣнъ, предоставленное для самостоятельныхъ композицій имѣетъ свѣтлый фонъ. Площади эти отдѣлены отъ нижней части плафона цвѣтными полосами, которыя составляютъ какъ-бы раму для картинъ. Архитектурное чувство гораздо менѣе замѣтно въ декораціи катакомбъ 1873 года, но и тамъ выдѣленъ цоколь и стѣна раздѣлена на верхнее и нижнее поле. Въ катакомбѣ, открытой въ 1890 году, роспись которой издается нынѣ, дѣйствіе этого момента ограничивается выдѣленіемъ цоколя. Все остальное пространство трактуется, какъ безразличное для размѣщенія декорацій по прихоти художника. Здѣсь замѣчается, такимъ образомъ, паденіе вкуса и забвеніе старыхъ традицій росписи стѣнъ.

Указанныя черты позволяютъ, какъ намъ кажется, признать съ полной увѣренностью, въ боспорскихъ стѣнныхъ росписяхъ непрерывную традицію работъ греческихъ художниковъ, создавшихъ этотъ видъ искусства.

Въ уцѣлѣвшихъ до насъ образцахъ онъ является на Боспорѣ уже туземнымъ, и образцы эти исполнены, несомнѣнно, туземными мастерами. Здѣсь предъ нами результатъ продолжительнаго развитія. Въ виду малочисленности памятниковъ, тщетно было-бы пытаться опредѣлить, хотя приблизительно, эпоху проникновенія этого вида искусства въ эти предѣлы, но во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что это произошло за долго до нашей эры и время его существованія на Боспорѣ до той поры, которой принадлежатъ наши памятники надо считать вѣками.

Детальное разсмотрѣніе орнаментовъ и композицій, входящихъ въ декораціи керченскихъ катакомбъ, которое будетъ предложено въ дальнѣйшемъ, позволитъ установить намъ внѣ всякаго сомнѣнія классическій характеръ того запаса декораціонныхъ мотивовъ, изъ котораго черпали свой матерьялъ боспорскіе мастера. Намъ придется, правда, отмѣтить одинъ элементъ орнаментаціи, встрѣчающійся въ большинствѣ катакомбъ, который, быть можетъ, имѣлъ другое происхожденіе. Разумѣемъ сплошную декорацію стѣнъ и площадей, занятыхъ само-

[1]) O. c., p., X

стоятельными композиціями, оригинальнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ. Но привхожденіе чужаго и новаго элемента нисколько не ослабляетъ силы общаго положенія о принадлежности нашихъ памятниковъ къ широкой области классическаго искусства. Ему принадлежатъ они, хотя и занимаютъ въ его исторіи одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

Въ заключеніе этого разсмотрѣнія позволимъ себѣ указать на нѣкоторые боспорскіе памятники еще болѣе поздняго времени, въ которыхъ старый обычай росписи стѣнъ является не только въ огрубѣвшей, но и одичавшей формѣ. Таковы тѣ нѣсколько катакомбъ, въ которыхъ непосредственно на глинѣ стѣнъ нарисованы красной и черной красками грубыя фигуры и сцены, остающіяся загадочными вслѣдствіе грубости своего исполненія, или выведенъ незамысловатый линейный орнаментъ вокругъ нишъ, устраивавшихся въ стѣнахъ пещеръ. Памятники эти не изданы, хотя, быть можетъ, и заслуживаютъ изданія, какъ свидѣтельства объ исторіи живописи на Боспорѣ. Объ одной катакомбѣ съ орнаментаціей такого вида сообщено въ Отчетѣ Имп. Археологической Коммиссіи за 1873 годъ [1]). Двѣ другія привелось посѣтить намъ самимъ во время раскопокъ 1890 года [2]). Въ одной изъ нихъ грубо изображена, повидимому, сцена охоты, двѣ фигуры сражающихся воиновъ, подъ ними — скачущій всадникъ, ноги лошади котораго не дорисованы до копытъ, и надъ воинами надпись въ двѣ строки изъ знаковъ, представляющихъ лишь подобіе буквъ. Въ другой, расположенной рядомъ, вокругъ лежанки исполненъ простой линейный орнаментъ, а подъ нишей два креста въ кругѣ. Въ раскопкахъ 1894 года намъ привелось найти еще одну катакомбу съ такимъ-же характеромъ орнаментаціи. Центральная лежанка и ниша направо отъ нея были украшены по краямъ линейнымъ орнаментомъ, исполненнымъ красной краской на глинѣ стѣны, а съ лѣвой стороны лежанки нарисованъ былъ такимъ-же способомъ трехмачтовый корабль.

Въ этихъ варварскихъ и совершенно уже огрубѣлыхъ попыткахъ украшать стѣны погребальныхъ пещеръ росписью позднѣйшее населеніе Боспора продолжало старую традицію, которая дана намъ въ катакомбахъ съ фресками I, II и III вѣковъ нашей эры. Признать въ нихъ памятники болѣе поздняго времени, чѣмъ эти катакомбы, и относить ихъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ жизни Боспора позволяетъ наша находка 1890 года, христіанская катакомба съ точной датой: 491 годъ нашей эры [3]). На стѣнахъ ея точно также непосредственно на глинѣ многократно исполненъ красной краской единственный ея орнаментъ, символъ христіанства, крестъ.

[1]) р. XI. «Слѣдуетъ упомянуть о катакомбѣ, открытой противъ вѣтряной мельницы на глубинѣ 6 аршинъ отъ поверхности насыпи, и состоящей изъ одной комнаты съ лежанкой; на задней стѣнѣ оказались писанныя на глинѣ черною и красною красками прямолинейныя украшенія вокругъ нишъ, изображенія птицъ. женщинъ въ рубахѣ, человѣческой головы и двухъ загадочныхъ фигуръ. Эта живопись, судя по неразвитости ея стиля, явно варварскаго происхожденія...»

[2]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1890 годъ, стр. 28 -29.

[3]) Матеріалы, изд. Имп. Арх. Ком., № 6.

II.

Катакомба Сорака.

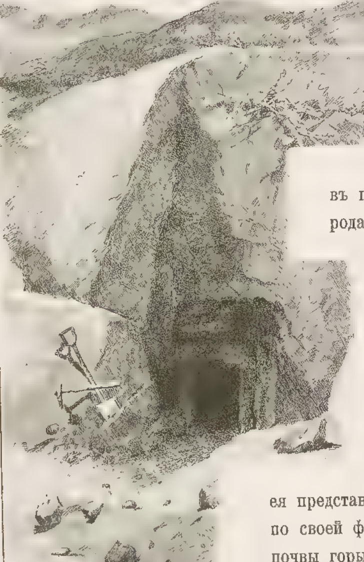

Рис. 7.

План и наружное описание катакомбы.—Общій характеръ ея росписи.—Элементы общей декораціи фона и ихъ трактовка.—Самостоятельные сюжеты, введенные въ декорацію стѣнъ катакомбы.

Катакомба, открытая въ 1890 году, которую мы будемъ называть въ нашемъ описаніи именемъ ея древняго владѣльца, Сорака, расположена на сѣверо-западномъ склонѣ горы Митридата выше Татарской слободки, почти по прямой линіи къ югу отъ мечети (Табл. А, литера *a*). Въ своемъ планѣ она представляетъ, въ противоположность большинству сооруженій этого рода, довольно неправильную фигуру. Внутреннее ея пространство въ самомъ широкомъ мѣстѣ, съ востока на западъ, имѣетъ протяженіе около 3 саженъ; длина линіи разрѣза съ сѣвера на югъ—около 5 аршинъ. Выдолбленныя въ толщѣ глины стѣны, ограничивающія это пространство, имѣютъ прямое направленіе лишь съ сѣверной и восточной стороны, двѣ другія стороны представляютъ неправильно-изогнутыя кривыя плоскости. Высота пещеры отъ 2 аршинъ и до $3^1/_2$; потолокъ ея представляетъ собою неправильный сводъ, приближающійся по своей формѣ къ коробовому. Такъ какъ тотъ каменный слой почвы горы Митридата, подъ которымъ выдалбливались катакомбы, имѣетъ весьма небольшую толщину и малую плотность, то, при относительно большихъ размѣрахъ камеры, необходимо было поддержать сводъ. Въ серединѣ по обѣ стороны отъ

входа сложены изъ штучнаго камня два столба (Табл. I, литеры C и D на планѣ), представляющіе въ разрѣзѣ не совсѣмъ правильный четырехугольникъ (около 1 квадр. аршина—правый отъ входа столбъ, и около 1½—лѣвый). Промежутокъ между лѣвымъ столбомъ и входной стѣной заложенъ камнемъ. Въ этой стѣнѣ, имѣющей около 4 вершковъ толщины, на высотѣ около 2 аршинъ отъ пола пробито небольшое окно (Табл. I, к—на разрѣзѣ). Вдоль южной и западной стѣнъ устроены лежанки около 1 аршина въ ширину; вторая изъ этихъ лежанокъ имѣетъ два яруса.

Лѣвый отъ входа уголъ пещеры, отдѣленный отъ остального ея пространства столбомъ и примыкающей къ нему стѣной, представляетъ какъ-бы особую комнату, которая много ниже, чѣмъ середина катакомбы, такъ какъ полъ въ этомъ углу приходится на 12 вершковъ выше, чѣмъ въ остальномъ пространствѣ.

Въ стѣнахъ катакомбы, въ двухъ мѣстахъ, и въ лѣвомъ отъ входа столбѣ углублены небольшія ниши (Табл. I, i, l, n на планѣ). Входъ и галлерея (литеры B и A на планѣ) обложены тесаными плитами.

Рис. 8 (нат. вел.).

Всѣ стѣны и потолокъ покрыты были штукатуркой, по которой произведена роспись. На потолкѣ штукатурка почти повсемѣстно обвалилась, или, быть можетъ, была отковырена посѣщавшими катакомбу въ разное время грабителями, такъ что здѣсь роспись уцѣлѣла лишь въ немногихъ мѣстахъ. Сильно пострадала также штукатурка на южной и западной стѣнахъ пещеры, гдѣ отъ росписи уцѣлѣла только широкая красная полоса цоколя. Вполнѣ сохранилась роспись на обоихъ столбахъ и на восточной стѣнѣ. На правомъ отъ входа столбѣ исполнена краской 12-ти строчная надпись въ нарисованной вокругъ нея рамѣ (Табл. VII).

При очисткѣ катакомбы отъ плотно слежавшагося въ ней мусора была найдена только терракоттовая маска, изображающая, по всей вѣроятности, Деметру (см. рис. 8). При вторичномъ вскрытіи катакомбы въ 1892 году найденъ былъ въ землѣ, заполнявшей ходъ въ нее, серебряный наконечникъ пояса, украшенный блѣдно-зеленымъ камнемъ яйцевидной формы (рисунокъ 9). Закрѣпленъ камень золотымъ ободкомъ, плотно охватывающимъ его въ основаніи. По своему стилю этотъ предметъ можетъ быть отнесенъ къ той категоріи памятниковъ античнаго искусства, для которыхъ въ настоящее время устанавливается названіе *готскихъ*. Спеціалистъ минералогъ, осматривавшій камень по нашей просьбѣ, призналъ въ немъ *хризопразъ*.

Рис. 9 (нат. вел.).

Переходимъ къ описанію и анализу росписи въ катакомбѣ Сорака. Общій характеръ этой росписи и введенныхъ въ нее декоративныхъ мотивовъ сближаютъ нашу катакомбу съ извѣстными уже памятниками этого рода, но въ разрисовкѣ стѣнъ замѣтно отсутствіе архитектурнаго чувства. Только самая нижняя часть декорированныхъ площадей выдѣлена изъ общей раскраски своеобразной орнаментаціей: она выкрашена въ темно-красный цвѣтъ. Эта широкая, болѣе темная, чѣмъ остальное декорированное пространство, полоса имѣетъ значеніе цоколя. Все верхнее поле стѣнъ, а также и потолокъ окрашены въ свѣтлый тонъ, бывшій, вѣроятно, нѣкогда бѣлымъ, а нынѣ являющійся сѣроватымъ. На этомъ фонѣ произведена, безъ всякаго архитектурнаго дѣленія частей, разрисовка цвѣточнымъ орнаментомъ, который извѣстенъ уже по катакомбамъ 1872, 1873 и 1875 годовъ [1]). Если только можно довѣрять точности публикованныхъ рисунковъ, то въ катакомбѣ, изданной г. Стасовымъ, и названныхъ выше двухъ другихъ, цвѣтки розы воспроизведены схематично и идутъ они равными горизонтальными полосами вдоль стѣнъ. Въ катакомбѣ Сорака орнаментъ этотъ трактованъ съ большой свободой. Цвѣтки розы, то въ видѣ кружка, нѣсколько сплюснутаго въ верхней своей части и съ углубленіемъ по срединѣ, то въ видѣ только что начинающаго распускаться бутона, изображены повсюду съ поддерживающими ихъ стебельками и съ листьями. Стебельки и листья нарисованы зеленой краской.

Хотя роспись въ катакомбѣ Сорака произведена съ очевидной поспѣшностью и очень далека отъ тонкости и изящества рисунка, но декораторъ сумѣлъ проявить въ трактовкѣ этого орнамента эстетическое чутье тѣмъ, что далъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этому сплошному орнаменту

[1]) См. Отчеты Имп. Арх. Ком.: за 1872 годъ, табл. V—XIV и XVI; за 1874 г., стр. 114, 115, 117; за 1876 г. стр. 219 и220.

болѣе самостоятельное значеніе. Такъ, на лѣвой отъ входа стѣнѣ подъ окномъ, окруженнымъ съ трехъ сторонъ орнаментомъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, онъ нарисовалъ большую вѣтку съ тремя бутонами розы (Табл. III), на боковой стѣнѣ лѣваго столба по бокамъ ниши— по три бутона на вѣткахъ и въ верхней части этой площади — три широко раздвинутые бутона на вѣткѣ (Табл. IV, *g*), на двухъ стѣнахъ праваго столба въ серединѣ декорированной площади—по три розы, тѣсно связанныя въ букетъ и раздѣленныя зелеными листьями (Табл. IV, *c* и V, *d*).

Если та грубая схема цвѣтка, какая дана на стѣнахъ катакомбы, открытой въ 1872 г., могла быть лишь по догадкѣ изъяснена, какъ цвѣтокъ розы [1]), то въ нашей катакомбѣ букеты и бутоны, чередующіеся съ болѣе схематическими изображеніями этого цвѣтка, не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ правильности такого именно изъясненія этого орнамента. Самое присутствіе розы въ запасѣ декоративныхъ мотивовъ росписи катакомбъ послужило для г. Стасова однимъ изъ основаній настаивать на восточномъ вліяніи и даже восточномъ характерѣ всей декораціи. Г. Стасовъ указываетъ на то, что роза не была въ запасѣ мотивовъ греческаго искусства цвѣтущей поры и сравнительно поздно стала вообще извѣстна грекамъ, тогда какъ на Востокѣ ее знали искони, и она была тамъ издавна однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ искусства.

Нисколько не оспаривая утвержденія г. Стасова о восточномъ происхожденіи розы, замѣтимъ однако, что уже отъ V вѣка до Р. X. есть у насъ прямыя свидѣтельства о всеобщемъ распространеніи этого цвѣтка у грековъ [2]). Черезъ греческія колоніи южной Италіи познакомились съ розой римляне, у которыхъ она и стала любимымъ цвѣткомъ.

Популярность розы въ римской поэзіи, начиная еще съ Плавта, слишкомъ извѣстна, чтобы надобно было доказывать ее приведеніемъ цитатъ [3]). Съ развитіемъ роскоши въ Римѣ культура розы стала однимъ изъ выгодныхъ промысловъ въ ближайшихъ отъ города мѣстностяхъ [4]). Обычное употребленіе розы на пирахъ вызывало иногда баснословные расходы, о которыхъ сохранили свидѣтельство историческіе писатели [5]). Въ первые вѣка нашей эры роза вмѣстѣ съ другимъ любимымъ у римлянъ цвѣткомъ, фіалкой, нашла примѣненіе и въ культѣ мертвыхъ: явились особые весенніе поминальные дни, называвшіеся Rosalia и Violaria. Поминаніе усопшихъ въ дни этихъ праздниковъ было соединено съ украшеніемъ гробницъ этими цвѣтами [6]).

На памятникахъ античнаго искусства воспроизведеніе цвѣтка розы встрѣчается въ пом-

---

[1]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1872 годъ, стр. 262. Стефани, въ своемъ объяснительномъ текстѣ къ рисункамъ катакомбъ, найденныхъ въ 1873 году, описалъ этотъ орнаментъ въ слѣдующихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Прежде всего замѣчательно, что на всѣхъ стѣнахъ обѣихъ вновь открытыхъ усыпальницъ, точно также какъ и въ катакомбѣ, открытой въ 1872 году, по свѣтлому полю разбросаны неоднократно повторяющіеся сердцеобразные орнаменты, на половину темнобураго, на половину свѣтлобураго цвѣта, изъ которыхъ большею частью выходятъ два маленькихъ зеленыхъ листка». Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1874 годъ, стр. 112.

[2]) *Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere. 4 изд., Berlin. 1883. стр. 203.

[3]) Кромѣ *Hehn*'а, l. c., см. также *Ioret*, La rose dans l'antiquité et au moyen âge. Paris. 1892. стр. 88 и слѣд

[4]) *Varro*, Rer. Rust. I, 16, 3. Itaque sub urbe colere hortos late expedit, sic violaria ac rosaria.

[5]) *Suet.*, Nero, c. 27.

[6]) *Marquardt*, Rómische Staatsverwaltung, III (1878), стр. 299.

пейской фресковой живописи. Для примѣра достаточно будетъ указать на извѣстное изображенiе амуровъ, которые заняты плетенiемъ гирляндъ изъ цвѣтовъ [1]).

Въ болѣе позднее время роза является однимъ изъ обычныхъ элементовъ росписи. Разумѣемъ христiанскiя катакомбы въ Римѣ, въ которыхъ роза, какъ въ видѣ отдѣльнаго цвѣтка, такъ и букета, есть очень распространенный орнаментъ, особенно въ декорацiи плафоновъ [2]).

Такимъ образомъ, присутствiе цвѣтка розы въ занимающей насъ росписи боспорскаго погребальнаго сооруженiя имѣетъ полную себѣ аналогiю въ памятникахъ классическаго искусства, а тѣмъ самымъ, роза, въ качествѣ орнамента, никоимъ образомъ не есть прямое свидѣтельство о восточномъ характерѣ декорацiй керченскихъ катакомбъ, какъ то утверждалъ почтенный издатель катакомбы 1872 года. Но г. Стасовъ безспорно правъ въ своемъ утвержденiи, что самый способъ сплошной раскраски декорированныхъ площадей орнаментомъ есть «черта чисто азiатскаго искусства». «Какъ древнiй, такъ и новый Востокъ, говоритъ онъ, никогда не выноситъ фоновъ, ничѣмъ не наполненныхъ, и вавилонскiе, финикiйскiе, ассирiйскiе ковры, сосуды, металлическая утварь, одежды, оружiе, покрыты орнаментами на своихъ фонахъ, вокругъ главныхъ фигуръ рисунка, точно также, какъ и до сихъ поръ персидскiе, арабскiе или турецкiе ковры, страницы рукописей, мебели и посуда» [3]).

Нельзя не признать справедливымъ замѣчанiе о томъ, что способъ сплошной орнаментацiи, съ которой мы встрѣчаемся и въ нашей катакомбѣ, является свидѣтельствомъ о влiянiи Востока на тогдашнее населенiе Боспора; но въ данномъ случаѣ это влiянiе засвидѣтельствовано намъ лишь по отношенiю къ эстетическому вкусу тогдашнихъ людей, которое и выразилось въ своеобразной трактовкѣ мотивовъ классическаго искусства, въ сферу котораго искони вошелъ Боспоръ и затѣмъ оставался во всѣ вѣка своей культурной жизни.

Мы не можемъ поэтому признать правильнымъ тотъ путь, на который вступилъ г. Стасовъ въ объясненiи фресокъ катакомбы 1872 года. Исходя изъ приведеннаго выше тезиса, онъ полагалъ, что «для объясненiя фигуръ, находящихся на фонѣ нашихъ фресокъ (разумѣются цвѣтки розы), необходимо обратиться къ Востоку». Признавъ затѣмъ въ розѣ восточный орнаментъ, г. Стасовъ въ дальнѣйшемъ изложенiи старался утвердить восточный характеръ по отношенiю ко всѣмъ элементамъ декорацiи изслѣдованной имъ катакомбы; онъ усмотрѣлъ «преданiя иранскаго искусства» даже въ изображенiяхъ эротовъ [4]). Мы съ своей стороны находимся въ принципiальномъ разногласiи съ г. Стасовымъ и полагаемъ, что какъ въ катакомбѣ, открытой въ 1872 году, которую онъ изслѣдовалъ, такъ и въ катакомбѣ Сорака, всѣ декоративные мотивы и самые элементы орнаментацiи принадлежатъ классическому грекоримскому искусству.

Какъ невозможно признать влiянiе Востока въ томъ, что цвѣтокъ розы является излюбленнымъ орнаментомъ на стѣнахъ керченскихъ катакомбъ, такъ еще менѣе возможно сомнѣнiе на счетъ другаго орнамента, введеннаго въ сплошную декорацiю стѣнъ, а именно: схематиче-

1) *Helbig*, Waudgemälde etc. nn. 799, 800 (стр. 158).
2) *Rossi*, Roma Sotterranea, II, tav. 10; III, tav. 1—2, 13, 14.
3) *Стасовъ*, о. l. стр. 260—261.
4) Ib., стр. 318.

скаго изображенія цвѣточной повязки. Орнаментъ этотъ въ той формѣ, какая ему дана въ росписи катакомбы Сорака, встрѣтился впервые въ катакомбѣ, открытой въ 1872 году, и былъ предметомъ обстоятельнаго разсмотрѣнія со стороны ея издателя [1]). Догадка г. Стасова, что «въ кольчатой длинной фигурѣ», какъ онъ описываетъ этотъ орнаментъ, слѣдуетъ видѣть повязку, была подтверждена академикомъ Стефани, который пополнилъ ее указаніемъ на памятники классическаго искусства съ изображеніями цвѣточныхъ гирляндъ или повязокъ.

Какъ въ катакомбѣ 1872 года, такъ и здѣсь, изображеніе повязокъ дано въ видѣ продолговатыхъ кольчатыхъ фигуръ. Нижній и верхній края ихъ обозначены извивающимися линіями, между которыми проведенъ рядъ поперечныхъ полосокъ, причемъ чередуются прямыя линіи и зигзаги. Съ обѣихъ сторонъ этихъ фигуръ нарисованы выходящіе изъ нихъ зеленые листочки. Отъ обоихъ концовъ идетъ по нѣскольку ленточекъ, которыя въ большинствѣ изображеній представлены свободно извивающимися, съ полнымъ забвеніемъ со стороны декоратора назначенія, какое могло быть имъ дано — прикрѣпить къ чему-нибудь гирлянду. Орнаментъ этотъ трактованъ въ катакомбѣ Сорака очень свободно, какъ простой декоративный мотивъ [2]). Во многихъ мѣстахъ онъ изображенъ безъ всякой заботы декоратора на счетъ естественности этого помѣщенія. Такъ, въ верхнихъ частяхъ раскрашенныхъ площадей стѣнъ и на потолкѣ повязки изображены свободно лежащими, и заканчивающія ихъ ленточки разбросаны въ обѣ стороны отъ ихъ концовъ (Табл. III, IV и V, *d*). Въ двухъ мѣстахъ онѣ сгруппированы: три повязки протянуты по верхней и двумъ боковымъ сторонамъ оконца и даютъ ему собою какъ-бы раму (Табл. III); четыре повязки, гармонично размѣщенныя на боковой стѣнѣ лѣваго столба, изображаютъ декоративную фигуру (Таб. IV, *g*); наконецъ, также въ двухъ мѣстахъ ихъ расположеніе мотивировано вполнѣ реально: на той площади праваго столба, гдѣ нарисована надпись, повязку держатъ за оба конца два амура (Табл. VI, *b*), а въ верхней части лѣвой отъ входа стѣны—двѣ птички своими клювами (Табл. III).

Греко-римскій характеръ разсматриваемаго орнамента стоитъ внѣ всякой возможности сомнѣнія. Въ описаніи катакомбы, открытой въ 1891 году, намъ придется сказать объ этомъ полнѣе; въ данной связи укажемъ лишь на то, что птички, изображенныя здѣсь вмѣстѣ съ этимъ орнаментомъ, суть также декоративный мотивъ, имѣвшій самое широкое распространеніе въ росписи стѣнъ.

Въ помпейской фресковой живописи птички являются однимъ изъ самыхъ обычныхъ сюжетовъ для заполненія небольшихъ угловыхъ пространствъ среди орнаментовъ, каковы стилизованныя растенія и столь любимые въ Помпеяхъ канделабры; птички занимаютъ также центральныя пространства раскрашенныхъ въ одинъ цвѣтъ квадратовъ или прямоугольниковъ, онѣ-же держатъ очень часто своими клювами концы гирляндъ, протянутыхъ между двумя тонкими колоннами или канделябрами, т. е. исполняютъ тоже назначеніе, какъ и въ нашей катакомбѣ [3]). Въ этомъ значеніи простаго орнамента птички перешли въ сферу христіанскаго

---

[1]) Ib., стр. 313—318.

[2]) Объ употребленіи его въ декораціи погребальнаго сооруженія будетъ сказано въ описаніи катакомбы 1891 года.

[3]) См. въ атласѣ къ сочиненію *Mau*, Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji. Berlin. 1882. Taf. XII, XIII, XVIII, XX.

искусства. На плафонахъ катакомбъ [1]), въ угловыхъ пространствахъ абсидъ аркосоліевъ [2]), на рельефахъ саркофаговъ [3]), на предметахъ мелкаго искусства [4]), на надписяхъ надгробныхъ плитъ [5]), на миніатюрахъ рукописей [6])—повсюду птички имѣютъ самое широкое примѣненіе въ видѣ простаго и обычнаго орнамента. Часто изображены онѣ держащими въ своихъ клювахъ гирлянду, или повязку [7]). Если въ фресковой живописи помпейскихъ домовъ птичка когда она изображается стоящей, имѣетъ непремѣнно подъ собою опору, то въ памятникахъ христіанскаго искусства совершенно также, какъ и въ нашей катакомбѣ, художника обыкновенно не заботитъ вопросъ о реальной правдѣ изображенія, и часто птичка стоитъ въ воздухѣ. Такимъ образомъ, и эта подробность нашей росписи имѣетъ свою аналогію въ памятникахъ классическаго искусства позднѣйшихъ временъ.

Повязки и птицы входятъ въ общую раскраску стѣнъ цвѣтками розы, какъ составная часть ея пестраго фона. Въ нее введенъ еще одинъ орнаментъ, который выдѣляется изъ общаго фона и пріобрѣтаетъ бо̀льшую самостоятельность уже самыми своими размѣрами. Онъ изображенъ на двухъ стѣнахъ праваго столба (Табл. IV, *c* и V, *d*) и также на стѣнахъ входа по обѣимъ сторонамъ и надъ входомъ снаружи. Съ перваго взгляда очевидно, что онъ отвлеченъ отъ растительнаго міра. Декораторъ изобразилъ двѣ скрещивающіяся вѣтви, связанныя по срединѣ лентой, которая поднята къ верху и какъ-бы укрѣплена на двухъ гвоздяхъ въ образовавшемся отъ скрещенія верхнемъ треугольникѣ. Оба конца ленты свободными и широкими, какъ-бы развѣвающимися, изгибами оплетаютъ нижніе концы вѣтвей. Догадка на счетъ дерева, какое имѣлъ въ виду декораторъ, изображая эти вѣтви, нѣсколько затруднена разнообразіемъ красокъ. Одну вѣтку рисовалъ онъ черной и зеленой краской, другую—красной и желтой. Вѣтви изображены безъ листьевъ, но съ треугольными выступами, непрерывно и симметрично расположенными по обѣимъ ихъ сторонамъ, причемъ симметрія въ ихъ расположеніи выдержана также и между верхней и нижней частью рисунка. Такая трактовка зелени заставляетъ предположить, что въ этомъ орнаментѣ воспроизведены вѣтви хвойнаго дерева. Помѣщеніе-же его по обѣимъ стѣнамъ входа и надъ нимъ, на входной стѣнѣ снаружи нашей катакомбы, можетъ повести насъ дальше въ изъясненіи этого декоративнаго мотива. Извѣстенъ обычай, засвидѣтельствованный въ литературныхъ памятникахъ, какъ общій Грекамъ и Римлянамъ, выставлять надъ дверью дома, въ которомъ былъ покойникъ, вѣтвь кипариса, дерева мертвыхъ [8]). Этотъ именно обычай увѣковѣченъ здѣсь въ декоративномъ мотивѣ.

---

[1]) *Garrucci*, Storia dell'arte Cristiana, II, tav. 1—28; *Rossi*, Roma Sotterranea; I, tav. 14, 15, 16; II, tav. 11, 18, 20, 24, 25, 27.

[2]) *Garrucci*, II, tav. 64, 1.

[3]) Ib. V, tav. 299, 1; 325, 2; 347, 4; 389, 2; 390, 3.

[4]) Ib. VI, tav. 406 (ножъ IV вѣка съ надписью Eusebiorum dignitas).

[5]) *Rossi*, Roma Sotterranea, II, tav. XLV—XLVI, n. 3.

[6]) *Garrucci*, o. c. III, tav. CXL, 2 (Сирійскій кодексъ VI вѣка).

[7]) См. названный выше рельефъ на саркофагѣ—*Garrucci*, tav. 299, 1 и указанную въ 6 прим. надпись.

[8]) *Plin.*, Nat hist. XVI, 139: Cupressus... Diti sacra et ideo funebri signo ad domos posita. -*Serv.*, ad Aen. III, 680. Ergo cupressi quasi infernae... quia apud Atticos funestae domus huius fronde velantur; VI, 507. Romani moris fuit... ut potissimum cupressus... in vestibulo mortui poneretur. Было-бы излишне приводить здѣсь многочисленныя свидѣтельства изъ древнихъ поэтовъ о погребальномъ характерѣ кипариса. Ср. *Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere, 4 изд. Berlin. 1883, стр. 232 и сл.

Предлагая съ полной увѣренностью такое изъясненіе этого орнамента, замѣтимъ однако, что намъ не удалось найти аналогію ему въ опубликованныхъ памятникахъ античнаго искусства.

Остается еще упомянуть о той разноцвѣтной полосѣ, которая нарисована вдоль двухъ стѣнъ праваго столба на срединѣ его высоты (Табл. IV, *c* и V, *d*) и дѣлитъ площадь этихъ стѣнъ пополамъ. Полоса эта сверху и снизу обведена чернымъ контуромъ; по срединѣ ея исполнена бѣлой краской ломанная линія, представляющая въ своемъ цѣломъ простѣйшій видъ того орнамента, за которымъ установлено въ греческомъ искусствѣ названіе мэандра [1]); а промежуточное пространство зарисовано въ одномъ случаѣ (Табл. IV, *c*) зеленой краской сверху и красной снизу, а въ другомъ (Табл. V, *d*) — желтой и зеленой сверху и красной снизу. Таковы элементы декораціи, которые составляютъ общій фонъ росписи въ катакомбѣ Сорака.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію тѣхъ сюжетовъ, которые выдѣляются изъ общаго фона въ значеніи самостоятельныхъ композицій. Сюда относятся прежде всего миѳологическіе образы, которыми декорированы въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны и плафонъ катакомбы. Такъ, на правомъ отъ входа столбѣ на стѣнѣ съ надписью помѣщены, ниже этой послѣдней, два генія или эрота (Табл. VI, *b*). Фигуры эти свободно рѣютъ въ воздухѣ съ широко раскрытыми крылышками и, въ симметричномъ наклоненіи другъ къ другу, поддерживаютъ руками висящую между ними гирлянду.

Образъ эрота, въ значеніи декоративнаго мотива, имѣетъ исконную давность въ классическомъ искусствѣ, удерживался въ немъ непрерывно въ теченіе долгихъ вѣковъ и перешелъ, въ значеніи обычнаго шаблона, въ христіанское искусство. Извѣстно, какъ широко распространенъ этотъ образъ въ живописи вазъ, въ произведеніяхъ мелкаго искусства всѣхъ эпохъ его развитія, во фресковой росписи стѣнъ помпейскихъ домовъ и, наконецъ, въ христіанскихъ катакомбахъ и на саркофагахъ [2]). На рельефахъ этихъ послѣднихъ можно указать мотивъ, объясняющій помѣщеніе эротовъ на стѣнѣ нашей катакомбы въ этомъ именно мѣстѣ. Въ верхнемъ полѣ рельефа на саркофагахъ обыкновенно высѣчена рама для помѣщенія въ ней надписи, а по обѣ стороны ея изображены два генія, которые какъ-бы поддерживаютъ эту раму. Образы геніевъ, или эротовъ, являются здѣсь очень часто рядомъ съ иконографическими сюжетами ветхаго и новаго завѣта [3]). Очевидно, эроты уже совершенно утратили здѣсь свое исконное миѳологическое значеніе и перешли въ христіанское искусство изъ языческаго въ качествѣ обычнаго орнамента для декораціи рамы. Въ нашей катакомбѣ рама съ надписью занимаетъ всю ширину стѣны, и декораторъ нарисовалъ эротовъ внизу подъ рамою, осмысливъ ихъ позы мотивомъ держанія гирлянды.

На узкой стѣнѣ того-же столба, противоположной входу, нарисованъ среди цвѣточной декораціи миѳологическій образъ, который, къ сожалѣнію, не вполнѣ уцѣлѣлъ (Табл. V, *e*).

---

[1]) Образцы этого вида мэандра см. *Lau.*, Die griechischen Vasen, Taf. 12, 3 и 4; 21, въ первой строкѣ; 42, 1—на ручкѣ кратера.

[2]) Амуры на плафонахъ см. *Garrucci*, o. c. II, 1 tav. 1–28; амуры за уборкой винограда—V, tav. 305, 306 307, 2 и мн. др.

[3]) *Garrucci*, o. c. V, tav. 320, 1; 321, 4; 326, 1; 338, 4; 394, 7; 401, 8 и мн. др.

Изображенная здѣсь въ живой позѣ пляски мужская фигура есть, по всему вѣроятію, сатиръ. Руки его широко раздвинуты, и въ каждой онъ держитъ по два продолговатыхъ предмета, въ которыхъ, быть можетъ, слѣдуетъ признать флейты (αὐλός, tibia). Какъ извѣстно, флейты въ музыкѣ древнихъ употреблялись всегда какъ парные инструменты, и сатиры часто изображались играющими на флейтахъ уже въ бакхическихъ сценахъ на вазахъ.

На южной стѣнѣ катакомбы съ лѣвой отъ входа стороны дано было другое изображеніе сатира; но штукатурка въ этомъ мѣстѣ обвалилась, и отъ изображенія удѣлѣла только часть головы (Табл. II).

На широкой стѣнѣ лѣваго столба нарисована мужская фигура, не вполнѣ сохранившаяся, которую однако не трудно опредѣлить, благодаря приданнымъ ей аттрибутамъ (Табл. III). Кадуцей въ лѣвой рукѣ и кошелекъ въ правой дѣлаютъ несомнѣннымъ, что это—богъ Гермесъ. Одѣяніе его, широкая хламида (χλαμύς), скрѣпленная застежкою на правомъ плечѣ, откинута назадъ, и фигура обращена къ зрителю обнаженной своей стороной; ноги обуты въ высокіе сапоги (κρηπῖδες). По отношенію къ этой фигурѣ декораторъ позаботился подрисовать почву для ея постановки и помѣстилъ подъ ногами бога широкій постаментъ обычнаго въ античномъ искусствѣ типа.

Таковы миѳологическіе образы, сохранившіеся въ удѣлѣвшей части росписи. При всей грубости рисунка и исполненія, какъ выборъ этихъ образовъ, такъ и трактовка ихъ не оставляютъ никакого мѣста сомнѣнію на счетъ того, изъ какого запаса декоративныхъ мотивовъ черпалъ свой матерьялъ художникъ, работавшій въ катакомбѣ Сорака. То были преданія классическаго искусства, притомъ позднѣйшихъ его эпохъ. Это послѣднее утвержденіе позволяетъ сдѣлать изображеніе Гермеса. Кошелекъ, какъ аттрибутъ этого бога, вошелъ въ обиходъ античнаго искусства подъ вліяніемъ римскихъ религіозныхъ представленій. Римскій Меркурій, слившійся съ греческимъ Гермесомъ, былъ прежде всего и искони богомъ торговли. Изображеніе Гермеса — Меркурія съ кадуцеемъ и кошелькомъ въ рукахъ сохранилось во множествѣ статуэтокъ и на рѣзныхъ камняхъ, принадлежащихъ уже временамъ римской имперіи. Такимъ представленъ этотъ богъ и въ помпейской фресковой живописи [1]).

Но преданія классическаго искусства были въ тѣ времена туземнымъ достояніемъ на Боспорѣ. Положеніе это можетъ быть подтверждено также и трактовкой той сцены, которая составляетъ содержаніе украшающей нашу катакомбу одной цѣльной композиціи, о которой намъ еще остается изложить.

Разумѣемъ рисунокъ на задней стѣнѣ лѣваго столба (Табл. VI, *h*). Достаточно одного взгляда на это изображеніе, чтобы признать въ немъ сюжетъ, для котораго существуетъ въ археологической литературѣ терминъ, употребительный и до нынѣ, хотя уже и устарѣвшій, а именно: «семейная трапеза» или «трапеза мертвыхъ» (Familienmahl, Todtenmahl, repas funébre) [2]). Сюжетъ этотъ встрѣчался и въ прежде открытыхъ катакомбахъ съ фресками, а

---

[1]) *Roscher*, Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. I, 2, s. v. Hermes, p. 2426 (*Scherer*).

[2]) Первый терминъ имѣетъ въ нашей археологической литературѣ право гражданства благодаря Стефани, который такъ именно обозначалъ этотъ сюжетъ; проф. Кондаковъ пользуется терминомъ «погребальный пиръ», см. его изслѣдованіе «Памятникъ Гарпій изъ Малой Азіи и символика древняго искусства». Одесса, 1873, стр. 83.

именно: въ катакомбѣ Ашика [1]), а также и той, которая была открыта въ 1875 году (см. рисунокъ 6). Воспроизведенъ онъ также и въ катакомбѣ 1891 года, описаніе которой слѣдуетъ далѣе. Сюжетъ этотъ трактованъ здѣсь, хотя и съ соблюденіемъ обычной условности, но до извѣстной степени свободно. Въ центрѣ композиціи на ложѣ съ высокой спинкой возлежитъ мужчина. Хотя рисунокъ отличается грубостью исполненія въ техническомъ отношеніи, а самая работа носитъ на себѣ слѣды очевидной поспѣшности, тѣмъ не менѣе съ большой вѣроятностью можно утверждать, что типъ лица здѣсь портретный. Коротко остриженные волосы на головѣ, борода и усы, широкія брови, все это нарисовано, повидимому, не безъ желанія придать сходство съ тѣмъ лицомъ, которое здѣсь естественно узнать, а именно, съ владѣльцемъ этой катакомбы, Соракомъ, соорудившимъ ее для своего погребенія, какъ гласитъ упомянутая выше надпись. Широкое желтое платье покрываетъ его туловище; темныя полосы на немъ, вѣроятно, обозначаютъ складки матеріи. Ступни ногъ, оставшіяся неприкрытыми, очерчены однѣми линіями, такъ что обувь не вырисована; но интересно то, что изъ-подъ плаща выступаютъ концы штановъ (ἀναξυρίδες, bracae). Какъ можно заключить по изображеніямъ туземныхъ всадниковъ на множествѣ рельефовъ, а также и по рисункамъ въ другихъ катакомбахъ, штаны были неотъемлемой частью туземнаго на Боспорѣ костюма. Вмѣсто кубка или чаши, которые обыкновенно находятся въ рукахъ изображеннаго въ такихъ композиціяхъ отца семейства, Сораку дана въ руки лира. Направо отъ ложа на высокомъ креслѣ со спинкою сидитъ женщина. Она задрапирована въ широкій желтый плащъ, покрывающій и ея голову. Изъ-подъ плаща виденъ темнозеленый хитонъ, перехваченный поясомъ.

Обычный въ такихъ сценахъ виночерпій (οἰνοχόος) нарисованъ приближающимся къ возлежащему. Голова его вырисована съ нѣкоторой тщательностью, но туловище, руки и ноги, а равно и одежда лишь обведены грубымъ контуромъ красной краски. Правой рукой онъ подаетъ возлежащему стаканъ и держитъ въ лѣвой сосудъ съ виномъ. Позади его стоитъ обычный въ этихъ сценахъ столъ о трехъ ножкахъ съ уставленными на немъ стаканами и двумя высокими сосудами для вина. У правой ножки стола нарисованъ стоящимъ на землѣ еще одинъ кувшинъ, отъ котораго уцѣлѣла только верхняя часть. Ручка этого сосуда украшена изображеніемъ какой-то головы, мотивъ хорошо намъ извѣстный въ орнаментаціи металлической посуды древнихъ по множеству аналогичныхъ образцовъ. Столъ съ сосудами для вина поставленъ здѣсь позади виночерпія, а не на своемъ обычномъ въ этихъ сценахъ мѣстѣ, т. е. около ложа предъ возлежащимъ. На мѣстѣ стола изображена низенькая скамейка на четырехъ ножкахъ.

Таковы детали этой композиціи. Въ ней есть элементы типичнаго и ставшаго шаблоннымъ изображенія «трапезы», но трактованы они свободно и оживлены придачей лиры главному лицу сцены, а также и портретнымъ характеромъ его изображенія въ туземномъ костюмѣ.

[1]) *Ашикъ*, о. с. pl. IV и VI.

III.

Эпитафія Сорака.

Весьма существенный и разнообразный интересъ въ катакомбѣ, открытой въ 1890 г., представляетъ надпись, исполненная красками на одной изъ ея стѣнъ. Изъ числа открытыхъ въ прежнее время катакомбъ съ фресками, надписи на стѣнахъ были только въ двухъ, а именно: найденныхъ въ 1866 и 1877 годахъ. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ краткіе тексты заключали въ себѣ лишь обозначеніе именъ древнихъ владѣльцевъ этихъ сооруженій [1]). Гораздо больше объемомъ и богаче содержаніемъ надпись издаваемой нынѣ катакомбы. Она нарисована, какъ о томъ упомянуто выше, въ верхней половинѣ площади праваго отъ входа столба двумя красками, черной и красной, которыя чередуются между собою въ порядкѣ строкъ. Всѣхъ строкъ 12. Вокругъ надписи декораторъ нарисовалъ раму, придавъ этой послѣдней съ обоихъ боковъ трехугольные выступы. Такой видъ рамы обыченъ на памятникахъ античнаго искусства позднѣйшихъ вѣковъ. Мы находимъ его во множествѣ на рельефахъ, между прочимъ, и христіанскихъ саркофаговъ [2]), а также и въ исполненіи красками на стѣнахъ [3]). Въ этомъ своемъ употребленіи онъ былъ, очевидно, отвлеченіемъ отъ формы металлической пластинки съ выгравированной надписью, которая прикрѣплялась гвоздями за оба выступа къ какому-либо большему предмету [4]). На обоихъ боковыхъ выступахъ рамы нарисовано желтой краской по одному листку плюща. Такіе-же листки, но меньшихъ размѣровъ, нарисованы также и въ самомъ текстѣ надписи, въ началѣ и въ концѣ первой строки и въ концѣ послѣдней. Какъ извѣстно, въ латинскихъ надписяхъ листокъ плюща вошелъ въ употребленіе со временъ имп. Ав-

---

[1]) *Латышевъ*, Insc. R. B. n. 120: Ἄλκιμος Ἡγησίπ(π)ου и n. 123: Ἀνθεστήριος Ἡγησίππου ὁ καὶ Κτησαμενός (Стефани принималъ послѣднее слово не за имя, а за причастіе отъ глагола κτάομαι и читалъ κτησάμενος).

[2]) Такую раму съ надписью, а часто и безъ нея, поддерживаютъ обыкновенно амуры. Многочисленные примѣры даны въ V томѣ *Garrucci*.

[3]) Такова, для примѣра, эпитафія съ именемъ Fossor Diogenes, въ катакомбѣ Домитиллы.—Цитую рисунокъ по изданію *Pératé*, L'archéologie chrétienne, fig 9.

[4]) Эпитафіи на металлическихъ пластинкахъ такой формы находимы были, между прочимъ, въ Помпеяхъ. Одну изъ нихъ приводитъ *Hübner*, Exempla Scripturae Epigraphicae Latinae, n. 892 (C. X., 8071), называя ее *tabella ansata*. Въ томъ-же изданіи приведена подъ n. 893 другая, хранящаяся въ римскомъ Museo Kircheriano.

густа въ замѣну точекъ, отдѣлявшихъ отдѣльныя слова текста (hederae distinguentes), и не рѣдки надписи, гдѣ листокъ высѣченъ послѣ каждаго слова [1]). Въ нашей надписи листокъ не есть знакъ препинанія, или отдѣленія словъ, а имѣетъ лишь декоративное значеніе, служа для заполненія пустаго мѣста въ строкахъ. Этимъ именно значеніемъ листка объясняется и появленіе его на боковыхъ выступахъ рамы; здѣсь онъ есть, очевидно, лишь повтореніе на не вполнѣ соотвѣтствующемъ мѣстѣ того, что имѣетъ свое традиціонное значеніе и оправданіе въ текстахъ надписей. Не лишено значенія отмѣтить, что листокъ плюща въ эпиграфическихъ текстахъ былъ *римскимъ* способомъ интерпункціи и является распространеннымъ повсемѣстно въ древнемъ мірѣ лишь на латинскихъ надписяхъ [2]), а на греческихъ—попадается сравнительно крайне рѣдко и лишь въ болѣе позднее время, во II и III вѣкахъ по Р. Х. [3]). Такимъ образомъ, уже въ этой детали внѣшней формы нашей надписи дано свидѣтельство о римскомъ вліяніи на Боспорѣ, а также и заключено нѣкоторое указаніе на позднюю хронологическую дату текста [4]), а тѣмъ самымъ и памятника.

Надпись сохранилась очень хорошо. Лишь въ первой строкѣ выцвѣло и затерто нѣсколько буквъ, которыя, впрочемъ, легко возстановить по несомнѣнности словъ формулы начала; пострадали также и буквы въ первой половинѣ десятой строки. Штукатурка въ этомъ мѣстѣ разбухла отъ сырости и нѣсколько выпятилась впередъ, вслѣдствіе чего осыпалась краска; тѣмъ не менѣе и здѣсь буквы разбираются легко. Керченскій фотографъ, г. Рубанчикъ, мастерски исполнилъ фотографію этой надписи, по которой она и воспроизведена на Таблицѣ VII.

[illegible]ΤΥΧΗ
CΩΡΑΚΟC Β̄ΔΙΚΩΝΠΡΑΚΤΩΡ
ΟΙΚΟΔΟΜΗCΑCΤΟΙΕΡΩΙΟΝ
ΤΟΥΤΟΕΚΘΕΜΕΛΙΩΝΚΑΙΝΟΝ
ΚΑΙΜΗΔΕΝΑΝΕΞΟΒΑΛΩΝΕΤΕΡΟΝ
ΟCΤΕΟΝΤΙΝΟCΕΝΘΑΔΕΚΑΤΟΙΧΩΝ
ΤΑΜΕΜΗΔΕΙCΜΟΙΠΑΡΥΒΡΙCΕΙΜΗ
ΔΕΜΟΙΤΙCCΚΥΛΕΙΤΑΓCΤΕΑΩCΑΝ
ΔΕΜΕΤΙCΠΑΡΥΒΡΙCΕΙΑΙCΚΥΛΕΙΤΑΟCΤΕ
ΑΑΙΕΞΟΒΑΛΕΙΜΗΤΕ[illegible]ΗCΧΑΡΠΟΝ
ΛΑΒΟΙΤΟΜΗΤΕΘΑΛΑCΗCΜΗΤΕ
ΘΑΝΩΝΕΙCΑΔΟΥΧΩΡΗCΟΙΤΟ

---

[1]) *Hübner*, Römische Epigraphik, § 17 (Iw. Müller, Handbuch der klassischen Alterthums—Wissenschaften I, p. 496).

[2]) Такъ, изъ числа малоазіатскихъ надписей, собранныхъ въ значительномъ количествѣ *Perrot* въ его трудѣ Exploration etc., листокъ не встрѣчается ни на одной греческой надписи, но онъ есть на двухъ латинскихъ изъ Анкиры, nn. 146 и 147 (стр. 264), принадлежащихъ первая—III вѣку, вторая вѣроятно II-му.

[3]) *Franz*. Elementa epigraphices Graecae. Berlin, 1840, cap. IV, p. 375. Какъ видно изъ собранныхъ тамъ примѣровъ изъ Бэкова Corpus Insc. Graecarum, листокъ на греческихъ надписяхъ встрѣчается обыкновенно въ концѣ, или началѣ текста, и лишь крайне рѣдко въ его серединѣ. Позднѣе найденныя находки не измѣнили правильности этого положенія; для примѣра укажемъ хотя бы на серію надписей изъ Малой Азіи, *G. Hirschfeld*, Inschriften aus dem Norden Klein-Asiens. Sitz.-Ber. der Berl. Akad. 1888, XXXV, pp. 863—892. Hedera distinguens попадается на эпитафіяхъ людей съ римскими именами: nn. 43. 46.

[4]) На боспорскихъ надписяхъ, изданныхъ въ корпусѣ г. Латышева, листокъ встрѣчается сравнительно часто. Таковы слѣдующіе тексты: n. 34, надпись 201 года по Р. Х., въ послѣдней строкѣ текста предъ хронологической датой; n. 42, 221 года по Р. Х. въ первой строкѣ послѣ недописаннаго перваго имени царя Рескупорида; n. 43, 223 года, въ концѣ послѣдней строки; n. 50, II вѣка, въ началѣ послѣдней строки, для заполненія пустаго мѣста; n. 124, въ эпитафіи на саркофагѣ, въ концѣ и началѣ надписи; n. 307, мраморный фрагментъ III вѣка, въ предпослѣдней строкѣ два листка рядомъ; n. 437, половины II вѣка, въ первой строкѣ.

Раздѣливъ слова, разставивъ ударенія и придыханія, а также и знаки препинанія, но сохранивъ орѳографію, получаемъ слѣдующій текстъ:

ʼΑ(γ)αθ(ῇ) τύχῃ
Σωρακὸς β′ δικῶν πράκτωρ,
οἰκοδομήσας τὸ ἱερῷον
τοῦτο ἐκχ θεμελίων καινὸν
καὶ μηδέναν ἔξο βαλὼν ἕτερον
ὀστέον τινός. ʼΕνθάδε κατακῶν-
τα με μηδείς μοι παρυβρίσει μη-
δέ μοί τις σκυλεῖ τὰ ὀστέα· ὡς ἂν
δέ μοί τις παρυβρίσει, αἶ σκυλεῖ τὰ ὀστέ-
α, αἶ ἔξω βαλεῖ, μήτε ἐγ γῆς καρπὸν
λάβοιτο, μήτε ἐχ θαλάσης, μήτε
θανὼν εἰς ῞Αδου χωρήσοιτο.

т. е. «Съ добрымъ счастіемъ. Соракъ, сынъ Сорака, взыскатель штрафовъ, соорудившій эту гробницу отъ основанія новую и не выбросившій ничьей чужой кости. Никто да не оскорбитъ меня здѣсь обитающаго и да не потревожитъ (моихъ) костей; если же бы кто-либо оскорбилъ меня, или потревожилъ (мои) кости, или выбросилъ (ихъ) вонъ, то да не получитъ онъ плода отъ земли, ни отъ моря и по смерти да не войдетъ въ Аидъ».

Текстъ надписи и его дешифровка вызываютъ прежде всего на замѣчанія относительно начертанія буквъ и орѳографическихъ особенностей письма. Въ ближайшей связи съ этими послѣдними стоитъ изъясненіе глагольныхъ формъ, встрѣчающихся въ текстѣ, и нѣкоторыхъ его словъ, а тѣмъ самымъ и общее его пониманіе. Анализъ буквенныхъ начертаній можетъ дать точку опоры въ опредѣленіи той общей хронологической даты, которую можно установить для времени написанія этого текста.

Достаточно бѣглаго взгляда на нашу надпись, чтобы съ полной увѣренностью утверждать, что она принадлежитъ позднему времени культурной жизни на Боспорѣ. Въ самыхъ формахъ отдѣльныхъ буквъ, какъ онѣ вырисованы на стѣнѣ катакомбы, не встрѣчается ничего, для чего бы нельзя было указать аналогіи въ боспорскихъ эпиграфическихъ текстахъ, высѣченныхъ на камнѣ; но всѣ эти аналогіи даны въ надписяхъ позднѣйшаго времени, т. е. принадлежащихъ по преимуществу III и IV вѣкамъ по Р. Х.

Первая буква греческаго алфавита является въ нашей надписи въ двухъ начертаніяхъ: λ и Α. Аналогію первому можно указать на боспорской надписи 225 года по Р. Х. [1]); что же до втораго, то въ датированныхъ надписяхъ оно попадается лишь въ IV и V вѣкахъ нашей эры [2]). Четвертая буква алфавита написана съ протяженіемъ вверхъ праваго штриха, какъ то обычно въ надписяхъ II и III вѣковъ [3]). Пятая буква алфавита въ закругленной

---

[1]) *Латышевъ*, I. R. B. n. 48.

[2]) Ib. n. 312[1], а равно и въ надписяхъ христіанской катакомбы 491 года, см. Табл. III и IV въ нашемъ изданіи этого памятника (Матеріалы по Археологіи Россіи, вып. 6).

[3]) I. R. B. n. 27 (123 г.), n. 438 (155 г.), n. 48 (225 г.).

формѣ, Є, какъ написана она здѣсь, попадается на камняхъ III, IV и V вѣковъ [1]). Буква μ съ округлой соединительной черточкой и двумя закругленіями въ обѣ стороны, Ɯ, имѣетъ аналогію также въ надписяхъ III и IV вѣковъ нашей эры [2]). Буква π съ верхней чертой притянутой въ обѣ стороны надъ обѣими вертикальными штрихами, П, попадается въ надписяхъ II и III вѣковъ по Р. Х. [3]). Округлая форма буквы σ—С, принадлежитъ III и IV вѣкамъ [4]). Предпослѣдняя буква греческаго алфавита, υ, написана въ нѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 3, 7 и 8) съ поперечной черточкой подъ расходящимися верхними штрихами, т. е. какъ-бы перечеркнута, Ұ. Такое усложненіе начертанія этой буквы, имѣвшее, вѣроятно, характеръ украшенія, попадается на боспорскихъ эпиграфическихъ текстахъ II и III вѣковъ [5]).

Такимъ образомъ, самыя начертанія буквъ позволяютъ пріурочить нашу надпись, а тѣмъ самымъ и сооруженіе этой катакомбы, ко времени не ранѣе III вѣка нашей эры.

Переходимъ къ орѳографіи. Въ нашемъ изслѣдованіи о христіанской катакомбѣ 491 г мы имѣли случай утвердить положеніе, что на Боспорѣ и въ концѣ V вѣка по Р. Х. произношеніе буквы η сохраняло свой древній звукъ, о чемъ свидѣтельствуетъ частая замѣна η черезъ ε и сочетаніе αι, утратившее во II вѣкѣ по Р. Х. свой исконный двугласный характеръ [6]). Смѣшеніе этихъ трехъ обозначеній звука э засвидѣтельствовано и въ нашей надписи. Такъ, въ 9 и 10 строкахъ сочетаніе αι является, очевидно, вмѣсто ἤ (раздѣлительная частица: или-или). Въ 3-й строкѣ, въ словѣ ΙЄΡѠΙΟΝ, дана по всему вѣроятію, замѣна η черезъ ε и самое слово надлежитъ прочесть ἡρῷον. Что касается до написанія ιε въ началѣ этого слова вмѣсто ἡ, то возможность его доказывается обратной аналогіей на одной боспорской надписи, принадлежащей, по всему вѣроятію, II вѣку нашей эры, гдѣ вмѣсто ἱερέα(ν) написано ἡρέαν [7]). Въ связи съ вопросомъ объ орѳографіи и боспорскомъ произношеніи надлежитъ указать на глагольныя формы: παρυβρισει въ 7 и 9 строкахъ, σκυλει въ 8 и 9 и βαλει въ 10-й. По правиламъ синтаксиса, дѣйствовавшимъ въ языкѣ греческой литературы, всѣ эти глаголы должны бы стоять въ сослагательномъ наклоненіи аориста и въ окончаніи ихъ пришлось-бы признать замѣну ῃ черезъ ει [8]). Но такъ какъ на Боспорѣ въ ту пору ει звучало несомнѣнно какъ ι [9]), а η сохраняла свой звукъ э, то допустить здѣсь подобную замѣну невозможно, и всѣ эти три глагольныя формы приходится принять за 3 лицо ед. ч. будущаго времени. Такимъ образомъ,

[1]) Ib. n. 434 (236 г.), n. 367¹ (345 г.), а также въ надписяхъ христіанской катакомбы 491 года

[2]) Ib. n. 367¹ (345 г.), n. 297 (вѣроятно III в.).

[3]) Ib. n. 438 (155 г.), n. 48 (225 г.), n. 44 (250 г.).

[4]) Ib. n. 451 (228 г.), n. 367¹ (345 г.).

[5]) Ib. n. 39 (117 г.), n. 438 (155 г.), n. 452 (228 г.). Прибавимъ, что, по замѣчанію Бенндорфа, на малоазіатскихъ надписяхъ такая форма буквы υ встрѣчается по преимуществу въ періодъ времени между Антониномъ Піемъ и Александромъ Северомъ. См. *Reisen etc.* I, стр. 71, пр. 1.

[6]) Керченская христіанская катакомба 491 года, стр. 16. Слѣдуетъ, впрочемъ, добавить, что въ одной недавно изданной боспорской надписи (*Латышевъ*, Дополненія и поправки къ собранію надписей сѣв. побережья Чернаго моря. III, Зап. Имп. Рус. Арх. Общ. VII, 1–2, 1894, стр. 88) встрѣчается написаніе ι вмѣсто ει и ει вмѣсто η, откуда почтенный издатель выводитъ заключеніе, что во II — III вв. на Боспорѣ ι, ει, η мало или вовсе не различались.

[7]) *Латышевъ*, I, R. B. n. 62; форма ἱερέαν—n. 61.

[8]) Свидѣтельства о замѣнѣ ῃ черезъ ει см. *Reinach*, Traité d'Epigraphie grecque. Paris, 1885, p. 265. *Buresch* въ статьѣ: Kritischer Brief über die falschen Sibyllinen (Philologus, 1892, B. 41, H. 1) приводитъ свидѣтельства того, что въ періодъ александринизма не дѣлалось различія между написаніями ει и ῃ.

[9]) *Латышевъ*, I. R. B., Index V, p. 334 и слѣд., гдѣ собраны примѣры.

въ этой синтаксической неправильности мы имѣемъ свидѣтельство живаго языка въ тогдашнемъ его употребленіи среди боспорскаго населенія [1]).

Орѳографическими неправильностями являются въ нашемъ текстѣ написанія: ἔξο черезъ ο вмѣсто ω въ 5 строкѣ (на ряду съ правильной формой въ 10 строкѣ), ἐχχ въ 4 строкѣ (на ряду съ ассимиляціей согласной предлога въ 10 строкѣ: ἐγ γῆς), существительное θάλασα съ однимъ σ—въ 11 строкѣ и наконецъ опущеніе подписной іоты въ формулѣ, начинающей собою текстъ, ἀγαθῇ τύχῃ, и въ 12 строкѣ въ словѣ ΑΔΟΥ. Замѣтимъ, впрочемъ, что опущеніе подписной іоты въ аналогичныхъ случаяхъ есть явленіе очень обычное въ надписяхъ позднѣйшихъ вѣковъ [2]), хотя обыкновенно даже въ текстахъ III вѣка іота пишется рядомъ съ гласной, къ которой она относится [3]).

Помимо орѳографическихъ погрѣшностей попадаются въ нашей надписи и этимологическія, которыя, впрочемъ, правильнѣе, быть можетъ, признать діалектическими уклоненіями отъ литературнаго языка. Таково написаніе слова κατοικῶντα въ 6 строкѣ вмѣсто κατοικοῦντα и μηδέναν вмѣсто μηδέν въ 5 строкѣ. Аналогіи для такихъ отклоненій отъ формъ литературнаго языка нельзя указать въ боспорскихъ надписяхъ; но первое изъ нихъ слишкомъ просто, чтобы сомнѣваться въ его возможности; оно объясняется ложной аналогіей спряженія глаголовъ на εω съ глаголами на αω. Что-же до второй формы, μηδέναν, вмѣсто которой мы бы ожидали μηδέν, то здѣсь слѣдуетъ признать, прежде всего, ошибку писавшаго. Онъ употребилъ форму мужескаго рода, позабывъ, что дальнѣйшее ἕτερον, съ которымъ согласовано это слово, не заканчиваетъ собою предложенія и не есть, стало быть, вин. пад. муж. рода, а средняго, въ согласованіи съ существительнымъ ὀστέον. Итакъ, μηδέναν поставлено по ошибкѣ, вмѣсто μηδέν. Что-же касается до паразитнаго ν въ формѣ μηδένα, то это отклоненіе отъ правилъ грамматики классическаго періода языка есть очень обычное явленіе позднѣйшаго времени. Примѣры его можно указать еще въ II и III вѣкахъ до Р. Х. въ языкѣ александрійскихъ грековъ [4]). Не чуждъ ему и языкъ боспорскаго населенія, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многочисленные примѣры на надписяхъ [5]).

Переходимъ къ содержанію и способу выраженія автора данной надписи. Текстъ ея, начинаясь съ обычной формулы, имѣвшей самое широкое примѣненіе въ эпиграфическихъ текстахъ по преимуществу посвятительнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ слѣдующее: 1) обозначеніе имени и званія соорудителя усыпальницы, 2) указаніе на то, что она была сооруженіемъ новымъ, причемъ не былъ нарушенъ покой ничьего чужаго праха, 3) просьбу почивающаго въ ней не тревожить его костей и 4) угрозу тому, кто дерзнетъ нарушить его могильный покой.

Имя соорудителя, Σωραχός, не попадалось доселѣ на боспорскихъ надписяхъ, но самая

[1]) Аналогію употребленію будущаго времени въ выраженіи запрета μηδεὶς παρυβίσει, μηδὲ σκυλεῖ, -можно указать въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта. Посл. къ Евреямъ 3, 12: βλέπετε ἀδελφοί, μήποτε ἔσται ἔν τινι ὑμῶν καρδία πονηρὰ ἀπιστίας.—См. *Фокковъ*, Къ синтаксису греческаго новозавѣтнаго языка и византійскаго. Москва, 1887.

[2]) Ib. n. 30 въ дат. пад. слова θεός, n. 299—Ἄδης.

[3]) Ib. n. 446 (220 г.), n. 42 (221 г.), n. 44 (250 г.).

[4]) См. названную выше статью *Buresch*'а, стр. 93, гдѣ приведены многочисленные примѣры подобныхъ вульгаризмовъ.

[5]) *Латышевъ*, I. R. B. nn. 59, 61, 62, 443, 452.

форма, а именно: образованіе слова при помощи суффикса *ακα*, который встрѣчается въ десяткахъ боспорскихъ именъ, позволяетъ видѣть въ Соракѣ туземца — Сармата [1]). Имя отца, назвать которое для полноты обозначенія лица было необходимо на Боспорѣ, какъ то засвидѣтельствовано во всѣхъ боспорскихъ надгробіяхъ, не названо въ нашемъ текстѣ; но оно выражено здѣсь при помощи цифры, слѣдующей за именемъ: β'. Какъ то извѣсто по многочисленнымъ аналогіямъ, β', т. е. 2, послѣ имени лица обозначаетъ, что отецъ даннаго лица носилъ тоже самое имя [2]). Вслѣдъ за именемъ владѣльца катакомбы обозначено его званіе, *δικῶν πράκτωρ*. Въ боспорскихъ надписяхъ, ставшихъ доселѣ извѣстными, нѣтъ свѣдѣній о томъ, что на Боспорѣ существовали чиновники этого наименованія, и надпись наша даетъ, такимъ образомъ, совершенно новое свѣдѣніе. Самый терминъ не опредѣляетъ чего-либо новаго и неизвѣстнаго: чиновники, носившіе такое званіе, существовали въ Аѳинахъ и нѣкоторыхъ другихъ греческихъ политіяхъ [3]). Обязанности ихъ состояли въ производствѣ денежныхъ взысканій, налагаемыхъ по суду, а потому приблизительной передачей термина *δικῶν πράκτωρ* будетъ—судебный приставъ.

О своей усыпальницѣ Соракъ заявляетъ, что она сооружена съизнова. Выражено это дважды: словами *καινός* и *ἐκχ θεμελίων*. Послѣднее обозначеніе не вполнѣ идетъ къ предмету, къ которому оно отнесено, т. е. вырытой въ почвѣ пещерѣ, подходя болѣе съ сооруженіямъ надземнымъ, какъ оно неоднократно употреблено и на боспорскихъ надписяхъ [4]). Но, быть можетъ, въ живомъ употребленіи языка оно получило смыслъ болѣе общій, и въ данномъ случаѣ есть только тавтологія опредѣленія *καινόν*.

Свою гробницу Соракъ обозначилъ терминомъ *ἡρῷον*. Слово это въ языкѣ писателей классическаго періода литературы обозначало святилище, сооруженное въ честь героя. Съ такими святилищами часто было связано предсталеніе о томъ, что прахъ героя, имени котораго оно было посвящено, покоится въ данномъ мѣстѣ. Въ періодъ послѣ Александра Македонскаго культъ героевъ получалъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе, и постепенно исчезала грань между нимъ и культомъ мертвыхъ. Къ героямъ пріобщали своихъ почившихъ близкіе люди, чтившіе ихъ память; явилось слово и понятіе *ἀφηρωΐζειν*, значившее: воздавать культъ почившему, какъ герою. На эпитафіяхъ стали называть покойниковъ словомъ *ἥρως*, а гробницы—*ἡρῷον*. Примѣры такого словоупотребленія можно указать на надписяхъ изъ всѣхъ предѣловъ разселенія грековъ [5]). Не остался чуждъ ему и Боспоръ [6]).

---

[1]) Чтобы не повторять здѣсь изложенной въ другомъ мѣстѣ аргументаціи, сошлемся на свое изложеніе: «Керченская христіанская катакомба 491 г.», стр. 22—23.

[2]) *Reinach*, Traité d'Epigraphie grecque. Paris, 1885, p. 508. — Боспорскіе примѣры такого способа написанія имени отца представляютъ въ сборникѣ г. Латышева nn. 28 (243 г. по Р. Х.), 61, 96.

[3]) *Gilbert*, Handbuch der griechischen Staatsalterthümer. I, Leipzig, 1882, стр. 228; II, стр. 208.

[4]) *Латышевъ*, I. R. B. n. 18 (πύργος ἐκ θεμελίων ἀνεσκευάσθη), n. 50 (πρόναον.... ἐκ θεμ. ἀνηγέρθη).

[5]) *Kaibel*, Insc. gr. Siciliae et Italiae, ἥρως nn. 223, 225, 229, 230, 231, 1327, 1343, 1425, 1480, 1649, 1755, 1810, 2133, 2379; *Corp. Insc. Att.* III, nn. 810, 814, 817, 818, 1418, 2649, 2656, 2947, 3199, 3412, 3852, 1460; *Mittheilungen des arch. Instituts zu Athen*, passim.—ἡρῷον—*C. I. At.* nn. 57, 1423, 1424, 1429; *Mittheilungen des arch. Instituts zu Athen*, VI, p. 311; XI, p. 426, XII, p. 257. На эпитафіяхъ женщинъ эпитеты -ἡρωΐνη, ἡρωίς, ἡρωίσσα—C. I Att. III, n. 889; C. I. G. n. 2259; *Le-Bas-Reinach.* pl. 141; *Mittheilungen des arch. Instituts zu Athen.* XI, n. 125. n. 68; p. 133, n. 98; XII, 349, n. 109; XIV, p. 59.

[6]) *Латышевъ*, I. R. B. n. 383, стихотворная эпитафія Тимоѳея. сына Дасеева, заканчивается такими словами: (ν)ῦν δὲ σὺν ἡρώων (sic) χῶρον ἔχοις φθίμενος.

Заявленіе Сорака о томъ, что, сооружая себѣ усыпальницу, онъ не потревожилъ ничьихъ костей, и опасеніе за то, чтобы не были потревожены его кости въ собственномъ гробѣ, выраженное въ видѣ просьбы и угрозы, выдаютъ намъ, какъ фактъ общественной жизни того времени на Боспорѣ, небезопасность гробницъ. И мы въ настоящее время съ увѣренностью можемъ подтвердить справедливость этихъ опасеній. Многіе десятки найденныхъ въ Керчи камней съ эпитафіями сохранились для насъ, благодаря тому обстоятельству, что ихъ употребили на покрытіе гробницъ позднѣйшихъ, или на возведеніе стѣнъ погребальныхъ склеповъ, причемъ по сохранности нѣкоторыхъ изъ такихъ камней можно съ увѣренностью сказать, что на своемъ мѣстѣ они простояли очень недолго [1]). Нарушеніе покоя мертвыхъ съ цѣлью воспользоваться готовой гробницей для другаго покойника, извлеченіе изъ гробницъ цѣнныхъ предметовъ и разрушеніе ихъ, было въ древнемъ мірѣ весьма обычно съ давнихъ поръ и очень распространено [2]). На множествѣ греческихъ надписей, найденныхъ въ собственной Элладѣ и Малой Азіи, выражено тоже самое опасеніе почившаго за сохранность своего гроба и прибавлены также, какъ и въ нашей надписи, угрозы за нарушеніе покоя мертвыхъ. Иногда эти угрозы формулированы въ видѣ опредѣленнаго денежнаго штрафа, подлежащаго внесенію въ государственную казну [3]), или же имѣютъ видъ заклятія [4]), какъ и въ данномъ случаѣ въ нашемъ текстѣ. Самая форма угрозы, какъ она выражена здѣсь, имѣетъ аналогію хотя-бы въ слѣдующей выдержкѣ изъ надписи, найденной въ Каріи (г. Афродисіада) [5]).

....οὔτε ἡ γῆ αὐτῷ καρπὸν ἐνέγκῃ, οὔτε ἡ θάλασσα αὐτῷ
πλωτὴ γενήσεται.... θανόντι δὲ οὐδὲ ἡ γῆ παρέξει
αὐτῷ τάφον.

---

1) Въ моихъ раскопкахъ въ Керчи на Глинищѣ въ 1890 году (некрополь I—II в. по Р. Х.) привелось мнѣ найти въ покрытіи одной гробницы камень съ рельефомъ прекрасно сохранившимъ всѣ свои краски. См. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1890 годъ, стр. 27.

2) На это есть указаніе уже въ законахъ Солона. Свидѣтельство сохранилъ Цицеронъ, de leg. II, 26, 64: De sepulcris autem nihil est apud Solonem amplius quam 'ne quis ea deleat neve alienum inferat poenaque est 'si quis bustum' nam id puto appellari τύμβον - 'aut monumentum' inquit aut columnam violarit, deiecerit, fregerit'. Знаменитый примѣръ гробокопательства съ корыстной цѣлью извѣстенъ изъ I вѣка до Р. Х. Страбонъ (VIII, 6, 23) сообщаетъ, что римскіе колонисты, поселенные на территоріи древняго Коринѳа, сдѣлали своимъ спеціальнымъ занятіемъ добываніе изъ древнихъ гробницъ вазъ и разныхъ сосудовъ, которые вошли въ большую моду въ Римѣ и слыли тамъ подъ названіемъ Νεκροκορίνθια. О процвѣтаніи подобнаго занятія въ болѣе позднія времена римской имперіи свидѣтельствуетъ обиліе императорскихъ указовъ, установлявшихъ строгія наказанія за гробокопательство. См. *Cod. Theod.* IX, 17. Свидѣтельства изъ временъ классическихъ юристовъ см. *Dig.* 47, 12 (Ульпіанъ, Павелъ, Помпоній, Юліанъ, Марціанъ, Макръ) и *Pauli sent.*, 1, 21, 4 и слѣд.

3) Укажемъ для примѣра на одну надпись изъ Аттики, *Corpus Inscr. Attic.* III, n. 1429: Κλαυδία ἡ δυστυχεστάτη μήτηρ... εἰ δέ τις ἕτερον (θήσει, δώσει τῷ ἱ)εροτάτῳ ταμείῳ μυριάδας πέντε ἀργυρίου. Надпись принадлежитъ, очевидно римскому времени. Но эта форма угрозы восходитъ къ болѣе давнимъ временамъ. Такъ, на надписяхъ изъ Ликіи она встрѣчается уже въ III в. до Р. Х. См. C. I. G. n. 4259 (по замѣчанію *Rohde*, Psyche, стр. 630, прим. 3). Въ римское время надписи съ подобной угрозой встрѣчаются повсемѣстно.

4) Примѣры разнаго вида заклятій въ изобиліи приведены у *Rohde*, Psyche, стр. 631, прим. 1. Достойно замѣчанія, что проклятія нарушителямъ покоя усопшихъ нашли себѣ мѣсто и въ христіанскихъ эпитафіяхъ. Примѣры собраны въ изобиліи хотя-бы въ книгѣ *Schultze*, Die Katakomben. Leipzig, 1882, стр. 15. Сохранился обычай угрозы штрафомъ, который, какъ то естественно, обращается теперь въ пользу церкви. Для примѣра укажемъ на слѣдующую надпись: Si quis super hunc corpus alium corpus ponere voluerit, inferet ecclesiae argentip. X (Salona).

5) *Boeckh*, C. I. G. n. 2826, v. 7.

Прибавимъ, что встрѣчающаяся здѣсь форма заклятія не есть нѣчто спеціально относящееся къ стилю эпитафій. Такъ, въ недавно найденной надписи, заключающей въ себѣ текстъ гражданской присяги жителей Херсонеса, встрѣчается заклятіе, почти тожественное съ тѣмъ, какое содержитъ наша надпись, а именно: μήτε γᾶ μοι μήτε θά[λασ]σα καρπὸν φέροι [1]). Въ этой оффиціальной формулѣ допущена таже самая нелогичность выраженія, что и въ нашемъ текстѣ: морю приписаны плоды, тогда какъ въ заклятіяхъ на эллинскихъ надписяхъ заклинающій хочетъ лишить оскорбителя своего гроба безопасности въ плаваньи по морю.

[1]) *Латышевъ*, Матеріалы по Археологіи Россіи, выпускъ 9, стр. 3, 55-я строка надписи.

IV.

Катакомба съ фресками, открытая въ 1891 году.

Мѣсто нахожденія и планъ катакомбы.—Общій характеръ ея росписи и введенныя въ нее отдѣльныя композиціи.

Катакомба съ фресками, открытая 6 августа 1891 года, расположена на сѣверномъ склонѣ горы Митридата въ мѣстности разбитыхъ кургановъ, которые нѣкогда сплошнымъ строемъ въ нѣсколько рядовъ шли къ западу отъ закрытаго нынѣ стараго керченскаго кладбища въ направленіи къ «Татарской слободкѣ», предмѣстью города Керчи, и дальше. Лѣтъ 15—20 тому назадъ керченскіе мѣщане стали разбирать здѣсь земли подъ усадьбы и строиться на нихъ. Хотя дома возникаютъ безъ общаго плана и городъ вовсе не озаботился о планировкѣ мѣста; но тѣмъ не менѣе домовъ здѣсь въ настоящее время такъ много, что мѣстность эта получила въ общемъ видъ части города, въ которую и вошла «Татарская слободка». Между усадьбами остаются еще кое-гдѣ пустыри и изрытыя «полы» кургановъ. Въ этой мѣстности въ разбитыхъ курганахъ устроены были нѣкогда одна за другой три известковыя печи Ростовскаго, по близости отъ которыхъ нерѣдко производились раскопки въ прежніе годы и не мало сдѣлано было находокъ, благодаря чему имя владѣльца этихъ печей, въ смыслѣ обозначенія мѣстности, часто поминается въ отчетахъ о керченскихъ раскопкахъ за 60—70-е годы. Печей этихъ въ настоящее время болѣе не существуетъ.

Открытая нами катакомба съ фресками расположена была на большомъ изрытомъ пустырѣ, къ западу отъ бывшихъ вторыхъ печей Ростовскаго (Табл. А литера *b*), и находится по близости отъ найденной въ 1877 году катакомбы Антестерія (Табл. А литера *f*). За три года, истекшіе съ тѣхъ поръ, какъ была сдѣлана наша находка, общій видъ ближайшей мѣстности рѣзко измѣнился. Городъ продалъ цѣлый рядъ участковъ, на которыхъ отчасти строятся, а отчасти уже выстроены, дома. То мѣсто, гдѣ расположена наша катакомба, продано мѣщанину Алдохину. Домъ, выстроенный этимъ послѣднимъ, къ счастію пришелся не надъ нею непосредственно, такъ что лѣтомъ 1894 г. была возможность вскрыть ее вновь для воспроизведенія новыхъ снимковъ съ ея фресокъ. При вторичномъ вскрытіи ея была сдѣлана маленькая находка, не лишенная однако значенія, а именно: въ землѣ, наполнявшей спускъ въ катакомбу, найдена была монета царя Митридата II, правившаго на Боспорѣ при имп. Клавдіи.

Въ своемъ планѣ наша катакомба представляетъ самый простой типъ этого вида памятниковъ. Она состоитъ изъ одной камеры, планированной какъ четырехугольникъ, нѣсколько расширенный въ глубину отъ входа (см. планъ и разрѣзъ, Табл. VIII). Боковыя ея стѣны имѣютъ въ длину 2 сажени и 6 вершковъ, задняя — 4 аршина и 12 вершковъ, входная — $5^1/_2$ аршинъ. Потолокъ ея представляетъ коробовой сводъ, равномѣрно понижающійся къ боковымъ стѣнамъ. Высота камеры по линіи разрѣза N — S, равна 2 арш. 8 верш. у входа и 1 сажени и 8 вершкамъ въ задней части. Боковыя стѣны до начала закругленія свода имѣютъ въ вышину около 2 аршинъ. Въ задней стѣнѣ, на высотѣ 1 аршина и 12 вершковъ отъ пола устроена небольшая ниша, имѣющая около 12 вершковъ въ вышину и ширину и около 6 въ глубину, съ закругленіемъ въ верхней части. Ниша меньшихъ размѣровъ около 5 верш. въ ширину и около 10 въ вышину устроена и во входной стѣнѣ съ лѣвой ея стороны.

Катакомба найдена была очищенной отъ земли и оказалась тщательно обысканной грабителями, посѣщавшими ее, повидимому, неоднократно. Въ лѣвой ея стѣнѣ сдѣлана пробоина въ сосѣднюю катакомбу меньшихъ размѣровъ, благодаря чему пострадала и часть декораціи этой стѣны. Лежанокъ, столь обычныхъ въ этихъ сооруженіяхъ, здѣсь не было, но въ лѣвомъ (для входящаго) углу въ глубинѣ камеры устроена была каменная скамья, имѣвшая, вѣроятно, тоже самое назначеніе, что и лежанки, т. е. служить мѣстомъ для постановки гроба. Ее составляли два большіе камня, около одного аршина въ вышину и ширину, имѣвшіе вмѣстѣ протяженіе около одной сажени въ длину. Камни эти уставлены были вдоль лѣвой стѣны въ разстояніи отъ нея около одного аршина.

Стѣны и потолокъ пещеры гладко выровнены и покрыты тонкимъ слоемъ штукатурки, на которой и произведена была роспись. Роспись эта сильно пострадала, какъ отъ сырости, такъ и отъ посѣщавшихъ катакомбу грабителей. Наши рисунки по возможности точно передаютъ ея видъ въ настоящее время.

Средина всѣхъ четырехъ стѣнъ воспроизводитъ мотивъ, столь многократно засвидѣтельствованный въ болѣе древнихъ домахъ Помпей, а именно: раздѣленіе площади на квадраты, какъ подражаніе облицовкѣ ихъ мраморомъ. На обѣихъ боковыхъ и задней стѣнахъ— два ряда квадратовъ, нижняя-же ихъ часть лишена всякой декораціи; входная стѣна имѣетъ четыре ряда квадратовъ, не оставленъ безъ украшенія и цоколь, представляющій полосу, разрисованную пятнами красной и черной красокъ; самыя пятна набросаны свободной кистью въ симметричномъ порядкѣ. Широкая темно-зеленая полоса съ розовыми краями отдѣляетъ эту архитектурно-декорированную часть поверхности отъ верхнихъ частей стѣнъ, служа какъ-бы карнизомъ. Въ раздѣленіи площади на квадраты декораторъ избѣжалъ монотонности: подраздѣленныя на квадраты полосы имѣютъ неравную между собою высоту, и самые размѣры четырехугольниковъ въ нихъ неодинаковы (Табл. IX, X, XI).

Верхняя полоса квадратовъ на всемъ своемъ протяженіи по четыремъ стѣнамъ украшена гирляндами, воспроизведенными по двумъ шаблонамъ, въ перемежку одинъ за другимъ. Одинъ шаблонъ даетъ цвѣточную гирлянду, другой—повязку. Изъ двухъ ленточекъ, которыми заканчиваются съ обѣихъ сторонъ гирлянды и повязки, одна свободнымъ узломъ какъ-бы

привязываетъ ее къ металлическому крючку, нарисованному черной краской, другая поднята сначала узломъ къ верху и спущена затѣмъ внизъ, но не по законамъ паденія тѣлъ, а въ чисто декоративномъ примѣненіи этого мотива. Для изображенія повязокъ декораторъ удовольствовался одной красной краской, цвѣточныя же гирлянды изображены съ нѣкоторымъ обиліемъ цвѣтовъ. На сквозящемъ черномъ полѣ нарисованы прикрѣплеными въ симметрическомъ порядкѣ зеленые и черные листья, торчащіе въ обѣ стороны и направленные концами къ опущенной внизъ серединѣ гирлянды; между листьями расположены въ симметричномъ распорядкѣ по обѣимъ сторонамъ яблоки, гранаты и шишки. Надъ центромъ гирляндъ нарисовано по одной гранатѣ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ надъ центральной частью повязокъ, нарисованныхъ одной красной краской, помѣщено по три цвѣтка розы, которые опираются своими стеблями въ середину повязки. Какъ гранаты, свободно висящія въ воздухѣ, такъ и эти розы съ изогнутыми и часто недоведенными до своей опоры стеблями, являются здѣсь чисто декоративнымъ элементомъ и свидѣтельствуютъ тѣмъ самымъ о превращеніи всей этой композиціи въ декоративный шаблонъ, за которымъ нельзя не признать изящества и граціозности.

Повязки и гирлянды, въ значеніи декоративнаго мотива, даны намъ во множествѣ образцовъ въ росписи стѣнъ помпейскихъ домовъ. Но если тамъ онѣ введены въ декорацію какъ простой орнаментъ, то здѣсь, на стѣнахъ погребальнаго сооруженія, тотъ-же самый мотивъ имѣетъ нѣкоторое ритуальное значеніе и можетъ быть изъясненъ обрядностью культа мертвыхъ. Извѣстно, что у грековъ повязка была однимъ изъ самыхъ обычныхъ приношеній почившему. Повязки возлагались на трупъ [1]), или украшали надгробные памятники [2]). Въ изображеніяхъ сценъ посѣщенія гроба близкими къ почившему людьми, — сюжетъ, столь часто воспроизводившійся на вазахъ, — приближающіеся къ гробницѣ держатъ обыкновенно повязки въ рукахъ. Одинъ помпейскій рельефъ на стѣнѣ гробницы свидѣтельствуетъ, что обычай приношенія повязокъ удержался въ теченіе вѣковъ и получилъ всеобщее распространеніе въ древнемъ мірѣ [3]). Что касается до цвѣточныхъ гирляндъ въ погребальномъ обрядѣ, то у насъ есть прямыя свидѣтельства отъ V вѣка до Р. Х. о существованіи у грековъ обычая возлагать на голову покойника вѣнокъ изъ цвѣтовъ [4]). Упоминанія объ этомъ обычаѣ, сохранившіяся у писателей I, II и III вѣковъ по Р. Х., позволяютъ заключить, что онъ имѣлъ

---

[1]) Для примѣра укажемъ на изображеніе сцены πρόθεσις покойнаго на одномъ аѳинскомъ лекиѳѣ. *Pottier*, Etude sur les lécuthes blancs attiques à représentations funéraires, Paris, 1883, pl. I.

[2]) Одно изъ множества подобныхъ изображеній представляетъ рисунокъ на вазѣ, изданной Милленомъ, табл. 15 въ первомъ томѣ. Цитуемъ по изданію *Reinach*'a, Peintures de vases antiques. Paris, 1891.

[3]) *Mazois*, Ruines de Pompeji, I, pl. XXIX, fig. 4. Тотъ-же самый рисунокъ въ меньшемъ масштабѣ приведенъ у Овербека, Pompeji, 4 изд., стр. 419.

[4]) *Aristoph.*, Lysistrata, v. 599 и слѣд.—Σὺ δὲ δὴ τί μαθὼν οὐκ ἀποθνήσκεις;
Χωρίον ἔσται· σορὸν ὠνήσε·
μελιτοῦτταν ἐγὼ καὶ δη μάξω.
λαβε ταυτὶ καὶ στεφάνωσαι.
. . . .
604. καὶ τουτονγὶ λαβὲ τον στέφανον.
cf. *Euripid.* Phoenissae, vv. 1631 -3. Κηρύξεται δὲ πᾶσι Καδμείοις τάδε.
ὃς ἂν νεκρὸν τόνδ' ἢ καταστέφων ἁλῷ
ἢ γη καλύπτων, θάνατον ἀνταλλάξεται.

всеобщую распространенность въ греко-римскомъ мірѣ и что ему придавалось религіозное значеніе [1]). Это послѣднее обстоятельство и вызвало противъ него протестъ христіанъ, которые изгоняли цвѣты изъ похороннаго обряда и въ гирляндахъ на гробѣ готовы были видѣть проявленіе идолослуженія [2]), но позднѣе примирились съ ними и ввели въ свой похоронный обрядъ [3]).

Ритуальное и отчасти символическое значеніе, которое можно, такимъ образомъ, придать гирляндамъ и повязкамъ на стѣнахъ нашей катакомбы, получаетъ свое подтвержденіе также и въ присутствіи здѣсь гранаты. Этотъ фруктъ, какъ пища подземныхъ боговъ, имѣлъ исконную связь съ культомъ мертвыхъ [4]).

Верхнее поле стѣнъ, отдѣленное отъ нижней, декорированной архитектурнымъ образомъ части, карнизомъ, въ видѣ упомянутой уже широкой темнозеленой полосы, имѣетъ, благодаря устройству свода, видъ сегмента на входной и задней стѣнахъ, а на двухъ боковыхъ— представляетъ полосу, расширяющуюся въ глубину камеры. Всѣ эти четыре поля заняты различными композиціями, причемъ декораторъ проявилъ живую и свободную изобрѣтательность, а равно и умѣніе примѣниться къ самымъ размѣрамъ мѣста, бывшаго въ его распоряженіи.

Всѣ четыре поля заполнены изображеніями живыхъ существъ. На боковыхъ стѣнахъ изображены птицы, которымъ приданы жизненность и движеніе естественнымъ мотивомъ исканія пищи. На лѣвой отъ входа стѣнѣ нарисованы въ широкомъ концѣ полосы два павлина, поставленные симметрично другъ къ другу, которые клюютъ кормъ изъ стоящей между ними плетеной корзины; далѣе — бѣгущій пѣтухъ (хвостъ его не уцѣлѣлъ), какая-то птица, пагнувшая свою длинную шею къ землѣ, и въ самомъ узкомъ углу мелкія пташки, изображенія которыхъ довольно плохо сохранились (Табл. X). Въ соотвѣтственной полосѣ правой стѣны помѣщены: павлинъ, клюющій зеленую вѣтку, небольшая желтая птичка, сидящая на вѣткѣ и схватившая клювомъ зеленый листочекъ, и наконецъ три желтыя птички, состав-

---

[1]) *Plin.*, N. h. XXI, 11: Et iam tunc coronae honos erant et larum publicorum privatorumque ac sepulcrorum et manium. — *Lucian.*, Περὶ πένθους, § 11: καὶ μύρῳ τῷ καλλίστῳ χρίσαντες τὸ σῶμα πρὸς δυσωδίαν ἤδη βιαζόμενον καὶ στεφανώσαντες ταῖς ὡραίοις ἄνθεσι προτίθενται.— *Tertul.*, De cor. mil. X. Nam et mortuorum est ita coronari; quoniam et ipsi idola statim fiunt et habitu et cultu consecrationis, quae apud nos secunda idolatria est.

[2]) Въ діалогѣ «Октавій» Минуція Феликса язычникъ говоритъ христіанину: coronam etiam sepulcris denegatis (cap. 12, 6). Христіанину даны такія слова: nec mortuos coronamus... nec adnectimus arescentem coronam, sed a Deo aeternis floribus vividum sustinemus. Полемику Тертулліана см. въ сочиненіи De corona militis.— Позволимъ себѣ по этому поводу указать ошибочность утвержденія Стефани, будто обычай увѣнчивать голову покойника цвѣтами былъ исключительно греческій, а никакъ не римскій. См. Der ausruhende Hercules, стр. 35. Denn nur bei den Griechen nicht bei den Römern war es Regel, die Todten zu bekränzen. Утвержденіе это повторено у г. Стасова въ Отчетѣ за 1872 годъ, стр. 315.

[3]) *Hieron.*, ep. XXVI ad Pammach. de obitu uxor. II. Ceteri mariti super tumulos coniugum spargunt violas rosas, lilia floresque purpureos et dolorem pectoris his officiis consolantur. Pammachius noster sanctam fovillam ossaque veneranda eleomosynae balsamis rigat.—О томъ-же даютъ свидѣтельство изображенія вѣнковъ и вѣтокъ на христіанскихъ надгробіяхъ въ римскихъ катакомбахъ.

[4]) Свидѣтельства см. *Hehn*, o. l. p. 194; что до памятниковъ искусства съ изображеніемъ гранаты, то укажемъ для примѣра на надгробную стелу изъ Ларисcы, Mitth. d. arch. Inst. zu Athen, VIII (1883), Taf. II. Архаичные рельефы въ музеѣ Спарты—Mitth. d. arch. Inst. zu Athen, II, Taf. XXII, XXIII, XXV; замѣчанія *Milchhöffer'a* — стр 469. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ искусства, на которомъ встрѣчается изображеніе гранаты въ символическомъ значеніи, это знаменитый «памятникъ гарпій» изъ Ксанѳа. Подробно останавливается на значеніи гранаты въ качествѣ символа, проф. *Кондаковъ* въ своемъ изслѣдованіи «Памятникъ Гарпій», стр. 97 и слѣд.

лявшія, вѣроятно, группу, какъ можно предположить по ихъ взаимному положенію. Вполнѣ сохранились очертанія только одной, помѣщенной въ серединѣ; отъ другой, обращенной къ ней, видна только передняя часть, а отъ третьей уцѣлѣла только голова и часть шеи.

На входной стѣнѣ верхнее поле раздѣлено отверстіемъ для двери на двѣ половины (Табл. IX). Декораторъ придумалъ для нихъ соотвѣтственныя композиціи, изъ которыхъ правая (для стоящаго лицомъ къ стѣнѣ) сохранилась лишь отчасти. Въ середину каждаго поля онъ помѣстилъ по дереву и по обѣ ихъ стороны — симметричныя изображенія. Отъ праваго дерева уцѣлѣлъ лишь стволъ, лѣвое сохранилось вполнѣ, съ своеобразной трактовкой листвы зелеными кружками, размѣщенными по обѣ стороны отъ вѣтокъ [1]). Въ лѣвомъ углу изображенъ подъ деревомъ стоящій олень. Соотвѣтствующая ему фигура въ правомъ углу не уцѣлѣла, но, вѣроятно, и тамъ было нарисовано какое нибудь животное.

Въ промежуткѣ между деревьями и отверстіемъ для входа даны миѳологическія изображенія: мужское божество на правой сторонѣ и женское — на лѣвой. Аттрибуты, приданные богамъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ ихъ именъ. Отъ Гермеса уцѣлѣла только верхняя часть, съ его символомъ, кадуцеемъ, на лѣвомъ плечѣ. Вѣроятно, декораторъ далъ ему какой-то предметъ и въ правую руку, но это мѣсто стѣны сильно пострадало отъ сырости и только по догадкѣ можно сказать, что это былъ кошелекъ, обычный аттрибутъ этого бога. Эта догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что такъ именно изображенъ Гермесъ въ катакомбѣ Сорака, а равно и въ катакомбѣ Антестерія [2]).

Изображенное на лѣвой сторонѣ женское божество характеризовано двумя аттрибутами: рогомъ изобилія и рулемъ; тѣмъ самымъ оно опредѣляется, какъ Фортуна. Второй аттрибутъ богини счастья, руль, возникъ какъ результатъ смѣшенія ея миѳологическаго образа съ богиней Изидой. Въ произведеніяхъ античнаго искусства временъ римскихъ императоровъ образъ Фортуны съ этими двумя аттрибутами есть типъ, вполнѣ установившійся и широко распространенный [3]). Присутствіе его здѣсь служитъ уже само по себѣ нѣкоторымъ хронологическимъ указаніемъ и подтверждаетъ позднюю эпоху памятника, которую можно установить и на основаніи другихъ соображеній и данныхъ, какъ то указано выше.

Присутствіе въ росписи погребальнаго сооруженія бога Гермеса, который, въ качествѣ ψυχαγωγός или ψυχοπομπός, имѣетъ спеціальное отношеніе къ посмертному существованію, легко можетъ быть изъяснено въ смыслѣ свидѣтельства о религіозной мысли, руководившей декораторомъ [4]), и мы не станемъ возражать противъ возможности такого изъясненія. Но, быть можетъ, оно и ненужно.

Образы боговъ въ росписи стѣнъ были въ то время слишкомъ обычнымъ и простымъ элементомъ, нисходившимъ часто на степень орнамента, какъ то подтверждается множествомъ примѣровъ на фрескахъ помпейскихъ домовъ, а богъ Гермесъ, или Меркурій, и Фортуна

---

[1]) Стефани готовъ былъ признать въ такой трактовкѣ листьевъ вліяніе восточнаго, въ частности персидскаго искусства. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1877 годъ, стр. 44.

[2]) Атласъ къ Отчету Имп. Арх. Ком. за 1878—79 годы, Табл. I.

[3]) *Roscher*, Ausf. Lexicon der g. u. r. Myth., I, 2, стр. 1530 и сл.

[4]) Въ такомъ именно смыслѣ изъяснялъ присутствіе Гермеса въ росписи катакомбы 1873 года ея издатель, Стефани. См. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1874 г., стр. 116.

изображались принимающими участіе въ судьбѣ людей живущихъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь интересное свидѣтельство изъ половины I вѣка нашей эры, которое пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду малочисленности упоминаній въ древней литературѣ о сюжетахъ росписи стѣнъ.

Петроній, въ описаніи дома богача Трималхіона, сообщаетъ, между прочимъ, и о такой сценѣ, нарисованной на одной изъ стѣнъ его дворца.—In deficiente vero iam porticu levatum (Trimalchionem) in tribunal excelsum Mercurius rapiebat. Praesto erat Fortuna cornu abundanti copiosa et tres Parcae aurea pensa torquentes, — т. е. «въ концѣ портика Меркурій увлекалъ Трималхіона за подбородокъ на высокій трибуналъ. Тутъ-же была Фортуна съ рогомъ изобилія и три Парки, сучившія золотыя нити» (cap. 29).

На множествѣ памятниковъ древняго искусства, а также и на надписяхъ [1]), Меркурій и Фортуна составляютъ пару, такъ что и въ данномъ случаѣ мы въ правѣ признать вовсе не случайной симметрію этихъ божествъ. Не случайно и то, что изображены эти боги на входной стѣнѣ. Въ росписи домовъ въ Помпеяхъ Меркурій и Фортуна съ тѣми-же самыми символами, какъ и въ нашей катакомбѣ, неоднократно помѣщены на входныхъ стѣнахъ, по обѣимъ сторонамъ дверей или рядомъ [2]).

Самое большое поле, занятое отдѣльными композиціями, находится на задней стѣнѣ камеры (Табл. XI); въ серединѣ его устроена ниша, которая дѣлитъ его пополамъ. Декораторъ вполнѣ опредѣленно выразилъ это дѣленіе, помѣстивъ надъ нишей декоративный мотивъ, очень распространенный въ античномъ искусствѣ, который часто попадается и въ помпейской фресковой живописи [3]), а именно: два павлина, которые пьютъ воду изъ высокаго металлическаго сосуда, стоящаго между ними. Почва, на которой стоятъ павлины и сосудъ съ водой, намѣчена узкой полоской, которая проведена почти горизонтально надъ верхней линіей ниши и спадаетъ затѣмъ въ рѣзкомъ наклонѣ по обѣ стороны ея. Вся эта композиція исполнена наскоро и довольно грубо: шеи павлиновъ непомѣрно длинны, а ноги черезъ-чуръ высоки.

Правое отъ центра поле занято изображеніемъ двухъ самостоятельныхъ сценъ: одна вверху, другая—внизу, причемъ декораторъ пренебрегъ выразить чѣмъ-нибудь ихъ отдѣльность. Первая сохранилась весьма плохо, краски здѣсь выцвѣли и поблѣднѣли, отъ нѣкоторыхъ фигуръ различаются только силуэты. Изображена здѣсь была, повидимому, бытовая сцена въ родѣ той, какая дана въ катакомбѣ Антестерія [4]). Центръ занимаетъ всадникъ на конѣ, съ копьемъ въ рукахъ; ему предшествуетъ пѣшій спутникъ, а позади изображены одна за другой три фигуры. Лучше другихъ сохранились двѣ ближайшія къ всаднику фигуры,

---

[1]) Для примѣра укажемъ на одну: Corp. Insc. Lat. n. 2103. Fortunae signum aureum, p. V. it(em) Mercurio, p. V.

[2]) *Helbig*, Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens. Leipzig. 1868; стр. 7 и 8, nn. 17, 18 и 19.

[3]) *Presuhn*, Pompeji. Die neuesten Ausgrabungen. Leipzig. 1882, Abth. II, Taf. 2. Павлинъ, въ качествѣ орнамента, перешелъ позднѣе и въ христіанское искусство, гдѣ онъ получилъ большую распространенность, причемъ ему придано было и символическое значеніе, подобно тому, какъ эротамъ дано было значеніе ангеловъ. Павлинъ на памятникахъ, найденныхъ въ Керчи, см. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1873 г. стр. 66; за 1872 г. табл. фресокъ катакомбы; въ примѣненіи на христіанскомъ памятникѣ см. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1867 г., стр. 204.

[4]) Атласъ къ Отчету Имп. Арх. Ком. за 1878—79 г., Табл. I.

представляющія мужчинъ, одѣтыхъ въ короткую облегающую туловище, вѣроятно подпоясанную, одежду съ рукавами, а на ногахъ у нихъ, какъ и у всадника, одѣты штаны. Это и есть обычное туземное одѣяніе, которое въ отчетливомъ рисункѣ дано на обоихъ всадникахъ въ катакомбѣ Антестерія, а также во множествѣ на рельефахъ погребальныхъ стелъ. Правый уголъ нижняго поля заполненъ декоративнымъ мотивомъ. Художникъ изобразилъ вѣтвистое дерево, а на право за нимъ—оленя, нарисованнаго довольно грубо, и далѣе—птицу, стоящую на вѣткѣ, поднимающейся изгибомъ отъ земли. Эта вѣтка, въ которой не только листья, но и самый стержень исполнены зеленой краской, изображаетъ, вѣроятно, кустъ. Птица стоитъ на непомѣрно высокихъ ногахъ — погрѣшность противъ природы, не разъ допущенная въ нашихъ фрескахъ.

Лѣвая часть нижняго поля занята изображеніемъ трехъ фигуръ: мужской и двухъ женскихъ. Двѣ изъ нихъ составляютъ группу. Мужчина и женщина стоятъ по обѣ стороны отъ небольшаго круглаго жертвенника, а направо отъ мужской фигуры нарисована пляшущая женщина, съ высоко поднятымъ надъ головой покрываломъ. Мужчина изображенъ съ длинными волосами и бородой, въ одеждѣ, доходящей до колѣнъ: одѣяніе женщины, стоящей по другую сторону отъ жертвенника,—длинный розовый хитонъ (χιτὼν ποδήρης) и желтый плащъ. Въ лѣвыхъ рукахъ обѣ фигуры держатъ рогъ изобилія, нарисованный зеленой краской, какъ и въ изображеніи Фортуны на входной стѣнѣ. Головамъ обѣихъ фигуръ придано своеобразное украшеніе, въ которомъ слѣдуетъ, вѣроятно, признать κάλαθος, какъ называли его греки, или modius, какъ передавали это слово римляне. Этотъ головной уборъ былъ усвоенъ нѣкоторымъ богамъ, какъ напр. Зевсу—Серапису [1]), который всегда изображался въ немъ, иногда онъ украшаетъ Діониса [2]), но исконное свое мѣсто онъ имѣлъ въ культѣ Деметры [3]). На рельефахъ, изображающихъ сцену, за которой въ археологіи установлено названіе «семейной трапезы», калатосъ часто украшаетъ голову главнаго лица этой сцены [4]). Въ данной связи для насъ достаточно отмѣтить, что этотъ головной уборъ есть аттрибутъ боговъ, какъ и рогъ изобилія, которымъ снабжены обѣ фигуры. Сцена изображаетъ, какъ то очевидно, жертвоприношеніе. На жертвенникѣ возвышается какой-то предметъ, быть можетъ, жертвенная лепешка. Мужская фигура держитъ въ протянутой къ жертвеннику рукѣ патеру, чѣмъ данъ намекъ на возліяніе. Итакъ, лица, которымъ приданы аттрибуты божествъ, совершаютъ жертвоприношеніе. Аттрибуты эти не настолько опредѣленны, чтобы можно было рѣшиться назвать ихъ богами и затѣмъ искать именъ этихъ божествъ. Самый-же мотивъ — совершеніе жертвоприношенія не людьми, а богами, не представляетъ ничего необычнаго въ античномъ

---

[1]) *Macrob.*, Sat. I, 20, 13. Eidem Aegypto adiacens civitas, quae conditorem Alexandrum Macedonem gloriatur, Serapim atque Isin cultu paene adtonitae venerationis observat. Omnem tamen illam venerationem soli se sub illius nomine testatur impendere, vel dum calathum capiti eius infigunt, vel dum simulacro signum tricipitis animantis adiungunt, quod exprimit medio eodemque maximo capite leonis effigiem.

[2]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1873 г., стр. 29 прим. 2.

[3]) Въ курганѣ Большая Близница, на Таманскомъ полуостровѣ, открытъ былъ склепъ, который былъ признанъ гробницей жрицы Деметры. Въ числѣ многихъ драгоцѣнныхъ вещей найденъ былъ κάλαθος, составленный изъ золотыхъ тисненыхъ бляшекъ. Среди мелкихъ золотыхъ вещей найдены были, между прочимъ, изображенія пляшущихъ дѣвушекъ съ κάλαθος'ами на головахъ. См. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1865 годъ, Табл. I и въ текстѣ стр. 23 и сл. 57—70; ср. Табл. III, n. 27; Отч. за 1869 г., Табл. I, nn. 1—10; IV, n. 6.

[4]) Укажемъ, для примѣра, Collection Sabouroff, I, pl. 36

искусствѣ. Въ декораціяхъ помпейскихъ домовъ есть нѣсколько сценъ жертвоприношенія, совершаемаго богами, или, быть можетъ, людьми, съ божественными аттрибутами, и, такимъ образомъ, жертвоприношеніе изображается не какъ реальное событіе, не какъ сцена живаго міра, а въ видѣ символическаго образа. Для примѣра укажемъ на слѣдующія изображенія.

Два Лара, съ вѣнками на головахъ и ритонами въ рукахъ, приносятъ корзинки съ жертвенными приношеніями на стоящій между ними жертвенникъ, на которомъ горитъ огонь. Налѣво отъ этой группы стоитъ Юпитеръ, направо — Аѳина [1]). Въ другой аналогичной сценѣ безкровную жертву совершаютъ надъ горящимъ огнемъ алтаря Геркулесъ и Геній семейства (Genius familiaris), позади Геркулеса стоитъ Ларъ съ ритономъ въ одной рукѣ и корзинкой съ приношеніями—въ другой; въ ногахъ его изображена свинья, украшенная повязками для жертвоприношенія. Надъ жертвенникомъ—фигура мальчика (camillus), играющаго на флейтѣ [2]). Въ третьей сценѣ надъ огнемъ жертвенника совершаютъ возліяніе Юпитеръ и Геній семейства. Обѣ фигуры самымъ опредѣленнымъ образомъ характеризованы свойственными имъ аттрибутами [3]). Въ четвертой сценѣ возліяніе на жертвенникъ совершаетъ богиня Веста; по обѣ ея стороны стоятъ Лары съ вѣнками на головахъ и ритонами въ рукахъ; съ лѣвой стороны заканчиваетъ композицію изображеніе богини-покровительницы города, Venus Felix, подлѣ которой помѣщенъ Амуръ, стоящій на кругломъ постаментѣ [4]).

Такимъ образомъ, какъ ясно изъ приведенныхъ примѣровъ, символическое изображеніе жертвоприношенія было въ обиходѣ античнаго искусства того времени, а потому въ изъясненіи данной композиціи возможно въ совершающихъ жертвоприношеніе фигурахъ признать боговъ и пытаться опредѣлить ихъ. Но такое объясненіе нашего сюжета не есть единственно возможное и необходимое, и мы думаемъ, что въ нашей сценѣ вмѣсто боговъ мы съ бо̀льшимъ правомъ можемъ признать людей, которымъ приданы божескіе аттрибуты. Въ изображеніи мужчины въ нашей фрескѣ есть нѣчто, позволяющее сблизить эту сцену съ третьимъ изъ перечисленныхъ выше помпейскихъ стѣнныхъ рисунковъ. На этомъ послѣднемъ совершающій возліяніе геній семейства изображенъ съ портретными чертами, а именно: представленъ пожилой мужчина, одѣтый въ тогу, которой дана драпировка, соотвѣтствующая тому, какъ облачались въ нее при жертвоприношеніи римляне. Самымъ простымъ и естественнымъ изъясненіемъ этой детали будетъ то, что Геній есть портретъ главы семейства, хозяина этого дома. Въ нашей фрескѣ одѣяніе мужской фигуры напоминаетъ собою туземный костюмъ; молодое лицо этого мужчины обрамлено русой бородой. Намъ-бы казалось вѣроятнымъ признать въ этихъ чертахъ портретный характеръ; но изображенному здѣсь лицу приданы въ тоже время божескіе аттрибуты: рогъ изобилія и κάλαθος. Ими снабжена также и женщина, стоящая слѣва отъ жертвенника.

Изображеніе человѣка въ божескомъ видѣ есть явленіе широко распространенное въ античномъ искусствѣ. Такъ, лучистый вѣнецъ (нимбъ), являющійся въ изобразительномъ искусствѣ указаніемъ на божественную природу даннаго лица, придается весьма часто лицамъ,

[1]) *Helbig*, Waudgemälde etc.. Атласъ, Табл. I.
[2]) Ib. Табл. III, въ текстѣ n. 69, стр. 22 -23.
[3]) Ib. Табл. II, въ текстѣ n. 67, стр. 22.
[4]) *Monumenti del Instituto*, III, 6, a =*Baumeister*, Denkmäler, II, стр. 811 (s. v. Laren).

совершающимъ жертвоприношеніе. Памятники этого рода сопоставилъ въ свое время Стефани въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «Nimbus und Strahlenkranz». Этотъ аттрибутъ приданъ часто головамъ участниковъ въ культѣ Діониса (βάκχοι и βάκχαι), а также и сатирамъ, прислужникамъ Діониса [1]). Въ данномъ случаѣ, головы приносящихъ жертву украшаетъ κάλαθος, имѣющій, какъ то указано выше, непосредственное отношеніе къ культу Діониса, Деметры и Коры. Въ виду того, что эти боги имѣютъ прямую связь съ вѣрованіями древнихъ о загробномъ существованіи души, является вполнѣ понятнымъ такое именно изображеніе жертвоприношенія въ погребальной пещерѣ.

Композиція можетъ, такимъ образомъ, быть изъяснена, какъ изображеніе жертвоприношенія, совершаемаго той четой, которая соорудила себѣ это мѣсто вѣчнаго упокоенія. Не придавая этому объясненію даннаго сюжета значенія единственно возможнаго, мы готовы считать его болѣе вѣроятнымъ, нежели признаніе боговъ въ обѣихъ фигурахъ.

Направо отъ сцены жертвоприношенія изображена пляшущая женщина въ широко развѣвающемся платьѣ и съ розовымъ покрываломъ, которое она держитъ надъ головой въ поднятыхъ кверху рукахъ. Плохая сохранность этого изображенія затрудняетъ и самое его объясненіе. Составляетъ-ли она третьяго члена группы и участвуетъ въ этомъ символическомъ жертвоприношеніи, исполняя священную пляску, или же она помѣщена здѣсь какъ самостоятельная декоративная фигура,—мы не рѣшились-бы съ увѣренностью избирать между этими двумя возможностями. Пляшущія фигуры, какъ простой декоративный элементъ, имѣли самое широкое примѣненіе въ росписи стѣнъ. Достаточно вспомнить частое воспроизведеніе этого мотива въ столь изящныхъ и разнообразныхъ формахъ на стѣнахъ помпейскихъ домовъ. Въ керченской катакомбѣ, найденной въ 1873 году, на одной изъ боковыхъ стѣнъ изображены были четыре пляшущія фигуры, въ позѣ тожественной съ занимающимъ насъ теперь изображеніемъ. Академикъ Стефани, въ своемъ описаніи этой катакомбы, очень опредѣленно высказался за символическій смыслъ этихъ фигуръ; онъ полагалъ, что въ нихъ «художникъ хотѣлъ изобразить идею загробнаго существованія» [2]). Позволимъ себѣ выразить въ данномъ случаѣ принципіальное разногласіе съ почтеннымъ авторитетомъ. Символическаго можно искать въ нихъ столько-же, сколько въ тѣхъ фигурахъ крылатыхъ геніевъ и амуровъ, которыми изукрашены, напр., плафоны въ могильныхъ сооруженіяхъ не только языческихъ римскихъ [3]), но и въ христіанскихъ [4]) и даже іудейскихъ [5]).

Лѣвое отъ центра поле занято двумя композиціями, которыя расположены въ симметрическомъ отношеніи съ разсмотрѣнными уже декораціями правой стороны.

Въ соотвѣтствіе со сценой жертвоприношенія изображена здѣсь семья почившаго въ обстановкѣ «семейной трапезы». Декораторъ выдѣлилъ эту сцену изъ окружающихъ ее изображеній, заключивъ ее какъ-бы въ рамки. Остальная часть поля налѣво, ближе къ углу,

---

[1]) o. l. стр. 465 и сл., 470. 472.

[2]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1874 г., стр. 112.

[3]) Такова, для примѣра, роспись семейной усыпальницы, найденной въ 1860 году на via Latina. Annali del Inst. di corr. arch. 1860, съ изслѣдованіемъ о ней *Petersen*'a.

[4]) Достаточно упомянуть о плафонѣ въ неаполитанскихъ катакомбахъ S. Gennaro de' Poveri. Рисунокъ помѣщенъ въ извѣстной книгѣ *Schultze*, Die Katakomben. Leipzig, 1882, стр. 93.

[5]) *Garrucci*, Cimetero degli antichi Ebrei scoperto recentemente in Vigna Randanini. Roma, 1862.

украшена была, по всему вѣроятію, сценой бытоваго характера, но, къ сожалѣнію, краски здѣсь сильно выцвѣли, и далеко не весь рисунокъ сохранился даже въ контурѣ. Центръ композиціи занимаетъ пирамидальное сооруженіе, въ которомъ, по аналогіи съ однимъ изъ изображеній въ катакомбѣ Антестерія, можно съ увѣренностью признать шатеръ или кибитку. Направо отъ кибитки изображено какое-то домашнее животное, голова котораго стерта. По всему вѣроятію, это — лошадь. Отъ изображеній, заканчивавшихъ композицію съ лѣвой стороны, уцѣлѣла только одна окрашенная полоса, идущая вдоль отъ середины кибитки, такъ что тщетно было-бы пытаться угадать по ней, что именно нарисовалъ здѣсь декораторъ. Вѣроятно, въ цѣломъ это была жанровая сцена изъ современнаго ему быта боспорскаго населенія, такъ какъ центръ ея занимаетъ изображеніе степнаго жилища.

Въ заключеніе обзора росписи остается разсмотрѣть сцену «семейной трапезы». Фигура, возлежащая на богато убранномъ ложѣ, сохранилась лишь въ отдѣльныхъ пятнахъ красокъ, но, по многочисленнымъ аналогіямъ, можно съ полной увѣренностью утверждать, что нарисованъ былъ мужчина. Противъ середины ложа стоитъ на трехъ изогнутыхъ ножкахъ круглый столикъ съ тремя сосудами для вина и какимъ-то круглымъ предметомъ, въ которомъ, быть можетъ, слѣдуетъ признать жертвенную лепешку. Одинъ изъ трехъ названныхъ сосудовъ крайній правый, есть *simpulum* [1]). Вправо отъ ложа изображенъ мальчикъ, обычный въ такихъ сценахъ прислужникъ (οἰνοχόος). На высокомъ креслѣ налѣво отъ ложа сидитъ женщина, задрапированная въ широкую одежду. Ноги ея покоятся на низенькой скамейкѣ. Налѣво отъ матери семейства нарисована маленькая фигура, держащая въ рукахъ ящичекъ съ пирамидальной крышкой. На многихъ могильныхъ рельефахъ можно указать аналогію этой группѣ. Вся эта сцена имѣетъ шаблонный характеръ какъ въ расположеніи перечисленныхъ фигуръ, такъ и въ ихъ позахъ; оживляющій элементъ, который составляетъ существенное отличіе нашего изображенія отъ множества аналогичныхъ, приданъ ей изображеніемъ дѣтей этой четы. Въ ногахъ ложа, направо отъ кресла женщины, изображена женская, повидимому, фигура; а подъ ложемъ на полу помѣщена группа двухъ младенцевъ, лежащихъ въ колыбели и маленькой женской фигуры, стоящей подлѣ нихъ. Эта послѣдняя группа въ подобной композиціи, имѣющей въ своей основѣ несомнѣнно ритуальный элементъ, встрѣчается, сколько намъ извѣстно, впервые среди многочисленныхъ памятниковъ античнаго искусства, сохранившихъ намъ этотъ сюжетъ.

Указанная подробность въ изображеніи сцены «семейной трапезы» является еще однимъ подтвержденіемъ свободы замысла художника, исполнявшаго эту роспись, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ свидѣтельство о туземномъ характерѣ этого вида античнаго искусства на Боспорѣ въ первые вѣка нашей эры.

---

[1]) Объ этой детали будетъ рѣчь ниже.

V.

Сцена «трапезы» въ катакомбахъ и на надгробныхъ стелахъ.

Ритуальность сюжета.—Опредѣленіе и изъясненіе его.—Толкованіе Стефани.—Критика его положеній.—Основной смыслъ сюжета и связь его съ религіозными вѣрованіями о загробномъ существованіи.—Ослабленіе исконнаго ритуальнаго характера этого сюжета на боспорскихъ памятникахъ. — Общее заключеніе о характерѣ росписи катакомбъ и хронологіи издаваемыхъ нынѣ памятниковъ.

Въ обѣихъ издаваемыхъ нынѣ катакомбахъ въ составъ сюжетовъ росписи введена композиція, для опредѣленія которой мы пользовались терминомъ «семейная трапеза». Этотъ сюжетъ, какъ было указано выше, встрѣчался на фрескахъ катакомбъ, открытыхъ въ прежніе годы, а именно: въ катакомбѣ Ашика — два раза, и въ той, которая была открыта въ 1875 году (см. рис. 6). Главные элементы композиціи воспроизведены во всѣхъ этихъ пяти изображеніяхъ вполнѣ однородно: возлежащій на ложѣ мужчина, сидящая на креслѣ женщина, виночерпій, подающій возлежащему кубокъ и, наконецъ, столъ о трехъ ножкахъ (τράπεζα τρισκελής) подлѣ ложа; но въ деталяхъ отдѣльныхъ изображеній есть и существенныя различія. Такъ, въ катакомбахъ 1875 и 1891 годовъ композиція ограничивается тремя названными фигурами, въ трехъ остальныхъ она дополнена присоединеніемъ другихъ лицъ. Въ одномъ изъ двухъ изображеній ея въ катакомбѣ Ашика [1]) направо отъ виночерпія (который стоитъ у изголовья ложа) нарисованы одна за другой три мужскія фигуры въ одинаковыхъ одѣяніяхъ и позахъ. Онѣ одѣты, поверхъ хитоновъ, въ доходящіе до колѣнъ плащи, стянутые на бедрахъ поясомъ; въ складкахъ плащей спрятаны обѣ руки. Головы ихъ обращены къ центральной фигурѣ сцены, къ которой они какъ-бы подходятъ. Въ лѣвомъ концѣ сцены по обѣ стороны отъ сидящей на креслѣ матроны поставлены двѣ маленькія женскія фигуры; далѣе къ концу— двѣ сидящія на высокихъ скамейкахъ, а за ними еще три стоящія одна за другой также женскія фигуры.

Въ другомъ изображеніи той-же сцены въ той-же катакомбѣ [2]), въ центрѣ композиціи возлежитъ на высокомъ ложѣ мужчина, у изголовья передъ нимъ стоитъ круглый столъ о трехъ ножкахъ съ двумя сосудами на немъ; съ правой стороны за изголовьемъ помѣщенъ прислужникъ. Слѣва отъ возлежащаго возсѣдаетъ на высокомъ креслѣ матрона. Позади ея

---

[1]) o. l. pl. IV.
[2]) o. l. pl. VI.

стоитъ маленькая женская фигура, держащая въ рукахъ ящикъ цилиндрической формы. Въ ногахъ возлежащаго на спинкѣ ложа изображена сидящей маленькая женская фигура.

Въ описанномъ выше изображеніи того-же сюжета въ катакомбѣ 1891 года (Табл. XI) къ двумъ главнымъ лицамъ сцены и двумъ дополнительнымъ, прислужника и прислужницы, художникъ прибавилъ четыре дѣтскія фигуры. Одна подробность этого послѣдняго изображенія, а именно: помѣщеніе люльки съ двумя младенцами въ ногахъ возлежащаго мужчины, можетъ служить вполнѣ опредѣленнымъ указаніемъ на то, что всѣ добавленныя фигуры въ изображеніяхъ этого рода представляютъ членовъ семейства главнаго лица этой сцены.

Выше было указано на то, что сцена такъ наз. «семейной трапезы» является весьма обычнымъ сюжетомъ рельефовъ на надгробныхъ памятникахъ, найденныхъ какъ на Боспорѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ греческихъ поселеній нашего юга. Нѣсколько памятниковъ этого рода издано было въ археологическихъ трудахъ Вакселя, Дюбуа де-Монперэ и Ашика. Стефани въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «Der ausruhende Hercules», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1854 году, перечислилъ восемь въ ту пору ему извѣстныхъ плитъ съ изображеніями этого рода и два изъ этихъ памятниковъ были изданы въ маломъ масштабѣ на заглавномъ листѣ великолѣпнаго изданія: «Древности Босфора Киммерійскаго».

Въ настоящее время тѣ изъ памятниковъ этого рода, на которыхъ сохранились надгробныя надписи, легко сопоставить по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Латышевымъ въ его Сборникѣ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря и дополненіяхъ къ этому изданію, появившихся послѣ выхода въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ Сборника. Но не мало сохранилось рельефовъ этого рода на поврежденныхъ плитахъ, на которыхъ не уцѣлѣли надписи. Какъ въ музеяхъ, такъ и въ коллекціяхъ частныхъ лицъ случалось намъ видѣть такіе памятники. Большинство рельефовъ этого рода не только этой послѣдней категоріи, но и первой, остаются доселѣ неизданными.

Представляя далѣе перечисленіе и краткое описаніе 26 рельефовъ съ сюжетомъ «трапезы», мы должны заранѣе оговориться, что не можемъ претендовать на полноту нашего списка; но замѣтимъ, что сообщенныя въ немъ данныя по возможности провѣрены по памятникамъ.

Территорія Пантикапеи.

1. Inscr. Regni Bosp. n. 71. Эпитафія Тиранія.—Бородатый мужчина возлежитъ на высокомъ ложѣ; предъ нимъ столъ съ четырьмя сосудами, изъ которыхъ одинъ есть simpulum; направо мальчикъ наливаетъ вино въ одинъ ихъ нихъ. Въ ногахъ возлежащаго стоитъ другой бородатый мужчина со щитомъ въ одной рукѣ и двумя копьями въ другой; еще далѣе влѣво — фигура мальчика. — Плита хранится въ Эрмитажѣ. Рисунокъ см. у Ашика, Боспорское царство, т. II, pl. XVIII.

2. Ib. n. 96. Эпитафія Исигоны и Гераклида.—Возлежащій мужчина съ кантаромъ въ правой рукѣ; налѣво отъ него сидитъ въ креслѣ женщина, подъ ногами у нея скамейка. У изголовья ложа стоитъ столъ о трехъ ножкахъ съ тремя сосудами на немъ; одинъ изъ этихъ сосудовъ есть simpulum. Направо отъ стола — мальчикъ съ кувшиномъ въ правой

рукѣ, а въ лѣвомъ углу подлѣ кресла стоитъ маленькая женская фигура съ цилиндрическимъ ящикомъ (cista) въ рукахъ. Памятникъ этотъ находится нынѣ въ Британскомъ музеѣ.

3. Ib. n. 109. Эпитафія Сабіона и его жены.—Известковая плита съ двойнымъ рельефомъ, плохой сохранности; на нижнемъ—возлежащій мужчина, подлѣ ложа—столъ о трехъ ножкахъ и подлѣ него—мальчикъ. Камень находится въ Царскомъ Курганѣ въ Керчи.

4. Ib. n. 118. Эпитафія Аѳиноклеи.—Двѣ женщины, изъ которыхъ одна возлежитъ, а другая сидитъ въ креслѣ, между ними—мальчикъ. Позволяемъ себѣ думать, что возлежащая фигура изображаетъ не женщину, а мужчину. Уважаемый издатель Сборника не имѣлъ возможности видѣть этотъ камень и воспроизвелъ свидѣтельство лица, недостаточно компетентнаго въ опредѣленіи сюжета.

5. Ib. n. 192. Эпитафія Публія, сына Коссы.—Мраморная плита съ двойнымъ рельефомъ, вдѣланная въ сѣверную стѣну церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи [1]). На нижнемъ рельефѣ изображенъ возлежащій мужчина и налѣво отъ него сидящая въ креслѣ женщина; передъ ложемъ—столъ о трехъ ножкахъ съ сосудами на немъ, а по обоимъ угламъ—двѣ маленькія фигуры; правая изъ нихъ держитъ сосудъ въ рукахъ. Рисунокъ въ гравюрѣ воспроизведенъ у Pallas'a, II, Tab. 17 [2]).

6. Ib. n. 194. Эпитафія Прима, сына Діоклида (?).—Плита известняка, хранящаяся въ Одесскомъ музеѣ Общества Исторіи и Древностей. Рельефъ, какъ и надпись сильно потерты, и фигуры различаются съ трудомъ. Возлежащій на высокомъ ложѣ мужчина, подлѣ ложа столъ съ сосудами и фигура прислужника.

7. Ib. n. 212. Надпись не вполнѣ сохранилась, уцѣлѣло имя отца — Андроникъ и обычное привѣтствіе. Верхняя часть рельефа обломана. Отъ возлежащаго уцѣлѣла только лѣвая рука съ чашей въ рукѣ; на правой сторонѣ, подлѣ ножки ложа, стоитъ маленькая мужская фигура съ сосудомъ въ рукахъ [3]). Возлѣ ложа стоитъ столъ о трехъ ножкахъ съ четырьмя сосудами на немъ, изъ которыхъ одинъ есть simpulum. Въ ногахъ у возлежащаго на невысокомъ пьедесталѣ — маленькая мужская фигура въ короткомъ хитонѣ съ гроздіемъ винограда въ рукѣ. На лѣвой сторонѣ рельефа уцѣлѣла нижняя часть кресла, подлѣ котораго изображена стоящая маленькая женская фигура. Камень очень поврежденъ. Нынѣ онъ находится въ Британскомъ Музеѣ. Рисунокъ см. въ атласѣ Dubois de Montpéreux, IV Sér. pl. XXVI, n. 5.

8. Ib. n. 233. Эпитафія Ѳеоники, жены Юлія. — Возлежащій мужчина, предъ нимъ стоитъ столъ о трехъ ножкахъ; налѣво отъ ложа—сидящая женщина; композицію заканчиваютъ съ обѣихъ сторонъ фигуры дѣвочекъ (?), держащихъ сосуды. Рисунокъ см. у Ашика, Часы Досуга, Tab. G. n. 30.

---

[1]) Весною 1895 года во время работъ по расширенію этой церкви плита эта была вынута изъ стѣны и временно хранится въ церковномъ саду.

[2]) Въ описаніи этого рельефа у г. Латышева допущена неточность: Inferius (sc. anaglypum) ostendit virum lecto incumbentem, cui mensa adposita est vasibus impleta; coram alter vir sellae insidet longo vestitu, pedibus subsellio impositis, sinistra manu genu admota, utrimque in angulis pueruli adstant, quorum is, qui a sinistra spectanti est, manibus vas tenet.

[3]) *Newton*, Inscr. mus. Brit., II n. 182 (см. у Латышева) въ описаніи рельефа говоритъ, что у этой фигуры въ лѣвой рукѣ продолговатый щитъ; на рисункѣ Дюбуа де Монперэ это исполнено иначе.

9. Ib. n. 314. Обѣтный камень съ надписью: Ἀγαθῇ τύχῃ.—Возлежащій мужчина держитъ въ правой рукѣ вѣнокъ, въ лѣвой кубокъ; у ногъ сидитъ женщина въ креслѣ; предъ возлежащимъ стоитъ столъ о трехъ ножкахъ съ сосудами на немъ, направо отъ него мальчикъ съ кувшиномъ въ лѣвой рукѣ, съ кубкомъ въ поднятой правой; въ ногахъ у женщины стоитъ маленькая женская фигура съ урной въ рукахъ. Плита хранится въ Эрмитажѣ. Рисунокъ см. у Ашика, Боспорское Царство, II, pl. XIX.

10. Ib. n. 151[1]. Эпитафія Гермона, сына Гермонова. Известковая плита, съ обоихъ концовъ отбитая, съ поврежденнымъ рельефомъ.—Возлежащій мужчина, подлѣ ложа столъ о трехъ ножкахъ, а направо отъ него — мальчикъ. Хранится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

11. Матеріалы по Археологіи Россіи. Выпускъ 9, стр. 57 n. 23. Эпитафія Міокла и его дочери Евгеніи. Камень съ двойнымъ рельефомъ; въ верхнемъ — возлежащій мужчина, сидящая въ креслѣ женщина; предъ ложемъ низенькій столъ, уставленный сосудами; въ правомъ углу изображенія— мальчикъ, въ лѣвомъ, за кресломъ, — дѣвочка съ ящикомъ въ рукахъ (рис. 10).

Рис. 10.

12. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. В. В. Латышева. III (Зап. Импер. Рус. Арх. Общ., н. с., т. VII, стр. 87) n. 100[1]. — Эпитафія Корнелія, сына Корнелія, и жены его. Известковая плита, отбитая сверху, съ сильно поврежденнымъ рельефомъ. На высокомъ ложѣ, опираясь на подушки, возлежитъ мужчина [1]), держащій чашу въ правой рукѣ; у ногъ его сидитъ на высокомъ креслѣ женщина, въ обычной одеждѣ и позѣ. Предъ ложемъ — столъ о трехъ ножкахъ съ сосудами на немъ. Въ правомъ углу — фигура мальчика, въ лѣвомъ — дѣвочки. Плита хранится въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ въ Керчи.

Всѣ эти двѣнадцать рельефовъ снабжены эпитафіями; характеръ буквенныхъ начертаній

[1]) Г. Латышевъ признаетъ въ возлежащей фигурѣ *женщину*, согласно мнѣнію г. Гролиха (Отчетъ Одесскаго Общ. Ист. и Древ. за 1891 г., стр. 34), прибавляя, что и на фотографіи съ этого камня «правая грудь представляется слишкомъ выпуклою для мужской фигуры». — Это замѣчаніе г. Гролиха совершенно справедливо, какъ могли мы это провѣрить въ бытность въ Керчи лѣтомъ 1895 г.; тѣмъ не менѣе обязательно сужденіе по аналогіи, и выпуклость правой стороны груди слѣдуетъ принять за пазуху.

позволяетъ пріурочить ихъ къ римскому времени. Къ этимъ двѣнадцати надгробіямъ слѣдуетъ присоединить еще три, на которыхъ не уцѣлѣло надписей.

13. Возлежащій на ложѣ мужчина держитъ въ лѣвой рукѣ кубокъ, въ ногахъ сидитъ ребенокъ; предъ ложемъ стоитъ столъ о трехъ ножкахъ; на немъ три сосуда, изъ которыхъ одинъ есть simpulum, и круглая жертвенная лепешка; налѣво сидитъ въ креслѣ женщина; по обѣ стороны изображенія расположены маленькія фигуры: направо—мальчикъ съ сосудомъ въ рукахъ, налѣво—дѣвочка съ корзинкой (?) [1]. Плита хранится въ Эрмитажѣ, описаніе дано у Стефани, Ausr. Hercules, стр. 55; рисунокъ см. въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго», заглавный листъ, n. 11.

Рис. 11.

14. Плита съ двойнымъ рельефомъ, въ верхнемъ изображенъ возлежащій мужчина съ гроздью винограда въ правой рукѣ; предъ ложемъ столъ о трехъ ножкахъ; у ножекъ ложа размѣщены три маленькія фигуры: одна направо и двѣ налѣво. — Рисунокъ см. M. Pherson, The Antiquities of Kertsch. London, 1857, стр. 48. Камень этотъ былъ увезенъ изъ Керчи въ 1856 году.

15. Плита известняка съ двойнымъ рельефомъ (отъ нижняго уцѣлѣла только верхняя часть), хранящаяся въ Керченскомъ музеѣ Древностей; куплена въ Керчи въ 1892 году. На богатомъ, украшенномъ рѣзьбой ложѣ возлежитъ мужчина съ кантаромъ въ лѣвой рукѣ и гроздью винограда въ правой. Въ ногахъ ложа—женщина, сидящая въ креслѣ; ноги ея покоятся на скамейкѣ. Предъ возлежащимъ—столъ о трехъ ножкахъ съ двумя сосудами на немъ и жертвенной лепешкой. У праваго края ложа внизу высѣчена маленькая мужская фигура виночерпія, а подлѣ кресла—маленькая женская фигура (рис. 11).

Территорія Фанагоріи.

16. Insc. Reg. Bospor. n. 363. Эпитафія М. Аврелія Андроника. Большая мраморная плита, верхняя часть которой обломана. Возлежащій мужчина, предъ нимъ—столъ, по обѣ стороны котораго расположены два мальчика. Плита хранится въ Эрмитажѣ.

[1]) Такъ описываетъ изображеніе Стефани, но въ рукахъ у дѣвочки цилиндрическій ящикъ, какъ и на другихъ рельефахъ.

17. Ib. n. 367. Эпитафія Аполлонія и жены его Филумены. Плита известняка съ рельефомъ, хранящаяся въ Царскомъ Курганѣ. На ложѣ возлежитъ мужчина, у ногъ его сидитъ женщина; подлѣ ложа столъ о трехъ ножкахъ и стоящая подлѣ него маленькая мужская фигура.

18. Ib. n. 369. Эпитафія Патеры. Рельефъ и самая надпись повреждены. Отъ рельефа уцѣлѣли ножка кресла и стола. Хранится въ Керчи, въ Царскомъ Курганѣ.

19. Ib. n. 375. Эпитафія Атты, сына Каллисѳена. Рельефъ сильно поврежденъ. — Возлежащій мужчина, предъ нимъ столъ съ сосудами для вина; у стола стоитъ мальчикъ. Плита хранится въ Царскомъ Курганѣ.

Территорія Херсонеса.

20. Inscr. Ant. P. E. I. n. 217. Эпитафія Кираѳона, сына Апеллы, его жены и матери. Возлежащій мужчина держитъ чашу въ лѣвой рукѣ; у изголовья стоитъ мальчикъ съ сосудомъ въ рукахъ. Въ ногахъ возлежащаго—женщина въ креслѣ, ноги ея покоятся на высокой скамейкѣ, рукой она держитъ стоящаго подлѣ нея мальчика; съ другой стороны кресла помѣщена маленькая женская фигура.

Рис. 12.

21. Мраморная плита, утилизованная въ болѣе позднія времена христіанами въ видѣ надгробія и снабженная христіанскою надписью (рис. 12). Возлежащій мужчина держитъ вѣнокъ въ правой рукѣ, налѣво отъ ложа сидитъ женщина въ креслѣ. Предъ мужчиной — столъ о трехъ ножкахъ; съ обѣихъ сторонъ изображенія помѣщены двѣ маленькія фигуры: направо—мужская, налѣво — женская [1]).

Территорія Ольбіи.

22. Inscr. Ant. P. E. n. 116. Эпитафія Радампсона. Мраморная плита съ двойнымъ рельефомъ, значительно поврежденная въ верхней своей части, надпись очень потерта. Въ верхнемъ рельефѣ изображены возлежащій мужчина и сидящая налѣво отъ него въ креслѣ

[1]) Плита эта найдена въ 1853 году и снимокъ съ нея изданъ въ «Извлеченіи изъ Отчета о раскопкахъ за 1853 г.», стр. 169.—Издатели замѣчаютъ объ этомъ рельефѣ слѣдующее: «Вообще этотъ рельефъ похожъ на древніе надгробные памятники и только по находящимся на немъ крестамъ можно признать, что онъ принадлежитъ Византійскому періоду». Но достаточно одного взгляда на эту плиту, чтобы замѣтить, что самое расположеніе крестовъ и буквъ съ опредѣленностью свидѣтельствуетъ о своемъ болѣе позднемъ происхожденіи, нежели рельефъ. Такимъ образомъ очевидно, что древній языческій камень былъ позднѣе примѣненъ для аналогичной цѣли какимъ-нибудь христіаниномъ.

Рис. 13.

Рис. 14.

женщина. Камень этотъ находится въ Кіевѣ и принадлежитъ Университету св. Владиміра. Рисунокъ см. въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1875 годъ, № 6, стр. 510.

23. Ib. n. 124. Эпитафія Стратона. Мраморная плита съ двойнымъ рельефомъ. Въ верхнемъ полѣ — всадникъ на конѣ, предъ нимъ мальчикъ, обращенный лицомъ къ нему и собака. На нижнемъ — изображенъ возлежащій мужчина съ чашей въ лѣвой рукѣ; въ ногахъ сидитъ на высокомъ креслѣ женщина; на лѣвомъ ея колѣнѣ—маленькій ребенокъ, котораго она поддерживаетъ правой рукой; возлежащій подаетъ этому ребенку правой рукой гроздь винограда. Предъ ложемъ поставленъ столъ объ одной ножкѣ съ сосудами для вина, въ углу направо отъ стола сидитъ мальчикъ, а въ лѣвомъ углу подлѣ кресла стоитъ маленькая женская фигура съ ящикомъ въ рукахъ (рис. 13).

24. Ib. n. 178. Эпитафія Наиса, сына Діонисова, и его жены Зулемы. Плита хранится въ Одесскомъ музеѣ Общества Исторіи и Древностей (2-я комната № 75). Надпись въ двѣ строки помѣщена подъ рельефомъ, высѣченнымъ въ бѣломъ мраморѣ. — Возлежащій мужчина держитъ въ лѣвой рукѣ чашу съ виномъ, а въ приподнятой правой — вѣнокъ. Налѣво отъ него сидитъ въ креслѣ женщина, задрапированная съ головой въ широкій плащъ. Кисть правой руки открыта и обращена въ сторону мужчины. У ложа стоитъ столъ о трехъ

ножкахъ съ сосудами на немъ. Въ правомъ углу у ножки ложа помѣщена маленькая мужская фигура, а въ лѣвомъ, у ножки кресла—женская (рис. 14) [1]).

25 и 26. Два мраморныхъ рельефа неизвѣстнаго мѣстонахожденія, безъ надписей, хранящіеся также въ Одесскомъ музеѣ Общества Исторіи и Древностей (3 комната № 28). На одномъ изъ нихъ изображенъ возлежащій мужчина, налѣво отъ него женщина въ креслѣ, направо — стоящая женская фигура. Подлѣ ложа — столъ на одной ножкѣ съ сосудами и маленькая мужская фигура, подающая правой рукой кубокъ возлежащему. На другомъ — возлежащій на ложѣ мужчина, по обѣ стороны отъ него двѣ женщины, сидящія въ креслахъ съ жестами грусти. У ложа — столикъ о трехъ ножкахъ съ сосудами и налѣво отъ него маленькая фигура виночерпія. Направо отъ стола у колѣнъ женщины стоятъ двѣ маленькія фигуры.

Таковы 26 изображеній «семейной трапезы» на надгробныхъ памятникахъ, указанія на которыя могли мы собрать въ настоящее время. Кромѣ этихъ 26 изображеній, есть не мало другихъ, хранящихся какъ въ частныхъ коллекціяхъ, такъ и въ музеяхъ. Для подробнаго сравненія и анализа деталей отдѣльныхъ изображеній было-бы весьма желательно представить, вмѣстѣ съ перечисленіемъ, сопоставленіе точныхъ снимковъ со всѣхъ названныхъ въ немъ памятниковъ. Но мы вынуждены были ограничиться лишь нѣкоторыми изображеніями, которыя даютъ достаточно матеріала для слѣдующихъ общихъ замѣчаній по поводу этого сюжета на надгробныхъ памятникахъ.

Главнымъ лицомъ сцены является повсюду возлежащій мужчина. Въ большинствѣ изображеній онъ держитъ въ рукѣ чашу. Подлѣ ложа стоитъ столъ съ уставленными на немъ сосудами, а подлѣ стола, почти всегда направо, виночерпій, который или подноситъ возлежащему кубокъ, или готовится налить ему вина изъ кувшина, который онъ держитъ въ рукахъ. Въ ногахъ возлежащаго сидитъ на высокомъ креслѣ женщина. На всѣхъ рельефахъ она изображена съ покрытой головой, и ей приданъ жестъ грусти, а именно: она подноситъ правую руку къ щекѣ. Подлѣ женщины на многихъ рельефахъ изображены одна или двѣ маленькія женскія фигуры, которыя одѣты совершенно такъ-же, какъ и возсѣдающая въ креслѣ, и изображены также съ покрытой головой. Маленькая женская фигура, изображаемая позади кресла, обыкновенно держитъ въ рукахъ ящикъ цилиндрической формы съ конусообразной крышкой, а въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ четырехугольный—съ пирамидальной крышкой.

Тожественность этихъ изображеній съ тѣми, какія сохранились въ росписи катакомбъ, очевидна съ перваго взгляда и не требуетъ поясненій. Тѣже самыя фигуры, тоже самое расположеніе ихъ, тѣже самые позы и жесты. Прибавимъ, что на трехъ изъ рельефовъ пп. 7, 13 и 14, возлежащій держитъ въ рукахъ гроздь винограда, какъ и на первомъ изображеніи этого сюжета въ катакомбѣ Ашика.

[1]) Благодаря любезной помощи проф. А. Н. Деревицкаго, намъ удалось получить фотографіи съ эпитафій Стратона и Наиса, по которымъ и воспроизведены клише рисунковъ 13 и 14.

Ритуальность этого сюжета стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Помѣщеніе почившаго въ опредѣленной позѣ и обстановкѣ на надгробномъ памятникѣ, или въ погребальномъ сооруженіи, должно имѣть извѣстное отношеніе къ религіознымъ представленіямъ о смерти и загробномъ существованіи. Но искать объясненія этого сюжета непосредственно въ его изображеніяхъ на памятникахъ нашего юга было-бы ошибочно, такъ какъ эта типичная композиція не представляетъ собою чего-либо исключительно принадлежащаго населенію греческихъ колоній Черноморскаго побережья.

Памятники съ однороднымъ и тожественнымъ сюжетомъ были находимы во множествѣ какъ въ собственной Греціи, такъ и на всемъ пространствѣ разселенія греческаго племени, а въ позднѣйшее время распространились по всѣмъ предѣламъ греко-римской культуры.

Область ихъ распространенія одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, касавшихся этого вопроса, Вольтерсъ, обозначилъ такими предѣлами: «отъ Ликіи до Тарента, отъ Ѳракіи до Рейна, отъ Аттики до Сициліи» [1]). Къ этому огромному пространству слѣдовало присоединить также сѣверное побережье Чернаго моря. Хронологически эти памятники распредѣляются отъ VI вѣка до Р. Х. и до самыхъ позднихъ временъ греко-римской культуры. Издавна привлекали они къ себѣ вниманіе археологовъ, неоднократно дѣлались попытки сопоставить всѣ извѣстные памятники этого рода [2]), дать изъясненіе основнаго сюжета и выяснить самое его происхожденіе, какъ типичной композиціи [3]). Быстрое и богатое увеличеніе археологическаго матеріала за два послѣднія десятилѣтія, продолжающееся непрерывно и въ настоящее время, безмѣрно увеличило количество относящихся сюда памятниковъ и сдѣлало невозможнымъ обозрѣніе всего подлежащаго матеріала въ цѣломъ. Изданіе, предпринятое Берлинской Академіи Наукъ, Corpus der griechischen Grabreliefs, дастъ впослѣдствіи возможность цѣльнаго обозрѣнія, но и въ настоящее время возможна уже извѣстная классификація памятниковъ этого рода и общее ихъ изъясненіе.

Самое давнее объясненіе этого сюжета дано въ томъ терминѣ, которымъ часто обозначаютъ его въ настоящее время, а именно: «семейная трапеза». Подъ этимъ названіемъ исключительно былъ онъ неоднократно трактованъ въ руской археологической литературѣ, на страницахъ «Приложеній» къ Отчетамъ Императорской Археологической Коммиссіи, и такимъ образомъ, употребленіе его для насъ является традиціей.

Представленіе, что изображенія этого рода имѣютъ своимъ сюжетомъ трапезу въ семейной обстановкѣ, высказалъ впервые Зоега, того-же мнѣнія придерживались археологи Летроннъ, Велькеръ, Отто Янъ и Фридлендеръ. Опредѣленнѣе другихъ отстаивалъ его Велькеръ, который сопоставилъ 54 памятника этого типа и признавалъ въ нихъ

---

[1]) *Wolters*, Tarentiner Terracotten. Archäologische Zeitung, 1882, стр. 302.

[2]) *Stephani*, Der ausruhende Hercules. Psb. 1854; *Welker*, Alte Denkmäler, II, стр. 233 и сл.; *Pervanoglu*, Der Familienmahl. Berlin, 1872; *Dumont*, Sur un Bas-relief funèbre du Cabinet du Presle. Revue Archéologique, 1869, N. S., t. X. Octobre, pp. 233 – 250, Décembre, pp. 421 — 433; въ частности стр. 242 – 245, гдѣ дано перечисленіе и группировка.

[3]) *Sallet*, Asclepios und Hygieia, die sogenannten Anathemata für heroisirte Todten. Zeitschrift für Numismatik, 1878, B. V, H. 3—4, стр. 320—338.

изображеніе «семейной трапезы, какъ мирнаго наслажденія жизнью» [1]). Нашъ знаменитый соотечественникъ, Стефани, не раздѣляя такого воззрѣнія, настаивалъ на символическомъ значеніи этого сюжета. Въ одномъ изъ своихъ болѣе раннихъ трудовъ, «Der ausruhende Hercules», посвященномъ выясненію вопроса о вѣрованіяхъ грековъ о загробномъ существованіи на основаніи археологическаго матеріала, Стефани признавалъ въ занимающемъ насъ сюжетѣ выраженіе того основнаго представленія, что загробное блаженство есть состояніе вѣчнаго опьяненія (αἰώνιος μέθη) [2]). Возраженія, которыми были встрѣчены въ археологической литературѣ отдѣльные пункты аргументаціи нашего авторитетнаго спеціалиста, вызывали съ его стороны неоднократное возвращеніе къ этому вопросу на страницахъ «Приложеній» къ Отчетамъ Коммиссіи. Свое заключительное слово по этому вопросу онъ высказалъ въ 1873 г., когда ему представился случай издать одну терракоттовую группу, воспроизводящую занимающій насъ сюжетъ.

Группа эта найдена была на Таманскомъ полуостровѣ, и Стефани пріурочивалъ ее хронологически къ IV вѣку до Р. Х. [3]). «Самый сюжетъ этой группы, говоритъ онъ, очень интересенъ, не смотря на то, что она только изображаетъ уже давно извѣстную намъ (особенно по чрезвычайно значительному количеству надгробныхъ камней и анатемъ позднѣйшаго времени) сцену наслажденія простою домашнею трапезою, т. е. композицію, принадлежащую къ тѣмъ типамъ, которые древнее искусство создало и разнообразило въ безчисленныхъ видахъ для изображенія семейнаго быта. Но эти позднѣйшіе, неоднократно разсматривавшіеся надгробные памятники и анатемы, во-первыхъ, часто совершенно затемняютъ понятіе семейнаго быта и не рѣдко затемняютъ сцену простой трапезы изображеніемъ болѣе или менѣе пышныхъ пиршествъ... во-вторыхъ-же на нихъ никогда не имѣется въ виду простое изображеніе *«семейной трапезы, какъ одного изъ самыхъ наглядныхъ проявленій веселаго наслажденія земной жизнью»* (курсивъ и ковычки подлинника), а постоянно видно желаніе выразить отношеніе жизни къ смерти и къ загробному существованію, т. е. или прямо указать, что усопшіе и еще на томъ свѣтѣ сходятся на общую трапезу точно такъ-же, какъ и на землѣ, или пояснить, что участіе въ семейной трапезѣ наиболѣе желательная форма кончины, а самая смерть — сонъ, непосредственно слѣдующій за такимъ наслажденіемъ земной жизни и еще услаждаемый этимъ удовольствіемъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, проявляется желаніе противодѣйствовать этому вѣрованію (которое съ древнѣйшихъ временъ

---

[1]) *Welker*, Alte Denkmäler, II, Göttingen, 1850, стр. 232—285: Griechische Grabsteine mit dem häuslichen Mahl. Votivsteine des Asclepios, des Serapis. Устанавливая строгое различіе между этими двумя сюжетами, Велькеръ перечисляетъ 54 памятника, на которыхъ воспроизведенъ первый изъ нихъ, и предпосылаетъ имъ такую общую характеристику:— Diese Scene nun, die heiterste aus dem täglichen Leben, die ruhige Mahlzeit des halbausgestreckten Familienvaters und der unter ihm meistentheils sehr anständig und etwas steif sitzenden Hausfrau mit oder ohne Kinder und Dienerschaft, gehohrt zu den häufigsten die zum Andenken des Verstorbenen an Grabsteinen gewählt worden sind (стр. 242).

[2]) Къ тому множеству разнообразныхъ памятниковъ, которые сопоставилъ Стефани, онъ привлекъ восемь надгробныхъ плитъ съ изображеніемъ занимающаго насъ сюжета изъ Пантикапеи и другихъ греческихъ колоній нашего юга. Перечисленные у Стефани (стр. 54 55) рельефы соотвѣтствуютъ слѣдующимъ номерамъ нашего списка: 23, 9, 5, 16, 7, 1, 8 и 13.

[3]) Позволимъ себѣ замѣтить, что съ такой датировкой очень трудно согласиться; но въ данномъ случаѣ этотъ вопросъ имѣетъ для насъ второстепенное значеніе.

было весьма распространено рядомъ съ воззрѣніемъ совершенно другаго вида), т. е. выставить на видъ, что это наслажденіе составляетъ только принадлежность земной жизни; но совершенно чуждо загробному существованію» [1]).

Итакъ, по мнѣнію Стефани, на рельефахъ этого типа изображается *трапеза*, но самое изображеніе можетъ имѣть двоякій смыслъ: въ немъ или утверждается идея загробнаго блаженства въ формахъ земнаго благополучія, или-же, напротивъ, отрицается такое представленіе о загробномъ существованіи. Такимъ образомъ, Стефани сходится съ Велькеромъ касательно взгляда на самый сюжетъ, признавая въ немъ изображеніе трапезы; но самое помѣщеніе этого сюжета на надгробныхъ памятникахъ изъясняетъ опредѣленной тенденціей, которая притомъ, по его мнѣнію, можетъ имѣть двоякій характеръ.

Нельзя не замѣтить по поводу такого объясненія, что оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, а также и не соотвѣтствуетъ наличнымъ даннымъ изображенія этого сюжета на рельефахъ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ изображеніяхъ на стоящемъ подлѣ ложа столикѣ о трехъ ножкахъ всегда помѣщаются сосуды для вина, чашу или ритонъ держитъ въ рукахъ возлежащій, кувшинъ съ виномъ и кубокъ держитъ въ рукахъ прислужникъ; что-же касается до яствъ, то они никогда не изображаются [2]). Тѣ пирамидальные, а иногда круглые предметы, которые изображены на нѣкоторыхъ изъ рельефовъ этого рода, представляютъ не яства, а жертвенныя лепешки, имѣвшія столь широкое примѣненіе въ религіозномъ культѣ грековъ. Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что кромѣ возлежащаго никто не принимаетъ участія въ наслажденіи виномъ. Такимъ образомъ, въ изображеніяхъ этого рода никакъ нельзя видѣть *трапезу*, а тѣмъ болѣе *семейную*, какъ называли однако эту сцену долгое время въ спеціальной археологической литературѣ. Сущность этихъ изображеній—религіозный обрядъ *возліянія*, σπονδή, libatio.

Ближайшее подтвержденіе такого именно изъясненія этой композиціи даетъ одна подробность въ изображеніи сосудовъ, стоящихъ на столикѣ подлѣ ложа. Вслѣдствіе плохой сохранности большей части этихъ рельефовъ, формы сосудовъ не во всѣхъ изображеніяхъ различаются съ полной отчетливостью. Тѣмъ не менѣе по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ увѣренностью можно признать присутствіе между сосудами одного особой формы, который имѣлъ спеціальное назначеніе служить для совершенія возліяній. Разумѣемъ рельефы, описанные подъ nn. 1, 2, 7 и 13, куда слѣдуетъ присоединить изображеніе той-же сцены въ катакомбѣ 1891 года (Табл. XI). Римляне обозначали сосудъ этого вида терминомъ simpulum или simpuvium, греки—κύαθος. Варронъ въ своемъ сочиненіи, De lingua latina, V, § 124, свидѣтельствуетъ о ритуальномъ употребленіи этого сосуда. Помянувъ о названіяхъ guttus и simpulum и давъ этимологическое изъясненіе ихъ, онъ прибавляетъ: in sarificiis remansit guttus et simpulum [3]). По своему виду сосудъ этотъ имѣетъ сходство съ нашей большой суповой ложкой, съ тѣмъ различіемъ, что ручка поставлена перпендику-

---

[1]) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1873 годъ, стр. 26.

[2]) На эту черту изображеній обращалъ вниманіе *Alb. Dumont* въ цитованной выше статьѣ.

[3]) Ср. *Apul.*, de magia, XVIII, 434: ...in hodiernum diis immortalibus simpuvio et catino fictili sacrificat (populus Romanus).

лярно къ самой ложкѣ. Въ царскихъ погребеніяхъ, разрытыхъ въ курганахъ близь Керчи, найдено было нѣсколько серебряныхъ образцовъ этого вида сосуда. Два изъ нихъ изданы въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» на Табл. XXX nn. 1 и 2 [1]).

Присутствіе сосуда этой формы въ разсматриваемой композиціи можетъ, такимъ образомъ, служить подтвержденіемъ основнаго смысла самого сюжета.

Въ частности по поводу объясненія Стефани нельзя не отмѣтить также и того, что онъ ослаблялъ удобопріемлемость своего толкованія, допуская возможность двоякаго значенія разсматриваемаго сюжета въ указанномъ выше смыслѣ. Постоянство и однородность изображеній этого сюжета, а равно и примѣненіе, какое онъ нашелъ себѣ на надгробныхъ памятникахъ, даютъ намъ ручательство за символическое его значеніе, а сюжетъ съ такимъ характеромъ долженъ имѣть одинъ опредѣленный смыслъ; иначе онъ получаетъ характеръ жанра, и въ такомъ случаѣ становится совершенно непонятнымъ, почему онъ могъ удерживаться въ одномъ опредѣленномъ типѣ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Что касается до основнаго положенія Стефани касательно вѣчнаго опьяненія αἰώνιος μέθη, какъ формы вѣчнаго блаженства, то оно встрѣтило въ свое время вѣскія возраженія со стороны авторитетныхъ археологовъ, особенно Петерсена [2]), и въ настоящее время совершенно устранено изъ научнаго обихода. Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ также и то, что изображенія разсматриваемаго типа не имѣютъ ничего общаго съ «апоѳеозомъ Геркулеса», изображеніе которой на знаменитомъ барельефѣ изъ Villa Albani послужило для Стефани поводомъ дать истолкованіе занимающаго насъ сюжета. Лишь одна черта въ толкованіи Стефани сохраняетъ свое значеніе, а именно: символическій характеръ самаго изображенія. Она удержалась въ томъ изъясненіи его, которое можно назвать общепринятымъ въ современной археологической литературѣ. Сущность его состоитъ въ томъ, что въ этихъ изображеніяхъ почившій представленъ въ просвѣтленномъ образѣ героя, которому его близкіе совершаютъ культъ.

Культъ героевъ, ἥρωες, занимающихъ среднее положеніе между богами и людьми, развился и выросъ въ греческомъ религіозномъ сознаніи на памяти исторіи [3]). Загробная жизнь въ представленіяхъ грековъ Гомера сводится къ призрачному и скорбному существованію тѣней въ темномъ царствѣ Аида. Позднѣе сложился цѣлый рядъ образовъ лицъ, для которыхъ загробная жизнь мыслится уже въ иныхъ формахъ: въ вѣчной радости и свѣтѣ въ далекихъ невѣдомыхъ предѣлахъ, которые представляются, какъ острова блаженныхъ. Пріобщеніе своихъ близкихъ умершихъ къ лику этихъ наслаждающихся въ загробной жизни высшихъ существъ создалось, какъ обычай, и постепенно нашло себѣ повсемѣстное распространеніе. Въ другой связи указывали мы выше на повсемѣстное распространеніе обычая прилагать эпитетъ ἥρως къ почившему, который свидѣтельствуетъ о появленіи новыхъ воззрѣній на

---

[1]) *Стефани*, см. Отч. Имп. Арх. Ком. за 1863 годъ, стр. 49, пр. 10, поминаетъ еще о двухъ бронзовыхъ экземплярахъ, найденныхъ въ Керчи и хранящихся въ Эрмитажѣ.

[2]) *Petersen*, Sepolcro scoperto sulla via Latina. Annali del Instituto di corrispondenza archeologica, 1860, tab. XXVII, стр. 378 и сл.

[3]) Подробное изложеніе вопроса см. *Rohde*, Psyche. Ср. *Denecken*, Roscher, Ausf. Lexicon d. gr. u. röm. Mythologie, s. v.

загробную жизнь, глубоко различныхъ отъ тѣхъ, какія были распространены въ эпоху Гомера. Въ этомъ переворотѣ играли видную роль орфическіе культы, а также культы Діониса, Деметры и Коры съ ихъ экстазомъ, ихъ мистическими обрядами и священнодѣйствіями. Въ этихъ новыхъ представленіяхъ о просвѣтленіи въ загробной жизни или, говоря греческимъ словомъ, въ героизаціи почившаго и находитъ свое объясненіе цѣлый рядъ типичныхъ композицій, которыя появляются въ установившейся ритуальной формѣ на надгробныхъ памятникахъ и анатемахъ въ честь почившихъ. Отсюда изображеніе почившаго съ аттрибутами божествъ Гермеса, Діониса, Гадеса-Плутона, а также и съ аттрибутами героевъ, каковы: змѣя, конь, кантаръ въ рукахъ, или ритонъ; отсюда и то, что почившему, который изображенъ возсѣдающимъ на тронѣ или возлежащимъ, приближающіеся къ нему люди подносятъ разные дары, какъ-то: пѣтуха, гранаты [1]) и т. п.

Таково изъясненіе этихъ типичныхъ композицій, которое возобладало въ настоящее время и можетъ считаться общепринятымъ. Достаточно назвать имена археологовъ: Фуртвенглера [2]), Келлера [3]), Мильхгеффера [4]), фонъ-Дуна [5]), Френкеля [6]), Вольтерса [7]) и др. Одинъ изъ нихъ, а именно: Мильхгefферъ, группируя надгробные памятники, найденные въ Пелопоннесѣ, предложилъ слѣдующую схему дѣленія подлежавшаго его изученію матеріала.

Первую группу составляютъ композиціи, въ которыхъ почившій въ образѣ героя изображенъ сидящимъ на тронѣ, въ рукахъ у него кантаръ, надъ головой часто изображается орелъ, какъ символъ апоѳеоза; другая группа—почившій изображенъ возлежащимъ, ему придаются разные аттрибуты героевъ, близкіе люди приближаются къ нему, принося ему культъ; третья—почившій изображается съ конемъ, который стоитъ подлѣ него и, наконецъ, четвертая—почившій совершаетъ возліяніе въ средѣ членовъ своего семейства. Эти основные типы взаимно комбинуются и подвергаются тѣмъ и другимъ измѣненіямъ. Что касается до ихъ возникновенія, то Мильхгefферъ допускаетъ мысль, что они появились въ Элладѣ, благодаря воздѣйствію Малой Азіи и въ частности Ликіи, которой принадлежитъ знаменитый образецъ этого рода надгробныхъ памятниковъ, такъ наз. «Памятникъ Гарпій» [8]). Свою группировку Мильхгefферъ предложилъ не какъ общую рубрику для всѣхъ подобнаго рода памятниковъ, а лишь въ отношеніи къ тому значительному матеріалу, который представилъ этому изслѣдователю Пелопоннесъ. Но работа, которая-бы обнимала собою весь относящійся сюда матеріалъ, совершенно невозможна въ настоящее время, въ виду чрезвычайнаго обилія памятниковъ и разбросанности ихъ. Позволяемъ себѣ думать однако, что эта классификація окажется вполнѣ

---

[1]) Три рельефа изъ Беотіи см. Mittheilungen d. arch. Inst. zu Athen, III, (1878), стр. 383—385; изъ Спарты—ibid. II (1877) Taf. 23, 24, 25, стр. 306 и слѣд.; VII, Taf. VII, стр. 160 и сл.

[2]) *Furtwängler*, Collection Sabouroff, I, pl. 32, 33.

[3]) *U. Köhler*, замѣчанія въ статьѣ, помѣщенной въ Mitth. d. arch. Inst. zu Athen, IX (1884), стр. 298.

[4]) *Milchhöffer*, Mitth. d. arch. Inst. zu Athen, passim, особенно II и IV; Archäologische Zeitung, B. 39 (1881), стр. 293 и сл.

[5]) *Von Duhn*, Griechische Reliefs, Arch. Zeitung, B. 34 (1877), стр. 167 и сл.

[6]) *Fränkel*, Arch. Zeitung, B. 32 (1875), стр. 148 и сл.

[7]) *Wolters*, выше цитованная статья въ Arch. Zeitung.

[8]) *Milchhöffer*, въ статьѣ: Antikenbericht aus dem Peloponnes. Mitth. d. arch. Inst. zu Athen, IV (1879), стр. 164 и сл.

удобной и въ примѣненіи ко всему подлежащему матеріалу, какъ она обняла собою пелопоннесскій.

Обращаясь отъ этихъ общихъ замѣчаній къ нашему непосредственному предмету, рельефамъ съ типичнымъ изображеніемъ, которые были найдены въ предѣлахъ нашего юга, и рисункамъ на стѣнахъ керченскихъ катакомбъ, мы должны признать въ этихъ композиціяхъ самый поздній фазисъ въ развитіи того сюжета, который имѣлъ свою жизнь и исторію въ Элладѣ и другихъ мѣстахъ разселенія греческаго племени. Онъ является въ условной и застывшей формѣ и служитъ обычнымъ типомъ надгробнаго памятника. Главному лицу сцены не придается здѣсь какихъ-либо божескихъ аттрибутовъ, но сохранена его поза, утвержденная за нимъ на греческихъ рельефахъ героизаціи, и въ рукахъ у него чаша. Жена сохраняетъ при немъ то-же мѣсто на креслѣ и ту-же позу, какъ и на тѣхъ древнихъ рельефахъ, которые были найдены въ Тегеѣ и относятся, быть можетъ, еще къ V вѣку до Р. Х. [1]). Прислужникъ, изображаемый обыкновенно въ маленькомъ видѣ, въ противоположность этимъ двумъ главнымъ лицамъ сцены, всегда бываетъ помѣщенъ въ правомъ углу композиціи. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ изображеній сцена оживлена добавочными лицами, которыми являются дѣти данной семьи. Они появляются здѣсь не въ видѣ приносящихъ поклоненіе, какъ на болѣе древнихъ греческихъ рельефахъ, но просто лишь присутствуютъ и даютъ изображенію болѣе простой характеръ, устраняя своимъ появленіемъ духъ строгой ритуальности.

Въ этой послѣдней детали нашихъ рельефовъ дано свидѣтельство о забвеніи ритуальнаго характера этого сюжета. Онъ перешелъ къ населенію Боспора и другихъ греческихъ поселеній уже какъ готовый шаблонъ надгробнаго памятника, и въ этомъ своемъ значеніи удерживался здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, сохраняя традиціонный свой видъ по отношенію къ главнымъ лицамъ этой сцены, а именно: возлежащему мужчинѣ и сидящей въ креслѣ женщинѣ. Подтверждается это и тѣмъ, что на Боспорѣ сюжетъ этотъ распадался въ случаѣ надобности на двое. Разумѣемъ слѣдующее: на надгробныхъ памятникахъ женщинъ стали помѣщать одну лѣвую половину сюжета, т. е. сидящую въ креслѣ женщину и маленькую фигуру прислужницы съ цилиндрическимъ ящикомъ въ рукахъ. Въ этомъ употребленіи половины разсматриваемой композиціи въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго сказалось забвеніе основнаго смысла сюжета. Онъ сталъ, очевидно, не болѣе, какъ типичнымъ изображеніемъ для надгробнаго рельефа, и служилъ обычнымъ украшеніемъ надгробной плиты, внѣ отношенія къ вызвавшей его религіозной мысли.

Намъ остается подвести итоги предшествующаго изслѣдованія и въ связи съ этимъ указать приблизительную хронологическую дату нашихъ памятниковъ.

Роспись обѣихъ катакомбъ въ цѣломъ и деталяхъ заключаетъ въ себѣ подтвержденіе высказаннаго въ началѣ общаго взгляда о принадлежности нашихъ памятниковъ къ сферѣ классическаго искусства. Какъ способъ самой декораціи стѣнъ, такъ и составляющія ее детали, принадлежатъ къ традиціоннымъ мотивамъ, перешедшимъ на Боспоръ отъ эллинскаго

[1]) Mitth. d. arch.-Inst. zu Athen, IV (1879), Taf. VII.

міра. Религіозный ритуалъ, по скольку онъ выраженъ въ примѣненіи отдѣльныхъ декоративныхъ мотивовъ (каковы: цвѣточныя гирлянды и повязки, сцена жертвоприношенія и «семейной трапезы»), возводитъ наши памятники къ этой именно основѣ и подтверждаетъ положеніе о классическомъ характерѣ искусства на Боспорѣ. Трактовка миѳологическихъ образовъ, каковы Гермесъ и Фортуна, заключаетъ въ себѣ, помимо этого, нѣкоторое хронологическое указаніе, такъ какъ образы эти здѣсь являются съ аттрибутами уже грекоримскаго періода религіи и искусства. Наконецъ, даже тотъ элементъ декораціи, на восточномъ характерѣ котораго такъ усиленно настаивалъ одинъ изъ изслѣдователей росписи катакомбъ, г. Стасовъ, а именно: роза, — не можетъ быть возраженіемъ противъ правильности общаго положенія, такъ какъ этотъ элементъ существуетъ въ росписи христіанскихъ катакомбъ и, значитъ, не чуждъ античному искусству позднѣйшихъ временъ.

Но если роспись той и другой катакомбы обличаетъ ближайшее ихъ сродство, и въ обѣихъ встрѣчаются одни и тѣже декоративные мотивы, тѣмъ не менѣе есть между ними и существенное различіе. Тогда какъ въ декораціи катакомбы 1891 года выдержано дѣленіе стѣны на три части, и средняя изъ нихъ воспроизводитъ исконный мотивъ фресковой росписи, т. е. подражаніе облицовкѣ стѣнъ плитами мрамора, въ катакомбѣ Сорака архитектурный моментъ декораціи сохраненъ лишь въ выдѣленіи цоколя, и вся остальная поверхность покрыта сплошь пестрымъ фономъ. Здѣсь замѣчается, такимъ образомъ, ослабленіе традицій классическаго искусства и проявленіе восточнаго вкуса въ пестротѣ общаго фона. Эти черты могутъ быть приняты за указаніе различія во времени, которому принадлежатъ оба эти памятника. Катакомбу Сорака естественно признать сооруженіемъ болѣе позднимъ по времени, чѣмъ катакомба 1891 года. Слѣдуетъ также прибавить, что сравненіе первой съ тѣми восемью, которыя были извѣстны раньше, позволяетъ признать въ ней наиболѣе поздній образецъ въ серіи памятниковъ этого вида. Хронологическое свидѣтельство, которое можно извлечь изъ начертаній буквъ эпитафіи Сорака, заставляетъ отнести эту катакомбу къ III, а, быть можетъ, и IV вѣку нашей эры. Принадлежащая болѣе раннему времени катакомба 1891 года представляетъ въ своей росписи данныя, которыя позволяютъ сблизить ее съ катакомбами 1867 и 1877 годовъ (Алкима и Антестерія). Съ послѣдней изъ нихъ она близка и по мѣсту своего расположенія. Катакомбы 1867 и 1877 годовъ Стефани пріурочивалъ ко II вѣку по Р. Х. Быть можетъ, эту датировку слѣдуетъ нѣсколько измѣнить и признать оба эти памятника, какъ и катакомбу 1891 года, принадлежащими концу I вѣка нашей эры. Къ такому предположенію склоняетъ насъ единственная вещественная находка, сдѣланная въ катакомбѣ 1891 года при вторичномъ ея разрытіи, а именно: монета царя Митридата II (41—45 гг. по Р. Х.), найденная въ землѣ, заполнявшей спускъ въ катакомбу [1]). Конечно, монета даетъ только terminum non ante quem для памятника, въ которомъ она оказалась, но хорошая ея сохранность дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что самый памятникъ принадлежитъ времени, лишь немного болѣе позднему, чѣмъ дата монеты.

---

[1]) Монета того типа, который воспроизведенъ у Бурачкова на табл. XXVI подъ № 93. описаніе—ib., стр. 247.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Христіанская катакомба, открытая въ 1895 году.

Въ январѣ 1895 года въ той самой мѣстности, гдѣ въ 1890 году была найдена мною христіанская катакомба 491 года, открытъ былъ въ частныхъ раскопкахъ второй памятникъ того-же рода. Находка была сдѣлана собственникомъ той усадьбы, на которой расположена катакомба 491 года, г. Коробкой. Катакомбы до недавняго времени не привлекали къ себѣ вниманія керченскихъ предпринимателей тайныхъ раскопокъ, такъ какъ онѣ всегда оказываются ограбленными и разоренными; но послѣ цѣнной находки въ ограбленной катакомбѣ на усадьбѣ г. Гордикова въ 1890 году (серебряный обѣтный щитъ съ изображеніемъ имп. Юстиніана) [1]), интересъ къ нимъ оживился. Работая минами на своемъ участкѣ съ цѣлью разыскать гробницы и воспользоваться могущими быть въ нихъ предметами, г. Коробка напалъ на ходъ въ катакомбу, расположенную на участкѣ его сосѣда, г. Карноуха. Ходъ привелъ въ двѣ катакомбы, соединенныя между собою пробоемъ въ толщѣ отдѣлявшаго ихъ слоя почвы. Пробой въ стѣнѣ второй изъ нихъ вывелъ искателей на опускавшійся сверху колодцемъ засыпанный землею ходъ въ сосѣднюю катакомбу. Пробившись миной до заложеннаго большимъ камнемъ входа въ нее, кладоискатели нашли здѣсь такое-же разореніе, какъ въ двухъ первыхъ, но видѣли на стѣнахъ надписи. Изъ этой катакомбы былъ пробитъ черезъ толщу стѣны ходъ въ четвертую. Не найдя во всѣхъ катакомбахъ ничего кромѣ обломковъ стеклянныхъ сосудовъ и истлѣвшихъ досокъ гробовъ, г. Коробка съ помощниками засыпали мину, по которой они проникли въ катакомбы, расположенныя на участкѣ сосѣда. Но слухъ о томъ, что найденъ новый христіанскій памятникъ, дошелъ до мѣстнаго любителя древностей и коллекціонера, А. В. Новикова, который немедленно распорядился вскрыть опять засыпанный ходъ и озаботился о снятіи копій съ надписей, украшавшихъ стѣны катакомбы. Списалъ надписи В. В. Шкорпилъ, завѣдующій музеемъ въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, а рисунки двухъ перспективныхъ разрѣзовъ исполнилъ въ краскахъ поручикъ мѣстнаго резервнаго батальона, г. Ридигеръ. Г. Новиковъ препроводилъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію

[1]) Памятникъ этотъ изданъ въ 8 выпускѣ «Матеріаловъ» Императорской Археологической Коммиссіи. Мѣсто самой катакомбы см. Табл. А лит. ж.

эти снимки и рисунки вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о новой находкѣ. Коммиссіи угодно было поручить мнѣ провѣрить этотъ матеріалъ и приготовить его къ изданію [1]).

Прибывъ въ Керчь въ началѣ августа 1895 года, я счелъ нужнымъ переснять надписи на кальку, а благодаря любезности британскаго вицеконсула, г. Вардропа, могъ дополнить ихъ фотографическими снимками. Условія мѣстоположенія катакомбы, тѣснота ея и малый притокъ свѣжаго воздуха существенно затрудняли ту и другую работу. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь г. Вардропу искреннюю признательность за его добрую помощь.

I.

Мѣстоположеніе катакомбы, ея планъ и надписи на стѣнахъ.

Вновь открытая христіанская катакомба расположена, какъ сказано, на усадьбѣ керченскаго обывателя г. Карноуха, по Госпитальной улицѣ на сѣверномъ склонѣ горы Митридата. Она находится въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія отъ христіанской катакомбы 491 года, изданной въ 6-мъ выпускѣ «Матеріаловъ по Археологіи Россіи». Надъ мѣстомъ ея расположенія стоитъ домъ, что дѣлаетъ невозможнымъ раскопать ходъ, по которому она была прорыта, а равно и точно опредѣлить разстояніе ея отъ сосѣдняго съ нею памятника христіанства на Боспорѣ. Приблизительная глубина, на которой она находится ниже нынѣшняго уровня почвы, можетъ быть опредѣлена въ $3^1/_2$ или 4 сажени. Въ своемъ планѣ (Табл. XII) [2]) она даетъ намъ самый обычный типъ этого рода сооруженій. Центральное пространство представляетъ четырехугольникъ, съуженный къ входу. Оріентирована она съ сѣвера на югъ. Въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ и задней на высотѣ около 1 аршина отъ пола углублены въ толщѣ почвы лежанки. Въ правыхъ боковыхъ стѣнахъ двухъ изъ нихъ, а именно лѣвой (для стоящаго задомъ къ входу) и центральной — устроены небольшія ниши. Назначеніе лежанокъ было, какъ извѣстно, служить мѣстомъ для постановки гробовъ, а въ нишахъ ставились сосуды и лампы. Работа далеко не отличается тщательностью, углы вездѣ не прямые, какъ то видно на прилагаемомъ планѣ, а стѣны и потолокъ не выровнены. Болѣе тщательно отдѣланъ только входъ. Лежанки углублены неравномѣрно. Центральная имѣетъ въ правой сторонѣ около 2 арш. 14 верш. глубины, а съ лѣвой 1 арш. 11 верш.; лѣвая—въ правой сторонѣ 2 арш., а въ лѣвой—1 арш. 10 верш.; правая — около 13 верш. Вышина камеры—около 1 саж. [3]). Потолокъ центральнаго пространства нѣсколько выше, чѣмъ въ лежанкахъ; въ мѣстахъ соединенія онъ не выровненъ настолько, чтобы надъ лежанками образовались карнизы, какъ въ катакомбѣ 491 года, въ которой они настолько широки, что дали мѣсто для надписей. Въ правой лежанкѣ обѣ боковыя стѣны сбиты какимъ-то острымъ

[1]) Въ XVIII томѣ Записокъ Од. Общ. Ист. и Древ. г. *Шкорпилъ* помѣстилъ изслѣдованіе о вновь открытой катакомбѣ съ текстомъ надписей по спискамъ, препровожденнымъ въ Коммиссію. Въ этой почтенной работѣ допущены нѣкоторыя мелкія неточности, на которыя мы укажемъ въ дальнѣйшемъ.

[2]) Планъ и разрѣзы исполнены по моимъ измѣреніямъ А. А. Беренсомъ, которому при этомъ приношу искреннюю благодарность.

[3]) Планъ катакомбы въ статьѣ г. Шкорпила (стр. 187) совершенно не вѣренъ и не даетъ правильнаго представленія объ отношеніи лежанокъ къ центральному пространству.

и широкимъ орудіемъ, причемъ пострадали написанныя на нихъ части текста. Поврежденіе сдѣлано, по всему вѣроятію, въ очень давнее время. Сравнительно новымъ можно признать поврежденіе, сдѣланное въ центральной стѣнѣ той-же правой лежанки. Здѣсь сдѣланъ пробой въ толщѣ составляющей почву глины, черезъ который можно пролѣзть въ сосѣднюю катакомбу, лежащую на той-же глубинѣ и имѣвшую свой ходъ съ другой стороны. Грабитель, достигшій здѣсь своей цѣли, пробовалъ сдѣлать пробой и въ центральной стѣнѣ лѣвой лежанки, но безуспѣшно. Въ результатѣ оказалось лишь поврежденіе надписи въ двухъ мѣстахъ.

Надписи исполнены непосредственно на глинѣ стѣнъ буро-красной краской, совершенно также, какъ и въ катакомбѣ 491 года. Расписаны были ими всѣ стѣны всѣхъ трехъ лежанокъ, т. е. девять площадей, но текстъ уцѣлѣлъ только на семи и лишь отчасти на восьмой. Центральная лежанка, т. е. расположенная противъ входа, разсматривалась, очевидно, тѣмъ, кто расписалъ эту катакомбу, какъ главное мѣсто въ камерѣ. На средней ея площади въ самомъ верху, почти на потолкѣ, нарисованъ небольшой крестъ, а въ обѣ стороны отъ него расположена въ двѣ строки молитва «Трисвятое». Ниже этой молитвы нарисованъ крестъ большихъ размѣровъ (около $7^1/_2$ вершковъ вышины) почти по срединѣ центральной площади, и направо отъ него начинается текстъ 90-го псалма. Первая буква текста, О украшена маленькимъ крестомъ, помѣщеннымъ внутри буквы. Первыя слова псалма написаны болѣе крупными буквами, около 4 верш. вышины; постепенно уменьшаясь, буквы понижаются до 2 вершковъ, и эта высота приблизительно выдержана въ остальномъ текстѣ. Первая строка текста, начавшись внутри центральной площади, продолжается до конца правой стѣны лежанки, вторая строка начинается на лѣвой стѣнѣ лежанки и тянется черезъ всѣ три площади; точно также написаны третья и четвертая строки; пятая заканчивается въ началѣ средней площади, а шестая помѣщена только на лѣвой стѣнѣ лежанки. Всего текста въ центральной лежанкѣ помѣщено пять первыхъ стиховъ 90-го псалма.

Продолженіе текста идетъ въ лѣвой лежанкѣ, на стѣнахъ которой помѣщены стихи отъ 6 до 11-го. Строки идутъ черезъ всѣ три площади, начинаясь на лѣвой. Четыре строки полныя, а пятая заканчивается въ срединѣ средней площади.

Остальной текстъ, отъ 12 до 16 стиха псалма, помѣщенъ былъ въ правой лежанкѣ, гдѣ онъ сохранился на центральной площади, но и тамъ поврежденъ въ серединѣ пробоемъ въ сосѣднюю катакомбу, и лишь отчасти на правой площади. Всѣхъ строкъ здѣсь было шесть и послѣдняя заканчивалась въ серединѣ центральной площади [1]).

Таково расположеніе надписей и ихъ содержаніе. Изъ сказаннаго видно, что въ этой катакомбѣ мы имѣемъ памятникъ вполнѣ аналогичный катакомбѣ 491 года, но много бѣднѣе его по своему содержанію, такъ какъ въ немъ повторена лишь часть того, что дала намъ находка, сдѣланная въ 1890 году.—Переходимъ къ разсмотрѣнію самыхъ текстовъ.

---

[1]) Предположеніе г. Шкорпила (стр. 189), что на поврежденныхъ площадяхъ, быть можетъ, были написаны имена погребенныхъ, или годъ погребенія, противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ на сбитыхъ мѣстахъ, очевидно, были недостающія теперь части текста псалма и ничего болѣе. Замѣчаніе г. Шкорпила о томъ (стр. 191), что совпаденіе раздѣленія псалма по лежанкамъ съ дѣленіемъ на стихи указываетъ на знакомство писавшаго съ этимъ послѣднимъ, мы съ своей стороны вполнѣ принимаемъ.

II.

Тексты надписей, палеографическія замѣчанія, хронологическая датировка памятника.

Въ центральной лежанкѣ въ самомъ верху средней площади на неровномъ грунтѣ выведена буквами, не всегда равной величины и наклоненными то въ правую, то въ лѣвую сторону, молитва «Трисвятое» съ крестомъ, помѣщеннымъ въ серединѣ. Крестъ имѣетъ ту-же форму, что и въ катакомбѣ 491 года.

Ἅγιος ὁ Θ(εὸ)ς, ✝ ἅγιος ἰσχυρὸς,
ἅγιος ἀθά ✝ νατος, ἐλέησον ἡμᾶς.

Текстъ молитвы «Трисвятое» написанъ вполнѣ исправно въ узаконенной постановленіемъ Собора формѣ. Въ грамматическомъ отношеніи письмо безупречно и выдержано гораздо лучше, нежели въ катакомбѣ 491 года. Слѣдуетъ отмѣтить сокращенное написаніе слова Θεός, что и выражено поставленнымъ надъ буквами титломъ въ видѣ горизонтальной черты.

Текстъ псалма приводимъ въ транскрипціи, отсылая читателя къ таблицѣ XIII для точнаго представленія о характерѣ письма и написанія [1]). Раскрытыя титла, обозначены кривыми скобками ( ), слова и буквы, не уцѣлѣвшія вслѣдствіе поврежденія стѣнъ, заключены въ прямыя скобки [ ]. Орѳографія подлинника сохранена въ транскрипціи, равно какъ и не вставлено пропущенное въ оригиналѣ одно слово.

Псаломъ написанъ вполнѣ исправно. Отступленій отъ текста, какъ онъ установленъ въ современныхъ изданіяхъ, очень немного. Такъ, во 2-мъ стихѣ опущенъ союзъ καί, въ 3-мъ—второе лицо мѣстоименія замѣнено первымъ (ῥύσετέ με, вмѣсто σε), въ 4-мъ—измѣненъ падежъ мѣстоименія втораго лица (ἐπισκιάσι σε, вмѣсто σοι), и въ 16-мъ — неправильно поставленъ вин. пад. вмѣсто дат. (δείξω αὐτόν, вмѣсто αὐτῷ) [2]). Къ перечисленнымъ четыремъ неправильностямъ текста можно-бы прибавить также написаніе слова ἀντιλήπτωρ въ формѣ ἀντιλήμπτωρ, какъ написано это слово и въ катакомбѣ 491 года. Но въ языкѣ Новаго Завѣта глаголъ λαμβάνω и производныя отъ него существительныя удерживаютъ букву μ передъ ψ (ἀντίλημψις, πρόσλημψις, λήμψεται и т. д.), какъ на то справедливо указалъ г. Шкорпилъ [3]). Въ настоящее время мы можемъ привести также примѣры такого написанія въ эпиграфическомъ текстѣ II в. по Р. Х. [4]). Такимъ образомъ, это написаніе не есть по-

---

[1]) На табл. XIII воспроизведены по исполненнымъ мною снимкамъ на калькѣ текстъ 11 стиховъ псалма. Вслѣдствіе большой неровности грунта и пробоинъ въ немъ оказалось невозможнымъ сдѣлать такой-же снимокъ съ уцѣлѣвшей части остальнаго текста на стѣнѣ правой лежанки.

[2]) Въ 10 стихѣ псалма г. Шкорпилъ ошибочно прочелъ σκηνῶνατι (стр. 190), въ оригиналѣ стоитъ ясно σκηνώματι.

[3]) о. с. стр. 195.

[4]) Rheinisches Museum, 1892, 3 Heft, стр. 429: τὸ ζῆν ἡδέως λήμψομαι—изъ надписи на зданіи, сооруженномъ послѣдователемъ Эпикура, Діогеномъ, въ малоазіатскомъ городѣ Эноанда.

Центральная лежанка.

Лѣвая площадь.

τοῦ Θ(εο)ῦ τοῦ οὐραν
ὁ Θ(εό)ς μου *) ἐλπιῶ ἐπ' αὐτ
(4) Ἐν τοῖς μεταφρένοι
ἡ ἀλήθια **) αὐτοῦ. (5) Οὐ φ
καὶ ἀπὸ βέλους πετο

*) опущенъ союзъ καί.
**) ἀλήθεια.

Средняя площадь.

(1) Ὁ κατοικῶν ἐ
οῦ αὐλισθήσεται. (2) Ἐρεῖ τῷ Κ(υρί)ῳ ἀντιλήμ
όν. (3) Ὅτι ῥύσετέ *) με **) ἐκ παγίδος θηρ
ς αὐτοῦ ἐπισκιάσι ***) σε ****) καὶ ὑπὸ τὰς πτέρυγας
οβηθήσῃ ἀπὸ φόβου νυκτερι[νοῦ]
μένου ἡμέρας.

*) ῥύσεται,
**) вмѣсто σέ.
***) ἐπισκιάσει
****) вмѣсто σοι.

Правая площадь.

ν βοηθίᾳ *) τοῦ ὑψίστου ἐν σκέ π[η] **)
πτωρ μου εἶ καὶ καταφυγή μου
ευτῶν καὶ ἀπὸ λόγου ταραχώδους.
αὐτοῦ ἐλπιεῖς. Ὅπλῳ κυκλώσι ***) σε

*) βοηθείᾳ.
**) Отъ слога πη уцѣлѣла только первая буква, написанная въ промежуткѣ между центральной и правой лежанками.
***) κυκλώσει.

Лѣвая лежанка.

(6) Ἀπὸ πράγματος ἐν σκ
(7) Πεσῖτε *) ἐκ τοῦ κλίτους σ
κατανοήσις **) καὶ ἀντα
προσελεύσεται πρός [σε]
περὶ σοῦ τοῦ διαφυλάξε ***) σ

*) πεσεῖται
**) κατανοήσεις.
***) διαφυλάξαι

ότι *) διαπορευομένου ἀπὸ συνπτώματος **) καὶ δε
ου χιλιὰς καὶ μυριὰς ἐ[κ] δεξιῶν σου π[ρός σ]ε δὲ ο
πόδοσιν ἁμαρτο[λῶν ***) ὄψει. (9) Ὅτ]ι συ, Κ(ύρι)ε ἡ ἐλπι[ς μου] τὸν ὕ
κακὰ καὶ μάστιξ ο[ὐκ ἐγγιεῖ ε]ν τῷ σκηνώματί σου. (11) Ὅτι
ε ἐν πάσαις ταῖς ὁδοῖς [σο]ῦ.

*) σκότει.
**) συμπτόματος.
***) ἁμαρτωλῶν.

μονίου *) μεσεμβρινοῦ **).
ὐκ ἐνγιεῖ ***). (8) Πλὴν τοῖς ὀφθαλμοῖς σου
ψιστον ἔθου καταψυγήν σου. (10) Οὐ
τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ ἐντελῖτε ****)

*) δαιμονίου.
**) μεσημβρινοῦ.
***) ἐγγιεῖ.
****) ἐντελεῖται.

Правая лежанка.

(12) [Ἐπὶ χειρῶ]
[καὶ βασιλ]
[ἤλπισεν]
[ξεται πρός]
[καὶ δοξά]
[καὶ δείξω]

ν ἄρουσίν σε μήποτε προσκόψῃς πρὸς λίθον τὸν πόδ
ίσκον ἐπιβή[σῃ καὶ κατ]απατήσις *) λέοντα καὶ δράκον
και ῥύσομ[αι αὐτὸν, σκεπ]άσω αὐτὸν, ὅτι ἔγνω τὸ ὄν
με καὶ ἐ[πακούσομαι αὐτοῦ, με]τ' αὐτοῦ εἰμι ἐν θλίψι **). Ἐξ
σω αὐτ[όν. (16) Μακρότητι ἡ]μερῶν ἐνπλήσω ***) αὐτὸ
αὐτὸν ****) τ[ὸ σωτήριόν μου].

*) καταπατήσεις.
**) θλίψει.
***) ἐμπλήσω.
****) αὐτῷ.

α σου. (13) [Ἐπὶ ἀσπίδα]
τα. (14) Ὅτ[ι ἐπ' ἐμὲ]
ομά μ[ου. (15) Κεκρά]
ελ[οῦμαι αὐτὸν]
ν

грѣшность, а вошедшая въ живой языкъ позднѣйшаго времени форма. Всѣ остальныя отмѣченныя подъ текстомъ неисправности относятся къ области орѳографіи и объясняются измѣненіемъ въ самомъ произношеніи гласныхъ и двугласныхъ звуковъ греческаго языка. Таково смѣшеніе двугласнаго ει съ гласнымъ ι (βοηθίᾳ въ 1 стихѣ, ἀλήθια, κυκλώσι и ἐπισκιάσι—въ 4-мъ, σκότι—въ 6-мъ, πεσῖτε—въ 7-мъ, κατανοήσις—въ 8-мъ, ἐντελῖτε—въ 11-мъ, καταπατήσις—въ 13-мъ и θλίψι—въ 15-мъ); далѣе, замѣна двугласнаго αι гласнымъ ε (ῥύσετε—въ 3-мъ стихѣ, δεμονίου—въ 6-мъ, πεσῖτε—въ 7-мъ, ἐντελῖτε и διαφυλάξε—въ 11-мъ). Написаніе буквы η выдержано повсюду правильно, кромѣ одного случая, гдѣ вмѣсто нея явилась буква ε (μεσεμβρινοῦ—въ 6-мъ стихѣ). Точно также правильно выдержано написаніе буквы ω, кромѣ одного случая, гдѣ вмѣсто ω явилось ο (ἁμαρτολῶν). Остается еще отмѣтить колебаніе въ ассимиляціи согласныхъ. На ряду съ написаніемъ ἀγγέλοις въ 11-мъ стихѣ, въ 7-мъ стоитъ ἐνγιεῖ, а также — συνπτώματος въ 6-мъ и ἐνπλήσω — въ 11-мъ.

Перечисленнымъ матеріаломъ исчерпываются всѣ неисправности текста псалма, какъ онъ написанъ во вновь открытой катакомбѣ. По сравненію съ тѣмъ-же текстомъ въ катакомбѣ 491 года, мы имѣемъ здѣсь гораздо болѣе исправное и выдержанное письмо.

Переходимъ къ вопросу о характерѣ письма и формѣ буквенныхъ начертаній. Достаточно одного взгляда на приложенную таблицу, чтобы признать, что писавшій имѣлъ опытную руку и твердый установившійся почеркъ. Самое письмо по своему характеру подходитъ подъ установленный въ палеографіи терминъ унціальнаго. Оно идетъ въ строку безъ отдѣленія словъ и безъ всякихъ знаковъ препинанія. Всѣ слова написаны цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній и лигатуръ. Только по отношенію къ священнымъ словамъ Κύριος и Θεός допущено сокращенное написаніе черезъ первую и послѣднюю букву съ помѣщеніемъ надъ ними каждый разъ титла (Θεός въ молитвѣ «Трисвятое» и во 2 стихѣ псалма, Θεοῦ—въ 1 стихѣ псалма и Κύριος—въ 9-мъ). Въ первомъ словѣ текста псалма и ближайшихъ къ нему буквы нѣсколько больше, затѣмъ онѣ немного уменьшаются и имѣютъ затѣмъ ровный видъ на всемъ протяженіи строкъ. Уменьшеніе и увеличеніе нѣкоторыхъ буквъ въ отдѣльности объясняется не намѣренностью писавшаго, а самыми условіями, въ которыхъ ему приходилось исполнять эту работу. Грунтъ, на которомъ онъ писалъ, не выровненъ, книзу уходитъ нѣсколько вглубь и испещренъ мелкими впадинами и возвышеніями повсюду. Тамъ, гдѣ онъ ровнѣе, болѣе ровный видъ имѣютъ и самыя буквы; а гдѣ неровностей больше, тамъ закругляются и искривляются и самыя буквы. Писавшій осторожно обращался съ краской, и кисть, которою онъ писалъ, не давала вообще затековъ.

Что касается до начертаній отдѣльныхъ буквъ, то въ виду того, что мы имѣли случай подробно разсматривать этотъ вопросъ въ аналогичномъ памятникѣ [1]), мы можемъ ограничиться немногими замѣчаніями.

Первая буква алфавита имѣетъ повсюду свой позднѣйшій видъ A съ выступомъ праваго штриха вверхъ и наклоннымъ положеніемъ поперечнаго штриха. Точно также выступаетъ вверхъ и правый штрихъ четвертой буквы алфавита, которая имѣетъ повсюду такое

---

[1]) o. c. I § 4, стр. 14—16.

начертаніе Δ. Пятая буква алфавита имѣетъ повсюду закругленный видъ Є, точно также какъ и буква σ является вездѣ въ формѣ C. Предыхательная ϑ пишется въ видѣ кружка, перечеркнутаго во всю ширину Θ, но безъ протяженія горизонтальнаго штриха за предѣлы кружка. Плавныя сохраняютъ повсюду обычную форму M N. Въ буквѣ π верхній штрихъ никогда не выходитъ за предѣлы вертикальныхъ штриховъ—П, а въ буквѣ τ горизонтальный штрихъ получаетъ нѣкоторое развитіе: онъ всегда достаточно длиненъ T, а иногда имѣетъ на своихъ обоихъ концахъ спускающіяся книзу черточки, такъ что буква получаетъ приблизительно такой видъ—T. Но эта послѣдняя подробность не есть придатокъ, вошедшій въ самую форму буквы, а можетъ быть объяснена условіями письма, а именно: подающійся грунтъ, кисть и краска. Благодаря этимъ условіямъ и буква ι получала иногда въ верхней своей части какъ-бы небольшой поперечный штрихъ, являясь въ формѣ I. Послѣдняя буква алфавита сохраняетъ свой исконный видъ Y, причемъ писавшій иногда нѣсколько вытягивалъ нижній ея конецъ, а въ другихъ случаяхъ давалъ ему несоотвѣтственно короткую форму сравнительно съ верхними расходящимися штрихами.

Данныя, указанныя относительно формы буквенныхъ начертаній, могутъ служить матеріаломъ для хронологическаго опредѣленія вновь открытаго памятника. Онѣ ведутъ насъ ко времени не позднѣе V вѣка. Эту датировку дѣлаетъ a priori вѣроятной его близкое сосѣдство съ христіанской катакомбой 491 года, отъ которой вновь открытая находится въ разстояніи 2—3 саженей, какъ на то было указано выше.

Закончивъ наши замѣчанія относительно письма, мы должны коснуться того украшенія, которое введено въ текстъ надписей, а именно: крестовъ. Всѣхъ изображеній креста во вновь открытой катакомбѣ четыре. Три изъ нихъ имѣютъ значеніе самостоятельнаго орнамента и нарисованы раньше, нежели написанъ текстъ. Таковъ, во-первыхъ, крестъ въ верхней части средней площади центральной лежанки, по обѣ стороны котораго помѣщена въ двѣ строки молитва «Трисвятое»; во-вторыхъ, большой крестъ, помѣщенный въ началѣ текста псалма на той-же площади, что и первый, и въ-третьихъ, небольшой крестъ, нарисованный на правой площади той-же лежанки вправо отъ ниши на одной съ нею высотѣ. Четвертый крестъ малыхъ размѣровъ нарисованъ въ серединѣ буквы O, начинающей собою текстъ псалма.

Во всѣхъ четырехъ изображеніяхъ крестъ имѣетъ одну и ту-же форму, а именно: три верхніе конца имѣютъ приблизительно равную длину, а нижній — почти въ два раза длиннѣе. Всѣ концы заканчиваются трехугольными расширеніями въ обѣ стороны. Эта форма креста засвидѣтельствована на множествѣ памятниковъ V и VI вѣка по всему христіанскому міру. Мы имѣли случай подробно разбирать вопросъ о крестѣ въ изслѣдованіи о катакомбѣ 491 г. [1]), а потому ограничимся здѣсь указаніемъ на то что крестъ такой формы изображенъ на плафонѣ церкви св. Креста въ Равеннѣ, сооруженной около 449 года, и на мозаикѣ въ Равеннской церкви св. Виталія, сооруженной при имп. Юстиніанѣ [2]). Такимъ образомъ, датировка памятника, которую можно сдѣлать

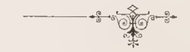
---

[1]) о. с. стр. 17 и сл.

[2]) *Garrucci*, Storia dell'arte Cristiana, tav. 229, 264.

на основаніи данныхъ письма, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ изображеніемъ единственнаго орнамента, какой допустили древніе соорудители этой усыпальницы.

Вновь открытая катакомба имѣетъ несомнѣнно большой историческій интересъ, какъ памятникъ христіанства на Боспорѣ въ V вѣкѣ. Но такъ какъ она не представляетъ никакихъ новыхъ данныхъ сравнительно съ катакомбой 491 года, то на этой сторонѣ дѣла мы не считаемъ нужнымъ останавливаться и позволимъ себѣ сослаться на наше изложеніе въ неоднократно помянутомъ изслѣдованіи [1]), гдѣ мы имѣли случай сопоставить свидѣтельства о христіанствѣ на Боспорѣ въ первые вѣка нашей эры и перечислить найденные на территоріи Керчи немногіе христіанскіе памятники. За четыре года, истекшіе со времени изданія той нашей работы, стали извѣстны, кромѣ издаваемой нынѣ второй христіанской катакомбы, двѣ эпитафіи, опубликованныя академикомъ Латышевымъ въ 17 выпускѣ «Матеріаловъ» Императорской Археологической Коммиссіи [2]).

[1]) o. c. стр. 21—29.

[2]) стр. 61, п. 68. Ἔτους γλψ΄ μηνὶ Δύστρου μνημῖον Εὐσεβίου δ(ι)α(κόν)ο(υ). 733 годъ боспорской эры соотвѣтствуетъ 436-7 по Р. Х.; такимъ образомъ, эта эпитафія есть древнѣйшій *датированный* памятникъ христіанства на Боспорѣ; п. 66, крестъ съ надписью: Ἀβίκα. Что касается до п. 66, надписи съ именемъ имп. Юстиніана, то она принадлежитъ не Керчи, а Тамани (или б. м. Фанагоріи).

ТАБЛИЦЫ.

Объясненіе къ плану горы Митридата (Табл. А).

a—Катакомба Сорака, открытая въ 1890 году.

b—Катакомба съ фресками, открытая въ 1891 году.

c— » » » » 1892 году, издана г. Стасовымъ, см. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1872 г., стр. 235—328, Табл. I—XVI.

d и *e*—Двѣ катакомбы съ фресками, открытыя въ 1873 году, изданы при Отчетѣ Имп. Арх. Ком. за 1874 годъ, стр. 112—118.

f—Катакомба Антестерія, сына Гегезиппа, открытая въ 1877 году, издана при Отчетѣ Имп. Арх. Ком. за 1878—79 годы, стр. 5—10, Табл. I.

g—Катакомба крестообразной формы съ орнаментомъ на стѣнахъ, открытая въ 1891 году, см. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1891 годъ, стр. 62.

h—Катакомбы съ линейнымъ орнаментомъ и варварскими рисунками, исполненными на глинѣ стѣнъ, безъ штукатурки, открытыя въ 1890 году, см. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1890 г., стр. 28.

i—Катакомба съ изображеніемъ корабля на стѣнѣ и линейнымъ орнаментомъ вокругъ лежанки, открытая въ 1894 году.

k—Катакомба на усадьбѣ Гордикова, въ которой былъ найденъ серебряный щитъ съ изображеніемъ имп. Юстиніана, см. «Матеріалы», вып. № 8.

l—Христіанская катакомба 491 года, открытая въ 1891 г., см. «Матеріалы», вып. № 6.

m—Двѣ катакомбы, открытыя въ 1891 году, въ которыхъ найдено нѣсколько желѣзныхъ доспѣховъ и монета имп. Льва (457—473 г.), см. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1891 г., стр. 59—61.

Объясненіе плана и разрѣза катакомбы Сорака (Табл. I).

A—спускъ въ катакомбу.
B—входъ въ нее.
C и *D*—столбы, сложенные изъ штучнаго камня для поддержки свода.
K—стѣнка изъ штучнаго камня, въ верхней части которой продѣлано оконце.
M—боковая камера.
R—*R*—южная стѣна боковой камеры.
N—*N*—южная стѣна центральной камеры.
m—*m*, *p*—нижній ярусъ лежанки.
q—верхній ярусъ лежанки правой стороны центральной камеры.
l и *n*—ниши въ толщѣ стѣнъ.
i—ниша въ лѣвомъ столбѣ.
a—*a*—облицовка штучнымъ камнемъ нижней части спуска въ катакомбу.
b, *c*, *d*, *e*, *f*—*f*, *g*, *h*—площади, на которыхъ сохранилась роспись.

Объясненіе плана и разрѣза катакомбы, открытой въ 1891 году (Табл. VIII).

A—спускъ въ катакомбу.
B—входъ въ нее.
n и *m*—ниши въ толщѣ стѣнъ.
a—*a*, *b*—*b* *c*—*c*, *d*—*d*—стѣны съ сохранившейся росписью.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

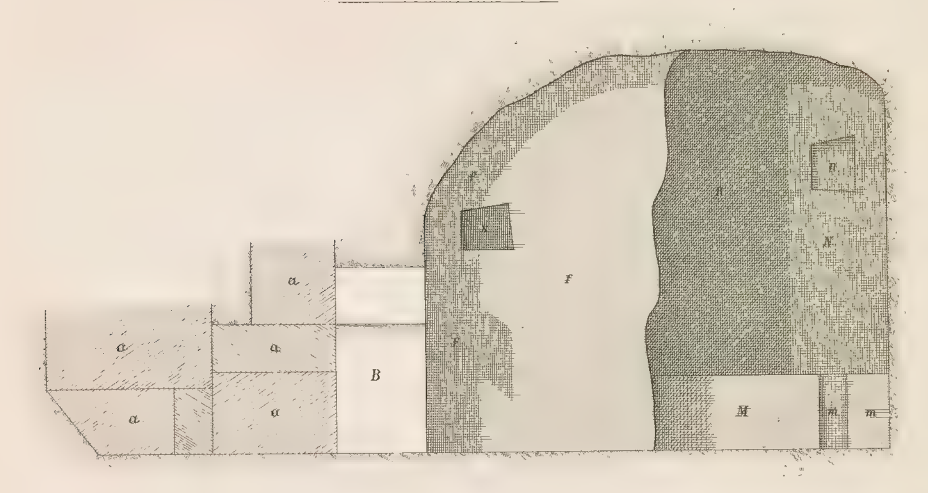
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Лит. К. де Кастелли, В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

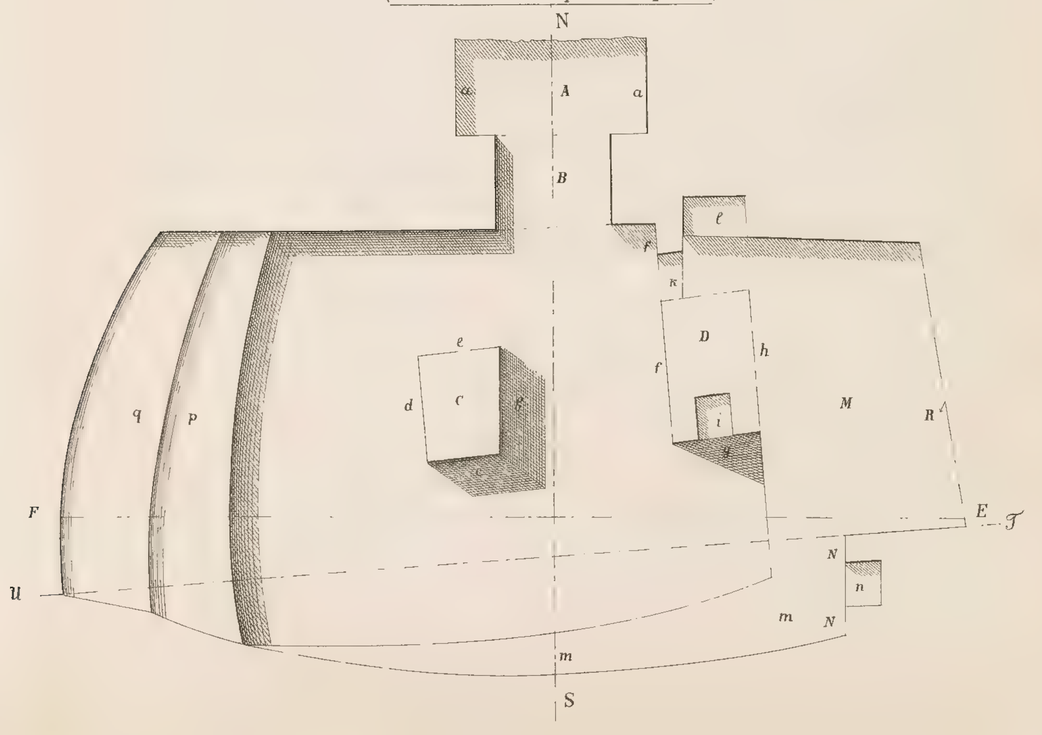
Разрѣзъ катакомбы по лин. NS.

(Восточная сторона)

Планъ катакомбы

(Входъ съ сѣверной стороны).

Масштабъ 1/32 нат вел

3 ар 2 1 0 1 2 саж.

Лит К. де Кастелли В.О. 11 л № 22 С.П.Б.

Лит. К. де Кастелли В. О. 11 л. № 22 С.П.Б.

Видъ Сѣверной половины Катакомбы.

(по линіи Г. И.)

f

Лит К де Кастелли В О. 11 д № 22 С П. Б.

9

c

Лит К. де Кастелли В О. 11 л. № 22 С.П.Б

д

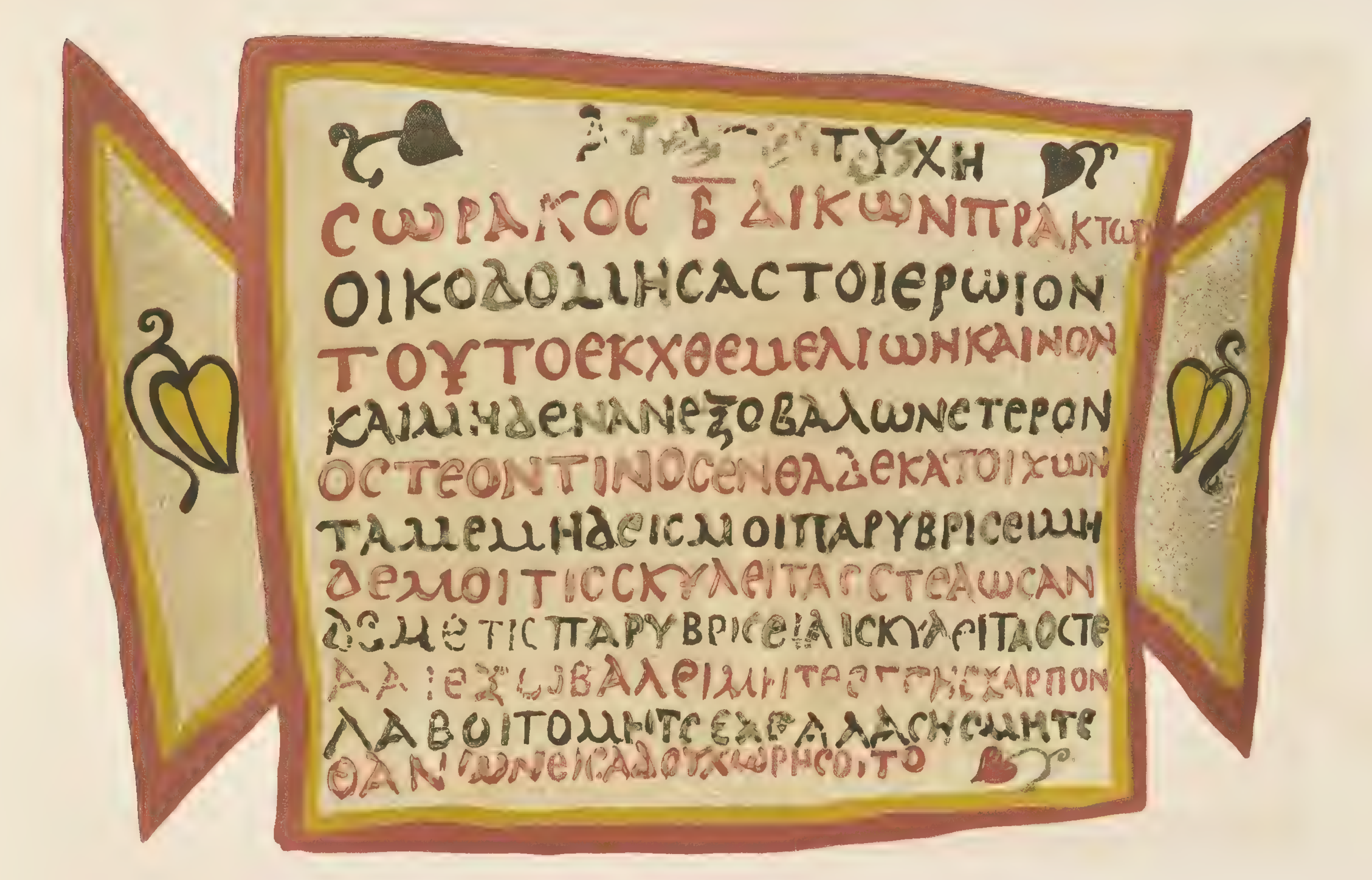

е

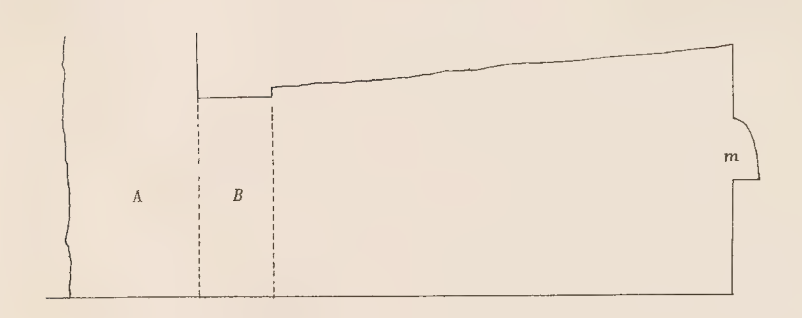
Лит. К. де Кастелли С. П. Б. Вас. О. 11 л. д. 27

Лит. К. де Сангеля В. О. 11 л. № 22 СПб.

ΤΥΧΗ
CΩΡΑΚΟC Β ΔΙΚΩΝ ΠΡΑΚΤΩΡ
ΟΙΚΟΔΟΜΗCΑC ΤΟ ΙΕΡΩΙΟΝ
ΤΟΥΤΟ ΕΚ ΧΘΕΜΕΛΙΩΝ ΚΑΙΝΟΝ
ΚΑΙ ΜΗΔΕΝΑ ΝΕΞΟΒΑΛΩΝ ΕΤΕΡΟΝ
ΟCΤΕΟΝ ΤΙΝΟC ΕΝΘΑΔΕ ΚΑΤΟΙΧΩΝ
ΤΑ ΜΕΜΗΔΕΙC ΜΟΙ ΠΑΡΥΒΡΙCΕΙ ΜΗ
ΔΕ ΜΟΙ ΤΙC CΚΥΛΕΙ ΤΑ ΟCΤΕΑ ΩCΑΝ
ΔΕ ΜΕ ΤΙC ΠΑΡΥΒΡΙCΕΙ Α ΙCΚΥΛΕΙ ΤΑ ΟCΤΕ
ΘΑΝ ΩΝΕΚΑΔΟΥΧΩΡΗCΟΙΤΟ

Разрѣзъ по лин. N.S.

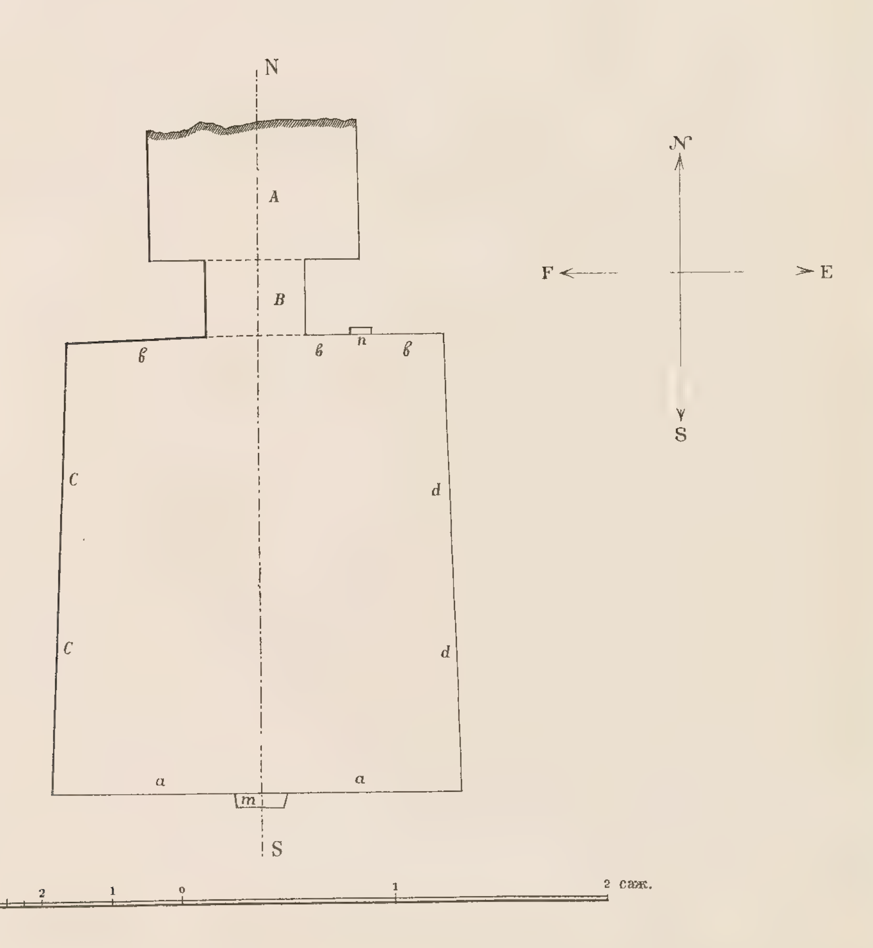
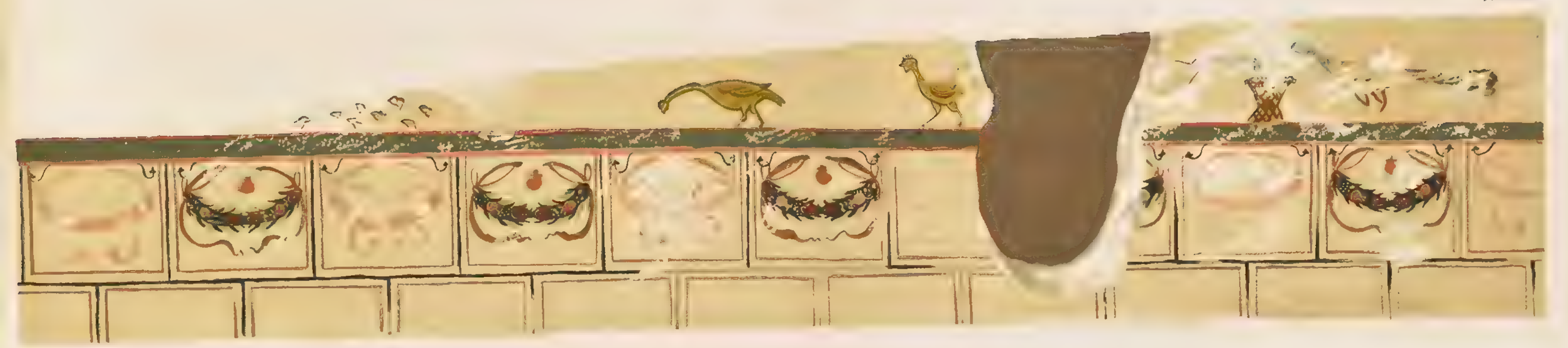

Табл. IX.

д

е

... СПБ.

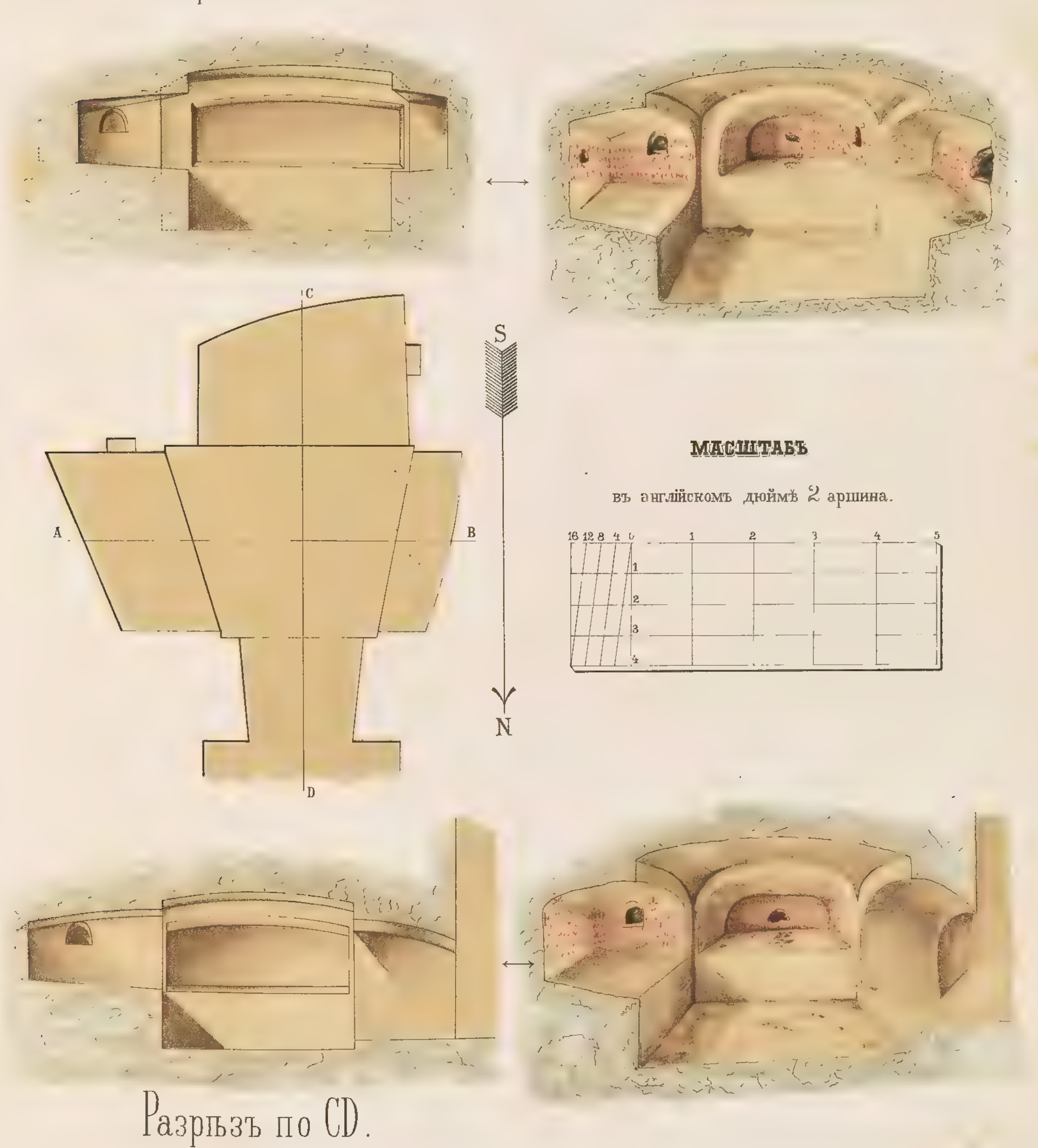

a

Разрѣзъ по CD.

Лит. К. и Кастелли В.О. 11 л. № 22 СПБ

Разрѣзъ по AB.

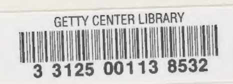

Разрѣзъ по CD.

Лит К. де Кастелли В.О. 11 л № 22 СПБ.

ΤΟΥ ΘΥ ΤΟΥ ΟΥΡΑΝΟΥ ΑΥΛΙΣΘΗΣΕΤΑΙ † Ο ΚΑΤΟΙΚΩΝ ΕΝ ΒΟΗΘΙΑ ΤΟΥ ΥΨΙΣΤΟΥ ΕΝ ΣΚΕ
ΟΘΣ ΜΟΥ ΕΛΠΙΩ ΕΠ ΑΥΤΟΝ ΟΤΙ ΑΥΤΟΣ Ρ[illegible] ΕΡΕΙ ΤΩ ΚΩ ΑΝΤΙΛΗΜΠΤΩΡ ΜΟΥ ΕΙ ΚΑΙ ΚΑΤΑ[illegible]ΗΜΟΥ
ΕΝ ΤΟΙΣ ΜΕΤΑΦΡΕΝΟΙΣ ΑΥΤΟΥ ΕΠΙΣΚΙΑΣΕ[illegible] ΤΕ ΜΕ ΕΚ ΠΑΓΙΔΟΣ ΘΗΡΕΥΤΩΝ ΚΑΙ ΑΠΟ ΛΟΓΟΥ ΤΑΡΑΧΩΔΟΥΣ
Η ΑΛΗΘΙΑ ΑΥΤΟΥ ΟΥ ΦΟΒΗΘΗΣΗ ΑΠΟ ΦΟΒΟΥ ΝΥΚΤΕΡΙ[illegible] ΚΑΙ ΥΠΟ ΤΑΣ ΠΤΕΡΥΓΑΣ ΑΥΤΟΥ ΕΛΠΙΕΙΣ ΟΠ[illegible]Ω ΚΥΚΛΩΣΙ ΣΕ
ΚΑΙ ΑΠΟ ΒΕΛΟΥΣ ΠΕΤ[illegible]ΥΗΜΕΡΑΣ

ΑΠΟ ΠΡΑ[illegible]ΤΟΣ ΕΝ ΣΚΟΤΙ ΔΙΑΠΟΡΕΥΟΜΕΝΟΥ ΑΠΟ ΣΥΜΠΤΩΜΑΤΟΣ ΚΑΙ ΔΑΙΜΟΝΙΟΥ ΜΕΣΗΜ[illegible]ΒΡΙΝΟΥ
ΠΕΣΙΤΕ[illegible]ΤΟΥ ΣΟΥ ΧΙΛΙΑΣ ΚΑΙ ΜΥΡΙΑΣ[illegible]ΙΩΝ ΣΟΥ Ε[illegible]ΛΕΟ[illegible]ΕΓΓΙΕΙ ΠΛΗΝ ΤΟΙΣ ΟΦΘΑΛΜΟΙΣ ΣΟ
ΚΑΤΑΝΟΗΣΕΙΣ ΚΑΙ ΑΝΤΑΠΟΔΟΣΙΝ ΑΜΑΡΤΟ[illegible]ΣΥ ΚΕ Η ΕΛΠ[illegible]ΤΟΝ ΥΨΙΣΤΟΝ ΕΘΟΥ ΚΑΤΑΦΥΓΗΝ ΣΟΥ ΟΥ
ΠΡΟΣΕΛΕΥΣΕΤΑΙ ΠΡΟΣ[illegible]ΠΡΟΣΕ[illegible]ΤΩ ΣΚΗΝΩΜΑΤΙ ΣΟΥ ΟΤΙ ΤΟΙΣ ΑΓΓΕΛΟΙΣ ΑΥΤΟΥ ΕΝΤΕ[illegible]ΤΕ
ΠΕΡΙ ΣΟΥ ΤΟΥ [illegible]ΦΥΛΑΞΕ ΣΕ ΕΝ ΠΑΣΑΙΣ ΤΑΙΣ Ο[illegible]

GETTY CENTER LIBRARY
3 3125 00113 8532

